

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 2 2023

К 150-летию Михаила Михайловича Пришвина

“Динамическое чувство родины, мне думается, вполне соответствует тому, что мы называем рождением человека: всякий человек, рождаясь, движется из темной утробы в новую, бесконечно огромную, наполненную светом страну. Посмотрите только на детей, ожидающих от вас сказки, вдумайтесь в народные сказки, и вы поймете их как путь в небывалое, в страну, где добро всегда преодолевает зло.

“Поэт в душе” находится в постоянном движении к небывалому из темной утробы в страну вечного света. Я это чувство не вычитал и не вывожу как закон, я его просто знаю в себе и догадываюсь, что оно в той или другой степени свойственно каждому человеку, как свойственно каждому выйти на свет из темной утробы”.

(Михаил Пришвин. “Времена года”)

Читайте статьи Максима Васюнова и Александра Балтина, посвящённые юбилею великого русского писателя, на стр. 243, 251.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,

А. В. ВОРОНЦОВ,

Т. В. ДОРОНИНА,

С. Г. КАРА-МУРЗА,

В. Н. КРУПИН,

Ю. М. ЛОЩИЦ,

Д. Н. НИКОЛАЕВ,

Ю. М. ПАВЛОВ,

И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,

З. ПРИЛЕПИН,

Е. С. САВЧЕНКО,

А. Ю. СЕГЕНЬ,

ТИХОН (ШЕВКУНОВ)
митрополит Псковский
и Порховский,

А. Ю. УБОГИЙ,

Р. М. ХАРИС,

М. А. ЧВАНОВ,

С. А. ШАРГУНОВ,

В. А. ШТЫРОВ

Поэзия

Вячеслав КУПРИЯНОВ
Волшебные птицы играют
с дождём... 3

Евгений СТЕПАНОВ
Отсрочка от пропасти 69

Александр НЕСТРУГИН
...До времени гроз 112

Григорий ВИХРОВ
В полыхающем сне... 166

Проза

Александр СЕГЕНЬ
Волшебный фонарь. Роман 6

Михаил ЧВАНОВ
Серебристые облака.
Повесть-реквием 72

Камиль ЗИГАНШИН
Возращение россомахи.
Повесть 115

Очерк и публицистика

Валерий БАДОВ
“Индийское лето” в Вайоминге
и событие 08.08.08..... 169

Александр ПРОХАНОВ
Донбасский период русской
истории 176

Александр СМЫШЛЯЕВ
Позывной “Камчатка” 195

Вячеслав ВЫСОЦКИЙ
Своих не бросают..... 207

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 228

Критика

Максим ВАСЮНОВ
Собрать человека..... 243

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
*генеральный директор,
отдел публицистики* —
(495) 625-01-81

К. К. Сейдаметова —
*первый заместитель
главного редактора,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

А. Н. Тимофеев —
*редактор отдела
критики* —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Александр БАЛТИН
Движение к солнцу 251

Встречи с читателями

Алина ОСОКИНА
Грустно на этом свете.
Рассказы 255

Анна ХАРЛАНОВА
Лоскутки 269

Ахмедхан ЗИРИХГЕРАН
Туманное вдохновение.
Рассказ 271

Илья КАРАМЫШЕВ
Только не говори. Рассказы 276

Мир Леонова

Виктор ЗДОЛЬНИКОВ
Ф. М. Достоевский
и Л. М. Леонов
в контексте традиции 282

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 02.02.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 0430-2023. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 117342, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 с1.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

ВОЛШЕБНЫЕ ПТИЦЫ ИГРАЮТ С ДОЖДЁМ...

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Что может быть неожиданнее заблуждения,
Когда вдруг теряешься в самом заурядном,
Привычная улица к твоему ведущая дому
Вдруг уводит к невиданному синему морю
И такое же невиданное синее небо над головой
И с неба кричит необыкновенное солнце — ты
Потерялся, и эти деревья тебя вовсе не ищут,
Они уводят тебя всё дальше от своих корней,
Ты уже закружился вместе с незримыми птицами,
Их странное пение завораживает и лишает тебя
Собственного голоса, ибо его всё равно никто не слышит,
И ты вдруг радуешься, что ты заблудился, что
Никто не ищет и не зовёт тебя, ибо это твоё
Заблуждение никому не доступно, кроме тебя,
И ты ощущаешь, что идёшь именно по своему кругу,
Что ты заблудился так же, как эта
Земля, блуждающая среди таких же
Далёких звёзд и ставших вдруг такими
Доступными, близкими и родными.

КУПРИЯНОВ Вячеслав Глебович родился в 1939 году в Новосибирске. Поэт, прозаик, переводчик, теоретик русского свободного стиха, лауреат многих зарубежных и отечественных литературных премий, в том числе премии фестиваля поэзии в Гоннезе (Италия), Европейской литературной премии (Югославия), Бунинской премии, премии “Европейский атлас поэзии” (Сербия) и других. Его поэтические произведения переведены на более чем пятьдесят языков мира. Живёт в Москве.

ЧАСТЬ СУШИ

Часть суши
Возможно, шестая часть суши
Считает себя основной и единственной частью суши.
Возможно, суша сама по себе
Не обращает внимания на свои части
Потому они беспрепятственно
Омываются морями и океанами,
Где до сих пор владевают пираты
И рассеянные океаны
Вовсе не озабочены тем
Высыхают или не высыхают
Близкие или далёкие от них моря
И никто не хочет знать
Мечтает ли Белое море о Чёрном
И знают ли звёзды
Входящие в состав созвездий
Что именно они образуют созвездия

ВОЛШЕБНЫЕ ПТИЦЫ

волшебные птицы
играют с дождём

одни как принцессы на горошине
вертятся на летящих каплях

другие словно на провод
пытаются сесть
на косую линию дождя

есть и такие
которые сломя голову
сигают в проёмы молний
и проникают
за небесную твердь

эти самые учёные
дождь им напоминает
клетку

* * *

Кажется, всё для народа. Но
На всём написано: “Продано!”

Было в начале Слово. Но
Уже и слово своровано.

Слово сказано Бога ради. Но
Безбожниками украдено.

Противилось Слово долго. Но
Лжецами оно оболгано.

Сияла же в Слове Истина!
Но и она похищена.

ЛЮДИ В СКОПЛЕНИИ

Смущают люди
Вставшие на твоём пути
Или идущие медленнее
Нежели ты, они мешают тебе
Спешить к своей цели, пугают
И те, кто тебя обгоняет, но
Ещё более озадачивают те,
Чьи застывшие лица тебя окружают
Скажем, в вагоне метро, где давно
Уже не встретишь ни одного знакомого
И редко кто незнакомый к себе
Привлечёт внимание. Иногда
Восхищают редкие юные лица,
Склонённые над книгой, умиляют
Те, кто ещё уступает место старшим, это
Чаще всего приезжие мусульмане, у них
Сохранилось ещё уважение к предкам,
Но уже не смущают многочисленные те,
Нависшие над своими мобильниками,
Мобилизованное самоедством большинство,
Что они находят в бездне
Своих микроскопов или телескопов,
Это их одомашненная Вселенная,
Что за бездна глядит им навстречу,
Вирусы, инфузории, спирохеты
Или иные планеты, галактики, солнца,
Вокруг которых вращается
Их пронзительный синий, серый, карий,
Отрешённый от внешнего мира зрачок?

ВРЕМЕННЫЕ РАДОСТИ

Наступает
весна человечества:
все хотят
снова по зелёной травке
никто не хочет
пахать и сеять.

Наступает
утро человечества:
все хотят
получать любовные письма
никто не хочет
разносить почту.

Наступает вечность:
все кричат —
остановись,
мгновенье!

Никто не хочет
тратить
своё время.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

РОМАН

Глава седьмая СОВЕТСКИЙ ЦИРК

— “Люблю грозу в начале мая!” — развёл руками и хлопнул ими себя по бокам Александр после того, как жена сообщила ему, что позвонили из Кремля и попросили приехать, сейчас пришлют машину, причём только для неё, без мужа.

— Я могу и не поехать. Запросто! — ответила Любовь Петровна, уже начиная делать мейкап, как Григорий Александрович на американский манер называл макияж.

— А что остаётся? — вздохнул муж, расхаживая по комнате их просторной квартиры на Большой Никитской. — Если бы позвонил герр Франц или этот старый селадон, я бы, конечно, костыми лёг.

— А тут, стало быть, пасуете, Гришенька, — засмеялась жена, быстро и умело превращая слегка помятое лицо в гладкое и свежее.

— Против танка с копьём не попрёшь, — снова хлопнул себя по бокам муж.

— Что это вы хлопаете крыльями, будто пингвин? — усмехнулась Орлова.

— Как вы говорите, называется этот абрис накрашивания губ? Сексапил номер пять? — спросил Александров, изображая сердитость.

— Сексапил номер четыре, средней припухлости, — невозмутимо ответила жена.

— Надо будет обязательно использовать в каком-нибудь фильме. — Он до сих пор после Америки говорил не “фильм”, а “филм”. — И, кстати, я выяснил, почему вы отдаёте предпочтение этому бренду помады от Хейзел Бишоп, — она устойчива к поцелуям.

— Вы мой смешной и милый малыш. — Орлова послала ему воздушный поцелуй. — Я рада, что вы ревнуете, меня это дразнит. Но ещё раз смею вас уверить, между нами чистая и непорочная дружба. Мы просто собеседники. Вот если вы когда-нибудь перейдёте грань ваших мимолётных отношений с разными там субретками, тогда держитесь! Ну, как я вам?

— Хороша чертовка! — смиряясь со своей участью, восторженно воскликнул Григорий Васильевич.

— Не похожа на какую-нибудь там Гретку или Марленку?

— Только на Любовь Орлову!

— То-то же. Не скучайте, Гришенька, и помните, что я вас люблю. А ну-ка, проверим помаду. — Она поцеловала его в губы и глянула в зеркало: — Да, и впрямь держится.

— А то вы не знали! Ладно уж, валите к своему интерлокьютеру.

— Это что ещё за абракадабра?

— Ну, к собеседнику.

Вскоре сталинский “Паккард Твелв” с неизменным Палосичем за рулём вёз артистку из Большой Никитской в сторону Кремля. Настроение у Любови Петровны — лучше некуда, доброе предчувствие владело ею, благоуханный майский вечер, который вопреки цитате из Тютчева, не грозил грозой, наполнял сердце радостью весны, рано пришедшей в этом году. Она предвкушала новую, пятую по счёту, встречу с человеком, который её откровенно симпатизировал, склонял, но не навязчиво, не грубо, а вполне деликатно. И за то она невольнo испытывала к нему благодарность, несмотря на то, что именно он отдал шесть лет назад приказ арестовать её первого мужа, и с тех пор она ничего о своём Берзине не знала.

Но сейчас она не думала о первом муже, перебирая в памяти предыдущие четыре встречи, насколько все они были в разных вариантах волнующими.

Всё началось с празднования пятидесятилетия советского кино, когда, всем сестрам по серьгам, высыпались на киношников награды. И, как бывает, когда поп освящает толпу святой водой, и все хотят, чтобы до них долетело, так и на Любовь Петровну капнула хорошая капля в виде звания заслуженной артистки, что в её тридцать три было совсем недурно, давало привилегии и льготы. А Григорий Васильевич получил тогда не только заслуженного работника искусств, кое звание словоблудцы уже давно успели сократить и превратить в “засрабис”, но и орден Красной Звезды, что выглядело странным, ведь Александров не военный, но в те годы эту награду иногда присуждали и штатским, а Калинин, вручая, сказал:

— За храбрость и смелость в борьбе с трудностями кинокомедии.

Праздновали всю последнюю неделю января, толпы знакомых приходили поздравить чету, прославленную “Весёлыми ребятами”, и Любовь Петровна легко различала, кто поздравлял искренне, а кто — с червоточинкой, ведь если настоящий друг познаётся в беде, то самый настоящий — который умеет искренне порадоваться твоим успехам. Звонки в только что полученной квартире на Большой Никитской звенели, как комары в летний вечер, и Александров уже отказывался подходить к телефону, раздражённо припоминая знаменитую фразу Анатоля Франса, которому как-то объясняли, что такое телефон: звонит звонок, вы идёте, снимаете трубку... А писатель в ответ: “Звонит звонок, и я иду? Как лакей!” И вот эту лакейскую функцию взяла на себя Любовь Петровна. Подойдя в очередной раз, она услышала в трубке, что сейчас с ней будет разговаривать Сталин. Подумала, может, послышалось и сказали: “Свердлин?” Лёва дружил с ними, и Александров обещал ему роль в следующей картине. Но оказалось, и впрямь Сталин, поздравил с успехами, она бормотала ответные благодарности, а он сказал:

— Плохо, что мы с вами до сих пор не знакомы. Надо бы это исправить. До свидания.

Мало ли, кто говорит “до свидания”, прощаясь по телефону; немцы, вон, вообще в таких случаях соблюдают свою германскую дотошность: “до нового услышания”, вместо “ауфидерзейн” — “ауфвидерхёрен”. Но почему-то ей в сталинском прощании услышалось что-то типа “до скорого свидания”. О сталинском звонке она сообщила мужу, только когда все гости ушли.

— Отчего же вы меня не позвали к ресиверу, любезнейшая? — возмутился Григорий Васильевич, имея в виду телефонную трубку.

— Не барское дело со Сталиными разговаривать, приходится нам, лакеям, отдуваться, — звонко, будто пощёчиной, ответила она. А он за год советской жизни уже научился иной раз её побаиваться.

Прошёл февраль, пролетел стаей ярких птиц первый Советский кинофестиваль, после чего пригласили в Кремль на торжественный приём, который проводили Сталин, Молотов, Калинин, Каганович, Микоян и Шумяцкий. Короткая речь Сталина была, как колонна ионического стиля, — прямой и без завитушек, зато непьющий Шумяцкий говорил долго и витиевато, как подзагулявший Хлестаков. Александров не выдержал и ляпнул:

— От иных речей аппетит разгорается острее, чем от прогулок на свежем воздухе.

Сидевший рядом Мачерет, бывшей синеблузвец, некогда друживший с покойной женой Сталина, укоризненно покачал головой, и Любовь Петровна толкнула мужа локтем, на что тот заморгал:

— А что я такого сказал?

— Дело не столько в смысле, сколько в интерпретации, — прошептала она ему в ухо.

— Цитатка из речей старого селадона, — поморщился Григорий Васильевич. Старым селадонам он величал Немировича-Данченко, который чьим только любовником не был, включая, как утверждали злые языки, и Любовь Петровну.

После Шумяцкого коротко, как бы нехотя, высказался Эйзенштейн от лица, так скрыть, жюри фестиваля, которое он имел честь, так скрыть, возглавлять. Наконец, после речей выпустили тосты, естественно повлёкшие за собой выпивку и закуску. Чувствуя на щеках горячие поцелуи шампанского, Любовь Петровна уже стреляла ненавидящими стрелами в сторону сидящих напротив деятелей, ещё недавно поливавших помоями “Весёлых ребят”, и думала: эх, жаль, что ей не дадут выступить, а то бы она всё им сказала, а Сталина бы поблагодарила за поддержку.

— Хотелось бы услышать артистку Орлову, — вдруг долетело до неё из уст Сталина. Она испугалась, сжалась, в висках заколотило болью, и что же? Бросить им, гадам, в их наглые морды? Поднялась с бокалом шампань-флют из синего хрустала, наполненным до краёв, и произнесла:

— Давайте выпьем за дальнейшие успехи советского кино. И чтобы картин у нас снималось как можно больше.

Тотчас поняла, что Сталин ждал от неё более яркого выступления, хотела что-то добавить эдакое, но он усмехнулся:

— А Ленин говорил, что лучше меньше, да лучше.

И все вокруг ехидно захихикали, особенно сидящие напротив ненавистники, включая Эйзенштейна. Повисла тишина, Сталин не спешил поднимать бокал, с явным разочарованием глядя на актрису. Это её ковырнуло, и она смело выпалила:

— Лучше меньше, да лучше? Это, знаете ли, лозунг двадцатых годов, когда мы ещё были нищие. А сейчас надо и больше, и лучше! — И она стала подносить бокал ко рту. Тут все вдруг резко встали, потому что увидели, как Сталин сам встал и осушил свой бокал единым махом. Он не улыбался, но смотрел на Орлову с удовольствием, мол, вот это хорошо сказано!

— Товарищ Орлова права, — произнёс он, ставя свой бокал, но не сядясь. — То, что годилось вчера, сегодня не подходит. Мы, советские люди, максималисты, нам теперь грех довольствоваться малым, нам подавай больше. И — лучше!

И все загомонили, теперь уже глядя на Орлову как на победительницу, даже Эйзенштейн снисходительно усмехнулся, а муж одобрительно подмигнул. Сиди да радуйся дальше, но от волнения голову пленил спазм, заломило в висках до тошноты, и, посидев ещё немного ради приличия, она сообщила мужу, что уходит из-за мигрени, но просит его не провожать её. Он с беспокойством во взгляде отпустил, она вышла, спросила, куда идти, чтобы выйти вообще из Кремля, ей ответили, она пошла, но крепкий и коренастый военный, о котором она лишь потом узнает, что это начальник сталинской охраны Власик, догнал:

— Товарищ Орлова, разрешите мне вас проводить? С вами хотят погово-

— Кто? — еле шевельнула она губами от боли в висках. — Если Шумяцкий, то попросите его...

— Сейчас вы всё узнаете, товарищ Орлова. Пойдёмте, это недалеко, — ответил Власик, понижая голос, и повёл её куда-то не очень-то и близко, несколько раз они сворачивали из одного коридора в другой, покуда, наконец, не очутились в небольшой комнате, и она, осторожно усевшись в одно из трёх кресел, окружавших столик, уставилась в стоявшую на столике большую чугунную пепельницу в виде кленового листа, изумительно выполненного во всех подробностях и прожилках. Она даже взяла его в руки, чтобы рассмотреть, а может, чтобы передать чугунному листу свою боль. Охранник удалился, и она сидела минут пятнадцать одна, прежде чем дверь открылась, и в комнату вошёл не Шумяцкий, а сам Сталин в своём белом кителе. Она вскочила, едва не выронив тяжёлый чугун, но поставила пепельницу на столик и почувствовала, что голова сейчас лопнет.

— Давайте присядем, Любовь Петровна, — ласково произнёс Сталин. — В ногах, как известно, правды нет. Правда вся в головах.

Они сели, и она подумала: какая-то злая правда у меня в голове, что так сильно болит! Он достал трубку и начал набивать её табаком из кисета, неспешно раскуривать. Ещё и табачный дым, час от часу не легче!

— Спасибо вам, товарищ Сталин, за всё, что вы для нас сделали! — произнесла она, терзаемая мигренью. — Если бы не вы, “Весёлых ребят” похоронили бы заживо.

Она заметила, что и он смущён. Так она нравится ему, вот в чём дело! Он пускал душистый, но невыносимый для некурящего человека дым, заговорил казённо:

— Любовь Петровна, ваш сегодняшний тост я расцениваю как чрезвычайно важное и ответственное заявление. Я тоже думаю, что нам пора производить как можно больше картин. И хороших. — Тут он, наконец, расслабился и улыбнулся: — Может, нам с товарищами стоит посоветоваться и назначить вас начальником Главного управления кинопромышленности? Вместо Шумяцкого.

— Ну, что вы, Борис Захарович такой деятельный!

— Деятельный. Но не решительный. Суетливый. А вот вы смелая и решительная. Что скажете?

Она понимала, что он с ней заигрывает, и этому надо сразу положить предел, а в таких случаях женщине лучше всего талдычить о любви к своему мужу.

— Хорошая жена, товарищ Сталин, просто живёт со своим мужем и любит его, а не стремится им помыкать. Так и мне больше хочется сниматься в кино, чем руководить им.

— Руководить тяжело. — Он выпустил большой клуб дыма и утратил игривость. — Я пошутил. Считаю непростительной расточительностью запирать такую чудесную актрису в кабинете и заваливать скучными делами. Но задатки хорошего руководителя в вас проглядываются. Верно чувствуете момент и умеете смело это выразить. Шумяцкому стоило бы у вас поучиться.

Вот на этом хорошо бы и закончить. Но Сталину явно не хотелось расставаться с маленькой и хорошенькой женщиной; боль, как водится, облагородила её лицо, он вглядывался в неё, как во что-то родное и знакомое, и Орлову вдруг осенила страшная догадка: ведь несчастная Надежда Аллилуева тоже страдала сильнейшими головными болями, это все знали, и даже ходили слухи, что она застрелилась, не выдержав мук.

— Как вам понравился прошедший кинофестиваль? — спросил Сталин.

— Хороший. — выдохнула Любовь Петровна.

— Хороший? Вы это сказали с таким оттенком, что совсем даже нехороший. Будьте добры, поподробнее. Только давайте навсегда договоримся, что мне вы всё будете говорить смело и начистоту. Так же, как сегодня смело ответили про лучше больше, да лучше.

И вдруг от этих его слов ей стало немного легче, как будто открылся клапан, и сквозь него уже тихонько стала выходить та злая правда, наполнявшая голову болью.

— Ну, например, — заговорила она, смеясь, — почему приз дали “Последнему миллиардеру”? Я не считаю эту картину лучшей. Например, “Песня рыбака” китайская превосходит её.

— А действительно, почему?

— Ну, вы же знаете, кто у нас в кино царь и бог? Тот, кто сидел во главе жюри.

— Обижены на Эйзенштейна?

— Да, обижена. Ведь это именно он, а не кто другой, организовал травлю “Весёлых ребят”. Всё никак не может простить доброму Григорию Васильевичу, что он, как беглый раб, бросил своего господина. А главное, не может простить, что картина получилась искромётная, и беглый раб способен делать что-то стоящее вполне самостоятельно. И потом этот человек, который постоянно меняет кожу, написал зубодриблировку, хотя по некоторым признакам Григорий Васильевич догадался, кто истинный автор статьи в “Литературке”.

— Эйзенштейн?

— Я это имя не произнесла, но вы можете догадаться.

— А давайте, вы всё будете произносить. Вон, у вас от смелости уже румянец на щёчках заиграл.

Орлова и впрямь чувствовала себе получше, даже табачный дым не так угнетал.

— А ведь и впрямь, — сказала она, — все наши беды и болезни от того, что мы всё таим в себе, не решаемся обижать даже своих обидчиков. Дурно понятое христианство. Ведь Христос решительно изгонял торгующих из храма, и когда женщину побивали камнями, встал за неё грудью, а другой бы решил: у них своя правда, пусть как будет, так и будет, защищу её — обижу их.

— А номинально автор статьи Бруно Ясенский? Автор книги “Человек меняет кожу”? Так и называйте имена своими именами, — приказал Сталин.

— Добрый Григорий Васильевич хлопотал перед Горьким, чтобы этому Брунке дали квартиру в писательском доме, и вот вам чёрная неблагодарность. Платон мне друг, а истина важнее? Да пошёл ты с такой истиной куда подальше! Мы его с тех пор Холеро-Ясенским называем.

— А ещё, я слышал, Эйзенштейн на каждом шагу говорил, что он привёз из Америки десять чемоданов книг, а Александров — десять чемоданов барахла.

— Враньё! — возмутилась Любовь Петровна. — Десять чемоданов говна Эйзенштейн привёз из Америки, и повсюду своё говно распространяет! Ой... — Орлова в ужасе закрыла рот ладонью. Но Сталин, услышав последнюю тираду, так и расхохотался.

— Отлично, Любовь Петровна! Так и надо крыть! Хотите, научу, как “говно” по-грузински? Шато.

— Шато? Нет, говно как-то обиднее, — робко ответила она. — Шато — это загородный дом во Франции, ихняя дача. Так вот, я и говорю, спасибо вам, Иосиф Виссарионович, что спасли “Весёлых ребят” от расправы всех этих гончих псов.

— Так, стало быть, Эйзенштейн фестивалем крутил-вертел? Но ведь, кроме “Миллиардера”, получили призы и достойные картины — “Чапаев”, “Юность Максима”. А как бы вы распределили призы?

— Я? Очень просто. — Орловой становилось всё легче и легче. — Главный приз — “Чапаеву”, второй — “Максиму”, третий за лучшую комедию — “Весёлым ребятам”, а за лучший мультфильм — Александру Птушко: какая блистательная работа с куклами! Нам звонил Чаплин, он много раз пересмотрел “Нового Гулливера”.

— Я тоже считаю этот мультфильм лучше диснеевских. Мне его этот мышьяк кажется отвратительным.

— У Диснея много других хороших тунсов, но Птушко совершил прорыв.

— Тунсов?

— Так американцы называют мультфильмы. Григорий Васильевич тоже так выражается.

— Я гляжу, у вас Григорий Васильевич с уст не сходит. Влюблённая парочка! Любите мужа?

— Очень, товарищ Сталин. Он добрый. И доверчивый, как дитя. Мне иной раз кажется, он — мой сын, и его надо опекать.

Словно зубная боль пробежала по лицу Сталина.

— Говорят, у него был роман с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо? Как теперь? Не допекают американки, немки, голландки, швейцарки, англичанки?

— Это всё в прошлом, товарищ Сталин.

— Ну, ладно. Так вот, фестиваль, говорите... Но если бы мы все призы отдали своим, зачем мы звали иностранцев? — сказал он сердито. — Они и без того вой подняли, что им мало досталось.

— А я считаю, призы и награды давать надо не по соображениям политкорректности, а по существу. Кто лучше, тот и получи!

— Так может, и вовсе не звать буржуев, а своих сами награждать будем?

— Нет, в цирке без клоунов скучно, — засмеялась Орлова впервые за весь вечер. — Да и у них немало картин хороших.

— Ну, что ж, ладно. — Сталин докурил трубку и встал. — Возвращайтесь к своему доброму Григорию Васильевичу. Но обещайте, что иногда будете беседовать со мной. Вы очень интересный собеседник.

— Ладно, — засмеялась Любовь Петровна, он пожал ей руку и ушёл. Она присела ещё немного, вновь разглядывая чугунную пепельницу, которая хранила пепел сталинской трубки и теперь почему-то казалась ей живым листом, а головная боль почти совсем прошла. Может быть, Надежде Аллилуевой стоило тоже откровенно и смело разговаривать с мужем? И не случилось бы несчастья. Любовь Петровна вернулась в зал, где продолжалось пиршество, и сообщила мужу, что ей лучше. Поглядывая на Сталина, она видела, что тот в превосходном расположении духа тоже поглядывает на неё. Потом он встал и пошёл вдоль столов, чтобы на прощание чокнуться со всеми и что-то сказать чуть ли не каждому. К Орловой и Александрову приблизился с игривым выражением, похожий на шкодливого кота, и сказал:

— Ждём от вас новой фильмы, товарищи весёлые ребята.

— Будем стараться, товарищ Сталин, — ответил Григорий Васильевич.

— Он вас не обижает? — спросил шкодливый кот Орлову.

— Да нет, что вы! — от неожиданности покраснела Любовь Петровна.

— Учтите, если будет обижать, мы его повесим.

— Как это? За что? — возмущённо воскликнула актриса.

— За шею, — игриво сказал усатый и большим пальцем правой руки изобразил, как вокруг шеи обвивается петля. — Так что смотрите. — И он двинулся дальше.

Когда приехали домой на Большую Никитскую, Любовь Петровна подробно пересказала свою беседу со Сталиным. Григорий Васильевич недоумевал, почему Хозяин выбрал в собеседницы её, а не его, даже взревновал, но получил своей ревности полный отпор:

— Будете обижать, мы вас повесим, — молвила Любовь Петровна, изображая лёгкий сталинский акцент.

Прошло совсем немного времени, и ей снова позвонили из Кремля: не возражает ли она побеседовать с товарищем Сталиным.

— Подождите, я должна спросить разрешения у мужа, — ответила она строго, получила недовольное, но безвольное дозволение и через час вновь села в супермощный бронированный лимузин, преодолевая внезапно нахлынувшую мигрень, а водитель Павел Осипович повёз её в Вольнское на Ближнюю дачу. Там Власик препроводил её в кабинет Хозяина, довольно просторный; у двух высоких окон — большой письменный стол, у другой стены — диван, на котором при гжучем желании и двое уместятся, посреди кабинета — круглый стол в окружении четырёх полукресел. Сталин снова встречал её в белом кителе, протянул руку и, когда она ответила на рукопожатие, вдруг притянул к себе и обнял. Это оказалось так неожиданно и трогательно, что она, чувствуя, как мигрень стремительно уходит, расплакалась. От его кителя приятно пахло табаком и тройным одеколоном, в те времена

ничем не уступающим знаменитой кёльнской воде. Он ласково погладил её по голове и, смущаясь, усадил за стол:

— Сейчас будем чай пить. Как жизнь молодая? Здоров ли Григорий Васильевич? Он знает о нашем свидании?

— У нас нет никаких тайн друг от друга, Иосиф Виссарионович, — успокаиваясь, ответила Любовь Петровна.

— Он ведь моложе вас?

— Всего на год.

— Мальчишка! А вы на экране выглядите высокой.

— А на деле коротышка.

— Если не секрет?

— Метр пятьдесят восемь.

— Я сам невысокий и всегда невольно интересуюсь ростом других людей. — Сталин набил трубку, раскурил её, причём спичку зажгёт не как положено, а чиркнув о каблук сапога. Конечно же, нарочно, чтоб по-мальчишески позабавить гостью. — А правда ли, что ваши предки от того самого Григория Орлова, фаворита Екатерины-императрицы?

— Мифология. Но я поклялась быть честной: и отец мой, и мама — из старинных дворянских родов. Отец из тех самых Орловых. Мать — Сухотина, и мы в свойственных отношениях с Толстыми, мамин дядя — муж Татьяны Львовны Толстой.

— Которая сбежала во Францию. И вы лично общались со Львом Толстым?

— Нет, но у нас есть книжка, подписанная лично мне.

— И Шаляпин у вас бывал?

— Бывал. Он теперь тоже в эмиграции.

— И предрекал вам будущее великой актрисы?

— Да так, в шутку. Я редиску играла в детском спектакле “Грибной переполох”, хорошенькая была, вот он и чудил. Зато я с детства и потом в Московской консерватории освоила фортепьяно, оно привело меня в кино и не дало умереть с голодухи в двадцатые годы: играла в синематографах — “Унион”, “Арс”, “Орфеум”, “Великий немой”. Да вы, я уже гляжу, всё про меня изучили, Иосиф Виссарионович.

— Попали в театр к Немировичу-Данченко, а там вас и зацепил этот счастливец Александров.

— Ещё у меня был муж до него, работал в Наркомате земледелия в административно-финансовом управлении.

— Берзин Антон Гаспарович, латыш из Рижского уезда. Арестован в тридцатом?

— Да, по делу о Трудовой крестьянской партии. Как видите, мне нечего от вас скрывать.

— А австриец?

— Франц? Хороший человек. Импрессарио.

— Не шпион?

— Нет, что вы! Но мы с ним недолго. Я вообще не могла бы жить с иностранцем. У нас с ними разный юмор, а без понимания юмористических ситуаций в совместной жизни скучно.

Власик сам принёс чай, оставил на столе, удалился. Сталин взял графин с коньяком, плеснул в чай себе и, не спросив, ей, добавил сахару, размешал, подал:

— Чай, как человек, хорош, пока не остыл.

Стали попивать чай. Некоторое время молчали, покуда он снова не заговорил:

— Как вам нравится моя Ближняя дача?

— Очень хорошая. Но, если честно, видно, что здесь живёт холостяк и очень занятой человек. Суховато. Нет искры.

— Воздух здесь великолепный. Дышится. И здесь мне лучше всего работается. Нет искры, говорите?

И тут произошло такое, что у Орловой снова кровь ударила в виски. Сталин медленно и многозначительно встал из-за стола, в долгом раздумье

двинулся к двери кабинета, вынул из кармана ключ и запер дверь на три оборота — раз, два, три! Медленно двинулся назад к Любови Петровне. Она встала из-за стола ему навстречу, знала, что очень хороша в ярко-голубом платье и тёмно-синем газовом шарфике.

— Может быть, Любовь Петровна, вы станете искрой в этом доме? — спросил он.

— Разве вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? — резко, с вызовом спросила она. Он остановился в раздумье. — Вот видите, — усмехнулась она. — Уже нерешительность. У вас дети, Иосиф Виссарионович. У вас Надежда Сергеевна, которую вы никогда не сможете забыть. У вас огромная страна. А у меня — Григорий Васильевич, и я его люблю. У меня впереди роли в кино и в театре. Государственный деятель и жена актриса? Несolidно. Дорогой мой, родной товарищ Сталин, мне с вами очень хорошо. Беседовать. Но давайте и впредь. Только беседовать.

Он стоял, грозный, как Кавказ пред Россией, и такой же непредсказуемый — то ли ринется в схватку, то ли покорится. Зависло мрачное молчание.

— От вас, Любовь Петровна, я иного и не ожидал, — наконец, произнёс Кавказ. — Потому я вас не только люблю, как женщину и актрису, но и чрезвычайно уважаю.

— Давайте дальше пить чай? — предложила она, он вернулся к двери, отпер её, ключ утопил в кармане, и они снова уселись за столом. — Вот не знаю, как вы, а я всё воспринимаю через разные цвета, — стараясь побыстрее уйти от неловкого происшествия, зашебетала Орлова. — К примеру, Анюта из “Весёлых ребят”. Я вижу её в ярко-оранжевом цвете, и когда играла, во рту всегда чувствовала яркий вкус апельсина.

— Вот как?

— А с Григорием Васильевичем я чувствую всё в мягких розовых тонах, и мне с ним спокойно и независимо. Мы как два союзных государства в составе единого. Как немецкая Швейцария и французская Швейцария.

— В розовых? А я каким вам представляюсь?

— Вы? В очень благородных тонах. Много багряного. И золотого. “В багрец и золото одетые леса”.

— Понятно, — печально усмехнулся Сталин. — Пушкин. “Унылая пора, очей очарованье!” И дальше: “Приятна мне твоя прощальная краса, люблю я пышное природы увяданье”. И как раз дальше: “В багрец и золото одетые леса”. Вот, значит, каков я в ваших глазах.

Она засмеялась:

— Я не это имела в виду. Просто сочетание дивных тонов.

— Вы говорите, Эйзенштейн пакостит? Считается, что брошенные любовники особенно остервенело грызут тех, кто их бросил.

— Понимаю, о чём вы. Это слетни. Григорий Васильевич в молодости не пропускал ни одной юбки, в Америке поставил это дело на конвейер, вписал в свой список Гарбо и Дитрих, красивых женщин. Да и я не из уродин. И представить, что он и этот Эйзенштейн, гном из диснеевских мультфильмов? Увольте, Иосиф Виссарионович! Мне даже обидно.

— Ладно, простите, — потушился Сталин. — И простите за ключ. Обещайте, что всё равно будете приезжать ко мне, когда я по вам соскучусь.

— Обещаю всем сердцем! Но сегодня прошу окончить свидание. Слишком сильные впечатления, знаете ли.

— Ладно, согласен. — Он встал проводить её до двери кабинета. — А если ваш добрейший Григорий Васильевич снова пустится во все тяжкие?

— Посмотрим, — с вызовом оглянулась она.

— Любовь Петровна, — сурово произнёс он, — давайте договоримся. Если вы передумаете, то просто скажите: “Ключ”. Это будет наше ключевое слово. Пароль. Договорились?

— Договорились, — засмеялась она. — Вы всё-таки неисправимый кавказский горец.

Дома она рассказала мужу всё, кроме того, что отныне лежало в секретной папке “Ключ”. Григорий Васильевич кряхтел, но вынужден был поверить. А куда деваться? Да и не обойтись без трамплина для следующего

прыжка. Он только и твердил, что, как в футболе, после забитого гола нужно сразу забить второй, закрепить успех, и искал сюжет для следующей картины, перечитывал ворох статей, в пух и прах разносящих “Весёлых ребят”, и теперь находил в них зёрна истины, чтобы в новой работе пойти дальше “лимонадной идеологии”, о которой на Первом съезде писателей говорил Алексей Сурков. Вспоминал, как в гостях у Горького все пили крепкие напитки, и только Шумяцкий попивал лимонад:

— Мы должны теперь выдать что-то покрепче лимонада!

За весной наступило лето, Любовь Петровна ждала нового звонка, но в трубке звучали самые разные голоса, только не выразительный бархатный баритон сталинского личного помощника Поскрёбышева. А тут, наконец, закутилось с новым фильмом. Побывали в Московском мюзик-холле на представлении “Под куполом цирка”, и Григорий Васильевич загорелся идеей, встретился с Ильфом и Петровым, на чьём либретто основывалось представление, и договорился втроём писать скринплеи, как предпочитал Александров называть сценарий. Подключился и брат Петрова, писатель Валентин Катаев, разрабатывал сюжетные ходы.

О Сталине все знали, что в это время года он предпочитает отдыхать на юге, и Любовь Петровна тешила себя шальной мыслью, что он позвонит оттуда и пригласит на черноморскую дачу, понимала всю невероятность подобного, но возражала самой себе: мало ли в жизни случается невероятных вещей, взять хотя бы её последнее свидание с Иосифом Виссарионовичем. Она испытывала благодарность к нему, что он не пошёл напролом, и история с ключом закончилась без вульгарщины.

Первым от участия в работе отказался Катаев, сославшись на то, что пишет повесть, которая сделает его знаменитым. Потом закапризничали уже знаменитые авторы “Двенадцати стульев” и “Золотого телёнка”, им не нравился диктат режиссёра, да к тому же вышло постановление об их продолжительной командировке в Америку, и только муза дальних чемоданов теперь владела их сердцами. Вскоре они и уехали, Григорий Васильевич дописал свой скринплей, и осенью приступили к съёмкам. Работая над образом Марион Диксон, разругались в пух и прах. Увы, Александров проявил бестактность:

— Мы будем лепить образ целиком с Марлен Дитрих. Ведь вы удивительно на неё похожи, моя дорогая.

— Я не Марлен Дитрих! — стукнула Орлова по столу так, что разбила блюдце и поранила ребро ладони. — Зарубите себе на носу: я — Любовь Орлова! И похожа только на одну актрису — на Любовь Орлову! Звоните своей Марленке, пусть она у вас скачет. Прощайте!

Он стоял на коленях, но она собрала чемодан и сбежала в Гагаринский переулок к маме и старшей сестре Нонне. Григорий Васильевич, уже зная характер жены, выдержал трёхдневную паузу и прикатил в открытом автомобиле, заднее сиденье представляло собой богатый цветочный магазин, в который и поместили маленькую фигурку исполнительницы главной роли вместе с чемоданом.

— На носу зарубили? — спросила она в течение тех пяти минут, коих хватает, чтобы доехать от Гагаринского до Большой Никитской.

— Зарубил, — ответил режиссёр с переднего сиденья.

— Зарубки не видно.

— Успел сделать пластическую операцию, дабы выглядеть презентабельно.

— Ладно, засчитываем. And by the way, what is English for зарубите себе на носу?

— Nick down, — сказал муж, радуясь, что ссора завершилась, и Любочка вернулась к усиленному изучению английского языка, необходимого для роли. Английский Любовь Петровна знала, но и словарный запас оставлял желать лучшего, и произношение вызывало зубную боль.

На волне примирения она вскоре потребовала изменить имя главной героини:

— Мар-ион Ди-ксон — это же Мар-лен Ди-трих!

— Нет, Диксон — это не Дитрих, — решил проявить и свой характер режиссёр. — Диксон напоминает нам дикси — так зовут жителей южных штатов, где до сих пор царит расизм.

Главная героиня подвергается травле за то, что от негра-любовника родила негритёнка, её спасает жестокий предприниматель немец Кнейшиц, заставляет работать в своём цирковом номере — взлетать из пушки под купол цирка. Они приезжают с гастролями в СССР, и тут жизнь Марион Диксон резко изменяется, она встречает любовь в лице циркового артиста Мартынова и в финале остаётся в Стране Советов, исполняя цирковой номер со своим возлюбленным, которому нет дела, что у неё сынок — негритёнок.

Всё это было чрезвычайно актуально, расизм поднимал голову в виде немецкого нацизма и итальянского фашизма, Шумяцкий показал Александрову фильм “Триумф воли” и сказал:

— Фашистской враждебной идеологии надо противопоставить нашу, советскую, интернациональную. Фашистским знамёнам — наши советские.

Фильм Лени Рифеншталь произвёл на Григория Васильевича сильнейшее впечатление, хотелось снять нечто подобное на нашем материале, но откуда взять такие средства? Да и не бывает в СССР таких грандиозных съездов партии, ночных факельных шествий, и наш вождь не кричит, как истеричка. Но он придумал вставить в новую комедию несколько эпизодов, показывающих величие советской державы, а главное — нужна песня, чтобы сие величие воспевала. Тогда с лёгкой руки Сталина в обиходе воскресло подзабытое со времён революции слово “Родина”, и Александрова осенила идея, что главной в фильме должна звучать “Песня о Родине”. За дело взялись всё те же Кума и Дуня — Лебедев-Кумач и Дунаевский, несколько месяцев напряжённо сочиняли, прежде чем появился тридцать шестой вариант — бодро шагающая “Широка страна моя родная”. Исаак Осипович из своего Ленинграда позвонил Александрову и стал исполнять сей тридцать шестой вариант, но в разговор каким-то дурацким образом вклинилось радио с отрывком из какой-то унылой фортепьянной музыки, и Александров в гневе воскликнул:

— Дуня, ты совсем обалдел! Тебе мало мексиканского скандала? Всё, я ищу другого композитора!

Бедный Дуня рванул на вокзал, утром примчался в Москву, буквально вломился в квартиру на Большой Никитской и к восторгу режиссёра и актрисы сыграл и даже спел “Широка страна моя родная”. Песню быстро обработали, записали и стали крутить по радио задолго до выхода фильма.

Кстати, благодаря радио, нашли и подходящего чернокожего мальчика Джима, его отец Ллойд Паттерсон вёл радиовещание для западных слушателей и дружелюбно согласился предоставить сынишку. На роль жестокого Кнейшица хитроумный Александров взял из МХАТа Павла Массальского — он замечательно играл Николку в булгаковских “Днях Турбиных”, а Сталину этот спектакль очень нравился. В “Цирке” он безукоризненно говорил по-английски с сильным немецким акцентом. И Владимира Володина, исполнителя роли директора цирка, Сталин тоже знал по искромётным ролям в Московском театре оперетты. На бравого и высокого актёра театра Красной армии Сергея Столярова для главной роли красавца Мартынова указал Шумяцкий:

— В довженковском “Аэрограде” Иосифу Виссарионовичу только он и понравился. Это сработает.

В главные герои Утёсов никак не вписывался, и Александров хотел взять его на роль конструктора-любителя смешного чудака Шурика Скамейкина, но вкусившая власти Орлова заявила:

— Тогда я не буду сниматься.

— Но зритель будет снова ждать Утёсова в каком угодно виде, — пытался вразумить Александров.

— Пусть будет этот сипатый, но без меня. Вызывайте свою Марленку Дитрих или свою Гретку Гарбушку.

— Я откажусь от Утёсова, если вы назовёте причину.

— Извольте: “Гриша, что ты нашёл в этой старой кошёлке? Снимать — снимай, но жениться-то зачем?”

Александров опешил. Потом расхохотался:

— Так вы это слышали?

— Ещё бы не слышать, вы оба были в зюзию, орали так, что все слышали.

— В таком случае слушаю и повинуюсь. — И Александров взял на роль Скамейкина Сашу Комиссарова, тоже из МХАТа, тоже игравшего в “Днях Турбинных” и тоже Николку. И не прогадал, Скамейкин у Саши получился очень смешной, лучше, чем был бы Утёсов.

Так сложился актёрский состав, и уже осенью на “Мосфильме” приступили к съёмкам. Александрову во всём давали зелёный свет, подписывали любые сметы, выписали американскую плёнку “Истмэн Кодак”, недавно включённую в индекс “Доу Джонс” как наилучшая, и Орлова могла не волноваться — Сталин не затаил обиду. А скорее всего, она вообще повела себя как нельзя лучше и правильнее, он зауважал её, а мог бы презрительно уступить она ему тогда на Ближней даче.

Шумяцкий лично курировал съёмки. Считавший себя входившим в Ближний круг Сталина, время от времени он сообщал что-то о Хозяине, например:

— К маме поехал в Гори, — сказал он в октябре.

А Орлова со смехом подумала: пришлёт за ней самолёт, представит своей мамаше и скажет: “Мама, прошу благословения на брак с этой прекрасной женщиной!” Чего самой Любови Петровне нисколько не хотелось: вот ещё, быть под сапогом у деспота! Куда лучше собственным каблучком время от времени давить на любимого Гришу, которому сей деспот лично пригрозил: если что, повесить за шею.

Съёмки “Цирка” оказались куда увлекательнее “Весёлых ребят”. Александров, в молодости познав акробатическое искусство, участвовал в постановке всех трюков вместе с настоящими мастерами цирка. Он до сих пор не научился ходить по натянутой проволоке и даже балансировать на ней, сидя на табуретке, чем заново влюбил в себя собственную жену.

Володя Нильсен только что вернулся из Америки, где проходил стажировку, и привёз много новых операторских трюков, приспособлений, оригинальных способов склеек для комбинированных съёмок. Орлову он снимал мягким фокусом, отчего тридцатитрёхлетняя Любовь Петровна выглядела на десять лет моложе, под стать молодому Столярову.

Лучшие московские модельеры шили для неё великолепные наряды в стиле ар-деко. Многие из них она даже не успела поносить в кадре, и они ушли в костюмерную кинофабрики, которую отныне именовали на новый лад киностудией, а самые лучшие платья под покровительством любезнейшего Бориса Захаровича поселились в гардеробе на Большой Бронной.

А для исполнения танца на пушке сшили малиновый костюм со стразами, ставший впоследствии для Любови Петровны ненавистным. Началось с того, что, увидев её в этом обтягивающем костюме, Александров присвистнул:

— Любочка! Да вы у меня становитесь гарной дивчиной!

Под этим понятием в их обиходе выступали женщины и девушки упитанные и округлые, именно гарну дивчину желала бы видеть в жёнах у своего Гриця ридна ненька Анфуса Григорьевна, да так и не побачила. И Орлова предпочла бы откинуть коньки, чем стать гарной дивчиной, а тут такое... Пришлось неделю сидеть на воде и укрепе с петрушкой, прежде чем влезла в нужный реквизит, да и то не выглядела подтянутой акробаткой.

Но главной причиной ненависти к этому костюму стала другая.

В середине декабря снимали сцену на застеклённом жерле пушки, повернутой стволом вверх. В ближнем ракурсе жерло было отдельное, не выше табуретки, внутри — мощные лампы. Американскую плёнку дали, но в ограниченном количестве, и снимать приходилось с одного дубля, максимум с двух, а для слезки за перерасходом поставили даже чекиста со странной фамилией Млежный, и Александров постоянно твердил:

— Смотрите у меня! Чтобы плёнку расходовать млежно!

Орловой перед сценой на пушке он сказал:

— Любовь Петровна, к этому дублю надо отнестись со всей мерой ответственности, снять надо с одного раза.

И она, с детства примерная девочка, отнеслась не просто ответственно, а — героически! Стекло, на котором она выплясывала, от сильных софитов раскалилось, и когда она села на него, сразу почувствовала сильнейшую боль, но не спрыгнула, не закричала, а продолжила номер, двенадцать секунд проделывала трюки, сидя всё равно, что на раскалённой сковородке. И лишь когда Александров скомандовал: “Стоп! Снято! Bravo!” — она упала на живот и дала волю стону. Её тотчас увезли в больницу, где врачи определили ожог третьей степени, минимум две недели госпитализации.

— Какая госпитализация! Намажьте там чем-нибудь, и всё! У меня съёмки, вы что, не понимаете? — кипятилась Орлова, но вскоре у неё подскочила температура, и она смирилась. Потом веселила врачей: — Ну, теперь я уж точно Орлова. На толчке сию орлом!

И врачам страсть не хотелось отпустить её, но Шумяцкий лично под свою ответственность добился, и:

— Выписали на девятый день, как после кончины, — шутила пострадавшая. — Ну что, Гришенька, — сказала она встречавшему её мужу, — на “Весёлых ребятах” я с быка упала, позвоночник отбила, на “Цирке” задницу сожгла. А на следующих ваших съёмках что? Мне голову оторвёт?

Сидеть она не могла ещё долго, везде на бочок пристраивалась, по ночам спала на животе. И, поневоле сбросив несколько килограммов, вернулась в формы, предшествовавшие славе и успеху. Только бы к Сталину в такие дни не зазвали! А как раз приближался его день рождения. Но миновало 21 декабря, кажись, пронесло... Ан, нет! На следующий день:

— Не могли бы вы приехать и поздравить товарища Сталина?

Александров негодовал:

— То она в больнице, то у Сталина!

— В больнице — ваша вина, не проследили. Сталин — тоже ваша вина, сделали меня такой, что он в меня влюбился. Не бухтите, лучше подскажите, что подарить.

— Дарите что хотите, только не себя!

И она впопыхах схватила старинный серебряный стаканчик, подарок отца, заодно можно обыграть, что он ей в отца годится. В присланном за ней “Паккарде” она села на заднее сиденье боком, а вот как при Сталине садиться? Она представила себе, как скажет: “Извините, Иосиф Виссарионович, но у меня жопа до сих пор не зажила”, — и тихо рассмеялась. Посмотрела в зеркальце, не видит ли водитель, и показала самой себе язык: смешно ей! Этой, которая в зеркальце, у неё-то ничего не болит.

Неужели Сталин узнал про её ожог и нарочно вызвал, желая отомстить за прошлый отказ? Ну, он тогда иезуит! И когда приехали на Ближнюю дачу, слегка тронутую мокрым снегом, её подозрение подтвердилось. Но, как выяснилось, пригласил он не для того, чтобы отомстить, а чтоб пожалеть. Лично встретил на крыльце дома, повёл под ручку, и она почувствовала, что левая рука у него какая-то лёгкая. Значит, правду говорили, что она у него сильно повреждена и сохнет.

— Направо? — спросила она, помня прошлый приезд.

— Нет, налево, — возразил он. — На сей раз не в кабинет, там прохладно, а мы — к камину.

“Налево! — прыгнуло в её сознании. — Я хожу налево!” И они оказались в Малой столовой, где в камине уютно потрескивали дрова. Здесь он пригласил её на кушетку в стиле рекамье, расположенную напротив камина, сам сел в кресло перед небольшим столиком с закусками и вином.

— Хотел пригласить вас с Григорием Васильевичем к себе на день рождения, — сказал Сталин, — но узнал о вашем несчастье и пригласил сегодня. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, я в порядке, — ответила она, краснея, но в мыслях прикидывая: если он всё знает, то уж точно приставать не будет. Что за любовь с женщиной, которую на спину не повалишь, да и вообще каждое движение

пока болезненно. — Но за кушеточку отдельное спасибо, вы очень чуткий человек, — улыбнулась Любовь Петровна и чуть не рассмеялась, подумав: в прошлые разы башка болела, в этот раз жопа! — А я вам подарок привезла, — поспешила она достать из сумочки серебряный стаканчик.

Сталин взял подарок в некотором недоумении, стал разглядывать филигранно изображённую на стаканчике сцену охоты — охотник на лошади, собаки, несущийся в панике кабан.

— Для чего такой? — спросил он задумчиво. — Для водки великоват, для вина маловат. Для карандашей?

— Эта вещь для меня ценная, подарок отца. Фаберже. Хочу, чтобы вы в нём и впрямь держали карандаши. И когда работаете, вспоминайте обо мне.

— Спасибо. — Он был растроган, поставил стаканчик прямо перед собой, стал угощать гостью, она предложила, нарочито обозначая его возраст:

— За ваши славные пятьдесят шесть!

— А отцу вашему сколько? — спросил он, выпив и закусив.

— Он на двенадцать лет вас старше.

— Ага! Стало быть, я вам в отцы ещё не гожусь!

Она смутилась, но тотчас нашла, что ответить:

— Годитесь. Потому что вы всем нам отец, всему советскому народу.

— Вот за это и люблю вас, за вашу сообразительность. У Александра Васильевича Суворова был такой способ проверки на сообразительность. Он мог подъехать к какому-нибудь офицеру и спросить: “Какой в году тринадцатый месяц?” И если офицер отвечал: “Не знаю”, — сердился: “Незнайки и ничегонепонимайки мне в армии не нужны”. Надо было быстро найти остроумный ответ. Потому что в бою часто приходится мгновенно решать непредвиденные задачи, нередко даже абсурдные. Однажды он спросил одного: “Сколько звёзд на небе?” Тот ответил: “Меньше, чем дурак может задать глупых вопросов”. Суворов разгневался, хотел наказать дерзкого, но поутру остыл и приказал офицера поощрить: “Этот не только сообразителен, но и смел”.

— А вы, я гляжу, с любовью отзываетесь о Суворове.

— Мне бы такого полководца! Я перечитал всё, что о нём написано. Гений!

И они стали говорить о книгах. Она знала, что Сталин много читает, но найти в нём такого тончайшего знатока и ценителя литературы никак не ожидала.

На Большую Никитскую сталинский водитель Палосич — она уже знала, что его так зовут, — привёз Любовь Петровну в три часа ночи. Александр встречал страшный, как Франкенштейн из фильма Джеймса Уэйла, который они смотрели на закрытом показе во время Московского кинофестиваля. Не дожидаясь вопросов, она сразу сказала:

— Как вы себе это представляете, Гришенька? С моей травмой. Я же не мазохистка!

— Так может, кое-кто другой — садист! — прошипел муж.

— Не говорите глупостей. Мы разговаривали о литературе и только о ней.

— Даже не о нашем новом фильме?

— Я сказала, что картина будет лучше “Ребят”. Пощадите, я валюсь с ног. — И она отправилась в свою спальню, а он — в свою. Спали они раздельно, как только поселились на Большой Бронной. Любочка утверждала, что не может заснуть с мужчиной в одной кровати с тех пор, как арестовывали её первого мужа, — ворвались, сорвали с них одеяло, схватили Берзина голого, и она тоже была голая.

— Думаете, если будут забирать меня, то постараются повторить? — усмехался Александров, но она оставалась непреклонной. Благо, наличие нескольких комнат позволяло им спать раздельно.

Меж тем работа над “Цирком” продолжалась, и именно теперь Орлова увидела, как значительно продвинулся в творческом росте её муж. Если “Ребят” он снимал по наитию, то теперь выработал свои собственные принципы построения картины и ими пользовался. Весёлый, артистичный

и остроумный, Александров оказался и большой творческой личностью. Сталин это, конечно, хорошо, но она никогда бы не хотела связать свою жизнь с ним, её вполне устраивал союз с режиссёром, и было жаль, что его терзают сомнения и муки ревности. Хорошо бы Сталин раз в год забывал её на беседы, не чаще. А он, как назло, пригласил её встретить с ним Новый год. Впрочем, весьма деликатно, в ночь на 30, а не 31 декабря.

— Я не хотел обижать товарища Александрова, — сказал он, встречая её вновь на Ближней и препроваживая в комнату с камином, где всё оказалось, как в прошлый раз, и кушетка рекамье, только теперь их обслуживал бравый повар, а не повариха, какой-то Спиридон Иванович, которого, как сказал Сталин, он берёт напрокат в Горках Ленинских, потому что лучшего кулинара нет во всём СССР.

Никакого намёка на интим — время от времени в эту Малую столовую заходили то повар с новыми приношениями, то Власик с разными сообщениями, и Орлова расслабилась, ведь в противном случае Хозяин мог всех заставить покинуть дом, охранять снаружи и не шастать к ним то и дело.

На сей раз она привезла в подарок огромный рог в серебряной оправе и усыпанный инкрустацией:

— Вот. В прошлый раз стаканчик был мал для вина, на сей раз — вполне сгодится.

— Простите, но я не могу принять столь дорогой подарок, — усмехнулся Сталин.

— Отчего же? Я могу себе позволить такие подарки.

— А я не имею права себе позволить их принимать. Взгляните на этот рог. — Он поднял его над собой, и она в ужасе подумала, что это какой-нибудь женский рог, хотя из рога пьют до дна, а из такого огромного ни одна женщина не выпьет.

— Так что же в нём не так? Не понимаю.

— Слишком роскошно для меня, — ответил он. — Из таких рогов пили князья. Прежде, чем пить из такого рога, надо одеться в богатую чоху, подпоясаться серебряным поясом, на каждом пальце по перстню с бриллиантами. А у меня ничего этого нет. Я коммунист, и всё золото и бриллианты коммуниста — это его свершения. Отдайте этот рог на “Мосфильм”, там он больше пригодится.

— Жаль... — огорчилась Орлова.

— А у меня для вас тоже подарок, — подбодрил её Хозяин и достал белоснежный пуховый платок, подошёл и укутал ей голову. — Вот, теперь вы настоящая Зимушка-Зима. И давайте встречать Новый год. Хотя он ещё не сегодня. Но завтра вы будете встречать его с добрейшим Григорием Васильевичем, спасибо ему, что ещё не застрелил вас из ревности.

“Мог бы и вместе нас пригласить!” — скакнуло в её голове, а Сталин будто прочитал:

— Я мог бы вас пригласить вместе, но тогда пришлось бы в основном разговаривать с ним, а мне нравятся откровенные и душевные разговоры с вами. Ну, давайте выпьем за уходящий год, подаривший нам наши встречи!

И они стали выпивать и закусывать. Ей хотелось спросить, кто придумал вернуть празднование Нового года, утраченное после революции по инициативе Троцкого, который намеревался, придя окончательно к власти, сделать так, чтобы Новый год начинался 7 ноября — в очередную годовщину революции, а заодно и в его, Льва Давидыча, день рождения. Но она не спросила, уже зная Сталина, предвидела, что он скажет: это было коллективное решение руководства страны, хотя, скорее всего, он сам затеял это возвращение доброй традиции.

— Ну, так что там Григорий Васильевич? — спросил Сталин, не дожидаясь, когда она в своей оборонительной тактике первой заговорит о муже.

— Значительно вырос как кинематографист, — ответила она. — Он далеко пойдёт. Намного дальше своего учителя. Он чрезвычайно изобретателен. Ведь именно он изобрёл совершенно новый принцип построения музыкальной комедии — сначала они с Дунаевским создали всю музыку фильма,

записали полную фонограмму, и лишь потом стали снимать картину под музыку. А раньше? Раньше сначала снимали, а потом придумывали и накладывали музыку. Чиновники возмутились: “Но это немыслимо!” А он им: “Так давно уже делают в Америке”, — хотя ни в какой Америке до сих пор об этом не дотумкали. И чиновники заткнулись.

— Я тоже терпеть не могу чиновников. А кто первый из вас обратил внимание на другого? Как вы вообще попали в кино?

— О, это целая история. Сначала между мной и кино встала родинка.

— Родинка?

— Когда я впервые пришла на пробы, режиссёр сказал: “Что это у вас?” — “Где?” — “На носу”. — “Родинка”, — говорю. “Не годится”. — “Но ведь я...” — “Знаю, в театре не мешала, потому что издали зрительно не видать, а в кино крупный план. Ступайте, вам не грозит сниматься в кино”.

Сталин от души засмеялся:

— Мне тоже в молодости много чего предрекали... Так-так? Дальше.

— Ну, а потом меня на вершину славы выгнали один хороший директор МТС.

— Как директор МТС?

— Григорию Васильевичу сказали, что в Раменском есть трактористка, поражающая всех своим пением и плясками, он поехал, и впрямь чудо, но директор МТС упёрся: “Не отпущу! Она у меня лучшая трактористка, ударница, лучше всех мужиков. Катитесь отсюда, пока вам не накостыляли”. И в итоге ему пришлось довольствоваться Любовью Орловой.

Сталин от души расмеялся и предложил тост за Любовь Орлову. Даже приспевшего Спиридона Ивановича заставил за неё осушить бокальчик.

— А впервые Григорий Васильевич увидел меня в “Периколе”, которую я играла в музтеатре при МХАТе. Сразу в меня влюбился, мы познакомились, он двинул на мои редуты всю гвардию своего искромётного юмора, атаковал решительно. Я сопротивлялась. На предложения сняться в главной роли в джаз-комедии, я сразу сказала: “Родинка. Нос. А в кино крупные планы”. На что он мне: “Какой придурок вам это сказал?”

— А, кстати, какой придурок?

— Это уже не важно. Он наказан хотя бы тем, что не взял меня тогда и сейчас локти кусает. Недавно сам признавался.

Так они сидели и под вино, да под невероятно вкусные яства, приготовленные волшебником Спиридоном Ивановичем, она щебетала, а он слушал, смеялся, а как только она видела в его взгляде нечто особое, тотчас опять начинала говорить о муже.

— Кстати, когда мы в Гаграх снимали “Ребят”, Ольга Ивановна, первая жена Григория Васильевича, и их сынок Дуглас постоянно присутствовали, и Ольга Ивановна, мудрая женщина, быстро обо всём догадалась, и сама предложила развод.

— А она какого цвета?

— Она? А, в этом смысле? Чёрно-белых строгих тонов, очень благородная женщина.

— Мне запало в душу то, как вы видите людей в цвете, — улыбался Сталин, раскуривая трубку с белой точкой на чёрном мундштуке. — А вот у меня было такое в детстве, когда я ещё начинал учить русский язык. Я слушал русскую песню и пытался понять, о чём она. И почти всегда угадывал.

— А вы хорошо поёте?

— Да вроде неплохо.

— Спойте по-грузински. Ну, пожа-а-а-луйста!

И он запел грустную песню, у него оказался не сильный, но очень мелодичный голос. Когда песня закончилась, спросил:

— О чём это, как вы думаете?

— О том, как парень тоскует по девушке, отданной за другого, — сразу ответила Любовь Петровна.

— Нет, — рассмеялся Иосиф Виссарионович, — это о том, как весело пировать с друзьями, и это самое счастливое, что есть в жизни, только бы друзья никогда не становились врагами.

— А давайте я ещё угадаю. Спойте другую.

Они выпили, слегка закусили, и он спел другую, бравурную.

— Это тоже, наверное, про пир с друзьями, — без сомнения определила Орлова.

— Нет, — сказал Сталин. — Это про то, как парень ушёл на войну, а его сестричка просит ласточку полететь и принести весть о том, как он там. Моя любимая песня. “Мерцхало”. “Чёрная ласточка”.

— Мерцхало, — задумчиво повторила Орлова. — Грузинский язык очень красивый.

— Все языки красивые, — возразил Сталин. — Можно ещё слова угадывать. Например, что значит — ламази кали?

— Мне кажется, что-то нехорошее.

— Это значит — красивая женщина. А дзвели сулели?

— Думаю, что-то очень вкусное.

— Это значит — старый дурак. А, допустим, миквархар?

— Думаю, это ревнивый муж.

— Также не угадали. Это значит — я люблю вас.

— Как-как? Мик... хар...

— Миквархар. А теперь скажите: михвархар, дзвели сулели.

— Михвархар, дзвели сулели. Ой!.. — Она испугалась, прикрыла рот рукой и прыснула со смеху.

— Вы сможете легко научиться грузинскому, у вас хорошо получается, — снисходительно смеялся он в ответ.

— А как будет “до свидания”?

— Зачем до свидания! Лучше здравствуй — гамарджоба.

Уезжая в два часа ночи, Любовь Петровна удивлялась всему происходящему, а главное — той лёгкости, которой оказалось наполненным их общение. Будто дочь нашла своего потерянного отца, и оказалось, что у них много есть о чём поговорить, а главное, поговорить задушевно и непринуждённо. Даже когда она осмелела до такой степени, что слегка пожурела его за выходку с запиранием двери на ключ, он не нахмурился, а легко ответил:

— Женщины могут сердиться, когда мужчины к ним пристают, но женщины никогда не прощают мужчинам, если те не совершают попыток.

Конечно же, Александров не спал, и когда жена явилась в третьем часу ночи, на него жалко было смотреть. И Любовь Петровна расцеловала изнурённого ревностью Григория Васильевича со словами:

— Миквархар, сулели!

— Это ещё что значит?

— Это по-грузински: я люблю вас, дурачок!

Два последних свидания, третье и четвёртое, после дня рождения и предновогоднее, выстрелили одно за другим. Она ждала новых приглашений, но прошла зима, проскочило даже Восьмое марта без каких-либо признаков внимания, закончились съёмки, энергично прошёл монтаж, озвучка, в апреле фильм приняло Главное управление кинематографии и утвердило премьеру на конец мая, к открытию нового сезона в Зелёном театре Парка Горького, рассчитанном на две тысячи зрителей. По забавному совпадению, дата премьеры совпала со второй годовщиной знакомства Орловой с Александровым.

— Если бы мы были любовниками, разве встречались бы так редко, — аргументировала свою верность Любовь Петровна. Но Григорий Васильевич всё равно ревновал, и однажды во имя его ревности погибла гитара, когда, изрядно подвыпив, Александров запел под неё похабную песню, сочинённую им самим под “Широка страна моя родная”:

— Широка штанина у грузина, много в ней невиданных чудес...

И тут гитара выскочила из его рук, выдернутая Любовью Петровной, как некогда Берзин из постели, и, шандарахнувшись об пол, раскололась, струны издали предсмертный вой.

— Не смей! — крикнула Орлова, гневная, как оскорблённая императрица. И, прежде чем хлопнуть дверью, оглянулась с презрением на мужа и произнесла: — Если подобное повторится, я вас грохну об пол. Су-у-улели!

Он потом извинился и, наученный горьким опытом гитары, сказал своей ревности: “Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай”. И — будто выздоровел после тяжёлой болезни. Он даже “Люблю грозу в начале мая” процитировал лишь для приличия сердито.

И вот Любовь Петровна вновь ехала на свидание к своему собеседнику по прекрасной майской Москве, жалея, что путь столь короток, и Палосич уже заруливает “Паккард” к Боровицкой башне Кремля. Где они встретятся на сей раз? Выйдя из машины, она щёлкнула по носу никелированного сияющего лебеда, лихо поднявшего крылья на капоте, и её повели по кремлёвским коридорам, покуда она оказалась не в кабинете и не в какой-нибудь столовой комнате, а в кинотеатре. Небольшом таком кинозале, рассчитанном не больше, чем на тридцать зрителей, совершенно пустом, лишь в первом ряду сидели Сталин и Шумяцкий. В углу играл патефон, задумчивый грузинский хор пел тихую песню, показавшуюся ей знакомой. Шумяцкий вскочил, Сталин медленно поднялся, оба приветствовали гостью, и она задорно спросила, кивнув на пустой зал:

— Мы что, будем ждать, пока касса продаст все билеты?

— Вот, Борис Захарович, — усмехнулся Сталин. — Самая остроумная женщина из всех, что я встретил в своей жизни. Всем бы такую весёлую жену, а досталась этому счастливчику режиссёру. Надо было нам не в политику идти, а в кинорежиссуру. Что скажете?

— Стопроцентно с вами согласен, — развёл руками Шумяцкий. — А где Григорий Васильевич? Задерживается?

— Он приболел, — ответил Сталин. — Товарищ Орлова будет его представлять.

Он усадил её справа от себя, слева уселся Шумяцкий, тут Любовь Петровна узнала мелодию из патефона и воскликнула:

— Да ведь это же!.. “Ласточка”! Правильно?

— Исключительный у вас музыкальный слух, Любовь Петровна. — Морщинки от углов глаз Хозяина разбегаются лучами к вискам.

— Да только вы её пели совсем по-другому. Бравурно. А она вон какая. Так вот, в чём дело, вот почему я не могла угадать, о чём песня.

— А про весёлые пиры с друзьями я пел нарочно в миноре.

— Ну, вы и жук, товарищ Сталин! — произнесла она, покуда Шумяцкий отдавал команды команды механику.

— Что там у вас? Опять не ладится? — спросил наркома кино главный зритель. — Кто там у нас сегодня механик? Двоечкин? Косолапов? Безруков?

— Старокошкин, — сердито прошипел Шумяцкий. — Вот почему-то все механики отборные, а как к вам сюда приходят, сразу руки не оттуда начинают расти.

— Старокошкин коня не испортит, — замысловато пошутил Сталин. — Любовь Петровна, говорят, скоро такой фильм выходит, “Цирк” называется. Вы не видели?

— Да видела, товарищ Сталин, даже два раза. Не понравилось. Какая-то выдра там американку из себя изображает. Очень слабая картина. Давайте лучше Чаплина посмотрим. У него тоже “Цирк” есть. Да и новая картина в Америке вышла, и называется “Новые времена”.

— Мы ещё не купили, — проворчал Шумяцкий.

— Придётся вам в третий раз советский “Цирк” посмотреть, — сказал Сталин, и тут мотор заработал, и на экране высветились слова “Весёлые ребята”, но оказалось, это афиша, которую заклеивают новой — с надписью “Цирк”.

— Товарищ Александров и к титрам подходит со всей изобретательностью, — похвалил Иосиф Виссарионович и стал дальше молча смотреть картину. Орлову же больше занимало не экранное действие, а то, как ленту воспринимает главный зритель. Она то и дело косилась на его профиль, по мужски красивый в минуты серьёзности, страшноватый в гневе и очень детский при смехе, даже какой-то подобострастный, будто своим смехом главный зритель старается угодить божеству кинематографа или десятой музе.

Как, бишь, её можно величать? Мельпокина? Кинохора? Кинемата? Короче, Киномать.

Когда на экране Марион Диксон, исполняя танец на жерле пушки, села на раскалённое стекло, Сталин сочувственно поморщился, как морщатся при виде чьих-то страданий. Сама она не могла смотреть этот эпизод, закрывала глаза ладонью, а теперь испытала к главному зрителю благодарность за его сопереживание её боли.

И вообще он большую часть времени смотрел серьёзно, часто улыбался, а рассмеялся только дважды, когда навязчивый старичок всё же проник со своей собачкой на арену цирка и когда директор цирка сказал: “Рожайте себе на здоровье, сколько хотите, чёрненьких, беленьких, красненьких, хоть голубых, хоть розовеньких в полосочку, хоть серых в яблочках, пожалуйста!” Финальный парад под знамёнами Сталин смотрел с восторгом и даже немного подпел под последние секунды:

— Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!

С парашютиков спустились пять букв, образуя слово “Конец”, включился свет, Шумяцкий и Орлова ждали, что скажет главный зритель. Он повернулся к актрисе и сказал:

— Какой забавный американский акцент. Мэри вьерит в чудеса. Что такое, товарищ Орлова? Переволновались? А говорили: плохая фильма. Помоему, так очень хорошая. Даже не хуже “Весёлых ребят”. Идеологически крепче. Интересный политический ход: Марион от Кнейшица бежит к Мартынову, то есть, Америка убегает от Германии в сторону СССР. А вы говорите: Чаплин. Кстати, тут в фильме есть образ Чаплина. Кто его исполнил?

— Это Коля Павловский, — ответила Орлова, — сценический псевдоним Николай Отто. Он в “Весёлых ребятах” тоже снимался, играл одного из музыкантов, зачинщика драки на репетиции. Ему ещё по башке медной тарелкой, и рожка потом вот так расплывалась.

— Помню! — засмеялся Сталин. — Здесь он один-в-один Чаплин. Не то, что вы, Борис Захарович, растолстели и уже совсем на Чаплина не похожи. А что, если снять фильм о Чаплине с этим Отто в главной роли? Тем более что товарищ Александров лично хорошо знаком с Чаплиным. Забросьте ему идею, товарищ Орлова.

— Заброшу.

— А название? Ведь у того же Чаплина есть фильма “Цирк”. Может, лучше назвать “Советский цирк”?

— Григорий Васильевич думал об этом, но решил, что нам нечего ориентироваться на Запад, есть там какие фильмы или нет. “Цирк” короче. А ему не нравятся длинные названия. “Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” он считает верхом безвкусицы.

— Хорошо, пусть будет просто “Цирк”, — милостиво смирился Сталин. — Я сегодня на соглашательских позициях. Скажите, а почему Ильф и Петров отказались от того, чтобы в титрах значились их имена как сценаристов?

— Они из Америки такие два американца приехали, посмотрели отснятый материал и стали морщиться, как будто из ресторана попали в свиной хлев. Сказали: слишком глупо и легковесно. — Орлова тотчас спохватилась, что невольно может навлечь гнев Сталина на Ильфа и Петрова, и поспешила перевести стрелки на себя: — Ну, а как вам выдра?

— Это самая лучшая выдра, которую я видел в жизни, — засмеялся главный зритель. — Передайте ей, что за исполнение роли этой американки она может просить у меня всё, что захочет.

— Хорошо, передам.

— Кстати, она может прямо сейчас просить. Помните, как Пугачёв говорит в “Капитанской дочке”: “Казнить, так казнить, жаловать, так жаловать: таков мой обычай”.

— Обещаете исполнить? — вдруг нахмурилась Орлова.

— Обещаю же! Говорите честно, чего хотите!

— Я не имею вестей о своём первом муже Андрее Гаспаровиче Берзине. Мне хотелось бы знать, жив он или умер, и если жив, то где находится.

Сталин явно опешил. Его улыбающееся лицо, ещё недавно солнечное небо, стало быстро покрываться грозными облаками.

— Хорошо, — произнёс он сурово. — Слово своё сдержу, отдам необходимые распоряжения. — Хозяин поднялся со своего кресла и холодно добавил: — Спасибо, товарищ Орлова, что почтили нас своим присутствием. Больше не смеем задерживать. Товарищ Власик лично вас проводит. — И первым зашагал прочь из кремлёвского кинотеатра.

Власик получил от Сталина распоряжения, довёл Любовь Петровну до автомобиля, и Палосич ещё до полуночи быстро доставил актрису на Большую Никитскую.

— Что так рано нынче?

— Поздравляю вас, Григорий Васильевич, успех полнейший.

— А почему так невесело? Шампанского не желаете!

— Простите, чудовищно голова разболелась, слишком много волнений и яркого света.

Григорию Васильевичу очень не нравилось театральное слово “премьера”, он предпочитал американское “релиз”. Так вот, релиз в заполненном на все две тысячи зрителей Зелёном театре прошёл под раскаты смеха и грома аплодисментов. Второй фильм Александра был принят зрителями не хуже, чем первый. Стояла тёплая майская ночь, после релиза праздновали в парковом ресторане под открытым небом, за огромным столом собралась вся съёмочная группа, пили, веселились, танцевали. Даже Эйзенштейн не побрезговал поучаствовать в торжествах и, пожимая руки Александрову и Дунаевскому, остроумно сказал:

— Поздравляю вас, орловские рысаки!

Александров было обиделся, но Дуня заржал, изображая коня, Люба расхохоталась, и новое прозвище режиссёра с композитором мгновенно ушло в народ.

Бархатный баритон Поскрёбышева в телефонной трубке больше не звучал, Александров с головой ушёл в новую работу, его зацепила та история с трактористкой, которую не отпустил начальник, и, взяв на сей раз себе в помощники драматургов Эрдмана и Вольпина, всюду разрабатывал сценарий... простите, скриншлей комедии о том, как самую талантливую девушку не пускают на смотр этой деятельности. Кто являлся единственной претенденткой на роль этой девушки, догадаться нетрудно.

Летом они заложили фундамент дачи на огромном участке, подаренном им по распоряжению Сталина во Внуково, неподалёку от красивого пруда, и Александров мечтал построить нечто подобное загородной вилле Чаплина с огромным балконом, на котором можно было бы разместить десяток столиков или устроить большую танцплощадку.

Любовь Петровна ожидала, что телефонным звонком к ней прилетит очередной сталинский день рождения, но он пролетел мимо, а незадолго до Нового 1937 года ей позвонили не из Кремля, а из другого ведомства. На Лубянке с ней лично захотел встретиться человек, чьё безусое лицо сменило ворошиловско-гитлеровские усики Генриха Ягоды — новый главный чекист Николай Ежов. Здраваясь с ним, Любовь Петровна очень хотела поинтересоваться, какой у него рост, потому что при своих метр пятидесяти восьми она оказалась выше его чуть не на полголовы.

— Очень лестно познакомиться со всенародной любимицей, — щебетал этот карлик, усаживая Любовь Петровну в кресло перед столиком, заваленным папками и бумагами. — Чаю? Кофе? Бутерброды? Пирожные?

— Нет, благодарю вас, Николай Иванович, хотелось бы сразу к делу, чему обязана визитом к вам?

— Личному распоряжению товарища Сталина. Вы давали ему запрос на гражданина Берзина Андрея Гаспаровича?

— Я просто попросила его узнать.

— Ваш запрос удовлетворён, Любовь Петровна. Вот здесь, в верхней папочке всё о запрашиваемом гражданине. Гражданин Берзин осуждён по делу о так называемой Трудовой крестьянской партии, стремившейся подорвать доверие народа к ВКП(б). Строгая мера наказания заменена ссылкой

без права переписки. В данный момент Берзин Андрей Гаспарович находится в Казахстане, благополучно работает на должности экономиста-планиста в отделении “Союзпромкорма”. У органов внутренних дел нет оснований для отказа вам воссоединиться с бывшим мужем.

— Воссоединиться?! — пробило её, как электричеством. Семь лет прошло с тех пор, как те мрачные люди пришли в большую квартиру Берзина и Орловой в Хохловском переулке. “Если б имела я десять сердец, все бы ему отдала”, — пела её героиня Анюта в “Ребятах”, но сама Любовь Петровна из десяти сердец одно отдала латышу Берзину, уверявшему её, что без латышей русские не смогли бы довести до конца революцию в семнадцатом, а без грузин обошлись бы запросто; другое — австрийцу Францу, обожавшему её до беспамятества; третье — нежному покровителю Немировичу-Данченко; четвёртое — режиссёру Александрову; отдала бы и пятое — товарищу Сталину, скажи он ей только: “Будьте моей женой”.

— Мы готовы быстро оформить все документы, — ехидно продолжал Ежов. — Развод, воссоединение, восстановление первого брака.

— Спасибо. Этого не надо. Я просто хотела знать о судьбе Андрея Гаспаровича, и, коли он жив, здоров и находится в приемлемых условиях, я полностью удовлетворена. До свидания, Николай Иванович.

Глава восьмая МОЛОДЕЦ, ДЯДЯ!

Дебютный стабильный заработок Вячеслава Скрябина появился благодаря кино, когда в Вятке открылся первый кинотеатр “Прогресс”, и он устроился туда тапёром. Доселе юноша подрабатывал игрой на скрипке и мандолине по вокзалам да ресторанам, но там могли дать, а могли и не дать, здесь же, в “Прогрессе”, платили исправно, знай только правильную мелодию под стать моменту выколачивай из клавиш пианино. Так что кинцо он полюбил с молодости.

Сын приказчика Скрябина и купеческой дочки из богатой семьи Небогатовых, Вячеслав уже в шестнадцать лет вступил в партию большевиков, а с девятнадцати познал аресты и ссылки, в двадцать два начал работать редактором “Правды” и с тех пор не мог искоренить привычку всё не просто читать, а и редактировать. Он лично резал пару десятков статей Ленина, посчитав их написанными хуже некуда. Тогда же Веча познакомился с Кобой, оказавшимся не меньшим книголюбом, чем он, тоже по несколько часов день посвящавшим чтению. Близкие по-прежнему звали Вячеслава Вечей, в партии за свою во всём основательность и серьёзность он получил прозвище Дядя, а в документах полиции значился как Бегун, потому что имел привычку быстро ходить. Ещё у него имелась кличка, придуманная недругами, — Затык, — это за то, что Веча не сразу одолевал слишком длинные слова и спотыкался в их начале. Но сию обидную кличку и потеряли где-то в самом начале жизнедеятельности революционера Скрябина. Из-за лёгкого заикания пламенным оратором он не стал, но с годами научился почти каждое длинное слово преодолевать с первого скачка.

Сам же он одно время хотел взять себе псевдоним Радий, начитавшись книги английского радиохимика Фредерика Содди об этом недавно открытом химическом элементе, обладающем удивительными свойствами. Ему хотелось, подобно радио, черпать энергию из самого себя: “Что мне до неисчерпаемой энергии элемента радия, коли я сам — радий?!” Но Вечу отговорили, ведь есть ещё один сотрудник “Правды” — Кароль Собельзон, взявший себе псевдоним Радек, в честь юристического персонажа австрийских газет. Радий — Радек, станут путать.

И тогда Дядя придумал себе другой псевдоним, тот, под которым он и вошёл в историю, — Молотов.

Его любили за правильность, скромность, точность и бережливость, он всегда следил за тем, чтобы никакое достояние, будь то семейное или народное, не расходовалось попусту. Ещё у него была удивительная память, он многое не записывал, а запоминал и хранил в своём крепком лобастом

черепе. Не хуже Сталина, Кирова или Ворошилова умел щегольнуть знанием деталей литературного произведения, помнил наизусть тысячу стихов, да и сам втихаря баловался стишатами.

В революции Дядя принимал самое деятельное участие, но не бегал на штурмы Зимних дворцов, подобно Антонову-Овсенко, и не ораторствовал, как Троцкий и Ленин. Нет, он взвалил на себя самую незаметную и тяжёлую работу: сидел в Смольном с документами, подготавливая будущую хозяйственную основу молодого государства, пахал сутками, спать ложился на пару часиков, подложив под голову стопку книг или портфель.

Он сидел на всех заседаниях, руководил ими, потому что кому-то надо было и это делать, а Троцкий прилепил ему ещё одно прозвище — Каменный Зад. Придумал-то желчный ёрник Радек, а внедрил в массы именно Троцкий. Тем не менее на недолгое время Каменный Зад заделался ответственным секретарём ЦК партии, покуда угасающий Ленин не заменил его на Сталина, поменяв и должность — на генерального секретаря, коим Иосиф Виссарионович пробыл до тридцать четвёртого и сам же упразднил это звание, став равным среди равных де-юре и самым главным де-факто.

Но это в партии, а в государстве официальным главой считался председатель Совета народных комиссаров, и первым на этом посту излучал сияние власти Ленин, после его смерти — Рыков, а когда в 1930 году Рыкова как оппозиционера Сталину с треском сняли, его место занял Молотов.

О, удивительные причуды истории! Шурик Керенский родился в том же Симбирске, как и Володя Ульянов, ходивший в гимназию, директором которой являлся отец Керенского. Но это ещё что! Кто знает Кукарку? Сей милый занюханый городишко в Вятской губернии? Но именно в Кукарке родился сначала второй по счёту председатель советского правительства Рыков, а девять лет спустя — второй, Молотов. Они оба родом из Кукарки. Ну, как такое случается?!

Старая ленинская гвардия смеялась: какой из Каменного Зада руководитель государства? Больше всех потешался Троцкий. Но Лев Давидович в тридцатые годы лишился советского гражданства, жил сначала во Франции, потом в Норвегии и окончательно поселился в Мексике, а Дядя в те же тридцатые поднял страну, сделал её индустриальной державой. Когда у него возникали стычки с другими наркомками, Сталин всегда брал его сторону, зная, что народное хозяйство можно доверить только одному человеку — твердокаменному и честному Бегуну, а не какому-нибудь хитрому и пронырливому говоруну.

Слово “террор” после революции воскресили выстрелы Фанни Каплан, кровью красного террора оросили большевики ложе, на котором родилось их государство. Но когда в воздухе запахло грядущей Второй мировой войной, то, что являлось новым террором, предпочитали называть чисткой рядов.

Не сердцем, так разумом Дядя старался понимать необходимость такой чудовищной чистки, поддерживая Хозяина и в этом злом деле: не случайно так много подписей Молотова стоит под расстрельными списками. На самом деле, в этих списках значились фамилии тех, кого предполагалось арестовать, а уж потом люди в ежовых рукавицах превращали живых арестованных в мёртвые тела, отпуская на волю лишь одного из девяти. Всех арестованных по этим спискам было 44 тысячи, из них 39 тысяч расстреляны. В масштабах населения огромной страны не так и много, в масштабах каждой отдельной личности — трагедия, ибо каждый человек вмещает в себя целый мир. И это только по тем спискам, что ложились на подпись Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Жданова. Всего же по всей стране за два года так называемых чисток арестовано полтора миллиона человек, из них расстрелян каждый третий!

Но Вячеслав Михайлович верил своему вождю и другу, что накануне страшнейших испытаний приходится брать на себя тяжёлую ответственность за то, что среди тех, кто может сыграть губительную роль, окажется много невинных. Угнетало другое: методы. Несколько раз он выступал против того, что творится в застенках НКВД, спорил: нельзя, чтобы все доказательства вины арестованного строились на его личных показаниях, вынутых из

него с помощью пыток, или на показаниях других, которых тоже пытали. Ежов отвечал и ему, и даже Сталину: не мешайте мне делать дело или сами беритесь. И Молотов, сжав зубы, смирялся, а на неудобные вопросы отвечал:

— А если в условиях войны Тухачевский или Якир, Рыков или Зиновьев затеяли бы оппозицию, вы представляете, каких масштабов жертвы были бы тогда? Счёт шёл бы не на десятки тысяч, а на миллионы.

И главная отмазка: зато посмотрите, каков скачок в народном хозяйстве! Невиданный! И действительно, по темпам роста национального дохода СССР опережал Америку, и это было единственное время в нашей истории, когда один рубль стоил пять с половиной долларов.

Наконец, под занавес 1938 года расстрельные списки перестали ложиться на сукно в зале заседаний Совнаркома. “Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке. Сталин. Молотов”. В ночь на 23 ноября в сталинском кремлёвском кабинете Иосиф Виссарионович, Вячеслав Михайлович и Климент Ефремович силой заставили Ежова подписать заявление о выходе из НКВД. Его назначили наркомом водного транспорта, но ещё через полгода арестовали. Человека, который, ещё немного, и сам начал бы арестовывать высшее руководство страны. Удивительно, но, зная, какими методами в его же ведомстве любые отрицания быстро превращаются в признания, Николай Иванович некоторое время пытался всё отрицать.

— Единственная моя вина — я мало расстрелял, — нагло заявлял он поначалу. Но потом признался следователю Эсаулову и новому наркому внутренних дел Берии не только в том, что готовил переворот с целью устранения всех руководителей СССР ради собственной безмерной власти, но даже и в том, что состоял в гомосексуальной связи с директором МХАТа Боярским-Шимшелевичем, убийцей царской семьи и главным государственным арбитром Голощёкиным, начальником ленинградского военорга Константиновым и даже с собственным охранником Дементьевым.

Признался и в том, что его жена Суламифь Соломоновна вовсе не покончила с собой, а была лично застрелена им незадолго до ареста.

Конечно же, признался он и в том, что давно завербован германской разведкой, причём выдавал такие имена и подробности, которые никто не мог знать, а стало быть, выбить из него их под пыткой. Например, что вербовал его немецкий генерал Гиммерштейн, а потом с ним работал немецкий атташе Кёстринг. Немцы обещали Ежову полную поддержку в его стремлении к власти, а он им — полный союз с Германией в том случае, если Сталин и ближний круг будут устранены, а Николай Иванович сделается единоличным диктатором.

Вячеславу Михайловичу в это очень хотелось верить. Просто потому, что бурная река репрессий превратилась в ручей, и уже не нужно ставить свою подпись под судьбами тысяч людей, а всю вину теперь можно свалить на злобного зарвавшегося педераста.

Кстати, сразу после Ежова был арестован и тот самый Коган, который допрашивал арестованного наркома кино Шумяцкого. Вся вина несчастного Бориса Захаровича состояла в том, что не каждая денежка проплывала мимо его кармана, но ежовская машина выдавала из него показания — и японский он шпион, и английский, и Сталина хотел убить в кремлёвском кинозале с помощью паров ртути. В итоге, Шумяцкого расстреляли на Бутовском полигоне, а вместо него назначили наркомом кино человека из органов Семёна Семёновича Дукельского, мгновенно составившего списки, согласно которым следовало расстрелять больше половины деятелей советского киноискусства. Благо, Сталин эти списки проигнорировал.

Состряпавший дело Шумяцкого Коган поначалу тоже ни в чём не хотел признаваться, а потом признавался во всём: и как лично должен был ликвидировать Сталина, Молотова и даже зачем-то Крупскую, и как сотрудничал с германской разведкой, и как пытал в Нутрянке и расстреливал в Коммунарке ни в чём не повинных людей. Признался бы и в шпионаже

в пользу Антарктиды, и в поедании человечины, и в сожительстве со всеми охранниками Ежова, и в том, что лично отравил товарища Ленина.

Слово “пакт” стало модным в конце тридцатых, этим мячиком германский фюрер играл с европейскими народами, оттягивая время для укрепления своей военной мощи. Все хотели заключать пакты, чтобы задружиться с одними соседями против других. Пакты о ненападении печатались, как деньги, не подкреплённые золотым запасом, а потому быстро девальвировались. Германия подписывала пакты с Францией, Великобританией, Польшей, Советский Союз — с Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией, Францией. Все с гордостью заявляли: гляньте, как мы печёмся о мире! Хотя все понимали, что мира не будет. Германия поглотила Австрию, потом вместе с Польшей и Венгрией растащила на куски Чехословакию, у которой армия считалась не хуже немецкой, но чехи и словаки покорно согласились быть съеденными, лишь бы в будущем ни с кем не воевать. Потом Англия, Франция, Германия и Италия заключили пакт четырёх, который тоже оказался фикцией. Но каждый пакт хотя бы на некоторое время гарантировал, что между заключившими его государствами не вспыхнет война.

Все тридцатые годы наркомом иностранных дел числился Литвинов, но в последнее время фактически внешней политикой стал руководить председатель Совнаркома, и в мае 1939-го Каменный Зад одновременно разместился в двух креслах: оставаясь предсовнаркома, Молотов стал ещё и наркоминдел. И все силы бросил на выполнение главного задания Сталина — во что бы то ни стало заключить с Германией пакт о ненападении.

Ульрих Фридрих Вилли Иоахим фон Риббентроп тоже не так давно стал министром иностранных дел. Когда он приехал в Кремль на заключение пакта, Молотов сказал:

— За это лето мы стали друзьями.

Пришлось Вячеславу Михайловичу и в честь Гитлера произнести тост. И все выпили. А Сталин сказал:

— А теперь предлагаю выпить за нового антикоминтерновца Сталина! — и хитро подмигнул Молотову. Потом он ещё предложил тост за Кагановича, и антисемит Риббентроп вынужден был выпить за здоровье еврея. Он выпил, разозлился и спросил:

— Могу ли я сообщить моему фюреру, что герр Сталин стал антикоминтерновцем?

— Сколько угодно, — махнул рукой Хозяин.

— А не пора ли нам начать обсуждение возможности присоединения СССР к союзу Германии, Италии и Японии? — продолжал Риббентроп.

— Что скажете, товарищ Молотов? — перебросил вопрос Сталин.

— Об этом надо хорошо подумать, — уклончиво ответил Вячеслав Михайлович.

— Давайте пока о поставках вин, — предложил Сталин. — Ведь господин Риббентроп ещё и виноторговец. Не хотите ли начать закупки наших массандровских? Давайте попробуем.

Стали пробовать, Риббентроп сдержанно хвалил, а Сталин нечаянно капнул красным на свой белый китель и засмеялся:

— Всё-таки, красное ко мне так и льнёт.

Переводчик перевёл, что товарищ Сталин любит красное вино, и красное вино тоже его любит.

— Вы, товарищ Хильгер, не совсем точно переводите, — погрозил ему пальцем Хозяин, пребывающий в прекрасном расположении духа, ведь как минимум полгода подписанный пакт нам гарантирует мирное сосуществование с этими крокодилами.

Риббентроп прилетел в Москву накануне в шесть часов вечера, с десяти до часу ночи в Кремле шли переговоры, и на другой день они возобновились с трёх до половины седьмого вечера, во время обеда пришло сообщение о том, что германские войска взяли Варшаву. Из Кремля переместились в Большой театр смотреть “Лебединое озеро”, снова вернулись в Кремль и снова вели переговоры с полуночи до пяти утра, и лишь тут состоялось подписание. Когда это дело обмывали, Молотов предложил Хозяину:

— Может, этого фон-барона затащить в кинозал и показать ему “Александра Невского”? Большаков и киномеханик наготове.

— Шутись, Дядя? — усмехнулся Сталин.

— Конечно шучу, Куба, — ответил Молотов, сверкнув пенсне, и они чокнулись, а Сталин предложил:

— Выпьем теперь за организатора сегодняшнего подписания, за товарища Молотова! Покуда он не взялся за дело, дружба Советского Союза и Германии долго скучала и плакала.

Хильгер старательно перевёл, Риббентроп рассмеялся, все выпили, а Сталин добавил:

— Молодец, Дядя!

В тот же день Риббентроп, побывав на только что открывшейся в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, улетел в свой Берлин. Через несколько дней в Зимнем саду смотрели не антигерманского “Александра Невского”, а антипольских “Минина и Пожарского”. К тому времени дураку Дукельскому дали пинка под зад, и теперь в Кремлёвском кинотеатре энергично распоряжался всегда бодрый и элегантный Большаков:

— В целом фильма уже готова, но общий рисунок всегда можно будет подправить. Готовы принять любые замечания.

За несколько месяцев новый предкино настолько освоился в своей должности, что казалось, он всегда заправлял советским люмьерством. Он взялся за доведение до ума грандиозного проекта о Первой Конной, поддержал Зархи и Хейфица в их идее фильма “Член правительства”, встречал давно сошедшую с экранов, но всё ещё любимую Мэри Пикфорд, организовывал первый детский кинофестиваль и настолько включился в переговоры с Каннами, что организаторы тамошнего фестиваля не на шутку испугались его недовольства тем, что в этом году советское кино ими поставлено по обидной третьей категории, и в итоге вместо отобранных французами двух картин туда поехали четыре — “Ленин в 1918 году”, “На границе”, “Если завтра война” и пырьевские “Трактористы”, после которых этот режиссёр наконец-то пошёл в гору. Впрочем, ни один наш фильм не удостоился награды, потому что этот первый Каннский фестиваль не состоялся, оставшись только на афишах, ибо Германия вторглась в Польшу, началась Вторая мировая и во Франции объявили всеобщую мобилизацию. Вообще-то, до взятия Парижа и французской капитуляции сто раз бы успели провести!

Почти трёхчасовая картина “Минин и Пожарский” произвела на всех удручающее впечатление, прежде всего на главного зрителя:

— Хорошо, что я дочку не взял, — сказал он. — Она бы не простила. Какое занудство! Какое скукоделие! Я вообще этого вашего Пудовкина не люблю. Не понимаю, что все в нём находят. И вы ещё говорите, это не весь монтаж? На сколько же рассчитана вся эта тягомотина?

— На три часа ровно, — виновато, но с достоинством ответил Большаков.

— Сократить до двух часов, не более, — отрезал Сталин треть ленты. — Я бы вообще запретил к показу, но нам сейчас надо против Польши. Показать, как поляки бесчинствовали на Руси. Здесь это есть. Так что сокращайте и выпускайте. А вот фильмы против Германии придётся пока придержать. Пакт подписали. “Александр Невский”, что там ещё?

— “Эскадрилья номер пять”, “Семья Опшергейм”, “Профессор Мамлок”, — начал перечислять Большаков.

— Да, все антифашистские картины тоже. Я распорядился даже слово “фашизм” не использовать нигде пока что. Немцы, конечно, хреновый союзник, но придётся до поры до времени соблюдать политекс. И надо ещё против Польши что-нибудь снять. Кто у нас легко откликается на злобу дня? Ромм?

— Ромм, к примеру, — кивнул Большаков.

— Найдите ему сюжетец. Хорошо бы о том, как плохо жилось на тех территориях, которые мы сейчас у поляков забирать будем. Львов, Черновцы, Луцк, что там ещё? Брест, Белосток, Вильно.

— Я уже поручил Ивану Григорьевичу сколачивать кинобригады и отправлять туда, — сказал Молотов.

— Да, Довженко готов хоть завтра, — кивнул Большаков.

— Ну, этот самостийник, понятно, рад, что его хохлам от поляков такие земли откупаем, — засмеялся Ворошилов.

— Это точно, — кивнул Сталин мундштуком трубки. — Как там они говорят? Удавим ляха кишкой москаля?

— И утопим в крови жида, — добавил Каганович.

— Будем надеяться, что не всем украинцам по сердцу такая поговорочка, — покачал головой главный зритель. — А Пудовкин, конечно, нагрозил.

— Ну, сражения неплохо показаны, — заступился нарком обороны.

— Ладно, не огорчайтесь, товарищ предкино. — Сталин встал и похлопал Большакова по плечу. — Ведь эту фильму ещё до вас затевали, при этом котёночке Дукельском. Но одно было очень хорошо в сегодняшнем просмотре. Знаете, что?

— Что?

— Ни разу не оборвалось, не заело. И вообще, с тех пор, как вы порекомендовали нам нового киномеханика, мы смотрим без остановок на всякую там починку. Даже перестали обращать внимание. Это как когда едешь по хорошей дороге, забываешь, что бывают ухабы и колдобины. Ганьшин?

— Ганьшин.

— Пригласите его сюда.

Привели киномеханика. Худой, примерно одного роста со Сталиным, держался спокойно, с достоинством.

— Здравствуйте, товарищ Ганьшин, — обратился к нему главный зритель. — Скажите, почему у предыдущих механиков бывали частые сбои? То звук не совпадает, то плёнка загорится, то аппарат сломается. А у вас ни разу. Чем объясните?

— Техника меня любит, товарищ Сталин, — просто ответил Ганьшин.

— Вот как? Обычно говорят, я люблю технику, а тут — она вас?

— Я её тоже люблю, но тут, как с женщиной, она должна испытывать ответные чувства. Иначе любви не бывает.

— Да вы, я гляжу, за словом в карман не полезете, — одобрительно усмехнулся Хозяин.

— Что есть, то есть, — потупился киномеханик. — Я же, как Пушкин, тоже Александр Сергеевич. А он за словами вряд ли по карманам лазил.

— Молодец, Александр Сергеевич! А сколько звёзд на небе, знаешь?

— Ну, это самый простой вопрос. На него ещё Суворову один офицер хорошо ответил.

— И что же он ответил?

— Уж извините, но он сказал так: столько же, сколько дурак может задать вопросов.

— Ганьшин! — воскликнул в ужасе Большаков.

— Ничего, товарищ предкино, — успокоил его Сталин. — Это действительно был такой случай. И что же сделал Суворов?

— Он сначала обиделся, а потом этого офицера повесил.

— Как-как? Повесил? — в шутку как бы не расслышал Ворошилов.

— Повесил, — ответил Сталин, подумал, посмотрел на окошко кинобудки, расположенное высоко под потолком. — Ну, вы у нас, товарищ Ганьшин, и без того высоко сидите, повышать вас некуда. Надеюсь, вы и впредь будете хорошо кино показывать, понижать не придётся. Постойте-ка!.. — вдруг ещё внимательнее взгляделся в Ганьшина главный зритель. — Фокусник!

— Было когда-то, — смущённо засмеялся Александр Сергеевич.

— Перед Большим театром! — почти ликовал Сталин. — Билеты проворачивал! И они летали! А потом платок!

— И я вас помню, как вы с женой входили, — ответил киномеханик.

— А ещё потом в цветной короткометражке! — припомнил Иосиф Виссарионович.

— Было дело, — улыбался Ганьшин.

— Ну и ну, — продолжал радоваться Сталин. — Так вы у нас фокусник. Вот почему у вас кино всегда в фокусе! Пойдите-ка, а ведь я часто носу его с собой. — И он, достав из кармана красный носовой платок, показал его киномеханику Ганьшину.

Глава девятая РАЗГРОМ

— Неужели Гитлер? — искренне удивился Сталин.

— Да, товарищ Сталин, представьте себе: Гитлер, — без тени иронии подтвердил генерал армии Жуков. — Вот прямо так: Гит-лер. Но только не Адольф, а Семён.

— Еврей, поди? — спросил Берия.

— Разумеется. Но каков молодец! — Жуков слегка улыбнулся. — Восемь суток держал высоту, уничтожая противника из пулемёта.

— Точно, что восемь? — усомнился Берия. — Может, как в том анекдоте? Еврей прыгнул с парашютом, приземлился и говорит: “Товарищ командир, запишите мне не один, а два прыжка. Потому что это первый-таки и последний”.

— За что купил, за то и продаю, — ответил Жуков. — Мне про него генерал-лейтенант Софронов рассказал. Будучи ранен, этот Гитлер продолжал стрелять и потом десять километров полз к своим сквозь ряды противника. Представили к медали “За боевые заслуги”, но Софронов лично повысил, зачеркнул и вписал: “За отвагу”. А можно было бы и на Красную Звезду расщедриться.

— Ну, товарищи, — развёл руками Сталин, — если уж за нас даже Гитлер доблестно воюет, немцам давно пора лапки кверху!

Все от души рассмеялись, пребывая в превосходном настроении после привезённых Жуковым новых победных реляций: продолжая гнать гитлеровцев от Москвы, наши войска полностью очистили территорию Московской области. Всех присутствующих в кабинете у Сталина членов ГКО наполняло предвкушение грядущей полной победы, изгнания врага со всей территории страны уже к лету этого, 1942 года.

— Кстати, о евреях, — заметил Молотов. — На конференции в пригороде Берлина Ванзее германское руководство постановило о полном уничтожении евреев во всей Европе.

— До нашего Кагановича они всё равно не дотянутся, — отозвался на это сообщение Верховный главнокомандующий. — Ручонки-то мы им уже пообломали.

Не будучи членом ГКО, Каганович присутствовал при разговоре и с благодарностью улыбнулся.

— Хорошо бы проследить, чтобы этот наш Гитлер не погиб, — предложил Жуков. — Когда мы будем арестовывать ихнего Гитлера, пусть наш участвует. Это будет красиво.

— Красиво, — кивнул Сталин.

— Кстати, помимо Гитлера, — добавил Жуков, — более распространена у нас фамилия Геринг. Только в сражении под Москвой зафиксировано целых пять Герингов с нашей стороны.

Все снова посмеялись.

— Ну, что же, товарищ Жуков, — сказал Сталин, — после освобождения Можайска и Бородинского поля пора гнать фрицев по Старой Смоленской дороге, как некогда французских шаромыжников. На Вязьму. Взять её к марту. А в апреле — Смоленск. Что вы по этому поводу думаете?

Сейчас Верховный обращался к Жукову ласково, а ещё недавно осенью какие у них стычки случались, неприятно и вспоминать-то. Георгий Константинович лавировал на грани — не то пан, не то пропал. Часто он готов уже был услышать: “Вы арестованы”, — пузырь его жизни раздувался, но так и не лопнул в страшные месяцы операции “Тайфун”, когда между ним и Сталиным возникла настоящая неприязнь.

При этом многое роднило этих двух людей — одного роста, один начинал как сапожник, другой — как скорняк, и оба самой крепкой выделки.

В Первую мировую унтер-офицер Георгий Жуков отхватил два солдатских Георгия, в гражданскую воевал там же, где и Сталин, под Царицыном. Первый орден Красного Знамени получил за подавление под руководством Тухачевского Тамбовского восстания, за что чуть не поплатился жизнью — политически близорук, не разглядел врагов народа. Но направил телеграмму своим бывшим сослуживцам по Царицыну — Сталину и Ворошилову — и только тем спасся, велели не трогать соратника, а заодно и приказали досрочно дать ему звание комдива.

А вскоре пришла и слава: в боях за Халхин-Гол командир дивизии Жуков командовал корпусом, умело бил японцев и заслуженно получил комкора, а также звание Героя Советского Союза. После учреждения генеральских званий сразу же сделался генералом армии. А вскоре его назначили начальником Генштаба, но началась война, и уже в июле на этом посту его сменил маршал Шапошников.

Самого же Георгия Константиновича, как палочку-выручалочку, бросали туда, где хуже всего. После успешной Ельнинской наступательной операции его кинули на защиту Ленинграда, и ему удалось сдержать немцев на самых подступах к городу Октябрьской революции. А когда Ленинградский фронт стабилизировался, Сталин срочно вызвал Жукова оборонять Москву. И он остановил немца на подступах к столице. А потом и повёл войска в контрнаступление.

После катастрофы первой недели войны Сталин наорал на Жукова, и тот от обиды разрыдался и убежал. “Плачущий начальник Генштаба?” — возмутился Сталин и в итоге снял его с этой должности. А уже под Москвой, когда Сталин снова сорвался, Жуков холодно посоветовал ему самому руководить обороной: “Воюй сам!” — и хлопнул дверью. “Перестал плакать”, — сказал Сталин и через несколько дней принёс извинения.

Когда немцы подошли совсем близко к Москве, Жуков по телефону попросил Сталина разрешить перенести штаб фронта из Перхушково на Белорусский вокзал. “Ладно, — с ненавистью ответил Верховный, — но на Белорусском вокзале я займу ваше место”. И долго ещё отзывался о Жукове с крайним раздражением. Даже двоежёнство полководца его выводило из себя. В семейной жизни сорокапятлетний Георгий Константинович действовал на два фронта — жил то с Марией Волоховой, имея с ней дочь Маргариту, то с Александрой Зуйковой, родившей ему тоже дочек — Эру и Эллу. И ни с Марией, ни с Александрой в официальном браке не состоял.

— Он когда-нибудь определится, с кем жить, с Машкой или с Сашкой! — негодовал главный вдовец Советского Союза.

— Да у него с осени ещё и Лидочка завелась, — докладывал со смехом Власик, сам тот ещё ходок по женской губернии. — Фронтовая фельдшерица, лейтенант медицинской службы.

— Ну кобели, ну кобели! Что ты, что он! Тьфу!

Но сейчас всё изменилось, и Иосиф Виссарионович разговаривал с Георгием Константиновичем ласково:

— Не зря мы тогда вытащили вас из тухлого мешка с Тухачевским и переложили в корзину, где мы с Ворошиловым.

— Что не зря, то не зря, товарищ Сталин, — вежливо ответил Жуков.

— Ну, что, товарищи члены Государственного комитета обороны, все насущные дела мы с вами обсудили, время ночное, и мы можем позволить себе пойти посмотреть кино.

И они повалили гурьбой в Зимний сад: Верховный главнокомандующий Сталин, генерал армии Жуков, нарком иностранных дел Молотов, маршал Ворошилов, нарком внутренних дел Берия, нарком путей сообщения Каганович и генерал-лейтенант Василевский, ввиду болезни Шапошникова временно исполнявший обязанности начальника Генштаба. Там их уже ждал предкино Большаков, а в своей кинопроекторной огневой точке — Ганшин. Сталин угостил всех вином и коньяком, выпил за успех под Москвой и объявил:

— Недели три назад мы с вами, товарищи, смотрели фильму режиссёров Варламова и Копалина. Сделали ряд замечаний. Посмотрим, как они справились. А заодно и наши герои битвы за Москву, генералы Жуков и Василевский, посмотрят. Может, с их точки зрения, что не так. Александр Сергеевич, — повернулся он в сторону амбразуры кино и махнул: — огонь!

Погас свет, зажёгся экран, высветилось название “Разгром немецких войск под Москвой”, под титры зазвучала музыка песни “Мы не дрогнем в бою за столицу свою”, пошли кадры Москвы, закамуфлированные здания. Жуков вздрогнув, увидев себя, орудуя циркулем по карте. Москвичи роют оборонительные сооружения: женщины, девушки, бабушки, дедушки, дети. Длинная очередь записывающихся на фронт добровольцев. Женщины и девушки за станками оборонных предприятий. Заклочительный отрывок речи Сталина на трибуне Мавзолея седьмого ноября. Странно, подумал Жуков, почему на его шинели нет снега? Ведь в тот день шёл мокрый снег, прилипал к одежде. Вот и войска движутся по изрядно заснеженной Москве. А из лошадиных ноздрей — огромные клубы пара. Пошли кадры боевых действий, то, что осенью и зимой Георгию Константиновичу доводилось видеть в сто раз больше, чем московских улиц. Наконец, виды разгромленной немецкой техники, трупы пришельцев, явившихся нас поработить и уничтожить, обмороженные и злые морды пленных. Хорошо отозвался о них диктор фильма: “Жалкое отребье, именуемое людьми”. Но Жуков бы ещё похлеще обозвал этих выродков, уж он всего навиделся на освобождённых от врага территориях.

Хороший интертитр: “В сраженьях за Москву куётся боевая гвардия Великой Отечественной войны, рождаются бойцы и командиры, прославленные доблестью, закон которых — Победа!” Точно сказано: Победа, возведённая в закон. И закон — непреложный. Победа или смерть. Иного пути у нас нет.

Какие хорошие лица у награждаемых солдат и офицеров. Мы действительно расово не такие, как немцы, пришедшие по приказу Гитлера. Мы — люди, в человеческом облиции, с глазами, за которыми кроется широкая и глубокая душа. Они — звери, отдалённо похожие на людей, с оловянными глазами, за которыми не ощущается присутствие никакой души. Это не просто Великая Отечественная война, не просто война Народная. Это война людей с дьяволами. И он, Жуков, это сейчас прекрасно осознаёт и будет бить и гнать, бить и гнать, потому что не должно оставаться этих упырей ни на русской земле, ни вообще на земном шаре!

Молодцы Варламов и Копалин, умело смонтировали кадры, снятые многочисленными военными кинооператорами. Причём Илью Копалина Георгий Константинович хорошо помнил: он снимал бои на “Харкин-Голе” и выпустил документальную ленту.

Снова Жуков увидел себя, теперь уже в стадии подготовки контрнаступления. А он неплохо смотрится на экране, вполне импозантный мужчина. Опять бои, атаки наших бойцов в белых маскахалатах, похожих на снеговики, действия нашей авиации. Бравые танки, прославившиеся “тридцатьчетвёрки”, верные помощники в кровавой битве. Только к концу осени удалось наладить их бесперебойное производство, и они удивили фрицев своей манёвренностью и точностью стрельбы.

— А знаете, как фрицы называют наши “катуши”? — усмехнулся Жуков и сам тотчас ответил: — Сталине оргель, что значит сталинский орган. Издали и впрямь напоминает органную музыку.

Милые лица русских людей, оказавшихся под врагом и теперь освобождённых. А сколько их, несчастных, долго ещё будут изнывать во вражеской неволе! И когда мы их освободим? Легко сказать: завтра Вязьма, послезавтра Смоленск, уж ему-то, Жукову, понятно, что война ещё только начинается, и освобождать советские территории будем не месяц и не два, хорошо ещё, если к сорок третьему году.

Милая смешная старушонка, осеняющая себя крестными знаменами, встречая воинов-освободителей, сначала только правой рукой крестилась, а потом и сразу двумя руками, как крестятся только при самой великой радости. Потом пошли кадры немецких зверств, обугленные трупы, убитые

женщины с младенцами. Георгий Константинович своими глазами видел такое, и даже он, суровый воин, содрогался от ужаса.

Нелюди! Долго ещё нам придётся истреблять вашу гнусную стаю!

Разрушенный дом Чехова в Истре, уничтоженный новоиерусалимский храм Растрелли и Казакова, разорённый дом Чайковского в Клину, осквернённая Ясная Поляна, где вокруг могилы великого автора “Войны и мира”, как поганки, повывлезли могилы убитых фрицев, и хорошо сказал закадровый голос: “Рядом с могилой Льва Толстого они осмелились закопать вшивые трупы своих мародёров и висельников”. Кадры фильма входили в самое сердце, наполняя его решимостью драться до конца с европейскими варварами. В финале продолжалось освобождение городов Подмосковья, радостные лица жителей, красивый снег на деревьях, пар изо рта бойцов. “Подмосковная земля полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков, грабителей и убийц”. Молодцы, киношники, на ходу подмётки рвут, заранее постарались, ведь полностью-то Подмосковье только на днях освобождено. Заснеженное Бородино, орлы на обелисках. “По полям великой Бородинской битвы вперёд, на запад движутся части Красной армии, преследуя отступающего врага”. Хорошая концовка!

Жуков только в январе стал высыпаться, всю вторую половину прошлого года приходилось спать урывками. Но сейчас он жадно смотрел то, что показывали на экране, и спать совсем не хотелось.

— Ну как, товарищи полководцы? — обернулся к Жукову и Василевскому главный зритель. — Всё ли по делу показано?

— Хорошо сделано, товарищ Верховный главнокомандующий, — первым откликнулся Василевский.

— Согласен, — коротко ответил Жуков. — Сильно.

— Приглашаю к столу, — сказал Сталин, и все вышли из рядов кресел, чтобы слегка выпить и закусить. — За вас, товарищи полководцы, — поднял свой бокал Хозяин. — Спасибо вам за победу в битве под Москвой. А ведь мы своевременно очистили для вас пространство. Иначе бы все эти Тухачевские, Якиры, Уборевичи, Гамарники под ногами бы у вас путались, и каждый в свою дуду. Что скажете, товарищ Жуков?

— Я это не сразу понял, товарищ Сталин, — честно признался Георгий Константинович. — Поначалу думал: не хватает нам командного состава, уничтоженного во время чисток. А потом, как представил себе... Лебедь, рак да щука.

— Вот видите, — усмехнулся главный полуночник страны. — А вас бы к возу и не подпустили бы даже. Они твердили, что надо дать дорогу молодому поколению полководцев. Имея в виду себя. А мы дали дорогу ещё более молодым. Которые на год, на два, на три помоложе их. Но не лезли в Наполеоны. Надеюсь, товарищ Жуков, вы не лезете в Наполеоны?

— Не лезу. Я лезу и рвусь громить нового Наполеона, — с некоторой обидой в голосе ответил Георгий Константинович.

— Вместо тех Тухачевских в боях за Москву мы получили замечательных военачальников, — продолжал Сталин. — Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева. Которым можно доверить изгнание психованного фюрера из пределов Отечества.

От выпитого коньяка Георгий Константинович несколько осовел, непреодолимо захотелось в постель, провалиться в небытие сна. Час ночи. А этот усатый котяра затеял ещё один просмотр, да не часовой, как предыдущий, а — мать честная! — на целых три часа зарядил волюнку. “Оборона Царицына” называется. Те же братья Васильевы, что и “Чапая” сняли, но только сия трёхчасовая мутота ни в какое сравнение не идёт. Действие разворачивается долго, Ворошилов, которого играет актёр Боголюбов, ведёт войска на Царицын. Потом появляется сильно загримированный актёр Геловани в образе Сталина, долго доказывает, что Царицын нельзя сдавать врагам, потому что иначе Москва и Петроград сдохнут с голоду, а отсюда по Волге необходимо наладить снабжение центра продовольствием. Скулы сводит от сдерживаемой зевоты, а ведь — ёксель-моксель! — никак нельзя уйти на хрен из этого чёртова Зимнего сада, где все сидят и преют в кожаных креслах,

потому что на экране постоянно образ Сталина с Ворошиловым под ручку, как шерочка с машерочкой.

Продирая слипающиеся глаза, Жуков с ненавистью смотрел на седеющий затылок главного зрителя. Не спится ему, генацвале этому, по ночам любит свои кошачьи глаза тарашить на экран. Тебя бы в ночную разведку, самое милое дело. Это тебе не на бильярде шары лупить. Господи, до чего же спать хочется!

Спасала лишь привычка на несколько минут отключаться и потом снова включаться, хватало ещё на пять-шесть минут бодрости. Только бы этот рябой кот не оглянулся и не увидел, как кто-то за его спиной успеваешь покемарить.

Увидев себя в документальном фильме, Жуков думал: вдруг да и в художественном кто-то сыграет маленькую ролишку красноармейца Жукова. Хотя какой там? Он ведь не в восемнадцатом, а в девятнадцатом сражался под Царицыном, получил поцелуи осколков от гранаты. Но это же кино, здесь неточности допускаются, могли бы и вставить его тоже. Впрочем, надеяться глупо, сиди и смотри на киношных Сталина и Ворошилова, таких с ног до головы правильных, что аж тошнит.

В “Чапаеве” драматургия брала за душу, Чапай в исполнении артиста Бабочкина покорял своей простотой и наивностью, иной раз бывал смешным, а в итоге, когда он плыл через Урал, сильно хотелось, чтобы он доплыл, и становилось невыносимо плохо, когда он так и не вынырнул, сражённый пулей. А здесь? Если бы показали, что Сталин и Ворошилов погибают от прямого попадания снаряда, никто бы и не прослезился. Не могли братья Васильевы показать шерочку с машерочкой в растерянности, пусть минутной, в нелепом положении. Нет, ну, как же, это же сам Сталин и сам Ворошилов! Они всегда уверены в себе и правы.

Только бы не уснуть! Только бы не захрапеть! Кто тогда будет гнать карающего немецкого Наполеона до Вязьмы и Смоленска, до Минска, Варшавы и Берлина? Товарищ Жуков, вы спите при показе героического боевого прошлого Верховного главнокомандующего? Сдать оружие, лицом к стенке, по приговору шерочки с машерочкой вы приговариваетесь к высшей мере наказания — расстрелу. Или ещё хуже — к вечному сидению перед экраном, на котором показывают эту скукоптицу.

Так и хочется двинуть кулаком по грузинскому затылку. Гляньте, какое кинолюбие! Эх, если бы крутили какую-нибудь легкомысленную чепуху про пашни американских вертихвостов, можно было бы спокойно откланяться и уйти. Ан, нет! Отыгрался Коба за то, что его поначалу в кино вообще не показывали, потом он нарисовался на заднем плане в “Ленине в Октябре” и в “Ленине в 1918 году”, в “Великом зареве” и в “Валерии Чкалове”. И вот, наконец, получите — в “Обороне Царицына” он постоянно на виду у зрителя, как какой-нибудь правильный Гамлет или явившийся всем отомстить Чацкий. И извольте сидеть и смотреть, преля задницей в кожаном кресле.

Жуков подумал о том, что надо из всего извлекать пользу. Вот какая польза от этой тяготины? Конницы и пиротехники у режиссёров на сей раз немерено, постоянно на экране скачут, сверкая пашками, грохочут взрывы, взметая в небо землю, всё довольно масштабно снято. А не хватает за душу, как в “Чапаеве”, когда у Анки-пулемётчицы кончились патроны в “максиме”, и в последнюю минуту Чапай со своими лихими ребятами выскочил из-за холма на выручку.

Значение Царицына. Ну, конечно, значение Царицына, вот что важно. Потерпев поражение под Москвой, куда бы двинул свои армии Жуков, будь он фрицем? На Царицын. Сиречь, на Сталинград. Важнейший город на Волге. Произведения искусства, даже такие плохие, как эта “Оборона Царицына”, нередко бывают пророческими. Зачем была снята теперешняя тяготина? Понятное дело, чтобы показать подвиги Сталина с Ворошиловым. Но глубинный смысл иной: нам предстоит новая битва за Царицын, сиречь, за Сталинград. Или это лишь шальные мысли в мечтающей о сне голове?

Господи, неужели кончилось? Четыре часа утра. Свет в зале включился,

и снова все идут к столу, чтобы поднять бокалы. Наконец-то можно проверить взопревшие ягоды. Лицо Сталина почему-то хмурое:

— Ну, что, товарищи, все ли замечания выполнены после нашего предыдущего просмотра?

Ишь ты, поди ж ты, они, оказывается, во второй раз эту трёхчасятину смотрят! А он и один раз еле высидел. Видно, правда, что Коба способен одну и ту же картину по сорок раз пересматривать.

Загудели, что на сей раз гораздо лучше смотрится. Врут или взаправду? Только бы его мнения не спросили.

— А товарищ Жуков что скажет? — спросили-таки грузинские усищи.

— Мне... — Георгий Константинович задумался. — Мне показалось... Что в первой фильме Сталин более естественно смотрится, чем во второй, — нашёлся, что ответить он.

Главный зритель засмеялся, понимая, что “Оборона Царицына” Жукову не понравилась. Да видно было, что и сам он не в восторге.

— Вот это верно подмечено. — Мундштук дымящейся трубки ткнулся в сторону широкой жуковской груди. — Сталин лучше играет роль Сталина, чем Геловани. Мы тут решили присудить Сталинские премии обоим этим фильмам. Может, и товарищу Сталину дадим за роль товарища Сталина?

— Я бы горячо поддержал такую инициативу! — засмеялся Большаков.

— А что касается “Обороны Царицына”, — добавил главный зритель, — то на второй серии даже мне захотелось спать. А что говорить о нашем советском зрителе? В прокате можно вполне ограничиться первой серией.

Глава десятая

САПОЖНИК, КУХАРКА И ФОКУСНИК

Ганьшин вжился в свою роль суворовского офицера и понимал, что только чистосердечие его спасает: он, в отличие от других смотревших “Оборону Царицына”, прямо заявил:

— Скажу честно, не понравилось.

— Скажу честно, мне тоже, — тяжело выдохнула трубка огромное облако ароматного дыма.

Разговор шёл через несколько дней всё там же, в Зимнем саду, после того как главный зритель в одиночестве посмотрел позапрошлогднюю “Мою любовь” с Лидией Смирновой и Николаем Переверзевым и в очередной раз свой любимый “Большой вальс”, с показа которого началось восхождение Ивана Большакова. Они поделились мнениями об обеих картинах, и тогда Сталин спросил про “Оборону Царицына”.

— А вам почему, Александр Сергеевич?

— Могу поделиться своими главными соображениями, Иосиф Виссарионович.

— Извольте.

— Взять “Войну и мир”, — начал Ганьшин. — Основной массив книги Толстого, конечно же, военно-политический. От Аустерлица до Бородино и далее. Но сквозь этот интереснейший массив, как сквозь гроззовые облака, бьются молнии личных человеческих взаимоотношений. Наташа и Андрей. Наташа и Анатолий. Пьер и Элен. И так далее. На них, как железобетон на арматуре, всё держится. Или Шекспир. Безобразие междоусобной вражды двух семей, да. Но оно показано через трагедию Ромео и Джульетты. Даже в “Чапаеве” есть намёк на развитие любовных отношений Петьки и Анки. А в “Обороне Царицына” нет этих стержней. И, уж извините, Сталина в артисте Геловани я тоже не увидел.

— Иному кинокритику стоило бы перестать писать статьи и заняться киномеханикой. А вам бы в кинокритику податься, — оценил суждения Ганьшина главный зритель.

— Ну, уж, нет уж, — отмахнулся Ганьшин. — Мы тогда совсем кино не увидим, сплошные накладки да обрывы.

— Тогда я назначаю вас своим личным кинокритиком. Мне, если честно, Геловани тоже не по душе. Не я это. Не я, а какой-то отвлечённый

Сталин. И уж слишком правильный. Вот так этот Сталин никогда не сделает! — И Иосиф Виссарионович с озорством во взгляде зажжёт спичку о собственное колено.

Ганьшин засмеялся:

— Это точно! Лихо у вас получается.

— А что, товарищ Ганьшин, в Америке ведь тоже была гражданская война. Да ещё какая. А хороших кинокартин о своей войне Севера и Юга они так и не сняли.

— Сняли, товарищ Сталин.

— Сняли?

— Так точно. Есть у них картина такая, что нам и не снилась.

— Прямо-таки и не снилась! — рассердился Сталин.

— Называется “Унесённые ветром”. У нас есть одна копия, и я её заблаговременно привёз сюда в Кремль. Самый крупный кассовый сбор в истории Америки. А в прошлом году десять премий “Оскар”.

— Отчего же я впервые об этом слышу?

— Этого не могу сказать. Но знаю точно, что Агитпроп категорически запретил и саму картину, и книгу, по которой она сделана.

— Ничего не понимаю! Такая фильма, такой успех, а этот чокнутый Агитпроп запретил? Она что, антисоветская, эта фильма?

— Нет, она и не может быть антисоветской. Там и действие происходит во времена, когда и знать не знали, что такое советское и антисоветское.

— В чём же дело?

— В книге главные герои ближе к концу становятся ку-клукс-клановцами, и это никак не осуждается. А даже наоборот, воспевается.

— Тогда понятно, — хмуро согласился с Агитпропом Сталин. — А в фильме тоже?

— В фильме этого нет. Но если пустить картину на наш экран, зритель скажет: “Дайте нам и книгу!” И как тогда? Но думаю, что и наш Иван Григорьевич не сопротивлялся, потому что американцы такие деньгищи бы за прокат затребовали, что держись. И Большаков смирился. Даже вам не стал докладывать, не хотел отвлекать от дел.

— Отвезите фильму на Ближнюю дачу, там и посмотрим, — приказал Сталин и застенчиво улыбнулся. — А то я Агитпропа сам боюсь, как огня. Объявят меня буржуазным приспешником. Там этот, Александров. Георгий Фёдорович. Из молодых, да ранний. Диссертацию по Аристотелю писал. А где у Аристотеля сказано, что произведения литературы и искусства следует запрещать?

— Думаю, у Аристотеля это нигде не сказано.

— И вообще, — улыбнулся Сталин, — давайте, мы наши тайные кинопросмотры на Ближней будем устраивать, от греха подальше. Когда с членами правительства, — это одно, пусть здесь. А когда с вами... Назовём нашу тайную подпольную организацию “Волшебный фонарь”! Короче, установите там киноаппаратуру где-нибудь в Малой столовой, скажем. Я распоряжусь, чтобы вам разрешили.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — отозвался Ганьшин. — А кстати, о Гитлере. Я что-то не упомяну, чтобы я вам показывал “Великого диктатора”.

— Это последняя фильма Чаплина?

— Да. Её тоже запретили покупать.

— А её почему? Там ведь что-то против Гитлера.

— Ну да. А у нас же до двадцать второго июня была с Гитлером любовь-морковь. А уж как война началась, не до Чаплина стало. А там ситуация примерно такая же, как с этим Гитлером, который за нас воюет. Я слышал рассказ товарища Жукова. Только в фильме не однофамильцы, а двойники, и Чаплин играет одновременно и Гитлера, и человека, как две капли воды на него похожего.

— А есть копия?

— Есть, хоть и плохонькая.

— Её тоже привезите.

Потом Сталин надолго забыл про кино. Ржевско-Вяземская операция, призванная взять в клещи голову группы армий “Центр” и затем развить наступление на Смоленск, оказалась постепенно крепнущей Красной армии не по зубам. Конев, Рокоссовский и Жуков не могли справиться с Клюге и Гудерианом, солдаты гибли десятками тысяч, особенно подо Ржевом. Желаемого ответного блицкрига у нас не получалось.

Одиннадцатого апреля Верховный возвращался с заседания Совнаркома, посвящённого утверждению списков лауреатов второй по счёту Сталинской премии. На Ближней даче его встречала двадцатипятилетняя Валечка, вот уже шесть лет здесь работающая, сначала только кухаркой, а потом и сестрой-хозяйкой, как называлась должность экономки.

Удивительный человек. Все любили её за весёлый и лёгкий нрав. Что бы ни происходило, ей всё с гуся вода. Звонкий Валечкин смех наполнял Ближнюю дачу жизнью, которой Хозяину так не хватало после самоубийства жены. И все Валечку любили, даже ревнивые дети Вася со Светой.

Сталина она покорила шуткой, с которой и началось знакомство с нею. Впервые появившись в Вольнском, она подошла к Иосифу Виссарионовичу и спросила с лукавым взглядом своих озорных глаз, явно разыгрывая смешную ситуацию:

— Простите, товарищ, могу ли я видеть товарища Сталина?

— Можете, — стал он сразу ей подыгрывать. — А может, и не можете.

— Это как, простите?

— Ну, если можете, что сможете, а если не можете, то и не сможете.

— Ну, вы шутник, товарищ! — рассмеялась девушка. Ей тогда ещё только двадцать два исполнилось.

— Шутник, шутник, — согласился Хозяин.

— Простите, а вы, часом, не сам ли товарищ Сталин?

— Нет, я сапожник Оська, ваксой воняю, сапоги починяю. Башмачник, короче. Вон, у вас каблук скоро отскочит, могу приделать.

— Да ладно вам! Что ж я, не вижу, что вы и есть сам товарищ Сталин?

— А вы-то кто есть такая?

— Жбычкина Валентина Васильевна, товарищ народный комиссар, прислана к вам на должность кухарки товарищем Власиком. Окончила школу при НКВД, имею два квадрата.

— Это значит, сержант госбезопасности?

— Так точно, товарищ народный комиссар.

— Да какой я тебе народный комиссар, если я сапожник Оська? — не хотел прекращать шутку Сталин.

— В таком случае, я — Мэри Пикфорд, товарищ народный комиссар-сапожник.

— В таком случае, добро пожаловать к нам на кухню. Американских актрис у нас отродясь не бывало. А ну-ка, Мэри Пикфорд, скажи что-нибудь по-английски.

— Хау ду ю ду, мистер? — И она сделала некий неподражаемый жест.

С того и пошло у них постоянное шутейное общение. В первый же день он заказал ей паровые котлетки и голубцы, и она их так приготовила, что он снял с её ноги туфельку и лично починил, чтобы каблук не отвалился.

Валечка родилась на Орловщине, в восемнадцать лет приехала в Москву на удачу, устроилась на ткацкую фабрику. Однажды на улице к ней обратился солидный дяденька, она ему сильно понравилась своим острым язычком, а оказалось, это начальник охраны самого Сталина.

— Это как это вы одновременно и Николай, и Власик? Что-нибудь одно. По мне, так Власик лучше, смешнее.

Зная, как Сталин любит таких весёлых и безбоязненных, Николай Сидорович сразу определил, что эта Жбычкина скрасит Хозяину его унылое вдовство. Пусть даже не в смысле того самого, а просто для лёгкого общения.

Но сначала её определили кухаркой в Зубалово, и лишь когда она там зарекомендовала себя с самой лучшей стороны, перевели в Вольнское. Власик, та ещё кобелирующая личность, и сам был бы не прочь с ней развлечься, но получил от ворот поворот и, решив: “Ну, погоди!” — определил весёлую

девушку в школу госбезопасности, а потом и направил на Ближнюю дачу, потому что готовила Валечка изумительно. И главное, простые незамысловатые блюда, которые больше всего любил Хозяин. К тому времени у неё уже появился женишок, Иван Истомин, младший лейтенант, но не из органов. Куда денешься? Была Жбычкина, стала Истомина. И не прикоснись: мужу скажу, у него тоже пистолет имеется!

В тот апрельский мокрый и студёный вечер Хозяин вернулся из Кремля не очень поздно. Усталый, измученный. Удручало, что не получилось быстро прогнать фрица с советской земли, завязли подо Ржевом, и ни туда ни сюда, кровавая мясорубка там — не приведи Боже! Ныла рука, ныла нога, лопило в поясице. Новых шуток не сыскалось, использовал расхожую:

— Скажите, товарищ Сталин дома?

— А вы сапожник? Он давно ждёт вас, проходите. Кушать хотите? Котлетки? Голубчики?

— Сегодня почему-то хочется ветчины. С таким слоем жира, толщиной с палец. Есть такая? И коньяку хочу.

— Сделаем.

Он отправился налево в Малую столовую, увидел там две приветливые морды кинопроекторов “Симплекс” и с удовольствием расположился рядом с ними в жёстком кресле. Рядом на столике спал телефон, он разбудил его, позвонил Большакову и приказал прислать Ганьшина.

— Мне тоже приехать? — спросил Иван Григорьевич.

— Отдыхайте.

Вскоре появилась всегда расторопная Валечка. До войны, приготовив Хозяину ужин, она вместе с другой челядью уезжала в Москву, и автобус развозил всех по домам, её — в Орликов переулок, к мужу. Но с началом войны Ивана Истомина мобилизовали, и Хозяин попросил её оставаться ночевать на Ближней.

— С удовольствием, — согласилась она. — Но учтите, я Ванечку своего люблю.

— Да и люби на здоровье. Тебе здесь что, помешают любить мужа? — возмутился он. — Станут говорить? Да в любом случае сплетничать будут, станешь ли ты здесь ночевать или не станешь. Всё равно будут трепаться: уединились.

И она перестала мотаться на автобусе туда-сюда. Ближняя дача не нравилась ей снаружи — какого-то купоросно-зелёного цвета, зато внутри — чудо, всё: полы, стены и потолки — одеты в уютные панели из лучших пород дерева: карельской берёзы, морёного дуба, итальянского тополя и даже палисандра. Без дворцовых излишеств, без всяких там завитушек, но изысканно строго, с отменным вкусом. Всё изготавливалось на московской мебельной фабрике “Люкс”. Нигде никакого золота, драгоценных камней и других излишеств, без которых буржуи не мыслят своего существования.

— Что-то вы сегодня плоховато выглядите. Посмотрели бы на себя в зеркало.

— А что там моську-то рябую смотреть? — усмехнулся он в ответ.

— Да ничего так моська-то, — рассмеялась Валечка. — И рябина не всегда заметна. И вообще вы мужчина импозантный.

— А что в твоём понимании значит это слово?

— Ну, такой... солидный, внушительный. Представительный.

— Вышей со мной, Валечка.

— Начинается!

— Принеси себе тоже рюмку.

Она быстро выполнила его приказ, и они вместе выпили, он намахнул чуть ли не полстакана, она лишь слегка пригубила:

— Вы же знаете, что я не любительница.

— А кстати, почему?

— Да мне и так весело. Я по жизни со смехом шагаю.

Лучший армянский пятидесятиградусный “Двин” дружелюбно и целительно пробежал по всему телу, мягко и бережно освобождая от тяжести и даже ломоты делая приятной. Молодцы армяне!

— Ну, как вам? Полегче?

— Даже очень. А зеркала... Я сапоги себе начищу до блеска и в них смотрюсь.

— В сапогах-то, конечно, лучше любых зеркал. Ещё в самовар хорошо бывает себя разглядывать. Вообще, шик, блеск, красота.

— Не любишь ты меня, Валуша. Не приласкаешь, не приголубишь. А так было бы хорошо: сапожник да кухарочка. Вдвоём в огромном доме. Неужто никогда не споёмся?

— Люблю. Я вас даже очень люблю, — с гордостью возразила Валя. — Вы мне кажетесь лучшим человеком на свете.

— Так в чём же дело?

— Да в том-то и дело. Есть, конечно, и у нас иные фифочки: муж на фронте, а она в тыловухе с хахалями кувыркается. Противнее трудно и представить. Я считаю, подобное приравнивается к измене Родине! Вы хотите, чтобы мы с вами стали изменниками Родины?

— Товарищ Жбычкина!

— Товарищ Джугашвили!

— Какой я тебе Джугашвили?

— А какая я вам Жбычкина? Я уже пять лет Истомина.

— А я уже сто лет как Сталин.

— Сто лет в обед. Не приписывайте себе годики-то.

Он обожал эти препирательства с Валечкой. Она умела танцевать на лезвии кинжала, не сваливаясь ни в подбострастие, ни в панибратство. Ему нравилось в шутку домогаться её, зная, что она верна мужу и никогда не поддастся. И она знала, что если даст слабину, он же её и презирает.

— Да точно тебе говорю, что я уже сто лет как Сталин.

— Смешной вы. И хороший. Ветчина-то такая, как хотели?

— Очень даже. Как ты такую припасла?

— Заранее угадываю ваши желания, чтобы исполнить.

— Кроме одного.

— Опять, что ли?! Мне, конечно, лестно, что я вам нравлюсь как женщина, но держите себя в рамках, дорогой мой сапожникчик. Спать когда намереваетесь?

— Какой тебе спать! Ты со мной спать отказываешься, тогда кино будем смотреть. Сейчас киношник придет. Смешное какое-нибудь. А хочешь, про любовь.

— Мне лучше смешное.

— Потому что ты смешливая хохотушка.

— Киношника вызвали, а сами пристаёте. Хорошо ли это?

— Я же в шутку. Ты Ване верна, я — Наде.

Шутки вмиг улетели, как стайка свистушек синиц на другое дерево. Обоим взгрустнулось.

— Хорошо нам с вами, сидим тут, в тепле, коньячок попиваем, ветчинкой закусываем, а наши бедные солдафончики там в холоде, в сырости, мёрзнут, гибнут...

— Если бы враг вошёл в Москву, я сам бы повёл свой полк охраны в последний бой.

— Да уж я вас знаю, вы у меня герой, джигит!

— Не хочу быть джигитом. Хочу быть Суворовым.

— Генералиссимусом, что ли?

— А хотя бы и генералиссимусом.

— Сделаем.

— Ах ты, Валька, озорная! Сделаем, говорит, гляньте на неё! — Стайка весёлых синиц свистушек вновь перелетела на их дерево. — Повезло твоему Ваньке-встаньке, закадрил такую живую бабёнку.

Вскоре привезли и Ганьшина. Кухарка и киношник — в последнее время их общество стало для главного сапожника страны самым уютным и любимым. С ними так просто было поболтать, они не боялись его, а он терпеть не мог тех, кто его боялся. Он, как собака, чуял в людях страх и готов был

напасть на трусоватых, а спокойных и безбоязненных уважал. Ну, не наглых, конечно.

Наглых ненавидел больше, чем трусов. Наглость Гитлера бесила его. Взять и напасть на Россию! Неужто истеричный придурок уверовал, что если даже возьмёт Москву и Ленинград, мы его на Волге не разобьём? Даже если до Урала отступим, наглые фрицы измучаются наступать, измотаем мерзавцев и погоним обратно, бить будем и в хвост и в гриву.

Нахальство фрицев — под стать необъяснимому нахальству ворон. Неся потери, они снова и снова появлялись в Вольнском. Сначала парочка, потом десять, тридцать, сто и так далее, покуда на арену не выходила тулка или американский винчестер, тоже надёжный друг, в соревновании с шедевром тульских мастеров не уступал. Истребив в очередной раз десяток крылатых гитлеров, он на некоторое время избавлялся от их отвратительного фюрерского карканья, но через две-три недели наступало новое нашествие. На что они надеялись? Победить его своим нахальством? А ещё говорят, умные птицы!

Ещё ему почему-то запала в душу наглость кинодраматурга Каплера на вручении первых Сталинок, когда он про задние лапки сказал. С какой-то издёвкой, с презрением даже. Мол, я гений, а кругом одни собачонки. Может, Сталину и показалось тогда это презрение, но всё равно неприятный осадок остался.

Но про Каплера, как только началась война, он и не вспоминал больше. Все мысли оказались в рабстве у проклятого нашествия поганых фрицев.

— Что будем смотреть, Александр Сергеевич?

— Хочу вам сегодня показать то, что обещал. “Великий диктатор” Чаплина и “Унесённые ветром” Флеминга. Кстати, этот Флеминг был помощником режиссёра на съёмках вашего любимого “Большого вальса”.

— Что вы говорите! Каков молодец!

— С чего начнём?

— Давайте, конечно же, с Флеминга. Хотя нет... — Сталин вспомнил про Валечкино желание. — Сначала давайте смешное. Посмеёмся. Александр Сергеевич, можно наша сестра-хозяйка Валентина Васильевна тоже с нами посмотрит фильм?

— Почему вы спрашиваете, Иосиф Виссарионович! — удивился Ганшин.

— Ну, или так, — улыбнулся Хозяин. — Валентина Васильевна, садитесь поудобнее. Мне недавно Александр Сергеевич анекдот рассказал. Посмотрел Сталин кино и говорит: “Фильма никуда не годится. Сценариста расстрелять. Режиссёра расстрелять. Всей съёмочной группе по пятнадцать лет лагерей”. Ему отвечает Берия: “Может быть, они просто всё заново переснимут?” Сталин подумал и сказал: “Ну, или так”.

Валечка прыснула со смеху:

— Ну, вы даёте! Один Сталину про Сталина анекдоты чешет, другой сам Сталин и про самого себя анекдоты кухаркам пересказывает. Давайте уж кино смотреть, а то нас, знаете ли, за анекдоты про Сталина самих могут к стенке поставить. Тот же Сталин.

Тут не выдержал и рассмеялся Ганшин, а Сталин вообще чуть с кресла не упал со смеху. Коньяк, ветчина, озорные беседы настроили его на добрый лад, избавили от военной хандры, от ломоты в ногах и несчастной левой руке. Киношник развернул на противоположной стене экран, выключил свет, и “Симплекс” застрекотал.

Копия “Великого диктатора” оказалась сама по себе хорошая, только закадровый перевод сделан тят-ляп, половина слов непонятна. Но в смысл текстов и нет особой нужды вдумываться. Гитлера Чаплин вывел под именем Аденоид Хинкель и сам же его играл, а Германию назвал Томанией. Чаплин же исполнил роль еврейского цирюльника из гетто, как две капли воды похожего на Хинкеля, на чём строилась основная интрига кульминации фильма. Но в начале шли сцены Первой мировой войны, в которых будущий цирюльник выдаёт всю чаплинскую смехотуру, знакомую по предыдущим фильмам, но с новой выдумкой, и Валечка от души хохотала, Сталин

негромко смеялся, Ганьшин посмеивался, видать, не в первый раз смотрел.

Потом на экране возник великий диктатор Хинкель, стал читать речь подобно Гитлеру в “Триумфе воли”, но тут Сталин смеяться прекратил. Чаплин разочаровал его. Гитлер куда карикатурнее Хинкеля, надо просто спародировать, и эффект окажется сильнее. Нет, Хинкелю очень далеко до крикливого придурка фюрера! Недотягивает. Смешно, нелепо, но не так абсурдно и страшно, как когда смотришь на Гитлера в фильме Лени Рифеншталь.

Сцены в гетто показались главному зрителю и вовсе не смешными. Только девушка славная.

— Это та же, что играла в “Новых временах”? — спросил он.

— Она, — ответил Ганьшин. — Полетт Годар, жена Чаплина. То ли пятая, то ли шестая.

— А предыдущие померли? — усмехнулся вдовец.

— Да нет, кажется, просто он с ними порвал, да и всё.

Глядя на новые сцены с Хинкелем, главный зритель с удовольствием подумал: как хорошо, что Чаплин ненавидит Гитлера и симпатизирует Советскому Союзу. Паршиво, если бы великий комик с таким же сарказмом изображал его, Сталина. Чаплин в кителе, усищи, трубка... Нет, трудно даже представить. А главное, что фильмы Чаплина останутся если не в веках, то надолго, и Адольф Гитлер останется надолго в виде мелкого дурака Аде-ноида Хинкеля, играющего в своём просторном кабинете с надувным глобусом, покуда тот не лопнул.

Всю вторую половину картины Сталин вообще не смеялся, думая о том, что когда-то это станет смешно, но не сейчас, когда из-за крикливого выродка каждый день гибнут тысячи людей, и неизвестно, когда эта человеческая мясорубка прекратит свою страшную работу.

— Наша сестра-хозяйка изволила много хохотать, — сказал он, когда лента закончилась. — Но, на мой взгляд, это не самая смешная фильма Чарли Чаплина. И не самая лучшая. Да и вряд ли наш народ станет смеяться при виде пародии на Гитлера, когда у матерей гибнут сыновья, у жен — мужья, у детей — отцы, у сестёр — братья.

— Я тоже под конец не смеялась. Только в начале, — обиженно произнесла Истомина.

— А вы что думаете об этой фильме, Александр Сергеевич?

— Я, Иосиф Виссарионович, полагал, что картина имеет сильное пропагандистское значение, — отозвался Ганьшин. — Но после ваших слов задумался. Можно ли смеяться над сумасшедшим, который, кривляясь и прыгая обезьяной, зарезал несколько ребятишек?

— А в мире крутят эту фильму?

— Иван Григорьевич говорил, что только в Америке и Англии. В Германии и её союзницах картина полностью запрещена.

— Мы тоже не станем её закупать, — принял окончательное решение главный цензор. — Но не потому, что она является сатирой на Гитлера, а именно по той причине, которую назвали вы. Нельзя смеяться над сумасшедшим, зарезавшим детишек. Да и художественные достоинства фильма невысоки. Валентина Васильевна, принесите нам вина и закусок, какие есть в наличии.

— Вина, как обычно?

— А нет ли “Оджалеси” или “Хванчкары”?

— Посмотрю.

Истомина ушла, а Сталин предложил Ганьшину коньяку, тот не отказался, но выпил немного.

— Помнится, одному человеку я сказал: “Пьяных терпеть не могу, непьющим не доверяю”. Вы в этом критерии доверия заслуживаете. Ставьте вашего Флеминга, товарищ Ганьшин.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

Начался просмотр “Унесённых ветром”. Большаков не пожалел денег и купил одну копию в настоящем хорошем качестве, но с грифом “не для проката”. В восторге от картины Иван Григорьевич постарался, чтобы сделали отменный закадровый перевод, но бдительный начальник Агитпропа

вызвал его к себе на ковёр и с ненавистью обвинил в попытке воспеть рабовладельческий Юг, в то время как у нас в стране принято его порицать: “Возьмите, да сразу облачитесь в костюм ку-клукс-клана! Вы что, намерены это товарищу Сталину показывать? А потом в прокат пустить?”

И Большаков приказал копию положить в Белых Столбах на полку. А Ганьшин оттуда её выудил, и теперь Сталин смотрел на экран, недоумевая, почему прошло уже две минуты, а показывают закат, дерево, забор и надпись “Overture”, играет музыка, не тихая, но и не грохочущая.

— Почему не начинают? Валентину Васильевну ждут? — спросил он.

— Это они нарочно, — пояснил Ганьшин, — чтобы пока зрители в зале рассаживаются... О, начинается!

Пошли долгие и основательные титры — создатели картины, исполнители ролей, предисловие, восхваляющее страну южан и заканчивающееся словами: “Там жили последние рыцари и прекрасные дамы, хозяйева и их рабы. Теперь об этом можно прочитать только в книгах. Теперь это не более, чем сон, который трудно забыть. Цивилизация, унесённая ветром”. Лишь на седьмой минуте началось само действие. Тут как раз и Валечка подросла с бутылкой “Оджалеша” и разогретыми пирожками, поставила всё на столик и тоже села смотреть.

Сразу же потрясло качество и чёткость цветного изображения. Ишь ты, каких результатов добились американцы! Появилась главная героиня Скарлет О’Хара.

— Это что, опять та же? Жена Чаплина? — удивился главный зритель.

— Вы имеете в виду Полетт Годар? — Ганьшин пригляделся и засмеялся: — И впрямь очень похожа. Но не она. Это Вивьен Ли, британская актриса, восходящая звезда экрана.

— Сходство удивительное. И обе очень естественные, — заметил Сталин. — Приятно, что в игре новых актёров и актрис появилась естественность.

Няня Скарлетт, толстая и смешная негритянка Мамми, позабавила главного зрителя:

— Считается, что негры у них на Юге были забитые, а гляньте, как она командует и распоряжается. Похлеще, чем наша сестра-хозяйюшка.

— Ну, тут уж со мной никакого сходства! — надула губки Истомина.

— Да уж это точно! — засмеялся Сталин.

Сцена, где Скарлетт пикируется с негритянкой, собираясь на бал, вызвала общий смех.

— До чего же хорошо сыграно! — восхитился Хозяин. — Но главное, до чего же хорошо качество фотографии! Когда у нас будет такое же, товарищ Большаков?

— К сожалению, я не Большаков, — усмехнулся Ганьшин. — Не могу за него ответить.

— А вот возьму, да назначу вас на его место! — топнул ногой Сталин. Но тотчас передумал: — Хотя нет. Превратитесь в чиновника, осторожного, опасливого. С вами станет не так интересно. Знаете ли, на войне иной рядовой стоит десяти офицеров. И всю жизнь воюет как рядовой. А сам на вес золота. Лучше оставайтесь простым киномехаником.

— Да я и не стремлюсь в начальники, — пожал плечами Александр Сергеевич. — Больно надо! Такая обуза.

— Это точно, — вздохнул Сталин. — Как бы я хотел сейчас быть простым сапожником. Или кино крутить, как вы. И чтобы мне кричали: “Сапожник!” Ишь ты, в начальники он не стремится! А Сталин как будто стремился. Судьба. Хотя, что тут врать, стремился, конечно же. А главное, очень уж не хотелось, чтобы после Ленина стал Троцкий.

Сцена объяснения Скарлетт с Эшли Уилксом, в которого она влюблена, а он намерен жениться на своей двоюродной сестре Мелани Гамильтон, заставила главного зрителя замолчать. Картина всё больше и больше нравилась ему, хотя при этом так хотелось, чтобы вылезло какое-нибудь неприглядное буржуйское нутро и можно было бы со спокойной совестью одобрить решение упёртого Агитпропа. Посмотреть, да и забыть этих унесённых.

Эшли, получив пощёчину, ушёл, Скарлетт в негодовании швырнула в сторону камина вазу, а там, как оказалось, притаился импозантный богатый повеса Ретт Батлер. Валечка опять огласила Малую столовую своим смешным смехом, таким заразительным, что и павшего в бою заставит ожить и тоже засмеяться.

— Этого актёра я уже видел, — задумался Сталин. — В фильме “Это случилось однажды ночью” хорошего режиссёра. Как там его? Фрэнк Капра.

— Ещё вы смотрели “Мятеж на Баунти”, — сказал Ганьшин. — Это Кларк Гейбл, его называют королём Голливуда.

— А императоров у них нету? — хмыкнул Сталин. — Или председателей Голливудского Совнаркома?

Валечка от души рассмеялась над такой шуткой. А на экране уже началась война между Севером и Югом, дикси радуются, уверенные, что легко справятся с янки, ещё не зная, какие их ждут катастрофы.

— Беляки тоже думали, что легко нас скovyрнут, — сказал Сталин. — И тоже, небось, всякие устраивали аукционы. В пользу Белой армии.

Картина оказалась долгой, целых четыре часа, и Валечка время от времени начинала клевать носом, ей предлагали пойти спать, но она очень хотела досмотреть и брала себя в руки.

Жизнь несчастных дикси после сокрушительного поражения от янки трогала, а упорство, с которым Скарлетт взялась за восстановление уничтоженного хозяйства, вызывало уважение. Но то, как из-за её упорной любви к Эшли все вокруг становились несчастными, не давало целиком проникнуться к ней симпатией, и когда, наконец, в пять часов утра лента закончилась, все трое застыли в недоумении. Двое ждали, что скажет третий.

Он раскурил свою трубку с белой точкой на мундштуке, отхлебнул вина и заговорил:

— В данном случае эти ослы из Агитпропа правы. Мы не можем пускать фильм, в которой рабовладельцы вызывают сочувствие. Тут получается, что белые и негры спелись в едином хоре, а вовсе не то, чтобы белые господа угнетали чёрных рабов. Тогда придётся говорить о единстве помещиков и крепостных. Богатых владельцев заводов и затюканных рабочих. Надзирателей и заключённых. Нет, я тоже против.

— А фильма хорошая, — сонно пробормотала Истомина.

— А фильма хорошая! — топнул ногой главный зритель. — Вот в чём весь парадокс. И эта Скарлетт одновременно и положительный, и отрицательный персонаж. Какой эффектный сплав, какой антагонизм! Гамлет у Шекспира отрицательный персонаж или положительный? И то, и другое. Потому он так интересен. Сталин тоже — и то, и другое. Хороший, весёлый, добрый и жизнерадостный человек, а приходилось принимать страшные решения. И Сталин сам ещё не знает, какая от них будет польза. И будет ли вообще. Вот ведь в чём сила искусства и жизни. И самого меня жизнь покалечила, как эту Скарлетт, и вокруг меня людям несладко. Но именно застенчивые тихони приводили страну Россию к катастрофам. Царь Фёдор Иоаннович, например. Чем кончилось его благодушное правление? Кровавой Смутой. Или император Николай Александрович. Его отец чугунной десницей держал весь мир в повиновении, и на Россию при нём никто не лез воевать, боялись. А добрый Ники довёл страну до ручки. Русско-японская, потом мировая война, и полетела матушка Русь в тартарары. Если бы не товарищ Сталин, Троцкий добил бы её до полного уничтожения, дотоптал, а прах развеял. И все русские люди оказались бы унесёнными ветром.

— И всё-таки жаль, что мы не покажем нашим людям эту картину, — вздохнул Ганьшин.

— Жаль, — согласился главный зритель. — Фильма необыкновенная. Какое неслыханное качество. Яркость красок. Всё так красиво, что хочется рвать и метать: почему у нас не снято ни одной такой картины? Большаков хитрец, знал, что я задам ему такой вопрос. Потому и поспешил согласиться с Агитпропом. Когда я с наслаждением смотрел на экран, я впервые настоящему оценил понятие “волшебный фонарь”. Кино, когда оно только появилось, называли “волшебный фонарь”. Вы, Александр Сергеевич, этим

фонарём владеете в совершенстве. У вас ни разу не сместился фокус, всё всегда в нужном фокусе. А посему с сегодняшнего дня двенадцатого апреля сорок второго года Совнарком постановляет называть вас личным фокусником Сталина.

— Шутите, Иосиф Виссарионович?

— Нисколько. Я председатель Совнаркома и могу единолично принять такое решение. Только ни в документах, ни в газетах оно не будет озвучено. Лишь сугубо между нами. И Валентиной Васильевной. Товарищ сестра-хозяйка, вы не против?

Сталин и Ганьшин посмотрели на Истомину и увидели, что она, смешно оттопырив нижнюю губу, сладко спит себе в своём кресле.

— Это не дело. Пусть идёт в свою комнату спать. Валентина Васильевна! — позвал её Хозяин.

— А? — тотчас встрепелась Валечка.

— Принеси мне, пожалуйста, ту коробку из моего кабинета.

Она быстро сбежала и вернулась с большой картонной коробкой, которую Сталин взял и торжественно встал напротив Ганьшина:

— Дорогие товарищи, сегодня я назначил Александра Ганьшина своим личным фокусником и хранителем волшебного фонаря. В честь этого события Ганьшин Александр Сергеевич награждается сапогами, сделанными главным сапожником товарища Сталина — Иосифом Джугашвили.

Глава одиннадцатая

СИГАРЫ

Когда приходилось сообщать людям нечто нелицеприятное: говорить другу, что он ничем не может ему помочь, а прекрасной женщине, что он её разлюбил, — у Черчилля всегда начиналась мигрень.

Сквозь дикую головную боль он обратился к британцам сразу после избрания его премьер-министром в 1940 году:

— Мне нечего вам предложить, кроме крови, изнурительного труда, слёз и пота.

Вот и сейчас, подлетая к Москве, сэр Уинстон неодобрительно беседовал со своей головой:

— Ну что, опять начинаем болеть? А тебе не кажется ли, что это чистой воды предательство?

Как же ему не хотелось лететь в эту варварскую столицу! Проклятые русские никак не хотели осознать, что им пока придётся воевать против немцев в одиночестве. Зато, судя по всему, уже начали понимать особенности странной войны между Британией и Германией, в которой враждующие стороны заинтересованы в нанесении друг другу ущерба, но вовсе не намерены биться до полного взаимоистребления. И ни та, ни другая сторона не собираются возлагать на себя роль ахейцев, пришедших разрушить Троию. С момента начала войны Гитлера на Востоке вся политика премьер-министра направлена на максимальное сдерживание боевых действий на Западе, чтобы там, в русских снегах, в русской грязи, русские и немцы уничтожали друг друга, истощали все свои ресурсы. А родные соотечественники пострадали бы как можно меньше. Вот тогда англичане назовут его величайшим политиком в своей истории!

Но не мог же он так прямо заявить об этом кремлёвскому грузину, встречу с которым всё же пришлось организовать. Немцы опять стремительно наступали, теперь уже не на Москву, а к берегам Волги и к горам Кавказа. И теперь Сталин и Гитлер могут прийти к выводу, что им надо заключить мир, иначе и те, и другие истекнут кровью.

Недавно в Лондон прилетал советский министр иностранных дел Молотов и получил уверения в том, что Британия намерена и впредь тесно сотрудничать с СССР, но британский посол в Москве шотландец Керр сообщил, что переданные Молотовым заверения привели Сталина в негодование, и посовещевал устроить со Сталиным личную встречу. Черчилль предложил встретиться в Астрахани, куда ему было бы удобно прилететь из Каира,

но дядюшка Джо ответил, что будет рад принять дорогого гостя в своём Кремле. Оно и понятно: тебе надо, ты и прилетай ко мне сюда!

Пришлось затискивать своё тучное и холёное тело в брюхо американского тяжёлого бомбардировщика “Либерејтор”, лететь с останковками на Гибралтаре, в Каире и Тегеране, а оттуда напрямиком на Москву, неся недобрую весть: открытие желаемого русскими второго фронта в этом году не состоится.

— Если на аэродроме встретит сам Джо, всё в порядке, если нет, он и впрямь сильно взбешён, — сказал летящий вместе с Черчиллем спецпредставитель американского президента Гарриман.

— Я и без вас это понимаю, Аверелл, — сердито буркнул Черчилль.

На Ходынском аэродроме их встречали Молотов и маршал Шапошников. Погожий августовский день начал клониться к закату. Черчилль изображал из себя добродушного родственника, прибывшего на свадьбу. Оркестр сыграл “Интернационал”, “Боже, спаси и сохрани короля”, “Усыпанное звёздами знамя”. Гости двинулись мимо строя почётного караула. Сэр Уинстон впервые так близко видел лица русских солдат. Никаких усов и бород, гладко выбритые, многие даже очень похожи на англичан, опрятное обмундирование, каски, смотрят сурово: с какими подарками приехал к нам на кровавую свадьбу, толстяк?

Рота почётного караула промаршировала и ушла. Черчилль и Гарриман произнесли приветственные речи, расселись в свои автомобили, и американца повезли в американское посольство, а британца, напоследок показавшего два пальца в виде буквы V, — на подмосковную дачу номер семь, где его ждали просторные апартаменты и роскошно сервированный стол. И это при том, что в стране карточки, а блокадный Ленинград и вовсе умирает от голода.

— Тоталитарная расточительность, — усмехнулся Черчилль.

— Да, сэр, — согласился приставленный к нему переводчик из британского посольства майор Чарльз Данлоп.

В туалетной комнате сэр Уинстон не увидел второго крана и сначала подумал, что горячей воды нет, но тотчас обнаружил два вентиля и с удивлением понял, что русские смешивают холодную и горячую воду в едином смесителе.

— Почему-то подобное изобретение не используется у нас в Англии, — произнёс он в некоторой растерянности: варвары в чём-то превосходили просвещённых обитателей Альбиона!

— Да, сэр, — согласился Данлоп.

— Надо будет и у нас такое устроить.

Они вернулись к роскошному столу, на котором даже поблёскивало блюдо с чёрной икрой, и только вознамерились хорошенько закусить и выпить за благополучное приземление, только Черчилль устроил на груди салфетку, как явился Керр и своим противным шотландским голосом объявил, что Сталин просит срочно прибыть в Кремль. Вот ведь хитрый восточный сатрап! Нарочно выгудил из приятного застолья. Но делать нечего. Выпили по рюмке коньяка, зажевали белым хлебом с чёрной икрой и пошли к машинам.

Снова приехали в Москву, но на сей раз по улице Горького, почему-то довольно безлюдной, несмотря на семь часов вечера, прибыли в Кремль. Черчилль жадно вглядывался в главную цитадель России, которую так и не смог в прошлом году захватить ретивый Адольф. Ласточкины хвосты на стенах, как в некоторых итальянских городах. Башни, являющие собой причудливую смесь чего-то азиатского с Биг-Беном, увенчанные уродливыми ящичками. Внутри крепости из красного кирпича вообще нечто невообразимое — храмы, размалёванные в разные цвета, с чёрными куполами.

— Всё это противовоздушная маскировка, — сказал Керр. — Обычно храмы белые с золотыми куполами. А на башнях под ящичками скрываются звёзды из рубинового стекла с позолотой.

— Вот оно что!

Сталин встречал гостей в своём кабинете. Над его столом на стене лысый Ленин читал газету. Бросилось в глаза, что трубка у Сталина “Данхилл” со знаменитой белой точкой. Ага, смесители у себя завели, а трубочки-то наши

курите! Сам же хозяин кабинета не производил впечатление сильно постаревшего человека, как сообщали, мол, война состарила. Вполне бодрый шестидесятилетний мужчина, в чёрных волосах не так много седины, на лице не такие уж обильные морщины.

Гость улыбался, продолжая изображать из себя родственника на свадьбе. Усатый хозяин кабинета улыбался сдержанно, а глаза и вовсе злые. Пожал руку, посадил за стол переговоров. И это после того, как выдернул из-за пиришественного стола! Издевательские азиатские фокусы!

Обменялись недолгими приветственными словами, и Черчилль сразу взял быка за рога:

— Я хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы мистер Сталин тоже проявил полную откровенность. Я не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что вы сможете обсуждать реальные вещи. Когда Молотов был в Лондоне, я говорил ему, что мы пытаемся составить планы диверсии во Франции. Я также разъяснил Молотову, что не могу дать никаких обещаний относительно сорок второго года, и вручил Молотову меморандум по этому вопросу. После этого англичанами и американцами было проведено исчерпывающее изучение проблемы. Английское и американское правительства не считают себя возможным предпринять крупную операцию в сентябре, являющемся последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду. Однако, как это известно мистеру Сталину, они готовятся к очень большой операции в сорок третьем году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединённое Королевство миллиона американских солдат на их сборный пункт весной сорок третьего года, что составит экспедиционную армию в двадцать семь дивизий, к которым английское правительство готово добавить двадцать одну дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска. Пока что в Соединённое Королевство прибыли только две с половиной американские дивизии, однако большие перевозки будут осуществлены в октябре, ноябре и декабре.

— Значит, второго фронта в этом году не будет, — зло процедил Сталин.

— Я хорошо понимаю, что этот план не даёт никакой помощи России в этом году, но считаю возможным, что, когда план следующего года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь.

Лицо Сталина ещё больше помрачнело, и Черчиллю показалось, что горец готов достать кинжал и наброситься на гостя. Черчилль продолжал излагать доводы против атаки на французское побережье в этом году. Имеющихся десантных судов хватит лишь для высадки первого эшелона десанта на укрепленном побережье, а дальше может произойти катастрофа.

Сталин мрачно спросил:

— Неужели невозможно атаковать хотя бы какую-нибудь часть французского побережья?

Сэр Уинстон достал карту и стал показывать, как трудно создать воздушное прикрытие где-либо, кроме как по ту сторону Ла-Манша.

— А каков же радиус действия самолётов-истребителей? Неужели они не могли бы, например, всё время прилетать и улетать?

Британский премьер продолжал оправдываться, одновременно мысленно ругаясь с головой, которая снова начала болеть.

— А мне хорошо известно, — зло произнёс Сталин, — что во Франции нет ни одной германской дивизии, представляющей хоть какую-нибудь ценность.

Сэр Уинстон принялся возражать, доказывать, будто во Франции немцы хорошо подготовились к возможному вторжению союзников с моря. Он откровенно врал и видел, что ему не верят. Препирательство продолжалось. В прошлом храбрый вояка, доблестно сражавшийся за Британскую империю, Черчилль стыдился своего столь вопиющего вранья, утешая себя тем, что союзник не равен ему в благородстве: где сын сапожника из захудалого грузинского городишки, а где отпрыск герцогов Мальборо? Однако приходится высокому аристократу оправдываться перед тем, кто обязан ему сапоги чистить.

— Война — это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесёт пользы никому, — говорил Черчилль и продолжал, продолжал класть оправдания, будто камни в крепостную стену, лишь бы заслонить этой стеной родных англичан от необходимости самим воевать.

— Я придерживаюсь иного мнения о войне, — сказал Сталин с ненавистью и презрением. — Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему вы так боитесь немцев? Я не могу этого понять. Мой опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Вспомните слова Цезаря: “Войну корми войною и не береги понапрасну войско, иначе оно разлентится и погибнет в одночасье, когда придётся по-настоящему сразиться с сильным врагом”. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность.

— А вы задавались вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в сороковом году, когда его мощь была наивысшей, а мы имели только двадцать тысяч обученных солдат, двести пушек и пятьдесят танков? — спросил сын аристократов. — Он не вторгся. Факт таков, что Гитлер испугался этой операции. Не так легко преодолеть Ла-Манш.

— Здесь не может быть аналогии, — ответил сын сапожника. — Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан.

Они продолжали ещё долго препираться, покуда Сталин не произнёс с нескрываемым презрением:

— Если вы боитесь произвести высадку во Франции в этом году, я не вправе требовать этого или настаивать на этом, но я должен сказать, что не согласен со всеми доводами.

Аристократ снова принялся юлить перед человеком низкого происхождения, разворачивал карты, приводил новые доводы и чувствовал себя предателем союзника, но и спасителем своего народа. Наконец он перешёл к теме бомбардировок Германии и тем самым немного спас положение. Лицо Сталина сделалось немного добрее:

— Конечно, очень важно наносить удары моральному состоянию германского населения. Я придаю величайшее значение бомбардировкам, и мне известно, что ваши налёты имеют громадные последствия в Германии. Но вижу, вы удобно устроились: воюете издалека, довольствуетесь бомбардировками.

И снова пришлось юлить, обещать вскоре вернуться к вопросу о втором фронте, мол, уже разрабатывается операция “Факел”, которая в следующем году осуществится в Средиземном море. Тут Черчилль взял листок бумаги, карандаш и нарисовал крокодила, повёрнутого мордой направо:

— Вы бьёте этого крокодила в морду, а мы вцепимся ему в брюхо и прогрызём кишки.

Лицо Сталина перестало источать энергию гнева.

— Дай Бог, чтобы это дело удалось, — сказал он.

— О, мы очень хотим облегчить бремя русских, — лживо произнёс Черчилль и снова залопотал без умолку: — Но если мы попытаемся сделать это в Северной Франции, то натолкнемся на отпор. Если мы предпримем попытку в Северной Африке, то у нас будут хорошие шансы на победу, и тогда мы могли бы помочь в Европе...

Он говорил и говорил, стараясь загипнотизировать и охмурить собеседника. И тому откровенно надоело выслушивать англоязычную лживую болтовню.

— Я всё понял, — произнёс он. — Ну, хотя бы вы нанесёте Роммелю удар с тыла, запугаете Испанию, вызовете борьбу между немцами и французами во Франции и поставите Италию под непосредственный удар.

Теперь можно вздохнуть и расслабиться. Перестань болеть, голова! Британский премьер-министр видел, что русский диктатор смирился со своей участью, глубоко его презирает, но вынужден смириться: как гласит английская пословица, из свиного уха не сделаешь шёлковый кошелек.

И сэр Уинстон продолжил свою бесконечную болтовню о том, что пока ещё только в умозрительных планах и вряд ли будет осуществлено. Увидев в углу кабинета огромный глобус, он подошёл к нему и стал расхваливать операцию “Факел”: ах, какие громадные преимущества даст освобождение от врага Средиземного моря! Змею́ гнева, кажется, удалось усыпить.

— Если вы захотите вновь увидиться со мной, то я в вашем распоряжении.

— По русскому обычаю, гость должен сказать о своих желаниях, а я готов принять вас и господина Гарримана в любое время.

Сволочь этот Гарриман, так и хотелось крикнуть Черчиллю, но лишь выйдя из сталинского кабинета он прошипел:

— Спасибо вам, мистер Гарриман, что так вежливо всё время молчали!

Вернувшись на дачу номер семь, сэр Уинстон, наконец, вкусил предназначенных для него яств, диктуя секретарю телеграмму для своего заместителя по лейбористской партии Эттли: “Он узнал самые плохие новости, и мы расстались в атмосфере благожелательности”. Он сыто опьянел, грузно добрёл до мягкой и душистой постели, рухнул и мгновенно уснул.

Следующий день все отпрыски герцогов Мальборо отмечали как родовой семейный праздник. Двести тридцать восемь лет назад Джон Черчилль Мальборо одержал свою самую большую победу над немцами при Бленгейме, побивав целых двадцать тысяч баварцев и французов, потеряв своих всего лишь четыре тысячи. В честь этой великой победы был назван и замок, в котором сэр Уинстон имел честь появиться на свет.

С удовольствием вкусно позавтракав, Черчилль отправился на встречу с Молотовым, которому снова объяснил подробности всех грядущих операций доблестных англо-американских войск, намеченных на следующий год, когда советские войска вышибут крокодилу все зубы.

Молотов казался дружелюбным и, уходя от него, сэр Уинстон сказал:

— Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошёлся с нами сурово после того, как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу.

— Сталин очень мудрый человек, — ответил Молотов. — Вы можете быть уверены, что, какими бы ни были его доводы, он понимает всё. Я передам ему то, что вы сказали.

Во второй половине дня потомок герцогов Мальборо обильно отобедал, поспал три часика и, набравшись сил к вечеру, в одиннадцать вновь прибыл в Кремль. Из Тегерана подвалила подмога в лице начальника имперского генерального штаба виконта Алана Брука, верховного главнокомандующего королевскими ВВС барона Артура Теддера, фельдмаршала герцога Арчибальда Уэйвелла, заместителя министра иностранных дел графа Александра Кадогана и других рафинированных аристократов. Голова ничуть не болела, и после вчерашнего, да в присутствии такой аристократической свиты, Черчилль полагал сегодня увидеть со стороны азиатского деспота сплошную любезность.

Но не тут-то было!

В одиннадцать часов вечера все приехали в Кремль, где в сталинском кабинете их ждали сам Хозяин, Молотов и переводчик Павлов, голубоглазый, светловолосый, похожий на немца. Переводил он и вчера, и сегодня безукоризненно, и на английском изъяснялся, как на родном.

— Вот, прочитайте, пожалуйста. — Сталин протянул гостям документ, который перекочевал в руки светловолосого, и тот зачитал его по-английски. Гости остолбенели, настолько прочитанное пылало гневом в отношении союзников, желающих постоять в сторонке, пока истекающая кровью Россия фактически в одиночестве сражается против Германии и её сателлитов. У Черчилля от неожиданности пересохло в глотке, он попросил воды, попил и ответил:

— Мистер Сталин должен понять, что англичане приняли решение отнositельно курса, которому надо следовать, и упреки тщетны.

И снова начались тяжёлые споры, такие же, как вчера, пронзённые взорами Сталина, полными ненависти и презрения. Его, конечно, можно понять:

немецкие войска стремительно наступали к Волге, приближаясь к Сталинграду. Каждый день в огромном количестве гибли русские люди. Но ведь и он должен понимать, что русские, в отличие от англичан и американцев, всё-таки не вполне люди, пусть даже многие и похожи на англичан, но лишь похожи, не более. Он, Черчилль, не моргнув глазом, согласился бы уничтожить сто тысяч русских за одного англичанина. Просто русские почему-то до сих пор не поняли своей второсортности в мире людей. Они и нужны лишь для того, чтобы своей мясной массой ослабить немцев, изнурить их для дальнейшего полного триумфа англосаксов.

Даже Сталин, казалось бы, умный человек, но не хочет понять эти простейшие истины и продолжает злобно, хотя и соблюдая дипломатическое спокойствие, тащить:

— Вы, англичане, боитесь сражаться с немцами. А если бы отставили свой страх и попытались это сделать, подобно русским, то убедились бы, что это не так уж плохо. А все ваши поставки... Как говорит русская поговорка: на тебе, Боже, что нам негоже.

— Позвольте мне решительно отвергнуть все ваши обвинения, — с гордостью выпятив подбородок, ответил сэр Уинстон.

— Позволю, — ответил Сталин любезно. — Но моё твёрдое убеждение состоит в том, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Я уверен, что если бы английская армия так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

— Я согласен с замечаниями мистера Сталина по поводу храбрости русской армии, — ответил Черчилль. — Но предложение о высадке в Шербуре не учитывает существования Ла-Манша.

— Я понял, что нет смысла продолжать разговор на эту тему, — печально откликнулся Сталин. — Святой Георгий является покровителем Англии. Но также он покровитель Москвы и Грузии. Так вот, он крокодила, а точнее, змея, разит копьём в морду, а не пробирается подленько под животик, чтобы вспороть брюхо.

Едва светловолосый перевёл, сэр Уинстон переглянулся со своей свитой и увидел, что все оскорблены такими заявлениями кремлёвского сатрапа.

— Всё с вами понятно, — с презрением произнёс Сталин. — Боитесь воевать, думаете, что немцы супермены. Но рано или поздно и вам воевать придётся. Нельзя выиграть войну, не воюя.

Тут Черчилль получил записку от Гарримана: “Вы не принимайте всё это всерьёз. Никуда они не денутся. Он то же самое говорил осенью прошлого года”.

— Я должен выразить свою разочарованность тем, что мистер Сталин со всей очевидностью не верит в искренность моих слов, — печально заговорил сэр Уинстон и снова стал долго и нудно говорить, доказывая свою правоту, он так увлёкся своей красивой аристократической риторикой, что перестал делать паузы, и майор Данлоп, не успевая переводить, замолчал.

Сталин неожиданно рассмеялся и произнёс:

— Ваши слова уже не важны, настрой — вот что главное.

Черчилль с достоинством ответил:

— Мистер Сталин высказал нам много обидных слов, которые я извиняю только по причине храбрости, проявленной русскими войсками.

— Я вынужден буду принять решение, о котором сообщу завтра, — закончил Сталин, вставая со стула. — Всех приглашаю на обед в восемь часов завтрашнего вечера.

Возвращаясь на дачу номер семь вместе со всей своей свитой, Черчилль говорил в машине виконту Брука, барону Теддеру и герцогу Уэйвеллу:

— Этот сын сапожника, ставший восточным деспотом, просто не привык, что ему возражают. Но не думаю, что он примет решение о заключении мира с Гитлером. Уж слишком большие территории ему придётся уступить —

Прибалтику, Белоруссию, Украину. Мы выдержали сегодня его удар. Зато увидите, какой нас ждёт изобильный ужин. Чёрная астраханская икра, всевозможные другие блюда просто великолепны!

Но каково же оказалось его разочарование, когда на даче номер семь аристократическую верхушку Великобритании ожидали паровые котлетки с рисом и абрикосовый компотик!

— А нельзя ли чего-нибудь из того, чем меня угощали вчера? — спросил сэр Уинстон, капризно оттопырив нижнюю губу.

— К сожалению, всё кончилось, — перевёл Данлоп ответ прислуги.

— Вот вам истинно азиатское коварство! — засмеялся Черчилль.

На другое утро завтрак оказался тоже весьма скромным — одноглазая яичница с кусочком бекона и чай с малосенькой булочкой. Днём они много гуляли по обширной дачной территории, катались на лодках по пруду и гадали, что сулит ближайшее будущее, и о каких решениях объявит нынче сын сапожника.

Каково же было их удивление, когда их привезли вечером в Кремль и повели не в кабинет Сталина, а сначала в старинный белокаменный дворец, поясняя, что это крыльцо служило для торжественных выходов русских государей, а этот дивно расписанный зал предназначался для торжественных приёмов и называется Грановитая палата. Далее следовал так называемый святой навес — комната, соединяющая Грановитую палату с Владимирским залом, предназначенным для приёма иностранных гостей. А уж там их ждал тот самый роскошный стол, обещанный Черчиллем своей свите вчера, а за обедом присутствовало не менее ста человек, из коих гостей из США и Великобритании — не более двадцати.

Началось долгое четырёхчасовое застолье с произнесением нескончаемых тостов. Молотов поднял бокал за Черчилля, Черчилль — за Сталина, Сталин — за Рузвельта и Гарримана, и так далее. Британский премьер сидел неподалёку от советского лидера, имея возможность побеседовать с ним через переводчика Павлова. Сталин рассказывал, как несколько лет назад в СССР приезжали Бернард Шоу и первая женщина депутат Палаты общин виконтесса леди Астор, которая предложила пригласить в СССР и Ллойда Джорджа.

— Я сказал, что нам незачем его приглашать, потому что он возглавлял интервенцию, а она мне: “Его ввёл в заблуждение Черчилль”. Тогда я заметил, что Ллойд Джордж возглавлял правительство и нес ответственность. А мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям. Она мне: “С Черчиллем теперь покончено навсегда”, — на что я возразил: “Не уверен. В критический момент английский народ может снова обратиться к старому боевому коню”.

— В том, что она сказала, много правды, — вдруг проявил честность сэр Уинстон. — Я принимал весьма активное участие в интервенции. И я не хочу, чтобы вы думали иначе.

Сталин оценил внезапную честность и дружелюбно улыбнулся.

— Вы простили меня? — спросил сэр Уинстон.

— Всё это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу, — ответил Сталин.

Когда подавали разнообразные горячие блюда, Сталину принесли нечто особое, и он приказал положить в тарелку и Черчиллю. Сэр Уинстон с благодарностью коротко поклонился, отведал и, хотя уже изрядно загрузил свой живот, принялся уплетать сочные, каким-то неведомым способом приготовленные кусочки мяса.

— Что это? — спросил он в восхищении.

— Это жаркое из двухнедельного ягнёнка, не ведавшего ещё ничего, кроме материнского молока, — ответил Сталин. — Только один человек умеет его так приготовить — кремлёвский повар Русишвили.

Сэр Уинстон вопреки всякому этикету предпочитал за ужином пить всё подряд, чередуя вино с коньяком, водку с шампанским, белое вино после красного. За четыре часа изрядно выпив и изобильно закусив, он осовел и уже мечтал о мягкой душистой постели на загородной даче номер семь.

Наконец, пиршество стало подходить к завершению, но тут Сталин пригласил Черчилля в соседнюю комнату выпить кофе с ликёром и сфотографироваться на память. Грузин больше не смотрел на англичанина диким барсом, источал саму любовь, будто ему сообщили, что англичане и американцы уже высадились на побережье Франции.

С трудом волоча ноги, премьер-министр Соединённого Королевства вместе с председателем Совета народных комиссаров перешёл в соседнюю комнату и увидел там столик, накрытый всевозможными сладостями, уставленный бутылками, и ряды кресел, повёрнутых в сторону киноэкрана. Вдоль стен стояли кадки с разнообразными растениями, а в углу белела, прижимая правую руку к сердцу, статуя самого кремлёвского деспота.

Для начала сели на диван у стены и сфотографировались — Сталин с Черчиллем, затем ещё и с Гарриманом. Все весело улыбались. Фотографируясь, сэр Уинстон спросил:

— Хорошо ли работает подаренная мной радиола? — имея в виду многофункциональную машину для воспроизведения музыки, привезённую к дню рождения Сталина министром иностранных дел Великобритании Энтони Иденом.

— Очень хорошо работает, — приветливо улыбался сын сапожника. — Если у нас кончатся бомбы, я прикажу сбросить её на головы немцам вместе с подаренным Рузвельтом “Паккардом”. — Он весело засмеялся, хотя в шутке сквозила злость на паршивых союзников, и когда Павлов, этот блондин, похожий на немца, перевёл, Черчилль сначала тоже засмеялся, а потом спохватился, что вообще-то надо обидеться. Щёлкали фотоаппараты, представители трёх держав улыбались, и Сталин вежливо добавил: — Надеюсь, вы не обиделись на мою шутку?

— Я ценю грубый солдатский юмор, — ответил сэр Уинстон.

Они перешли за столик, им подали кофе и ликёры, и оставалось удивляться, что после четырёхчасового пира этот грузин бодр и свеж, будто часы не перевалили за полночь, а за окнами радостное утро.

— Я очень люблю кино, — говорил он. — Мы с вами находимся в бывшем Зимнем саду, переделанном по моему приказу в кинотеатр. Я в восторге от кинопродукции США и Великобритании, многое смотрел. Весьма понравились американские фильмы “Мистер Дидс”, “Унесённые ветром”, “Грозовой перевал”, английские “Багдадский вор”, “Пламя над Англией”, “Мост Ватерлоо”. Правда, в последнем мне не пришлось по душе то, что, оставшись без средств, девушка стала торговать своим телом. Неужели в Лондоне ей не нашлось бы более приличной работы? Как вы считаете?

Черчилль понял, что Сталин хорошо подготовился к беседе о кино, посмотрел фильмы, и тут его можно хорошенечко уязвить, отомстить за высказывания об англо-американской трусости.

— Я вообще не интересуюсь кинематографом, — ответил сэр Уинстон, зевнув. — Мы, представители аристократии, считаем этот жанр низменным.

— Ну да, у вас ведь кругом аристократия, — огрызнулся Сталин, всё ещё улыбаясь. — И в военном руководстве не встретишь выходцев из простого народа. Поэтому вы так бережётесь: не дай Бог, аристократа пуля поцарапает. Но я всё же хотел бы предложить вам посмотреть одну нашу картину, которая одна стоит нескольких дивизий. Документальная картина о разгроме немцев под Москвой.

— Прошу меня извинить, — капризно оттопырил нижнюю губу Черчилль, — но я буквально валюсь с ног от усталости и хотел бы отправиться отдыхать.

Не ожидая ответа, он встал, пожал руку Сталину и решительно зашагал вон из Кремлёвского кинотеатра. Керр последовал за ним. Возвращаясь из ночного Кремля на дачу номер семь, сэр Уинстон пробормотал:

— Я так и не понял, что он за человек.

— От него можно ожидать чего угодно, — вздохнул Керр.

На даче номер семь в качестве издевательства их снова встречал обильно накрытый стол, но к нему даже подойти близко казалось отвратительным, настолько все гости налопались в Кремле.

Зато наутро им снова подали по яичнице, правда, уже из двух яиц и по ломтику ветчины, чай с булочкой и кусочком сливочного масла. Разумеется, таким меню распорядился лично сын сапожника, изливая в подобном издевательстве всю свою классовую ненависть.

К завтраку Черчилль вызвал своего помощника полковника Джейкоба, и он посоветовал ещё раз встретиться со Сталиным тет-а-тет.

Шёл последний день пребывания в Москве. В семь часов вечера рафинированный аристократ приехал в Кремль и стал беседовать с сыном сапожника в его кабинете. Говорили и том, чего ждать в ближайшее время на фронтах, Сталин дал слово, что за Кавказские горы и к бакинским нефтяным месторождениям немцев не пустят, а Черчилль уверил его, что турки не захотят нападать на СССР, потому что боятся рассориться с Англией.

После часа беседы Черчилль стал прощаться, но Сталин вдруг весьма дружелюбно сказал:

— Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?

— В принципе я всегда за такую политику, — с улыбкой ответил сэр Уинстон, и они отправились в кремлёвскую квартиру Сталина, обставленную скромно и со вкусом. Угрюмо смотрели пустыми глазницами книжные шкафы, из которых все книги эвакуировали в запасную столицу Куйбышев. Появились старая экономка и рыжеволосая дочь Сталина Светлана, похожая на ирландку, милотливая.

— Это моя дочь, — представил её гостю хозяин. И добавил: — Рыжая!

— О, я тоже в молодости был рыжим, — сообщил Черчилль. — А теперь вот, — и он ткнул себя сигарой в облысевшую голову. — А моя младшая дочь Мэри служит в королевской противовоздушной обороне.

Светлана накрывала на стол, а её отец откупоривал одну за другой бутылки, и они выстроились на столе, как рота почётного караула на аэродроме в день прилёта. К ужину пригласили и Молотова, он явился, а дочь Светлана и экономка удалились.

Они остались впятером: Сталин, Черчилль, Молотов и два переводчика: русский Павлов и английский майор Бирс, который двадцать лет прожил в России и переводил лучше Данлопа. Ужин затянулся до половины третьего часа ночи. Ели и пили немного, в основном лишь пробовали разные блюда и вина, обсуждая то подробности нынешних военных действий, то события наполеоновских войн, то вопросы поставки грузовиков для Красной армии, то вопросы о конвоях судов, то ещё что-то, но только не кино.

Черчиллю хотелось отомстить Сталину за колкие замечания, и он спросил:

— Скажите, тяготы этой войны для вас так же тяжелы, как проведение политики коллективизации?

— Да, то была тяжёлая борьба, — ответил Сталин.

— Я так и думал. Ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов помещиков, а с миллионами маленьких людей.

— С десятью миллионами! — воскликнул кремлёвский тиран и даже поднял вверх руки. — Это было что-то страшное. Оно продолжалось четыре года. Но зато мы перевели Россию на механизацию, русские стали пахать землю тракторами. Только колхозы, имеющие мастерские, могли с этим справиться. А крестьяне не хотели колхозов и спорили, что вполне обходились и будут обходиться без тракторов.

— Их вы называете кулаками?

— Да. Всё это было очень скверно и трудно, но необходимо. Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Без коллективизации это было невозможно.

Когда в час ночи подали молочного поросёнка, к ним присоединился граф Кадоган с проектом коммюнике по итогам конференции. Все уже были чрезмерно сыты и отказались, но в Сталине неожиданно проснулся дикий аппетит, и он сам съел почти всего поросёнка. После чего вновь задал обидный вопрос:

— Почему же у британского флота нет чувства гордости, и он не стремится громить немцев?

— Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне, — ответил Черчилль, не желая обижаться перед самым отъездом.

— Это означает, — сказал Сталин, — что я ничего не знаю.

— Россия — сухопутный зверь, а англичане — морские звери, — произнёс Черчилль и решил перевести разговор на трубку, заметив, что ещё вчера и сегодня кремлёвский тиран курил не “Данхилл”, а какую-то причудливую: — Мне кажется, в первые дни вы курили английскую трубку, не так ли?

— Да, курил, — улыбнулся Сталин. — Но не хочу, чтобы вы потом говорили, будто Сталин выиграл войну с Гитлером благодаря английской трубке.

Сэр Уинстон уже начал привыкать к подобным сталинским обидным шуткам, посмеялся и перевёл разговор сначала на визит Молотова в Америку, а потом на возможность высадки англичан в Норвегии:

— Если бы нам при поддержке русских удалось захватить Нордкап зимой и уничтожить там немцев, это открыло бы путь для наших конвоев.

— Разумеется, при поддержке русских, — улыбался Сталин. — У нас очень много великолепных лётчиков. Кстати, вот эту трубку мне подарили наши военные лётчицы Раскова и Гризодубова. Привезли её с Дальнего Востока. Это настоящая нанайская трубка, которую курят шаманы.

— Я бы хотел ещё задать один вопрос, — произнёс Черчилль, закуривая сигару. — Ведь мы предупреждали вас о готовящемся германском нападении? Что ваш пакт с Риббентропом — фикция. Вы упрекаете нас, что мы не открываем второй фронт, но в своё время предоставляли Гитлеру материалы и всякую помощь, покуда мы сражались с ним.

— Да, я знал, что рано или поздно Гитлер нападёт, — ответил Сталин. — Но я надеялся, что мне удастся выиграть ещё месяцев шесть или около этого.

Сэр Уинстон хотел спросить, что произошло бы, если бы англичане не выдержали натиска в сороковом году, но сдержался и вместо этого спросил:

— А вы сигары не пробовали курить?

— Я охотно курю сигары, — улыбнулся Сталин. — У меня большие запасы. И кубинских, и доминиканских, и бразильских, и даже филиппинских.

— В таком случае, разрешите мне предложить вам свою сигару. — И Черчилль снова достал свой портсигар, где оставалось ещё две штуки. Он гильотинкой отрезал кончик и подал хозяину квартиры “Ла арома де Куба”. Сталин умело раскурил, покручивая сигару.

— А ещё я люблю их разрезать на несколько частей и ими набиваю трубку. Не пробовали?

— Непременно попробую, — усмехнулся сэр Уинстон.

— А ещё я хотел бы задать вам очень важный для меня вопрос, — придвинулся поближе сын сапожника.

— Какой же? — спросил потомок герцогов Мальборо.

— Скажите, когда вы курите сигары, вы затягиваетесь?

Черчилль воровато оглянулся вокруг, прежде чем выдать свой секрет. Но какие могут быть секреты, когда говоришь через переводчика?

— Считается, — сказал он, — что настоящие курильщики сигар не должны затягиваться. Набрать дым в рот и ноздри, но не далее. Но я честно признаюсь, что не вижу смысла в таком курении и слегка затягиваюсь. Не сильно, чтобы не сжечь лёгкие, а немного, чтобы слегка обжигало.

— Так это прекрасно! — воскликнул Сталин. — А то мне тоже все плешь прогрызли, что сигарами не затягиваются. Но я, как и вы, допускаю небольшой вдох в лёгкие. И это так приятно дразнит. Послушайте, мистер Черчилль, наконец-то впервые между нами возникло нечто общее!

И оба от души расхохотались.

Глава двенадцатая

ЛЮСЯ

Редко у кого столь легко и успешно складывалась жизнь, как у этого киносценариста!

В царской России только три-четыре процента всего купечества причислялось к первой гильдии, и все таковые купцы славились несметным богатством. А кто не знает выдающегося еврейского таланта к торговле, и больше половины кушцов первой гильдии составляли евреи, особенно киевские. Среди них выделялся Яков Нафталиевич Каплер, глава большого семейства, жена — Раиса Захарьевна Кринцберг, дети, среди которых на третий год нового двадцатого столетия появился милый кареглазый мальчик Лазарь. Когда он стал говорить, и его спрашивали: “Как тебя зовут?”, он смешно отвечал: “Люся”, ещё не зная, что всю жизнь потом его так и будут звать — Люсей Каплером.

Киевляне жили в доходных домах Каплера, в его огромной гостинице “Сион”, мылись в банях, коими владел Яков Нафталиевич, одевались в его магазинах, а с осени до весны ходили в шинелях, сшитых на его предприятиях. С детства привыкший к роскоши, Люся вдобавок любил хорошо покушать и рано стал проявлять склонность к полноте. Но даже это ему шло, добавляя этакого сытого добродушия ко всему его облику. Рядом с Люсей все чувствовали себя хорошо, от него исходила добрая и тёплая волна, в которую приятно окунуться, как в тепло хорошо натопленной комнаты после студёного дня.

Он хорошо учился в гимназии и, конечно же, пошёл бы по стопам отца, увеличил бы семейные доходы, благополучно женился бы на тоже богатой девушке, настругал ребятишек. Но когда ему исполнилось четырнадцать, грянула революция и полетело под откос всё прошлое, настоящее и обещавшее благополучие будущее. Как ни странно, но его родители, потеряв после революции все свои богатства, не бежали за границу, а доживали свой век в одной из квартир своего бывшего доходного дома, в то время как Люся полетел по другим воздушным потокам судьбы. Имя Лазарь он поменял на Алексея и некоторое время выступал в танцевальных эстрадных номерах как Алексей Бекефи с партнёршей Лидией Ивер. Потом вернул себе исконную фамилию и стал сочинять, вступил в литературную группу “Чипыстан”, а перебравшись в Ленинград, стал тамошним фэксом, то бишь актёром Фабрики эксцентрического искусства.

Умный, добрый и жизнерадостный Люся слыл отъявленным донжуаном, в восемнадцать лет он женился на одной из первых актрис немого кино Татьяне Тарновской, одновременно жил с красавицей актрисой и сценаристкой Таисией Златогоровой, предпочитавшей, чтобы и её именовали Татьяной. Но и обеим Татьянам Люся верность не хранил, распыляя своё природное очарование направо-налево, вписывая в донжуанский список всё новые и новые имена.

Вместе со Златогоровой Каплер написал свои первые сценарии “Шахта 12-28” и “Три товарища” и тогда же ушёл к Тарновской, бывшей старше его на шесть лет и родившей ему сына Анатолия. Но если Златогорова терпела Люсины походы на сторону, то Тарновской его любвеобильность надоела. Ради брака она даже заставила Люсю pokреститься, но и это не помогло. Они расстались.

После тридцати на Каплера обрушилась слава одного из главных кинодеятелей Страны Советов государственного значения. По его сценариям Ромм снял фильмы “Ленин в Октябре” и “Ленин в 1918 году”, доказывающие необходимость самой суровой борьбы с великим множеством негодяев, рвущихся к власти в России, а Юткевич сделал фильм “Шахтёры” о затавившихся и разоблачённых троцкистах на Донбассе. Все три фильма — попадание в десяточку, манифесты большого террора. Стоило ли удивляться, что среди лауреатов первой Сталинки первой степени фигурировало имя сына кушца первой гильдии! На вручении Ромм сказал Сталину:

— Вы в своей речи правильно отметили, что наше кино встало на передние лапы.

— Главное, чтобы оно на задних лапках не бегало, — не сдержался Каплер.

Сталин глянул на него сурово:

— Это вы хорошо заметили, товарищ Каплер. Нам такое кино не нужно, которое на задних лапках танцует.

Войну Люся встречал с одобренным сценарием фильма “Котовский”, съёмки которого ненадолго прервались, но после эвакуации киностудии в Алма-Ату осуществились, и фильм с непревзойдённым Николаем Мордвиновым в главной роли получился великолепный.

Всё лето продолжалось сокрушительное наступление немцев, итальянцев, румын, венгров и хорват по направлению к Волге и Каспию, в конце августа, вскоре после конференции Сталина, Черчилля и Гарримана в Москве, эти объединённые силы вышли к берегу Волги к северу от Сталинграда, и началась великая Сталинградская битва. Снимать её на киноплёнку, конечно же, поручили Варламову, он должен сделать не хуже, чем “Разгром немецких войск под Москвой”.

Одновременно Большаков получил указание Сталина сделать пару фильмов о партизанском движении, имеющем важнейшее значение для ослабления сил врага на оккупированных им территориях. Иосифу Пруту поручили сценарий “Секретарь райкома” для Пырьева, а Эрмлер должен будет снимать фильм по сценарию Каплера, и Люся готовился к заброске в партизанский край. Попутно делал наброски будущей ленты. Но рвался туда, где шли бои, и получил командировку на Сталинградский фронт. Там судьба свела его с сыном Сталина, командиром первой особой авиагруппы восьмой воздушной армии Сталинградского фронта. Василий уже не раз участвовал в боевых вылетах и весь светился грозowymi небесами:

— Каплер, вы должны написать сценарий! У нас, в советском долбаном кинематографе, до сих пор нет хорошей фильмы про лётчиков. Я лично буду курировать. Дам все нужные долбаные консультации. Давайте, Люся-Маруся, выпьем за эту идею!

В октябре они вместе прилетели в Москву, и Василий повёз нового друга на дачу в Зубалово, о котором Люся был давно наслышан — здесь когда-то кипела жизнь, но после смерти Надежды Аллилуевой всё постепенно сошло на нет, а сам Сталин жил на Ближней даче в Вольнском.

— Эх, Люся, ты не увидишь того Зубалова, где мы выросли! — сокрушался Василий, довольно быстро перешедший на “ты” и на “Люсю”, хотя был на восемнадцать лет моложе Каплера. — Тот наш дом зачем-то идиоты взорвали при наступлении немцев год назад. Потом построили долбаный новый, чёрт-те что, не то, что прежде.

Дом оказался выкрашен в мрачно-зелёный цвет, якобы для маскировки. И впрямь выглядел уродливо. Уж Люся-то знал толк в архитектурной роскоши, утопал в ней в первые четырнадцать лет своей жизни. Смешно даже, что дети и родственники великого Сталина, включая тестя и тещу, ютились в этой весьма скромной дачке, зная не зная элитных интерьеров, в каковых вырос Люся!

Сразу же стали пить коньяк и виски, закусывая бужениной, солёными маслятами, сырокопчёной колбасой. Подъезжали другие гости, быстро заполняя комнату, где началась гульба.

— Знакомьтесь, ребята, Алексей Каплер, который “Ленин в Октябре” и “Ленин в долбаном восемнадцатом”. В смысле, автор сценария этих картин. А это мои друганы, вот такие лётчики! Сейчас ещё Костя Симонов подвалит со своей Валухой. Картину “Парень из нашего города” ещё не успели посмотреть? Ну, вы отстаые! Ну, а стихи “Жди меня, и я вернусь...”? Ну, то-то же! Оболтусы вы мои дорогие!

Константин Симонов за год до войны познакомился с артисткой, вдовой погибшего лётчика, героя Испании, комбрига Анатолия Серова, и сразу ушёл к ней от жены и годовалого сына. Когда парочка появилась, гости дружно заревели, приветствуя Валентину:

— Девушка с хара-а-актером!

Запели:

— Если я уйду из дома, нелегко меня найти!

Как несправедливо, подумал Каплер, мы всё пишем, сочиняем, творим, но нас встречают с прохладцей, а какая-то актрисулька, причём пигалица, сыграла одну популярную ролишку, и все вокруг неё гудят, как шмели.

Заиграла на всю катушку радиола: “Как много девушек хороших...”, — запел с пластинки Утёсов, Василий подхватил Серову и закружил с ней довольно нелепо, чуть не наступая на ноги. Какая она некрасивая, подумал Каплер, и тут появилась рыжая дочь Сталина:

— Ребята, нельзя ли потише? Дедушке плохо. Да и вообще, война же, что о нас будут думать?

И Люся подумал: а эта красивая. По-своему, конечно. Есть в ней какая-то рыжая изюминка.

— Думать надо меньше, а знать и делать больше! — вошёл в раж Василий, оставил Серову и попытался танцевать с сестрой. — Братцы, это сеструха моя, Пупок.

— Сам ты Пупок, — вспыхнула она, вырвалась и убежала. Но, убегая, бросила взгляд именно на Каплера.

— Чёрт с ней, она зануда, — махнул рукой Василий. — Давайте выпьем за будущую картину про лётчиков. Вот Каплер с Войтеховым сценарий начирикают, а Ромка Карменка снимет.

— Да ведь Кармен документалист, — возразил Каплер.

— Начать! Заставим, снимет художественную.

Дальше тостов работа над задуманным фильмом о лётчиках не продвигалась. В Сталинграде шла страшная битва, наши с трудом сдерживали натиск наступающего врага, никто и слышать не хотел о серьёзных съёмках самолётов, воздушных батальев.

А вскоре Люся вновь встретился с рыжей дочкой Сталина, на сей раз в Гнездиновском, куда для закрытого показа привезли новые американские мюзиклы. Выходя после просмотра на улицу, он как раз и столкнулся с ней:

— Здравствуйте, Светлана Иосифовна, — произнёс своим чарующим бархатным голосом, особые нотки которого успешно использовал при знакомстве с девушками.

— Здравствуйте, Алексей... Ой, а вашего отчества я не знаю, — смутилась Светлана, виновато глянув на него.

— Яковлевичи мы, — пробасил он игриво. — Но вы можете меня звать просто Алексеем.

— А почему Васяка вас зовёт Люсей? Разве это не женское имя?

— Я так себя в детстве называл, и пошло-поехало, на всю жизнь прицепилось. Но есть же Саша мужское имя и Саша женское. Жёна, например, ещё. У меня был один родственник Зиновий, его Зиной звали.

Они шли по мокрой от недавно прошедшего дождя октябрьской Москве, и краем глаза Каплер заметил человека лет тридцати, неотступно следующего за ними. Вышли на улицу Горького.

— А меня по той же причине Сетанкой в семье зовут, — сказала дочь Сталина. — Я так себя в детстве называла.

— А почему Василий вас Пупком назвал?

— Дурак потому что. Это когда я родилась, он переживал, что всё внимание от него на меня перешло, услышал выражение “пуп земли” и стал дразнить меня Пупком. Но мне это крайне не нравится.

— А это за нами охранник следует?

— Ага. Клинич.

— Почему Клинич?

— Такое прозвище. Так-то он Климов Михаил Никитич, вот мы и сократили до Клинич.

— Смешные вы. Ну, а что, Сетанка, должно быть, понравились вам сегодняшние фильмы? Песни, танцы, гёрлс, чечётка?

— Дрянь полная.

— Да что вы? А я думал, девушкам, как вы, это должно нравиться.

— Вот вы говорите, девушкам, как вы, а сами меня несколько не знаете, — обиделась она и добавила: — Люся.

— Теперь уже кое-что узнал, — рассмеялся он. — И мне нравится то, что вам не нравится такое кинцо-дерьмецо. А фильмы по моим сценариям вы смотрели?

— Конечно, все до единого. “Ленин в Октябре”, “Ленин в восемнадцатом”, “Шахтёры”. Ещё “Три товарища”.

— Ну, и как?

— Неплохо. Особенно про Ленина.

— Неплохо? — Каплер расхохотался красивым смехом. — Всего лишь неплохо?

— Ну, так за такое “неплохо” и неплохие премии дают. Сталинские. А над чем вы сейчас работаете?

— Скоро должен выйти на экраны фильм “Котовский” по моему сценарию. А со дня на день я жду отправки на вражескую территорию, в партизанский край. Некто Иосиф Виссарионович заказал фильм о партизанах.

— Здорово!

— А Клинич постоянно за вами ходит? — спросил он, когда они прошли мимо Моссовета, и она нарочно замедлила шаг, чтобы дольше пройти короткое расстояние до Кремля.

— Увы, постоянно. Я уже не раз говорила отцу, что не нуждаюсь в такой опеке, а он мне: “Выйдешь замуж, пусть тебя муж охраняет”. Вообще-то Клинич — человек геройский, младший лейтенант госбезопасности, ему только тридцать, а уже имеет орден “Знак Почёта” и медаль “За отвагу”. Он с финнами воевал. Если кто до меня дотронется, он сразу стреляет на поражение.

— И многих уколошил?

— Человек сорок или пятьдесят, я не считала.

— Теперь я ещё знаю, что у вас хорошее чувство юмора. Хотите, я к вам на дачу привезу хорошее кино?

— Хорошее? — Она остановилась и внимательно всмотрелась в его добродушное открытое лицо, очень мужественное, красиво очерченное. — Давайте. С Красным договоритесь и привозите.

— С Красным?

— Ага. Это Васькина кличка. Он когда родился, был такой рыжий, что аж красный.

— Странно, что вы тоже рыжеволосая. А родители у вас, кажется, брюнеты.

— Это от бабушки Кеке.

— Кеке?

— Матери отца, Екатерины, по-грузински сокращённо Кеке. Она была рыжая, как я в точности. Гляньте-ка! Он вращается! Я загадала, что когда его опять пустят, у меня случится что-то хорошее.

Они остановились перед зданием Центрального телеграфа и зачарованно смотрели на то, как медленно на его фасаде вращается глобус, вставленный в герб СССР.

— Вы не поверите, но я загадал то же самое! — соврал сценарист.

— Правда? — Она вновь внимательно посмотрела в его лицо.

— Честное слово. — Люся оглянулся на Клинча. Тот тоже стоял и смотрел на глобус.

— А как, по-вашему, — спросила девушка, — что лучше звучит: Россия или СССР?

— И то, и другое, — ответил Каплер. — И заметьте, в слове “СССР” тоже две эс и одна эр. И герб построен по тому же принципу, что двуглавый орёл, только там был Святой Георгий, а здесь глобус. А очертания похожие. Ещё мне кажется, что СССР похоже на огромную оранжевую тыкву. С такими бока-а-ами.

— Жалко, что его эвакуировали, — сказала Светлана, когда они пошли мимо театра имени Ермоловой.

— Да, аж в Иркутскую область, — отозвался он.

— Любите театр?

— Не каждый. Не люблю, когда кривляются. Хотя сам в молодости был фэксом.

— В молодости? Да вы и сейчас нестарый. Сколько вам?

— В сентябре тридцать девять исполнилось.

— Выглядите моложе. А мне в феврале семнадцать будет.

Вскоре они дошли до Красной площади и там простились, а через пару дней он сдержал обещание и привёз в Зубалово фильм Рубена Мамуляна “Королева Кристина” десятилетней давности с Гретой Гарбо и Джоном Гилбертом. Василий не досидел до конца и пошёл бражничать со своими друзьями, а Каплер сидел рядом со Светланой и поглядывал на то, как девушка внимательно смотрит на экран, до самого финала. Он нарочно привёз именно эту картину, заключив пари с Роммом, что влюбит в себя сталинскую дочку, а в фильме испанский посол влюбляет в себя шведскую королеву. Вот только кончилось в картине у Мамуляна всё плохо — смертельно раненный испанец умирает, и паре влюблённых не суждено встретить своё счастье.

— Раньше мне не нравилась Грета Гарбо, а здесь она хороша, — сказала Светлана, когда фильм кончился.

— А почему не нравилась?

— Наверное, потому, что она не нравилась маме.

— Да, для девочек мамин авторитет крайне важен.

— А вы знаете, Люся... Можно, я буду вас тоже так называть?

— Можно, можно. А я вас Сетанкой.

— Только не Пупком. Так вот что я хотела сказать. Мне всю жизнь хотелось так же, как этой королеве Кристине, переодеться в мужское платье и странствовать под чужим именем.

— И чтобы Клинич не ходил за вами по пятам?

— Да. Но в фильме только дурак не мог сразу увидеть, что это переодетая женщина, и я теперь понимаю, что меня сразу же распознают. Почему-то мужчине легче переодеться женщиной и загримироваться, и не быть разоблачённым. Ах, как бы я хотела полететь с вами в партизанский край! Когда у вас вылет?

— Завтра.

— Завтра?! А это опасно?

— Думаю, что доля опасности есть. И, кто знает, может быть, эта наша третья с вами встреча — последняя.

— Последняя... — проговорила она печально.

— В темноте, когда крутили кино, я так хотел поцеловать вас в щёку.

— Даже не думайте. Мне ещё и семнадцати нет. Хотя... — Она рассмеялась. — Когда мама и отец влюбились друг в друга, ей вообще было пятнадцать.

— А ему?

— Ему? Сейчас посчитаю. Семьдесят девятый, восемьдесят девятый, девяносто девятый, девятый... Слушайте, а ведь у них разница была точь-в-точь, как у нас с вами. Ого!

— Это судьба! — произнёс Каплер завораживающим голосом.

— Кстати, и дедушка Серёжа, мамин папа, женился на бабушке Оле, когда ей было шестнадцать. Причём похитил её. Он же был наполовину цыган.

— Так у вас это традиция!

Она смутилась и повела его в комнату, где уже вовсю шло веселье, и Васька, изображая из себя гусара, пел под гитару:

— “Пускай погибну безвозвратно навек, друзья, навек, друзья. Но, как и прежде, аккуратно пить буду я, пить буду-буду-буду-буду я!”

И всё закружилось, они танцевали, говорили и не могли наговориться, а когда Люся сказал: “Мне пора”, — она вышла его провожать. Шёл мокрый снег, на крыльце их никто не видел, и он попросил:

— Поцелуйте меня на прощанье.

И она клонула его в губы своими губами, тотчас стала оглядываться по сторонам.

— Плохо быть всегда под присмотром, — засмеялся Каплер. — Если я не вернусь, знайте, что вы — самая чудесная девушка из всех, что я видел на свете. Прощайте, Сетанка!

— До свидания, Люся!

— Ну, или до свидания, как сложится.

Партизанское движение к осени 1942 года приобрело такие масштабы, что в тылу врага активно и безбоязненно действовали целых одиннадцать партизанских краёв с обширными территориями и бригадами, насчитывающими десятки тысяч человек. В один из таких партизанских краёв и летел Алексей Каплер на фанерном самолёте У-2, которым управлял отважный лётчик Александр Тиммер, по национальности русский немец, известный тем, что однажды доверили доставить пакет Чкалову, а он пролетел над домом легендарного авиатора так низко, что бросил пакет ему прямо во двор. Теперь он постоянно мотался на низких высотах в партизанский край и обратно.

В партизанском краю Каплер нашёл главную героиню для будущего фильма — партизанку Прасковью Лукьянову, женщину, у которой гитлеровцы уничтожили всю семью. Мужа, детей, друзей и близких. Она своей рукой безжалостно убивала немцев. Внешне Прасковья чем-то напоминала актрису Марецкую, и он уже видел Веру в этой роли, а вернувшись в Москву, Алексей Яковлевич в нетопленной гостинице “Савой”, забыв про всё, бросился писать сценарий под Марецкую, назвал его: “Она защищает Родину”.

На ноябрьские праздники Василий Сталин снова зазвал Каплера в Зубалово. Когда он приехал, там уже стоял дым коромыслом, Симонов вновь приехал с Серовой.

— А сейчас ещё Борька Войтехов с Люськой Целиковской приедет! — веселил гостей Василий, сам уже весьма навеселе. О пьянстве *сталинского сокола* ходили *легенды и мифы Древней Греции*.

— Это которая Симочка в “Антоне Ивановиче сердится”?

— Она самая. Слышишь, Люся, сейчас ещё одна Люся приедет, — панибратски хлопал Каплера по плечу Василий Иосифович, и это коробило, но приходилось терпеть.

Писатель и фронтовой корреспондент “Правды” Войтехов и впрямь приехал с Целиковской, но сразу стало ясно, что по дороге они крепко разругались, и потом весь вечер держались порознь. Приехал и Роман Кармен со своей женой, русской красавицей Ниной Орловой, за которой пьяный герой мифологии тотчас же принялся ухлёстывать, невзирая на присутствие законного мужа, и едва не разразилась драка.

Светлана нарядилась в новое платье, приколола к груди гранатовую брошь, но на ногах вместо туфелек — ботинки без каблуков. Когда вступила в бой радиоло, он подошёл и спросил, танцует ли она фокстрот.

— Не знаю, но могу попробовать. — И они принялись танцевать “лисий шаг”.

— Говорят, в Америке фокстрот уже вышел из моды, — сказал Каплер.

— А у нас не вышел, — ответила она.

— Да вы прекрасно его танцуете, — похвалил он. — Так легко и непринуждённо. Только почему-то грустная сегодня.

Продолжая танцевать, она заговорила о печальном:

— Мне скучно с братом, он постоянно напивается и дурит. Мне надо-ели все родственники, до сих пор считают меня маленькой и глупенькой. А ещё сегодня ровно десять лет со дня смерти мамы, а никто до сих пор не вспомнил про это. Да мне и ни с кем не хочется говорить об этом.

— А со мной?

— С вами хочется. Я чувствую к вам какое-то необычайное доверие. Вы такой толстый и дружелюбный, что мне хочется положить вам на грудь голову и закрыть глаза. Как хорошо, что вы вернулись. И получилось не прощай, а до свиданья. Там было страшно? Опасно?

— Я бы лучше сказал, некомфортно. Но эта командировка так много дала мне для сценария, что, едва прилетев, я с нетерпением бросился к письменному столу.

— А я думала, вы с нетерпением броситесь ко мне. Ладно, прощаю. Надеюсь, теперь вы будете писать сценарий и никуда больше не улетите?

— Хотелось бы ответить вам “да”, но в ближайшие дни я жду отправки в новую командировку.

— Куда теперь?

— В Сталинград.

— В Сталингра-а-ад?! Но ведь говорят, что там ужас, какая битва.

— Поэтому я и должен быть там. Давайте помянем вашу маму. Я выпью за неё водки. А вы?

— Мне можно немного пива.

Они подошли к столу, он налил себе и ей, тут как раз кончился один танец, и покуда не начался другой, Каплер тихо сказал:

— За Надежду Сергеевну. Пусть ей где-то там будет хорошо.

Помянув Светланину маму, они пошли гулять по территории дачи, и дочь Сталина рассказывала, где был птичник, где любимые качели, где теплицы, а сейчас ничего этого нет. И Зубалово давно уже не такое, как было раньше. Мрачный и унылый улей, в котором Красный, то и дело прилетая с фронта, устраивает пирушки, а охранники смотрят на это и злятся: ведь война же!

— А какая была Надежда Сергеевна?

— Мама? Она была грустная. У неё в последние годы сильно болела голова, и никакие врачи не помогали, а отец злился. Он её очень сильно любил, но злился, что она напрасно ездит лечиться в Германию, наши врачи не хуже.

Каплер обнял её и стал целовать, сначала в щёки, а потом надолго припал к губам умелым страстным поцелуем.

— Так больше не надо, — сказала она, когда поцелуй завершился.

— Вам не нравится?

— Нет, нравится. Но во мне зарождается нечто такое... Сразу хочется уединиться с вами. Но где мы можем уединиться? Где? Нигде. Где та комната за три талера в сельской таверне?

— Светлана Иосифовна, вы здесь? — раздался голос охранника.

— Клинич! — фыркнул Люся. — Вездесущий Клинич. Сейчас откроет огонь на поражение.

— Да здесь я, товарищ младший лейтенант, куда же я ещё денусь! — отчаянно ответила Светлана.

И всю следующую неделю младший лейтенант госбезопасности Климов ходил за ними по пятам. В Третьяковку, такую холодную, что жаль было обнажённых и полуобнажённых персонажей картин. Впрочем, их оказалось мало, все самые ценные полотна эвакуировались, а их место заняли многочисленные фотографии о войне. Каплер и Светлана под ручку, тесно прижимаясь друг к другу, бродили по залам галереи, покуда не отзвенел третий звонок на выход. Потом они целый час шли от Малого Власьевского по Сивцеву Вражкему, Старокопюшенному и Арбату, говорили и говорили, а суровый, но добродушный Клинич следовал за ними на расстоянии десяти шагов, так что и захочешь целоваться, не разгуляешься.

— Однажды мама мне призналась, что она с отцом, когда только закрутили любовь, целовались на задних рядах в кинотеатрах.

— Уж это известнейшая традиция влюблённых.

— А давайте, Люся, вы возьмёте билеты в театр на задний ряд. На завтра сможете?

И на другой день они отправились в Малый, где фронтовая бригада ставила пьесу Корнейчука “Фронт”. Покуда на сцене разворачивались антагонистические отношения между полководцем старой формации Горловым и молодым прогрессивным командиром Огневым, на заднем ряду самого верхнего яруса киносценарист и десятиклассница время от времени наслаждались поцелуями, изнемогая от более сильных желаний. Ближе к финалу Светлана заметила, что из балкона второго яруса на них кто-то поглядывает, и узнала:

— Смотрите, кажется, это кинорежиссёр Ромм. Который снимал по вашим сценариям.

— Да нет, просто очень похож, — ответил Люся и очень обрадовался, что спектакль тут и закончился.

Клинч ждал у входа. От Малого до Красной площади два шага, и Светлана сказала:

— На завтра возьмите, чтобы подальше от центра Москвы.

— Постараюсь.

— Ну, а как вам спектакль-то?

— Искусство в нём и не ночевало.

— Ага, значит, вы всё-таки успевали смотреть. А мне было не до сцены. И знаете, больше своего такого мнения не высказывайте. Этот “Фронт” лично редактировал мой отец.

Люся знал, когда у десятиклассницы заканчиваются уроки, и ждал её в подъезде дома напротив школы, наблюдая из окна второго этажа. Она выходила в сопровождении младшего лейтенанта, и Каплер тоже выходил из подъезда, они встречались, Клинч останавливался для установки расстояния в десять шагов и только тогда следовал за ними по Старопименовскому переулку.

Всякий раз при встрече Каплер приносил ей новую книгу, которую она успевала прочитать до следующего свидания, чтобы обменять на другую. “По ком звонит колокол” и “Иметь и не иметь” Хемингуэя, “Все люди враги” Олдингтона, всё такое, что не очень многие читали, и через эти книги она познавала мир взрослой любви. А ещё стихи — Гумилёва, Ахматовой, Ходасевича.

В один из этих ноябрьских дней они отправились во МХАТ, только что вернувшийся из саратовской эвакуации, и, как это ни смешно, снова смотрели “Фронт” в промежутках между поцелуями.

Каплер спросил:

— Интересно, а Клинч докладывает вашему отцу о наших встречах?

— Даже не знаю. Пока у меня не было разговоров с папой.

Ещё они успели посмотреть “Синюю птицу”, а в филиале Большого театра послушать “Пиковую даму”. Но Каплер сказал:

— Если честно, я не большой любитель оперы.

И они сбежали из зала, разгуливали по фойе, он держал в своей горячей руке её прохладную руку, и обоим почему-то было несказанно хорошо и радостно. Вдруг она спросила:

— послушайте, Люся, а у вас есть жена?

— Есть, и сын, только мы уже двенадцать лет в разводе. Сейчас они в эвакуации.

— А Васька Красный говорит, что вы опять живёте со Златогоровой.

— Я живу один в “Савойе”, а Златогорова тоже в эвакуации. Так что я полностью чист перед вами.

А в последний день перед его отправкой в Сталинград Каплер повёл Светлану туда, где три недели назад состоялось их знакомство. В просмотровом зале в Малом Гнездиновском девушку ждал сюрприз: они оказались единственными зрителями. Всеобщий любимец Люся договорился, чтобы больше никого. И сначала им показывали диснеевский мультфильм “Белоснежка и семь гномов”, а потом фильм Генри Фонда “Молодой мистер Линкольн”. И бешено целовались!

На другой день он улетел в Сталинград, где только что началось контрнаступление Красной армии, и каждый день Левитан по радио вещал уже не суровым и угрюмым голосом, а чуть не задыхаясь от восторга: войска Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов перешли в решительное крупномасштабное наступление; наши войска с ходу прорвались через румынские части, пробив брешь в несколько десятков километров; войска трёх фронтов приблизились к населённым пунктам Калач и Советский; словив сопротивление противника, наши армии соединились, Шестая армия генерала Паулоса и основные силы Четвёртой танковой армии генерала Гота оказались в огненном стальном кольце!

День за днём шли победные сообщения, а в середине декабря Светлана открыла “Правду” и, не веря своим глазам, стала читать “Письмо лейтенанта Л. из Сталинграда”: “Моя любимая, кто знает — дойдёт ли до тебя это письмо. Ему предстоит очень сложный путь. Я буду всё-таки надеяться, что это письмо дойдёт до тебя, что оно пронесёт под огнём врага через Волгу, через степи, сквозь вьюгу и бураны в милую нашу Москву мою нежность к тебе, родная”. Под рассказом стояла подпись А. Каплера, но лейтенант Л. это, конечно же, означало Люся. “Сегодня выпал снег. В Сталинграде зима. Небо опустилось и стало низким, как потолок в избе. Хмурая, холодная погода особенно остра в такой день. Думается о близком человеке. Как ты живёшь сейчас? Помнишь ли Замоскворечье? Наши свидания в Третьяковской галерее. Как закрывался музей, и сторож гнал нас, звеня колокольчиком, и как мы не могли припомнить, перед какой картиной просидели весь день. Потому что мы смотрели в глаза друг другу”. Потом рассказывалось о мальчике, потерявшем родителей, он пошёл в бой вместе с солдатами и погиб. А заканчивалось словами: “Любимая, я буду писать тебе и буду ждать твоих писем. Если бы ты знала, как нужны они здесь! Скоро вечер. И в Москве тоже вечер. Из твоих окон видна зубчатая стена Кремля и над ней небо Москвы. Может быть, у вас там тоже сейчас падает снег. Твой Л.”

Она читала газетные строки, целовала их и плакала.

Глава тринадцатая

КРОКОДИЛ

— Целый парк личных детских автомобильчиков? — недобро улыбнулся Сталин, когда Николай Сидорович подробнейшим образом рассказал ему о детстве Лазаря Каплера, ставшего Алексеем, а потом описал юность и жизнь в тридцатые годы, отношения с женщинами, пристрастие к весёлым компаниям и прочее. — Любимчик слабого пола? Ну, вы, товарищ Власик, тоже можете этим похвастаться.

— Виноват, товарищ Сталин, — в очередной раз потупился начальник охраны, уже привыкший к камням в эту особую грядку своего огорода.

— Но ведь вы не пишете письма в “Правду”, — ткнул его в пузо мундштуком трубки Иосиф Виссарионович.

— Не пишу, — вздохнул Власик.

— Плохо то, что люди сопоставили и уверились, — сказал Сталин, мрачней. — Когда эта школьница Джульетта стала встречаться со своим сорокалетним Ромео, ходили только слухи, но когда вышла статья в “Правде”, люди сопоставили слухи со статьёй и поняли, что сплетни иногда бывают правдивыми.

Тогда, в середине декабря Верховному Главнокомандующему было не до какого-то там лейтенанта Л. с его письмами девушке, у которой из окон видны кремлёвские зубцы. Контрнаступление Красной армии под Сталинградом продолжалось, но оно могло точно так же сорваться, как до него немецкое. Группа армий “Дон” под командованием фельдмаршала Манштейна из всех сил пыталась прорвать кольцо вокруг армии Паулоса, и нашим бойцам и офицерам приходилось неимоверными усилиями сдерживать озверевших гитлеровцев. Хорошо ещё, что под Сталинградом воевали не только крепкие немцы и мадьяры, но ещё неженки румыны и итальянцы, быстро давшие слабинку, легко и театрально сдававшиеся в плен.

— Потом, потом, не до Сталина теперь, — ворчал Сталин, когда его поздравляли с очередным днём рождения.

На Ближней даче он всю осень и зиму отчаянно палил по воронам. Весной они, кажись, утомонились, а с лета и особенно с осени вновь стали досажать. Проклятые вороны несли невосполнимые потери, но не сдавались. Точно так же, несмотря на бедственное положение, не сдавался железный Паулос. В канун Нового года Сталин и Жуков издали директиву о расчленении его армии на две части, дабы проще добивать, но почти весь январь немцы отчаянно сопротивлялись.

А тут, подумаешь, какая-то интрижка бабника киносценариста с незрелой десятиклассницей. Не хватало времени даже для того, чтобы встретиться с дочерью и потрепать её рыжие космы. И роль гневного отца взял на себя не кто иной, как вездесущий Агитпроп. Уже на второй день после выхода в “Правду”, по сути дела, невинного рассказа начальник Управления пропаганды и агитации, сволочь, раздул скандал, потребовал, чтобы газета признала публикацию крайне ошибочной и вредной, поскольку, если ты лейтенант, то пиши тёплые письма жене или матери, а не девушкам. Девушки — для рядовых, не успевших жениться. Секретариат ЦК взял под козырёк и вынес постановление о том, что “Правда” поступила нехорошо. А Власик, считающийся ответственным за детей Сталина, при случае шепнул Светлане Иосифовне:

— Вам бы лучше не встречаться и не созваниваться пока.

— Пока — это сколько? — дёрнула плечиком десятиклассница.

— Пока отец не примет решения. Может, он вообще вас лично обвенчает.

После встречи Нового года в течение трёх недель Николай Сидорович докладывал Хозяину об отсутствии звонков и встреч. Мол, Светлана ходит молчаливая и грустная, а её этот Люся ведёт прежний образ жизни и времени зря не теряет.

Наконец, окружённую немецкую армию расколошматили, сам Паулюс сдался, причём Гитлер лично присвоил ему звание фельдмаршала и написал, что до сих пор ни один немецкий фельдмаршал в плен не сдавался, а уже на следующий день Паулюс стал как раз первым таковым фельдмаршалом.

И вот на Ближней даче Власик соблаговолит докладывать Хозяину о том, кто таков этот Люся и как развиваются его взаимоотношения со Светланой Иосифовной.

— Весь январь у них сохранялось затишье. Но как только под Сталинградом разгромили немцев, она сама ему позвонила, и они снова стали встречаться. Не так часто и под полным контролем со стороны лейтенанта Климова, но всё же. Ходили в театр, в кино, чинно и благородно. Покуда не наступило двадцать восьмое февраля.

— Семнадцатилетие Светланы. Это позавчера было. Так-так?

— Василий Иосифович выдал им ключи от своей квартиры возле Курского вокзала, и они отправились туда. Климова уговорили посидеть и почитать газетку в одной комнате, а сами в другой...

— Что?!

— Климов уверяет, что только целовались, ничего более.

— Только целовались! Ишь ты, поди ж ты! Ещё не хватало чего-то другого!

— Я попросил полковника Румянцева, и он на другой день позвонил Каплеру. Попросил немедленно уехать куда-нибудь в командировку. Он и впрямь два месяца торчит в Москве.

— И что же ответил Каплер?

— Послал его к чёрту.

— К чёрту?!

— Ну, то есть, если быть точным, он сказал: “Идите вы к чёрту, я и так послезавтра улетаю в командировку в Ташкент”. В Ташкенте будут снимать фильм по его сценарию о женщине-партизанке. Хм... по вашему заказу.

— Ну, вот и пусть летит к чёрту в свой Ташкент, — брезгливо поморщился Иосиф Виссарионович.

Сегодня Ганьшин привёз ему для просмотра готовый фильм Варламова “Сталинград”, и главному зрителю не терпелось его посмотреть. Он отправился в Малую столовую, где кинопроектор уже топал копытом, плёнка заправлена и рвётся в бой за Родину, за Сталина!

Усевшись в кресло, Хозяин налил себе стаканчик вина и спросил:

— Ну что, Александр Сергеевич, стоит смотреть новую фильму товарища Варламова?

— Бомба, товарищ Сталин, — ответил киномеханик, признанный волшебником своего дела.

— Бомба — это хорошо, — с удовольствием вздохнул Верховный. — Тогда давайте, бросайте эту бомбу.

И он стал смотреть киновоплощение всего того, что в последние полгода являлось его главным жизненным страданием, тревогой, смыслом существования. Тем, что врачи называют кризисом, — выживет пациент или умрёт. Под величественную и торжественную музыку пошли титры: “Сталинград. Документальный фильм об одной из славных страниц Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Текст писателя Василия Гроссмана. Режиссёр — лауреат Сталинской премии Леонид Варламов. Снимали кинооператоры группы кинохроники Сталинградского и Донского фронтов”. Длинный перечень этих мужественных людей, не боявшихся гибели и ранений ради своей киноправды. В фильм включены кадры из немецкой кинохроники, захваченной среди прочих трофеев. Это тоже весьма интересно! “Текст читает Юрий Левитан. Текст песни Василия Лебедева-Кумача, музыка песни Бориса Мокроусова”.

Картины мирной жизни на Волге, “где стоит красный Царицын, город Сталина — Сталинград”. Верховный не мог, не должен был проиграть битву за город, носящий его имя, город, где он сам воевал в гражданскую. Конечно, если бы отступили и до Урала, то и оттуда погналы бы ненавистного врага, но здесь лежал наиважнейший рубеж, отстояв который можно начать стремительное контрнаступление и изгнание европейских варваров со святой Русской земли.

Мирную жизнь на экране сменила война. Несравненный голос Левитана рассказывал о планах немцев после неудачи под Москвой обойти её с юга, выйти к Волге, подняться вдоль великой русской реки на север и нанести удар по столице с востока. Кадры наступления гитлеровцев сопровождала тема нашествия из Седьмой симфонии Шостаковича. Приём уже использовал Пырьев, когда в “Секретаре райкома” показывал приход немцев в советский провинциальный город. Скорее всего, и впредь многие будут этой музыкой сопровождать наступающих фрицев.

Ленинградскую симфонию Сталин слушал несколько раз, сначала во время её первого исполнения в Москве в марте 1942 года, потом — уже в записи на грампластинку. В своё время получивший оплеуху за сумбур в музыке Шостакович явно вложил душу в своё блокадное сочинение, но и тут ухо главного меломана не раз улавливало пресловутый сумбур. Тема нашествия, безусловно, являлась самой запоминающейся, но ему показалось, что он её слышал раньше, и поручил разобраться. Сначала доложили, что это вариации, сходные с “Болеро” Мориса Равеля. Нет, не то. Кажется, где-то у Чайковского точь-в-точь такая же мелодия...

Но так ли это важно? Шостакович рвался на фронт, в ополчение, а оказавшись в блокадном Ленинграде, по ночам тушил на крышах зажигалки, и американский еженедельник “Тайм” изобразил его на обложке в пожарной каске. Главное же, что Дмитрий Дмитриевич нашёл в себе силы написать симфонию, получившую высокое признание в СССР, а вскоре, исполненная в Лондоне, она стала звучать во всех странах, участвующих в войне с гитлеровской Германией. А значит, и это музыкальное сочинение превратилось в оружие против врага.

Весна и лето года, отколовшегося от глыбы великой войны следом за первым. Как мечталось, что “от потрясённого Кремля, от финских хладных скал до пламенной Колхиды”, “стальной щетиною сверкая”, встанет Русская земля и погонит вырождков человечества до их собственных столиц.

Но подмосковные успехи кончились, поражением завершилась оборона Крыма, немцы взяли Донбасс и вновь неотвратимо наступали в наши пределы. Всю жизнь кремлёвского вождя опять поглотила война. Даже Сталинские премии вручались без того, чьё имя они носят. И теперь он заново переживал те тоскливые дни, приносящие всё новые и новые сводки об отступлении и сдаче городов юга страны. Гнилая фашистская нечисть подошла к Волге и Сталинграду.

Самолёты бомбят город, здания превращены в руины. Трогательное зрелище — скульптура детей, беззаботно танцующих на фоне развалин. Эту

картинку он уже видел, ему привозили сталинградские фотографии Евзери-хина. Левитан говорит о девизе 62-й дивизии: “За Волгой для нас земли нет!” Бойцы, обороняющие правый берег Волги, хвастаются новым изобретением — коптилками, артиллерийскими гильзами со сплюсненными жерлами. Мультипликационная карта показывает крошечные территории, на кото-рых герои Сталинграда ведут неравные бои с противником.

И вот кульминация фильма — начало контраступления, окружение двадцати двух дивизий врага, безответный ультиматум Паулюсу и фантасти-ческое зрелище стреляющих залповым огнём “катюш”. Изувеченные трупы фрицев. Главный зритель подумал: это те самые белобрысые мальчишки, ко-торые в “Триумфе воли” так жизнерадостно готовились покорять мир. И другие трупы — в обнаруженном на освобождённой территории лагере для советских военнопленных. Конец обороны Сталинграда. Пленные немцы. Что же вы не орёте свои хайли своему фюреру? Жалкие, паршивые, обга-дившиеся. Радостная встреча бойцов Донского и Сталинградского фронтов. Впервые за полгода в Сталинград пришла тишина. И музыка в фильме на минуту заглохла. А хорошо без музыки! Хотя без такой плохо — заиграла гармошка, радостные бойцы танцуют. Возвращаются в свои покалеченные дома сталинградцы.

Бедный ты наш народ!

Развязка фильма построена на эффектном контрасте: холёные фрицы маршируют по своим городам — и они же, но в совсем ином виде, сдаются в плен; их награждают железными крестами за взятие Парижа — и другие кресты, деревянные, над могилами немчуры, павшей под Сталинградом; от-борные полки идут победным строем — и они же, но оборванные и драные, отступают от берегов Волги. А вот и пленённый Паулюс. Жалкий вид. Го-ворят, он, находясь в окружении, не мог избавиться от дизентерии. Обка-кавшийся мальчик!

Съёмки с самолёта: заснеженные поля под Сталинградом, всюду разби-тая немецкая техника. Вспомнился чудовищный рассказ о том, как в та-ком же поле отступающие фрицы нашли подземный склад с продовольстви-ем, жрали от пуза, а когда в подземелье стало не хватать места для новых отступающих, над складом поставили пулемёт и стреляли в каждого, кто приближался. Сытые немцы убивали голодных немцев, защищая свою сытую жизнь. В итоге поле вокруг склада оказалось усеяно трупами. Трудно пред-ставить, чтобы нечто подобное вытворяли наши! Только эти человекоподо-бные существа, способные любить каркающего придурка Гитлера, идти за не-го на позорную гибель.

Многочисленный митинг в честь освобождения Сталинграда. Среди дру-гих — бывший Надин однокурсничек, до чего же на свинью стал похож! Хрущёв был под Сталинградом в качестве члена Военного совета по тылу, командовал издали, а получился одним из главных. Ладно, хрен с ним!

И достойный финал для гитлеровцев — обмороженный урод в огромных чунях на ногах, как в двух плетёных детских колясках, передвигается по ос-татку своей паршивой жизни. Так вам и надо, выродки!

Завершающие титры под песню на слова Лебедева-Кумача: “Слава горо-ду дважды герою, слава матери всех русских рек, слава всем храбрцам, ста-линградским войскам, слава Сталину, слава вовек!”

— Да, и впрямь бомба, — произнёс главный зритель, когда фильм за-кончился. — Надо её отправить Черчиллю и Рузвельту. Аристократы, види-те ли, не считают кино искусством, заслуживающим их драгоценного внима-ния. На балах дурака валять у них есть время. Ничего, сами не воюют, пусть посмотрят, как мы воюем. Молодец, Варламов! Кстати, вы знаете, Алек-сандр Сергеевич, что его предыдущая фильма “Разгром немцев под Моск-вой” американскими критиками названа лучшей фильмой о войне?

— Слышал, Иосиф Виссарионович. Вроде бы даже вы говорили, её на премию “Оскар” выдвинули.

— Да, скоро должно быть вручение. А какой кадр, по-вашему, самый запоминающийся в этой фильме?

— Дайте сообразить... Ну, конечно же, немец в смехотворных плетёных галошах. Ну, в огромных таких. Залпы “катыш”. Пленённый Паулюс. И, конечно же, танцующие дети.

— Вот! — обрадовался главный зритель. — Это самый лучший кадр. И он, знаете ли, глубоко символичен. Я уже видел фото и навёл справки. Знаете, что это за скульптура?

— Боюсь ошибиться, — задумался Ганьшин. — Быть может, “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство”?

— Шутить изволите?

— Простите, товарищ Сталин. Признаюсь, пошутил неловко.

— Шутник мне нашёлся! Так вот, Александр Сергеевич, это был в Сталинграде фонтан под названием “Бармалей”.

— “Бармалей”?!

— Именно. Изображён момент из сказки Чуковского, когда крокодил проглотил Бармалея, и дети радостно танцуют вокруг крокодила. Но что получилось! Какой символ! Крокодил — это Германия, поглотившая Европу. А дети — это Россия, и крокодил попал в окружение, как немцы под Сталинградом. Черчилль, когда приезжал летом, тоже сравнил Германию с крокодилом. Мол, мы бьём его по зубам, а они с американцами подползут снизу и вспорют чудовищу брюхо. Мы, значит, рискуя жизнью, бьём его по морде, а они тем временем освободят Европу из его брюха.

— Да сволочи, Иосиф Виссарионович, что тут скажешь.

— Но крокодила мы окружили, и сами будем Европу освобождать.

— Русских жизнью жалко, товарищ Сталин, — вздохнул киномеханик.

— Да, очень жалко... Но война есть война. А вы заметили, что Сталинградская битва очень похожа на Ледовое побоище?

— Да, что-то есть общее.

— Да не что-то, а очень многое. Тогда Александр Невский поставил главный полк по центру спиной к огромной скале, и этот полк принял на себя самый страшный удар немецких рыцарей. А когда они зарылись в нём, их с двух концов окружили и стали бить. Точно так же и здесь. Наши встали спиной к Волге и до конца сражались, а тем временем началось контрнаступление, немцев окружили и разбили. Жаль, что они ещё под лёд на сей раз не провалились. И что ещё сходно: там немца подвели трусливые эстонцы, а здесь — трусливые румыны. Думаю, после Ледового побоища на берегу Волги немца проклятого теперь уж погоним с земли Русской! Согласны?

— Не можем не погнать!

— То-то же. А скажите, Александр Сергеевич, как всё-таки правильно: фильм или фильма?

— Если считать, что это кинолента, то правильно фильма, но так давно уже не говорят.

— Да? А я всё равно буду по-старому говорить. Я, когда с Надеждой женихвался, ходил с ней на фильму, а не на фильм.

— Мне тоже в женском роде больше нравится.

— Ну да, я помню. Вы к кино и к киноаппаратуре относитесь с любовью, как к женщине.

— Есть маленько.

— Послушайте, Александр Сергеевич, а помните, вы крутили мне фильму “Молодой Линкольн”?

— Помню, конечно. Средней руки фильма.

— И моя дочь тогда минут двадцать высидела и улепетнула. Сказала: “Политика, историтика, скукота!” Было такое?

— Совершенно верно, было.

— Ладно. Спасибо за показ. На сегодня вы свободны.

И он отправился в свой кабинет, куда вызвал снова Власика. Тот мигом явился.

— Товарищ Власик, помните, вы доносили мне, что ещё в ноябре Каплер и Света в одиночестве смотрели в Гнездиновском фильму про молодого Линкольна. Так?

— Так точно. И Климов из будки киномеханика за ними наблюдал. Как они целовались. То целовались, а то горячо обсуждали картину.

— Понятно. А потом она с восторгом говорила об этой фильме?

— Ну, да.

— Понятно. А вы знаете, Николай Сидорович, я вот что подумал. Этот Люся, он как изнеженный кот. Всё у него всегда уютно и удобно устроено. Даже эту рыжую мышь выловил, сталинскую дочку. Устройте-ка ему иную командировку. Не в Ташкент, где сейчас тепло, всё цветёт и пахнет. А куда-нибудь на север. Вы меня понимаете?

— Полностью понимаю, товарищ Сталин.

— Художнику полезны некоторые лишения. Только не слишком сурово. Допустим, мы отправляем его в командировку в Воркуту. Допустим, там не хватает работников в фотоателье. И лет этак на пять, не больше.

— Стало быть, не в общий лагерь, а на поселение?

— Ну, или так, — улыбнулся Сталин, вспомнив анекдот про самого себя. — Негоже, знаете ли, автора “Ленина в Октябре” и “Ленина в восемнадцатом году”, лауреата Сталинской премии жестоко наказывать за то, что он слишком обнаглел на любовном фронте. Всё-таки он и к партизанам летал, и в Сталинграде ходил под пулями. Но предупредить, что если он ещё раз захочет целоваться с одной хорошенькой рыжеволосой девушкой...

— Тогда получит лагерную практику для будущих сценариев.

— Ну, или так.

— Сделаем, товарищ Сталин.

— Хорошо. Но это, как говорится, мелочи, пустяки. Наберите мне телефон Большакова.

Власик исполнил требование хозяина.

— Товарищ Большаков? Я вот посмотрел новую фильму товарища Варламова и очень ею доволен. Такая фильма, как и его предыдущая, стоит нескольких дивизий. Такое кино — это просто новый вид оружия! Прошу вас послать одну копию Черчиллю, другую — Рузвельту. И с предписанием: “Сталин просил обязательно посмотреть”.

— Будет исполнено, товарищ Сталин, — раздался на другом конце провода радостный голос Ивана Григорьевича.

Дальше Сталин позвонил Молотову:

— Привет, Дядя! Звоню тебе как заместителю председателя ГКО. Где у нас сейчас Хрущёв? Ага. А жарче всего у нас сейчас в Харькове. Переведи Хрущёва туда. Членом военного совета. Пусть там похрюкает.

Следующему он позвонил Кагановичу:

— Слушай, Лазарь, тебя в детстве как звали? Не Люсей ли случайно? Час от часу не легче! Ну, хорошо, что не Люсей. Однако я не для этого звоню. Там, в Сталинграде, на Привокзальной площади и перед музеем обороны Царицына, стоит фонтан “Бармалей”. Дети танцуют вокруг крокодила. Кто там у нас занимается восстановлением Сталинграда? Так вот, передай, пожалуйста, что Сталин попросил этот фонтан по возможности восстановить. Чтобы он функционировал, как прежде. Это глубоко символично, Цуцик.

(Продолжение следует)

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

ОТСРОЧКА ОТ ПРОПАСТИ

Ж/Д

Казалось бы, что тут такого, что поезд *лететь* не устал?
Быково–Красково–Перово–Казанский вокзал.

А что же потом? В оконцовке? Потом будет ночка черна,
Другие пойдут остановки: болезни, утраты, война.

Но даже в подобном маршруте, наверно, какая-то цель?
И нет, если честно, по сути, нигде беспечальных земель.

2022

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Александр Иванович Казинцев в гости — по-соседски — заходил,
К чаю сладких приносил гостинцев из “ВкусВилл”.

Александр Иванович знал много. Он любил, рассказывая мне,
Размышлять о дарованьях СМОГа или о Белове, Шукшине...

СТЕПАНОВ Евгений Викторович — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ имени М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Неоднократно публиковался в “Нашем современнике”. Автор нескольких книг стихов, прозы и научных монографий. Главный редактор-издатель журналов “Дети Ра”, “Зинзивер” и портала “Читальный зал”. Лауреат премии имени А. Дельвига “Литературной газеты” и премии журнала “Нева”. Живёт в посёлке Быково (Московская область).

Избегал любой возни мышиною, предавших друзей не порицал.
Восхищался ненаглядной Ниной и ценил портал “Читальный зал”.

Смерти нет, хоть все идём по краю.

Каждый в этом мире — пилигрим.

Александр Иванович, я знаю: с Вами мы ещё поговорим...

2022

ОДИНОКАЯ ЕЛЬ

Не спит ни секунды бревенчатый дом,
Скрипят шестерёнки рассудка,
Который уходит от гибельных догм,
Работая честно и чутко.

Любовь и озноб — вековечный коктейль,
Который я пью торопливо.
...И вырваться трудно из хищных когтей
Сомнительного креатива.

В чём цель? Непонятна, как музыка, цель.
Где логика в жизненной драме?
А в окна стучит одинокая ель
Живыми ветвями.

2020, 2022

ЗНАЧИТ, ЛЮБИТ

Страх пытаюсь обороть —
Будь что будет.
Сильно бьёт меня Господь —
Значит, любит.

2022

“ИЗАБЕЛЛА”

Я, как присловье, староват
И потерял давно здоровье.
А всё равно по-детски рад,
Выращивая виноград
В сосновом, зябком Подмосковье.

Лоза растёт из слёз земли,
Из мысли, что в душе созрела.
Меня прикончить не смогли
Убийцы, мытари, вралі...
Я знал: со мною “Изабелла”.

Лоза растёт — теплеет дом.
И будут ягоды вином,
Потом — Бог даст! — Христовой кровью.
Я благодарен Подмосковью,
Хоть вырастал в краю ином.

2021, 2022

ПОСЛЕБОЛЬНИЧНЫЙ РАЗГОВОР

— Ты выжил, и песня не спета...

А что ж головою поник?

— Отсрочка от пропасти — это

Отсрочка всего лишь на миг.

— Но миг — это вечность, в которой

Свершается множество дел.

Ты будешь надёжной опорой

Для тех, кто к тебе прикипел.

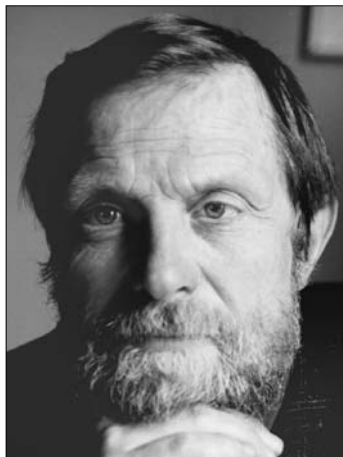
Достроишь свою халабуду

И будешь опять на коне.

— Я буду стараться, я буду —

Прожить, как положено мне.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА

ПОВЕСТЬ-РЕКВИЕМ

*Многими скорбями надлежит нам
войти в Царство Божие.*

Деян. 14, 22

*Не хочу же оставить вас, братия,
в неведении об умерших, дабы вы не
скорбели, как прочие, не имеющие
надежды.*

Апостол Павел

Жизнь ещё при тебе, но почти уже без тебя...

Я уже неделю жил в Париже...

Говорят: “Увидеть Париж — и умереть!” В другое время я, может, был бы счастлив, что, раньше даже не мечтая о нём, вдруг оказался в Париже. Но сейчас я не испытывал ни капли радости от того, что нахожусь в Париже. Я не чувствовал с Парижем никакого родства, его красота не трогала мою душу, она была для меня чужой, холодной, даже мёртвой. В своих прежних дорогах по другим странам если не сразу, то через какое-то время

ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился в 1944 году в Башкирии. Автор более двадцати книг прозы и публицистики, председатель созданного им Аксаковского фонда. Лауреат Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова, премии имени К. М. Симонова, Большой литературной премии первой степени Союза писателей России, премии “Имперская культура” имени Э. Ф. Володина и “Александр Невский”. В 2000 году награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, в 2010 году — орденом Почёта. Почётный гражданин Уфы. Вице-президент Международного Фонда славянской письменности и культуры.

я чувствовал пусть не родство, но какую-то душевную близость с городами, в которых оказывался: с Софией, Римом, Варшавой, Краковом, о Белграде особый разговор... Разумеется, с красавицей Прагой, хотя Прага в моём сознании, вопреки разуму, существует как бы отдельно от братьев-чехов. Я знаю, что не прав, нельзя судить прямолинейно-односторонне, но я не могу простить их неоднократного предательства, начиная с нашей гражданской войны, которую они практически спровоцировали, когда, пленными солдатами кайзеровской Германии оказавшись в России, где к ним относились как к братьям-славянам, повели себя в поверженной революцией стране, как оккупанты, ничем, пожалуй, не уступая в мародёрстве немцам в Великую Отечественную войну. Я не могу им простить, что за возможность втихую вывезти российский золотой запас они сдали большевикам Колчака и потом безбедно на это золото жили до самой Второй мировой войны, не очень-то сопротивлялись гитлеровской аннексии, и две трети танковых армий, брошенных Гитлером на Россию, были изготовлены на чешских заводах. Ещё много чего я не могу им простить. Так что прекрасная Прага существовала для меня как бы сама по себе, а чехи, словно тараканы в ней, сами по себе.

Я находил родство даже с мусульманско-арабским Дамаском, в котором оказался в разгар американских бомбардировок Ирака: в стремительно сгущающихся сумерках, вглядываясь в силуэты минаретов на закатном небе, я совсем не как в чужие вслушивался в перекликающиеся голоса муэдзинов.

Но с Парижем я не чувствовал никакого душевного родства. И с самими французами, например, в отличие от итальянцев, я не почувствовал никакого душевного родства, впрочем, французов в Париже я почти и не видел. По крайней мере, в районе, в котором я жил, настоящих французов было меньше, чем негров и арабов, которых несколько разбавляли туристы да редкие странники вроде меня, мечущиеся по Земле и не находящие себе на ней места. А если встать пораньше, то вообще можно подумать, что ты не в Париже, а где-нибудь в Африке или на Ближнем Востоке.

Спал я плохо, если не сказать, что вообще не спал, потому что измученной душой был далеко от Парижа, и потому вставал очень рано и выходил в город, в котором, как я уже говорил, в эти часы сновали, словно муравьи, одни только негры и арабы: рабочие коммунальных служб, ночных кафе и ресторанов, мусорщики... Я смотрел на ещё сонный, только что просыпающийся город со знаменитого Монмартра, недалеко от которого жил, и даже начинал чувствовать нечто вроде родства с Парижем, пока не вылезала из тумана эта самая Эйфелева башня, являющая собой яркий пример того, как с помощью назойливого пошлого пиара можно всего лишь за несколько десятилетий изменить понятие о красоте у целого народа, если не сказать, у всего мира, когда символом древнего, наверное, на самом деле прекрасного города становится нелепое подобие нефтяной вышки или гигантской высоковольтной опоры электропередачи...

Давно живущий в Париже, — нет, не как потомок несчастных русских беженцев в гражданскую войну, а как международный сотрудник ЮНЕСКО, — и, разумеется, влюблённый в Париж, любезнейший Владимир Николаевич Сергеев вызвался показать мне ночной Париж. Полагаю, он специально готовился к этой поездке, потому, как только мы въехали в старый город, он нетерпеливо спросил меня:

— Вы не будете против, если я включу Джо Дассена?

— Конечно, — сказал я, внутренне вздрогнув и напрягшись.

Разумеется, он включил “Если б не было тебя...” Он включил не что иное, как то, что сейчас особенно могло рвать мою душу, но откуда ему было знать об этом... Да ещё взялся переводить мне на русский, а я из деликатности вынужден был промолчать, что знаю слова песни и что каждая строчка больно режет меня по сердцу: “Если бы не было тебя, зачем, скажи, тогда б я жил? По Земле я бродил бы, скорбя, без надежды и без крыл...” Эта песня всегда трогала мою душу, но до последнего времени я воспринимал её отвлечённо, не применительно к себе.

А милейший Владимир Николаевич включал её снова и снова, стараясь доставить мне удовольствие. Откуда ему было знать, что эта песня Джо

Дассена сейчас имела ко мне самое прямое отношение, самый прямой и жестокий смысл: я здесь, в Париже, наверное, если не в самом красивом, то, несомненно, одном из красивейших городов мира, а дома у меня осталась, доживая последние месяцы, умирая от рака, жена, и я остаюсь один в этом, ещё более непонятном для меня, по мере того, как я живу, мире со ставшими ещё более тупиковыми вопросами: зачем существует он сам, этот мир, и зачем существую в нём я, зачем в нём существовала ты, когда всё вдруг разом обрывается... И остаюсь я не просто один, но с постоянным ощущением неискупной вины перед тобой, хотя, наверное, я виноват перед тобой не больше, чем ты передо мной. Но зачем Бог из нас двоих оставляет на этом свете меня? В наказание? Впрочем, может, у Него на этот счёт ещё не всё решено...

“Если б не было тебя, то для кого тогда б я жил?.. Я жив, пока ты есть...”, — пел уже ушедший в мир иной Джо Дассен, которого в России знают и любят больше, чем во Франции. Для французов это необъяснимая загадка, а объяснение этому, может, простое: в его песнях, о чём, скорее всего, он сам не подозревал, подспудно выразилось если не русское, то хотя бы российское происхождение его предков. Я видел, что Владимир Николаевич, наблюдая сбоку за моим бесстрастным лицом, если не обиделся на меня, то был, мягко говоря, удивлён. Он ожидал от меня если не бурного восторга, то хотя бы какой-то реакции, какого-то слова, хотя бы молчаливой улыбки, а я, то и дело сглатывая спазмы, которые перехватывали горло, каменно молчал, тупо уставившись в лобовое стекло автомобиля, скорее, в асфальт перед ним, и совершенно не обращал внимания на окружающие дома, площади, соборы, фонтаны, я почти не слышал его... Да, своим поведением я, конечно же, обижал его, но в то же время я почему-то не мог ему сказать, что эта песня Джо Дассена, которую он включал снова и снова, имеет ко мне самое прямое и страшное отношение, что за тысячи километров отсюда медленно, но неотвратно умираешь ты, что ты ещё у меня есть, но в то же время тебя уже нет. Но почему-то я не хотел, точнее, не имел права сейчас ему об этом сказать, хотя бы потому, чтобы не испортить его романтически-возвышенного настроения и чтобы мне не пришлось объяснять, почему в такую жуткую для себя пору я оказался здесь, в Париже, — я ведь, по всему, должен быть в эти последние дни рядом с тобой. А он кружил и кружил по ночному прекрасно-холодному Парижу, снова и снова включая Джо Дассена...

Всё было бы, может, не столь жутко, если мы были бы счастливы друг с другом, если бы у нас были дети, внуки, если бы ты оставила продолжение себя на Земле, а ты уходишь из этой жизни безродной, не испытав счастья и горя материнства, и в этом была моя главная и страшная вина перед тобой, которой, я знаю, нет прощения...

Мой друг, лётчик-космонавт Виктор Петрович Савиных однажды подарил мне свою сугубо научную книгу “Серебристые облака” с подзаголовком “Взгляд из космоса”. Принимая книгу, я еле сдержал своё волнение, сам факт дарения показался мне неслучайным, даже мистическим, потому что название книги разбудило во мне дремлющие, но время от времени ярко и томительно вспыхивающие смутные воспоминания-ассоциации, даже душевные потрясения детства, связанные с этими самыми серебристыми облаками.

У меня даже защипало в глазах и зачастил сердечный пульс. Придя домой, я сразу же раскрыл книжку, отбросив в сторону все свои дела: “Серебристые облака” были обнаружены в 1885 году почти одновременно Т. Баггаузом в Киссингене 8 июня, В. Лаской в Праге 10 июня и московским астрономом В. К. Цераским 12 июня. Летней ночью 12 июня 1885 г. В. К. Цераский, возвращаясь домой из обсерватории, по привычке поглядывал на небо и вдруг заметил над Пресней, там, где только что были звёзды, яркие с голубым отливом призрачные облака. Они были настолько яркими, что блеск от них ложился на мостовую. В. К. Цераский назвал обнаруженное им явление ночными светящимися облаками. Впоследствии немецкий учёный О. Иессе дал им более поэтичное и, может быть, потому прижившееся название — “серебристые облака”. В. К. Цераский очень образно описал

увиденное им: “Это настолько блестящее явление, что совершенно невозможно составить о нём представление без рисунков и подробного описания. Некоторые длинные, ослепительно серебристые полосы, перекрещивающиеся или параллельные горизонту, изменяются довольно медленно и столь резко, что их можно удерживать в поле зрения телескопа... Отличаясь видом от прочих облаков, они бросались в глаза, прежде всего, своим блеском. Облака эти ярко блистали в ночном небе чистыми, белыми, серебристыми лучами, иногда с лёгким голубым отливом... Бывали случаи, что от них становилось светло, стены зданий весьма заметно озарялись, и неясно видимые предметы резко выступали...”

Далее в книге Виктора Петровича Савиных следовало перечисление различных гипотез, пытающихся объяснить происхождение серебристых облаков, временами зависающих над Землёй на высоте примерно в 80 километров.

В первый раз я увидел серебристые облака или обратил на них внимание, кажется, после смерти деда, которого очень любил, мне казалось, больше отца и матери. Правда, тогда я не знал, что у этих облаков есть своё название, как не знал и того, что они являются в своём роде необыкновенными. В неизбывном детском горе своём, при живых отце и матери, когда у всех моих сверстников отцы не вернулись с войны, и я слыл среди них счастливым, и потому они меня недолюбливали, поздним вечером, снедаемый отчаянием и одиночеством, я вышел за околицу на обрыв реки к притягивающей к себе, словно магнит, воде, и вдруг они засветились над горизонтом, ещё больше тревожа и в то же время успокаивая душу, и почему-то я знал, что они засветились именно для меня. Может, они светились и раньше, а я, убитый горем, только сейчас поднял глаза? Или как раз они заставили оторвать от воды глаза?

После этого случая мне не однажды в детстве приходилось видеть серебристые облака, почему-то всегда, когда мне было особенно горько, когда я особенно страдал от одиночества, тоскуя по чему-то или по кому-то неведомому. Я по-прежнему не знал, что у них есть название, что они своей необычностью волнуют не только меня, тем более что они волнуют учёных, но они всегда почему-то странно беспокоили и в то же время успокаивали мою душу. Со временем, повзрослев и переехав жить в миллионный город, я не то чтобы совершенно забыл о них, но практически больше не видел, или они исчезли совсем, или исчезли для меня, больше не нужные моей душе, может быть, я мог жить уже без них, а скорее, теперь их глушил искусственный электрический свет, отрывающий людей по ночам от неба, от звёзд

И вдруг эта книга Виктора Петровича Савиных! Я вдруг всё вспомнил: как они не просто волновали меня в детстве, а, как тогда мне казалось, спасали от одиночества и, может, даже от последнего опрометчивого неоправданного шага. Я вдруг всё вспомнил, в том числе то, о чём даже не хотелось вспоминать, что я специально постарался забыть, и несколько дней ходил взволнованный воспоминаниями, благодарностью к серебристым облакам и чувством вины перед ними, что я так легко их забыл, и почему-то я знал, что они тогда, в детстве, светились если не именно для меня, то в том числе для меня. И в то же время родилась тревога: Виктор Петрович мог и не догадываться, что подарил мне свою тоненькую книжицу неслучайно, может, это своего рода напоминание серебряных облаков о своём существовании в преддверии каких-то важных и печальных для меня событий, когда мне, как в детстве, никто не сможет помочь, кроме серебристых облаков... Лётчик-космонавт В. И. Севастьянов, слетавший в космос раньше Виктора Петровича, ещё в 1970 году записал в корабельном боржурнале: “Что меня поразило при наблюдении серебристых облаков, кроме того, что они настолько восхищают, но и притягивают наблюдателя своей необычной картиной? Меня поразили их блеск (матовый, но очень сильный, я назвал его “перламутровый”), их протяжённость (мы наблюдали их над Камчаткой, а на следующем витке от Урала до Камчатки, а затем в эти же сутки над Канадой), их тонкая лазурная структура, похожая на блеск перьев лебеда, когда серебристые облака наблюдаются в фасад”. А А. А. Леонов, летавший в космос ещё раньше, в марте 1965 года, назвал серебристые облака голубым поясом

Земли и позже не однажды рисовал их на своих картинах — так задели они его душу.

Почему серебристые облака были обнаружены только в 1885 году? Неужели до того времени они вообще не существовали? Как бы в подтверждение этому предположению: они были обнаружены в разных точках планеты практически в одно время: в июне 1885 года... Или к этому времени в атмосфере Земли произошло накопление чего-то — своего рода критической массы? Не может же быть, что до этого на них просто не обращали внимания?

Я залпом, не отрываясь, ища ответа, прочитал книжку Виктора Петровича Савиных, но ответа не нашёл. Сугубо научная, сухая, наполовину состоящая из схем и диаграмм, она снимала с серебристых облаков покров таинственности и приводила к выводу, что они не что иное, как всего лишь “спорадический плазменный слой в летней полярной мезопаузе”, и что они “образуются в результате конденсации водяного пара на мельчайших пылинках в области самого глубокого минимума температуры во всей толще атмосферы”. Правда, вывод этот был с некоторой оговоркой, что “до последнего времени остаётся нерешённым вопрос об источниках паров воды и о ядрах конденсации, хотя можно предположить, что проблему генезиса СО (серебристых облаков) можно решить на основе притока в атмосферу Земли огромного количества (порядка двадцати в одну минуту) снежных ядер мини-комет и что “для подтверждения и уточнения этих представлений необходима организация комплексных экспериментов”.

И хотя книга Виктора Петровича Савиных вроде бы ясно и убедительно с точки зрения физики и метеорологии объясняла происхождение серебристых облаков, её выводы не то чтобы вызвали у меня сомнение, но было ощущение, что они лишь поверхностно объясняют глубинную суть серебристых облаков. Более того, было такое чувство, что эти выводы как бы специально кем-то подсказаны учёным на уровне нынешнего развития науки, чтобы они, якобы докопавшись до их сути, успокоились, чтобы по какой-то причине, может, до поры до времени скрыть от нашего несовершенного ума, а главное — несовершенной души, их истинную сущность. Но тем не менее книга гвоздём застряла у меня в голове. Если умом я с некоторым разочарованием согласился с её выводами, то моя душа не то чтобы не приняла её выводов, но она чувствовала, что они объясняют только внешнюю суть явления, скрывающую, как яичная скорлупа, зародыш внутри неё. Но я был благодарен этой книге, что она разбудила в моей уже очерствевшей душе те детские воспоминания о встречах с необыкновенными облаками, которые спасали меня в минуты самого беспросветного детского и юношеского одиночества и сиротства при живых родителях и, может, даже однажды спасли от самоубийства. Что касается учёных, они любят ясность, если её нет, они её придумывают; в конце концов, если их устраивает такое, может, подсунутое им объяснение происхождения серебристых облаков, пусть они так считают. Со странным чувством я поставил тоненькую книжицу на полку, зажав её другими книгами, но неясная тревога осталась жить во мне.

Я пытался объяснить себе причину воздействия серебристых облаков на мою детскую, тогда ещё не очерствевшую душу, я словно пытался вспомнить заспанный к утру, пусть печальный, но светлый сон, но мысль моя, вроде бы уцепившись за краешек этого объяснения, тут же натыкалась на подобие кодового замка и срывалась, словно кто-то как бы отсекал её от того, что по каким-то причинам мне ещё не дано или уже не дано знать. Книга Виктора Петровича как бы вернула меня в детство, и я не знал, быть ему за это благодарным или нет. Я даже намеревался позвонить Виктору Петровичу или спросить при случае: почему он, учёный-картограф и оптик, вдруг занялся серебристыми облаками? Какие он испытывал при встрече с ними чувства, которые остались за пределами его учёной книги?

Через какое-то время после этого я ехал поздней ночью через Уральские горы. Влетел-въехал на большой скорости на очередной хребет — и вдруг они повисли передо мной над близким окоёмом. А потом как бы даже резко приблизились — и висели теперь уже чуть ли не надо мной: то впереди, то слева, то справа, в зависимости от поворота дороги, душа замирала в какой-то

мучительно-сладкой и в то же время мучительно-тревожной истоме; серебристые облака, мягко переливаясь изнутри всеми оттенками перламутра, словно мне что-то говорили, о чём-то предупреждали, но я не понимал, что говорили и о чём предупреждали. Тужился понять, вот-вот вроде пойму, но всё равно не понимал, и от этой нагути как бы даже звенело в ушах, и от этого непонимания почему-то хотелось закричать или заплакать, и в то же время засмеяться сквозь слёзы. Свернув на первый грунтовый перекрёсток, я остановил машину. Мне ничуть не было страшно одному среди глухих гор в глухой ночи под повисшими надо мной странными, словно живыми и молча говорящими облаками; я чувствовал, я был уверен, что сейчас они, как тогда, в детстве, что-то говорят — именно мне и что-то очень важное для меня, мне казалось, что за десятки, а может, за сотни километров в этой странной ночи больше, кроме меня и кроме них, никого нет. Нет, это был не лунный свет, хотя Луна в полдиска тоже висела над хребтами, её томительный свет тоже по-своему беспокоит душу, но это было совсем другое, и тревожно было, что я их языка не понимаю. Мгновением мелькнула простая и ясная мысль, не то чтобы объясняющая природу серебристых облаков, но приближающая к их объяснению, но тут же, чуть зацепившись, не удержавшись, унеслась вверх.

И тут я вдруг вспомнил — не приснилось же мне во сне и не придумал же я всё это?! — как однажды в детстве я разговаривал с ними, а потом как бы заснул этот разговор или кто заставил забыть его. Точнее, они, как сейчас, молча разговаривали со мной, но тогда мне был понятен их язык. Одиноким при живых родителях и мучающийся от их разлада, я часто уходил за деревню на берег текущей, я уже тогда понимал, из Вечности в Вечность реки, и они иногда, мне казалось, что когда мне было особенно горько, вдруг как бы специально для меня повисали над горизонтом, странно освещая ночную Землю, и бередили мою детскую и в то же время уже недетскую душу, словно пытались успокоить меня или давали знать о другой жизни, может, даже неземной, что хотелось плакать неизвестно отчего, и я уже не чувствовал себя одиноким в ночи. И однажды, когда текущая из Вечности в Вечность вода властно и бесповоротно потянула меня в себя, убедив, что в ней разом разрешатся все мои горести и печали, и я уже почти по плечи вошёл в реку по стремительному перекату, который в следующую минуту был готов, сделав меня невесомым, поднять и унести в крутящейся воронкой ниже переката под скалой омут, как они вдруг, каждую секунду изменяя цвет или идущий изнутри из них свет, тревожно замерцали в вышине, бросая отблески на воду, на которую я заворожённо смотрел. Тревожное мерцание серебристых облаков заставило меня поднять глаза, и в этот момент я услышал как бы исходящий из них немой, но удивительно понятный мне ласковый голос: остановись, ты не одинок, мы с тобой!

И сейчас вот в глухих ночных горах мне показалось, что я снова услышал исходящий из серебристых облаков тот голос, что в детстве. Я не различал слов, но смысл их мне, как тогда, в детстве, был почти ясен, он выражался не в словах, и было в нём тревожное предупреждение и в то же время знак, что меня не оставят одного. Именно тот голос, из детства, нет, не могло быть, что я его придумал, просто я его вдруг вспомнил, в своё время заснул, а сейчас вспомнил. Я не был абсолютно уверен, что голос был женским, но, скорее, он всё-таки был женским, только точно, что он был не мужским, хотя никакого звукового выражения у этого голоса не было, как и самого голоса, но тем не менее я его явственно слышал, раз мне, хоть и смутно, как тогда в детстве, был понятен смысл сказанного.

Руки так и чесались: взять ручку и записать! Мне показалось даже, что мне открылась тайна серебристых облаков, и она связана с тайной моего неясного мне бытия, они сами раскрыли мне её, или я разгадал её, только взять ручку и записать! Я сунулся во внутренний карман пиджака, в бардачок автомобиля, но — ни там, ни там ручки не оказалось. Ладно, запишу, когда доеду до дома или утром, успокоил я себя. И, когда серебристые облака через какое-то время немного померкли, как бы замолчали, я завёл

мотор и осторожно выехал на большую дорогу с чувством, что не один в этой глухой ночи...

Но утром я уже ничего не помнил. Как ни старался, ничего не мог вспомнить, словно заспал сон: вот-вот вроде начинаю вспоминать, но нет, не получалось, словно срабатывала какая-то запретная шторка. Брал в руки ручку, но записывать было нечего...

— Ты знаешь, мне приснился сон, что мы с тобой расстаёмся, — перебив мои потуги, утром сказала ты. — Я уезжаю куда-то далеко-далеко, как мне кто-то сказал, навсегда, и я прошу тебя заботиться о собаках. Чтобы ты, когда Динка станет совсем старой, забрал её в город... Сон сном, а на самом деле, если кто вдруг: ты заберёшь её потом в город?

— Ну, ты что?! — пытался я тебя успокоить, хотя глухая тревога обдала меня студёным ветром. Я почему-то вспомнил свой сон с появлением серебристых облаков, которые неожиданно повисли передо мной и надо мной прошлой ночью: что они мне хотели сказать?

— Я вполне серьёзно, — не унималась ты. — Обещаешь?

— Ну, что у тебя за мысли?!

— Нет, ты скажи: обещаешь?

— Ну, разумеется!

— Сон какой-то странный, нехороший... Всю ночь у меня снова ныло колено. Видимо, всё-таки придется оперироваться. А я уж надеялась, что обойдётся.

— Я тебе уже несколько раз говорил: не тяни с операцией. Давай вот прямо завтра позвоним в клинику.

— Сейчас не самое лучшее время для операций: лето, жара. Да и в саду самая работа: огурцы, помидоры поспевают, да и подходит самое любимое моё время: август, сентябрь. Теперь уж поздней осенью, когда слякоть: дождь, снег. Тогда не так тоскливо будет в больнице.

Спорить я с тобой не стал, да и бесполезно было с тобой спорить с твоим упёртым характером, из-за которого, я считал, во многом и были наши беды. К тому же я считал себя отчасти виноватым в твоей беде с коленом: мениск ты надорвала ранней весной при обрезке яблонь, сорвалась с поставленной мною в снегу вместо стремянки перевёрнутой бочки; я потом проклинал себя, что, возможно, ненадёжно поставил её. А теперь думаю, что, может быть, моей вины в том не было, бочку, я помню, ставил прочно, несколько раз проверил, а, скорее всего, уже тогда у тебя из-за уже зародившейся в мозгу опухоли-метастазы оказалась нарушена координация движений и, может, надрыв мениска был предупреждением нам свыше: пока не поздно, обратись к врачам, когда, может, твою судьбу решал не только каждый день, но и даже час. Надо было силой везти тебя в больницу, но я, стараясь избежать очередного конфликта, не стал настаивать. Ты дотянула до декабря, а в декабре ты пришла из поликлиники, где проходила обследование перед операцией на колено, с потухшим потусторонним взглядом.

— Что? — замерев от дурного предчувствия, спросил я. За тридцать лет совместной жизни я привык к тому, что ты впадала в панику по любому, даже самому мелкому поводу, но таких безнадежных и потухших глаз у тебя ещё никогда не видел.

Ты молчала, не в силах что-нибудь выговорить.

Я снял с тебя шубу, ты, казалось, даже не заметила этого: как стояла, так и стояла, гуттаперчиво-послушная. Я не мог смотреть на твои безвольно опущенные плечи. В такие минуты я, как никогда, испытывал перед тобой великую и неискупимую вину:

— Ну, говори...

— У меня подозревают рак лёгких...

У меня гулко застучало в голове: “Вот он, пришёл тот час, час расплаты... Не могло так без конца продолжаться, у всех вокруг та или иная беда, а нас по большому счёту всё обносило...”

— Насколько это точно? — наконец спросил я.

— Направили для установления окончательного диагноза в тубдиспансер. Ты сможешь завтра утром отвезти меня туда?

— Конечно.

Мы так и стояли в прихожей, я — с твоей шубой в руках.

— Что будем делать, если подтвердится? — подняла ты на меня глаза.

Дело в том, что всего неделю назад ты снова завела разговор о нашем разводе. Ты была убеждена, что моё плохое настроение оттого, что у меня есть другая женщина, которую я по-настоящему люблю и от которой хочу иметь ребёнка, а время уходит. А на самом деле моё плохое настроение было оттого, что наше с тобой время уходит, а мы так и не нашли пути друг к другу.

— Будем бороться! — сказал я и обнял тебя, после чего ты, кажется, немного посветлела. А меня резанул твой вопрос, и сейчас, если ты слышишь меня отсюда, из неведомого далека, я спрашиваю тебя: неужели ты могла ожидать от меня другого ответа? Неужели ты все годы так и не верила в меня до конца? Что я, каким бы ни был, по твоему мнению, плохим мужем, могу повести себя как-то иначе в такую минуту или вообще оставить тебя? Это, может, самое горькое в памяти о тебе...

Наутро в предрассветном морозном промозглом смоге-тумане я повёз тебя в противотуберкулёзный диспансер.

— Хорошо бы — туберкулёз. Я бросила бы работу и целиком занялась бы домом, тобой. Я собрала бы в альбомы все твои экспедиционные фотографии, я стала бы перепечатывать твои рукописи. Ты всегда был недоволен, что я тебе не помогаю. Я бы подолгу, чтобы тебе не мешать, жила на даче с собаками... Жила бы себе ниже травы, тише воды, никому не мешая...

Мне хотелось тебя обнять и заплакать, но я был за рулём...

Но из тубдиспансера нас выпроводили, как воровски позарившихся на чужое счастье, направили в раковый центр, и я понял, что самое большое горе, до сих пор обходившее нас стороной, тихо, но в то же время оглушительно и страшно обрушилось на нас.

Было 29 декабря, на обратном пути я думал, что теперь подарить тебе на Новый год. Всего неделю назад я знал, что подарю, но теперь в этом подарке не только не было смысла, но он был бы кошунственным. Заехав в магазин за хлебом и наткнувшись в магазине на цветочный киоск, я решил купить тебе в подарок кипарис в большом горшке. В прилагаемой фотографии-инструкции по уходу показывалось, каким большим и красивым деревом он будет через несколько лет. Это как бы укрепляло мою и должно было укрепить твою если не уверенность, то надежду, что ты увидишь через несколько лет, каким чудо-деревом станет свой кипарис. Ты только печально улыбнулась на это, но не стала спорить. Собравшись расплатиться за кипарис, я обнаружил, что потерял, скорее всего, на бензозаправке, деньги и все документы, в том числе паспорт, водительские права...

В тот день у меня что-то случилось с памятью, словно в ней что-то отрубил, раньше казавшееся нужным, а теперь лишь мешающее жить во вдруг сузившемся жизненном круге. Кроме того, я понял, что моя жизнь стремительно покатила под гору, что я больше не властен над ней, как самонадеянно считал до сих пор, более того — кто-то где-то всё решает за меня. И я, как раньше, не стал противиться тому, ощутив своё бессилие перед судьбой, точнее назвать, перед роком, хотя ещё вчера казалось, что у меня многое, если не главное, ещё впереди...

В тот день у меня отрубилась память и о серебристых облаках. Только однажды, кажется, перед самой твоей смертью я вдруг больно и спасительно вспомнил о них, но, сколько ни искал их в предрассветном небе, не мог их найти.

Увидел я серебристые облака снова, как и всегда, неожиданно, почему-то не раньше и не позже, а на сороковой день после твоей смерти, и это неммым вопросом врезалось в мою память. Поздно вечером я возвращался домой, погружённый в свои печальные мысли, низко опустив голову, и вдруг — словно что-то толкнуло меня, я словно споткнулся, поднял голову и — вздрогнул: они висели за городом, за рекой над горизонтом, мягко мерцающая и переливаясь перламутром, и словно что-то говорили мне, именно

мне, и я не знал, висели ли они давно или повисли только что, и было такое чувство, как бы я в пору отчаянного одиночества неожиданно и так необходимо встретился с душевно близким человеком. Щемящая боль-печаль пронзила меня, и у меня родилась своя, совсем не научная гипотеза по поводу происхождения серебристых облаков: может, это души умерших в те сорок дней, в которые, как считается, они находятся на Земле или над Землёй, светятся и светят нам, как бы прощаются с нами, чтобы потом навсегда покинуть Землю и нас? Или время от времени снова посещают нас серебристыми облаками?

Весь другой день я пытался дозвониться до Виктора Петровича Савиных и, наконец, поймал его на международном конгрессе по космонавтике, кажется, в США.

— Скажи, а почему ты занялся серебристыми облаками?

— Ты только по этому поводу и разыскивал меня по всему земному шару? — немало удивился он. — А что это тебя вдруг заинтересовало?

— А всё-таки? — настаивал я.

— Кому-то рано или поздно ими нужно было заняться, — уклончиво ответил он.

— Ну, а всё-таки — почему?

— Не знаю, — задумался он. — Может, потому, что волновали они меня ещё в детстве, почему-то бередили душу. А потом в космосе, особенно во время первого полёта: висят внизу под тобой, светятся над ночной Землёй, томят душу, словно что-то хотят сказать, но я, как ни силюсь, не понимаю этого языка, и от всего этого какая-то тревога на душе, но я бы не сказал, что она была тяжёлой, скорее, наоборот, словами не объяснишь... И вот сейчас, по прошествии времени: вроде бы всё ясно с ними, никакой научной тайны они больше не составляют, но всё равно такое чувство, что в разгадке их чего-то главного мы так и не поняли...

Мне никогда не забыть, как ты уходила по больничному коридору с направлением на операцию...

Мы прощально поцеловались...

Я, как замороженный, смотрел на порог, который ты только что переступила и за которым остался я, как на водораздел между нами, как на водораздел между жизнью и смертью, но тогда ещё была робкая надежда. Размазня по жизни, ты, в отличие от меня, вдруг собралась в пружину и шла по больничному коридору. Стояло как раз обеденное время, и всюду шмыгали в больничных пижамах и халатах с подвязанными на шею послеоперационными бутылочками вчерашние люди, а ныне полусогнутые серые тени. А ты шла с гордо поднятой головой, как бы принципиально не имеющая никакого отношения к этому миру обречённых людей, как бы случайно или по недоразумению попавшая сюда, или пришедшая кого-то навестить, в лучшем своём брючном костюме, который так подчёркивал твою стройную фигуру и который ты так любила, с роскошной причёской, как на какой-нибудь праздничный приём...

А перед этим мы заехали с тобой в Сергиевскую церковь и попали на архиерейскую службу: прославление иконы Божией Матери "Нечаянная радость". С каким смиренным и светлым лицом ты подошла под архиерейское благословение!..

Архиерей, уже знавший от меня о нашей беде, кроме обычных в таком случае слов, незаметно пожал мне руку и тихо добавил:

— Будем молиться. На всё воля Божья!

— Может быть, неслучайно, что мы попали именно на эту службу? — по выходу из храма с надеждой спросила ты меня.

Я промолчал...

Я верил в чудеса, правда, может, больше не как человек верующий, а как человек, не раз рисковавший своей жизнью и не раз смотревший смерти в лицо, но почему-то знал, что мы чудес не заслужили. Ещё и потому, что, зная, что Он есть, мы до сегодняшнего дня жили вне Его и свои поступки сверяли не по Нему. А ещё сегодня мне архиерей сказал, что если бы мы

даже жили с Ним, у Него про каждого из нас свой замысел, который может расходиться с нашим...

А потом была тяжёлая операция за день до Рождества Христова...

Это была твоя не первая в жизни операция. Перенеся в детстве желтуху, ты часто, если не сказать постоянно, болела. За какие грехи, за что Бог наказал тебя ещё ребёнком? За грехи твоих предков?.. Но отец твой, прошедший Великую Отечественную войну офицером-железнодорожником, был добрейшим человеком, не способным обидеть козявку. Твоя нервная, даже психическая неуравновешенность, вспыльчивость по любому поводу, часто выводящая меня из себя и порой приводящая в отчаяние, являлась одной из причин, что у нас не было детей (одно время я остерегался их заводить, боясь за их возможную наследственную психическую неполноценность). Эта неуравновешенность досталась тебе от матери. Но была ли психическая неуравновешенность матери наследственной, а не приобретённой? И была ли в этом виновата твоя мать? Не приобрела ли она её, с грудным ребёнком на руках, твоей старшей сестрой, в девятнадцать лет, не раз попадая под бомбежки в эвакуационном поезде, который шёл на восток от самой западной границы, где до того служил твой отец, чуть впереди наступающих немецких войск? Порой поезд по несколько суток простаивал опять-таки под бомбежками на полузаброшенных полустанках. Она пробиралась вглубь страны в полной неизвестности за своё будущее, в полном неведении, что с мужем, оставшимся на границе, а потом всю войну мыкавшаяся полуголодной, без тёплой одежды, по общежитиям и коммуналкам на Урале под Екатеринбургом, при этом надрываясь на самых тяжёлых работах? Может, ты отвечала за грехи твоих более дальних предков, о которых ты даже знать не знаешь? Может, вина наша и в том, что мы не знаем наших предков дальше третьего колена и тем самым как бы снимаем с себя их вину? Как бы отказываемся от них, и потому их не прощённые грехи висят на нас?.. Но почему мы должны отвечать за наших предков?..

Жизнь уже без тебя...

Через несколько месяцев после твоей смерти я заехал в один из сельских храмов, чтобы заказать сороковины по умершему тоже от рака через девять месяцев после тебя самому близкому моему другу Вячеславу Михайловичу Клькову и панихиду по только что погибшей в авиакатастрофе в Иркутске Марии, дочери Валентина Григорьевича Распутина. Настоятель отец Алексей убеждал меня, что мы до третьего точно, а может, и до пятого поколения несём ответственность за поступки и тем более за грехи своих предков. И приводил убедительные, по его мнению, доказательства на примере своих прихожан. Как, например, мучается страшной болезнью, прося Бога дать ей возможность поскорее умереть, но никак не может умереть внучка бывшего партийного активиста, в тридцатые годы прошлого века сбросившего с храма колокола.

Я кощунственно усмехнулся про себя: а мы проклинали большевиков, официально цинично провозгласивших, что сын не отвечает за отца, а на самом деле отправлявших в тюрьмы, в лагеря и даже на расстрел не только жён, но и детей брошенных в концлагеря и расстрелянных так называемых врагов народа, то есть на самом деле у них сын отвечал за существующие и несуществующие грехи отца. У большевиков — только за отца, а у Бога, оказывается, даже за деда и прапрадеда. Этого я никак не мог ни понять, ни принять. Мало того, оказывается, мы уже при своём рождении, сами ещё не виновные ни в чём, в ответе не только за грехи своих предков, но даже за грехи Адама и Евы! Не могу допустить мысли, что Бог может быть таким жестоким. Не добавили ли тут чего от себя его толкователи?

— Батюшка, почему я через тысячи лет после Адама и Евы должен отвечать за их грехи? — приводя своим дерзким вопросом в смущение, спросил я отца Алексея, а получалось, что на самом деле через него я дерзко обратился к самому Господу.

— Смерть вошла в мир через грех наших прародителей, когда Адам и Ева, нарушив послушание Богу, совершили грех, — заученно стал вразумлять меня отец Алексей. — И благодать Божия оставила их. А так как все мы, люди, являемся потомками Адама и Евы, то уже с рождения заражены их грехом, к тому же сами продолжаем грешить. И смерть является нашим уделом. В Божием Писании в Послании к римлянам сказано: “Сего ради якоже едином человеком грех в мире вниде, а нем же все согрешиши”.

— Батюшка, я сейчас не о том, что мы продолжаем грешить, и потому наказуемы, это понятно. И даже не о том, что за грех по высшему замыслу бессмертных Адама и Евы сделал их и их потомков смертными. Я о другом: вот человек только родился, он ещё даже не осознаёт себя, только из утробы матери, только сделал первый глоток воздуха и закричал, оповещая о своём рождении, и он уж грешен?

— Да!..

— Но чем тогда Господь отличается от большевиков? Тогда большевики и подобные им — сущие агнцы, у них только сын отвечает за отца...

— Тем, что судить о степени греха может только Господь, — строго и уверенно, но отведя глаза, сказал отец Алексей. Мне почему-то показалось, что, несмотря на твёрдость и уверенность в ответе, он тоже в чём-то сомневался. — И я имею в виду, разумеется, нравственный грех, грех перед Богом, а не перед властью, который может быть совсем не грехом... Да, существуют родовые болезни, — видя, что не убедил, вразумлял меня отец Алексей, — настаивающие за грехи рода...

— Иначе говоря, наследственные? — попытался я уточнить, может, не дав ему закончить мысль. — Например, у одного из родителей была болезнь сердца, то эта слабость сердца может передаваться и ребёнку.

— Это так. Но я говорю о других случаях, не сугубо о тех, что рассматривает медицина, а о родовых, которые передаются из поколения в поколение не по наследству, а за грехи предков...

Как бы предупреждая мой следующий кощунственный вопрос, он добавил:

— Но их можно отглотить праведной жизнью, и тем самым снять их со своих потомков... И с предков тоже, ведь, не прощённые, они мучаются там.

— А дети, умирающие в младенчестве? За что им такое наказание? — спрашивал я.

И на это у отца Алексея был готовый ответ:

— Младенцы, невинные дети, пострадавшие ради обращения родителей к покаянию, получают от Бога жизнь вечную и избавление от ада. Промыслу Божию свойственно не только исправлять последствия совершённых злых деяний, но в некоторых случаях предотвращать ещё несовершённые. Предвидя будущий греховный образ человека, Господь преждевременно похищает его из жизни, чтобы предусмотренное зло не было совершено, если младенец останется жив.

— А какова судьба некрещёных младенцев? — не унимался я.

Отец Алексей несколько смутился, замялся:

— Однозначного ответа у нас, православных, на этот вопрос нет. Но в синаксарии субботы мясопустной говорится о том, что крещёные младенцы наслаются сладости рая, некрещёные же и языческие ни сладости не насладут, но и в геенну огненную не попадут.

— Но тогда какова же их судьба? И разве они виноваты, что не были крещены? И это не всегда может быть виной их родителей, потому как они, например, где-нибудь в глухой Африке или в Австралии даже не подозревали о существовании Иисуса Христа?

— Судьба некрещёных младенцев вверяется всеблагодарному Промыслу Божию, — ушёл от прямого ответа отец Алексей.

— А вот у католиков я вычитал, что некрещёные младенцы попадают в специальную секцию ада.

— Нет, это не так. А зачем вы читаете католиков?

— Но они же тоже исповедуют Иисуса Христа.

— Они ложно его исповедуют, в корне извращают. Даже мусульмане исповедуют его ближе к истине.

Я видел, что своими вопросами ставлю отца Алексея в тупик, потому сумел себя вовремя остановить. Но усмехнулся про себя: значит, младенцев, раз они ещё невинны, хотя в то же время уже грешны, можно сразу забирать в рай из исправительного концлагеря на Земле. Неважно, что они никогда не познают земного счастья, земной любви, счастья отцовства и материнства, не увидят земных рассветов и закатов, осеннего листопада, луговых цветов и воды, текущей из Вечности в Вечность. Смогут ли они, не пройдя земного чистилища и страданий, радости и печали, стать полноценными помощниками Богу?..

— Но всегда ли смерть ребёнка обращает убитых горем родителей к покаянию? — словно бес снова проснулся во мне. — Не бывает ли наоборот? Не вызывает ли это протест, даже духовный бунт? Вон, Калоев, потерявший во время авиакатастрофы над Германией над Боденским озером всю семью. За какой грех он наказан таким страшным наказанием, что ценой его покаяния должна была стать смерть всей его семьи, прежде всего детей? Строитель, отец добропорядочного семейства, глубоко или не очень глубоко веровал в Бога, но возводил в родном городе на свои средства храм во имя Георгия Победоносца. И вдруг такое наказание! За какой такой страшный грех, к какому покаянию его призывал Господь? Каждый человек небезгрешен, но какова же должна быть степень совершённого им греха или греха, который он готов был совершить, если такое наказание?!

— А если это было не наказание, а испытание?

— К чему готовил его Господь, дав такое испытание? Как оказалось, непосильное. Это страшное наказание или испытание у Калоева вызвало не покаяние, а умопомрачение, в котором он как раз и совершил страшный грех: наказал, убил человека, которого справедливо считал виновным в гибели своей семьи и которого никаким образом не наказало так называемое правосудие. То есть оно своим бездействием спровоцировало его на наказание-убийство. Но это ещё не всё. Гибель в авиакатастрофе всей семьи вызвала у Калоева не покаяние, а самое страшное — отрицание Бога. После отсидки в швейцарской тюрьме, вернувшись на родину, он вошёл в храм, который до того строил, и во всеуслышание сказал, что Бога нет, а если бы Он был, то такого не допустил бы. И с ним трудно спорить. Я не исключаю, что этот случай отвернул от Бога и других.

— Это временное умопомрачение... — нахмурился отец Алексей. — Значит, вера в Господа Бога была у него не очень крепка, поверхностна.

Эти общие слова я слышал уже не раз. Они не способны убедить, а наоборот, могут только вызвать сомнение.

Отец Пётр видел, что ни в чём меня не убедил

— Не очень ли жестокая проверка веры в Бога?

— Мы своим скудным умом не всегда готовы понять промысел Божий, — опять ушёл от прямого ответа отец Алексей, может быть, сам не зная ответа на мой вопрос. — Нам только остаётся верить, что в конце концов Господь всегда милосерден...

— Почему милосердный Господь не защищает праведных и добродетельных от внезапной и порой нелепой смерти? — продолжал я немилосердно мучить отца Петра своими кощунственными вопросами. — Таких, например, как Мария, дочь писателя Валентина Григорьевича Распутина, погибшая в авиационной катастрофе? Была ниже травы, тише воды, играла на органе, призвала людей задуматься о высшем, вопреки специально созданному в мире сатанинскому музыкальному хаосу. Орган, полагают, как и колокольный звон, как и икона, является средством общения, независимо от национальности, всем понятным языком, с тем высшим, неведомым нам горним миром. Бог разъединил заблудшие, впавшие в гордыню народы на языки, но оставил для них единый язык общения, как между собой, так и с ним, с Богом, — музыку... Вот вы мне объясните, что касается Марии, дочери Валентина Григорьевича Распутина: почему он не защитил праведную и добродетельную душу её отца, вбравшую в себя всю боль вымирающего русского и не только русского народа? К какому покаянию Всевышний таким образом призвал его? Может, таким образом Он хотел наказать зародившуюся гордыню

в писателе Валентине Распутине, который, по Его мнению, в последних своих произведениях стал мнить себя, подобно Александру Солженицыну, мессией или вселенским судьей? Но скромнее Валентина Григорьевича Распутина, как писателя, так и как человека, наверное, трудно найти. Или, видя, что он как писатель, а настоящий писатель в какой-то мере всегда пророк, иссякает, начинает жить несколько благодушно, что ли, в некотором достатке, загородный домик на Байкале вон начал строить, Всевышний поступил по принципу: всё великое рождается в результате великих страданий, и Он добавил Валентину Григорьевичу Распутину их, чтобы он мог сказать новое, так нужное сейчас людям слово, раз они глухи к Евангелию? А что, если эти страдания его, физически и так не очень здорового, совсем придавят к земле, если вообще не загонят в землю?.. Я вот звонил ему недавно: “Наверное, я больше ничего не смогу написать...” Или как раз этого добивался Господь? Или таким образом Всевышний торопит его туда, в горний мир?.. И ещё: вот, например, преподобный Амвросий Оптинский писал: “Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или когда не видит никакой надежды на его исправление”. Что, Господь собрал в одном самолёте специально тех, кто уже был готов к вечности или, наоборот, одних грешников, тех, в ком он не видит никакой надежды на исправление?.. Или тех и других поровну?..

Отец Алексей молчал.

— Вон в Таиланде от цунами погибли в одночасье двести тысяч человек, приехавших на отдых из разных стран, — не мог остановиться я. — Что, все они были грешниками или святыми, и Господь специально собирал их в одно место со всей планеты? Или: две мировые войны, обрушившиеся на мир в прошлом веке. Что, все десятки миллионов погибших и сотни миллионов так или иначе пострадавших в них были неисправимыми грешниками, в том числе дети?? Миллионы, десятки миллионов людей погибших во время эпидемий, голода — это что, тоже следствие этой особой божественной любви? А верующие в иных богов? Разве они виноваты, что они не познали истинного Бога?.. Почему Всевышний часто попускает страдать от ужасных болезней, а потом умирать раньше времени людям, безраздельно верующим в Него и прославляющих Его?

— Бог не защищает праведных и благодетельных, чтобы очистить их от малейших следов греховных страстей и потом увенчать большой славой на небесах, — отчеканил отец Алексей. У них, священников, как у унтер-офицеров царской армии, всё по уставу и на всё заученно готовые и простые ответы.

Я молчал, хотя хотелось говорить дальше. Всякая слава, тем более на небесах, конечно, хороша, но ведь любая слава, где бы ни было, — это не что иное, как гордыня. А что, если человеку не нужна эта слава на небесах, о которой заученно рапортуют священники, как, впрочем, и земная слава тоже? Человек хотел мирно и безропотно возделывать кусочек земли на Земле, никому не мешая, спасая бездомных собак и лютой бескормной зимой подкармливая птичек Божиих...

А отец Алексей продолжал, пытаясь меня вразумить:

— Подумайте, если Бог дал своего возлюбленного Сына на страдание и крестную смерть, что мы можем сказать о людях, которые, как бы они ни были праведны, имеют греховные пятна? У одного священника, доброго священника, сгорело в пожаре пятеро детей. Когда знакомый их семьи узнал об этом, в нём поднялось смятение: “За что, Господи?! Добрее этого человека я не встречал! Как и не встречал лучше священника!” Но он понимал, что этот протест — грех, и исповедал его. Ответ духовника был прост и одновременно мудр: “Запомни одно: Бог никогда не ошибается”. Запомним это и мы, что бы с нами не случилось. Его крестная пасхальная любовь часто действует непостижимым для нас образом... — Отец Алексей помолчал. — Я чувствую, что не убедил я вас.

— Нет, отец, не убедили, — честно сказал я. — Подобное я уже где-то слышал. Например, в кратком курсе истории ВКП(б): “Партия не ошибается”. Были у партии большевиков так называемые “тройки”, руководствующиеся этим постулатом, которые в пять минут решали, — разумеется,

в высших целях, ради светлого будущего всего человечества — приговаривали к длительному сроку или к расстрелу чаще всего невинного даже перед этой партией человека. Чтобы остальных держать в постоянном страхе неминуемого наказания. Может, во всех этих случаях, как и в случае со священником, у которого в пожаре сгорели дети, Бога мы вспоминаем всеу? Может, Он тут ни при чём? Может, в некоторых случаях Он просто не силах противостоять укореившемуся на Земле злу?.. Ведь ещё что получается: за грехи наказанием — долгая жизнь на Земле и безболезненная, может, внезапная смерть? А праведному — рано умирать, к тому же мучительной смертью, в страшных страданиях? И умом не понимаю, и сердцем не приемлю я почему-то такой милости и такой любви. Не приемлю я и ответа вашего духовника по поводу сгоревших в пожаре детей. Не верю, что его ответ был искренен. Просто он не знал, что ответить, а честно признаться в этом не хотел, потому как ему нужно было предстать перед простым человеком мудрым посредником между ним и Всевышним... Как и не приемлю я, почему чем лучше, добродетельнее человек, тем скорее должен уйти с Земли?! Что, человек исправился, отбыл свой тюремный срок на Земле — и нужен там?.. Да, здесь, на Земле, мы, наверное, только учимся жить. И смерть потому поставлена в конце жизни, чтобы мы могли бы к ней подготовиться. И мы не знаем, что там. И вы, священники, не знаете. И никто не знает. И ради Бога, не делайте вид, что знаете! И от незнания соблазняйте меня халявой, что там всего в обилии, что там не работают, а лежат весь день на мягких перинах, мёд пьют, и каждый норовит как можно ближе к Господу сесть, который вроде генерального секретаря. А я не хочу лежать на мягких перинах, это для меня, как для всякого нормального человека, хуже тюрьмы, я без работы на второй день попрошусь обратно на Землю, а обратно уже нельзя... Получается, если там всё так хорошо, я должен радоваться смерти ближних, но я почему-то не радуюсь, а в великом смятении и боли моя душа... Душа моя просится в храм, я неосознанно по зову её, пусть редко, но иду сюда, здесь трепетно и хорошо ей и мне, но только до тех пор, пока вы не начинаете звать меня с Земли. Многое, что вы проповедуете, нарушает молчаливое согласие моей души с храмом, и порой я ухожу отсюда не умиротворённым, а в тревоге и в смятении. Дай Бог, чтобы я ошибался, но такое чувство, что словно кто-то упорно старается увести нас с Земли, освободить её для какого-то другого народа, и делает это хитро от имени Бога...

— Значит, вы ещё не пришли к Богу. Значит, вы ещё не веруете, а только хотите веровать, — мягко, даже не укореивенно сказал отец Алексей. — Веровать и хотеть веровать — это совсем не одно и то же...

— Наверное, это так. Скорее всего, это так: я страстно хочу веровать, но ещё не верую. Простите, батюшка, но я хочу там, в горнем мире, быть пусть скромным, но соратником Богу в его делах, и чтобы пот с меня тёк в три ручья к вечеру, если пот есть там и вечер тоже. Я хочу возвращаться домой усталым, если есть там понятие дома, но довольным от сделанного мною ради общего дела, а вы, повторяю, меня соблазняйте халявой на том свете, что там не сеют, не пашут, а только едят с утра до вечера всякие яства, даже реки там молочные с кисельными берегами. На большее фантазии нищего человека не хватило. Теперь вот, наверное, соблазняя олигархов, чёрную икру и трепангов там будут обещать. И почти через каждое слово обещание славы, хотя всякое мечтание о славе, о любой славе, как и обещание её, по моему разумению, как раз не христианское чувство. Мечта о молочных реках с кисельными берегами — это мечта не работника, тем более не работника на земле, который определил себя крестьянином, то есть христианином, совсем не случайно трансформировавшим имя Сына Божьего с понятием креста или, точнее, соединив эти два понятия в одном. Мечта о молочных реках с кисельными берегами — это мечта люмпен-пролетария, бездельника, лентяя, не говоря уже о том, что вредно спать на мягких перинах и беспредельно обжираться. И я начинаю подозревать, что ваши рассказы о халявном рае не более как сказка, придуманная древними лентяями-пролетариями вроде недавних славных ленинцев, которые рано или поздно,

разуверившись в своей сказке, начинают с помощью кистеня и револьвера строить халявный рай на Земле. А что, если и там они начнут строить подобное? Может, этим объясняется отторжение сатаны от Господа, превращении его из ангела в дьявола? Не из этих ли сладостно-благих сказок о халявном мире рождаются всевозможные революционно-коммунистические идеи? Не потому ли ещё плодятся всякие секты, всякая беспоповщина, попытки, минувя священников, общаться напрямую с Богом, что людей смущают, мягко говоря, ваши сказки о горнем мире? Не потому ли появились протестанты, крепкие мужики, не мечтающие о небесной халяве, пытающиеся обустроить достойную жизнь на Земле как некий прообраз горнего мира, как подготовку к нему? Если тут, на Земле, мы действительно только учимся жить, то как раз, наоборот, мы должны стремиться навести элементарный порядок на Земле, это своего рода нам как экзамен. Но нет, протестанты тоже нам не нравятся, и не потому, что в каких-то деталях расходятся с нами в трактовке Священного Писания, а, прежде всего, потому, что пытаются, по своему разумению, строить свою жизнь на Земле по образу горнего мира, спокойно, обстоятельно. И потому у них везде чистота и порядок, они не бросают кладбища своих предков расхристанными. А у нас коровы по ним ходят, а нам ничего не надо, мы своих предков дальше дедов, в лучшем случае, прадедов не знаем. Нам это не надо, так как мы временные здесь, и все мечты наши о горнем мире с халявой и мягкими перинами. Они не хуже нас знают, что они временные на Земле, но они думают о тех, кто останется на Земле после них, им, в отличие от нас, почему-то стыдно оставлять после себя кучи гниющего хлама. Или ещё мечты о Беловодье. Нет, чтобы навести порядок на кусочке Земли, где тебе Богом определено было родиться, — а Богом не случайно определено тебе именно здесь родиться! — мы, бросив родную землю-люльку, потащимся искать халявные молочные реки с кисельными берегами за тридевять земель, а оставшиеся, точнее, вышедшая из народа и не вернувшаяся в народ, писательская интеллигенция будет восторгаться ими, приводить другим в пример. Понимаете, не надо меня, у которого на руках мозоли от лопаты, топора и косы, и всё это мне делать нравится, соблазнять мягкими перинами, сверкающими одеждами и славой, в которой я даже здесь, на грешной Земле, давно не нуждаюсь и тем меня не буду нуждаться там. Не надо меня соблазнять тем, повторяю, что меня там могут посадить в президиум о правую или левую руку от Господа Бога, своего рода генерального секретаря, в своего рода президиум, может, ещё за красную скатерть. Да и физически не может Он всех нас посадить по правую и левую руку, кому-то придётся сидеть в зале. Вы скажете, что я кощунственно упрощаю. Да нет, я только цитирую ваши слова и многочисленные книжки, продающиеся в церковных лавках. И появятся недовольные, что их обманули, обещали посадить рядом, а не посадили, и взбунтуются, и захотят устроить там революцию. Может, действительно, так и появились падшие ангелы? И порой я невольно начинаю кощунственно думать: может, это химера, придуманная люмпен-пролетариатом ещё в древности? Или специально придуманная тогдашними властями для простого народа, чтобы держать его в узде? А он рано или поздно не выдерживает ожидания халявного рая и берёт в руки кистень... Не из нетерпения ли поскорее увидеть этот халявный рай или из разочарования рождаются всякие революционеры, нередко и, может, случайно из бывших семинаристов?

— Не надо трактовку потустороннего мира людьми простодушными и наивными принимать за истину, — вздохнул отец Алексей.

— Но если это измышление людей простодушных и наивных, почему вы как подтверждение истины издаёте всё это по благословлению Святейшего огромными тиражами? — показал я на развал книг. — Вон, посмотрите, половина вашей литературы состоит из этих сказок, по вашему разумению, якобы доказывающих существование Бога, рая и ада. А не имеют ли они обратного действия?... И ещё: сейчас вы меня снова будете убеждать, что на любую болезнь и даже на смерть не нужно жаловаться, а нужно благодарить за неё Господа, что Он послал её тебе, таким образом Он выражает тебе особую любовь к тебе.

— Именно так...

— Вон даже Святейший недавно после своей длительной болезни проникновенно по телевизору благодарил Бога за то, что тот наградил его болезнью, тем самым проявив к нему великую милость. Зачем же тогда спрашивается, к врачам обращался, в больницу, да ещё не в простую, а в ЦКБ, для самых высших правительственных чиновников, ложился?.. Бога благодарил за болезнь и в то же время просил исцеления?.. Прости меня, ради Бога, батюшка! — остановил я себя.

— Бог простит! У Бога просите прощения, а не у меня... Вы ещё не отошли от своего горя...

Мы торопливо и неловко распрощались...

Да, скорее, моя вера неглубока. Да, скорее, я ещё не верую, а только хочу верить, а душа, может, так и осталась языческой. Да, скорее всего, это так. Да, я знаю, что Всевышний есть, но почему-то в моём представлении Он не совсем такой, если не сказать, что совсем не такой, каким мне Его рисуют священники, не знающие доли сомнения или делающие вид, что не знают доли сомнения. Я верю, я знаю, что Всевышний есть, потому как Он зримо являет нам, неверующим, свои чудеса, такие как благодатный огонь в Пасху от гроба Своего в Иерусалиме (а нам и этого мало — а вдруг это мистификация?). Я верю в Него и Матерь Божию, потому, что мироточат Её иконы, как и иконы многих святых, но никому не дано знать, как там, в горнем мире, и не надо меня соблазнять сказками про халявный рай для пролетариев-тунеядцев. Иначе можно перестать верить.

Верю ли я? Пусть ещё, может, и не верую. Но я не знаю Его отношения ко мне: может, я за свои грехи и за грехи моих предков, о которых я даже не подозреваю, исключён из сферы Его влияния. И мы существуем с Ним как бы в разных Вселенных. И, может, потому так одинока и металась всю жизнь в поисках ответного человеческого тепла моя сиротская беспризорная душа и мечется до сих пор — и не находит ответа. Может быть, потому она не нашла полного единения и с твоей душой? Утверждают: человек — любимейшее творение Бога. Но неужели Бог не может выразить свою любовь к человеку иным, не жестоким способом, не накладывая печать первородного греха на цепь человеческих поколений? Или наоборот мы, по жёстковийности своей, оговариваем Бога, приписываем Ему чужие деяния, чужие свойства, может быть, даже деяния и свойства сатаны? Не только об отдельном человеке, обо всей России как о физической и духовной цельности толкуют, что Бог не наказал, а наградил (что получается одно и то же), в том числе в XX веке, такими испытаниями Россию и великими страданиями русский народ потому, что Всевышний, в своё время разуверившись в первом богоизбранном народе, возлюбил русский народ, избрал теперь его для особой цели и потому испытует. И тем самым невольно (а может, и вольно?) награбил на него, на простодушного, как кровососущую тварь, не только не оправдавший его надежд, но и распявший Его Сына первый богоизбранный народ, закореневший в коварной жёстковийности. И неужели теперь Господь со стороны наблюдает, может, даже уже беспомощно, что из этого получается? А что из этого может получиться: первый богоизбранный, но не оправдавший Его надежд народ не только физически, чаще всего чужими руками, в том числе русскими, изводит с планеты русский народ, может, не менее, а может, даже и более древний, но по каким-то причинам потерявший память о себе. И, может, по этой причине или в целях самосохранения несколько раз в многовековой истории изменивший своё имя. И первый богоизбранный народ, а был ли он на самом деле богоизбран или это он придумал сам, своей коварностью, своей психологией, перед которой оказался бессилён, беспомощен русский народ, как, впрочем, и все остальные народы Земли, потому как она была непонятна, как непонятна психология инопланетянина? А может, на самом деле это и были инопланетяне, захватившие Землю после уничтожения цивилизации на Марсе в результате её нравственного разложения? Его психология не просто противоположна психологии русского народа, она лежит совершенно в другой плоскости, за границами земной нравственности, за границей добра и даже зла,

потому он беспомощен перед первым “богоизбранным” народом, он истончает душу русского народа и пытается, в конце концов, сделать русский народ себе подобным, а так как таковым русский народ по природе своей изначально быть не может, значит, изведёт он его, и Господь в конце концов разочаруется и в нём. Какова цель этого испытания, если заранее можно предугадать участь второго богоизбранного народа, если катастрофически истончается он количественно и, прежде всего, духовно? Или всё это уже не во власти Бога? Или Бог уже разочаровался и во втором избранном Им народе и махнул на него рукой? А может, мы эгоистично, подобно первому избранному народу, приписали себе особую любовь Бога, как и приписали, придумали себе особую роль на Земле, и от этого наши страдания? А у Него все народы одинаково любимы, и как только какой-нибудь народ начинает претендовать на особую любовь, даже в виде особых страданий и испытаний, и придумывает себе особый, на самом деле не существующий, мессианский мандат от имени Бога, он тут же и получает эти испытания? Господь тем самым как бы ставит его на место. А мы всё толкуем и толкуем о своей богоизбранности. И мы, может, так далеко зашли в своей закоренелости, в своём убеждении, что мы самые любимые, мы так привыкли к своей исключительности, что навлекаем на себя всё новые и новые испытания, может, уже давно нам непосильные?

“Кого Бог любит, того и испытывает”, — проникновенно шепчут старушки в храмах, неубедительно утешая себя по поводу своих старческих хворей, но мне почему-то кажется, что они сами мало верят в это. Так, по привычке, заученно повторяют, чтобы не показаться неверующими даже самим себе. Так заученно утешают их и священники.

Твои постоянные болезни были одной из причин нашей бездетности. Мы всё надеялись на лучшее, но годы летели, лечилась ты плохо, бессистемно, чуть становилось легче, забрасывала лечение, что выводило меня из себя. Врачи на наши прямые вопросы отвечали уклончиво. Наверное, надо было рискнуть. Но, может, Бог специально оберегал нас, раз говорят, что всё в воле Божией? Потому как другой причиной были твой неуравновешенный, вспыльчивый по любой причине характер и твоя неизвестно откуда появившаяся беспричинная ревность, которая глубоко, до душевного потрясения, оскорбила меня и убила во мне самое главное в чувстве к тебе, как и твой решительный отказ взять ребёнка из детского дома.

Твоё неверие было для меня самым страшным ударом: раз мне всё равно не верят, я стал невольно отдаляться от тебя и обращать внимание на других женщин, ища в них, прежде всего, не физической близости, а душевного понимания. Я видел, что ты всё больше и больше становишься похожей на мать, у которой душевная неуравновешенность со временем приняла агрессивный психопатический характер и которая своей ревностью и своими психопатическими припадками буквально свела мужа в могилу. И я боялся, что это у тебя наследственное и что это может передаться детям. А надо было решиться. Может, рождение ребёнка разом бы привело тебя в душевное равновесие?

Годы шли, кончилось всё это тем, что однажды на даче у тебя началось сильное маточное кровотечение. Почему-то в тот день на даче мы были без машины, кажется, она была в ремонте, на счастье, подъехал сосед, мы успели довести тебя до поста ГАИ, где тебя забрала “скорая”. Прямо из приёмного покоя тебя увезли в операционную, во время операции, после которой о детях уже не приходилось думать, ты перенесла клиническую смерть.

Потом ты мне рассказывала о той пресловутой трубе, по которой якобы летишь вверх, и в конце той трубы — неземной ласковый свет, и как тебе хотелось вернуться обратно на Землю, и кто-то услышал тебя и вернул. Было ли это так на самом деле? Или тебе приснилось ранее прочитанное в книгах и неоднократно увиденное по телевидению про клиническую смерть? Если было, то почему Бог развернул тебя в этой трубе обратно? Что, ты ещё недостаточно намучалась на Земле, не осознав до конца, сколько-нибудь не искупила свои грехи? Потому он дал тебе (или наградил?) самые невероятные физические и душевные страдания, которые приносит рак своей мучительной безнадёжностью, а главное — мыслями, связанными с этим?..

Жизнь ещё при тебе, но почти уже без тебя...

Уже которую ночь мне снится один и тот же жуткий сон. То ли кино, то ли телеэкран, голос за кадром: “Уже на четвёртой неделе у человеческого зародыша начинает биться сердце. А в два месяца, когда делают аборт, ребёнок уже понимает, что его хотят убить”. И я снова и снова ясно вижу, как начинает отчаянно колотиться крошечное сердце человеческого зародыша, как его число ударов достигает 200 в минуту. Он раскрывает ротик и беззвучно кричит от ужаса в предчувствии убийства. Он уже живой, он уже всё понимает... И на этом я просыпаюсь в холодном липком поту и уже до утра не могу забыться.

Почему я поздно пришёл к страшному для себя выводу, что я убийца, хоть и решились мы на это по настоянию врачей? Мало того, что, мечтая о детях, я подспудно, не признаваясь себе в этом, был рад такому исходу, потому как, подозревая твою психическую наследственность, — а была ли она самом деле такой и передалась бы она ребёнку? — не хотел ребёнка именно от тебя. Просто до поры до времени я себе в этом не признавался.

И потому нет и не может мне быть прощения ни на этом, ни на том свете...

Операция шла долго, и у меня, сидящего перед операционным блоком в коридоре, появилась надежда на лучшее; при раке самое страшное, когда короткая операция: значит, разрежали и зашили. Но вышедший из операционной и выжатый, как тряпка, хирург хмуро сказал:

— Сделал всё возможное. Всё оказалось гораздо хуже, чем предполагали, чем показал рентгеноснимок. Пришлось убрать всё правое лёгкое. Очень поздно, уже затронуты лимфоузлы. Но будем ждать результатов гистологии. Примерно через неделю.

Через неделю, налив себе и мне по полстакана принесённой мною в качестве презента какой-то элитной в красивой бутылке водки, он, смертельно уставший после очередной безнадёжной операции, сказал:

— Мужайтесь Самая плохая форма рака: плоская карцинома. К тому же третья стадия. В девяносто девяти случаях — метастазы, и, как правило, в мозг. Если уже их там нет.

Так началась наша Голгофа... Впрочем, моя — в наказание за грехи мои — продолжается по сей день... И чем дальше, тем мучительней.

Что я должен осознать в результате этих мучений?.. Каким образом искупить — хоть отчасти! — неискупимый грех?..

Не приведи, Господи, кому пережить подобное! Хотя миллионы людей каждый год переживают подобное: каждый седьмой ныне умирает от рака. А остальные этого не замечают. Или стараются не замечать, чтобы не беречь раньше времени свою душу: авось пронесёт? Кого-то и пронесит. Но только в одном нашем городе раковый центр, своего рода призывной пункт или пригостительный класс на тот свет, занимает целый квартал, и, чтобы попасть в него, нужно вытерпеть огромную очередь. Люди месяцами ждут счастливого часа, чтобы в большинстве своём оттуда не вернуться. Огромные очереди за смертью, потому что редким выпадает счастье выйти оттуда живым, но это ещё не значит, что ты снова туда не вернёшься, смерть, замешкавшись, просмотрела, что ты шмыгнул оттуда не в ту дверь, рано или поздно может исправить эту ошибку...

И, проезжая мимо ракового центра по гудящему от транспорта главному городскому проспекту, люди, кто знает, стараются не замечать раковый центр, некоторые даже заранее поворачиваются к нему спиной. Так можно обмануть себя, что его не существует. А кто до поры до времени не знает, что за серые здания без архитектурных излишеств занимают огромный квартал за филиалом преуспевающего коммерческого банка и за преуспевающей ярко раскрашенной лукойловской бензоколонкой, не подозревают, что рано или поздно займут очередь в эти серые дома, если не сами, то их родные или близкие...

Мы быстро попали туда — по знакомству, можно сказать, по благу... Благу, чтобы попасть в очередь за смертью!.. Неизвестно, по какому принципу

рак, или кто там стоит за ним, выбирает жертву. Да, больше вероятности у курящих, у пьющих, да, какую-то роль играет наследственность. Но порой человек не курит, не пьёт, не ест острое и вообще следит за своим здоровьем, никому за всю свою жизнь не сделал зла, в Бога верует, и вдруг — рак. Другой и курит, и пьёт, и богохульствует, и вор, и бандит — и живёт себе. Рак неожиданно может выбрать богатого или бедного, счастливого или несчастного, для него ничего не значит депутатская и прочая неприкосновенность. Теперь он уже не щадит детей и даже младенцев. А говорят, было время, и не так давно, всего в начале прошлого века, когда врач-хирург за всю свою практику не встречал ни одного больного раком.

Я вспоминаю растерянность одного знакомого, преуспевающего предпринимателя. Всё вроде бы прекрасно в жизни складывалось. Не купи-продай, а сумел практически с нуля размотать огромное производство, дал сотням людей рабочие места, построил для своих инженеров и рабочих два красивых больших дома, молодая красивая жена, двое детей. Построил церковь, крестился в ней. Бог вроде был должен любить такого человека. И вдруг — рак. Только раскрутился, только бы дальше жить, на радость себе и людям — и вдруг рак... Что, Бог посчитал его достаточно подготовленным для того света? А что, такие люди не нужны на этом свете? Тогда получается, что, действительно, мы на Земле только нечто вроде подготовительного класса или исправительной колонии.

Что касается нас, всё началось задолго до того, когда рентгенолог-пенсионер, на несколько недель замещающий поликлинического рентгенолога, который в твоём снимке грудной клетки ничего подозрительного не обнаружил и ушёл в отпуск, забыв в заключении расписаться. А тебе это заключение срочно нужно было для предоставления в хирургическую клинику для предполагавшейся операции на колено. А потом с огромным запозданием, когда практически уже было поздно, наконец, можно сказать, случайно, обнаружили у тебя рак. Если бы рентгенолог из поликлиники не забыл расписаться, ты так и ходила бы, может, чуть ли не до последнего дня, потому как лёгкие при раке не болят, только общая слабость, на которую ты последние годы жаловалась постоянно. И неизвестно ещё, что было бы лучше: неожиданный конец или эти трёхлетние послеоперационные мучения, а главное — мысли, мысли... Но, может, в этих мучениях и мыслях весь смысл рака не только как Божьего наказания, но и как духовного осмысления прожитой жизни и своих грехов? Своего рода духовная подготовка, своего рода подготовительный класс, без которого не берут в ту заоблачную страну.

Всё началось не с прочитанного рентгено снимка, на самом деле всё началось с того дня, когда однажды, придя с работы, я нашёл тебя в большом смятении: скорее всего, не небрежно, а неумело поставленная тобой в моём кабинете перед иконой Божией Матери, которую мне подарили в Болгарии в храме-памятнике под Шипкой, свеча, когда ты отвлеклась на кухню, повалилась на икону, уткнувшись в висок Младенца-Бога, обуглив его, но пожара не устроила, как бы только предупредила о чём-то.

В твоих глазах стоял ужас. Я, как мог, старался тебя успокоить. Что это ничего не значит, что и роняют иконы, и нечаянно разбивают. Просто нужно сходить в церковь и помолиться по этому случаю, попросить прощения. Я, как мог, успокаивал тебя, хотя сам холодел от предчувствия беды. Почему свеча уткнулась именно в голову Бога-Младенца? Что этим нам пытаются сказать? О чём предупредить?

В церковь ты сходила, как и я, не раз, и не в одну, пытаясь отмолить свой нечаянный грех. Но у меня в голове, словно гвоздь, засела точащая мысль: это предупреждение?..

Постепенно случай вроде бы забылся. По крайней мере, оба мы о нём вслух старались не вспоминать. Но у меня он шилом торчал в голове, время от времени напоминая о себе. Знаю, что и у тебя тоже. Время шло, и порой приходила успокаивающая мысль: авось пронесёт...

Но когда ты пришла из поликлиники с потухшими глазами, а ещё позже, когда поставили окончательный диагноз с возможными метастазами в мозг, я понял, что это действительно было предупреждение... Видимо, там,

наверху, уже тогда всё было решено: не прощён был наш совместный — не прощаемый! — грех. И я знал, что это был за грех... И ты знала... Но оба мы делали вид, что не знаем или что вообще не было этого греха. Но меня Всевышний, видимо, решил наказать вдвойне...

Ты умерла от метастаз в мозг. Я снова и снова вспоминаю твою упавшую в висок Младенца-Бога свечу.

И я не знаю, что делать с этой иконой...

Как мы первый раз после твоей операции, после тяжелейшего восстановления ехали на дачу. Ты уже вообще не верила, что увидишь её, а вот мы, как только позволили тающие снега, ехали на дачу! Была вторая половина апреля, время пробуждения всего сущего. В лощинах с северной стороны нашей горы, которая называлась Девичьей, ещё лежал снег, я объезжал его пригорками, в небе звенели жаворонки, и оттого, что они были невидимы в вышине, было ощущение, что нежно звенит само небо; внизу расстился широкий разлив аксаковской реки Дёмы. Какими глазами ты смотрела на всё это! Как ты любила эту пору! Всё кругом ликовало весной, жизнью, и казалось нелепым само существование смерти.

Мы не доехали до нашего сада каких-то пятьсот метров. Нам путь преградил сугроб, надутый в лес с поля. Как ты перебиралась через этот последний сугроб, ноздреватый, присыпанный вытаявшими старыми листьями, в то же время первые свежие листочки уже распускались на деревьях... На всё это ты смотрела такими глазами, словно видела впервые. Увы, это была твоя последняя весна. Я отвернулся, чтобы спрятать слёзы, так не хотелось в это верить.

— Господи, оставил бы ты меня на Земле ещё на какое время! — шептала ты, прижавшись лбом к берёзе. — Я никому не мешала бы, не лезла бы ни в какие дела, в твои тоже, — повернулась ты к мне, — копалась бы в земле, кормила бездомных собак, птичек Божиих...

Немного отойдя от операции, ты настояла, чтобы врачебная комиссия восстановила тебя в трудоспособности. Силы вроде бы возвращались к тебе. А в саду ты вообще ожила. Ты собиралась выйти на работу. Я не противоречил тебе, хотя знал, что этому, увы, не бывать. Потому как после очередной плановой консультации, когда лечащий врач, как мне показалось, искренне похвалила тебя, что ты хорошо выглядишь, а ты действительно хорошо выглядела, перед уходом улучив момент, я спросил её о наших перспективах.

— Это временное улучшение, — ища что-то на столе и не поднимая глаз, сухо сказала она. — Третья стадия... Я могла бы соврать, но потом вам было бы ещё тяжелее... Конечно, дай бы Бог!.. Надеяться можно только на Него...

Однажды к вечеру сидя на скамеечке перед садовым домом, уставшая после трудов на земле, счастливо оглядывая сделанное за день, поглаживая любимых своих собак, которые были тебе вместо детей, одной рукой Динку, другой — Дружка, прильнувших к тебе с двух сторон, ты вдруг спросила меня:

— Я тебе не мешаю на этом свете?

— Ну, ты что?

— Знаю, что ты всегда мечтал о детях, но только не от меня. Считаю меня психопаткой, ты боялся иметь детей от меня. Твоё время ещё не ушло, женишься на молодой... У тебя никого нет? Не бойся, я не буду устраивать тебе скандалов. Дурой я была. Мне просто нужно знать, может, зря я так держусь за этот свет, может, я тебе мешаю... Может получится так, что я промучаюсь и промучаю тебя ещё несколько лет, а твоё время уйдёт или тебя не дождутся.

— Ну, ты что?! — я встал перед тобой на колени. — У меня никого нет. — У меня на самом деле никого не было. — А без тебя мне будет очень и очень тяжело на этом свете.

— Правда?

— Правда!

— Я никому бы не мешала, если дал бы Бог, — говорила ты сквозь слёзы. — Жила бы вот здесь среди цветов, птичек и собак. Никому бы не

мешала. И зачем я бросилась в эту дурацкую журналистику. Моё призвание — быть врачом. Даже, скорее, ветеринарным врачом, потому что животные такие беззащитные.

И действительно, в силу ли того, что ты часто болела, или в силу особого таланта, ты разбиралась в болезнях и лекарствах лучше многих врачей...

А однажды утром в постели, стесняясь, как когда-то в первую нашу ночь, ты прошептала:

— Ты уже совершенно равнодушен ко мне как к женщине? Почему ты не обнимешь меня? Или ты равнодушен только ко мне?

— Я думал, что тебе это не надо, — растерялся я от неожиданности... — Или что я принесу тебе боль.

— Обними меня...

Потом ты, как в прежние времена, лежала у меня на плече, перебирая мои волосы.

— Это было не против твоего желания? — застенчиво спросила ты. — Впервые в жизни я тебя вынудила, можно сказать, заставила... Мне, наверное, как никогда, было хорошо. Я проснулась от этого желания и сначала даже испугалась его. А потом не могла пересилить себя, разбудила тебя. И сейчас вот думаю: неужели это было мне дано в последний раз, как бы на прощание? Или всё-таки, может, это признак перелома и начала выздоровления? Может, Матерь Божия услышала мои молитвы, и Бог меня простил, ведь я всех простила, кроме себя, и живу, как трава, никому не мешая. Только разве мешаю тебе, я вижу, как ты измучился со мной.

Это было короткое хрупко-счастливое время надежды. Потому что и в меня, хотя я знал, что ты обречена, вселилась надежда, что, может, это начало перелома. Бывает же, пусть редко, так: вроде бы уже всё, человек на пороге смерти, и вдруг начинает выздоравливать.

Сейчас я думаю: зачем, кто на смертном одре дал тебе это желание мужской ласки и, может, посеял в нас обоих надежду: раз вернулось желание, значит, ты выздоравливаешь и будешь жить? Чтобы потом было ещё тяжелее?

Да, в это утро, несмотря ни на что, во мне затеплилась надежда. Потому что ты оживала на глазах. Твоя сестра на радостях сшила тебе несколько новых платьев. Словно они могли удержать тебя на этом свете: раз они сшиты, значит, их нужно носить.

Тогда же ты затеяла шитьё моих двух костюмов: тёмного и светлого, которые я надевал бы в зависимости от обстоятельств и времени года. И вот теперь по всяким торжественным случаям я надеваю их, каждый раз с благодарностью и жгучей печалью вспоминая тебя. Ткани были куплены, наверное, лет двадцать назад, по случаю, когда они ещё были дефицитом. Но по моей небрежности в одежде я обходился покупными пиджаками и брюками, которые менял на другие, когда прежние затирали до лоска. Ты время от времени предлагала, наконец, сшить костюмы, или хотя бы на первых порах один, но то я ссылался на недостаток времени, денег, то ещё на что. А тут ты сказала решительно:

— Сколько ткани могут лежать! Если умру, по крайней мере, несколько лет тебе будет, в чём ходить.

Скрепя сердце я согласился. Заодно ты собралась отремонтировать свою уже потрёпанную шубу, а потом остановилась: не буду из суеверия. Если выберусь, то на следующий год... А я загадал: тогда куплю тебе новую.

Как раз в это короткое хрупко-счастливое время надежды ты увидела телепередачу о чудодейственном препарате мегамине, который придумали и производили тогда только в маленькой фармацевтической фирме в Хорватии. Только что закончилась страшная братоубийственная война между сербами и хорватами, свидетелем которой мне пришлось быть. Война была не просто между двумя братскими славянскими народами, говорящими на одном языке, которые на самом деле суть единый народ, исповедующий Христа, только часть его в силу исторических обстоятельств приняла католичество и, в отличие от оставшихся православными сербов, стала называть себя хорватами и устроила геноцид сербов как представителей народа даже не

второго сорта, а что-то вроде человекообразных обезьян, которые мешают им, хорватам, строить Великую Хорватию. Злодеяния хорватских националистов были столь чудовищны (во Вторую мировую войну пред ними содрогались даже офицеры СС), что в штат музея геноцида сербов в Белграде была включена медсестра, потому что люди падали в обморок от жутких свидетельств этого геноцида. Что позже меня поразило: знакомый предприниматель, через несколько лет после войны по дешёвке купивший дом в Хорватии (страшная сербская катастрофа прошла мимо его ушей) и пригласивший меня в Хорватию в гости, был удивлён причиной моего отказа, он не верил, что хорваты способны на такое: “Скорее, это пропаганда, тихие приветливые люди, только немного ленивые и не очень обязательные”, — говорил он.

И вот теперь судьбе было угодно, что за спасительным для тебя лекарством я должен был обращаться к хорватам. Учёный-хорват, придумавший этот препарат и якобы успешно применявший его в своей клинике, скорее всего, не имел отношения к геноциду сербов, но всё равно...

Я позвонил своему знакомому в Женеву, который работал в центральном аппарате ООН, и он по своим каналам достал препарат и по дипломатической цепочке передал его в Москву, где я его и забрал. Ты с воодушевлением пила лекарство, и тебе казалось, что оно тебе помогает, и рассказывала о нём другим. Но чудодейственный препарат, который, как оказалось, не был даже внесён в список лекарственных средств и на самом деле был чем-то вроде биологически активной пищевой добавки, правда, обладающей мощными антиоксидантными свойствами, уничтожающими так называемые радикалы, вызывающие рак, не помог. Всё же, что тебе предписывалось в онкологическом центре, как я понял, только на какое-то время отодвигало твою смерть и давало большие дивиденды и без того жирующей фармацевтической промышленности. Была у меня такая подленькая мысль, что ей невыгодно, чтобы изобрели лекарство против рака.

А перед этим мне дали телефон так называемой народной целительницы в Москве, которая якобы разработала свою методику лечения рака на основе растительных ядов и вытасила много людей чуть ли не с того света. Меня, конечно, насторожило, что она без каких-либо оговорок отвергла официальную онкологию, кроме экстренного хирургического вмешательства. Она оговаривала, что соглашается браться за лечение только в случае, если больной не проходил химиотерапию, которая только ослабляет организм, так как вместе с раковыми разрушает и здоровые клетки организма. Конечно, я не исключал, что это её условие могло быть ничем иным, как хитрой уловкой на случай заведомо печального исхода, потому как к целителям обращаются, как правило, уже безнадежные больные, уже после целого ряда химиотерапий. На раковых больных, когда человек цепляется за любую соломинку, как я понял, делается огромный бизнес. Но есть, наверное, и истинные целители? И как отличить их от шарлатанов, наживающихся на чужом горе? В этом же случае меня подкупило то, что она, по крайней мере, назвалась доктором биологических наук, хотя смутило, что, назвав по телефону одну сумму за свои препараты, с моего друга, которого я попросил забрать их у неё в Москве, она взяла вдвое больше. Когда я об этой целительнице сказал своему лечащему врачу, вдруг это её заинтересует, даже если не применительно к тебе, она усмехнулась:

— Пройдите, если хотите, запретить я не могу, но после них всё равно рано или поздно возвращаются к нам.

Целители отрицают официальную медицину, а официальная медицина отрицает целителей как шарлатанов, тоже наживающихся на человеческом горе, и я уже не знал, кому верить. Я в растерянности метался между ними. Ты же почему-то сразу не поверила этой целительнице и скоро, при малейшем ухудшении, перестала пить её препараты, хотя та предупреждала, что может быть обострение, более того, что это обострение — признак того, что организм начинает бороться с раком.

Статья в газете: “Американец Эдвард Гриффин в своей книге “Мир без рака” пишет о лечебных свойствах витамина В₁₇, который ещё называется лаэтрил или амигадалин. Это вещество известно тем, что убивает раковые

клетки. Автор даёт научные объяснения действия витамина и задаёт вопрос: почему традиционная медицина не использует его в борьбе с болезнью, ведь с момента открытия В₁₇ в клиниках было излечено много людей, прежде чем он был запрещён фармацевтическими компаниями. Гриффин считает, что проблема связана с политикой мировой элиты в области онкологии. Каждый год на исследование и лечение рака, на производство химических средств борьбы с болезнью тратятся миллиарды долларов. И такое положение, уверяет Гриффин, устраивает гигантскую машину, позволяющую обогащаться за счёт страданий и смерти людей. Витамин В₁₇ содержится в плодовых косточках, преимущественно абрикосовых. Их считали лекарством против всех видов рака ещё в середине прошлого века.

Амигдалин содержится в косточках абрикосовых, миндаля, персиковых, слив, в семенах яблок, винограда, в льняном семени, чечевице, некоторых бобовых и травах. Цивилизация жизни заставляет нас есть изделия из муки, сахар, растительное масло. И другие фабричные продукты. В то время как наши дедушки питались натуральной нерафинированной пищей, и рак был редкостью.

В₁₇ был запрещён для лечения рака 35 лет назад. Фармацевты утверждали, что абрикосовые и миндальные культуры содержат цианиды (что правда) и что они могут отравить тех, кто их ест. Но абрикосовыми косточками с тех пор ещё никто ни разу не отравился, даже если ел их в количествах огромных”.

Стучится мысль: “Может, кроме обогащения, решается ещё одна задача: элита в состоянии покупать эти баснословные лекарства, которые на самом деле, может, стоят копейки, а вот бедные пусть умирают, тем самым решается задача “золотого миллиарда” — сокращения населения планеты за счёт неполноценных, по мнению элиты, особей”

Как бы то ни было, в один день всё резко покатило назад: улучшение твоего состояния оказалось, как и предупреждала меня лечащий врач, временным, мнимым. Глаза твои снова стали тухнуть, кроме того, их стало как бы выширять изнутри, это было уже зримое действие опухоли головного мозга, хотя врачи об этом ещё не говорили. Я снова и снова вспоминал свечу, упавшую на икону и обуглившую висок Бога-Младенца...

Ты ещё была жива, но в твоё быличное отсутствие постепенно один за другим стали погибать посаженные тобой домашние цветы, хотя, скорее всего, мистики тут никакой не было: они погибали в результате моего неправильного, а скорее, нерегулярного ухода, когда ты в очередной раз оказывалась в раковом центре, а я жил как бы в подвешенном состоянии, метался между работой, домом и раковым центром.

Но в то же время так же неумело и нерегулярно — то поливал мало, то, наоборот, заливал — я ухаживал и за другими цветами, посаженными мной, но они держались. Последним из твоих растений погиб, засох подаренный мной кипарис. Обнаружила это ты, когда я очередной раз привёз тебя домой на побывку. А я и не заметил, когда кипарис высох, продолжал его поливать.

— Значит, всё! — обречённо и спокойно сказала ты. Потому что, когда в тот страшный день я купил кипарис, ты загадала:

— Приживётся кипарис, может, выживу и я.

— Но я просто, видимо, несколько дней его не поливал или очень мало поливал, боясь залить, — попытался я тебя успокоить. — Ты ведь всегда меня ругала, что я заливаю цветы, и у них начинают подгнивать корни.

— Это ничего не меняет, — печально сказала ты.

И как раз в это время подвернулась халявная поездка в Париж. Первой об этой поездке узнала ты: позвонили из Москвы, не застав меня на работе, домой, разумеется, не подозревая о наших печальных делах.

— Не поеду я в этот чёртов Париж! — сказал я тебе. Мне на самом деле не хотелось ехать в Париж, никуда не хотелось. Что-то сломалось во мне ещё до того страшного дня, когда нам сообщили диагноз-приговор.

— Езжай, — сказала ты. — Когда ещё удастся! Париж — всё-таки Париж. Я не хочу, чтобы ты из-за меня не увидел Париж.

— Я на самом деле не хочу в Париж, — искренне сказал я.

— Езжай! Развейся немного. Впереди самое тяжёлое. Уходить, как говорят, я буду очень тяжело. Вспомни Чебаевского. Ухаживая за умирающей от рака женой, он умер за день раньше неё: не выдержало сердце. Так вместе и лежали сутки мёртвые в одной постели... Езжай, пока я ещё на ногах, — твёрдо сказала ты, можно сказать, решила за меня. — Иначе меня будет грызть мысль о том, что ты из-за меня не поехал. К тому же, ты ведь ненадолго, а умирать мне ещё долго...

Прежде я, безденежный, и до сих пор не знаю, почему, невыездной, мечтал попасть в Софию, в Прагу, в Варшаву, в Рим, наконец, в Иерусалим, но почему-то никогда не стремился в Париж, может, потому, что туда все стремились, или считал это для себя неосуществимой мечтой: ну, придётся вдруг увидеть — хорошо, не придётся — тоже особой печали не будет. А ехать сейчас? Но в то же время поехать сейчас, — может, дать тебе какую-то надежду, что не всё у нас с тобой так безнадежно...

Прежде всего, наверное, этим состоянием души и объяснялось, что Париж не только не потряс, даже не удивил меня. Может быть, только Русская церковь на улице Дарю да кладбище Сент-Женевьев-де-Буа тронули моё сердце. Но они были печальной частью России...

Я ходил по Парижу, как по мёртвому городу-музею, и думал, как страшно одиноко тут жилось русскому изгнаннику. Католические храмы меня угнетали своей величественностью, беспредельностью сводов, утончённостью каменной резьбы и в то же время какой-то холодной душой, давящей мою русскую суть. Бог в них мной ощущался жестоким, немилосердным, холодным и равнодушным к человеческой судьбе, как эта тончайшая каменная вязь. Я не испытывал в величественных католических храмах того тихого трепета, какой я, может, не очень верующий, испытывал в православных храмах, особенно в небогатых сельских церквушках...

В бессилии помочь тебе, я метался по Земле с постоянным чувством, как сокращается твоё, а заодно и моё оставшееся на этом свете, стремительно убывающее время: перед глазами у меня то и дело возникали песочные часы. За полгода до Парижа, оказавшись в Сирии, я объехал древние монастыри первых веков христианства, где просил Бога и его святых угодников за тебя, — мне, я знал, прощения быть не может, и был спокоен по этому поводу. Так я оказался в Великой Сирийской пустыне. Я попросил остановить машину и ушёл в сторону от так неуместной здесь, ненужной всему окружающему, чёрной ленты асфальта. Великое молчание раскалённой каменной равнины и выцветшего, без единого облачка, неба оглушило меня. Это было великое молчание Вечности и остановившегося или, может, наоборот, ускоренно улетающего Времени. Куда оно летело? Кто властелин его? В одинокой палатке бедуина, который, судя по снисходительно-спокойному взгляду, которым он меня окинул, был тоже частицей Вечности, я посмотрел на термометр: в 9 часов утра было 47 градусов в тени. В голове слегка звенело от раскалённого воздуха и камня, от ощущения Вечности и от печальных мыслей о тебе и о себе, от которых на Земле некуда было деться...

Здесь, в Великой Сирийской пустыне, лежащей как бы между двумя мирами, между Небом и Землёй, ещё более была очевидна нелепость ныне существующего на планете мира: искусственных государств, политических партий, может быть, даже бессмысленность самого человеческого бытия: вслушиваясь в эту звенящую тишину вечности, трудно было поверить, что в какой-то сотне километров от этой тишины американцы бомбят Ирак, гибнут тысячи людей — идёт страшная война за нефтяные запасы, которые, может, Бог специально приготовил человеку для облегчения его жизни на Земле.

Одиночество, которое всегда, сколько я помню себя, было со мной и во мне, окончательно охватило меня, и я понял, что смысл существования человека на Земле — только в заботе о ближнем. Но почему я понял это только сейчас? Или вчера, когда беда уже обрушилась на нас, и моя забота о тебе была уже бесполезной?

По пути в Великую Сирийскую пустыню в складках рыжих холмов, в которых, цепляясь за жизнь, пряталась редкая растительность, то и дело

попадались наслоенные друг на друга развалины древнейших, древних и не очень древних, непременно разрушенных, уничтоженных в войнах городов, государств, целых цивилизаций. Наслоенные друг на друга пласты человеческой жизни. Границы нынешних садов, огородов под разными углами равнодушно пересекают стены разрушенных древних храмов, жилищ, пренебрегая ими, словно их и не было, словно они всего лишь естественное нагромождение камней. Порой половина древнего дома на участке одного хозяина, вторая — на участке соседа, или нынешняя граница между огородами пересекает древний фундамент по диагонали, в одном саду стоит обвитая плющом чудом сохранившаяся величественная мраморная колонна, в другом — богатый, может быть, даже царский древний саркофаг, ныне используемый как сарайчик для хранения садового инвентаря. Миллионы людей до нас уходили в мир иной, если он, конечно, существует, с такими же, как ныне, болезнями и мучениями, но словно этих мучений и страданий человеку было мало, — он уничтожал себя в бесконечных, сменяющих одна другую войнах. Зачем эти миллионы приходили в этот мир? Каков смысл их страданий? Копятся ли эти страдания где-то на Земле или ещё где, чтобы потом, как бы при наполнении какого-то сосуда или при какой-то их концентрации превратить мир в иное измерение — измерение доброты? Или, наоборот, печальная участь Земли, она, превращенная в многослойное кладбище цивилизаций и человеческих страданий, при перенасыщении их погибнет, как, может быть, в своё время погибла или специально была уничтожена жизнь на Марсе и на других, может, бывших обитаемыми планетах? Неужели Земля действительно даже не детсад, не школьный класс, в котором мы учимся жить, а что-то вроде концлагеря для преступников или закрытый пансионат для безнадежных душевнобольных? Или многовековая, с самого начала появления на Земле человека, цепь бесконечных войн, человеческих страданий — это своеобразная школа, в которой каждое поколение начинает учиться заново, как бы с первого класса, и потому ошибки, страдания одного поколения не становятся уроками для следующего? И так из века в век. Только этим можно объяснить, почему уроки прежних поколений, народов, цивилизаций не стали нам уроком. Может быть, потому человечество не взрослеет нравственно? Может быть, мы действительно тут, как в подготовительном классе, и по этой причине беспрерывно рушатся государства, политические системы и даже цивилизации, они словно дома из песка из детской песочнице? Может, в принципе на Земле ничего разумного невозможно построить?..

Жить с этим чувством-догадкой очень трудно. Нужно перейти какой-то рубеж, чтобы смириться с этим. Рубеж, какой, наверное, переходят, принимая монашество, обрубая даже мечты о земном счастье. Но я не могу переступить этот рубеж, это против моей сути. Видимо, чтобы человек созрел для этого, Всевышний в качестве урока посылает ему страдания и неизлечимые болезни, чтобы постепенно мы отрекалились от всего земного?

Моя жизнь для меня давно потеряла главный смысл, у неё на Земле больше не было духовной опоры, и в то же время меня не прельщал тот, другой мир, в котором мы якобы бессмертны, и теперь здесь, в Великой Сирийской пустыне, я особенно почувствовал ненужность, бессмысленность своей жизни без тебя. Если бы это было возможно, если бы это спасло тебя, я теперь жил бы только для тебя и этим вернул бы смысл своей жизни. Только теперь, когда уже поздно, я понял, почему мы, каждый по-своему любившие друг друга, так и не нашли общего языка. Ты забыла простую заповедь: “Да убьется жена мужа”, — хотя смысл этой заповеди совсем не в слове “бояться”, а я, мучимый гордыней, не умел прощать.

В горном ущелье в деревне Малюле я молился о тебе в монастыре Св. Фёклы первого века христианства, где службу ведут ещё на древнеарамейском языке, языке Иисуса Христа. А за день до этого, наоборот, на высокой горе в монастыре Седная я за тебя молил Бога и Божию Матерь у Её чудотворной иконы, которую, по преданию, писал сам Св. апостол Лука. Я, видимо, не верующий сердцем, но только умом знающий, что чудо существует, как и знающий то, что мы его с тобой не заслужили, на чудо всё-таки надеялся. Из монастыря Св. Фёклы я привёз тебе святой воды, по каплям

собирающейся в выбоину в скале, а ты по ошибке полила ею комнатные цветы, чем привела меня в полное отчаяние...

До свалившейся на нас беды мы жили вместе и каждый сам по себе. И, как теперь понимаю, каждый в своей гордыне. Мы жили вместе и в то же время словно в параллельных мирах, каждый в своей пустыне. Ты не могла что-то перешагнуть в себе и не только не смогла освободить меня от одиночества, но и, приняв его в штюки, усугубила его. Ты поняла его как вызов тебе, как непобобь к тебе, как я ни пытался тебе объяснить обратное. И, оскорбившись, ещё больше замыкался в себе, а ты ещё больше подозревала меня, что моя душа где-то в другом месте. Потом, после смерти твоей, на обрывках бумаги я буду находить твои или чужие, но созвучные твоей душе стихи:

*Ещё надеюсь и терплю,
А сил отпущено так мало.
В тревожной суете вокзала
Слова прощальные ловлю.
Чужие, не твои черты,
Чужие, неродные руки.
В глазах — прелюдия разлуки.
И я — не я, и ты — не ты.
И всё оборвалось. Как сон...
И в грустной музыке рассвета
Мне хочется кричать об этом,
Но в горле застывает стон...*

Я стоял посреди Великой Сирийской пустыни и заморожённо смотрел, как, зарождаясь на моих глазах, мимо меня немо и замедленно шли друг за другом на восток пыльные смерчи, в ту сторону, куда вела раскалённая лента асфальта и где в какой-то сотне километров отсюда шла страшная война...

В Великой Сирийской пустыне пришла мысль: если Россия — душа мира, что будет с миром, если погибнет Россия?..

Утром красивым зелёным ущельем выехав из города Алеппо, через какое-то время въехали на высокую, поднимающуюся над всей окружающей местностью гору — к бывшей обители Симеона Столпника. Разрушенный храм на месте столпа, на котором, постепенно, сантиметр за сантиметром, возвышая его под собой, 37 лет взывал молитвами к Богу днём и ночью, знойным иссушающим летом и студеной горной зимой, стремясь уйти от человеческой тщеты и как можно больше приблизиться к Всевышнему, жил некто Симеон, за своё тридцатисемилетнее стояние на этом столпе прозванный Симеоном Столпником. Сначала его считали сумасшедшим, а потом возвели в ранг святого. Это было полторы тысячи лет назад! И все эти полторы тысячи лет люди со всей планеты идут и едут сюда, чтобы понять, что двигало этим человеком, святым или сумасшедшим. И вот я тоже, снедаемый бедой и попыткой понять смысл жизни, оказался здесь. Правда, ещё неделю назад я ничего не знал о Симеоне Столпнике. Слышать — мельком слышал, конечно, даже читал, но глубоко не задумываясь о смысле этого подвига или безрассудства. И вот я тоже здесь. Правда, ничего просить я здесь не собирался, раз не понимал сути его подвига, я был просто попутчиком людей, которые ехали, а потом шли вверх на гору к Симеону Столпнику, любопытным странником. Я пытался понять смысл его 37-летнего стояния на камне, но не мог. Как не понимал и не принимал смысла юродства, хотя сам, может, в какой-то мере по жизни юродивый.

Я прикоснулся рукой к остаткам того, бывшего полторы тысячи лет назад, кажется, двенадцатиметровым, каменного столпа, время и люди, растаскивающие его, верующие в его святость — как святыню, неверующие — на сувениры, укоротили его до полтора метров, мой спутник припал к нему лбом. Его глаза светились радостью, что он, наконец, оказался здесь, а я не понимал всего этого, я не хотел врать ни себе, ни ему. Зачем рваться в небо, по крайней мере, раньше времени, с этой прекрасной Земли? Может, Симеон

действительно был всего-навсего сумасшедшим? Ослепительной синевой сияло небо, внизу под нами лежала долина, где паслись стада, желтели поля, зеленели оливковые рощи. Словом, земной рай, жить и жить бы тут, но почему-то в присутствии этого столпа давила эта райская идиллия, почему-то трудно было оставаться здесь надолго. И в то же время хотелось остаться здесь навсегда.

Что за тайну-истину Симеон открыл за 37 лет стояния на этом камне себе и людям, что они вот уже полторы тысячи лет идут к нему? Может, потому и идут, что его тайна так и осталась тайной, и они идут попытаться разгадать. Или он так и ушёл в мир иной, или просто умер, ни с чем? А люди ищут в этой пустоте тайный смысл?..

Может, действительно он был просто душевнобольным? И что значит: душевнобольной? Может, душевнобольной как раз и есть самый нормальный?

Вот и сейчас, я смотрел сверху вниз: по тропинке в гору медленно поднимаются к Симеону Столпнику паломники: одни — чтобы попытаться ответить на извечные вопросы, другие — в надежде, что он поможет подольше остаться на этом свете, больные, увечные, потому как считается, что одно только прикосновение к столпу излечивает от многих болезней, в том числе душевных. Шли верующие и сомневающиеся. Он же, может, просто хотел уйти от человеческой суеты и тщеты. Может быть, это было великой жертвой? А может, обыкновенной гордыней: жизнью не как все обратить на себя внимание Бога и тем самым приблизиться к Нему? Потому на вершине самого высокого в окрестностях холма и начал строить свой столп, который постепенно вырос на 12 метров. Бесконечная молитва днём и ночью, в ясную погоду и в дождь, в пыльную бору и в жаркий раскалённый день, в холодную сирийскую зиму... Но не было ли строительство его столпа похожим на строительство Вавилонской башни?

“Прикасаемся и прикасаемся к останкам Столпа и думаем, как мог святой Симеон 37 лет пробыть на Столпе? А ведь он неустанно возносил к Богу свою молитву. Многих спас. Какая сила воли, духа! Сила духа! Мужество! Благодать, сошедшая свыше! Дар Божий!” — на обратном пути пронзительно говорил мой спутник.

А я молчал. Хотелось просить: кого он спас? Каким образом? Я, низменный червь, не мог представить, как можно не мыться хотя бы раз в месяц. Неужели святость исключает элементарную чистоту тела? Не самообман ли всё это? И если мой спутник уходил с холма просветлённым, то я ещё более смятённым. Я не понимаю смысла этой жертвы, самоистязания. Нужна ли такая жертва Богу?

Надо признаться себе, что наша вера в Господа неглубока, или её вообще нет, она не идёт дальше того: а вдруг поможет?

Включаю телевизор. Как бы в подтверждение моей мысли, драматург Александр Володин, отмечающий свое восьмидесятилетие: “Раньше, пока я был здоров, Бог мне был не нужен”.

После Сирии я оказался в Черногории — с незабвенным моим другом и великим православным подвижником скульптором Вячеславом Михайловичем Клыкковым. Не знаю, он ли попросил или предложили наши черногорские друзья, но 12 мая, отложив все другие дела, мы поехали в вырубленный высоко в горах в отвесной скале монастырь Святого Василия, как оказалось, в день его преставления.

Какие только чудеса исцеления за Святым Василием ни числились! От автомобильной дороги узким и крутым восьмикилометровым серпантинном над пропастью мы поднимались к монастырю, обгоняя обременённых тяжёлыми болезнями паломников, некоторые весь этот путь от автодороги, прося исцеления, шли уже который день на коленях...

Прижавшись лбом к холодной стене-скале храма, я и здесь просил за тебя... Мог ли я предположить, что это последняя наша совместная дорога со Славой, — только так, не иначе Вячеслава Михайловича Клыккова любовно называли теперь уже в бывшей Югославии. Мог ли я предположить, что его изнутри уже тоже, пока ещё тайно, съедает тот же проклятый рак и что ему осталось жить всего полтора года... Ему не зачёлся ни памятник игумену

вся Руси Сергию Радонежскому — в России и Сербии, ни памятник Николаю Чудотворцу — в России и в Италии, ни памятник святой великомученице Елизавете Фёдоровне, ни памятник Пресвятой Богородице здесь, в Черногории, открывать который мы сейчас прилетели, ни памятники другим православным святым, ни весь его титанический подвижнический труд во славу Божию и России. Ни восстановленный храм на месте погибшей родной деревни, которую он мечтал возродить и собирался первым поставить там дом, чтобы быть примером другим, и которую теперь без него никто не возродит. Неужели он, у кого на Земле осталось столько незавершенных дел и который был так нужен тут, потому как в России осталось мало подобных ему людей, уже более был нужен там?

После тройных своих похорон в один год: сестры, матери и тебя — у меня не хватает душевных сил поехать на его похороны, потом я буду оправдывать себя тем, что, может, по воле Божией, а скорее, по его воле мне не нужно было видеть его в гробу, как до этого, в последние его месяцы, — поверженным смертельной болезнью, что он должен остаться в моей памяти сильным, мощным, несокрушимым. Я соберу душевные силы поехать только на его годовщину: прекрасный, белокаменный, поставленный им по собственному проекту, храм одиноко стоял на пустыре, на месте погибшей деревни в окружении заброшенных полей и рядом — его одинокая могила... Неужто Господь был против, чтобы возродилось хотя бы одно село — в пример другим, как символ возрождения поверженной России?

Теперь я думаю, может, тогда Слава сам попросился поехать к Святому Василию? Может, он уже тогда всё знал о себе? Вспоминаю, как он долго, более часа, на коленях, молился перед образом святого. Ведь первый его приступ, когда в мастерской ночью он упал с лесов, а мы посчитали, что это просто от переутомления, случился незадолго до этой поездки.

Хоть что-то сделать для тебя, хоть как-то уменьшить, сгладить свою вину перед тобой, хоть как-то оставить тебя на этом свете в памяти других, кроме меня, даже после меня, раз у нас нет детей, я посвятил тебе один из своих последних рассказов — о странном сорочонке Тишке, неизвестно почему вдруг возлюбившем меня: стоило мне приехать на дачу, он откуда-то прилетал, безбоязненно садился передо мной или даже мне на плечо и что-то лопотал и лопотал, словно предупреждал о чём-то. Я позвонил в Москву в издательство, чтобы успеть в корректуре поставить посвящение. Успели, как и успели прислать книгу. Я оставил её у тебя на подушке — как бы случайно на открытой странице с посвящением.

Ты, по крайней мере внешне, осталась к этому равнодушной. Что-то хотела сказать, но промолчала...

Таким образом я попытался хоть как-то искупить свою вину перед тобой, хотя она была неискупима, и удержать память о тебе на этом свете....

Где-то после Нового года позвонила моя единственная сестра: перенесла операцию, что-то с печенью, чувствует себя всё равно плохо. В своих печальных заботах я не придавал этому серьёзного значения: после операции всегда чувствуют себя плохо. Оказалось, что родственники скрыли от неё, что у неё рак, и одновременно скрыли и от меня, полагая, что мне хватит и одного рака.

Ты говорила с сестрой по телефону, тоже успокаивала, что после любой операции тяжело, постепенно поправишься: “Мне вот конец предписан, а у тебя что по сравнению с моим, постепенно поправишься...” С сестрой ты дружила.

Но летом позвонила племянница, что у сестры дни сочтены, у неё рак печени, и если я сколько-нибудь повременю с приездом, можно и не успеть. Я, не откладывая, поехал, от сестры ничего не осталось: кожа да кости, лимонно-жёлтая, высохла больше, чем даже ты, на лице ясная печать смерти. Но, в отличие от тебя, она верила до последнего часа, что выздоровеет, потому что она не знала, что у неё рак, что она обречена. Она с удовольствием поела выращенных тобой помидоров, которые я привёз...

Как она смотрела в окно, провожая меня: перед тем как сесть в машину, я оглянулся и встретился с её глазами; глаза её знали, что она обречена,

что мы видимся в последний раз, а она не знала. Я отъехал за угол и долго стоял, прежде чем, наконец, решился выехать на автостраду... Я знал, что больше я её живой не увижу. Когда я через неделю приехал на похороны, мне рассказали: “Постеснялась попросить тебя, чтобы ты забрал её с собой в свой город, она верила, что если ты забрал бы её в областную больницу, её непременно бы спасли...”

Когда позвонили, что моя сестра умерла, неожиданно опередив тебя, и тоже от рака, ты совсем замкнулась в себе и печально успокоилась. Ты поняла, что никакого чуда тебе не ждать, что очередь за тобой...

Ты упорно, с трудом держа лопату, копалась в саду-огороде. Ты надеялась или даже считала, что не можешь умереть, пока в саду, который был твоим детищем, не закончены все предосенние работы...

Ты уже с трудом ходила. Без слёз не могу вспомнить, как ты собирала свои последние в жизни грибы: уже спотыкаясь, с некогда моей клюшкой, которую купили, когда много лет назад после травмы в горах мне сделали операцию на ногу по поводу остеомиелита. Потом я хотел её выбросить, а ты меня остановила: может, ещё пригодится. И вот пригодилась. Еле передвигая ноги, с трудом ты вышла за ворота в берёзовую рощу. Корзину держать в руках ты уже была не в силах, потому взяла пластиковый пакет и уже через полчасы вернулась с полным аккуратных, один к одному, молодых сырых груздочков. Какой гордостью и какой печалью при этом светились твои глаза: сосед-грибник только что до тебя прошёл рощей и ничего не нашёл. Зачем тебе был нужен тот свет, даже рай?!

Это была, кажется, твоя последняя поездка на дачу. Уже за несколько дней до неё ты то и дело напоминала мне, что по пути нужно будет обязательно заехать в магазин “Дачник” и кое-что купить. Спотыкаясь, опираясь на клюшку, неестественно возбуждённая, так неестественно громко разговаривая, что люди обращали на тебя внимание, ты ходила по магазину и выбирала разные мелочи, которые тебе дома, в саду понадобятся не сегодня и даже не завтра, а через месяц, через два, может, даже только на следующий дачный сезон, таким образом ты надеялась продлить свою жизнь: раз ты купила эти вещи, не может же быть, что они останутся неиспользованными, напрасно купленными?!

Так всё это и лежит до сих пор в фирменном магазинном пластиковом пакете...

После очередной химиотерапии у тебя случился микроинсульт, но дежурила в ту ночь твой лечащий врач, её вовремя позвали, и она успела вытащить тебя почти с того света. Я узнал об этом только на следующий день к вечеру, в больничный тихий час, приехав навестить тебя. Ты уже даже улыбалась, хотя улыбка получилась жалостливой, потому как рот после микроинсульта как бы съехал набок. Ты попросила съездить на дачу, привезти тёплый фланелевый халат, в своё время в спешке оставленный там, а заодно проведать собак:

— Вчера они что-то снились мне...

Приехал на дачу, открываю ворота. Вышел встревоженный сосед:

— Что-нибудь случилось? Ночью вдруг завыли все три собаки, и мы никак не могли их успокоить...

Жизнь ещё при тебе...

Было Прощёное воскресенье, мы оба знали, последнее в твоей жизни. Я встал перед тобой на колени:

— Прости меня, Воробышко?! — хотя знал, что прощения мне нет и не может быть, и ничего уже невозможно изменить: обратно, чтобы что-то поправить, не то чтобы годы, дня нельзя отсчитать.

— Я тебя давно простила! — опустила ты руки на мою грешную голову, мягко вороша волосы, и мне стало немного легче и гораздо горше, наверное, мне было бы легче, если бы ты меня не простила, тогда бы получалось, что в моих глазах ты приняла бы на себя часть нашей общей вины.

Не знаю, простила ли ты на самом деле или постаралась успокоить меня, ведь всё равно уже ничего не изменить.

Неужели все твои страдания и все мои страдания были только для одного, чтобы мы, в конце концов, друг друга поняли и друг друга простили? Но для чего? Для будущей жизни, в которой мы встретимся, и всё у нас будет иначе? Мы как бы повторим свою земную жизнь, только уже без ошибок?..

Только однажды, измученная страданиями, а главное — страшными безысходными мыслями, ты не сдержалась: “Ты оставил меня бездетной. Ты лишил меня счастья материнства”.

Это было не совсем правдой, это было совсем не правдой. В старое время я бы взорвался и наговорил бы кучу возражений, в том числе несправедливых, что, наоборот, ты оставила меня бездетным, а сейчас покорно встал перед тобой на колени:

— Воробышко, теперь уже всё поздно. Теперь мы должны жалеть друг друга, хотя бы потому, что я тоже живу на пределе. И ты меня пожалей хотя бы только потому, что может получиться, что я не выдержу и умру раньше тебя. И хоронить тебя придётся чужим людям.

Жизнь ещё при тебе и уже без тебя...

Я настаивал на соборовании. Ты не то чтобы противилась, но всё время не хотела, потому что считала, что соборуют уже совершенно безнадежных, перед самой смертью, а ты всё надеялась на чудо, в тебе ещё теплилась надежда, надежда на Матерь Божию, что Она услышит тебя.

— Я всё поняла, всё осознала, всех простила, но дал бы Бог хоть немного пожить на Земле. Я никому бы не мешала, жила бы на даче с собаками. Копалась бы в земле, кормила птичек Божиих, — в который раз повторяла ты. — Если разве тебе мешаю?

— Ты что? — обнял я тебя, пряча слёзы.

Я ожидал, что священник будет говорить об ином мире, о душевном приуготовлении к нему, а он неожиданно стал говорить о надежде, что бывает чудо, когда при раке люди встают со смертного одра, что надо надеяться.

Я стоял позади него потрясённый: зачем? Зачем он обманывал её? Неужели в этом обмане смысл соборования?

Меня и раньше смущало, что этот священник, статный и благообразный, на проповеди в церкви говорил очень красиво, несколько артистически, прихожанам, особенно прихожанкам это нравилось, но меня почему-то как раз эта красавица и артистичность смущали...

Он отказался от денег. Потом приехал на отпевание тебя в чужой для него храм — помочь местному священнику, и опять отказался от денег.

Я позвонил ему через год, хотел попросить отслужить литию на твоей могиле, и узнал, что он в очередной раз сорвался, запил (об этом его недуге я не знал), и владыка в наказание отправил его служить в какой-то отдалённый сельский храм: село всё стерпит...

Почему-то у меня из головы не выходит этот священник: добрый, хороший человек, но почему-то мне тогда подумалось, что он, может, меньше меня верует в Господа Бога и в нашу загробную жизнь, может, потому и запил...

Жизнь при тебе, но уже почти без тебя...

Это было уже после последней, по сути, напрасной, только ещё больше измучившей тебя и, может, даже приблизившей твой уход химиотерапии. Врачи понимали это, но не делать её не могли, иначе их могли бы обвинить в том, что они не сделали всё возможное, и надзирающий орган или я могли бы подать на них в суд. Это одна из страшных тайн онкологии, как и медицины вообще, когда некоторые, как правило, очень дорогостоящие лекарства или процедуры предписываются больному и даже обязательны (и лечащий врач при всём своём желании никак не может противостоять этому, более того, он может быть обвинен в смерти больного), только потому, что

на производстве этих зачастую бесполезных и даже вредных с взвинченными до беспредела ценами лекарств и препаратов жирует вкупе с медицинскими чиновниками международная мафия по производству медицинских препаратов. Или ещё проще: под другим названием, опять-таки в несколько раз взвинтив цены, начинают производить, чтобы ввести в заблуждение, самые что ни на есть дешёвые и распространённые лекарства, вроде аспирина, может, лишь изменив один из его составных компонентов, чтобы быть неуязвимыми для суда...

Даже уже став безнадёжно больными, когда уже можно и нужно отбросить в сторону все условности и, может, отдаться родным и молитве, мы не можем, не имеем права порвать с навязанным образом жизни, продолжаем идти на поводу у медицины и социальной службы: иначе не оплатят больничный, иначе нам не выплатят пенсию, иначе... И продолжаем без сопротивления катиться по проложенному руслу к неминуемому концу. Когда, казалось бы, бросить всё и попытаться в одиночку, наперекор всему, наперекор течению поплыть к прежнему берегу жизни. Тогда, может, был бы хоть один шанс из тысячи, из миллиона...

Ты была уже без волос после облучения — в парике. Уже как безнадежная выписана из клиники, перед этим посажена на наркотики, которые, по утверждению врачей, или кто из чиновников придумал для красивой отчётности это изуверский термин, улучшали “качество жизни” (врагу бы не пожелал этого качества жизни), с воспалёнными и неестественно расширенными глазами от этих наркотиков и оттого, что опухоль, отпрыгнувшаяся, как и предсказал в своё время оперировавший её хирург, в мозг, давила на них изнутри. Как я подозревал, она изначально была там, и снова и снова вспоминаю упавшую на икону на голову Младенца-Бога твою неосторожную свечу: может, это было предупреждение нам? Правда, под воздействием курса радиотерапии опухоль в мозге в последнее время вроде бы локализовалась, даже уменьшилась, это хорошо было видно на рентгено снимке, и даже у лечащего врача, сразу после операции сказавшей мне и позже несколько раз подтвердившей это, что никакой надежды на выздоровление при раке третьей степени, к тому же самой не поддающейся лечению его форме, плоской карциноме, нет, — появилась надежда на лучшее. Она, оказывается, вопреки своему громадному печальному опыту, вопреки всему, за два года привязавшись к тебе, даже подружившись с тобой, всё-таки тоже длеяла какую-то надежду. Неужели она так с каждым больным? Она дала мне записку к известному профессору-нейрохирургу для консультации на предмет возможной операции на мозге, и ты, беспредельно уставшая от операции по удалению лёгкого и изматывающего “лечения” и уже смирившаяся с судьбой, сначала совсем не обрадовалась этому, потому что это не обещало ничего, кроме новых страданий:

— Я уже не вынесу этой операции, уже нет никаких сил... Может, смириться?..

Я промолчал, уже не зная, кого больше жалея, тебя или себя, представив впереди очередной круг твоих и своих мучений. Но к вечеру ты уже твёрдо решила, что пойдёшь и на эту операцию, несмотря на все мучения, связанные с ней. Ты по-прежнему страстно хотела жить или хотя бы сколько-нибудь продлить жизнь. Но в последние дни ты стала жаловаться на сильные боли в позвоночнике, лечащий врач назначила тебя на рентгено снимок, и по тому, как на следующий день, беспредельно уставшая от очередной тяжёлой операции, выйдя из рентгенокабинета, она хмуро, к тому же опустив глаза, пробежала мимо нас, сидящих в коридоре в ожидании результата рентгеноскопии, я понял, что дела наши плохи, а ты уже этого не замечала, жила надеждой, связанной с будущей операцией на мозге, ты уже плохо соображала, а лечащий врач, под каким-то предлогом через какое-то время отозвав меня в сторону, объявила, что у тебя уже весь позвоночник поражен метастазами, и я видел, что это было ударом и для неё...

Для меня так и осталась загадкой лечащий врач: лет сорока, милостивая, строгая, немного сутуловатая, малословная, даже суховатая, никто из больных не видел её улыбающейся. Нам потом говорили: вам повезло, что

попали к ней, потому что за внешней сухостью кроется добрая душа, просто в раковом центре держать себя иначе нельзя, сам сломаешься. Ещё про неё рассказывали, что она буквально вытащила с того света, выходила больно-го, а потом вышла за него замуж. Теперь он, инвалид, терроризирует её и общую дочь. Не знаю, так ли это на самом деле. Однажды ты попросила меня подвезти её до дома и обратно: ей нужно было срочно забрать какие-то документы. Я поразился разительной перемене в ней, вне стен ракового центра она была совсем другая, словно я вёз совсем другую женщину: никакой сутулости, моложе, очень красивую, смущающуюся, с очаровательной улыбкой. Потом я ещё несколько раз подвозил её домой или до травмпункта, когда она подвернула ногу и была на больничном, потому что обнаружили трещину в лодыжке, но всё равно ходила на работу, потому что не могла или не на кого было оставить своих больных. Мне было легко и приятно с ней, мы как бы подружились, в такие минуты мы говорили с ней о чём угодно, только не о твоей болезни, а если всё-таки разговор заходил о тебе, то опять-таки безотносительно к твоей болезни, словно ты была здорова и впереди у тебя не оставались считанные месяцы, а может, даже и дни. Она вела себя так, словно между нами не стояла твоя близкая смерть. Она познакомила меня со своей дочерью, студенткой мединститута. Словом, у нас сложились добрые отношения.

Ты, видимо, заметила это. Потому что однажды неожиданно сказала:

— Мне кажется, вы симпатичны друг другу. У неё судьба не сложилась. Я была бы рада, если после меня вы нашли бы дорогу друг к другу.

После этого разговора я невольно задумался. Да, она мне была симпатична. Молодая красивая сильная женщина. Кроме всего прочего, за ней, наверное, как за каменной стеной. Но как жить с ней, каждый день встречающейся со смертью?! Как только я вспоминал, кто она по профессии, что она каждый или почти каждый день имеет дело с безнадежными раковыми больными и определяет людей на тот свет, у меня замирала душа. Она будет опаздывать с работы, а я буду думать, что в этот момент у неё кто-то умирает. Моего мужества и на несколько месяцев не хватит жить с такой женщиной. Или я должен буду в корне измениться и изменить свое отношение к смерти. Откуда в ней такие силы? И, наверное, нужно иметь особого устройства душу, чтобы добровольно стать раковым врачом. Или надо быть хладнокровным равнодушным роботом...

Раковый центр — сколько страданий видел он! Мы говорим о какой-нибудь церкви: эта церковь намолена, ей уже почти сто лет. А сколько молитв было вознесено к Господу здесь? Наверное, не меньше, чем в любой церкви! Старушка, старшая медсестра, которая уже пятнадцать лет назад должна была выйти на пенсию, но не уходит, и не только потому, что у неё маленькая пенсия. Я не могу понять, только смутно догадываюсь, что её держит здесь, когда абсолютному большинству больных одна дорога. Она знает, кто когда умрёт, но с каждым ведёт себя так, словно он выйдет отсюда здоровым. Наивные подарки безнадежных больных, своего рода наивные взятки, которые ничего не изменят в их судьбе и которые тем не менее берут. Цинизм врачей и медсестёр? Но тут есть вторая сторона: если не возьмёт, значит, ты безнадежен или безнадежна. А раз взяли, значит, есть какая-то надежда.

Я не могу забыть, как лечащий врач оживлённо, даже смеясь, обсуждала новинки парфюмерии и моды с твоей очередной соседкой по палате, которую перевели сюда после операции из туберкулёзного диспансера, с виду вполне здоровой, розовощёкой ещё молодой женщиной, которая в отсутствии меня ухаживала за тобой, послеоперационной, и очень жалела тебя. А потом я узнал от тебя, а ты не могла узнать ни от кого другого, как от лечащего врача, что твоя соседка не просто безнадежна, а что её дни сочтены, и вся её операция в тубдиспансере состояла в том, что разрезали и, убедившись, что лёгкие представляют собой сплошной раковый спрут, снова зашили, а она даже не подозревала об этом, потому как лёгкие не болят. Перевод в раковый центр ей объяснили знакомством мужа, лучшим здешним уходом за послеоперационными больными и наличием лекарств. Более всего в этой истории меня поразило, что врачи, держа в тайне от безнадежных больных

их судьбу, делятся этой тайной с другими, столь же безнадежными больными. Не знаю, может быть, в этом есть какой-то психологический смысл: раз со мной делятся тайной безнадежного больного, значит, я не безнадежна...

Самое страшное, что у тебя произошли изменения в психике. Это была ты и в то же время — уже не ты. Ты жила как бы в промежуточном состоянии между нормальными людьми и обречёнными. Ты говорила не иначе, как: “Мы, онкобольные... У нас, онкобольных...” Радовалась любой заботе или псевдозаботе государства о раковых больных. Радовалась и даже гордилась, что в магазине париков тебе сделали чуть ли не 50-процентную скидку на парик. А я подумал, что магазин париков не случайно обосновался недалеко от ракового центра, он в основном за счёт безнадежных раковых больных и существует. Парики богатые и бедные. Потому как рак косит людей независимо от благосостояния, но богатые и здесь пытаются показать, кто они...

Вспоминаю, как ты, уже с трудом сидя на постели, поддерживаемая подушками, с сестрой разбирала свои немногочисленные и недорогие украшения. Я никогда не баловал тебя ими, ты по скромности нашего бытия их не покупала, кроме дешёвых безделушек, и то, как правило, во время отпускных поездок, как сувениры, да и была равнодушна к дорогим украшениям. Я не мог без слёз наблюдать, как ты разбирала эти безделушки, но то и дело вынужден был проходить мимо. Как загорались твои глаза, когда ты вспоминала, в какой поездке что купила, и, казалось, даже на время забыла про своё состояние; эти безделушки как бы возвращали тебя в прошлое, давали надежду, ты уходила в мир иной, если он был, а они оставались, так не должно было быть, а потом, когда всё было распределено, кому что отдать, долго молча смотрела в потолок, а потом долго и безутешно рыдала. И было бессмысленно тебя утешать...

Сначала ты, провозжая меня на работу, шла со мной до порога. Потом, уже с трудом вставая, лишь подходила к окну. Выходя на улицу, я видел тебя в окне на девятом этаже и долго ещё чувствовал на себе твой печальный, выматывающий мою душу взгляд. И всегда представлял себя на твоём месте. Ты думала и о том, как я буду жить без тебя...

Но пришло время, когда ты уже не могла подойти и к окну. И мы общались только по мобильному телефону. И с каждым днём твой голос был всё слабее и слабее...

Я жил словно во сне, а точнее, словно в бреду, порой не додумываясь до самых простых вещей. До сих пор не могу себе простить, что не сообразил, не купил телефонный удлинитель и не поставил тебе на постель городской телефон. А потом выяснилось, что удлинитель я купил, но забыл про него. Когда тебе позвонила откуда-то издалека, из-за границы уехавшая туда твоя близкая подруга, ты не смогла с ней поговорить и в слезах, в отчаянии бросила мне в глаза:

— Ты даже такой мелочи не мог сделать для меня...

Я до сих пор не могу себе этого простить...

Ты говорила уже с трудом:

— Потом не забудь свои осенние туфли в шкафу, на самом низу. Когда на улице уже будет холодно. В суматохе похорон можешь забыть. Избаловала я тебя, ты ведь даже не знаешь, что где лежит. И ещё боюсь, что ты однажды оставишь невыключенными утюг или электроплиту, как бывало не раз.

А это были твои чуть ли не последние слова:

— Не женись на первой попавшей женщине, — глядя меня, низко склонившегося над тобой, по голове, прошептала ты, всю жизнь ревновавшая меня с основанием и без основания. Ты заботилась обо мне, думала, как я буду жить, точнее, доживать без тебя.

Я молчал, ты не знала, что если бы я встретил ту, единственную, которая беспрдельно поверила бы в меня, я, без сомнения, давно ушёл бы к ней, а ты, в результате, может, нашла бы своё счастье с другим, ведь твоей руки, даже когда ты уже была замужем, добивалось столько мужчин, но, увы, такую женщину я так и не встретил.

Ты ревновала меня всю жизнь, а жениться мне после тебя не на ком. Я никого не мог представить на твоём месте. А тебе все казалось, что я только и ищу повода убежать от тебя.

— Может, Татьяна? — невесомо обняв меня, кажется, в последний раз своей уже бестелесной слабеющей рукой, с трудом прошептала ты о женщине, с которой, ты подозревала, у меня был роман и которую ненавидела.

Я промолчал, хотя хотел сказать, что, кроме всего прочего, Татьяна давно замужем и что я никого не могу представить на твоём месте. Но почему-то промолчал, о чём жалею до сих пор.

До сих пор жалею, что тебе этого не сказал. Не знаю, легче или тяжелее было бы тебе умирать от этого знания, что у меня никого нет.

В один момент я поймал себя на мысли, что жду твой смерти, что она, наконец, прекратит твои и мои мучения. Однажды ночью, когда ты потеряла сознание и стала, задыхаясь, метаться, я не вызвал “скорую”, во-первых, зная, что это бесполезно, что она скоро не придет и на мой вопрос, почему долго не приезжали, приехавший врач-студент будет с укором говорить, что к безнадежным раковым больным они едут в последнюю очередь, потому что нужно спасать тех, кого ещё есть надежда спасти. И по-своему они были правы. А во-вторых, если они и успеют приехать, тебе сделают поддерживающие сердце уколы, которые только продлят твою агонию... Ты жутко со стоном закричала, видимо, рвались сосуды мозга, а потом затихла, и я решил, что это всё, и уткнулся лицом в постель рядом с тобой, но ты вдруг открыла глаза и спокойно, не подозревая о только что случившемся, попросила пить, и я не решился рассказать, что с тобой было и что я с тобой уже попрощался... Мне было стыдно перед тобой. И было горько за себя.

Ты после этой ночи жила ещё неделю.

Ты знала, что твои дни на этом свете сочтены, но до какого-то времени всё ещё надеялась на чудо. Ты уже не верила врачам, но истово продолжала верить в Матерь Божию, что Она не оставит тебя. Ты истово молилась Её иконе “Всецарица” в надежде, что Она даст тебе возможность ещё хоть немного побыть на этом свете, чтобы, никому не мешая, копаться в своём саду-огороде, ухаживать за бездомными собаками, которые уже давно не считают себя таковыми. Ты молилась дома, ты молилась в церкви, сколько хватало сил, куда, когда тебе становилось полегче, я тебя отвозил к всё той же иконе “Всецарица”, которая якобы в некоторых случаях, когда человек осознал свои грехи, исцеляет даже безнадежных раковых больных; всю службу ты уже выстоять не могла.

Как ты до самых последних дней хотела жить! Боже мой, как ты хотела жить: смиренно, тихо, никому не мешая! Не раз, возвращаясь домой, я дома заставлял тебя на коленях перед этой иконой, шепчущей молитву: “О Пречистая Богоматерь, Всецарице! Услыши многоболезненное воздыхание наше пред чудотворною иконою Твоею, из удела Афонского в Россию принесенного, призри на чад Твоих, неисцельными недуги страждущих, ко святому образу Твоему с верою припадающих!.. Прости рuce Твои, исполненные исцеления и врачбы, Радосте скорбящих, в печалех Утешение, да чудотворную помощь скоро получив, прославляем Живоначальную и Нераздельную Троицу, Отца и Сына, и Святаго Духа во веки веков. Аминь”.

И только в самые последние дни ты стала равнодушной ко всему, молча часами, замкнувшись в себе, смотрела сквозь оконное стекло в небо. Что ты видела там? Ты пропускала мимо ушей даже мои сообщения о твоих любимых собаках. Тебя в этом мире, на этой Земле, кажется, уже ничто не интересовало.

Неужели ты мыслями и душой уже была в ином мире?

Только страшные боли заставляли тебя время от времени звать меня и просить, чтобы я поднял тебя выше на подушки или, наоборот, убрал из-под головы одну из подушек.

— Господи, заberi меня, я больше не могу!.. — не в силах больше терпеть боль, прошептала ты однажды.

Кажется, через неделю или чуть больше после этого Господь и забрал тебя, может, посчитав, что ты, наконец, созрела для того, чтобы без жалости проститься со всем земным. Неужели обязательно нужно человека физическими и душевными страданиями довести до такой степени, чтобы ему жизнь на Земле стала невыносимой и чтобы после всего этого он сам попросился в мир иной, независимо оттого, есть он или только придуман? Неужели столько времени Господь ждал от тебя этой просьбы? И, как только дождался, забрал тебя к себе?

А было это так. Шла вторая половина августа, ты, как обычно, неподвижно и молча глядя в окно, в синеву неба без единого облачка, вдруг, не повернувшись ко мне, но зная, что я рядом, вдруг прошептала, словно прочитала там, в небе:

— Это случится в конце августа или в начале сентября.

Ты боялась слов “смерть” и “умру”. Ты не решилась сказать “умру”. Ты сказала: “это случится...”

Жизнь уже без тебя

Это случилось 5 сентября в 4 часа дня...

...Ты смотрела вроде бы на меня, но в то же время, не видя меня, куда-то мимо или сквозь меня вверх, словно пыталась там что-то увидеть или уже увидела.

Потом ты глубоко вздохнула и медленно, почти неслышно испустила дух. Я осторожно поцеловал тебя в губы, они не ответили — раньше они отвечали, даже когда ты была без сознания. Я приложил к твоим губам зеркало — оно не замутилось...

Трудно описать чувство, которое я тогда испытывал. Скорбь моя по тебе, казалось, уже давно вся изошла, осталась лишь жуткая усталость, но я знал, что потом скорбь снова вернётся и будет ещё безысходней, а сейчас я испытывал нечто вроде радости: нет, не оттого, что ты, наконец, освободила меня от мучений, и даже не оттого, что ты сама, наконец, отмучилась. А глядя на твоё лицо, я испытал радость, что ты испытываешь сейчас. Твоё лицо менялось на глазах. Оно становилось спокойным и умиротворённым. Ты на глазах становилась моложе и поразительно красивой. Какой, наверное, была только в юности, какой я тебя встретил...

Каким молодым, прекрасным и одухотворённым стало твоё лицо через какое-то время после смерти, поразились даже врачи бригады бальзамирования, которые по роду своей профессии вроде бы уже ничему не должны были удивляться.

Но это состояние держалось всего несколько часов, может, около суток...

Потом передо мной лежала в гробу уже не ты....

Я возвращался с похорон и поймал себя на мысли, что сейчас приду домой и расскажу тебе, кто был на похоронах. Кого мы совсем не ожидали видеть, кто, наоборот, не пришёл...

Пытаясь как-то осмыслить твою смерть и вообще смерть, обложился святоотеческой литературой.

Читаю: “Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон. Она начинается словами, которые можно произнести только из глубины крепкой веры или напрягая все силы своего доверия к Богу: “Благословен Бог наш”. Благословен Бог на жизнь, но благословен Он и на смерть. Но вспомним: когда Христос стоял перед лицом своей смерти, Он сказал ученикам: “Если бы вы меня по-настоящему любили, то радовались бы за Меня, ибо Я отхожу к Отцу Своему...” И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается весь земной путь человека, и он приходит домой”.

Не могу выразить своего отношения к этому жутковатому утверждению, что “одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон”, душа моя и особенно разум сначала решительно не приемлют его, решительно восстают против него, но я снова и снова вспоминаю твоё отпевание в церкви, необыкновенно торжественные, отдающиеся

в сводах храма и в душе слова священника: “Благословен Бог наш...” и то необъяснимое чувство, которое я испытал при этом, и вроде бы начинаю соглашаться с сим утверждением...

Читаю: “В течение первых двух дней душа наслаждается относительной свободой и может посещать на земле те места, которые ей дороги, но на третий день она перемещается в иные сферы” (Архиепископ Иоанн (Максимович)).

“Святоотеческое предание сообщает, что Ангел, сопровождавший в пустыне святого преподобного Макария Александрийского, сказал: “Душа умершего получает от стерегущего её Ангела облегчение в скорби, отчего в ней рождается благая надежда. Ибо в продолжение двух дней позволяется душе вместе с находящимися при ней Ангелами ходить по земле, где она хочет. Посему душа, любящая тело, скитается иногда возле дома, в котором разлучилась с телом, иногда возле гроба, в который положено тело, и таким образом проводит два дня, как птица, ища гнездо себе. А добродетельная душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение говорить правду...”

Конечно же, твоя душа посетила наш сад. Она не могла его не посетить, потому что в последние годы он был для тебя всем. Получается, что ты посетила его без меня. Я занимался похоронами, а ты в это время была в саду, потому другого такого любимого места у тебя на Земле в последнее время не было. Разговаривала с деревьями, с собаками, от нашего бывшего огорода, который мы забросили, когда ты заболела, смотрела вниз в речную долину, на горизонт...

Может быть, ты не жалела, что меня нет с тобой, может быть, наоборот, я был даже лишним при этом прощании. Сад был тебе ближе, чем я, потому что он никогда тебя не предавал.

“Следует сказать, что эти два дня не являются обязательным правилом для всех. Они даются лишь тем, кто сохранил привязанность к земной мирской жизни и кому трудно расстаться с нею и знать, что никогда уже он не будет жить в мире, который покинул. Но не все души, расстающиеся со своим телом, привязаны к земной жизни. Так, например, святые угодники, которые совсем не привязывались к земным вещам, жили в непрестанном ожидании перехода в иной мир, не влекутся даже и к местам, где они творили добрые дела”.

Не знаю, почему-то у меня, верующего или стремящегося верить в Иисуса Христа, нет благоговения перед этими святыми угодниками. Как это возможно: не любить Землю, на которой родился, как возможно не быть привязанным душой к Земле, если ты даже временный на ней?! Получается, что мы действительно на Земле только для исправления пороков, и она — не дом наш?

Нет, твоя душа обязательно посетила наш сад, дом, родник, прошла по только нам двоим известной тропе на электричку, когда на деревьях появились первые жёлтые пряди...

В последние месяцы мы общались с тобой больше по мобильному телефону: я звонил тебе из дома, когда ты была в клинике, я звонил с работы или с дачи, когда ты была дома. Зная, что я нарушаю всякие правила, и подзревая, что у меня едет крыша, в самый последний момент, перед тем, как закроют крышкой гроб, я незаметно положил тебе в ноги твой мобильный телефон...

И на другой день, и ещё несколько дней, замирая, набирал твой номер, в ответ было: “Телефон недоступен или вне зоны действия...”

Потом мобильник замолчал.

Ты, конечно, помнишь: из каждой своей дальней поездки я обычно привозил несколько плёнок фотографий. Мы с тобой любили их рассматривать. Мне не однажды говорили, что у меня талант фотохудожника. Некоторыми фотографиями я действительно гордился. Когда ты умерла, я неожиданно для себя перестал фотографировать. А если даже — как бы по инерции — фотографировал, потому что не мог пропустить удачный кадр, то не печатал фотографии. Зачем? Кому я теперь всё это оставляю? Я не знаю, что делать

со всеми прежними фотографиями. Уже безнадежно больная, ты хотела собрать их в альбомы, но не успела, может быть, потому, что уже догадывалась об их судьбе.

С невероятной болью смотрю на твои фотографии последних лет, как правило, на даче: на лыжах, с собаками... Кому я оставлю их после себя? Может быть, самое страшное в том, что ты ещё в какой-то степени будешь жива, пока я жив. А потом твои фотографии вместе с моими выкинут как ненужный хлам, и ты вместе со мной затеряешься в земной безвестности.

Только теперь я понял, почему старые люди перед смертью сжигают свои фотографии, письма...

В первый раз после твоей смерти в Москве. Ловлю себя на мысли, что нужно позвонить домой, отчитаться, почему не звонил весь день, чем раньше всегда тяготился. А звонить некуда и некому. Странное это ощущение, когда нигде на планете никто тебя больше не ждёт.

Полная свобода, которая не только не нужна, а которая даже страшна...

На даче пошёл на родник за водой, хотя знал, что воды в нём нет, родник в этом году замолчал очень рано, ещё в конце августа, как ты помнишь, в прошлом году была сухая осень, снег лёг на мёрзлую землю, и ты переживала, что в саду вымерзнут деревья. Переживала, хотя знала, что, скорее, умрёшь раньше них.

От родника смотрел вниз, в липово-осиновый распадок, где раньше у нас была с тобой зимняя тропа на электричку, очень аккуратная, потому что мы её и проложили, и, кроме нас с тобой, по ней никто не ходил. Проложил я её по распадку потому, что её тут в метели не передувало. Местами тропу пришлось буквально прорубать, пропиливать через упавшие деревья. Зимой я обычно приезжал на дачу на день раньше, чтобы разогреть остывший за неделю, а то и за полмесяца дом. А наутро шёл к роднику встречать тебя, прихватив вёдра, чтобы заодно набрать воды. В вёдрах плавали, позванивали о края льдинки. Я ставил вёдра в снег и, вслушиваясь в лес, смотрел вниз на тропу, откуда ты должна была появиться. И собаки вместе со мной выжидательно смотрели вниз на тропу, они вычуживали или выслушивали тебя ещё за поворотом, наостряли уши и радостно бежали тебе навстречу. Радость была такой бурной, что они порой сваливали тебя в сугроб. А потом получалось, что я как бы встречал вас всех, и собаки так же радостно кидались ко мне, словно давно не виделись со мной.

Теперь тропу то здесь, то там снова перегородили вновь упавшие деревья. По ней давно никто не ходит. Это была только наша с тобой тропа. Подобным ей будет наш след на Земле: пройдёт какое-то время, и никто даже догадываться не будет, что он был.

Уже ни Дружок, ни тем более Динка, дочь твоей Динки, отсюда, из распадка не встречали нас, они родились позже, когда у нас появилась машина, и зимой они ожидали с противоположной стороны, спускающимися с горы на лыжах, от Круглого леса, из деревни, где оставляли машину. Потому сейчас они недоумённо переводили взгляд с распадка на меня, не понимая, что я там хочу услышать или увидеть. Ноги начинают подмерзать, вода в ведре начала затягиваться ледком, а я всё стою и смотрю вниз, в распадок, и такое чувство, что собаки сейчас наострят уши и с радостным лаем бросятся навстречу тебе, выходящей из-за поворота. Но от прежней тропы, которую проложили мы и по которой ходили лишь мы с тобой, которую из собак помнит, может, только иногда приходящий и тоскующий по тебе се-старившийся бродяга пёс Рыжик — жив ли он? — не осталось и следа.

Тропа, как и ты, осталась только в моей памяти. А когда я уйду...

Какое всё это имеет отношение к мировой истории?

Метался по стране, и в каждом городе, в каждом храме заказывал панихиду по тебе: в Москве, Рязани, Иркутске... Но легче от того не становится, даже наоборот... Моя вина перед тобой меня съедает...

Может, всё очень просто: может, раньше человек просто не доживал до рака? Средняя продолжительность жизни была гораздо меньше, и человек не переступал черты, за которой он больше был не нужен на Земле? Может, этим объясняется нынешняя распространённость рака? Словно Всевышний

не заинтересован в долгом пребывании человека на Земле? Словно он Ему нужен где-то в другом месте? Родился, продолжил себя в потомстве, помог ему опереться, встать на ноги — и всё? Словно действительно он нужен Господу где-то не на Земле.

Но ведь всё чаще болеют раком дети...

Или человек нужен на Земле только как накопитель биомассы, как червь, например? Для рождения новой нефти или чего-то вроде неё?

Динка оценилась ещё при тебе: под верандой у Козлова, но об этом я узнал только после твоей смерти. В последние твои поездки на дачу ты всё гадала, куда Динка пропадает, обижалась на неё, подозревала, что та убегает, чуя твою смерть. После очередной химиотерапии она действительно сторонилась тебя, её пугал этот резкий чужой запах, идущий от тебя, а точнее — из тебя. Увидев тебя, с трудом вылезавшую из машины после долгой разлуки, она радостно бросалась к тебе, а потом растерянно останавливалась как вкопанная, начинала пятиться назад. Она ничего не могла понять: перед ней была ты и в тоже время уже не ты.

— Динка, неужели я уже пахну смертью? — сквозь слёзы спрашивала ты.

Динка боком, виновато опустив голову, кустами уходила в сосняк за нашим садом и больше уже не появлялась целый день. Ты очень тяжело переживала это, мы не подозревали, что она убегала к единственному щенку, хотя она обычно приносила пять-семь щенков, и мы не знали, куда их девать.

Щенка обнаружили случайно, когда ему было уже месяца полтора, и Динка уже почти перестала его кормить и он, голодный, стал высовываться из-под козловской веранды. Но сразу же прятался, стоило кому-нибудь приблизиться, а забраться под веранду из-за узкого лаза было невозможно. До меня только потом, через много времени дойдёт, почему Динка, чтобы оцениться, выбрала такое место, что до него невозможно было добраться, — раньше она обычно щенилась у нас под верандой, — чтобы мы никому не отдали её будущего единственного и последнего щенка. И мы не знали, что с диким щенком делать. Сторож Игорь нерегулярно кормил его, оставляя миску с едой у лаза под веранду. Потому щенок рос диким, рахитичным.

Он не привык к людям и потом, когда его всё-таки удалось извлечь из-под веранды и посадить на цепочку, при появлении людей он тут же прятался в конуре, и вытащить его оттуда можно было, только вытянув за эту цепочку. У нас и без него было три собаки, к тому же он был сучкой, и садовый сторож Игорь с моего согласия несколько раз пытался от него избавиться: несколько раз договаривался в деревне, чтобы его забрали, но каждый раз в самый последний момент, даже не увидев его, по какой-нибудь причине от щенка отказывались. Тогда Игорь затолкал его в мешок и унёс километров за пять в нижние сады, но уже на следующий день щенок вернулся. Тогда Игорь унёс его в дальние сады, уже километров за восемь, он вернулся и оттуда. Перегрыз верёвочку, на которую его там посадили. И так он упорно возвращался каждый раз, и с какого-то времени, боясь очередного подвоха, перестал кого-либо близко подпускать к себе, ночами рыскал по садовым помойкам, благо, что летом на них было чем поживиться.

Потом Динка заболела. Когда я приезжал, поздоровавшись со мной, она тут же куда-то исчезала. Она ходила с горячей головой и гноящимися глазами, плохо ела. Однажды приехав, я вообще не обнаружил её. Такое бывало и раньше, и я не очень-то беспокоился. Но она не появилась и в следующую пятницу. Тогда я пошёл по всему садовому посёлку искать её, но никто её в последнее время не видел. Я понял, что Динки больше нет. Но я не нашёл её и мёртвой. Я решил, что она ушла умирать в лес. Мне кто-то говорил, что собаки, чуя свою смерть, уходят от человека.

Но потом пришёл Султанов, наш сосед через основную посадку, и сказал, что неделю назад похоронил Динку, что, приехав посреди недели, он нашёл её мёртвой у себя на участке около заколоченного лаза под веранду, где она двенадцать лет назад родила своих двух щенков-первенцев, а я по его просьбе перенёс их к себе, как ты любила потом говорить: принёс два ведра щенков. И ещё Султанов сказал, что за два дня до этого видел тебя вместе с Динкой во сне.

Неужели он видел тебя во сне в день Динкиной смерти? Неужели Динка, любившая тебя больше всех, в том числе и больше меня, или, как все говорили, твоя собака, ушла вслед за тобой? (Потом соседи говорили, что если была бы жива ты, то обязательно бы её выходила, как выходила её раньше, щенком болевшую чумкой.) Неужели она действительно ушла вслед за тобой, как умерли вслед за тобой посаженные тобой цветы?

Даже Султанов видел тебя во сне. Почему ты ни разу не пришла во сне ко мне, в то время, когда мне то один, то другой говорят, что видели тебя во сне? Сестра и то вроде бы один раз во сне окликнула, кажется, на годовщину своей смерти. Потому, что ты меня всё-таки не простила?..

А щенок так и жил у нас по-прежнему неустроенным, бесхозным, без имени. Когда я, в очередной раз приезжая, спрашивал о нём, сторож Игорь пожимал плечами: “Никто не берёт. Может, я ещё раз его поймаю в мешок, а ты по пути в город где-нибудь его оставишь?”. Но мне после твоей смерти не хотелось брать на себя такой грех.

Но однажды сторож Игорь пришёл с предложением: “Может, мы оставим её себе? Неужели не прокормим? И Султанов вон говорит: давай вместе Динки оставим. Может, она специально для нас вместо себя оставила?”

И только тогда меня как бы стукнуло, и Игорь со мной согласился, только сейчас вдруг до нас дошло, что Динка, обычно щенившаяся под моей верандой, специально спряталась родить в недоступном для нас месте, чтобы спасти щенка от нас, неразумных, чтобы мы не смогли его отдать в деревню или даже утопить. Она уже знала, что скоро умрёт, что это её последний щенок. И она таким образом сохранила его нам, неразумным, в продолжение своего рода и в память о себе и о тебе. И специально родила сучку, чтобы она со временем тоже могла стать продолжением рода. И у нас троих стало легче на душе, что таким образом разрешился этот, казалось бы, неразрешимый вопрос. Но доверие щенка мы так и не заслужили: он подходил к миске с едой только ночью или тогда, когда мы далеко отходили.

Неужели Динка действительно знала, что этот щенок — последыш, что она умрёт вслед за тобой?..

Как не стало Динки, нас сразу обворовали: увели водяные баки из толстой нержавеющей стали, помнишь, которые в своё время я привёз с Урала со свалки оборонного завода. Ты, конечно, очень расстроилась бы, ты расстраивалась из-за всякой мелочи. А мне теперь как-то всё равно, хотя, конечно, жалко.

Щенок по-прежнему не подпускал к себе, тем более не давался в руки. Он постепенно становился кошкой Динки, только, может, чуть поменьше: такие же стоячие острые ушки, такие же внимательные рыжие глаза. Да и проявились Динкины сторожевые качества: несмотря на то, что она по-прежнему пряталась даже от своих, решительно облаивала чужих, а ночью вообще вела себя как настоящая сторожевая собака, в отличие от Дружка, который в деле охраны был лишь в помощниках у Динки, вахлак вахлаком, одинаково готовым приветить как своих, так и чужих.

Так и не выбрав для щенка имени, я стал его звать в память его матери Динкой, хоть так и не принято давать клички собакам. Ты в шутку звала умершую за тобой Динку “Дикая собака Динка” — по звуковой аналогии с дикой собакой динго, хотя Динка была самой что ни на есть домашней собакой. А теперь у нас была действительно полудикая собака Динка. Она подружилась с Дружком, который был ей старшим братом, можно было видеть, как они трогательно и нежно относятся друг к другу.

Полудикая собака Динка с некоторых пор стала осторожно подходить ко мне, брать даже пищу с руки, но сразу же отпрыгивала в сторону, стоило протянуть к ней руку при попытке погладить, и, что удивительно, когда я первый раз назвал её Динкой, она завиляла хвостом. Она согласилась с тем, что теперь это её имя. Она помнила, что так окликали её мать. Ей очень хочется приласкаться, она с завистью смотрит, как ласкается ко мне Дружок, как я глажу его. Так ей хочется приластиться, что она повизгивает, но в самый последний момент её что-то останавливает. Ей понравилась большая конура Дружка, и по утрам я её обнаруживаю там. А Дружок был вынужден

переселиться под веранду. Но погладить она так и не даётся. Хотя когда я уезжаю в город, ей так не хочется расставаться со мной, она, в отличие от Дружка, который поел и забыл меня, выбегает на дорогу и печально, как в своё время её мать, умершая Динка, смотрит мне вслед, а зимой, когда ухожу с дачи на лыжах, она на расстоянии пытается идти за мной до самой деревни, пока я не прикрикну на неё: “Домой!..”

Вчера приходил приبلудный, уже совсем старый пёс Рыжик, который каждое лето жил у нас, а на зиму, не согласный с полуголодной кормёжкой у сторожа, уходил на одну из соседних турбаз, как ты говорила, на заработки, где спал, скорее всего, в котельной, потому как по весне всегда приходил чёрный, в угольной пыли, с мокрым пузом, видимо, где-то по пути перебирался через талые ручьи...

С трудом грызёт кости. Ныл, скулил, убедившись, что тебя нет, на другой день ушёл.

Нет тебя... Кажется, это чувствуют даже деревья. Твои грядки быстро заросли травой, словно их и не было. Так бывает и с ушедшим человеком, только ты никогда не уйдёшь из моей воспалённой памяти...

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

...ДО ВРЕМЕНИ ГРОЗ

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В ХИМКАХ, 2022 ГОД

Война выбирала нас...
А. Долгарева

Здесь всё — всерьёз, и всё так странно:
Блестит алмаз, блестит слюда...
Зачем же Долгарева Анна
С войны приехала сюда?

Не напоказной девой томной,
Не отзвуком чужих страниц...
И крутит нервно локон тёмный
Одна из “трудных” учениц.

Её словарь — он скуп, не скуден:
Донбасс в нём выше, чем Парнас.
И каждый — спрошен. И — подсуден:
Не Аня смотрит мимо нас

И говорит, слова чеканя, —
Война, тревожна и чутка.

НЕСТРУГИН Александр Гаврилович родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Стихи и эссе публиковались во многих литературных изданиях России и зарубежья. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии им. В. Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии “Имперская культура” им. Э. Володина (2008), международного литературного конкурса им. А. Платонова “Умное сердце” (2012). Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

...А этот локон — не чека ли?
Хоть бред, но я черкну: “Чека!”

И что-то я ещё помечу,
Томим неясною виной...
Как страшно этой трудной речи
Средь говорливых нас — одной!

И отзовется ль век далёкий,
Вуальный, бальный, золотой,
Когда его окликнет локон, —
Как взрыв, на палец навитой?

* * *

Ноябрь, да не рад я такому прибытку!
Зачем подарил мне гусиную нитку?
Лишь сердцу докука, ни славы, ни денег:
Гусиная нитка, куда её денешь?
Она и не знает о прихотях женских —
И нижег лишь тучи, всё тучи, не жемчуг!
Дрожит паутина над стынущим садом,
А эта — лишь тянешься, тянешься взглядом...
И что ей, сквозящей, земная потреба?
Её не отнимешь и взглядом у неба!
Её не отнимешь, её не разделишь;
А если отнимешь, куда её вденешь?
Ведь нет у заботы, мне очи слезящей,
Иголки такой же — знобящей, сквозящей!
На русском просторе, на русской дороге
Хоть жизнь положи, ни в копёшке, ни в стоге
Иголки не сыщешь такой ни единой.
...Ну, разве что — слева, вот тут, за грудиной...

* * *

Пора, когда вода светлеет,
Кувшинки, выстилая дно,
Тоской зелёною болеют
По лету; но ушло оно.

Никто не рад его уходу,
Вот разве только мысль одна:
Что это высветило воду —
И ту, утекшую, — до дна...

* * *

Долго ли ждать нам до времени гроз?
Поздно наступит тепло или рано?
Ты выдаёшь свой погодный прогноз,
Просто читая погоду с экрана.

Мой же прогноз от науки далёк,
Но и с таким мне надёжно живётся.
Как заиграл у купальни малёк,
Значит, и лето вот-вот отзовется.

Это не блажь ли (и сам не скажу) —
Жизни течение метить мальками?
...Долго стою на мостках, всё гляжу:
Может, мелькнут? Ведь вчера же мелькали...

ПОХВАЛА

Игорю Плахтюкову

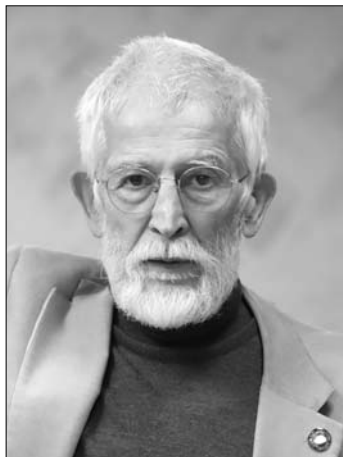
Мне с похвалою, как с виной:
Всё холодит и всё не тает...
Пиши недуг мой — со строчной,
Он на заглавную не тянет.

Я просто местный рифмоплёт,
Что стать не смог Вийоном местным.
Меня нежёванным глотнёт
Молва — комком овсянки пресным!

Не пил, не дрался, не влипал
В дерьмо, не парился на зоне...
Стишки кропал. Червей копал —
Как все, за фермою в назёме.

Я слышал небеса? Да ну...
Лишь то, как время утекает...
И колокольчик на Дону
И ночь, и сердце окликает.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ I. ПЫШКА

Звери тоже люди, только говорят на своём языке и ходят на четырёх ногах!

Дерсу Узала

ЛАВИНА

Из промороженной глубины хребтов на долину надвигалась буря. Деревья зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяные. Ветер, задирая юбки елей, сбрасывал снег, завывал голодным зверем в сухих душлистых стволах. Тайга грозно зарокотала. Даже старый кряжистый кедр заскрипел узловатыми суставами. Не выдержав очередного яростного натиска, подкреплённого мощным снежным зарядом, он затрещал и со стоном стал крениться к земле. Пытаясь устоять, судорожно цеплялся ветвями за обступавшую его молодёжь. Но кто удержит такую махину? Круша всё на своём пути, старец с горестным стоном рухнул на пухлую перину и затих, наполовину утонув в ней.

ЗИГАНШИН Камиль Фарухинович родился в 1950 году в селе Кандры Башкирской АССР. Окончил Горьковский политехнический институт, работал инженером по радиосвязи в объединении "Башнефть". В 1988 году возглавил Службу связи Министерства бытового обслуживания населения БАССР. В том же году в журнале "Уральский следопыт" вышла его первая повесть "Щедрый Буге". С этого времени одна за другой начинают выходить его книги. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области литературы и многих других литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Уфе.

Много ветровалов и гроз пережил лесной великан и вот распластался с надломленной вершиной у ног молодых собратьев. Не успела снежная пыль осесть, как из бурелома вынырнул и покатился к скалам похожий на маленького медвежонка мохнатый, пышный шар — росомаха. Пышка. Ночная охота не задалась. Пробежав до утра, она так и не встретила ни одного свежего следа, не выловила в струях ветра ни единого запаха. А грянувшая непогода делала продолжение поисков и вовсе бессмысленными.

Росомаха спешила к логову, устроенному в расщелине скалы, между каменных плит, неподалёку от горного ключа: пора было кормить детёнышей. На прогалине её чуткий нос уловил соблазнительный аромат рябчика.

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпархивавших из соседних спален рябчиков. Через несколько минут от курочки осталась лишь кучка перьев. Случайный завтрак так взбодрил росомаху, что она с удовольствием несколько раз перекувыркнулась на бегу через голову.

Вот и приметная расщелина. Тут тихо: отвесные стены надёжно ограждают от снежной круговерти. Раскидав широкой лапой нападавший перед лазом снег, Пышка проползла по длинному каналу в логово и, призывно урча, легла на тощую подстилку из подуистлевших листьев и мелких веток. Она устала и только в первые минуты чувствовала, как заелозили по её животу, лихорадочно работая лапками, оголодавшие малыши. Когда они, наконец, припали к соскам, её окатила волна блаженства, и она задремала...

Проснувшись, Пышка осторожно освободилась от зарывшейся в густую материнскую шубу ребятни и выбралась из логова. Жмурясь от слепящего света, росомаха осмотрелась. Белая лента речушки в лучах солнца искрилась мириадами крохотных бриллиантов. Тайгу после бури было не узнать. Повсюду валялись обломки веток; во впадинках и ямках желтели груды непонятно откуда взявшихся сухих листьев.

Над головой протрещала, здороваясь, сойка. По извилистому руслу тянулась вверх по течению строчка из округлых следов длинноногого самца рыси. Росомаха вспомнила, как она, ещё брюхатая, отняла вместе со своим косматым кавалером у этого кота зайца. Поначалу крапчатый сосед грозно шипел и щерился, но стоило её угрюмому спутнику обдать его мускусной струёй, как тот, морщась от едкой, перехватывающей дыхание вони, отскочил и, делая вид, что вовсе и не голоден, удалился.

Но сегодня иная ситуация: Косматый уже неделю как пропал. Теперь она охотится и смотрит за детёнышами одна. Интуиция подсказывала, что в исчезновении супруга повинны прямоходящие с Большой реки — оттуда несколько раз доносился несущий смерть гром. Пышка однажды даже видела, как с помощью такого грома люди издали остановили громадного лося.

Может, пойти за крапчатым? Вдруг опять что-нибудь перепадёт. За скальным прижимом след рыси свернул в круто взлетающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, как сзади раздался непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, ломая как спички деревья, снежный вал.

— Мальши!!!

Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже накрыл долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится её логово. Росомаха забегала по бугристой мешанине, пытаясь уловить запах или услышать писк детёнышей. Единственное, что удалось ей вынюхать и раскопать, работая не только когтистыми лапами, но и зубами — это измочаленного зайца.

К утру были сломаны и впрессованные в снег камни и сучья несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но больше она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило её быстрое в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровотокающие лапы, Пышка оглядела снежную мешанину, покрытую оспинами вырытых

ям. Где-то под этой толщей её малыши! Глаза росوماхи наполнились тоской: она понимала — их уже не спасти. Тем не менее, всё ещё надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полужасыпанные скалы, и, ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

От нервного потрясения росوماха бездумно шла и шла, наращивая скорость, словно куда-то опаздывала. Широкие, покрытые жёстким волосом лапы были идеальными снегоступами. Молочные соски распирало от прибывающего молока. Эти болезненные ощущения продолжались ещё пару дней, пока молоко, наконец, “не перегорело”.

Крутые склоны очередного ущелья сходились всё тесней и тесней. Соединившись, в конце концов, они вывели росوماху на водораздельный гребень. Ветер срывал с него снежную пыль. Искрясь на солнце, она тянулась в воздухе полупрозрачным шлейфом. Перед Пышкой открылась широкая лесистая падь, упирающаяся в смазанные дымкой хребты. Самый ближний, изрезанный мазками каменистых обнажений и осыпей, выделялся массивной, похожей на гигантскую нахохлившуюся куропатку горой.

Местность малознакомая, но тёмные, посеребрённые снегом склоны, витиеватые змейки речушек, торчащие там и сям скалы напомнили ей прежний участок. Пышка понеслась равномерными махами вниз, взбивая снег и наслаждаясь скоростью.

Впереди с дерева посыпалась снежная кухта. Росوماха остановилась. Всё в ней замерло, кроме глаз, прощупывающих кроны. Ах, вон оно что — в ветвях мелькали белочки в тёмно-серых шубках с чёрными пушистыми хвостами. Хищница стала наблюдать за весёлой компанией в надежде, что кто-нибудь спустится на снег. Проворные зверьки долго и беспорядочно носились по ветвям кедра, играя друг с другом.

Но вот они, наконец, прервали беготню и, закинув на спину хвосты, разбежались по кудрявым вершинам с темнеющими кое-где пучками шишек и принялись деловито шелушить их. Расправившись с одной, принимались за следующую шишку. На снегу валялось множество голых стерженьков и ещё больше чешуек. Неугомонные хлопотуны и не думали спускаться. Временами они поворачивались друг к другу и начинали “беседовать”: звонко цокали, цвиркали.

Разочарованная Пышка побежала к речке. Под обрывистым берегом, на быстротечье, густо парила полынья. Подойдя к дрожащей от напора воды закраине, стала всматриваться в прозрачную черноту. Заметив тёмную спинку хариуса, напряжинилась и, как спринтер на старте, подалась вперёд. Молниеносное движение когтистой пятерни, и хариус с веерообразным спинным плавником, сияющим всеми цветами радуги, забился на снегу. Отталкиваясь хвостом, он чуть было не соскользнул обратно в полынью: росوماха едва успела накрыть его лапой...

Подкрепившись, она продолжила рыбалку. Однако стайка была уже насто-роже, и Пышке удалось выхватить ещё лишь одну беспечную рыбёшку. Хрумкая её, боковым зрением засекала промелькнувшего на белом фоне тёмного, с длинным туловищем, зверя. Повернула голову: “А! Выдра! Это неинтересно”.

“Родственница” подбежала ныряющими прыжками к противоположному краю полыньи и бесшумно соскользнула в воду. Пышка же продолжила знакомство с новым участком. На пологом склоне она наткнулась на непрерывно тянущуюся парную борозду. Росوماха знала, что такие следы оставляют только люди, и они таят опасность, но поскольку бежать по ним значительно легче, она перескочила на лыжню.

ЕРМИЛ

Дед Ермил неторопко обходил на окамусованных* лыжах Дальний путь**. Как и подобает промысловнику, одет он был легко, тепло и удобно: ничего не висит, ничего не задевает. На ногах — кожаные олочи, похожие на

* Камус — шкура с голени северных оленей, лосей, маралов, изюбрей, лошадей, приклеиваемая к поверхности лыж, чтобы они не проскальзывали обратно при подъёме в гору.

** Путик — охотничья тропа, на которой устанавливаются капканы и ловушки. Обычно имеет форму замкнутого овала.

лапти, сшитые из прочной шкуры сохатого. Поверх штанин — суконная “труба”, привязанная полосками сыромятины к поясному ремню. Куртка — обрезаемая солдатская шинель. Сзади трусила на поводке рыжеватая лайка.

Охотник то и дело с грустью поглядывал из-под седых, сурово сдвинутых бровей на забрызганный солнцем лес, сопки, распадки, безлесый купол горы, которую в деревне из-за не тающей даже летом снежной шапки, именовали Сахарной головой. Через неделю закончится промысловый сезон, и он покинет эти места до осени. А может, и навсегда: как-никак разменял восьмой десяток.

Из-за болей в спине и прострелов в левую ногу он в эту зиму большую часть сезона провалялся в зимушке. Порой было так худо, что за дровами на карачках выползал. Оттого и пушнины кот наплакал: четыре соболя и две норки — харчи не окупишь.

Одно утешало старого промысловика: на лабазе почти сотня тушек беляков. Слава богу, зайцев нынче прорва. (Лето выдалось благоприятным, и во всех трёх помётах большинство зайчат выжило.) Снег вокруг иных поваленных осин — заячьих столовых — до того истоптан, что по нему можно было шагать, не проваливаясь. Старик, ставя петли на тропах и сбегках, каждый день по два-четыре беляка снимал. Ружьишко пускал в дело лишь тогда, когда сами набегали.

Доставшийся от отца участок он за пятьдесят с гаком лет исходил вдоль и поперёк. Здесь ему знакомо каждое дерево и каждый камень. Сызмальства повадился: как выдастся свободный день, так с отцом в тайгу. Такова уж натура. А что поделаешь с природой-то? На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах жилухи, а даже наоборот, отдаваясь всем сердцем во власть древнейшей страсти — охоте, забывал и о жене, и о доме.

— Эх! Было времечко, по сорок вёрст за день по целине хаживал, ещё капканы успевал ставить! Как же я буду без этих сопок, распадков, ручьёв?! — сокрушался Ермил Фёдорович.

От грустных раздумий его отвлекла большая синица. Радуюсь первому теплу, пичуга неутомимо звенела серебряным колокольчиком. Её поддерживали бойкой трескотнёй белобокие сиплетницы-сороки. Эти звуки отвлекли старика от невесёлых дум.

— Чего это они сказать пытаются?

И тут же получил ответ — лыжно пересекли свежие собольи следы.

Чтобы Динка не порушила их, Ермил не стал отпускать её с поводка.

“А соболь-то бывалый — следы путает мастерски!”

Вот он спрыгнул с ели на снег, нарыскал, напетлял, прошёлся по бурелому, сдвоил следы, сделал полутораметровый прыжок на пень, с него — на кучу хвороста, затем взобрался на берёзу и ушёл верхом, перемахивая с ветки на ветку.

Теперь только по осыпавшейся хвое да мелким сухим веточкам можно было определить направление его хода. На свежей пороше эти посорки были хорошо заметны. Вскоре следы опять вернулись на лыжню. Между стволов мелькнула и тут же исчезла в ложбине коричневатая шубка. Промысловик мгновенно превратился в зрение и слух: “Неужто нагнал?! Да крупный какой!”

Из-за взгорка показалась “прыгающая” вверх-вниз тёмная спина, и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

— Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса — шлея, дугой окаймляющая тёмно-коричневое поле спины.

— Вот это удача! — возликовал, забыв даже про соболя, старик.

Ещё бы! Мех росомахи обладает чрезвычайно полезным для шапок таёжников качеством — на нём не оседает иней от дыхания. Последний раз Ермил Фёдорович встречал следы росомахи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегдаем: иные охотники за сезон до трёх брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут — живьём!

— Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловик и в самом деле выпала большая удача — увидеть росомуху так близко мало кому удаётся: острый слух вкупе с тонким обонянием помогают этому зверю избегать нежелательных встреч с человеком.

* * *

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной. Более длинные задние ноги делали её фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь заставила её поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заметалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего рыжего пса. Понимая, что двуногий с тускло блестящей палкой опасней, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскочить и хватануть её за ляжку, но тут же, отчаянно запричитав, закрутилась на снегу будто юла. А росомаха побежала ровным галопом, почти не проваливаясь, дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

— Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка сходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, подняла визг. Вроде как заплакала от обиды и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскочила. Тошнотворная струя мускусной железы угодила ей прямо в морду: бедная собака на некоторое время потеряла зрение и нюх. Пышка же тем временем исчезла в чаще.

— Вот бестия! — ругнулся расстроенный Ермил, — Умеет постоять за себя.

От Динки, хотя она без конца тёрлась о снег и стволы деревьев, ещё несколько дней воняло так, что промысловик перестал впускать её в избушку. Чтобы верная помощница не мёрзла, охотник постелил на дно пихтовой конуры оленью шкуру. Переживал, ведь когда его прихватывала болезнь, она приносила для него из своих драгоценных запасов косточки и, положив на нары, подталкивала поближе — мол, угощайся, погрызи. После чего, устроившись рядом, жалеючи урчала.

* * *

Сняв с путиков кашканы и рассторожив все кулёмки*, пасти** и прочие самоловы, старик сложил на лёгкую волокушу мешочек с добытой пушной, провиант в дорогу и пяток тушек замороженных зайцев (остальных сын позже вывезет). Из зимовья, наполовину засыпанного снегом, вышел задолго до рассвета. До деревни было тридцать два километра, и Ермил, не смотря на хромоту, рассчитывал одолеть их дотемна.

* Кулёмка — ловушка для пушных зверьков. Представляет собой загородку из вертикально вбитых в землю деревянных колышков. Перед входом — давок из двух брусьев с приманкой на сторожке.

** Пасть — самоопадная давящая ловушка на крупного зверя.

Сойдя на лёд, он обернулся. Воронка растаявшего снега вокруг железной, в бурой окалине, печной трубы, поленница свеженарубленных дров да разбегаящиеся в разные стороны, плотно накатанные путики подтверждали то, что здесь обитал человек. Но не пройдёт и пары недель, как метели занесут все эти следы-знаки, и зимовьё примет нежилой вид.

Схваченный утренним морозом и прибитый ветрами снежный покров хорошо держал и волокушу, и человека. Под камусом в такт шагам поскрипывал снег. Попутный ветер не только с шипением гнал колочие кристаллы снега вдоль русла, но и заметно подбавлял скорости путнику. Шлось так ходко, что Ермил уже к полудню оказался у высоченной, обугленной сосны, расщеплённой ударом молнии почти до комля. В этом месте был сворот на тропу, идущую поперёк узкого лесистого отрога. Её прорубил ещё отец, дабы срезать дорогу к селу. Дело в том, что река через два километра упирается в скалистый, изъеденный промоинами прижим и, круто загибаясь, возвращается обратно, только уже с другой стороны отрога. Посему отцова перемышка заметно укорачивала дорогу в село.

Когда охотник подъезжал с волокушей к берегу, он увидел у парящей промоины силуэт, похожий на чёрную каплю. Пригляделся. Так это ж опять она — росомаха! Ермил узнал её по необычайно пышному, почти круглому хвосту. Дед ухмыльнулся в бороду: “Ну, голубушка, не обессудь! Сама напрашиваешься на шапку!” Подав крутившейся сзади Динке знак “лежать!”, снял с плеча ружьё.

“Для верного выстрела далековато, но ежели подходить ближе — может заметить”, — прикинул он. Вставив патрон с картечью, поймал в прорез прищела убойное место. Выровняв мушку, плавно потянул спусковой крючок.

Пышка от раскатистого грома и резкого удара в основание хвоста взвилась так высоко, что чуть не угодила в промоину. Крутанувшись в воздухе, она в три маха взлетела на берег и исчезла в чаще столь быстро, что зверобой успел сделать вдогонку всего один выстрел.

Не дожидаясь, когда рассеется сизое облако дыма, Ермил бросился в погоню. Съезжая на речку, врезался в присыпанный снегом торос. Носок одной лыжины с треском переломился. Ехать стало невозможно. Охваченный охотничьим азартом, старик скинул лыжи и продолжил погоню. По льду пробежал легко, но в лесу местами стал проваливаться по самый пах. Уже через метров двадцать выдохся окончательно и встал: месить рассыпчатую “крунку” у старика не было сил.

Он ещё раз оглядел следы беглянки. По размашистым прыжкам и редким алым каплям на снегу понял: росомаха ранена, но легко.

— Без лыж не догнать!.. Даст Бог, выживет... Эх, осрамился... Да уж, прежде-то не знал промаху, — бурчал себе под нос расстроенный промысловик, возвращаясь к речке. Вытесав топориком гибкую берёзовую плашку, прибил тонкими гвоздиками сломанный носок и пошёл в село. Но и в дороге никак не мог успокоиться:

— В кои веки росомаха сама в руки шла, а я прошляпил. Трухлявый пень! На печку пора! — бранился он, нервно теребя разлохмаченную ветром бороду.

Пышка тем временем поднялась на одну из вершин водораздельной гряды и легла на снег. Прислушалась. Погони нет. Можно перевести дух и попытаться избавиться от перебитого у основания хвоста: при каждом прыжке он обжигал острой болью.

Свернувшись в клубок, росомаха в несколько приёмов перекусила полоску шкуры и измочаленные сухожилия. Когда она поднялась, её гордость и краса — пушистый хвост, остался лежать на снегу. Пышке было странно и непривычно видеть его отдельно от себя.

Вылизав шершавым языком рану, она долго чистила испачканную шерсть и “умывала” морду лапами. Приведя шубу в порядок, скрылась в таёжных дебрях. Росомаха хорошо запомнила лицо бородача, умеющего громом разящей палки пребывать хвост, и его рыжего зевластого сообщника.

Через несколько дней Пышка решила пройти по следам двуногого: не вернулся ли он. Шла осторожно, в стороне от парной колеи. Подойдя

к логову, устроенному из сложенных друг на друга почерневших стволов, с шапкой снега сверху, убедилась, что её обидчик больше не появлялся.

Успокоенная росوماха возвращалась на свой участок напрямик, по длинному распадку. Его дно было густо усеяно белчьиими следами-четвёрками. На рассыпчатом снегу они представляли собой ряд нечётких ямок. Отпечатки совсем “тёпленькие”, даже запах не выветрился. А вон и белый фонтанчик забил: белка шишку откапывает. Выверенный прыжок — и ужин обеспечен.

Теперь можно и отдохнуть. Промаяв в снежной перине удобное ложе, Пышка свернулась в клубок. Хотела было по привычке прикрыть морду пыльным хвостом, но ноющая боль в его основании напомнила, что его нет.

ВЕСНА ИДЁТ

Всё имеет начало и конец. Выстуженная и прореженная морозами тайга легко и свободно пропускала сквозь прозрачные кроны берёз и лысые ветви лиственниц тёплые волны оживающего светила. Прогретье шишечки сосен и елей оттопыривали чешуйки, и из кармашков вовсю стали выпадать спелые семена. Вращаясь вокруг оси, они разносились ветром далеко от материнских деревьев.

Капель с каждым днём набирала силу. К вечеру, когда заметно холодало, не успевшие сорваться капли замирали на сосульках, удлинняя их изо дня в день. Сам снежный покров потемнел, потяжелел, стал зернистым; ребристые надувы и пузатые сугробы осели. Небо, раздвигаясь и поднимаясь всё выше и выше, приобрело хрустальную чистоту.

Возбуждённые глухари в предвкушении скорых смотрин, надменно выпятив чёрную с зеленовато-синим отливом грудь, прохаживались на редицах. Опуская коричневатопепельные крылья, они то и дело чертили на снегу упругими маховыми перьями любовные послания застенчивым капалухам.

Солнце уже хорошо прогревало южные склоны, и на обнажающихся участках щетинкой пробилась молодая трава. Между трухлявых валёжков появились сморщенные, будто от старости, гномики — строчки и сморчки — первые грибы. На оголившуюся макушку муравейника вылез муравей-разведчик. Ползая по разворошённой кровле, он оценивал ущерб и прикидывал, чем в первую очередь следует заняться после пробуждения рабочих муравьёв.

Пышка, выбрав место с хорошим обзором, обычно днём подолгу дремала на подсохших проплевинах, а в сумерках отправлялась на северные, всё ещё заснеженные склоны, поближе к горным пикам. Именно там охота была удачливей: на южных ей почему-то попадались одни ежи. Увидев росوماху, они натягивали на лоб колючий капюшон и осторожно выглядывали из-под него: ждали, что будет дальше. Стоило ей сделать шаг, начинали угрожающе пыхтеть, слегка подсакивать, пытаясь уколоть иглами. После того, как одна из этих игл обломилась, застряв в мочке носа, Пышка к этим зверушкам не приближалась, даже если была сильно голодна.

Лишь только муравейники ожили, Пышка в самый солнцепёк шла к ближайшему, чтобы удовлетворить потребность в кислой пище. В это время на прогретые макушки выбиралось почти всё его население. Подойдя, клала на кучу мохнатые лапы. Отважные муравьишки, суматошно бегая, густо облепляли их и обстреливали сотнями едких струек. Их не смущало то, что враг в тысячи раз крупнее и сильнее. Как только нос Пышки начинало щипать от запаха муравьиной кислоты, она слизывала шевелящуюся массу и, тщательно разжевав, проглатывала. Затем набирала новую порцию. Навевшись, уходила, а бедные труженики, не ведая усталости, приступали к ремонту жилища.

* * *

Прошёл год.

И вновь зазвенели от талой воды распадки. Речка вспучилась, взломала ледяные оковы и вырвалась на простор. Загрохотали перемальываемые в узких

горловинах льдины. В тайге появились одиночные комары. Почему-то большие и лохматые. Они мрачно гудели над головой росомахи, норovia усесться на нос. Вылезли из подземных каморок, прикрытых старыми листьями и прошлогодней травой, шмели. Оглядевшись, они с гулом разлетались собирать нектар с первоцветов.

Лишь обозначалась заря на востоке, как тетерева, отравившие перед брачными турнирами мясистые красные брови, зашпешили на зарастающие гари и моховые болота. Собравшись на проталинах, обрамлѐнных посеребрившими холстинами уцелевшего снега, косачи в строгих чѐрных фраках с красиво загнутыми фалдами начинали, раскинув крылья, время от времени подпрыгивать и воинственно “чуфыркать” — издавать далеко слышное шипение, похожее на “чуфышши”, гортанно бормотать, булькать.

Этими полными страсти звуками, разносившимися в холодном, влажном воздухе, петухи вызывали соперников на турнир. Когда такой храбрец объявлялся, бойцы, до предела налив кровью брови и распушив вытянутые шеи, начинали демонстрировать сидящим на деревьях рыжеватым курочкам свою удаль — набычившись, топтались, надувались, гневно бубнили. Иные от избытка кипящей страсти взрывались чѐрным сполохом трепещущих крыльев и взмывали вертикальной свечой вверх. Каждый стремился доказать сидящим вокруг тетѐркам, что именно он самый достойный кавалер.

По завершении ритуала курочки улетали с выбранным партнёром к месту, которое было заранее облюбовано ими для строительства гнезда. Там, вдали от посторонних глаз, совершался праздник любви.

Пышка уже хорошо изучила свой участок. Больше всего её радовал царящий здесь покой. Парные следы двуногих встречались лишь на самом краю её владений, за лесистой грядой — как раз там, где она когда-то лишилась хвоста. Оттуда с осени, когда ложился снег, нередко доносились выстрелы, и Пышка долгое время избегала тех мест. Но однажды, преследуя табунок оленей, всё же забежала и даже дважды пересекла следы двуногого. Задавив оленуху, росомаха больше недели провела возле неё. За всё это время Пышку никто не потревожил. И она стала заходить на эту территорию без какого страха.

А сегодня ближе к закату Пышка отправилась к горбатой гряде: днём там стреляли. Идя навстречу ветру, она уловила в налѐтных струях аромат крови.

Ведомая струйкой с каждым шагом густеющего запаха, Пышка вышла на истоптанную лесную полянку. На побуревшей от крови земле лежала неряшливым комом требуха, голова и раздвоенные копыта оленя. Едва росомаха приступила к трапезе, как кусты зашевелились и выбежали, тоже привлечѐнные запахом крови, волки-разведчики.

Подав сигнал стае “всем сюда”, они, разойдясь полукружьем, устрашающе клацая зубами, стали подступать к росомахе. Но она давно усвоила, что в таких случаях главное — вести себя уверенно и смущать противника взглядом в упор. Вон и вожак со своей свитой появились. Хвосты, приподнятые до уровня спины и немного изогнутые в средней части, выдавали их агрессивный настрой. В отличие от собак, хвосты у волков всегда опущены.

Матѐрый, увидев Пышку, тяжело вздохнул: “Опять эта вонючка!”

Он хорошо помнил, каким нестерпимым смрадом она обдала его осенью, когда они с волчицей попытались отнять у неё добычу. Волк, грозно сверкнув глазами, глухо зарычал было, но по его обмякшему хвосту Пышка поняла, что серый не собирается драться. Коротким ворчанием она поприветствовала вожака. Тот в ответ примирительно улыбнулся и издал вполне дружелюбный рык. (Мимика у волков настолько красноречива, что все эмоции легко “читаются”.)

Некоторое время никто не двигался. Смотреть друг на друга долго в этой ситуации было бестактным, и звери то и дело отводили глаза в сторону. Наконец, вожак, судорожно сглотнув слюну, отошёл и лёг на жухлую траву. Его примеру последовали остальные. Наевшись, Пышка взяла в зубы недоеденную печень (знала, что после серых ничего не останется), и, сопя от сытости, удалилась. Все остались довольны друг другом.

Небогатая на звуки “речь” зверей, дополненная языком телодвижений и нервных импульсов, весьма выразительна. Там, где человек тратит много слов, зверю достаточно одного взгляда или позы. Так, поджатый хвост, чуть сгорбленный хребет, опущенная голова свидетельствуют о признании превосходства противника. Но особенно хорошо звери чувствуют друг друга именно по взгляду. В нём они могут прочесть всё. И если в глазах промелькнёт скрытое коварство, зверя уже не обманешь дружелюбным помахиванием хвоста. Самое хорошее взаимопонимание наблюдается у представителей конкурирующих видов. Оно и понятно — это помогает им избегать конфликтных ситуаций. По жизненно важным вопросам звери, как правило, идут на компромисс.

Росомахи — животные всеядные. Зимой в меню, конечно, преобладает мясо, как свежедобытое, так и павших зверей. При этом предпочтение отдаётся боровой птице: куропаткам, рябчикам, а если повезёт, то и глухаря задавят. Пышка тоже обожала дичь и особенно успешно добывала её из снежных спален*.

Сегодня же она решила поохотиться у солончака, что в изголовье распадка. Захотелось добычи покрупнее. Обильно сочащаяся оттуда охристого цвета влага, стекая ко дну рыжими струйками, покрывала почву белёсой коркой соли. Она была густо истоптана копытами и вылизана до ямок оленьими языками.

Дождавшись, когда к земле потянулись последние лучи и таёжную чащу наполнил мягкий свет тлеющего заката, Пышка побежала к солончаку по хорошо набитой тропке. Свежие вмятины от копытца козули* и кабарги вселяли надежду на успех. Ждать в засаде пришлось недолго. Лишь стемнело, послышался характерный перестук.

Готовясь к прыжку, росомаха, дабы блеск глаз не выдал её, прикрыла веки. Когда оленуха, не успевшая полностью сменить зимнюю пепельно-серого цвета шерсть на рыжеватую летнюю, оказалась напротив, Пышка увидела, что та не одна — за ней бежал тонконогий оленёнок. У росомахи дрогнуло сердце. Она предупредительно уркнула и отвернулась. Косуля настороженно покосилась на хищницу и, самоотверженно загораживая собой детёныша, прошмыгнула мимо...

* * *

Наконец истлели последние сугробы. Снежные забои сохранялись лишь в тенистых ложбинках. Ветер старательно разносил по тайге прельные запахи прошлогодних трав и ошмётки спрессованных листьев. Готовясь к лету, наша героиня активно меняла роскошную зимнюю шубу на летнюю. Из-за торчащих во все стороны остатков длинной шерсти и выпадающего пуха она выглядела теперь неряшливо. Но не одна Пышка утратила привлекательность. Вон и белки из холёных красавиц превратились в тощих доходяг, а их шикарные хвосты стали похожи на истрёпанные плётки.

Талая вода схлынула, и желтовато-мутная река, войдя в берега, текла, гоня подвижные воронки по поверхности. Пышка бродила по пойме и осматривала мелкие лужи в надежде поживиться рыбой. Заметив колебания спинных плавников, заходила в воду и, загребая когтистой лапой, выкидывала вёртку, серебристую рыбёшку на берег. Однако эта мелочь только распаляла аппетит.

Тем временем на галечную косу, заваленную плавником, вышла тощая медведица. За ней плелись три довольно упитанных медвежонка. Мамаша направилась к воронам, галдящим на многоярусном завале: по характеру крика чёрных кумушек она поняла, что там будет чем поживиться. Подойдя поближе, медведица раскатала стволы и достала из-под них погибшую в паводок лису и подозвала медвежат. Двое из них, не желая делиться, стали

* Боровые птицы (рябчики, куропатки, тетерева, глухари) зимой спят под снегом.

** Косуль в некоторых регионах Сибири называют козулями либо дикими козами.

с угрожающими воплями таращить глазёнки, толкаться, рычать, да так яростно, что ни один не мог приступить к еде.

Пока драчуны мерились силой, третий медвежонок спокойно хрумкал предложенное матерью угощение. Когда забияки прекратили бузу, от лисы осталась половина. Медведица же всё это время, не обращая внимания на отпрысков, грызла лосиный рог — бесценный источник минеральных солей. Когда детвора покончила с лисой, мамаша увела потомство в лес.

Как только семейка скрылась, Пышка подошла к месту медвежьей трапезы. От земли исходил запах чуть подтухшего мяса, но вокруг ничего, кроме клочков шерсти и пярщих в прохладном воздухе кучек медвежьего помёта, не наша.

Но росомаха не унывала. Поскакала дальше: где-нибудь и ей повезёт. Точно — вон матёрый беляк на молодой травке кормится. Пышка под прикрытием поваленной лесины подкралась почти вплотную. Косой, поняв, что бежать поздно, не растерялся: опрокинулся на спину и, выставив когтистые лапы, замахал ими часто-часто. Налётчица отпрыгнула: не хотелось морду под когти подставлять. Заяц тем временем вскочил и отбежал на безопасное расстояние. Эх! Опять неудача!

Тщательно процеживая носом воздух, а он у росомах чует в лесу намного дальше, чем видят глаза, Пышка выхватила, наконец, аппетитный запах. Читая на ходу всё более густеющие воздушные послания и рассматривая встречавшиеся следы, она шаг за шагом восстанавливала картину недавней трагедии.

Вот тут косули, а следом и серый перебежали через ключ. Волк долго гнал одну из них по тропе. А вон из тех кустов уже сильно пахнет кровью. Точно! Тут он её и зарезал. Волк здоровый: добычу не по земле волок, а закинул на спину. Куда же он унёс её? Пышка принохалась. Запашистые струйки тянулись из кедрача.

Росомаха прильнула к траве и пошла, осторожно переставляя полусогнутые лапы: вдруг серый ещё там. “Сколько мяса, сколько мяса!” — подстрекательски трещала с осины сорока. Вот и выходной след. Совсем свежий. Стало быть, ушёл. По всей видимости, попить после обильной трапезы. Надо поторапливаться!..

Увидев росомаху, терзающую его добычу, волк пришёл в бешенство и с ходу атаковал воровку. Но та не ступевалась: обнажив желтоватые клыки, с медвежьим рёвом сама ринулась навстречу. Серый оторопел от такой наглости и едва увернулся от просвистевшей перед мордой когтистой пятерни. Росомаха, сделав сальто через голову, всё же сумела полоснуть его брюхо длинными когтями снизу.

На отчаянные вопли товарища примчалась ещё пара волков. Они решили проучить нахалку. Поодиночке серые не рисковали связываться с росомахой: пониженная болевая чувствительность и хорошая реакция позволяли той драться отчаянно и с невероятным упорством. А сообща был шанс преподать дерзкой вонючке отменную трёпку. Но и тут у них ничего не вышло — росомаха взобралась на дерево и, не проявляя ни малейшего признака беспокойства, дождалась, пока стае надоест караулить её.

ВЕРХИ. ОТЕЦ СЕРГИЙ

Село Верхи вытянулось тремя улицами по берегу озера, занимающего большую часть межгорной котловины. В центре села площадь. На ней с одной стороны стояло двухэтажное здание, с другой — школа с пришкольным участком. Основали Верхи при Екатерине Великой казаки и крестьяне, бежавшие сюда от расправы после подавления пугачёвского бунта. Топкие мари и дремучие леса, окружающие обширный, отдельно стоящий горный массив, надёжно ограждали беглый люд от царских властей. Сейчас с большим село связывала семидесятикилометровая лесовозная дорога, по-змеиному вихляющая по сосновым гривам и марям. До середины девяностых годов XX века здесь наряду с госпромхозом был крупный леспромхоз. Могучие

“Уралы” и “КрАЗы” за год вывозили по зимнику до миллиона кубометров первосортной древесины.

В то время в посёлке действовали школа-десятилетка, клуб с инструментальным ансамблем и художественной самодеятельностью, почта, два магазина. Но пришли иные времена, и леспромхоз как-то незаметно умер: вывозить многометровые хлысты мачтового леса стало невыгодно, а пригодная для сплава речка текла, минуя жилые края, прямо к студёному морю-океану. Клуб закрыли. Вместо трёхсот дворов осталось полторы сотни. Слава богу, что школу сохранили, правда, стала она восьмилеткой. Госпромхоз пока держался. И мужики продолжали, как испокон веку в тутошних краях, промышлять пушнину, бить на мясо зверя, ловить, вялить рыбу, подсаживать смолу у вековых сосен, вываривать пихтовое масло.

Связь с миром поддерживала автолавка. Два раза в месяц из города приезжал на вездеходе ГАЗ-66 экспедитор Семён Львович, лысоватый, рыхлый мужчина неопределённого возраста. За не сходящую с округлого лица услужливую улыбку селяне прозвали его Подковой.

Приезда автолавки все, особенно дети, ждали, как праздника. К обеду собирались у единственного двухэтажного, рубленного из лиственницы здания — бывшей конторы леспромхоза.

Помимо ховодого товара, Семён Львович доставлял почту, газеты, пенсию, солярку для дизельной электростанции. А в город увозил ягоды, кедровые орехи, сушёные грибы, пихтовое масло. Зимой их сменяли мороженое мясо и дичь, в основном рябчики, куропатки, а также масло и творог.

Оставшись без работы, народ перешёл на самообеспечение. Селяне стали сажать больше картошки, капусты, держать скотину, коз на шерсть; всё лето и осень заготавливали дары тайги. Кто не ленился — жил в достатке. Особенно выгодно оказалось собирать на продажу клюкву и бруснику: не портится и цена хорошая. Некоторые семьи за сезон до полутонны сдавали.

Подкова приторговывал и водкой, но на общем сходе ввели на её продажу запрет. Случилось это после того, как бывшие лесорубы, отмечая в конце зимы пятидесятилетие своего бригадира Игната, перешившись, стали выяснять отношения. Вальщик Герасим вспомнил, что Игнат когда-то лишил его премии за поломку мотопилы “Дружба”. Слово за слово, словесная перепалка переросла в драку. Рассвирепевший Герасим схватил стоявший у печи топор и профессиональным ударом развалил череп обидчика. Придя домой, всю ночь пил, дико орал. Жена с детьми, опасаясь за жизнь, убежали к свекрови. То ли от курева, то ли от упавшей свечки рубленный из смолистого кедра дом Герасима под утро полыхнул. Жар внутри был такой, что когда догтели последние угли, то и костей не нашли — один пепел. Не знали, что и хоронить. Слава богу, ветра не было, а то и вся улица выгорела бы. Эта трагедия потрясла селян: “Дожили! Куда катимся?!”

Собравшиеся на пепелище бабы голосили:

— Двух таких орлов ни за что ни про что потеряли! Две семьи враз осиротели!

— Допраздничались!

Валентина, жена зарубленного Игната, чуть ли не на каждого мужика кидалась:

— Кто теперь моих пацанов поднимать будет?! Вы?! Пропойцы проклятые!

Тогда и порешили: “Больше водку в село не завозить!”

Приехавший через неделю Подкова попытался втихаря продавать, но случайно увидевшая это Валентина пришла в бешенство и ястребом накинулась на Семёна Львовича:

— Ещё раз привезёшь, оболью твою колымагу бензином и спалю!

Подкова до того перепугался, что на её глазах вылил две поллитровки и побоялся соблюсти решение схода.

Ещё бы! Доход с каждой поездки и без спиртного почти в два раза превышал расходы: за иные дары леса магазины и рестораны платили ему в три раза больше, чем он селянам.

Более того, после введения сухого закона он уговорил охотоведа Степа-

на Ермиловича, уже второй год исполнявшего и обязанности директора госпромхоза, закрепить за ним примыкающий к дороге на Верхи большой, почти в триста квадратных километров промысловый участок. Местные охотники из-за удалённости давно забросили его. Для Подковы же он был очень удобен — так и так каждый раз проезжал мимо, да и горы там были не такие крутые.

* * *

В селе на взгорке стояла обветшавшая церковь, построенная в середине XIX века. Во времена леспромхоза её использовали в качестве склада и за зданием худо-бедно следили. А когда леспромхоз закрыли, она быстро пришла в запустение.

Весной, накануне Страстной недели, бабке Екатерине приснился сгоревший сын Герасим. Был он весь в чёрном: “Матушка, неприятно мне здесь, помолись за меня. Испроси у Господа искушения греха моего смертного”. Женщина проснулась. Обливаясь слезами, она бухнулась на колени и до утра молилась перед образами. А подоив и выгнав в стадо корову, пошла к подругам. Рассказала про сон. Обсудив его, они сговорились перед Пасхой в чистый четверг прибраться в церковь и помолиться там вместе.

Целый день дотемна выгребали хлам, мыли пол, вытирали с сохранившихся росписей на стене пыль. На следующий день стали готовиться к Пасхе. Одна принесла Псалтырь в кожаном переплёте, другая — икону Казанской Божьей Матери, Библию. Развесили вышитые полотенца, застелили стол скатертью для яиц и куличей.

Старославянский толком никто не знал, но всё же пытались читать пописаному, улавливая музыку молитвы сердцем.

После одного из таких совместных молений сваха Екатерины, бабка Люба, села на крыльцо, и счастливая улыбка озарила её лицо:

— Ой, девочки! Как здесь хорошо. И не уходила б никуда. Вот кто объяснит: молось, молось дома, всё одно страшно жить. А сюда прихожу, и будто кто силы вселяет. И думаю: “С Божьей помощью как-нибудь поставим с Катей мальцов на ноги”.

— Да и мне уходить отсель не хочется. Тут даже дышится легче.

— А что? Давайте каждое воскресенье собираться. Глядишь, ещё кто сподобится, присоединится.

Долгое время они так и ходили то втроём, то впятером. Их так и прозвали — церковницы.

Однажды вместе с Подковой в село приехал священник и предложил крестить желающих полным погружением. И желающие нашлись. С той поры кое-кто и из мужиков стал заглядывать. А учитель истории так с сыновьями. Мягкому и молчаливому старшему Сергею, любившему рисовать в уединении, царящая в церкви атмосфера до того пришлась по душе, что иногда приходил и один. Стоял, подолгу рассматривая лики. После окончания школы он поступил в медучилище на фельдшерское отделение.

Приезжая домой на каникулы, Сергей с раннего утра до захода солнца пропадал в церкви. Смастерил и поставил у входа две лавочки, побелил свободные от росписей стены, отреставрировал вместе с друзьями крышу. Окончив училище, он, уже работая на “скорой помощи”, поступил в семинарию. Это никого не удивило.

Ближе к окончанию учёбы тётка Елена, взявшая на себя обязанности церковного старосты, отправилась в епархию с письмом от сельсовета с просьбой направить парня после рукоположения в сан в Верхи. Епископ Филарет благословил. Так и образовался полноценный приход, а заодно Верхи получили сельского доктора.

Через год с небольшим отец Сергей обвенчался с одноклассницей, тихой работающей девушкой Ириной.

С Божьего благословения и при финансовой помощи пожертвователей, в основном выходцев из села, живущих в городе, селяне приобрели несколько икон и три колокола. Мастер — золотые руки Николай Николаевич Пуля

в благодарность за то, что отец Сергей легко и без осложнений удалил мучавший его двое суток аппендицит, вырезал за зиму Царские врата и оклад для иконостаса. Женщины с энтузиазмом учились пению на клиросе. Вскоре у них сложился такой замечательный хор, что приехавшие из епархии на освящение колоколов и Царских врат представители духовенства во главе с епископом не могли скрыть восхищения.

Помимо служб, отец Сергей каждое воскресенье после причастия читал проповеди. И такие они были мудрые и проникновенные, так брали за душу, что послушать их стало собираться чуть ли не полсела. Люди приходили не только послушать наставления, но и заодно обсудить свои болячки, испросить нужного лекарства.

* * *

По окончании Петрова поста отец Сергей отправился на речку Ворчалку порыбачить: завтра день рождения матушки, а она у него большая любительница рыбных блюд.

День был ясный, тихий. Поляна, поросшая травой и полевыми цветами, звенела от стрёкота кузнечиков. Впереди как-то странно летал орёл. Он то пикировал вниз, то вновь взмывал вверх.

За кем-то охотится, — сообразил батюшка и прибавил шаг. Взойдя на бугор, увидел мчащегося по поляне зайца. Расчётливыми прыжками вбок он каждый раз уклонялся от грозного преследователя. Орёл тут же взмывал, а косой возобновлял бег. И когда стервятник, падая сверху, вновь выпускал крючковые когти, делал резкий бросок в сторону, правда, с каждым разом всё короче.

— Эх! Заматывает! — сокрушённо вздохнул отец Сергей.

Но вот беглец достиг пихтача и, бросив победный взгляд на пикирующую птицу, скрылся под зелёными лапами.

— Ай да молодец! — похвалил священник.

С остановками на пробные забросы он дошёл до верхних порогов, у которых обычно брал не меньше дюжины радужных хариусов. Но сегодня не было ни одной поклёвки. Батюшка расстроился до крайней степени. Ещё бы! Чем же он порадует матушку?

Поднялся выше, к Ямам. И там ничего. Речка словно вымерла. Даже кругов на воде не видно. Лишь не осевшая муть в следах барсука. Тот, видимо, охотился за лягушками и в азарте несколько раз заскакивал в воду. На влажном берегу отчётливо видны отпечатки его лап. Похожие на медвежьи, только поменьше размером: пятипалая ступня с венчиком от когтей.

Отец Сергей прошёл ещё пару километров, закидывая наживку на быструю, но безрезультатно. Только тут он заметил, что солнечный диск уже завис в проёме между гор. Поняв, что дотемна домой не успеть, батюшка расположился на ночлег прямо на берегу. Скромный ужин состоял из молитвы, двух картофелин, пары сухарей, пластинки сала и чая из листьев смородины с чагой. Этот берёзовый гриб придавал напитку не только красивый кирпичный цвет, но и вкус свежести, аромат леса.

Разбудили батюшку хлопки тугих крыльев. Не поднимая головы, он открыл глаза: сквозь прорезанный восходящим солнцем туман разглядел на беломраморных берёзах стаю тетеревов. Перелетая с ветки на ветку, они кормились листьями.

Полюбовавшись на краснобровых с лирообразными хвостами косачей, священник собрал в кучку потухшие головёшки и запалил костер. Выпив две кружки бодрящего чая, поспешил домой. Чтобы укоротить путь, пошёл, срезая извивы русла, напрямик.

Кедровка, перелетая зигзагами, скрипуче выкрикивала: “Тревога! Тревога!” Не жалея себя, она предупреждала обитателей леса о появлении самого страшного для них зверя. Откуда ей было знать, что этот человек ни разу ни в кого не выстрелил.

Однажды, ещё в седьмом классе, друг уговорил его пойти на охоту. Кто-то из взрослых подстрелил косулю. После короткой конвульсии она затихла, а из глаз, смотрящих, как казалось Сергею, с немым укором, выкатилась слеза. Ошеломлённый подросток при этом ощутил такую боль, словно свинцовая пуля угодила не в оленя, а в его сердце. С тех пор Сергей возненавидел охоту. Но в тайге бывать любил. Она заряжала, настраивала на светлые мысли, вызывала восхищение своей бесконечной и непостижимой красотой. Возвращался он из таких прогулок наполненный любовью и радостью.

С пологой седловины до отца Сергея донёлся непонятный звук: как будто кто-то скрёбся и урчал внутри пустой бочки. Свернув с перевитой мускулистыми корнями вековых кедров звериной тропы, он увидел между обомшелых глыб чернеющий провал. Подошёл ближе — на дне глубокой ямы метался какой-то зверь. Когда глаза немного пообвыкли, разглядел молодого медведя. Тот стоял на задних лапах, вытянув передние вверх, и смотрел маленькими чёрными глазками с явно выраженной мольбой о помощи.

— Да уж, не повезло тебе! Погоди, что-нибудь придумаю, — участливо произнёс батюшка.

Косолапый перестал метаться и сосредоточенно вслушивался. Отец Сергей свалил стоящую неподалёку сухостоину. Толстый конец подтащил к провалу и стал опускать в яму. Это вызвало у пленника неожиданную реакцию: он зарычал и, с яростью набросившись на приближающуюся лесину, принялся с остервенением раздирать кору, кусать ствол. Священник опешил. Он понимал, что, спасая такого непредсказуемого зверя, сильно рискует, но не оставлять же живую тварь на верную смерть.

После нескольких злобных атак пленник сообразил, что лесина ему ничем не грозит. Покрутившись ещё немного вокруг неё, он обхватил её лапами и полез вверх. Выскочив из ямы, Пышка, а это была она, отбежала на несколько метров и, глянув на своего спасителя, благодарно уркнула. После чего, прыгивая, скрылась в чаще. Увидев у зверя на боку широкую, рыжеватого цвета полосу, отец Сергей понял, что это росомаха, только почему-то бесхвостая.

Хоть и не привлекает это животное народная молва, батюшка радовался тому, что Провидение вчера так далеко увело его от дома.

— Расскажу матушке, вот радости-то для неё будет! — подумал он.

Перекрестив вдогонку убежавшую росомаху, священник ещё какое-то время постоял с улыбкой на устах.

СУШЬ. БЕСКОРМИЦА

За два месяца нещадно палящего солнца земля так иссохла, что даже вся трава пожухла. Местами она вообще исчезла, как будто спряталась от зноя. За всё это время на выбеленном небосводе не появилось ни облачка. Изредка налетавший ветерок не ослаблял жары. Речка превратилась в длинную галечную ленту. Лишь кое-где среди камней сочились вялые струйки.

Умолкли птицы. Одни стрекозы неподвижно висели в полуденном мареве, да звенели на высохших стеблях неугомонные кузнечики. Разогретые солнцем кедровые ветви источали густой смоляной дух. А над куртинами болотного багульника стоял такой дурман, что человека, попавшего в их невысокие заросли, вскоре начинал одолевать сон. Задержись на такой полянке — так и останешься на ней навеки.

Зато исчезли комары и гнус. Правда, на смену им появились кровососы похлеще: тучи слепней и оводов. Но эти атаковали только днём, и с наступлением сумерек можно было передохнуть.

Пышка спасалась от жары на дне тесного ущелья, заваленного обломками скал. Поскольку солнце заглядывало в него мимоходом, всего на пару часов, не больше, здесь всегда царил полумрак и прохлада. Росомаха выбиралась из этого природного холодильника лишь для того, чтобы утолить голод. К сожалению, вылазки всё чаще оказывались безрезультатными: изнывающая от зноя и безводья тайга почти опустела. И до засухи живности в этот год

было меньше обычного. Зимой небывалые морозы и затяжные снегопады основательно подкосили численность животных и птиц. Боровую же дичь добил случившийся ранней весной обильный дождь. Следом, как это часто бывает в этих краях, ударил мороз, закупоривший большую часть ночевавшей в снегу птицы. Пережившие зиму олени откочевали на восток. Рыба, предчувствуя засуху, скатилась в Большую реку.

У Пышки, правда, было два праздника для желудка. Первый — весной, когда начал таять снег. Росомахи по своей природе санитары: не брезгают ни падалью, ни мясом с душком. И когда стали вытаивать туши погибших в зимнюю бескормицу зверей — оленей и более мелких животных — Пышка каждый день ела до отвала. Понимая, что подобное изобилие не вечно, она часть падали разнесла по “кладовым”. Чтобы мясо дольше сохранялось, устраивала их в тенистых низких местах.

Второй такой праздник случился, когда с юга полетели к северным гнездовьям утки. Они шумными стаями садились ночевать на мелководные заводи. Порой пернатых было так много, что над водой стон стоял. Вот уж попировала тогда росомаха! Ловила просто: ночью сталкивала в воду кусок коряги и, спрятавшись за ней, незаметно подплывала к дремавшим птицам. Оказавшись рядом, хватала ту, что поближе. Но никто из пернатых так и не остался в этих краях, не свил гнезда, — наверное, тоже чуяли надвигающуюся сушь. Пышку какое-то время выручали сделанные весной запасы. Когда они кончились, росомаха, рыская по тайге, обнаружила в яме под речным прижимом плескавшуюся рыбёшку. Но её хватило всего на три дня.

Пышка поняла, что из этой пустыни пора уходить. Подчиняясь внутреннему голосу, она направилась к синееющему вдали острозубому хребту, за которым каждый вечер пряталось раскалённое светило.

Перевальной седловины достигла за два перехода. С неё открылась обнадёживающая картина. В отличие от оставшейся за спиной иссушенной, выжженной солнцем тайги, здесь всё зеленело, на полянках колыхалось на ветру густое разнотравье, цвели ромашки, иван-чай. Хрустальный перезвон воды, текущей под камнями, вплетался в пение лесных птиц. Пышка повеселела — дожди не обошли эти места.

По дну тенистой ложбины росомаха спустилась к роднику, бегущему на север. Жажда так измучила её, что она пила и пила без остановки, словно боялась, что вода исчезнет. Напившись, продолжила путь не сразу. Переведя дух, ещё раз два приложились. Только после этого пошла по берегу бойко лопотавшего ключа. Торопливо сбегая по дну ущелья, он собирал дань с каждой ложбинки и как-то незаметно окреп до размеров речушки.

Решив, что пора отдохнуть, Пышка прилегла на траву рядом с вытекавшим из распадка ручейком. В месте его впадения в речку образовалась небольшая заводь. На дне угадывался в кутерьме ярких солнечных бликов массивный топляк. Приглядевшись, Пышка различила колышущиеся по его бокам плавники. Неужели таймень? Выступающий из воды краешек хвоста подтвердил: точно, он! Да какой крупный!

Лениво пошевеливаясь, “северный крокодил” охлаждался в родниковой воде. Но, как вскоре выяснилось, затаился он тут неспроста.

На берег опустилась стайка куропаток и принялась склёвывать мелкие камешки. Вдруг вода вспучилась — из неё вылетела зубастая пасть. Схватив зазевавшуюся птицу, она тут же исчезла в воде. Куропатки дружно перелетели на соседнюю излучину и как ни в чём не бывало продолжили прерванное занятие. Вскоре одна из них перекочевала в желудок Пышки.

Сытая росомаха весело поскакала по берегу речки дальше. Под вечер лесистые склоны раздвинулись, и показалась гладь озера. Слева в него обрывались высокие гранитные кручи с зелёными островками кедрового стланика. Справа подпирал пологий берег, заросший плотно стоящими елями.

Скалы и деревья, отражаясь в зеркале озера, казались опрокинутыми в него — до того тиха была вода, неподвижен и ясен воздух. Золотистые блики солнечной дорожки делили водоём на две части. Нет-нет, да и плещёт кое-где рыба. В устье речушки табунились, касаясь спинными плавниками поверхности воды, ленки. Росомаха облизнулась, но их было не достать.

На противоположном берегу виднелось несколько надломленных ветром столбиков. Приглядевшись, Пышка сообразила, что это дым, и поднимается он из таких же, как у лишившего её хвоста двуногого, построек, только большего размера. И было их там много. По открытой воде оттуда доносились крики птиц, бляение коз, густое и протяжные мычание, напоминающее рёв сохатых.

“Вот где можно пожить! — обрадовалась росомаха и поспешила на разведку. В низменном чернолесье наткнулась на пахучие метки сородича. Вон и отпечатки его лап. Самец! Крупный! — Неплохо бы познакомиться*”, — мелькнуло в голове Пышки. Но она не стала отвлекаться и продолжила путь.

Логова двуногих уже были хорошо видны. Первый ряд вытянулся вдоль берега, остальные, разделённые широкими тропами, проходили в отдалении. Возле каждого большого строения были ещё и поменьше. И все они огорожены тонкими сухостоинами.

Росомаха взобралась на разлапистую сосну и стала наблюдать за крайним, самым ближним к ней двором.

Возле небольших построек прохаживались утки, копошились похожие на капылху куры. За оградой паслись козы.

— Как много еды! — радовалась, предвкушая добычу, Пышка. По двору сновали двуногие, правда, без разящих громом палок. Бегали собаки: белые, чёрные, рыжеватые и пегие, с закрученными в кольцо хвостами.

Наконец, солнце послало последний луч света и скрылось за обугленными зубцами. Сумеречная мгла незаметно заполняла, растворяла всё вокруг. Когда совсем стемнело, монотонно зарокотал какой-то, похоже, очень большой, зверь. Из проёмов построек полился золотистый свет. Но больше всего росомаху изумили ярко вспыхнувшие на макушках высоких “сухостоин” маленькие солнышки. Когда рокот прекратился, они погасли, и всё погрузилось во тьму. Дождавшись полной тишины, Пышка, вглядываясь в чёрные силуэты построек, опасливо прокралась к ограде, переплетённой цепкими, шершавыми плетями хмеля. Среди доносившихся со двора запахов свежего навоза, душистого сена, псины один показался ей особенно знакомым. Так пахло от двуногого, который своей огнебойной палкой лишил её хвоста. Пышка вспоминала его с неприязнью всякий раз, когда надо было укрыть нос от кровососов.

Это встревожило росомаху. Она замерла в нерешительности, но близость богатой поживы приглушила страх. Найдя в перевитой плетями хмеля ограде удобную лазейку, Пышка осторожно протиснулась в неё и оказалась... у собачьей конуры. Чутко дремавшая Динка высунула голову. Кольнув росомаху острым взглядом, собака признала зловредную вонючку, но атаковать не решилась, ограничилась оглушительным лаем. Её тут же поддержали соседские псы. Заливистый гвалт волной покотился по селу. Росомаха тоже опознала старую знакомку: это её зимой она обрызгала струёй мускуса.

В человечесем логове тем временем затеплился огонёк. Пышка, юркнув обратно, поспешила под защиту леса. Она была не столько испугана, сколько расстроена постигшей её неудачей. Но вскоре эти чувства сменились злостью: сначала её лишили хвоста, а теперь испортили охоту. Остаток ночи росомаха провела на мысу, острым клювом уткнувшемся в озеро. Вытянувшись на щербатой плите, ещё хранящей дневное тепло, она раздражённо прислушивалась, как перебрёхиваются и подвывают встревоженные псы. Чем дольше слушала, тем сильнее крепло желание досадить обидчикам.

Когда солнце позолотило морщинистую кору вековых кедров и заставило свечами вспыхнуть стволы берёз, Пышка вернулась на свой наблюдательный пункт и весь день терпеливо следила за происходящим в селении. Самцы двуногих по большей части сидели у ограды, самки же на реке мыли разноцветные шкуры, другие на поле колотили палками вокруг зелёных, пышных кустиков. Колотили так, что поднималась пыль. Одни детёныши

---

* Брачный сезон у росомех, как и у соболей, растянут с мая по август, но максимальная интенсивность спаривания приходится на июль. Потомство же, благодаря паузе в развитии эмбрионов, рождается в феврале-марте.

двуногих копошились на куче с песком, другие с визгом и криками гонялись друг за другом.

Вон и белоголовый обидчик вышел из своего логова. Пройдя мимо построек к заросшему невысокой травой холмику, он скрылся. Появился уже с чем-то красноватым в руках. Сколько ни напрягала зрение росомаха, она никак не могла разобрать, что это. Подсказку принёс ветер.

“Ого! Мясо! — Пышка судорожно сглотнула обильную слюну. — Оказывается, двуногие тоже устраивают схороны в земле! Ну что ж, ночью наведаться!” — “улыбнулась” росомаха.

Человек скрылся в логове, но ненадолго. Вскоре он вынес миску и поставил её перед конурой. Рыжая псина с жадностью набросилась на еду. Белоголовый, походив по двору, вышел за ограду и сел на сухое бревно под берёзой. Засунул в рот белую трубочку, стал время от времени выпускать изо рта клубы дыма.

Пышка была поражена: “У этого двуногого даже маленькая трубочка изрыгает дым и огонь! С ним надо быть поосторожнее”.

Ночью, когда стихла вялая собачья перебранка, росомаха спустилась на землю и прокралась при дрожащем свете звёзд к холмику на поляне. Ей не терпелось добраться до мяса. Обойдя схорон вокруг, нашла спуск. Он вёл к обитой шкурой двери. Сквозь узенькую щёлочку сочился будоражащий аромат. У Пышки внутри всё затрепетало. Она была готова на любой подвиг, лишь бы проникнуть в скрытый за дверью мясной склад. Осторожно спустившись по трём дощатым ступенькам, хищница толкнула дверь. Та не поддалась. Навалилась плечом — и это не помогло. Как быть?

Запустив в щель когти, росомаха потянула дверь на себя. Она чуть поддалась, но дальше не пускала железка с загнутым “кловом”. Росомаха осторожно дотронулась до неё. Убедившись, что та не опасна, потихоньку, чтобы не разбудить собаку, стала толкать её во все стороны. В какой-то момент железка вышла из скобы и безвольно повисла.

Щель сразу расширилась. В образовавшийся проём на Пышку хлынула такая густая волна заячьего духа, что у неё перехватило дыхание. Зверь был вне себя от счастья — за дверью оказалось столько мяса, что будущее представилось в самом радужном свете...

ГРАБЕЖИ

Царил полдень — знойный, тихий. Погружённый в маревую дымку лес как будто колыхался. На скамейке у ворот, под ажурной тенью берёзы, сидел, небрежно зажав между двух пальцев самокрутку, дед Ермил. Лоб и заросшие колючей щетиной щёки блестели от пота, словно намазанные салом. Изывая от жары, он то и дело отирал рукавом рубахи выступающий бисер пота и отмахивался от налетающих слешней.

Попыхивая дымом сквозь густые, прокопчённые до желтизны усы, старик поглядывал то на копошившихся в пыли куриц, то на осанистого петуха, то на щиплющих траву ослепительно белых гусей, то на пробегавшую с гиканьем ребятню. От всего этого в душе Ермила Фёдоровича царило умиротворение, которое враз разрушило приближающееся причитание:

— Господи, за что ж така напасть!? Убыток-то какой!

Калитка распахнулась: к нему семеняла разгневанная старуха.

— Скока можно дымить! Ты почто дверку в ледник не затворил? Уж всё запотело и отмякло.

Старик недовольно вскинул глухаринные брови:

— Чё расшумелась! Лишь бы ругаться. Не был я сёдня там!.. Сама небось не заперла... Докурю, гляну...

Спустившись по ступенькам в ледник, он сразу почувствовал, что в нём и впрямь заметно потеплело. Запалил свечку. Когда глаза привыкли к полумраку, оглядел запасы. У дальнего края за дощаной стенкой лежала вперемежку со льдом нарубленная кусками лосятина — сын дал, ближе к двери возвышалась гора набитых зимой тушек зайцев. Только вот презент,

прикрывавший их для лучшего сохранения холода, почему-то лежал на проходе. Подняв его, промысловик увидел погрызенную заячью голову. Самой тушки не было.

— Вот это да тебе! Кто ж так похозяйничал? — Выразительно выругавшись, старик вышел и накинул на ушко крючок, а для верности подпёр дверь ещё колом.

Утром, выгнав корову в стадо, он заторопился к леднику. Все запоры на месте, следов на росной траве нет. Вот и славно!

В следующие два дня дед не выходил из дома: ноги опять отказали. Беспokoясь за припасы, он отправил к леднику старуху. Там всё было в порядке. На третий, как только полегчало, поковылял к леднику сам. Его взору предстала картина возмутительного по наглости набега: дверь снизу прогрызена, на земле желтели щепки, кусочки древесины, а заячьих тушек явно поубавилось. По мускусному запаху было ясно, что тут похозяйничала росомаха.

— Уу-у, паскуда! — загудел Ермил Фёдорович, потрясая костлявым кулаком. — Ну погоди, мы тоже не лыком шиты! Посмотрим, кто кого!

Исторгая все известные ему мудрёные русские изречения, он принёс из сарая двухпружинный капкан с цепочкой и потаском на конце. Спустившись к двери, заткнул пучком сена дыру, а капкан установил в выкопанную перед ней ямку и слегка притрусил травой.

Росомаха повторила набег лишь на четвёртый день. В этот раз погром был ещё более внушительным: дверь прогрызена теперь с другого края и из дыры идёт тошнотворный запах. Распахнув дверь, он увидел на заиндевевших заячьих тушках несколько расплывшихся желто-коричневых пятен. Ермил от ярости заскрежетал остатками зубов.

— Да что же она прицепилась ко мне? Неужто та, что зимой ранил? Надо Динку тута привязать. И как это я раньше не смикитил? Эх, старость не радость!

Но лишь только он подвёл собаку к леднику, она, жалобно скуля, стала что было сил упираться. Вырвавшись, убежала и не появлялась во дворе до следующего дня.

Проклиная всё на свете, старик зашагал прямо через огороды к дому младшего сына — Степана, работавшего в госпромхозе охотоведом. Пospел в самый раз: тот, сидя на нижней ступеньке высокого крыльца, натягивал кирзовые сапоги. При этом уворачивался от поджарого, белой масти кобеля с чёрными “сапожками” на лапах, пытавшегося лизнуть его лицо. Когда псу это удалось, загнутый кренделем хвост от восторга заходил ходуном.

Степан потрeпал загривок Мавра с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Ястребиный нос, густая, чёрная с едва наметившейся сединой борода и усы придавали его лицу угрюмое выражение. Взгляд зеленатовых глаз из-под нависших косматых, точь-в-точь как у отца, бровей был насторожённым и цепким. Степан был до того высок, что в иные избы ему приходилось входить пригнувшись.

— Доброго здоровья, сынок. Дело есть! — Ермил зачем-то помял мясистый, с красными прожилками нос и продолжил: — В общем, так: росомаха повадилась зайцев таскать из мово ледника. А ноне вообще всё мясо испоганила. Така вонь — дышать не можно! Без мяса оставила! Подсоби изловить али пристрелить воровку. Хитрющая зараза, ничего не боится! Запор поставил — дверь прогрызла. Капкан насторожил — обошла.

— Да-а, батя! Не повезло тебе. Признавайся, где ей насолил?

— Да было дело... Ранил в конце сезона одну.

— Вот она и сводит счёты.

— Так тем паче изловить надо.

— Ладно, поймаем твою обидчицу. У меня как раз с прошлого года заявка на живootлов росомахи лежит. Вот из города с семинара вернусь и займусь...

Отец недовольно закрихтел, сдвинул ершистые брови:

— Япона мать! Так она ж к тому времени не токмо припасы, но и всех курей покончает, а бабка — меня. Коль страх потеряла, скока

ещё напакостит... Знаешь же, росوماхи на башку отмороженные, хуже медведя. Отец сказывал, что как-то собака ему склад росомаший нашла. Сорок куропаток насчитал... И эта не успокоится, покамест не перетаскает всё.

— Извини, батя, но по-другому никак. Семинар важный, по новому учёту — не поехать не могу. А чтоб кур не трогала — не запирай ледник. Мясо всё одно порчено.

Ермил в сердцах затоптал брошенный окурок и, не попрощавшись, ушёл.

ОХОТА

Получилось так, что на летний учёт зверей собрались только через две недели.

Осторожно, чтобы не разбудить своих женщин, Степан пробрался на кухню. Выпил вприкуску с хлебом простокваши. Снял со стены ружьё. Отработанным движением приложил его к плечу и, прижавшись правой щекой к ложу, мгновенно поймал мушку.

Хотя в лесу Степан всегда больше всего ценил не добычу, а возможность понаблюдать за жизнью её обитателей, почувствовать себя среди них своим. Окончив школу, он не колебался в выборе профессии — поступил учиться на охотоведа.

Подхватив приготовленный рюкзак, вышел во двор.

— Чего, брат, грустишь?! Вставай, в тайгу идём.

Остромордая лайка недоверчиво приподняла голову. Увидев на плече хозяина ружьё, преобразилась: глаза загорелись, закрученный в кольцо хвост заплясал из стороны в сторону. Теперь уже Мавр поторапливал: поскуливая и нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу, подталкивал Степана к калитке.

Заря едва подсветила восточный край неба, а промысловики уже собрались возле бревенчатой конторы госпромхоза. Выходить на летний учёт зверя и дичи следовало затемно: появится солнышко — и следы на росной траве исчезнут.

Мужики курили и оживлённо обсуждали самый наболевший вопрос: будет дождь или нет? Наметившаяся с вечера облачность давала какую-то надежду.

Недовольные затянувшимся ожиданием собаки грызлись между собой. Особенно старался чёрный кобель Михаила Макаровича — одного из старейших штатных охотников. Правое разорванное пополам ухо драчуна свисало к надбровью, а второе высоко торчало. Это придавало его морде обманчиво-добродушное выражение. Оно-то и сбивало всех с толку. Когда он начинал чересчур буйствовать, Макарыч одёргивал: “Уймись, Тайфун! Кому говорю! Уймись!” Тот в ответ подбегал и с виноватым видом тёрся о голенища сапог. Вторая лайка Макарыча, гордая своими шароварами и закрученным в полтора кольца хвостом, в грызне не участвовала — держалась особняком.

Самого Михаила Макаровича селяне зачастую величали Поддубным. Природа скроила этого человека по особому заказу: широкая грудь, кряжистый торс, узловатые руки, бычья шея.

На учёт вышло семь бригад. Каждая должна пройти по три маршрута и отметить на карточках обнаруженные следы и места визуальных встреч с животными, боровой птицей. Степан, кроме Макарыча, взял в свою бригаду прибывшего на практику долговязого студента Васю, голубоглазого, по-мальчишески нескладного паренька с огненно-рыжими вихрами.

* * *

Похожие на взгорбленных медвежат росوماхи бежали, приныривая, вверх по долине ручья. Судя по размерам, самец с самкой.

Увидев людей, они проворно скрылись.

— Подождём. Если сразу гнать, могут бежать весь день, — тормознул спутников охотовед.

— Странно, что их две... Ты про одну говорил, — обернулся к Степану Макарыч.

— Так гон начался. Вот и спарились. Когда вдвоём, они не так чутки. Потому нас и зевнули. Похоже, пришлые, из-за хребта — там нынче сушь небывалая.

— Как это я сразу не сообразил, — подсадовал промысловик. — Слушай, Степан, мне показалось или нет? Одна, кажись, без хвоста.

— Точно, без хвоста! А я подумал: поджала что ли?

— А разве росوماхи без хвостов бывают? — удивился студент.

— Всякое бывает. Есть же люди без ноги или без руки, — откликнулся охотовед. — Могла в драке потерять. Для этого зверя авторитетов нет. Прёт, как танк: или победит, или погибнет. Одна может у стаи волков добычу отнять.

— Нам на лекции говорили, что росوماха страшно прожорлива. С латыни её название так и переводится — обжора!

— Ну, как сказать, — замялся Степан. — На мой взгляд, это утверждение неверно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть больше четырёх килограммов. Так про росوماху говорят, скорее всего, потому, что она большую часть добычи сразу же растаскивает по схоронам. А названий у неё много. У норвежцев — горный кот, у финнов — обитатель скал, у шведов — отважная. Вот и решай — кто же она на самом деле.

Охотовед подвёл Мавра к месту, где скрылась парочка, и приказал:

— След!

Пёс старательно всё обнюхал и молча понёсся в чашу. Собаки Макарыча бросились вдогонку.

— Студент, слушай лай, — прокричал на бегу охотовед, — Его характер о многом говорит. Умная собака, когда нагонит зверя, лает сначала негромко и редко, чтобы не напугать его и в то же время привлечь внимание хозяина. Когда хозяин подходит, лай становится громким, азартным и злобным, — объяснял практиканту Степан.

Вскоре донеслось позывистое подвывание с нотками охотничьей страсти. Учётчики, привычно лавируя между деревьев, бросились изо всех сил на голос: знали, что медлить нельзя — когтистая и вёрткая росوماха способна серьёзно покалечить собак.

Загнанных в бурелом зверей псы облаивали, давясь от ярости. Вдруг все трое с визгом отпрянули. Это угрюмый кавалер Пышки, задрав хвост, выпустил в собак жёлто-коричневую струю. Псы от едкого, нестерпимого смрада принялись, жалобно скуля, тереться мордами о траву. Больше всех досталось Мавру: часть жидкости угодила ему прямо в нос.

Вонючки же, пользуясь моментом, скрылись. Собаки, чувствуя вину, прятали от стыда глаза, заискивающе виляли хвостами, но по следу пошли только после окрика.

Весь день, изнемогая от духоты, они мотали звероловов по буреломному лесу. Сами измучились — дышали надсадно, словно запалённые жеребцы, и хозяев утомили. Возьмут след, пробегут сто-двести метров и теряют.

— Ш-штов вас волки съели! — сердился Макарыч.

— Чего зря ругаешься. Росوماхи же им нюх попортили, — вступился за собак Степан.

Не забывая об основной работе, учётчики на ходу обозначали карандашом на плане в карточках встречавшихся зверей и дичь. Кого-то обнаружили визуально, кого-то определили по следу, кого-то по свежему помёту. Чаще всего появлялись пометки “рябчик”, “заяц”.

— Медвежки задиры! Степан Ермилович, смотрите! Медвежки задиры! — восторженно завопил Вася, показывая на разодранную когтями сверху вниз кору пихты с потёками смолы.

— Хвало! Приметливый! — похлопал его по плечу охотовед. — Только не надо так шуметь: зверь пугается. В нашем деле главное выдержка... Глянь, а на этом стволе задиры ещё выше. Представляешь, какой громила тут ходит!

Под вечер сплошь облепленные репейниками собаки уверенно вывели охотников на галечную излучину, но тут опять скололись со следа и растерянно забегали по прогретым за день камешкам. Сделав несколько кругов, каждый шире предыдущего, лайки, вывалив языки, встали. Мавр вообще был близок к отчаянию: тошнотворный запах росомашьей струи заглушал все прочие. Собакам Макарыч тоже повсюду чудился запах росомах.

— Эх вы, пустобрёхи! Облапошили вас росомахи! — подтрунивал Степан.

— За речкой озеро с островом, вокруг зыбуны. Место крепкое, скорей всего, туда и умотали, — предположил Макарыч.

— С утраца проверим, а сейчас ночёвку пора ладить.

— Степан, может, ко мне — тут недалече. Версты две, не боле, — предложил бывалый промысловик.

— А что? Хорошая идея! Пошли.

БЕСЕДЫ

Наполовину вросшая в землю избёнка с почерневшими венцами и односкатной, с широким напуском, крышей стояла на краю елани, зажатой между лесистым отрогом и бойким клочком. У южной стены — поленица крупно наколотых дров. Одна из тропок сбегала мимо неохватных сосен прямо к каменистому ложу ручья. Когда подходили к зимовью, с берёзы слетела парочка рябчиков. Спланировав в разные стороны, они задорно засвистели.

— Узнали, сорванцы! Всю зиму подкармливаю. С ними хорошо! Вон как чисто трельку выводят! — потеплевшим голосом пробасил Макарыч.

Дверь в избушку была открыта настежь и подпёрта колом: для проветривания. Внутри сумрачно и прохладно. Углы тонули в полумраке. Маленькое подслеповатое оконце едва освещало стол и прокопчённые за многие годы венцы. С обеих сторон стола — нары из толстых деревянных плах, застеленных лосиными, уже изрядно потёртыми шкурами. Слева — железная печь. Вдоль стен — полки с посудой, мотками верёвок, правилки. Под потолком — перекладина для сушки одежды, на крючках — мешочки с крупой, сухарями.

Чтобы не нарушать царящей здесь прохлады, ужин готовили на костре. Горячие струи воздуха, поднимающиеся от него, мерно покачивали тёмные ветви обступавших деревьев. Уставшие собаки повалилась тут же, расслабленно вытянув лапы. Задремавший Мавр и во сне продолжал охотиться: бил хвостом, хрипло рычал, будто бежал за зверем.

Поели, помыли посуду, а чай, заваренный на листьях зверобоя и смородины, пошли пить, спасаясь от кровососов, в зимушку. Макарыч с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проём.

— Когда рубил — худой был, — оправдывался он.

— И как давно рубили? — полюбопытствовал практикант.

— Давненько. Ты, поди, и не родился ишо.

Поскольку уже стемнело, пришлось зажечь свечку. Только тогда заметили в колеблющемся пламени листок, припиленный ножом к стене.

— Кто-то гостил. — Макарыч снял записку и протянул практиканту. — Прочти, очки дома оставил.

“Фёдор, благодарствую за приют. Этот нож — за глухаря. Грешен, не устоял, подстрелил на твоём участке. Не серчай. Обнимаю. Лукьян”.

— Молодец! По-честному, не утаил, — похвалил охотовед.

— А то как же. Обманешь — фарт уйдёт, да и покоя на душе не станет. По-честному-то жить оно приятней.

— Что верно, то верно! Чистая совесть — главное в жизни! — согласился Степан, лохматя пятернёй жёсткие кудри так, что из них посыпался лесной мусор.

По давно установленному обычаю, на уже занятом участке другие промысловики не охотились. Это добровольное размежевание угодий добросовестно исполнялось. Права соседей не нарушались. Избушки и лабазы не знали замка. Их охраняло уважение к старому, выработанному веками порядку.

— Михаил Макарович, а можно вопрос? — подал голос Вася.

— Валяй, студент! — пророкотал промысловик.

— У вас вот шрам на шее. Это не медведь?

— Рази это шрам?! Так, царапина. Шрам вот! — Макарыч засучил рукав и показал бугристые лиловые борозды. — Честно говоря, сам виноват. Миша в берлоге обычно головой на юг ложится — такая манера у него. А мы с Лукьяном поторопились. Давай тыкать не с той стороны. Вижу: снег вздувается, и выскакивает с рёвом чёрная туча. Пастью руку с жердиной схватила и давай трепать. Слава богу, собаки надели с двух сторон, отвлекли. Тут уж Лукьян не оплошал — с одного выстрела уложил.

— Хорошие у вас лайки, спасли.

— Плохих не держим.

Допив чай, Макарыч ладонью смёл со стола крошки и отправил их в рот. Вася же не унимался:

— А правда, что медведь в берлоге лапу сосёт?

— Брехня! Семерых брал, лапы у всех сухие, — степенно произнёс Макарыч. — И ещё, учти на будущее: Потапыч не такой увалень и простодыра, как в книгах пишут. Ловок и быстرونог, чертяка. А уж голова-то как работает! Прошлой осенью с одним долго разбирался. Иду, значит, по путику, капканы проверяю. Где подновлю, где новые поставлю. Вдруг вижу: след мой стал почему-то больше. Метров двести так. Потом опять нормальный. Что за наваждение?! Повернул назад, приглядываюсь к “стаканам”. Только тогда дошло — это ж медведь по моим следам протопал.

Я вперёд вернулся, и там, где след перестал быть широким, сделал круг. Смотрю, в метрах шести за кустами — снежная ямина. Представляешь, до куда эдакая махина сиганула. Потом — ещё одна. Дальше уже шагом. В гору почесал. Там под стлаником пустот полно — для берлоги удобные места. Ну, думаю, завтра с собаками приду и добуду. И что? — Тут Макарыч сделал многозначительную паузу. — Наутро выпал такой снег, что всё скрыл. Вот ведь какая башковитая зверюга: знает, когда ложиться.

— Недавно прочитал в журнале, будто росомаха — это медведь-лилипут. Степан покачал головой:

— Ну и загнули ребята! Конечно, росомаха похожа на медвежонка, но относится всё-таки к семейству куньих. Правда, выделена в отдельный род — росомахи. Среди куньих она самая крупная. Зоологи её ещё гигантской кунницей называют. Так что её не лилипутом, а Гулливером правильной будет величать.

Какое-то время пили чай молча.

— А вы, Михаил Макарович, как промыслять зверя предпочитаете? Капканом или гоном? — опять нарушил молчание Вася.

— Ловушками, конечно, поуловистей, но в угон намного весельше. Это и промысел, и азарт. Хоть и тяжко вдуротряд, зато удовольствие.

Тут парнишка повернулся к охотоведу:

— Степан Ермилович, я вот заметил такую вещь: в глазах зверей всегда печаль таятся. Как вы думаете — почему?

— Бог его знает... Может, оттого, что жизнь нелёгкая, может, оттого, что век их короток, а может, нас бояться.

Так, кружка за кружкой, тянулся разговор.

— Василий, а теперь ты расскажи нам чего-нибудь. На следующий год у тебя диплом. Тему-то выбрал? — обратился к пареньку охотовед.

— Мой руководитель предложил проанализировать результаты акклиматизации уссурийского енота, вернее, енотовидной собаки, у нас в Кировской области.

— Хорошая тема. Всегда важно знать, что дало местной фауне появление нового вида. Бывают ведь и негативные последствия. Вон на Огненной Земле в середине пятидесятых годов выпустили пятьдесят бобров, а сейчас их численность перевалила за четыреста тысяч. Теперь ломают голову, как спасти от этих “дровосеков” леса... А про енотов я одну потешную историю могу рассказать. После третьего курса на Дальнем Востоке, на реке Иман практику проходил. Так там в августе, когда идут муссонные дожди, наводки случаются похлеще весенних. В тот год вода особенно большая была. Мы с егерем на лодке островки объезжали. Спасали тех, кто не успел уйти.

Видим, на одном енотовидные собаки жмутся. Вода уж у ног, а они возле затопленных нор стоят, трясутся. Подплываем к ним. Бедолаги обрадовались, забегали туда-сюда, но в лодку лезть боятся. Для вида зубы скалят. Егерь выбрался на берег и на них так рявкнул, что иные сразу в обморок попадали — до того пугливые. Тем, кто устоял, пинком для острастки слегка поддал. Они брык — и лежат, словно околели. Бери за шиворот и делай что хочешь. Потеха!

Шестерых в два мешка растолкали, а седьмой не поместился. Пришлось положить прямо на дно, а на морду куртку накинуть. Плывёт лодка, покачивается, уключины скрипят — страшно енотам, не шевелятся. Ежели вдруг и заворочается какой, егерь топнет: “А ну!” — и мешок вмиг цепенеет. А тот, который на дне, знай себе под куртку тычется — прячется, стало быть. Выбрали берег повыше, выпустили. Разбежались кто куда: искать незанятые норы, рыть новые. А мы опять по островам.

Уже в сумерках высмотрели енота огромного, прямо бочонок на ножках. Так он сам в лодку прыгнул. Выпускать его егерь не стал. Жену решил разыграть. Вошёл в дом, развязал мешок и вытряхнул енота на пол. Супруга, как обычно, набросилась:

— Ты чего? С ума сошёл? Только мокрой псины в доме не хватало!

От её крика енот брыкнулся без чувств.

— Вот, видишь, — говорит егерь ей, — даже дикий зверь от твоих криков сразу окочился. Каково же мне с тобой бок о бок столько лет жить?

— Во, молодец! Надо ж такое удумать, — давился со смеху Макарыч. — Мою старуху бы так припугнуть, чтоб не ворчала лишка... Отменный ты, Степа, рассказчик, и вообще, правильный мужик. Уважаю! Опосля учёбы домой вернулся, не то что мой дурень. Того, на модный манер, “урбанизацией” контузило. Не понимаю, как он в тех бетонах живёт?! Вода невкусная, воздух грязный, шум, толкотня. По мне, самая лучшая крыша — небо, лучший дом — густая ель. Сегодня под одной заночевал, завтра под другой. Простор! Красота! Дышать сладко!

— Это верно! Тайга — воля! Город — тюрьма! — согласился Степан.

— У нас и народ не такой порченый.

— И то правда! Люди посовестливей. А городские что?! Привозил мой начальник одних. Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство ради забавы.

— Так вы же тоже убиваете, — робко заметил Вася.

— Тут, студент, большая разница. Они убивают ради удовольствия, а мы для пропитания семьи. Убивать ради удовольствия — грех.

— Зачем же тогда росомах выслеживаем? Их ведь не едят.

— Мы и не собираемся их убивать. Для зоопарка ловим. Пусть городские увидят, какой необычный и редкий зверь в нашей тайге обитает.

— А по мне лучше б его не было. Зловредная, шkodливая тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, — вдруг рассердился, что-то вспомнив, Макарыч.

Степан улыбнулся:

— Эх, Макарыч! всю жизнь в тайге прожил, а не уразумел, что бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Росомаха-то как раз очень даже необходимый зверь. Ведь её главное предназначение — очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым. А вредничает она только по отношению к людям: мстит за убийства. Ты прикинь, сколько зверья каждый год добываем! По мне росомаха — борец за справедливость. Так сказать, таёжный Робин Гуд. Вот и к батю она не случайно повадилась: он ведь ранил зимой одну...

ОСТРОВ

Затянутое облаками небо едва посерело, а Степан уже кашеварил. Перекусив, загасили костёр и вышли на поиски росомах.

Хоть и обмелела речка, на другой берег переходили по огромной, недавно упавшей лесине. Собаки же зашли в воду с радостью. Переплыв, энергично

отряхнулись и умчались в чащобу, где почти сразу взяли след. Он действительно привёл к озеру. А если быть точным — к старице, вытянутым кольцом охватывающей продолговатый лесистый остров. Берег — сплошь вязкий ил. Дальше вода, затянутаая ряской. В одном месте ряска была разорвана двумя чёрными полосами — росомахи переплывали. Бежавший впереди всех Мавр рванул было в горячке к воде, но, с трудом выдирая из ила лапы, отступил. Псы в нерешительности затоптались, заскулили, как бы извиняясь.

— Лапы узкие, не держат. У росомах-то они что лыжи. Зимой, когда обрастают густым жёстким волосом, ещё больше делаются: от следов пестуна* не отличишь, — пояснил практиканту охотовед.

— Недалеко отсюда старOVERская гать была. Мне её дядя показывал. Пошли, там и перейдём. Только б дерево с зарубкой найти.

Память Михаила Макаровича не подвела. Свернув у сосны с затёсом, покрытым коростой запёкшейся смолы, посохами нащупали гать и перебрались по уложенным по дну брёвнам на остров. Вышли аккуратно на мыс.

— Вы пока тут побудьте. Только собак не отпускайте, а я пройду по берегу, разведу. Только не курите и не шумите. Тихо надо, иначе спугнём.

Степан вернулся через час.

— Там, где на ряске полосы, на берегу обрывки водорослей валяются — напáдали, когда росомахи отряхивались. Следы уходят в сторону взгорка. Весь остров обошёл — выходного нет. Значит, точно на острове. Затаились. План такой: я пройду на противоположный конец острова и развешу сети, а вы с собаками ровно через час выходите. Ваша задача — как можно громче стучать, кричать, гнать их на меня. Главное — раньше не стронуть.

В назначенное время Макарыч с Васей, колотя сухими палками по стволам, двинулись вдоль узкого острова. Собаки на поводках поначалу шли молча, но возбуждённые необычным поведением людей, тоже забрехали на все лады.

Росомахи отдыхали на каменистом обнажении чуть выше развалин старOVERческого скита. Услышав крики и лай, они кинулись к дальнему концу острова. Наткнувшись на косо натянутую сеть, побежали вдоль неё. Степан, подпустив их поближе, выстрелил в воздух. Звери в страхе метнулись в разные стороны и, взлетев на ближние сосны, затаились в кронах. От сизого облака порохового дыма в лесу запахло тухлыми яйцами.

Набежавшие собаки окружили приземистое дерево, на которое взобрался Угрюмый, и принялись облаивать его. Макарыч произвольно вскинул ружьё.

— Берём живыми, — напомнил Степан и, достав из рюкзака мелкоячеистую сеть, развесил её по кустам вокруг дерева. После этого срубил прямоствольную берёзку и отсёк все ветки. На конец жерди привязал петлю из жёсткой капроновой верёвки.

Подведя её к отмахивающейся с грозным рыком росомахе, охотовед ловко накинуд петлю на лапу и стянул упирающегося Угрюмого сначала на нижнюю ветку, а потом и на землю. Макарыч в тот же миг накрыл зверя солдатским одеялом. В темноте росомаха сразу затихла. Звероловы спеленали ему лапы, стянули их между собой и, надев на голову чёрный холщовый мешок, перешли ко второй сосне, под которой уже бесновались, хрипели от ярости лайки.

Эта росомаха взобралась гораздо выше, и Степану пришлось вырубить ещё одну берёзку. Связав гибкие стволы внахлёт, он с трудом подвёл конец жерди к зверю. Из-за большой длины она играла из стороны в сторону, и охотоведу никак не удавалось накинуть “пляшущую” петлю на лапу. Промучившись минут пять, Степан опустил шест, чтобы передохнуть и увеличить размер кольца.

— Уходит! Уходит! — завопил Макарыч.

Прогремел выстрел, следом второй. Всё произошло так быстро, что Степан едва успел заметить мелькнувшую в хвое бурую тень.

---

* Пестун — медвежонок предыдущего помёта (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

— Вот шельма! Верхом ушла! Здоровая, а прыгает, что белка! Лишь только ты шест опустил, так она сиганула на ближнюю сосну и пошла, пошла... Чуть успел стрельнуть. Кажись, зацепил.

— Японский городской! Предупреждал же — живём берём! — в сердцах ругнулся охотвед.

Звероловы облазили остров вдоль и поперёк, дважды обошли его по береговой линии: всё пытались найти выходной след, но впустую. Собаки даже ни разу голос не подали. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, что пахнет зайцами, куропатками, глухарями, прелой травой, а вот запаха росوماхи нигде не было.

— Что за чертовщина?! Ничего не понимаю. Не сквозь землю же она провалилась, — растерянно бормотал старый охотник.

НОЧЁВКА

Сгущающиеся сумерки напомнили, что пора становиться на ночлег.

Подойдя к кряжистому кедру, Степан объявил:

— Шабаш, товарищи учётки! — и, сняв рюкзак, осторожно вытряхнул из него росوماху.

Василий разжёл костёр, повесил на косо воткнутую палку прокопчённый чайник, и звероловы разлеглись на толстом слое хвои. Чистые спокойные небеса обуглились в багровом огне заката, и их кто-то принялся старательно засеивать алмазами звёзд. Ковш Большой Медведицы склонился к горе и стал поливать её макушку чёрной краской.

Пламя выхватывало из тьмы рваные куски леса. Лежать на пружинящей подстилке после трудного дня было приятно. Усталость словно стекала в землю, а в мышцы вливалась сила. Но надо было вставать и идти за дровами, варить кашу для себя и собак.

Управившись с делами, опять устроились у костра. Степан снял с головы росوماхи мешок, чтобы осмотреть её. Зверь угрожающе заурчал. Это был самец. Бусинки чёрных глаз горели в бессильной злобе. Не будь лапы надёжно стянуты в “букет”, саданул бы когтями.

Охотвед подозвал Васю:

— Ну, студент, знакомься с росوماхой. Видишь, голова действительно похожа на медвежью. Но морда более короткая и ушки маленькие, слегка прижатые. И мех намного длиннее. Из-за этого туловище кажется нескладным и массивным. — Степан осторожно провёл рукой по спине. — Потрогай, какой шелковистый волос. Он единственный в своём роде: волоски настолько гладкие, что кристаллики инея не оседают на них — сразу осыпаются. Обрати внимание, какая красивая, светлая шлея по бокам. От плеч до основания хвоста тянется. Поперёк лба ещё одна светлая полоска. Она хорошо оттеняет тёмную смоляную маску вокруг глаз.

— Такой красивый зверь, а в нашей библиотеке о нём ничего нет.

— Неудивительно. Про них вообще мало что написано. Росوماхи очень скрытные. Ведут столь уединённый образ жизни, что за ними сложно наблюдать. А зверь не только красивый, но и интересный! Многие его качества вызывают уважение. Неутомимый, целеустремлённый, бесстрашный. Не пасует ни перед волками, ни перед медведем, но, в отличие от серых, кровь зря не льёт, бессмысленной резнёй не грешит. Росوماха — хищник, но хищник рачительный. Это я и тебе, Макарыч, говорю, — повернулся к промысловику Степан.

— Хороша рачительность — шкодят, воруют. Натуральные мародёры! — упрямо стоял на своём тот.

— Чего ты на них так взъелся? Тебе лично что плохого росوماхи сделали?

— Мне, может, и ничего, да люди говорят.

— Говорят, в Москве кур доят, — обрезал охотвед. — Я одно знаю точно: не тронь зверя, и он тебя не тронет. Это не только росوماх касается. Помнишь моего одноклассника Антипа? Он ещё животоловом занимался.

— Как же! Помню. Известный бездельник был, прости Господи. Ты, наверное, его историю с медведицей имеешь в виду.

— Да.

— Ой, а что за история? — встрепенулся студент.

— Да ничего хорошего... Вон Степан пусть и расскажет, — раздражённо буркнул промысловик.

— На самом-то деле история весьма поучительная... Медвежонок угодил в одну из ловчих ям, а поскольку Антип проверял их редко, малыш в ней и помер. Так медведица затаилась поблизости и караулила, пока обидчик не появился. Замяла насмерть... Что ж теперь будем кричать: “Медведи кроважанные! Людей убивают! Лучше б их не было!” Сам ведь напросился...

Пока шла беседа, собаки чистились. Тщательней всех вылизывался Мавр, но, несмотря на все его старания, едкий запах держался, вызывая время от времени приступы кашля.

— Что, вонькая зверюга?! Половчей надо быть, — погладил любимца Степан. Лайка слегка вздрагивала под тяжестью хозяйской руки, а глаза светились счастьем и бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам. Мавр боготворил хозяина. Будь он человеком, воскликнул бы: “Что прикажешь, повелитель?” Ради доброго отношения он был готов на любой подвиг, даже на новую встречу с “вонючкой”.

Ночную тишину прорезал густой волчий вой, гордый и уныло-щемящий одновременно. Волк начал снизу и постепенно возвышал тон. Ему ответил потоньше, но полный силы, залиvisto-трепещущий. Учётчики замерли.

— Ну, студент, у тебя сегодня хорошая практика. Слушай! Это молодой заявляет о себе. Радуетса жизни! — шёпотом пояснил Макарыч.

Не успели оба вой слиться в слаженный дуэт, как к ним присоединился третий. И вот уже “играет”, голосит, переливается от утробно-низкого до высокого, как туго натянутая тетива, многоголосый хор.

— Воют так, ровно душу вынуть хотят. Сколько в этих “песнях” звериной тоски, какая отрешённость! — произнёс Степан.

— У меня прям мурашки по спине забегали, — отозвался Вася и перекрестился.

— А я люблю их арии. Особливо когда враз несколько завоюют с повизгиванием и подбрёхом. Вслушайтесь, это ж целый оркестр. У каждого свой голос. Взрослый воет басом, у волчицы голос выше и помягше. У самых матёрых песня в несколько колен и протяжная.

В это время в волчью песню врезался тонкий, срывающийся на частый, отрывистый собачий лай, визгливый скулёрж.

Вася вопросительно глянул на Макарыча.

— Это волчата голос пробуют... А сейчас переярок*...Слышишь, начинает хорошо, а конец не вытягивает — сипит. Если быть внимательным, можно определить, сколько в стае волков и какого они возраста.

— Да, волки — удивительное племя. Умные, организованные. В стае жёсткая иерархия и дисциплина. На охоте каждый чётко знает свою роль. Но вместе с тем они, как и люди, все разные. Кто-то ленив — ест только то, что, как говорится, само в пасть идёт, кто-то жесток — режет, не задумывая и без меры. Для таких убийство — забава. Кто-то верен, а кто-то предаст, не задумываясь. Но что у них не отнять — супружескую верность они хранят всю жизнь. Трогательно заботятся о потомстве. Если волчица погибает, волк в одиночку воспитывает и кормит волчат. А сам так и остаётся вдовцом, — просвещал студента Степан, подкладывая сучья в костёр.

— Читал, будто волчица не защищает потомство, даже когда люди её детёнышей из логова забирают. Издали молча наблюдает. А как же материнский инстинкт? — вопросительно посмотрел на охотоведа парнишка.

— Сложный вопрос. Версий много. Возможно, она бережёт жизнь для того, чтобы на следующий год дать новое потомство. А может быть, надеется выследить, куда унесут волчат, и ночью освободить их. Хотя, скорей всего,

---

* Переярок — волк прошлогоднего помёта; волк моложе одного года называется прибылым.

первопричина — страх. Страх перед человеком. Конечно, странно, что у волков он проявляется в столь гипертрофированном виде. Наверное, сказывается опыт предыдущих поколений. Человек всегда воевал с волками. И те, кто пытался защитить потомство, погибали. Выживали те, кто уходил, — рассуждал вслух Степан. — Между прочим, опытные волчатники никогда не опустошают логово полностью. Одного щенка обязательно оставляют. Если всех взять, то волки этим логовом больше не пользуются. А так каждый год можно урожаем собирать.

— Верно Степан Ермилович говорит, — не утерпел, встрял многоопытный Макарыч. — У волков всё подчинено сохранению жизни волчицы. Если выхода нет, то волк даже себя может подставить под выстрел. А иной проявляет такую смекалку, что диву даёшься. Как-то гнал парочку на лыжах. Впереди — волчица, за ней — волк. Когда они добежали до поваленного дерева, он ударом лапы сбросил её под ствол. Завалил снегом и побежал дальше. Не всякий человек до такого додумается, а тут волк!

Встав, Макарыч прошёлся взад-вперёд, разминая ноги. Потом хитро посмотрел на Васю:

— Хочешь настоящего матёрого послушать?

— Ещё бы!

— Счас, — произнёс охотник полушёпотом, придавшим особую значительность моменту. Откашлявшись, он сложил руки рупором у рта, придал горло с обеих сторон большими пальцами, а указательными слегка сжал переносицу, закинул голову и затаил низким басом. Потом забрал повыше, раскрывая ладони. Завершая песню, взял такие минорные ноты, что собаки дружно заскулили.

— Эх, не то! Не получается. Мощи нет и гнуса мало. Тоски не хватает! — расстроился Макарыч, отирая губы. — Давно не вабил.

И тут вдруг завыл Мавр. Это было до того неожиданно, что промысловик чуть не поперхнулся. Выл кобель, высоко задрав скорбную морду. Всем своим видом он выражал непомерную тоску и боль. Пел так выразительно и проникновенно, что сидящие у костра боялись пошевелиться. А кобель Макарыча Тайфун от удивления или страха поджал хвост и забился между котомок. В это время Мавр взял такую ноту, что у всех по спинам пробежал озноб. Пёс при этом закатил глаза и весь задрожал.

Когда он умолк, растроганный Степан кинулся его обнимать и целовать. Мавр от такого бурного проявления чувств хозяина даже застеснялся.

— Ну, друг! Не ожидал! Ну, ты выдал! Певец! — взволнованно бормотал охотовед.

— Похоже, в нём есть волчья кровь, — резонно заметил Макарыч.

— Да ты что! На хвост посмотри — чистокровная лайка, — возмутился Степан.

Разговор прервала попевшая шщённая каша с салом. Вася съел свою порцию и украдкой глянул в котелок.

— Не стесняйся, сынок, доедай. Тебе не повредит — вон какой худой, — ободрил Макарыч.

Подновив захиревший было костерок, студент выскоблил котелок до дна. Чем выше поднималось пламя, тем яснее проступали колеблющиеся стволы кедров. Глядя на их игру, паренёк заснул. Степан ещё какое-то время сидел, наблюдая за волшебной пляской вихрастых протуберанцев, но безжалостный сон свалил и его. Подбросив сучьев, Макарыч укрыл товарищей плащ-палаткой и устроился рядом.

Васе снилось, что он стоит в толпе людей. К ним подползает наукообразное чудище. Оно хватает и поедает людей одного за другим и уже подбирается к нему. Вася бежит, бежит и оказывается в дремучем лесу. Чудище, почти догнавшее его, неожиданно останавливается. Оно почему-то боится зайти в лес. Воспользовавшись заминкой, Василий вбегает в стоящий среди деревьев необычный дом: его стены и крыша совершенно прозрачные. Откуда-то появляются люди в касках и начинают стрелять по дому из карабинов. Вася мечется по комнатам, но спрятаться негде. Он слышит приближающийся вой,

но вместо волка появляется громадная росомаха. Она сгребает стрелков, как муравьёв, и проглатывает их...

В эту ночь и охотоведу снился странный сон: какие-то уродливые создания, похожие на доисторических бронтозавров. Они напали на его жену и дочь, когда те собирали грибы. Женщины сумели увернуться и с криком бросились в разные стороны. Степан мчится на помощь, но не видит их. Слышит только крики: “Папочка, ты где? Стёпа, помоги!” Степан пытается бежать, но ноги не повинуются. Он уже не идёт, а еле-еле двигает ими, словно к ним приковали многопудовые гири.

От ужаса охотовед открывает глаза. Спина и лоб в холодном поту. Степан поёжился. Медленно обведя взглядом густую паутину из ветвей и листьев, спящих рядом товарищей, сообразил, что это всего лишь сон. Тем не менее он так и не смог успокоиться. Встал и направился к ручью умыться. Его догнал Вася.

— Степан Ермильч, я вот тут всё думал, думал о том, какой росомаха нужный и полезный зверь... Может, вторую ловить не будем, а? Вы же говорили, что заявка на одну.

Лицо охотоведа посветлело. Он улыбнулся и обнял парнишку:

— Ты прав! Пусть бегает...

С той поры росомаха не появлялась в селе. Как будто между ней и людьми было заключено негласное мировое соглашение.

ОДИНОЧЕСТВО

Пышка видела, как Угрюмого длинной палкой стянули на землю. Как псы набросились было на него, но двуногие почему-то отогнали их. После этого собаки ринулись к её сосне. Их злобный лай не предвещал ничего хорошего. Когда перед ней замаячила петля, Пышка поняла, что если не покинет дерево, то тоже угодит в руки двуногих.

Решение пришло мгновенно: резкий, пружинистый толчок сильных задних лап — и она, пронесаясь торпедой по воздуху, закачалась на ветке соседнего дерева, и тут же прыжок на следующее. Прогремел гром, но росомаха не обращала на него внимания: она была сосредоточена на том, чтобы не сорваться. Ещё прыжок! Ещё!.. Ура! Получается!!!

В росомахе проснулись таившиеся в самых глубинных слоях генетической памяти способности предков: прилагая отчаянные усилия, она совершала прыжки с дерева на дерево, преодолевая пронзавшую бедро боль. Ранение и невероятное напряжение сил вскоре стали сказываться. Перемахнув на очередное дерево, Пышка не удержалась и полетела вниз. В падении как-то исхитрилась ухватиться за самую нижнюю ветвь и перебраться по ней к стволу. Припав к шершавой коре, прислушалась. До неё донёсся лай.

На прыжки уже не было сил. Спускаться на землю опасно. Росомаха полезла вверх. Вдруг передняя лапа провалилась в пустоту. Дупло! Просунула в него голову — ствол полый. Какая удача! Лучшего убежища не сыскать! Пышка расширила зубами отверстие и нырнула в спасительную тьму. Внутри пахло древесной трухой, смолой и соболем — похоже, часто тут отдыхает. Дно дупла оказалось мягким от осыпавшихся гнилушек. Беглянка свернулась на них и погрузилась в целительный сон. Колоссальное физическое и нервное напряжение дали о себе знать: она проспала почти сутки.

Разбудил голод. Попытка встать отдалась болью в правом бедре. Лёжа на подстилке, росомаха, чтобы размять простреленную мышцу, стала потихоньку двигать ногой. Одновременно прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи. Тихо! Только в кронах шелестит ветерок. Осмелев, привстала и высунула морду из дупла. Тщательно “ощупала” чутким носом воздух. Повертела головой. Ничего подозрительного. В лесу текла обычная жизнь. Деловито сновала сойка, долбил трухлявую осину дятел, с быстротой молнии пронёсся по валёжке с набитыми в защёчину орешками неутомонный труженик бурундук. Ни одного постороннего звука и запаха. Едва улавливался лишь лёгкий, почти выветрившийся кислотоватый дух человеческого пота.

Росомаха понимала, что оставаться на острове опасно: раз двуногие нашли сюда дорогу, они не оставят её в покое.

Цепляясь когтями за ребристую кору, она спустилась по стволу вниз головой. Припадая на повреждённую лапу, вышла на берег и переплыла на другую сторону в пихтач, густо обвешанный сизыми космами лишайника. Подлесок и трава под его почти непроницаемой для солнечных лучей кроной отсутствовали. Землю сплошь устилал мох и рыжий слой хвои. Пышка ступала по нему, как по мягкой лисьей шкуре, — совершенно неслышно.

Натерпевшись страху, она вздрагивала от малейшего шороха. Услышав что-либо подозрительное, замирала. Зорко всматриваясь вглубь леса, жадно принюхивалась к приносимым ветром запахам. В основном это были запахи белок. Вон суется одна, вторая... Куда ни повернись — везде белки. В этом году здесь хороший урожай. Шебуршат по стволам, возьмётся с шишками в кронах, копошатся с лежащими на земле. Кто с урканьем, кто с цоканьем, а те, что постарше, — молча. На Пышку даже не глянут — чувствуют, что ей не до них.

Росомаха пересекла чащобу и направилась к речке: там легче добыть что-либо съестное. По пути, подчиняясь внутреннему голосу, разыскала нужное растение. Разжевав несколько кисловатых листьев до кашеобразного состояния, втёрла их языком в рану.

Послышался хруст сучьев. Пышка припала к земле. Зашевелились кусты, раздвинулись ветки, и в просвете она разглядела оленя-первогодка. Увидев затаившуюся росомаху, он от неожиданности высоко подпрыгнул на месте и, по-собачьи “пролаяв”, сиганул, приминая подрост, обратно.

Преследовать его раненая Пышка не могла. Обследовав берега, она вскоре увидела греющееся на солнцепёке утиное семейство: пять птенцов-пуховичков и родителей. По хохолку на коричневой голове и узкому, на конце слегка загнутому клюву Пышка узнала в них крохалей и стала подкрадываться. Когда до птиц оставалось два прыжка, бдительный папаша всё же засёк её. Прозвучал сигнал тревоги, и утки сыпанули в воду.

Что тут началось! Отец и мать, призывно покрякивая, часто-часто зашлёпали по зеркальной глади крыльями и ринулись на стремнину. А птенцы, поспевая за ними, так старательно и быстро махали почти беспёрыми крыльшками и перебирали по воде перепончатыми лапками, что их крошечные тельца казались малосенькими глиссерами.

Обескураженная Пышка поковыляла дальше. Выискивая поживу, она обследовала каждый кустик, бугорок, валежину. Обнаружив обглоданные кости кабарги, тут же с жадностью сгрызла их. Увидев, что из-под соседнего пня выползают земляные осы, расширила канал к гнезду с личинками. Но эти крохи только раззадорили аппетит. Наконец, ей повезло: нашла полянку с грибами. Набив до отказа желудок, она, спасаясь от гнуса и облепивших рану мух, поднялась на скалистый, хорошо обдуваемый ветром утёс.

Вытянувшись на прохладной глыбе, росомаха прикрыла глаза. Она лежала, не шелохнувшись, так долго, что ворона сочла её околевшей. Сев на ветку, вещунья торжествующе закаркала. На её призыв слетелись подружки и, обманутые неподвижностью зверя, стали, подпрыгивая, подступать всё ближе. Тут уж Пышка не оплошала: выметнувшаяся молнией когтистая пятерня схватила птицу, когда та нацелилась клювом в глаз.

Быстро заживают раны у зверей. Окрепшая росомаха решила пройтись по разбросанным на её участке “складам”. Поскольку для дальних переходов силёнок было ещё маловато, отправилась к самому ближайшему, с заячьими тушками, добытыми у Белоголового.

Когда подходила, кисловатый запах человеческого пота, приносимый ветром, предупредил о том, что люди близко. Лай собаки подтвердил это. “Опять за мной!” — решила росомаха и поспешила свернуть к другому скрону. В этот момент неподалёку с земли поднялась, громко хлопая крыльями, пара тетеревов, но Пышка была настолько встревожена, что даже не глянула в их сторону.

Несмотря на то, что следующую кладовую россомаха устраивала ещё весной, вышла к ней, благодаря цепкой памяти, безошибочно. Глубокая траншейка, вырытая на северном склоне холма и прикрытая сверху толстым слоем мха, хорошо сохранила оленину. От неё исходил лишь лёгкий, обожаемый Пышкой душок. Учув этот запах, она потеряла власть над собой: предвкушая наслаждение от трапезы, принялась, урча, тереться о мясо щекой.

Часть съела сразу, а остаток закопала обратно. Его ей хватило на несколько дней. Ещё одну неделю продержалась у склада в кедровом стланике, широко разросшемся по склону отрога. Эти невысокие, в рост человека деревья напоминали огромных пауков, раскинувших гибкие мохнатые лапы во все стороны. Переплетаясь, они образовывали непроходимые для копытных, а уж тем более для двуногих заросли. (Поздней осенью стволы кедрового стланика полегают, прижимаясь к земле, и, укрытые толщей снега, выдерживают самые суровые морозы.)

Верхушки спутанных, словно волосы неряхи, веток уже украсили зеленовато-фиолетовые шишечки, в которых зрели мелкие, но необычайно сытные и вкусные молочные орешки. Разогретая на солнце хвоя благоухала бодрящим ароматом смолы. Над обширными полями стланика возвышалась скалистая гряда. Пышка, как и все её соплеменники, любила побродяжничать и, лишь только окрепла, полезла на неё поглядеть, что скрывается за зубчатым гребнем.

Взобравшись, с интересом осмотрела открывшиеся дали. За текущей внизу речушкой возвышался очередной хребет, иссечённый сетью распадков и ложбин. Единственным звуком, тревожащим царящую вокруг тишину, был клёкот орла, сидящего на каменном уступе.

Полуденное солнце жарило так, что на него и глянуть было боязно, — ослепит. Спустившись в падь, Пышка увидела лиса. Пересекая полянку, он то и дело замирал, прислушивался. Вдруг высоко подсакакивал и, перегибаясь в воздухе, отвесно пикировал в траву. Делая при помощи взмахов хвоста резкие развороты влево-вправо, выхватывал из её путаницы мышку. А съев, возобновлял охоту.

Понаблюдав за этими прыжками-свечками, Пышка двинулась дальше. У ручья, ступенчатыми каскадами сбегавшего с гор, она взобралась на глыбу, залепленную накипями лишайника, и улеглась на неё в ожидании сумерек, когда зверьё выходит кормиться. Вокруг порхали желтокрылые бабочки. Шуршали прозрачными крыльями стрекозы. Летая парами, одна над другой, они играли, ласкаемые солнечными лучиками: то, поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, то плавно барражировали над землёй. Откуда-то выскочил неутомимый трудяга-бурундучок и изумлённо уставился на россомаху чёрными глазками-бусинками. Стоило Пышке шевельнуться, как он исчез с непостижимой быстротой.

ВДВОЁМ

Всё складывалось так удачно, что беглянка успокоилась, но ей было тошно и неприятно. Заканчивалось время брачных игр, а она опять одна. У любого живого существа есть потребность не только в пище и безопасности, но и в продолжении рода. Ведь как хорошо, когда рядом есть кто-то, к кому можно прижаться, приласкаться; вместе загнать добычу, сытно поесть, выкормить потомство. С Косматым они прожили с перерывами меньше года, а Угрюмый и вовсе промелькнул в её жизни, как молния: едва сошлись, как двуногие поймали его.

Сколько вокруг витает запахов, но среди них нет даже намёка на запах самца. Пробежала соболюшка. У комля кедра она вдруг остановилась и, присев на выступающий корень, принялась чистить языком шёрстку. Сзади к ней подкрадывался соболь. Она делала вид, будто не замечает его. Приблизившись, ухажёр прыгнул на неё. Та выскользнула из цепких объятий, и сама зажала его голову под мышкой. Соболю стал извиваться, а освободившись, обхватил подругу “вокруг талии” двумя лапами и крепко прижал.

Соболюшка широко раскрыла рот; Пышке показалась, что та смеётся. Когда игра закончилась, парочка расцепилась и, с нежностью прижимаясь друг к другу, разлеглась в тенёчке. Вскоре самка, помахивая хвостом, отправилась в убежище под корнями. Кавалер последовал за ней.

Пышка вздохнула: хорошо вдвоём!

От этой мысли она встрепенулась и побежала ныряющим галопом. На следующий день порыв ветра донёс до неё запах сородича. Он становился всё явственней. По характерной резкости определила — самец! Вот и следы. Матёрый!

Вечерело, но росомаху приближение ночи не смущало. Своему носу она доверяла больше, чем глазам. Следы самца беспорядочно петляли по тайге. Где же “выходной”? Тут до неё долетел запах лося. Он был так силён и столь крепко сдобрен запахом крови, что Пышка не удержалась и пошла на него.

Метров через сто увидела торчащие из травы беловатые кончики рогов и шерстистый бок. Обрадованная росомаха от восторга несколько раз перевернулась через голову: такая гора мяса гарантировала пропитание надолго. Только надо будет побольше еды прикопать.

С трудом разорвав толстую шкуру, Пышка с жадностью глотала кусок за куском. Насытившись и немного передохнув, принялась растаскивать мясо по схоронам. Обустройства их было непросто. Приходилось рыть глубокие траншейки. Мешали корни, камни, но крепкие когти и зубы делали своё дело. Чтобы свежие раскопки не бросались в глаза, присыпала их листьями, пучками травы, древесным хламом. Иногда для верности заваливала камнями.

Крупный самец росомахи вышел к месту пиршества Пышки в тот момент, когда та отгрызала “серьгу”*. Росомаха с нескрываемым восхищением уставилась на пришельца. Её глаза заблестели. В них читалось: “Как хорош! Впервые вижу такого красавца!”

По её телу волной пробежало сладостное томление.

Чтобы лучше разглядеть самца и запомнить его запах, она обошла гостя вокруг. Тот в ответ обнажил в “улыбке” белые клыки и поглядывал на неё с неменьшим интересом. Пышка, стремясь обольстить кавалера, сделала несколько игривых прыжков и замерла. Между ними как бы проскочила искорка. Но они ещё долго изучающе поглядывали друг на друга, демонстрируя движениями и взглядами сходные желания. Но когда Пышка попыталась подойти к Клыкку поближе, он повёл себя весьма странно. “Это мой участок! Я тут хозяин”, — проворчал он и угрожающе поднял губу.

Пышка в ответ посмотрела по сторонам: “Твой так твой! Мне у тебя нравится”, — и мелким бисером просеменила к самцу. Положив голову на его шею, нежно потёрлась и заурчала, окончательно растопив сердце сурового Клыка. С этого дня они почти не разлучались. Их любовные игры, напоминающие то ли борьбу, продолжались несколько дней.

Постоянно курсируя по участку, Клык не забывал освежать метки: подняв хвост, прыскал несколько капель из мускусной железы или мочился на пенёк, кочку. Спускаясь по склону, просто прижимался задом к траве. Никто из соплеменников не имел права нарушить границ его владений. Случалось, правда, забредали, но с соседями всё решалось миром, а вот если появлялся чужак, он тут же безжалостно изгонялся.

Отдыхать парочка забиралась на макушку изъеденной временем скалы. Когда садилось солнце и по тайге разливались мягкие сумерки, росомахи выходили на охоту. Хищники избегают яркого дневного света. Их любимое время — полумрак либо лунная ночь. Именно тогда в лесу, погружающемся в вечернюю прохладу, просыпается жизнь, и для хищников наступают самые добычливые часы.

Сентябрь выдался тёплым и сухим. О приближении холодной поры напоминали лишь печальные крики пролетающих на юг гусиных стай. Клык с Пышкой теперь не утруждали себя охотой: питались преимущественно

---

* Серьга — мясистый нарост под горлом с кулак величиной. Как и рога, имеется только у самцов.

в изобилии уродившимися ягодами. Мясистая голубика, правда, давно отошла, зато на старых горельниках поспела кисло-сладкая брусника, а на мшистых марях — полная терпкого кровавистого сока клюква. Прежде Пышка не обращала на неё внимания, но глядя, с каким аппетитом поедает эту ягоду Клык, попробовала. Оказалось, что очень даже вкусно.

После первых заморозков на ягодники слетелись дружные стайки куропаток. Они так раскормились, что с трудом поднимались в воздух. Теперь добыть осторожную курочку, а тем более петушка не составляло особого труда. Наевшись нежного белого мяса, росوماхи от избытка сил приступали к любимым акробатическим упражнениям: кувыркались, боролись, высоко подпрыгивая, гонялись друг за дружкой.

Спать забирались в курумник*. Там их никто не тревожил, но Клык всегда был начеку. Перед тем как лечь, вставал на задние лапы. Прощупав глазами округу и убедившись, что всё спокойно, прижимался к свернувшейся калачиком возлюбленной. Спал чутко: одним ухом дремал, другим слушал шум леса, возню мышей, скрежет кедровок. Стоило появиться постороннему звуку, как он тут же поднимал голову и осматривался.

Вот раздался чуть слышный треск, а Клык уже весь внимание. Ничего страшного — невдалеке идёт кабарга! Изящный оленёнок на тонких, как карандашики, ножках осторожно пробирается по краю сизого, обвешанного лишайниками ельника. Вместо рогов у него из-под верхней губы почти вертикально вниз торчат тонкие и очень острые, наподобие кабаньих, клыки. Он то и дело останавливается, чтобы отщипнуть свисающий с веток лишайник. Но сытый Клык даже не шевельнулся. Проснувшаяся вскоре Пышка сразу уловила в воздухе запах кабарожьей струи и посмотрела на спутника с упреком: “Как же ты, милый, проспал?! Ай-яй-яй!”

Вообще-то ей грешно было обижаться на кавалера. С ним Пышка никогда не знала голода.

В октябре оголённую тайгу накрыли затяжные дожди. Из тяжёлых низких туч беспрерывно сыпала холодная морось, кутая склоны хмурых сопок в белёсую муть. Потянулись дни скучные и однообразные.

Снег выбелил окрестности в одну ночь. Горы, казалось, приблизились, речка стала как будто шире, а серые пласты облаков опустились так, что Пышка то и дело поглядывала вверх: не цепляют ли они острые макушки елей? “Белье мухи” продолжали и днём сыпаться на тайгу.

Глухарь, набив зоб сосновой хвоей, уселся на опушённую снегом ветку. Под весом грузной птицы та резко качнулась и, осыпая сугроб серебристым шлейфом, мгновенно прорисовалась зелёной лапой.

Пышка всегда радовалась этому празднику света. Помимо приятной пухлости снежного покрова, ей нравилось то, что на нём отчётливо видны все следы. И вот сейчас они с Клыком с любопытством, как будто впервые, оглядывали отпечатки своих лап, по форме напоминающие каплю с широким веером от длинных когтей.

Морозы за несколько дней утихомирили речку, накрыв её хрустальной бронёй. Тайга и её обитатели стыли в немом оцепенении. Лишь косая строчка следов горностага была короткой, едва приметной весточкой жизни. А вон и сам зверёк вынырнул, но через несколько метров вновь исчез в снежной толще.

Временами на тайгу накатывали такие волны холода, что перестрелка лопающихся от стужи деревьев не прекращалась ни на минуту. Но росوماхи от морозов не страдали. Они с осени облачились в тёплые шубы с красиво струящимся мехом. От Клыка теперь вообще невозможно было отвести взор — до чего он был великолепен!

Шуба шубой, но, чтобы не замёрзнуть, требовалась и пища. И чем крепче мороз, тем больше. Неумоимо рыская по лесу, Клык выследил оленя. Провислая спина и понуро опущенная голова с корявыми рожками выдавали его почтенный возраст. Стоя в тальнике, тот настолько погрузился в свои старческие думы, что даже не услышал крадущихся шагов. Когда же

---

* Курумник — россыпь крупных камней.

в застывшем воздухе, наконец, почувал росомаху, бежать было поздно. Тем более что путь к бегству преграждала вторая росомаха. Оставалось одно — выскочить на реку. На отполированном ветрами льду копыта предательски расползлись, и бедолага завалился на бок.

Росомахи же чувствовали себя на скользкой поверхности, как заправские фигуристы. Запрыгнуть на беспомощно барахтающееся животное и перегрызть ему шейную артерию для Клыка было минутным делом.

Когда рогач затих, железные челюсти росомах заработали мерно и сосредоточенно. Масляные от нарастающей сытости глаза Пышки сладко щурились.

На запах крови слетелись вороны. Рассевшись на склонившейся над рекой берёзе, они, прыгая с ветки на ветку, нетерпеливо ожидали, когда хищники наедятся и уйдут. Но те даже отдыхать устроились тут же, прямо на льду. Как только какая-либо из ворон садилась на оленя, Клык вскакивал и, злобно оскалившись, отгонял. Настал день, когда парочка догрызла последнюю кость, и надо было искать новую поживу. Однако удача покинула их: все погони и засады были безрезультатными. Во время очередного затяжного снегопада звери и вовсе попрятались по норам и убежищам. За три дня парочка не встретила ни одного следа, не выцедила ни единого сулящего пищу запаха.

Лишь на четвёртый им попалась заячья сбежка. Распутывая хитроумные петли и гигантские прыжки вбок, росомахам удалось обнаружить закопавшегося в снежную толщу беляка. Косого выдали чёрные кончики ушей. Заройся тот поглубже, ни за что бы не нашли. Правда, с прыжком Клык оплошал — в когтях остался лишь клочок белой шерсти.

Подхлёстываемый страхом смерти здоровущий беляк, убегая, так далеко заносил ноги вперёд, что туловище вставало почти перпендикулярно к земле. И, чтобы не опрокинуться, ему приходилось всё время тянуть голову вниз.

Парочка, не раздумывая, кинулись в погоню. Бежать по пушистому, не слежавшемуся снегу даже широколапым росомахам было трудно. Поэтому они решили воспользоваться присущей зайцам манерой уходить от преследования, бегая по кругу.

Клык продолжил погоню размеренными прыжками, а Пышка залегла за валежиной у тропы. Когда неутомимый “скороход” поравнялся с ней, она расчётливым прыжком опрокинула его на снег и прокусила затылок.

Во время одной затяжной метели, когда всё живое, как обычно, попряталось, на их участок откуда-то забрело стадо северных оленей. Что побудило их перекочевать на заваленные снегом горы, для росомах было загадкой. Ведь здесь, чтобы докопаться до ягеля*, беднякам приходилось долго и нудно копытить сыпучую толщу. Особенно тяжело доставался ягель неокрепшему молодяку. После ночёвок на снегу всё чаще стали оставаться их замёрзшие тела. Для росомах же глубокий снег был союзником. Заботы о пропитании сменились заботами о том, как надёжней спрятать дармовое мясо. Февраль превратился в бесконечное пиршество. Под шубами сунругов появился довольно приличный слой жира. Тем не менее Пышка стала всё чаще разнообразить мясной рацион хвоей сосен и корой молодых деревьев: приближалось время щенения, и ей требовались витамины.

ПОТОМСТВО

Хотя морозы по ночам ещё кусались, солнце начало потихоньку плавить поверхность снежных надувов. С разлапистых елей частенько шумно опадала комьями снежная кухта. Вокруг тёмных стволов снег проседал, образуя глубокие воронки. Если день был тёплым, снег подтаивал и за ночь схватывался льдистой коркой. Этим спешили воспользоваться волки. По насту они легко догоняли и оленей, и лосей. Не доев одну жертву, на следующий день резали ещё и ещё. Такая безрассудная алчность серых, с одной стороны, вызвала недоумение у росомах, а с другой — радовала, поскольку обеспечивала пропитанием и их.

* Ягель похож на лишайник, но относится к грибам. Он очень богат белками.

В один из пасмурных, ветреных дней Пышкой вдруг овладело беспокойство. Малыши в утробе так разбуянились, что она вынуждена была время от времени ложиться. В конце концов, росомаха забралась под ветви кедрового стланика и замерла, прислушиваясь к мягким ударам изнутри. Нетерпеливый Клык попытался побудить подругу продолжить поиски добычи, но Пышка так глянула на него, что он тут же принялся копать в снегу пещеру. Малыши тем временем успокоились. Росомаха встала и решительно направилась в сторону лесистого нагорья. Клык безропотно зашагал следом.

В закрытом с трёх сторон скалами тупичке Пышка остановилась. Супруг всё понял: принялся рыть в мощном снежном надуве родовую берлогу. Летом росомахи постоянных убежища — неглубокие норы — либо используют естественные углубления. Только перед родами они роют долговременные снежные берлоги, сходные с берлогами белых медведей. Длина туннеля к гнездовой камере может колебаться от пяти до тридцати метров.

За несколько часов работы он прокопал туннель длиной метров десять с двумя отдушинами в потолке. Внутри устроил три камеры: гнездовую, продуктовую и уборную. Самая просторная — гнездовая. Кладовая и уборная — поменьше. Единственный вход в логово представлял собой овал размером 30 на 40 сантиметров. Все приметные пеньки и неровности в окрестностях парочка пометила где мочой, где калом.

Под утро на свет появились три мокрых комочка, облепленных реденькими волосками дымчатого цвета. Малыши были слепы и совершенно беспомощны. Единственное, что они умели, — ползти на запах молока. Насосавшись, затихали у лохматого подбрюшья между тёплых, широких лап матери. Пока они спали, Пышка тщательно вылизала их.

Клык же поспешил на охоту. За ночь развиднелось. Снег под лучами солнца искрился так, что слепил глаза. Света много, но тепла ещё маловато.

Обнаружив свежие следы косуль, Клык, размашисто “ныряя”, пустился в погоню. Увидев росомаху, грациозные олешки, взметая снег, в ужасе бросились врассыпную. Прыгали вразряжку, словно камешки-гольши по воде. Вычислив по частым, беспорядочным прыжкам самую слабую особь, Клык погнался за ней. Бежал без надрыва, ибо знал, что, как бы косуля ни старалась, наступит момент, когда она встанет.

Вначале поджарая козочка, легко взмывая над снежной периной, далеко оторвалась. Но с каждой минутой её прыжки становились всё ниже и короче. Острые кромки наста секли шкуру ног, особенно передних. На колотых льдистых пластинках появились алые пятнышки. И вот уже беглянка перешла на мелкий, путающийся шаг. Взмыленные бока колыхались часто-часто, язык вывалился от изнеможения. Когда последние силы покинули косулю, она встала.

Услышав сильное дыхание приближающейся росомахи, опустила изящную голову и обречённо ожидала развязки. Сокрушительный удар по крупу опрокинул животное на снег... Клык отгрыз заднюю ногу и понёс её в логово.

Пышка, переполненная материнским счастьем, дремала в полутьме. У сосков, наполовину утонув в тёплой, мохнатой шубе, сладко почмокивая крошечными ротиками, посапывали малыши. Розовые, с тонкой кожицей животики сытно раздулись. Учув дразнящий аромат мяса, мамаша приподняла голову. Осторожно освободившись от сосунков, она с жадностью набросилась на ещё не остывшую добычу. Насытившись, посмотрела на кавалера глазами, полными благодарности.

Через несколько дней шерстка у детёнышей закурчавилась и приобрела кремовый цвет с тёмными крапинками на лапках. Малютки пока ещё были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени дремали. Просыпались лишь для того, чтобы отыскать в густой шерсти упругий сосок и поесть.

Родители растили своих отпрысков по-спартански: щенки лежали без подстилки, прямо на голой земле. Старший был самым крупным среди них. Ещё его выделял крутой, широкий лоб. Слезящиеся глазки только начали открываться, а он уже видел. Нечётко, но видел. Братья же ещё с неделю были незрячими и находили мать — источник тепла и пищи — по запаху.

Это преимущество помогало Лобастому опережать остальных в поисках самого щедрого на молоко соска.

Когда, наконец, прозрели и братья и стали посягать на его права, перенец злился и решительно отталкивал конкурентов головой. Если такой манёвр не помогал, отпихивал лапами. А уж если кто пытался огрызаться, Лобастый хватал бунтаря едва прорезавшимися зубками за ухо и принимался теревить, таскать из стороны в сторону, урча сквозь стиснутые челюсти.

Средний брат, добродушный увалень, в таких случаях не сопротивлялся. Дождавшись конца трёпки, продолжал делать намеченное. Больше всего доставалось последышу. Как только мать засыпала, старший, набычив голову, теснил младшего к снежной стенке, не давая тому возможности вдоволь насосаться. Через несколько дней малыш до того ослаб, что так и остался лежать там.

Клык вернулся с охоты и увидел скрючившегося в углу камеры отпрыска, взял в пасть, чтобы переложить к Пышке, но поняв, что детёныш мёртв, вынес наружу и зарыл в снег.

Сосунки постоянно требовали молока и тепла. Поэтому Пышка редко покидала логово. Да и не было в том нужды — Клык исправно обеспечивал её мясом. Однако вскоре он стал пропадать. Как-то на целых три дня. Рассерженная росомаха укусила его за ухо, но Клык в ответ стал отлучаться ещё чаще. Пришлось смириться с охлаждением отношений. А малыши требовали всё больше пищи.

Однажды перед уходом Клык так безучастно глянул на Пышку, что она поняла: он не вернётся. Принесённой им зайчатины хватило ненадолго. За пару дней были раздроблены и сгрызены все скопившиеся от прежних обильных трапез кости. Молоко у Пышки пошло на убыль.

Ребятя не наедалась. Будь в живых все трое, братьям пришлось бы совсем худо. Голодные вопли росомашат вынудили Пышку оставить малышей и идти на охоту. Следов, заслуживающих внимания, поблизости не оказалось: Клык основательно “зачистил” эту территорию. Удалось поймать лишь перебежавшую по снегу к куче валежин мышку.

Пришлось искать поживу вдаль от логова. Вскоре ей повезло: поймала двух зайчат. Голод утолила, но чтобы накормить малышей, нужна более крупная добыча. Росомаха обошла устроенные вместе с Клыком в пору изобилия “схороны”, но они оказались пусты — бывший кавалер уже опустошил их. Пришлось вернуться к голодным детям и хоть скудно, но покормить их. Через день голод и недовольный писк отпрысков опять погнали её на охоту. Теперь она отправилась за соседний отрог. Там, в изголовье одного из распадков, имелся часто посещаемый оленями солёный ключ.

При спуске с косогора ей почудился запах мяса. Принюхавшись, определила, что он доносится из пещерки, образованной вывороченной с корнями елью. Проход в неё преграждали два толстых, ровно обрезанных ствола. Один из них лежал на земле, второй наклонно нависал над ним. В глубине, под сложенным шалашиком пластом земли, в полумраке виднелись кусок мяса и тушка рябчика. Добраться до этого богатства можно было только протиснувшись между брёвен.

Подлетела сорока. “Чэп-щэп, чирри-черек! Опасно! Опасно!” — прыгая с ветки на ветку, беспокойно затараторила лесная болтушка.

Долго стояла росомаха в нерешительности. Она и без сороки понимала, что неспроста проход к мясу перекрыт брёвнами. Ещё раз тщательно принюхалась. Запаха металла не было. Нос улавливал только будоражащий аромат мяса. Тем не менее благоразумие взяло верх: Пышка продолжила путь к солончаку. Но тот не оправдал ожиданий: ни одного свежего следа. Последний — трёхдневной давности. Тропить его не было смысла.

Что же делать? Ослабленной голодом росомахе тяжело продолжать поиск добычи. А перед глазами постоянно всплывало обнаруженное на косогоре мясо. Выбора нет — детей надо накормить! Рискнут!

Вернувшись к странному сооружению, Пышка осторожно протиснулась между брёвен и, ухватив рябчика, тихонько потянула его на себя. В тот же

миг на неё рухнуло что-то тяжёлое. Раздался хруст. Пышка рванулась, но тело прожгла такая боль, что она на время потеряла сознание.

Очнувшись, росомаха попыталась выбраться из-под бревна, но задние лапы не слушались. Пышку охватил панический страх, однако материнский инстинкт быстро подавил его. Упираясь передними лапами в нижний ствол, она, раздирая шкуру, чуть-чуть продвинулась вперёд. Ещё чуть-чуть! Ещё!.. Всё! Шкура на крестце содрана, зато она на свободе!

Переведя дух, бедняжка попыталась встать, но зад по-прежнему не повиновался. Она его даже не чувствовала. Росомаха торопливо съела рябчика, следом кусок мёрзлой оленины и, загребая снег передними лапами, поползла. Задние безвольно волочились следом. Сейчас всё было подчинено одной цели: добраться до потомства!

Когда она ползла по склону вверх, за ней оставалась взбитая лапами бугристая снежная траншея. Зато вниз росомаха, благодаря длинной, гладкой шерсти, скользила, оставляя за собой лишь неглубокий жёлоб. Самым трудным оказался подъём на террасу перед логовом.

Росомашата встретили мать жалобным скулежом. Напрягая последние силы, она подползла к ним. Почувыв тепло и запах молока, малыши зашевелились и, толкая друг друга, вцепились каждый в свой сосок. Насытившись и согретьшись, они сладко засопели.

Через четыре дня Пышка околела. До последнего вздоха она кормила своих детёнышей. Те ещё долго жались к остывшему телу матери, яростно теребя холодные соски.

ЧАСТЬ II

ТОП

*Стреляя в зверей,
мы стреляем в свои души.*

ЕРМИЛ. СПАСЕНИЕ РОСОМАШАТ

Дед Ермил, несмотря на то что уже не единожды давал зарок завязать с промыслом, как только открывался сезон, начинал метаться по дому. В конце концов, не выдерживал и уходил в тайгу, обещая жене, что лишь на пару недель, душу отвести. Но никогда не держал слово. Вот и нынче, хотя в его меховой копилке было девять соболей и пора было домой, и суставы разболелись так, что по утрам, прежде чем подняться с нар, по полчасу массировал колени и поясницу, старый охотник всё же решил продолжать охоту, чтобы довести счёт до пятнадцати хвостов. Тогда уж никто не скажет, что Ермил ни на что не годен.

Но верно в народе говорят — человек предполагает, а Бог располагает. Вечером у него начались страшные рези в животе. А как съест что-нибудь, даже просто выпьет чайку, так боль становилась нестерпимой. Похоже, открылась давно забытая язва. Два дня лечился травами, но ему становилось всё хуже и хуже. Надо было срочно выбираться.

Отправился в путь налегке — взял только шкурки соболей и несколько сухарей. В село вошёл в середине ночи. Как ни странно, в его избе теплился огонёк.

— Батюшки! Неужто чует, что иду? — обрадовался, тронутый Ермил.

Как только стукнула калитка, дверь открылась. Маленькая, придавленная годами жена всплеснула сухонькими ладошками:

— Господи! Слава Богу, живой! Чего только не передумала — сны плохие видела.

— Не зря видела. Чтой-то совсем плохо мне, мать. Еле дошёл.

— Может, сбегать Стёпу разбудить?

— Утомонись. Утро вечера мудренее... Динке поесть дай...

К утру деду похужело, и Степан отвёз его в город, в больницу. Прощаясь, отец сказал:

— Сынок, похоже, я тут надолго. Ты уж сходи, собери мои капканы да пасти с кулёмками опусти.

— Не волнуйся, батя. Всё сделаю. Ты, главное, поправляйся.

Но сразу же выбраться на отцовский участок Степану не удалось. Всё время задерживали какие-то дела. Попал уже в марте. На первом путике снял трёх соболей и одну норку. Вернее, только её переднюю часть: сохранилось то, что находилось в воде. Остальное мыши съели. На втором в кулёмки угодила пара огненно-рыжих колонков. Третий, последний путик — Ермиловский угол — был самым длинным, но из семидесяти ловушек порадовала только одна пасть, стоящая в самом конце у “чайного” родника. Уже издали было видно, что самоллов сработал. Степан непроизвольно прибавил шаг. Однако пасть оказалась пуста.

По остаткам шерсти на бревне и уже оплывшим под солнцем следам охотник определил, что в ловушку угодила росомаха. Сильный зверь сумел выбраться из-под тяжёлого давка и, оставляя на снегу борозду (со стороны казалось, будто протащили мешок с песком), уполз в сторону скалистого нагорья.

По характеру следа Степан понял, что у зверя не действуют задние конечности. Это обнадеживало: значит, ушёл недалеко! Однако, к удивлению опытного охотоведа, ему пришлось, несколько раз теряя и вновь находя борозду, идти три километра, прежде чем она упёрлась в зажатую между скал снежную нору. Овал лаза от частого посещения был отполирован до блеска.

— Ах, вон оно что! К детям ползла.

Степан принялся топором вскрывать канал, но всё никак не мог добраться до камеры. Выручил Мавр — его чуткое ухо что-то уловило, и он, дрожа от возбуждения, принялся раскапывать сугроб в метрах трёх от Степана. Тот бросился на помощь. Когда истончившийся купол обвалился, охотовед увидел мохнатый ком. Степан отпрянул было, но ком даже не шелохнулся. Мёртвая! А где же детёныши?

Шерстинки на краю густой шубы слегка зашевелились. Проведя рукой по меху, охотовед нащупал двух щенят. Отощавшие малыши едва слышно пищали. Они были так слабы, что когда пытались поднять головку, её начинала сотрясать неудержимая дрожь. Тем не менее лобастый щенок открыл рот и даже попытался оскалиться. Второй, напротив, смотрел доверчиво, с надеждой.

Малыши были такими худыми, что сквозь нежную шубку прощупывалось каждое рёбрышко и улавливался стук сердца. Вид их растрогал охотоведа. Он, как никто другой, понимал: ещё день-два — и им конец.

— Давайте-ка сюда, заморыши! Тут тепло! — и Степан засунул малышей за пазуху.

Потом вытащил из норы и росомаху. Увидев, что та без хвоста, ахнул:

— Батюшки, старая знакомая!

Придя в зимовьё, он растопил железную печь, развёл в кружке с горячей водой сухое молоко и налил его в пластиковую бутылку. Пометавшись в поисках подходящей “соски”, отрезал от кожаной перчатки мизинец и, проткнув шилом дырку, надел на горлышко. Попив тёплого молока, малыши подняли тупые мордочки и запищали, требуя добавки. В итоге каждый выхлебал граммов по триста.

— Сколько ж дней вы, ребятки, голодали?! — оглядывая росомашат, произнёс Степан. Сознание того, что он спас их от смерти, наполнило его сердце радостью.

Вернувшись домой, первым делом спросил у жены:

— Вера, ты не знаешь, у кого в деревне оценилась сука?

— На что тебе?

— Да вот росомашат на отцовом участке подобрал. Мать померла. Пристроить надо.

Степан вынул из-за пазухи малышей.

— Ой, какие хорошенькие, — воскликнула жена, — В рубашке, похоже, родились. Пока ты ходил, у нашей Натальи Аська оценилась. И представляешь, один из щенков — копия твоей Мавр.

Степан вздохнул с облегчением: его двоюродная сестра Наталья — добрый человек. Уж у неё-то росомашата не пропадут.

Дверь открыл муж сестры — Николай. Этот поджарый, жилистый мужик объявился в посёлке лет пять назад после отбытия срока в колонии. Человеком он оказался мастеровым и безобидным. Сойдясь с вдовой Натальей, жил тихо: рыбачил, плотничал по дворам, частенько помогал отцу Сергию. Это он вырезал из сосновых плах Царские врата, обрамление для иконостаса. Как бы оправдывая свою необычную фамилию — Пуля, — делал он всё быстро и ловко.

Степан показал Николаю спящих в корзинке малышей.

— У них мать погибла. Вера сказала, у вас Аська оценилась. Возьми, пожалуйста, выкормить надо.

— А чьи щенки-то?

— Росомахи.

Николай напрягся.

— До осени только.

— Я, конечно, не охотник, но слышал, что росомаха вредный зверь. Мол, в тайге она главный мародёр, чуть ли не подручная сатаны. Даже...

— Зачем всех слушаешь? — перебил раздражённо Степан. — Если что интересно, у меня спроси. Про любого зверя расскажу. На самом деле росомаха — очень даже полезный и умный зверь. А главное — нужный тайге.

— Ну, ладно, коль так. А долго ли выкармливать?

— До осени. Потом на зообазу сдадим. На росомах всегда большой спрос.

— Айда, попробуем Аську обмануть.

Пуля взял щенят и, обсыпав их сеной трухой, устилавшей пол хлева, отодвинув щенят, сунул их прямо к брюху собаки. Та тщательно обнюхала необычное пополнение. Запах не чужой, но на её малышей они не похожи. Зарычала было на всякий случай, но голодные росомашата уже успели прилепиться к соскам. Материнский инстинкт не позволил лишать их пищи. Тем более что сосали они до того жадно и энергично, что Ася, вылизав их мягким языком, даже задремала от блаженства. Ей нравилось, когда так активно опустошались её сосцы.

Перед уходом Степан наклонился и ласково погладил собаку.

— Умница! Спасибо тебе.

После живительного сна росомашата сели и заозирались: куда это они попали? Вокруг светло и просторно, рядом на мягкой подстилке копошатся незнакомые щенки. Вместо тёмного косматого живота перед ними вздымался белый и довольно гладкий. От него не пахло матерью. Всё чужое. Зато тепло и сытно!

— Но где же мама?!

Тут что-то заскрипело и стало ещё светлей. Над ними склонился большой зверь. Лобастый предупредительно ощерился. Наталья, а это была она, осмотрев малышей, запричитала:

— Бедняжечки! Какие вы худенькие! Ну, ничего, я вас откормлю, вы только кушать не ленитесь.

Мелодичные звуки и нежные прикосновения были до того приятны, что по телу росомашат пробежала сладкая дрожь.

Через месяц найдёныши окрепли и освоились. Теперь они не лежали часами под боком Аськи, а резво бегали по двору, участвовали в общих играх со щенками и потешных потасовках. Лобастый в азарте подчас так злобился, что горлышко начинало дрожать от хриплых звуков, а игра переходила на драку. Николай с Натальей от души смеялись, видя, как неуклюже переваливается на бегу с лапы на лапу убегающий от него брат. За такую комичную походку они назвали его Топом.

Этот добродушный малыш всем улыбался. Кто-то возразит: “Росомаха не может улыбаться!” Ну да, не может. А вот Топ мог, причём так искренне, что ему тоже начинали улыбаться в ответ.

Несмотря на уштанность, он в этой дворовой команде был самым подвижным и любопытным. Вскоре Топ знал в лицо обитателей не только этого человеческого логова, но и большинство соседей. Его удивляло то, что у них нет тёплой, пушистой шерсти. Ещё больше удивляло пристрастие людей к ходьбе на двух лапах. Он тоже так умел, но на четырёх-то удобней и быстрее.

Топ различал людей не только по внешнему виду, но и по голосам. Грубые, хриплые принадлежали самцам. У самок голоса были нежнее и мягче. Особенно приятный — у пышнотелой коротышки, кормившей их.

Запахи, шедшие от неё, приветливый взгляд говорили: её не надо бояться, ей можно доверять. Выражая свою симпатию, Топ частенько покусывал мягкие пальцы кормилицы, а во дворе, не отступая ни на шаг, путался под ногами. Там же постоянно крутилась коза Манька. Она всё норовила пожевать подол юбки. Топ из ревности запрыгивал козе на спину и, больно кусая загривок, отгонял подальше.

Молока у Аськи на всех не хватало, и Коротышка стала подкармливать малышом кашами. Больше всего накладывала увальню Топу. Она же приучила его есть хлеб. Однажды, отщипнув кусок от ещё теплого каравая, протянула его любимцу, ласково воркуя: “Ешь, Топушка, ешь!”. Малыш опасно обнюхал необычное угощение и отвернул мордочку: запах приятный, но пробовать страшно.

— Глупенький! Это так вкусно! — Наталья демонстративно откусила кусочек и, аппетитно чмокая губами, снова протянула хлеб малышу.

Топ последовал красноречивому примеру, а разжевав, весело покачал хвостом: “Вкусно! Ещё!”

Восхищённая понятливостью малыша, Наталья потрепала его за загривок: “Умница!” — и протянула кусочек побольше. Когда она попыталась так же подкормить и приголубить Лобастого, тот сердито заурчал и попытился.

С того дня любимым лакомством Топы стал свежее испечённый хлеб. Когда хозяйка пекла его и по двору расплывался пьянящий хлебный дух, он, в ожидании тёплой краюхи, садился у двери, терпеливо дожидаясь угощения.

Настал день, когда щенкам и росомашатам начали давать мясо, рыбу. Лучший кусок, как правило, отхватывал Лобастый.

— Знатный добытчик из него выйдет, — заключила хозяйка.

— Не спеши. Дай клыкам вырасти, тогда посмотрим, — возразил муж.

Если Топ был общительным и дружелюбным — одним своим видом вызывал улыбку, то Лобастый постоянно выказывал свой недоверчивый и недобрым характер. Не дай бог кому-нибудь глянуть на него в упор. Он тут же начинал злобно скалиться и рычать.

Топ, наоборот, сам тянулся к людям. Когда Наталья с Николаем разговаривали, он потешно наклонял голову, как будто пытался понять их. И, судя по его поведению, он действительно многое понимал. Если ему говорили: “Не хулигань!” — он отходил с виноватым видом, а когда говорили: “Молодец!” — подпрыгивал, восторженно вилял хвостом. И с каждым днём количество слов, на которые он разумно реагировал, росло.

Топ стал любимцем не только благодаря смекалке и добродушию, но и потому, что в нём, несмотря на нескладный вид, чувствовался крепкий внутренний стержень. У него сложились хорошие отношения со всеми, но признавал он власть только кормивших его хозяев и высокого двуногого с мордой, густо заросшей кудрявой шерстью, — Степана.

Навещал он найдёнышей вместе со своим громадным псом, которого Топ запомнил, поскольку тот был уменьшенной копией его лучшего друга — Амуре, с тоже белого, с чёрными лапами. В этом сходстве ничего удивительного — Мавр был его отцом.

В очередной раз проводывая Топы, Степан, наблюдая за поведением росомашат, сказал Пуле:

— Поразительно, что Топ такой покладистый. Для росомах это нехарактерно. Почти все изучавшие и наблюдавшие их биологи отмечают агрессивность, необщительность этих зверей. Думаю, что кроме присущего ему от рождения доброго нрава, этому поспособствовало то, что он попал к нам сосунком. А вот брат никак не раскроется. Жёсткий характер. Два брата, а какие разные... Всё как у людей.

— Похоже, и в самом деле врут охотники про росомах. Сколько я за этими мальцами наблюдаю — ничего плохого не заметил. Наоборот, они пошмыслёней иных собак. А по чистоплотности так и вовсе всем пример. Вылизываются часами, в туалет ходят в одно и то же место.

— Вот видишь, а ты всё “дьяволы, дьяволы”! Какие ж они дьяволы? Мы ведь их сами злобим. Помнишь, к моему бате одна повадилась. Так он же сам виноват — подранил её. Вот и мстила.

Мужики, каждый думая о своём, помолчали.

— Николай, а ты не хочешь охотой заняться? — неожиданно спросил Степан. — Наши на пушнине и мясе хорошо зарабатывают. Участки свободные есть. Сейчас два пусует.

— Да нет. Не лежит у меня к этому делу душа. Свою-то курицу зарезать не могу.

— Понятно... Мне это знакомо...

Если Топ радовался всем и всему, то хитрован Лобастый был всегда сосредоточен, себе на уме. Как только хозяйка уходила из дома, он подсовывал когти под дверь и рывком открывал её. Прокравшись на кухню, хватал, что глянется, и уносил добычу под кровать или за печь, где втихаря съедал. Когда маленького воришку застукали и попытались наказать, он принял такой покаянный вид, что гнев уступил место с трудом скрываемой улыбке.

Этот разбойник был настолько смекалистым, что даже научился открывать холодильник. Однажды он всё же крупно проштрафился. С такой силой дёрнул нижнюю, запертую на замок, дверцу горки, что стоящая на верхних полках посуда повалилась на пол. На грохот разбившихся тарелок, чашек и рюмок вбежала хозяйка. Копившаяся десятилетиями посуда, часть ещё от родителей, превратилась в груды осколков. В сторонке стоял, понуря голову, Лобастый. И хотя его взгляд выражал глубокое страдание, тут даже добросердечная Коротышка не сдержалась и в гневе вышвырнула разбойника на крыльцо.

После этого случая входную дверь в летнюю кухню и избу стали запирают на двухстороннюю задвижку. Во дворе же молодёжь ни в чём не ограничивали. Они устраивали потешные схватки, погони. Когда особенно сильно припекало, отлёживались в тени.

Лобастый к общим играм и вылазкам присоединялся редко. Как правило, разгуливал в одиночестве или отлёживался под крыльцом. Топ же с подросшими щенками, можно сказать, сроднился. А с Амуром они даже ночью не расставались: спали, прижавшись друг к другу.

В четыре месяца росомашата хоть и не достигли размеров взрослых особей, но окрас меха уже ничем не отличался: буро-коричневая спина, та же подковообразная плеча от основания хвоста до предплечья. Ноги от ступней до колен в чёрной блестящей шерсти. Только у Лобастого, в отличие от брата, спина была намного светлей и по цвету почти сливалась со шлейей.

Степан иногда приходил проведать и осмотреть росомашат. Когда очередь доходила до Лобастого, Пуля предупреждал:

— Поосторожней! Он чёрт такой, может и тяпнуть. Его и сдашь на зобазу. А Топ я оставлю. Привязались все к нему. Особенно твоя сестрица. Ласкун такой, умница!

— Да уж! Звери, как и люди, всяк со своим характером.

РЫБАК

Пуля со временем стал неплохо понимать издаваемый Топом стрёкот, урчание. Когда Николай выходил из дома в громадных чёрных сапогах и приветствовал всех словами:

— Кто сегодня со мной? —

Топ, комично кивая головой, тут же бежал к калитке и радостно стрекотал. Он знал: сейчас хозяин достанет из сарая длинные гибкие палки, пахнущую рыбой брезентовую сумку, и они пойдут на озеро или речку. Однажды Пуля, никого не позвав, ушёл на рыбалку один. Так Топ до того разобиделся, что забился за поленницу и, как ни пытались его выманить, просидел там до ночи.

Отец Сергей тоже любил порыбачить и, когда возвращался с уловом, всегда заворачивал во двор Николая Николаевича, чтобы угостить росомашат мелочью (специально оставлял для них). А случались и такие особенные дни, когда на рыбалку отправлялись все вместе: священник, Николай и Топ. Если Николай был занят: кому-то крышу перекрывал, ставни менял, а батюшка шёл на рыбалку, — то он непременно брал с собой и Топу. Вот и нынче выдался такой день.

Выйдя к излучине с глубоким омутом, отец Сергей бросил в воду ком каши и закинул удочку. С этого момента Топ не сводил с поплавок глаз. Увидев, что тот заиграл, напрягся. Когда священник стал подтягивать быющую рыбу к берегу, решил помочь — прыгнул в воду. Первый раз это отца Сергея умилило, но когда с крючка сошло подряд два голавля, он шутанул “помощника”. Расстроенный росомашонок ушёл за прибрежные кусты. Вскоре оттуда донесся шумный всплеск.

“Щука, что ли, играет? Надо бы живца закинуть”, — подумал батюшка. Он обогнул заросли, и перед ним предстал Топ, лежащий на склонившейся над водой корягой и дождавший рыбку.

Откуда он её взял?

Притаившись, отец Сергей стал наблюдать. Недалеко от берега плавал размякший кусок хлеба. Вокруг суетилась мелочь. Когда подплыла рыбка покрупнее, Топ резким движением выхватил её из воды.

“Вот это да! Сообразительный, чертёнок!” — подивился батюшка и тихонько вернулся на своё место. Минут через десять росомашонок подошёл к священнику с рыбкой в зубах. Положив её у ног, застенчиво отвернулся.

— Ай да молодец! Меня обловил! — похвалил отец Сергей, а про себя подумал: “И чего это учёные мужи пишут, будто звери разума не имеют. Создатель никого не обидел. Это мы самовольно возвысили себя над всем живым. Понимать, чувствовать иных божьих созданий не желаем”.

Невольно припомнился недавний курьёз. Церковь в Верхих приземистая, а вот колокольню Пуля срубил высокую. Народ радовался, когда на праздник и после литургии благодный звон начинался. Селяне душой воспаряли. Как-то утром, ещё и коров не выгнали, вдруг ни с того ни с сего по селу понеслось: “Бом-бом”, — потом опять: “Бом! Бом!” Что такое? Балует, что ли, кто?

Вышел и увидел, что на перилах колокольни вороны важно так сидят. Одна со всей силы за верёвку дёргает. Пришлось подняться. Прогнал всех. Только спустился — опять: “Бом! Бом!” И не одна ворона, а сразу две за верёвки тянут. Дёрнут, отойдут, другие подходят. Так по очереди и звонили. Вот ведь до чего додумались! После этого, чтобы непорядок пресечь, верёвки внатяжку к перилам стали привязывать.

Благодаря необычайно тонкому обонянию и слуху, Топ лучше всех щенят ориентировался в изменчивой обстановке и мало-помалу приобрёл такой авторитет, что его стали признавать за вожака.

Природная наблюдательность помогла ему понять, что прямоходящие отличаются друг от друга характерами. Потому и пахнут они по-разному. Внюхайся — и не останется никакой загадки. Его хозяин, например, — судя по запаху, — справедлив и добр: если провинился, может отругать, а отличился — дать что-нибудь вкусенькое.

Как-то, вернувшись с рыбалки, Топ не нашёл во дворе брата. Это не удивило его: и раньше бывало, что Лобастый пропал до вечера. Но шли дни, а тот так и не появлялся. Хотя они и не были дружны, Топ скучал и пытался даже искать брата, но безуспешно. И неудивительно — охотовед увёз его в город.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Подошло время, когда Топ начал смутно сознавать, что мир, в котором он живёт, не его мир. Что его настоящий дом в лесу. Он был уверен, что именно туда ушёл и брат. Теперь, когда его брали на рыбалку, он не следовал, как прежде, по пятам за двуногими, а с каждым разом всё глубже забирался в таинственную чащу.

Как-то рядом с ним из-под листьев вынырнул зайчонок. Перебегая короткими рывками, он вздрагивал и надолго замирал, принохиваясь дрожащим от страха носиком. Увидев громадного зверя, малыш бросился наутёк, однако Топ оказался проворней.

Схватив зубами бархатистый шарик, он съел свою первую добычу. В другой раз на него выбежал бурундук и изумлённо уставился чёрными глазками-бусинками. Топ попытался схватить его, но стоило ему шевельнуться, как тот исчез: вроде только что был, а уже нет!

Набегавшись вволю, росомашонок возвращался к рыбакам.

Настал день, когда он отважился на самостоятельную вылазку. Верный ему Амур следовал рядом. Углубляясь в лес всё дальше и дальше, друзья рыскали по чащобе, взбирались на скалы. В заросшем молодыми сосенками горельнике тонкое обоняние Топа уловило волнующий дух. Память предков подсказала, что это запах большого зверя. Следуя к нему, он вскоре увидел торчащие из травы беловатые кончики рогов, вздувшийся бок лося.

Топ был потрясён — впервые видел столько мяса сразу. И всё оно принадлежало ему и Амуру. Это он нашёл его и теперь никому не отдаст свою добычу! Молодой хищник наелся так, что живот стал похож на туго накачанный шар. Амур не стал даже пробовать. Понюхав, он сморщил нос и улёгся с наветренной стороны. Топ никак не мог понять, почему его друг отказывается от такой вкуснятины.

Через день, вспомнив про груды мяса, росомашонок пошёл к ней один. На третий раз пообедать не удалось. У туши пиновала стая волков. Один из них, заметив Топа, грозно оскалил окровавленные клыки и, наклонив голову, сделал предупредительный шаг в его сторону. Топ понял, что ему лучше уйти. Так он узнал, что в лесу есть звери посильней и их лучше сторониться. Возвращаться к двуногим не хотелось. Хозяйка, конечно, добрая и ласковая, но похлёбка, которой его кормили, порядком надоела. Молодой организм хищника требовал мяса. Делать нечего — надо искать новую пищу. Топ набрёл на заросли малины, облепленной сочными, алыми ягодами. Они выглядели столь аппетитно, и от них исходил такой аромат, что он решил попробовать их. Пасть наполнила сладость. Топ ел и ел, пока ягоды не закончились.

Это было очередное открытие: оказывается, в лесу, кроме мяса, есть и иная пища. Радуюсь сытости и свободе, он прилёг на тёплом камне недалеко от малинника. В какой-то момент боковым зрением засёк вылезавшего из норы остромордого зверя. Видя, что тот заметно крупнее его самого, Топ решил было не связываться с ним, но внутренний голос ободрял: не бойся, вперёд! Сам того не ожидая, он резко развернулся и что есть силы застрекотал. Этот боевой клич пробудил в нём дремавший дух хищника. Молодой барсук дрогнул и стал пятиться.

Ещё раз окинув оценивающим взглядом приземистого, плотно сложенного толстяка в сероватой, отливающей серебром шубе, Топ опять заколебался — одолеет ли? Но более сильные инстинкты уже завладели им: он ринулась в атаку. Однако барсук оказался проворней. Пронзительно вереща, он в три прыжка достиг лаза и скрылся в своём подземном убежище.

Из этого урока Топ сделал вывод, что возле норы нападать нельзя. Нужно дать намеченной жертве отойти от входа подалее и атаковать, перекрыв путь к отступлению. Определив направление ветра, Топ залёг в отдалении, так чтобы был виден выход из норы.

Потянулись часы ожидания. Ночь густела, звёзды мерцали, как глаза невидимых зверей. Топ заметил за ними удивительное свойство: если задремать, то когда поднимаешь веки, они оказываются в другом месте. По этим

небесным глазам он впоследствии научился судить о времени ночью. Днём в этом помогало солнце.

Когда этот толстяк выйдет?! Так хочется есть! — страдал Топ, но тут же сам себя успокаивал: терпение! терпение!..

Наконец, белёсая голова с чёрными полосками по обеим сторонам морды высунулась из норы. Оглядевшись и ничего подозрительного не приметив, барсук поковылял по косогору к ручью.

Пора!

Нагнав увальня, Топ с парализующим волю рёвом запрыгнул на него сзади. Сомкнув клыки на шее, он вскоре почувствовал, как слабеет сопротивление жертвы. От ярости и непривычного напряжения челюсти свело судорогой. С трудом разомкнув их, он ощутил такую бьющую через край радость, что, издав счастливый стрекот, несколько раз высоко подпрыгнул над добычей.

Никто никогда не обучал его охоте, а вот получилось! Для Топа стало откровением то, что мясо, добытое в борьбе, гораздо вкусней. Он решил не возвращаться в село. Услышал на следующий день голос хозяина: “Топ! Топ! Ау! Топ! Ау!” Хотел было побежать навстречу, и уже даже рванулся, но что-то остановило: почувствовал — его дом здесь.

Однако не всё в тайге легко и гладко. Уже на следующий день рысь отняла у него остатки барсука. Топ был молод, его мускусная железа, извергающая обезоруживающую струю, ещё не созрела, а силёнок противостоять крупной, поджарой кошке не хватало. Возмущённо урча, он удалился. Но голодать не пришлось: мясо беспечной куропатки оказалось даже вкусней барсучьего.

Без усталости рыская, внимательный зверь учился различать звуки леса. Голоса пернатых подсказывали ему, где добыча, где опасность. А по тому, как бежит тот или иной зверь, Топ стал понимать, спасается он или сам кого-то преследует. Вот и сейчас мимо размашистой рысью пронеслись лоси. Всё ясно! Их кто-то потревожил. Точно — вон и волки показались.

Поохотившись и нагулявшись, Топ отправлялся отдыхать на ближайшее продуваемое возвышение. Дремал, правда, чутко и при малейшем шорохе зорко осматривался, принохивался, прислушивался. Однажды, нежась на обрывистом берегу, он услышал громкий треск сучьев. Из леса на плёс вышла медвежья семья: мамаша, пестун и медвежонок. Широколобая медведица с кольшущимися от жира округлыми боками и широкой спиной показала Топу громадной глыбой. Ступала она сосредоточенно, лишь изредка бросая исподлобья взгляды по сторонам. Когда семейка подошла ближе, он разглядел выглядывающие из пасти жёлтые кончики клыков.

Покачивая головой в такт шагам, медведица вела своих деток к шумному, заваленному валунами порожку, соединяющему верхний и нижний плёсы. Перейдя пенистый поток, медведица, уверенная, что пестун поможет братишке, двинулась к лесу. Но тот даже не остановился, побежал следом. Малыш же, напуганный шумом пенящейся воды, остался скулить на берегу.

Топ ожидал, что мать бросится ему на помощь, но ошибся. Медведица подскочила к пестуну и отвалила такую затрещину, что тот кубарем покатился к реке. Урок пошёл впрок: пестун, прыгая по мокрым валунам, перевёл братишку через речку.

Ошалев от первых успехов, Топ настолько осмелел, что решил попытаться завалить лосёнка, жившего с мамашей в затянутом молодью горельнике. Но как к нему подступиться? Лосёнок следовал в двух-трёх шагах от матери, а подставляться под удары мощных копыт Топу не хотелось.

Как-то, наблюдая за ними в отдалении, Топ увидел, что лосиха спрыгнула с крутого яра к воде, а малыши залёг в траве. Тут уж молодой хищник не устоял. Заметив приближение бурой торпеды, лосёнок вместо того, чтобы кинуться к матери, припал к земле, чем и предопределил исход атаки...

Топ не стал сразу есть добычу. Сначала следовало успокоить рвущееся от ликования из грудной клеточки сердце и насладиться сознанием своего могущества. Снизу донёсся скрежет гальки. Это поднималась с ключа мать-лосиха. Опьяненный победой, Топ приготовился было защищать добычу, но интуиция

подсказывала, что в этом животном заключена такая мощь и сила, перед которой благоразумнее отступить. Он быстро вскарабкался на дерево и затаился.

Ждать, когда лосиха оставит бездыханное дитя, пришлось долго. Зато потом молодой разбойник столовался безбоязненно. От съеденного живот раздулся так, что на пригнувшуюся развилку дерева Топ взобраться уже не смог. Отдыхать заполз под буреломный отвал. Но прежде, чтобы на жаре остатки недоеденной добычи не портились, перетащил всё к клочку. Притопив мясо в родниковой воде, завалил его сверху валунами.

Власть поспав, Топ потянулся во всю длину, оттягивая задние лапы, широко зевнул, сощурил чёрные глазки и, взобравшись на поваленный ствол, прошёл по прогретой коре. Ещё несколько мощных прыжков, и он, перелезев кусты, оказался на уступе скалы. Отсюда удобно было обозревать окрестности.

Вдали за отрогом поблёскивал край озера. Где-то там живут его кормильцы и верный друг — Амур. В глазах Топа мелькнула грусть, но окружающий простор, сознание того, что он может сам решать, куда идти, чем заниматься, и лежащая рядом “гора” мяса не оставляли сомнений — он сделал правильный выбор!

ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Прошёл год. Незаметно подкралась очередная слезливая осень. Топ возмужал и теперь чувствовал себя на своём оконтуренном пахучими метками участке полноправным хозяином. До совершенства отточив умение выслеживать, ловить и умерщвлять добычу, он редко голодал.

Погожие дни сменились ненастными. По небу лениво ползли низкие, лохматые, наполненные влагой тучи. То и дело начинал сеять мелкий нудный дождь. Топ спасался от него под старыми елями — их покатые шатровые кроны не пропускали ни капли. По утрам траву в распадках выбеливал иней. Заморозки с каждым днём крепчали. Отряхнули ржавый головной убор деревья. По оголившейся тайге свободно загулял стылый ветер. А вскоре и водоёмы стали затягиваться тонким, стрелчатым ледком.

Ходить по лесу стало намного легче: траву прибили морозы, а листья осыпались. Теперь любое движение зверя и птицы бросалось в глаза, зато и сам Топ стал более заметным для тех, к кому подкрадывался. Приближение стужи его не страшило: пышная зимняя шуба была надёжной защитой.

Иногда всё же вспоминалось тёплое логово вскривших его двуногих, но ни разу, даже мимолётно, не возникло желания вернуться туда. Наоборот, хотелось расширить пределы освоенной территории. Разведать, какое там зверьё и сколько его. Особенно манила трёхгранная вершина, венчающая соседний, оскالившийся зубастыми скалами кряж. И Топ отправился к ней.

Поднимался не спеша, попутно заглядывая в самые буреломные места. На отдых устроился под каменным козырьком, посреди склона. Небо затянуло толстым слоем серых облаков, но Топа это не смущало — знал, что у неба много одежд. От светло-голубых до почти чёрных.

Проснувшись, он зажмурился от брызнувшего в глаза света: бурая ещё вчера земля была покрыта белым, искрящимся в лучах солнца одеялом. Тайга хоть и посветлела, но стала гуще. Даже тоненькие веточки, облепленные снегом, выглядели теперь толстыми сучьями. Накрытые белой ризой ёлочки разом подросли и возвышались островерхими конусами. Воздушной мягкости пушинки привели росомаху в состоянии восторга — Топ любил зиму. Ещё бы! Ведь на снегу так хорошо видны все следы, а это так помогает в охоте.

Он то и дело нюхал, подкидывал лапами невесомую снежную массу. Потом зарылся по брови в её толщу, с удовольствием хватая пастью холодные снежинки. Отфыркавшись, проурчал что-то радостное, восторженное. После этого целиком закопался в сугроб. Освежившись, чистоплотный зверь занялся чистой шубы: елозил по снегу животом, переворачивался на спину, долго перекачивался с бока на бок. Завершив “купание”, отряхнулся. Да так мощно, что снежинки окутали его алмазным облачком. Чистые волоски распушились. Теперь при каждом прыжке мех перекачивался плавными волнами.

Зайцы и куропатки ещё не успели сменить летний наряд на зимний и были хорошо заметны на белой пелене. Это ещё больше облегчало охоту на них. И урожай шишек кедрового стланика в этот год выдался богатым. Трескучие кедровки срывали с торчащих над снегом веток шишечки и уносили каждая в свою “столовую”. А под переплетениями гибких стволиков сновали неугомонные мыши. Топ вынюхивал их подснежные ходы и безошибочно пробивал снег лапой именно там, где в этот момент находился шустрый обладатель бархатистой шубки. Добыча мелкая, но в начале зимы мышей было так много, что Топ некоторое время питался только ими.

* * *

Сосед Пули, самый фартовый промысловик госпромхоза, пятидесятидвухлетний Карп Сильч, завершив обход путика, размашисто скользил на лыжах к своей заимке. Несмотря на чувствительно пощипывающий мороз, у него было прекрасное настроение. Ещё бы! Снял трёх соболей. Одного — на подрезку, остальных — на приманку. Подрезка — способ охоты на пушнину, при котором капкан устанавливается на ходовой тропе под снежным следом.

До избушки оставалось не более одной версты, как вдруг с ближнего кедра чёрным вихрем сорвался глухарь и спланировал в ельник, стекавший по склону тёмно-зелёной лентой. Намётанный глаз промысловика засёк его характерный силуэт между качнувшихся лап ели.

“Подкова за одного глухаря платит, как за пятнадцать рябчиков. Грешно не воспользоваться. Если обойти справа, то под прикрытием деревьев можно приблизиться на верный выстрел”, — рассудил Сильч и свернул с лыжни.

Выцелив, нажал на спуск. Краснобровый гигант, беспорядочно хлопая воронёными крыльями, закувыркался вниз, сбивая с ветвей комья снега. В последний момент он всё же сумел выправиться и, медленно набирая высоту, потянул через курумник к соседней полосе ельника.

Сильч успел-таки пальнуть вслед. Промах! Расстроенный неудачей, рванул вдогонку. Выехав на присыпанные снегом угловатые глыбы, понял, что на лыжах курумник не проскочить. Скинув их, побежал, расчётливо прыгая по выступающим из снега камням. Тем временем глухарь отлетал ещё дальше. Промысловик, ругая себя всякими словами, рванул вслед. Нога, соскользнув с камня, угодила в щель. Голень пошла на излом, кость хрустнула, и Карп Сильч рухнул на заснеженные камни. Сгоряча попытался встать, но от пронзительной боли потемнело в глазах.

Перелом! Эта мысль обожгла сердце промысловика.

— Без паники! Бывает! Зимовьё рядом. Доберусь! Надо только шинки наложить, иначе боль не даст двигаться, да и кость может сместиться, — успокаивал он себя.

Стиснув зубы, охотник осторожно подполз к торчащим из снега веткам кедрового стланика и вырубил шесть плашек. Ошкурив, просунул их по очереди под голенища меховых унтов и туго стянул ремнём. Пошевелил ногой — терпеть можно.

Теперь следовало добраться до лыж, оставленных на краю каменной россыпи. Сильч лёг на живот и, толкаясь руками и здоровой ногой, пополз. Лежащие в беспорядке глыбы оказались довольно серьёзным препятствием. Выискивая удобные проходы, охотник постоянно менял направление. Запыхавшись, скинул рюкзак, рядом воткнул ружьё. Добравшись, наконец, до лыж, улёгся на них и принялся толкаться к путика. Когда “выехал” на его укатанное полотно, заскользил намного быстрее. Теперь Сильч ругал себя за оставленные одностволку и рюкзак с соболями. Когда ещё вернётся!? За это время вездесущие мыши могут состричь ценный мех для утепления своих шарообразных спален. А его двудулке вообще не было цены. На вид невзрачная, зато лёгкая, с резким, кучным боем. Да Карп Сильч и не гонялся за красотой. Наоборот, не чистил стволы снаружи, чтобы не блеснули на

солнце и не выдали его присутствия. Зато внутренность содержал в идеальной чистоте: концентрические кольца сияли так, что смотреть было больно.

Наконец, начался уклон. Значит, речка близко, а там и зимовьё. Промысловик облегчённо вздохнул и вытянулся во весь рост отдышаться перед последним рывком. Восстановив дыхание, Карп Сильч привстал на здоровое колено. Над руслом парила наледь. Она появилась с неделю назад и с каждым днём росла в размерах. Даже по сравнению с утром тёмная лента пропитанная водой снега заметно расширилась.

Вообще-то наледи в этих краях — обычное явление. Горные речки и ключи зачастую промерзают до дна? и грунтовая вода, выпираемая внутренним давлением через береговой галечник, струйками стекает на лёд. Тонкие плёнки, раз за разом намерзая, быстро наращивают его толщину. В итоге к концу зимы наледь может достигать двухметровой толщины, а то и больше. Охотника встревожило то, что вдоль противоположного берега ползла со зловещим шуршанием ледяная каша. По всей видимости, пробился наружу ключ. “Ну и денёк! Сначала перелом, теперь наледь поёрла! Её бы “обойти” сверху, но ползти по целине нет сил... Ну, да ладно, как-нибудь переберусь. Не сахарный, не растаю... Печь затоплю и обсохну”.

Уж очень хотелось ему в тепло. Вытянуться, наконец, на нарах у печки. Он с надеждой глядел на белеющий в сумерках взлобок, на котором призывно чернела его избушка.

С берега промысловик съехал, как на санках. До середины русла тоже дополз легко. Дальше лёд на протяжении пяти-шести метров покрывала медленно ползущая “каша”. Превозмогая боль, Карп Сильч встал на четвереньки и решительно зашёл в неё. Он не знал, что под мелкой шугой прячутся промоины, перекрытые слоями истончённого течением льда. Когда промысловик благополучно преодолел большую часть подвижного крошева, лёд не выдержал, хрустнул, и правая рука провалилась по локоть в воду. Охотник опёрся на левую, но та провалилась ещё глубже: туловище почти целиком оказалось в воде. Острые кромки льда секли руки, но он не чувствовал боли: пока полз, они до того заоченели, что из порезов даже кровь не выступила.

Собрав остатки сил, промысловик сумел-таки выбраться на чистый лёд. Тело трясло от перенапряжения и холода. С него ручьями стекала вода. Сделав три неуверенных “шажка”, Сильч остановился. Глядя на избушку, представил себе, как совсем скоро он растопит железную печурку и будет отогревать у докрасна раскалённого железного бока застывшие внутренности горячим чаем из чаги. От этих мыслей ему стало хорошо, тепло... Веки сами собой смежились... Мороз тем временем крепчал...

Проснулся как от толчка. Карп Сильч попытался пойти, но не тут-то было. Он не смог даже шевельнуться: руки и колени намертво вмёрзли в лёд, а мышцы так застыли, что уже не подчинялись. Что за чертовщина! Промысловик угадал, что он прикрыл глаза всего на минуту. На самом же деле прошло более получаса. На потемневшем небе уже проклюнулись первые звёзды. Обездвиженный охотник от ужаса завыл на всю округу, но прийти на помощь было некому...

СТРАННЫЙ ДВУНОГИЙ

Освежая очередной раз пахучие метки, Топ увидел на заснеженной полянке с десяток тетеревиных лунок. Тихонько ступая, он подкрался и прыгнул на крайнюю. Но не угадал — спаленка оказалась с другой стороны. Снег вокруг сразу вздыбился фонтанами взрывов от вылетающих птиц. Заснеженный пенёк под кустом тоже ожил: это был вовсе и не пенёк, а притаившийся заяц. Когда он побежал, чёрный нос и чёрные кончики ушей выдали его. Топ был не настолько голоден, чтобы гоняться за быстроногим беляком, и отправился искать добычу доступней. Со стороны ключа донеслась гортанная перебранка. Там, где вороньё, там должна быть пожива.

Выйдя к речке, он увидел чёрных пернатых, что-то долбивших железными клювами у противоположного берега. Несколько выше темнело логово

охотника. Ещё несколько ворон, сидя на снегу и на низко склонившейся берёзе, негромко переговаривались: то ли ожидали, когда освободится место, то ли уже наелись.

Птицы кормилось без опаски, недовольно поглядывая на Топа. Когда он приблизился, они отлетели, и Топ увидел стоящего на четвереньках человека, наполовину вмёрзшего в лёд. Его зад был выклеван местами до костей. Подойдя вплотную, зверь обнюхал двуногого и застыл в замешательстве: это был запах человека, жившего рядом с его кормильцами. Топ отвернул морду — есть человеческое мясо ему не позволял генетический страх.

Зверь поднялся на берег и, обойдя избушку, убедился в отсутствии свежих следов людей. Зато на задах обнаружил десятки ободранных белчиных и собольих тушек. Так тут можно и пожить! Этого мяса надолго хватит!

Если б он знал, к каким последствиям приведёт это решение, он обошёл бы эту зимушку за версту.

Съев за один присест двух мёрзлых белок, довольный Топ побарахтался в снегу. После такой ванны его и без того блестящая шерсть заструилась, заиграла на солнце.

Безмятежно прожил Топ здесь больше недели. Прожил бы и дольше, но в один из погожих дней с устья распада донёсся скользящий шорох и поскрипывание лыж. Топ встал на задние лапы — никого не видно. Взобрался на макушку кедра. Сквозь хвою разглядел идущего по тропе человека. Вскормленный людьми, Топ их не боялся, но от этого двуногого исходила какая-то угроза. Он спустился с дерева и ушёл в горы.

Сын Карпа Сильча — Антон, работавший мотористом дизельной электростанции в Верхях, встревоженный тем, что отец на Новый год не вышел, договорился с напарником о подмене и отправился в тайгу. К избушке подходил на исходе дня. При виде бурого пятна на речке сердце парня бешено заколотилось от страшной догадки. Спустившись на лёд, он остолбенел. Перед ним на четвереньках стоял отец с обглоданным задом. У Антона перехватило дыхание. По многочисленным отпечаткам росомашьих лап вокруг избушки он решил, что именно росомаха виновна в гибели отца.

Вырубив изо льда тело, он завернул его в брезент и погрузил на стоящие у зимовья нарты. К этому времени совсем стемнело. Возвращаясь в село жутковато. Всю ночь Антон пил спирт, плакал, вспоминал отца. Впадал в тревожное забытьё, а проснувшись, вновь пил, рыдал. Он не мог поверить в то, что такое могло случиться именно с его отцом — опытным промысловиком.

Утром, впрягшись в сани, Антон повёз скорбный груз домой. В дороге сквозь непрорывающиеся слёзы заметил идущего по гребню увала косматого зверя. Росомаха! За мной теперь следит? Парень невольно стиснул цевьё ружья и прибавил шаг. Скорей бы добраться до села!

В тёплой избе тело Карпа Сильча за ночь оттаяло, и, когда его раздели, по шинам, наложенным на голень, селяне поняли, что у него перелом ноги и к зимовью он не шёл, а полз. Позже это подтвердил и бугристый след, приведший людей к ружью и рюкзаку, оставленным охотником. Посему у первоначальной версии появилось уточнение: кровожадная росомаха загрызла обессиленного и беззащитного человека в двадцати метрах от избушки. Почему-то никто не обратил внимания на то, что у охотника ни на лице, ни на теле не было следов ни от зубов, ни от когтей. Однако репутация у росомых такова, что многие сразу согласились с вынесенным в первый же день приговором: убийца Карпа Сильча — росомаха. Были всё же и те, кто не поверил, но их не слушали. Макарыч и тот засомневался:

— Наверяд ли это росомаха. Пакостливая, конечно, зверина, но не слышал, чтобы на людей нападала.

— Вас послушать — добрей росомахи зверя нет. Ещё волков в друзья запишите, — огрызнулся Антон.

— Да при чём тут волки! Ты же видел росомашат, что у соседей жили. Вполне дружелюбные...

МЕСТЬ

За неделю весть о том, что росомаха загрызла человека, облетела не только деревню, но и все охотничьи участки. Кто-то поверил, кто-то — нет, но в разгар промыслового сезона, который кормит семью весь год, отвлекаться на облаву было не с руки. С жаждущим возмездия Антоном согласился пойти лишь его одноклассник Михаил.

Горбушка солнца едва пробила горизонт, а парни уже шагали по заваленной снегом лесной тропе, по очереди пробивая лыжню. Шли молча, и лишь пройдя километра три, сели на поваленный ствол передохнуть.

Насторожённо прислушиваясь к шуршащим по берёзовой коре поползням, прикидывали, где может находиться росомаха. Сошлись на том, что она, скорее всего, на той гряде, где видел её Антон. Поднявшись на неё, сразу наткнулись на едва заметные старые росомашьи следы. А спустившись в долину соседнего ключа, обнаружили уже и свежие.

— Сытая, — уверенно заключил Антон.

— С чего ты взял? — удивился товарищ.

— Отец ведь из меня охотника хотел воспитать. Всегда рассказывал о повадках зверей. Голодный зверь к каждому кусту, к каждой валежине подходит, обследует, а этот прямо тянет.

Только начали тропить, как на них выскочил лось. От неожиданности он на миг оцепенел, а когда сообразил, что надо бежать, и стал разворачиваться... Две пули с глухими шлепками вошли в подставленный бок. Одна из них, как потом выяснилось, пробила сердце. Тем не менее лосяра пробежал ещё метров сто. Лишь перед подъёмом на косогор ткнулся в сугроб.

Разделав непредвиденный трофей, ребята водрузили голову с лопатообразными рогами в развилку ольхи. Пока прилаживали, одна “лопата” отвалилась. Мясо погрузили на нарты. Часть требухи оставили на снегу, а остальное порубили на кусочки и разбросали поблизости. Чтобы наверняка привлечь внимание зверя к приваде, протащили шкуру по пойме там, где следов росомахи было больше всего. Потом спустились по ключу километра на два и поставили палатку. Затопили походную жестяную печурку. Остаток дня жарили печёнку, гоняли чай.

Ближе к вечеру оделись потеплее и отправились к останкам лося караулить росомаху. Взобравшись по сучьям на кряжистую сосну, ребята устроились на широких развилках так, чтобы были видны все подходы к приваде. Полная луна хорошо освещала проплешину, на которой лежали шкура и внутренности сохатого. В томительном ожидании прошло несколько часов. Ночная тишина никем не нарушалась. Ребят стала одолевать дрёма. Вдруг будто незримая рука коснулась Антона. Открыв глаза, он увидел мелькнувший между стволов тёмный силуэт. Сердце забилося учащенно. Росомаха! Пришла-таки!

Но это оказались волки. Они трусили по ароматному следу, оставленно-му потаском. Впереди мощный, широкогрудый предводитель.

В это же время к приваде приближался, только с другой стороны, и Топ. По густой насыщенности приносимого ветерком запаха он знал, что впереди его ждёт много мяса, и, предвкушая обильную трапезу, то и дело сглатывал заливавшую рот слюну. Но что это за тени? Ого! Волки! Первый — его старый знакомый — их вожак. Топ затаился. И тут раздался чуть слышный металлический щелчок. Матёрый волк, вонзив настороженный взгляд в то место, откуда донёсся таящий смерть звук, застыл.

Таким и остался он в памяти росомахи. Грянул гром. Молотя по снегу сильными лапами, волк попытался вскинуться и побежать, как обычно, легко, стремительно, но тело не подчинилось. Второй выстрел прекратил его конвульсии. А Топ бросился наутёк. Ему вслед гремели выстрелы. Рядом с ухом что-то просвистело, и стоящая впереди берёза вздрогнула от удара. Росомаху обьял ужас. Лишь одолев изрядное расстояние, перепуганный зверь взобрался на перевальный излом и прилёг. С этого места был хороший обзор, и к нему никто не мог подойти незамеченным. Топ был потрясён: люди, которые всегда были добры, стреляли в него!

Обойдя днём окрестности, молодые охотники увидели, что россомаха действительно подходила, но ушла. Разыскивать её по следам без собак не стали. Вернувшись в село с горой мяса, Антон всё же не оставил мысли о мести. Через неделю он вновь предложил Михаилу повторить попытку, но уже с собаками.

— А где их возьмём?

— У Николая Николаевича Пули, отцова соседа, попросим. Он мужик не прижимистый. Думаю, даст.

Отправились к Пуле.

— Дядя Коля, я к вам. Выручайте! Лаек на несколько дней надо бы.

— На что тебе?

— Без собак мне россомаху не взять.

Пуля посмотрел на парня не то с состраданием, не то с сочувствием.

— Извини, Антоша, не дам. Во-первых, я не уверен, что россомаха загрызла твоего отца. Прикинь, если бы она и в самом деле загрызла, как бы он мёртвый на четвереньки встал. И на теле ни единой раны, ни от когтей, ни от зубов. Даже царапин нет! Я же сам его обмывал. А зад, видно же было, птицы поклевали... Давай тогда и ворон всех перестреляем... Перебьем всех в лесу — что ж в том хорошего? Лес без зверей и птиц — мёртвый, увечный! Во-вторых, россомаха нух собакам может попортить.

— Эх вы! Часовой природы! А отец считал вас лучшим другом! — Парень усмехнулся и пошёл на выход.

Тут Пулю осенило: “Дам-ка ему Амура. Если та россомаха и в самом деле Топ, как мне кажется, то он его не тронет”.

— Постой, Антон! Не кипятись! Одну дам...

Поскольку и Михаил, и сам Антон не сильны были в зверином промысле, они уговорили пойти с ними Лукьяна: невзрачного, тщедушного мужичишку с рыжей всклокоченной бородкой. Он, оставив участок под присмотром сыновей, вывез на собаках две туши оленей и, сдав их, уже несколько дней отсыпался дома.

На просьбу ребят промысловик откликнулся с радостью: Антон обещал подарить отцовское ружьё. У Лукьяна имелись и две собаки, правда, староватые.

Откладывать выход не стали. Отправились на следующий же день. В дороге бывалый охотник, радуясь тому, что появились благодарные слушатели, не закрывал рта:

— Всякого зверя брал, а россомаху — ни разу. Ох, и умная бестия! У меня на Длинном пятьдесят три ловушки стояло. Как-то попалось два соболька и одна норка. И что думаете? Россомаха вышла именно на них. И ведь до чего вредная: есть не ела, а мех подрала. Ну, ничего! Нынче сделаем ей козью морду.

ПОВЕЗЛО

Укрытая снежным покрывалом тайга спала. Топ же в последние дни почти не смыкал глаз. А когда задрёмывал, сон был поверхностным. Какая-то неясная тревога поселилась в его сердце. Хоть и немного у него врагов, но он всегда начеку: нос нервно подрагивает, небольшие ушки ворочаются, как локаторы, сообщая хозяину о малейших изменениях в окружающем мире.

О! Что это треснуло? Топ приподнял голову и оглядел вырубленный ещё во времена леспромхоза склон. Среди стволов молодого подростка мелькали тёмные силуэты людей. Они шли, выставив вперёд громобойные палки. Рядом молча трусили собаки. Две передние были незнакомы ему, а вот последняя похожа на Амура. Пригляделся — точно, Амур! Настороженность несколько ослабла.

Выйдя на россомаший след, собаки с лаем понеслись, не разбирая дороги, сквозь кустарник. Амур по запаху давно понял, что они идут по следам Топа, и радовался скорой встрече с ним. По его разумению, ему предстояло догнать и привести друга домой. Однако в поведении охотников он видел иные

намерения. Ещё его смущал запах злобы, исходивший от лукьяновских псов.

Раскатистый лай незнакомых псов насторожил и Топ: в нём слышалась жажда крови. Кого это они гонят? А лай тем временем приближался. Наконец, Топ понял, что зевластые псы бегут прямо на него.

Надо уходить!

И тут он совершил ошибку. Вместо того чтобы рвануть вниз, где снежный покров намного глубже, Топ помчался вверх. На покатам, почти безлесом увале, резко обрывающемся в соседний ключ, снег выдуло почти до земли, и собаки живо нагнали тихиходную росомаху. Возмущённо фыркая на предавшего его друга, Топ отступил к стоящему на краю обрыва кедр и обнажил клыки так, что стал походить на свирепого демона. Лукьяновская пара отпрянула и, наращивая яростный лай, стала поджидать охотников. Амур же, пытаясь подойти поближе к другу детства, попал под зловонную струю и, дико вереща, закрутился на снегу. Топ, воспользовавшись моментом, забрался на дерево и затаился в гуще кроны.

Когда подбежали люди и принялись высматривать его среди ветвей, он спустился с обратной стороны кедр и, спрятав голову между передними лапами, покатился меховым шаром по откосу вниз. Лукьяновские лайки кинулись было следом и почти настигли, но на дне узкой, заваленной снегом долины завязли в пухлой массе.

Вдогонку Топу загрохотали беспорядочные выстрелы. Одна пуля со звуком лопнувшей струны прозвенела совсем рядом. Зверь, инстинктивно отпрянул в сторону, но бежать продолжал в своей излюбленной манере: несколько боком и как бы сутулясь. При этом выбирал участки с самым глубоким снежным покровом. Достигнув устья ключа, он опять поднялся в горы и залёг в курумнике. Топ был в смятении. Он не понимал, за что его хотят убить?

— Росомаху по такому снегу не догнать, — объявил Лукьян. — Ей-то легко бежать, а собаки тонут.

Повернувшись к лайкам, добавил:

— Канальи! На шапки вас пора! — но в душе ликовал, что росомаха ушла.

Антон же был мрачен, как туча. Пытаясь приободрить его, промысловик сказал:

— Не расстраивайся, утро вечера мудренее. Завтра чего-нибудь придумаем.

— Думай не думай, а за Амура мне от Пули попадёт.

Ветер тем временем сменил направление, мороз крепчал. Пар от дыхания густо оседал на суконных куртках и меховых шапках мелкими кристалликами, взъерошенная шерсть собак заиндевала. У Антона с Михаилом побелели носы.

Короток зимний день. Ещё короче сумерки. Замёрзшие охотники спешили найти затишок для ночёвки. Остановив выбор на береговом кармане, Лукьян скинул котомку, расправил уставшие плечи.

— Шабаш, ребята! — выдохнул он, — Теперь можно и чайку испить. Воды, Миша, набирай в пропарине, из снега чай невкусный. Я пока костром займусь. Продрог чтой-то.

Воткнув наклонно ореховую палку с вырезанной зазубриной на конце, Лукьян повесил на неё котелок, наполненный ключевой водой. Смахнул с вала снег и, положив на него рукавицы, расселся на нём, как на лавке. Ребята накидали лапника, расстелили меховые спальники и устроились рядом.

Антон достал из котомки хлеб, сало, лук. Крупно нарезал и разложил на чистой холстине. Лукьян торжественно водрузил в центр “стола” бутылку водки.

Перехватив удивлённый взгляд Михаила, пояснил:

— Подкова иногда подкидывает... Сегодня мне пятьдесят три стукнуло. Отметим?!

Не дожидаясь ответа, отработанным движением набулькал в кружки. Выпили, крикнули, закусили. После второй Лукьян достал из котомки мёрзлой оленины и настрогал тонкие перламутровые завитки.

— Налетай! Лучше закуси нет! От сырого мяса вся сила! — приговаривал он, с наслаждением отправляя в рот строганину, щепотка за щепоткой.

Выпив третью, промысловик разоткровенничался:

— Я ведь чего из тайги вышел. В последнее время не могу тушки обдирать. Принесу пару, а то и три хвоста, вроде радоваться надо — хорошие деньги, а как представлю, что нужно шкурку снимать, так меня воротить начинает. Рука не поднимается...

— Дядя Лукьян, вы что, меня разжалобить хотите?

— Да нет, Антоша, это я так, о своём... Давай ещё по маленькой.

Вот и вторая бутылка опустела. С трудом поставив палатку, забрались в мешки спать. Похмелившись утром, весь день так и провалялись: дремали, гоняли чай из чаги.

— Ребята, — заговорил Лукьян, наполняя очередную кружку живительным напитком, — А росомаха ведь в чём-то похожа на нас, промысловиков. Тоже каждый день из конца в конец по тайге мотается. Ежели за кем пошла, то будет преследовать, пока не уморит вконец. И участки у неё не меньше наших. Только охотится больше в сумерках, а мы посветлу.

— Да, уж! Ходок она непревзойдённый, — проворчал Антон.

— Знаешь, Антоша, не люблю я этих вредин, но, ежели честно, очень сомневаюсь, что росомаха повинна в смерти твоего отца. К мёртвому, конечно, могла подойти, а чтоб сама на человека напасть, даже раненого, это вряд ли.

— Сговорились вы все, что ли!? То Пуля мозги мне парил, теперь вы, — вспыллил Антон. — А меня понять кто-нибудь может?

— Сынок, успокойся. Тебе ум застала боль от потери отца. Думаю, он не одобрил бы... Так ведь и зайца можно обвинить, ежели тот вокруг побегал.

— А я слышал, что ханты росомаху очень даже почитают. Говорят, что она одичавший снежный человек, — неожиданно изрёк Михаил.

— Всё, довольно! Закрыли тему. Не хотите помогать, не надо! Сам разберусь, — разозлился парень, хотя уже начинал понимать, что неправ.

— Ладно, не обижайся, — сказал Лукьян, примирительно похлопывая Антона по плечу. — Однако спать пора...

Ночью выпал небольшой, воздушной мягкости снежок. И утром с низких облаков продолжали лениво падать невесомые снежинки. Погода для тропления идеальная! Позавтракав, охотники возобновили поиски. Во второй половине дня, пройдя километров десять, вышли на свежий, ещё не застывший след.

Гоняя ночью зайцев, Топ исколесил вдоль и поперёк всю пойму.

— Больно много следов. Может, ещё какая забрела? — предположил Антон.

— Не, это та же. А топанины много, потому что росомахи по своим следам не ходят, — пояснил Лукьян.

Промучившись до вечера, охотники так и не смогли найти выходной след. Темнело. Опять подошла пора вставать на ночёвку.

Под утро снег усилился. Видимость упала, следы засыпало. Высунув голову из палатки, Лукьян почесал свою жиденькую бородёнку:

— Ну, вот! День пропал. Что делать будем, робя?

— Так может, домой? — с робкой надеждой подал голос Михаил.

— Я что? Я подневольный. Как Антон Карпыч скажет.

Антон, непривычный к походной жизни, уже и сам думал лишь о том, как, не осрамившись, выйти из щекотливой ситуации, в которую сам себя и загнал. Мёрзнуть ещё одну ночь в палатке в отсыревшем спальнике было выше его сил.

— Пуганули мы росомаху изрядно. Теперь она человека за версту обходить будет. Так что пакуемся и домой.

— Верно мыслишь, — поддержал Лукьян и, видя, с каким облегчением вздохнул Михаил, с трудом сдержал улыбку.

(Окончание следует)

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ

В ПОЛЫХАЮЩЕМ СНЕ...

* * *

Не спеши в полыхающем сне
Долетать до хрустальной реки.
Догорают на братской войне
Спички... спичечные коробки.

Непроглядная темень кругом,
Но течёт очевидная муть.
Я умру... напишу о другом,
Не желая тебя обмануть.

Истощается свечек запас.
Крупной солью торгует сосед.
Чай да сахар меняют на Свет —
Просыпается плачущий Спас.

04.03.2022

ВИХРОВ Григорий Иванович родился в 1961 году в Коломне. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета и Высшие литературные курсы. Российский поэт, преподаватель и искусствовед. Автор и ведущий программы "На рубеже тысячелетий. Поэзия" на радиостанции "Визави". Стихи публиковались в журналах "Литературная учёба", "Москва", "Студенческий меридиан", "Время и мы", "Воин России", в центральных и региональных поэтических сборниках. Автор множества поэтических книг. Победитель международного фестиваля поэзии в Бельгии (Льеж, 1990), лауреат премии Святого Мигеля (Франция, 1998). Произведения Григория Ивановича переведены на семнадцать языков мира. Член Союза писателей СССР. Живет и работает в Туле.

* * *

В доме молятся...
Гаснет Содом,
И Гоморра уютно темна.
В тихой памяти молится дом,
И завалена снегом луна.
За оградой терновый веночек
Закачался, морозно звеня...
Ёлка, ёлочка, хвойный шенок
На опушке последнего дня.
Поздний путник шагает с трудом
От войны до войны, на войну...
В доме молятся. Молится дом.
Я свечою в глаза загляну.

08.01.2022

* * *

В движении телеги и арбы
Ты слышишь скрип,
Я слышу песнопенья.
А вековые “абы да кабы”
Бредут, сопровождая поколенья.
Ах, если бы разверстые гробы
Листвой зажглись во сне стихотворенья,
А мировые “абы да кабы”
Спешат, перегоняя поколенья.
И ангелы устали от борьбы,
От нашего кипенья и сопенья...
Нас покидают “абы да кабы”,
Оплакивая горе-поколенья.

07.04.2022

* * *

*Из цикла “Общее небо”
Памяти моей жены
Евгении Брешко-Брешковской*

БЕЗ ТЕБЯ

Я жду, ты как будто в отъезде,
А я на войне мировой.
Кровищею пахнет в подъезде,
Ночной, запрещённой травой.
На кошку гляжу... Не обманет
Глазами зелёной реки,
Предпечною песней приманит
Дневные, родные звонки.
Подвластны грядущему гулу,
Под сердцем искрят провода.
В какую Вселенскую Тулу
Уехала ты навсегда?

* * *

*Поэт, не дорожи
любовию народной...*

А. С. Пушкин

Плетя венок из молний,
Трубя в победный рог,
Желал и не исполнил,
Хотел и не помог.
Спасай живые строки
Из темени мирской.
Поэты одиноки
И в памяти людской.
Под кровлею негодной
В обнимочку дрожим
С любовию народной,
Которой дорожим...

ВАЛЕРИЙ БАДОВ

“ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО” В ВАЙОМИНГЕ И СОБЫТИЕ 08.08.08

... В головокружении первых двух лет горбачёвской “перестройки” многие (автор этих строк не исключение) напрасно уверовали, что Америка и впрямь согласна, по индейской поговорке, “зарыть в землю свои томагавки”. Советник президента Рейгана Пол Крейг Робертс в недавнем интервью телеведущему Аркадию Мамонтову поручился, что у трезвомыслящего меньшинства Вашингтонской элиты были схожие умонастроения.

... В Джексон-Хоуле, штат Вайоминг, у меня договорена была встреча с мэром. Когда у крыльца офиса я попросил улыбчивого секьюрити, в стетсоновской шляпе и с эмблемой штата на рукаве, известить босса, что корреспондент “Правды” явился в назначенное время, этот добрый малый вдруг помрачнел. И сказал, как отрезал: “Sorry, с коммунистом ни о чём разговаривать не стану!”.

Впрочем, разговор с мэром получился вполне непринуждённый.

В Джексон-Хоуле всегда полно туристов, жаждущих окунуться в заповедную старину Дальнего Запада. Тротуары из досок-сороковок, как в Колпашево, на Средней Оби. Салун “Доллар Ковбой бар”. Старинные дилижансы для вылазок туристов в горы. Конюшни по окраинам...

Через пару дней после нашего отъезда в этом “медвежьем углу” в Скалистых горах происходила встреча, один на один, министра иностранных дел СССР Шеварднадзе и госсекретаря США Бейкера. О чём они шептались, сговаривались вне дипломатического протокола?.. Наперсник Горбачёва сподобился задаром уступить Америке огромную акваторию в Беринговом море с богатейшими минеральными и биоресурсами на шельфе.

“...А не замолвил ли, случаем, Шеварднадзе в приватном разговоре с Бейкером словечко о щедрой экономической помощи США грядущей независимой “Джорджии” на Южном Кавказе?” – пришла в голову смутная догадка... Глядя на белоснежные пики Скалистых гор, непроизвольно заподозрил нечто тёмное, “немыслимое”. И не из пущей мнительности. Неладное творилось в Белокаменной, за тысячи верст от идиллии Вайоминга.

В мотелях на пути следования к Великим озёрам каждый вечер наша ватага видела на экране телевизора краснолицего, словно только что вышедшего из парной, Бориса Ельцина. Он со спутниками из Фонда социальных изобретений колесил по Штатам. Вояж опального знаменосца “демократов” устроил председатель Фонда Геннадий Алференко. По возвращении из странствий в Москву, в ответ на мои расспросы Геннадий лишь обмолвился, что дал себе зарок никогда впредь не иметь дело с “брутальным” Ельциным.

Америка сразила уроженца деревни Бурка наповал. Громогласные, неумеренные восторги бывшего кандидата в члены Политбюро американским “просперити” пробуждали нехорошие предчувствия...

Американские “смотрины” бесшабашного вождя “демократических сил” удались лучше некуда! Зловещий их смысл: янки возрадовались, смекнув, что этот неотёсанный “харизматик” – сущий клад, а не проходная пешка, каких не перечесть в “стране большевиков”, которую реформатор Горбачёв подвёл к геополитическому “цугцвангу”.

Про нетрезвые “загогулины” Бориса Николаевича в Америке рассказала в подробностях итальянская газета “Республика”. В представительстве “Аэрофлота” в Нью-Йорке разговаривали со мной подчёркнуто нелюбезно. Не мог взять в толк причину внезапной холодности. Оказалось, на столах у них ксерокопии вчерашнего номера “Правды”, перепечатавшей скандальную статью из “Республики”. Могу поручиться на все сто: никакой “комбинации” КГБ с целью “диффамации” Ельцина не было и в помине. Перевод публикации из “Республики” поступил в редакцию по ленте ТАСС под вечер, в выходной день... Ведущий номер член редколлегии отослал текст в набор и поставил материал на полосу “в рабочем порядке”. Никаких “согласований” с высокими “инстанциями”. Наутро страсти в Москве бушевали. Разлад между улицей Правды и Старой площадью далеко зашёл...

“ДЖОРДЖИЯ” НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ?

Вернёмся, однако, к “вечере” накоротке глав внешнеполитических ведомств СССР и США в уединённом Джексон-Хоуле. Коварный, себе на уме Эдуард Амвросиевич и в самом деле не затаил ли думку? Не завёл ли, предположим, вне протокола, издавелека, разговор про грядущее щедрое опекунство Соединённых Штатов над не такой уж гипотетической “Джорджией” со столицей в Тбилиси. Во имя, так сказать, становления молодой грузинской демократии, освободившейся от постылого “гнёта” России со времён Георгиевского трактата и проч. Тогда, в Джексон-Хоуле, были всего лишь интуитивные догадки. И вовсе не на пустом месте. Не прошло и года, как “партоменклатура” разбрелась по национальным околоткам. В Киеве привечали последышей бандеровских упырей, шухевичей и прочих, прибывших из Канады. В Кишинёве очумелые националисты славляли Штефана Великого и плакались, что по ту сторону реки Прут живут единокровные румыны, с которыми их различила мачеха Россия-СССР. “Перестройка” разродилась бунтами, одичанием, межэтнической поножовщиной, “архаизацией” национальных окраин советской, позавчера ещё монолитной империи. “Джорджия” на Южном Кавказе, как по писаному, объявилась.

Но всему свой черёд: раньше прогремела “драматическая” добровольная отставка Шеварднадзе с поста главы МИД. В страстной речи перед “товарищами” Эдуард Амвросиевич, помнится, прорицал “...Идёт диктатура!..”

Прорицатель из Седого Лиса оказался неважный. Мог ли Эдуард Амвросиевич во время доверительных многообещающих разговоров с Бейкером в Джексон-Хоуле вообразить себе сущую фантазмагорию, невероятную превратность судьбы: морпехи российского Черноморского флота спасут его, грузинского президента, от пленения абхазскими ополченцами, взявшими штурмом Сухум. И что авантюра в националистическом раже вторжения в мятежную абхазскую автономию полукриминального грузинского воинства окончится столь бесславно.

...В Вайоминге стояло солнечное “индейское лето”, обманчивое бабье лето на русский лад.

ПОХОД ФАНФАРОНОВ НА СОЧИ, ТУАПСЕ...

...Непостоянство, коварство, измены картвельских владык и вельмож – притча во языцех. Русский генерал, участник кровопролитной войны со свободолюбивыми горцами Северного Кавказа, в своих записках подметил: по ту, южную сторону высоких гор начинается иная, “растленная Азия”... Сподвижник Кутузова, герой Бородина благородный князь Багратион – совсем другая, просвещённая ветвь грузинской аристократии, верой и правдой служившая России.

“...Кайзеровские войска вошли в Грузию, – выдержка из историографической публикации на сайте РУАН. – Установили в Тбилиси оккупационную администрацию”. 26 мая 1918 года Грузия объявила о своей независимости. И уже в июне грузинская армия, вооружённая и наспех обученная немецким командованием, выступила за пределы бывшей Кутаисской губернии и ворвалась в Абхазию. И далее, на Север, захватила непосредственно российские земли у побережья Чёрного моря – Адлер, Сочи, Туапсе. Момент для картвельских фанфаронов представился на редкость удачный. Ни генерал Деникин, ни красные командиры не могли отвлечь с фронта силы, чтобы прогнать интервентов. “...В конце августа 1918-го Таманская дивизия Красной армии с тяжёлыми боями отступала через горы на Армавир...” По ходу красные без боя заняли Туапсе. Досталось грузинским интервентам и от белых. Деникин, несмотря на тяжёлое положение Добровольческой армии на Дону, изгнал захватчиков из Сочинского округа.

Тем временем в Германии грянула революция. Немецкие войска ретировались с территории бывшей Российской империи.

Большевик Лев Троцкий: “...Пришлось <грузинским властям> уже открывать ворота великобританским войскам. Этому предшествовали переговоры, главной задачей которых было доказать, что вынужденный обстоятельствами полубрак по расчёту с Германией остался в прошлом”.

...Непостижимым образом, через поколения, всё, как по писаному, повторилось. 1991 год, “парад суверенитетов”. Грузия декларировала выход из Союза ССР. Однако продолжала исправно получать из РСФСР по фондовым разнарядкам Госплана продовольствие и энергоресурсы.

Нрав картвельской этнократии за сто лет нисколько не поменялся. “Грузия – для грузин!” “Арманство”, “осетинство”, прочее инородчество нестерпимо досаждали стихотворцу–романтику” Звиаду Гамсахурдия. Очарованная пламенными речами грузинская “образованщина” вознесла его в президенты страны. Русофобия, европоцентризм, моление на Америку... Весь, ни убавить, ни прибавить, типичный “замес” этнократий на постсоветском пространстве. И ещё страсть за военным авантюрам и “экспедициям” в земли “нетитульных” этносов. Гамсахурдия обжёгся, попытавшись силой ликвидировать автономию Южной Осетии. Незадачливого Звиада свергли. “На царство” призван был многоопытный политик Шеварднадзе, у которого якобы “завязки” и кредит в американском истеблишменте. Провинциалам “Джорджии” невдомёк, что Америка, по знаменитому правилу консулов древнего Рима, перебегчиком за оказанные услуги не платит.

Злоключения “отца грузинской демократии” Эдуарда Шеварднадзе, как на грех, повторили неудавшийся завоевательный поход картвельских националистов 1918 года. Вторжение грузинского войска на броне танков в непокорную Абхазию происходило на большом кураже. Интервенты и в этот раз прорвались до границы бывшего дореволюционного Сочинского округа. Гражданская война в Абхазии оказалась долгой и кровопролитной. И закончилась бегством грузинского воинства за пограничную реку Ингури. Ещё один злосчастный ремейк безрассудств картвельского шовинизма.

...Вновь перенесёмся со Скалистых гор Вайоминга, словно в машине времени, в Южную Осетию. К знаковой, судьбоносной для России дате 08.08.08. Ночной ураганный обстрел грузинской артиллерией города Цхинвал. Вторжение грузинской армии в не покорившуюся за долгие годы осады республику. Современные средства ПВО, зенитные расчёты предоставила этнократическая “власть” Незалежной, хорошо оснащённой, обученной американскими инструкторами по натовским полевым уставам. Получил ли Мишико Саакашвили отмашку вице-президента Дика Чейни на авантюру с целью поголовного изгнания южных осетин с исторической родины?.. Либо безрассудно самолично “двинул полки...”, словно шведский король в пушкинской “Полтаве”, – до сей поры покрыто мраком.

Если приглядеться, кроме шовинистических замашек, в ментальности всех трёх названных выше персонажей – незадачливых президентов “независимой” Грузии – проглядывает одна тёмная, погибельная страсть – русофобия. Саакашвили, одержимый этой напастью, отдал приказ войскам с марша атаковать, палить прямой наводкой из орудий в российский миротворческий батальон, расквартированный на южной окраине Цхинвала. И этим подлым, полоумным приказом погубил не только себя, военного преступника,

но и весь окаянный замысел вторжения. Российский батальон вступил в бой, защитил, вывел из-под огня семью миротворцев и местных жителей в округе.

Атаковав российских миротворцев, понесших потери убитыми и ранеными, картвельский “главоверх” без царя в голове создал классический “казус белли” для Москвы. Молниеносная войсковая операция принуждения агрессора к миру завершилась разгромом наголову грузинской армии.

ДЕМОНЫ РУСОФОБИИ

Пишущий эти строки находился во время вышеописанных событий в Крыму. Украинское телевидение показывало бравурные сюжеты о “перемог” неукротимого Саакашвили. Между тем в газете “Зеркало недели” военспец Ю. Бутусов, не так давно оказавшийся в “контрах” с президентом Зеленским, уличил грузинских военачальников в безграмотной тактике “блицкрига”. Вместо того чтобы как можно скорее захватить высокогорный стратегический Рокский тоннель, связывающий Южную Осетию с Россией, они ввязались в бои с самообороной Цхинвала и российскими миротворцами. Получив отпор, замешкались с перегруппировкой, потеряли драгоценное время. На выручку обороняющимся подоспела 58-я армия маршем из Владикавказа. Грузинская прокси-армия, вышколенная американскими инструкторами, обратилась в бегство в полнейшем беспорядке. Российские десантники остановились в Гори, предместьях беззащитного Тбилиси.

...Трагикомедия – жанр картвельской этнократии. Все трое президентов – Гамсахурдиа, Шеварднадзе, Саакашвили – повторили злосчастную судьбу друг друга. Иррациональная, безотчётная русофобия – настоящая “карма”. Искусые, демоны провинциального шовинизма насквозь пронизывают мировоззрение, поведение политического класса Грузии. “Исповедание” так называемых элит – компрадорское, “евроатлантическое”, русофобское. Вопреки здравому рассудку, настроениям, просто житейской выгоде народов, населяющих суверенную лишь на словах страну. В советское время Грузия как сыр в масле каталась. Не в буквальном, конечно, смысле, но в сравнении с застойной бедностью, скудостью уклада жизни, в котором обретаётся, зарабатывает на жизнь уже третье постсоветское поколение Грузии.

Власти Грузии, как и тридцать лет назад, исполнены глухой неприязни к России, “отбившей” якобы у них Абхазию и Южную Осетию. Не могут себя превозмочь, вернуться в мир необратимых геополитических реальностей. Между тем и сегодня самый ёмкий рынок грузинского экспорта товаров и услуг – “вражеская” Россия. Товарооборот с союзником – США – незначителен. Геополитическое положение Грузии в Черноморье – единственный ресурс для торга. Вашингтон красную цену платить скупится. Столтенберг заманивает под сурдинку с какой-нибудь Северной Македонией в ряды НАТО. “Атлантис-ты” в Тбилиси постромки рвут в самое пекло угодить.

Чтобы только насолить северному соседу? Если не витать в эмпиреях “демократических ценностей”, НАТО – большая казарма, в которой “новобранцев” альянса не столько ставят на “довольствие”, сколь обязывают крупно раскошелиться на покупку дорогого американского и британского оружия и снаряжения. В НАТО не разживёшься... Но назвался “груздем”, то бишь ярым русофобом, полезай, любезный, в “сани “Джо Байдена”.

...Саакашвили, лёгок на помине, вновь ньюсмейкер мировых медиа. Экс-президент в изгнании, видимо, вообразил себя Бонапартом, покинувшим остров Эльба, один как перст ступившим на берег Франции. На пути в Париж к нему примкнули бывшие соратники-маршалы. Император под звуки “Марсельезы” вернул себе скипетр. Вот и бывший любимец американского Госдепа удумал, что последыши “революции роз” на руках внесут его в президентский дворец. И очутился ненароком в узилище. На скамье подсудимых, с жовто-блакитным прапором в руках....

В “либеральном” московском бомонде Михаила Саакашвили ставили в пример, в назидание Кремлю, будто бы смелого, неподкупного, успешного “реформатора”, истого демократа. Уморительные байки, как он одним махом искоренил коррупцию в Грузии. Провёл ротацию элит по разработкам экспортов американских фондов. “Европейская” Грузия, мол, предстанет перед всем миром, как только уберут строительные леса с фасада грузинского “модерна”. Самой что ни на есть настоящей, на зависть, “Джорджией” на Южном

Кавказе. И мятежные автономии, как пить дать, вернулись бы в лоно преобразённой демократической Грузии. Если бы не подстрекательства “имперцев” “в силовых ведомствах северного соседа... Враньё на вранье. Картонные декорации эталонной “демократии” разобраны. Следите за афишами...

ПИЛОТ-ЛЮБИТЕЛЬ МАТИАС РУСТ “УКРЕПИЛ ПОЗИЦИИ ГОРБАЧЁВА” (газета “Вольт”)

...Заголовок “Вольт” правдив. Именно таковы политические последствия “сенсационного” прилёта лётчика-любителя Матиаса Руста на лёгком самолёте “Сесна” напрямик на Васильевский спуск, у Спасской башни Кремля.

Министерство иностранных дел СССР в это смутное время угара “перестройки” возглавлял всё тот же Эдуард Шеварднадзе. Наперсник Горбачёва и, трудно выговорить, единомышленник. Странно, в бытность их первыми секретарями партийных органов Грузии и Ставрополя личные отношения у них были, мягко говоря, натянутыми. И было из-за чего... В номенклатурных кругах наслышаны, отчего когда-то кошка между ними пробежала... Как бы то ни было, назначение провинциала Шеварднадзе руководителем МИДа изумило не только кадровых дипломатов. В экстравагантном выборе генсека Горбачёва таилась некая загадка. Впрочем, года не прошло, как всё прояснилось. В нашем кругу, редакции “Правды”, ни для кого не было тайной, что триоцу “новомышленцев” – Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе – водой не разлить, Весь накат “перестройки” от них, демиургов, исходит. Остальные члены Политбюро, в том числе выдвинувшиеся при Горбачёве, держатся на дистанции от “якобинцев”. Лигачёв, Зайков, Шенин записаны в “консерваторы”.

Шеварднадзе метеором пронёсся по столицам Старого и Нового Света. Второго такого записного “демократа” не сыскать. Но что-то лукавое, сомнительное, если довериться житейскому чутью, угадывалось в каждом публичном высказывании, широком жесте, показной горячности картвельского “Талейрана”. Страстная речь Эдуарда Амвросиевича перед аудиторией в Кремле, когда он объявил о своей скоропалительной отставке с поста главы МИДа, огорошила всех, кого ни возьми. Станным выглядело, что верный соратник Горбачёва поспешил выйти из игры, когда М. С. отчаянно нуждался в поддержке. Ещё одна “тайна мадридского двора” осталась открытой мраком.

...Итак, имел ли касательство Шеварднадзе к громкому международному скандалу по горячим следам сенсационного прилёта Руста на Красную площадь? Можно строить догадки, но прямых фактов, улик нет. Но вряд ли прожжённый интриган Шеварднадзе, на ком сходились (вспомним его “вечерю” с госсекретарём Бейкером в Джексон-Хоуле) многие тайные нити отношений Кремля с Западом, не был посвящён в подноготную “инцидента” с Рустом. “Брутальной” политической провокации, в недвусмысленной трактовке немецкой “Вольт”, нацеленной ни много ни мало “изменить... соотношение сил в военно-политическом руководстве СССР”. Бесшабашный поступок сорванца-одиночки заведомо исключался. Матиас Руст громко заявил, что вдохновлён “перестройкой” в СССР. Этакий “голубь мира”, упавший с небес на брусчатку Красной площади.

...Воздушного хулигана-немца отправили на “съезжую”. Столичная “демократическая” пресса романтику Русту благоволила. И, словно по команде, попрекала командование войск ПВО, проморгавших якобы дерзкий полёт пилота “Сесны”... Пишущий эти строки тем летом по личным делам побывал в прибрежном посёлке Ору в Эстонии, где радар расчёта ПВО засёк пересечение “Сесной” на малой высоте государственной границы. Недолго оставалось Русту куролесить. Но приказа командования пресечь полёт нарушителя не последовало. Давешний злосчастный трагический инцидент гибели вблизи Сахалина корейского пассажирского “Боинга”, преднамеренно нарушившего воздушное пространство СССР над Камчаткой, стал заклатьем для высокопоставленных советских военачальников.

Прилёт Руста на Красную площадь получил невразумительный публичный отклик высших “инстанций”. Шеварднадзе и вовсе, кажется, не “отметился”. Зато Горбачёв сполна воспользовался сиюминутным шоковым эффектом мнимой “некомпетентности” военачальников. И чохом отправил в отставку министра обороны маршала Соколова и ряд высших чинов военного ведомства.

Советский генералитет настороженно относился к недопустимой уступчивости Горбачёва в ходе переговоров с США о сокращении стратегических вооружений. Высокий авторитет армии в народе, известная замкнутость военной касты, как и в любой суверенной стране, ограничивали пространство манёвра генсека. И тогда в ход пошло новейшее, ментальное оружие западных arsenалов психологической войны.

...Итого, немецкая “Вольт” в годовщину полёта Руста 28. 05. 2021 года в пространной статье раскрыла карты: “...Когда Матиас Руст приземлился рядом с московским Кремлём, он помог реформаторам в СССР”. И нечаянно заставил “содрогнуться политическую Москву”, – злопыхательствовал автор статьи. Откровенная ссылка на “сценарий”, в котором сорванец Руст – лишь пешка.

КОМИССИЯ СОБЧАКА “ВЕРИФИЦИРОВАЛА” КЛЕВЕТУ КАРТВЕЛЬСКИХ СЕПАРАТИСТОВ

...Ещё одна, в тему, громкая, позабытая за давностью лет, “ментальная” политическая провокация в столице Грузии. Местное МВД умыло руки, армейский гарнизон бросили усмирять националистический шабаш в центре Тбилиси. Московские “демократические” газеты, “правозащитники” запустили подстрекательский шокирующий “мем”. Будто бы солдаты разогнали толпу мирных демонстрантов, вооружившись... сапёрными лопатками. “Комиссия Собчака” “верифицировала” пасквиль картвельских сепаратистов, рвавшихся к власти.

“Сапёрные лопатки” в Тбилиси! Крутой вираж упавшего с небес немца Руста над храмом Василия Блаженного. Два удара хлыстом по коллективному бессознательному советского социума.

Джонатан Свифт говорил: “...Я понял, в каком заблуждении держат мир продажные писаки, приписывая мудрые советы дуракам, искренность – лжецам, римскую доблесть – изменникам отечества”.

P. S.: “...Более 50 представителей грузинской оппозиции и неправительственных организаций направили Открытое письмо президенту России, в котором просят помощи в деле “формирования системы безопасности в регионе”, сообщает агентство “ЕАД”. Один из лидеров “Альянса патриотов” Ирма Иашвили: “...Понимая, что противостояние с Россией губительно для Грузии, мы, 53 политические и общественные организации, объединились в единый Патриотический фронт... 75,8% опрошенных Альянсом граждан Грузии выступают за диалог с Россией”. Подписавшие обращение ратуют за “военный нейтралитет Грузии и внесение соответствующих изменений в Конституцию страны”.

Говорят, одна ласточка не делает весны. Вместе с тем акценты Обращения, возможно, – свидетельство перемен в общественном мнении Грузии. Пока проамериканские власти “Джорджии” по-прежнему настойчиво, безуспешно обивают пороги НАТО, другие, здравомыслящие, соотечественники, очевидно, призадумываются о восстановлении выгодных добрососедских отношений с Россией.

Канули в прошлое времена, когда пьяные грузинские националисты уповали на “калифа на час”, выскочку, микрошвиниста Гамсахурдиа. Свержение его происходило под раскаты... свист пуль вялой перестрелки на проспекте Руставели. Новый “мессия” Шеварднадзе – “политик высокого полёта”. Забрезжило солнце “индейского лета” в Джексон-Хоуле! Седой Лис, мол, уж как-нибудь изловчится поладить и с Кремлём, и Вашингтоном. “Простодыра” Ельцин пожалует Грузии экономические “преференции”. Америка, в свою очередь, не покусится...

И что же многомудрый Эдуард Амвросиевич? Заполучив от ельцинской дворни тяжёлые вооружения российской дивизии, расквартированной в Грузии, возглавил спешный карательный поход против безоружной Абхазии. Бегство из Сухума завершило карьеру бывшего “Талейрана” Смоленской. А впереди маячил сумасброд Саакашвили, новый фаворит Госдепа.

...Ныне бывший одесский губернатор Михаил Саакашвили, человек без паспорта, на скамье подсудимых в Тбилиси.

Новых харизматиков в тамошних краях не водится.

P. P. S.: "...США передали министерству обороны и МВД Грузии специальное оснащение на сумму в 1,2 миллиона долларов, чтобы развивать способности реагирования на оружие массового поражения", – 6.02. 2022 года сообщило агентство "ЕАД". В заявлении посольства США сказано, что данная помощь, наряду с другими проектами сотрудничества стран в сфере... обороны, "укрепляет государство для обеспечения безопасности грузинского народа и повышения общей безопасности Черноморского региона".

Каким чудом "оснащение" смехотворной стоимостью 1,2 миллиона долларов может развить способности грузинских силовиков "реагировать на оружие массового поражения"? И как сильно это повысит "общую безопасность" всего Черноморского региона? .

Похоже, Дядя Сэм заговаривается. Или дал себе зарок экономить. Грузия выпала из геополитического "мейнстрима" планировщиков Пентагона. Да и сколько по белу свету таких захолустных "Джорджий"!

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ДОНБАССКИЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ИСТОРИИ

“Помни войну”

В Кронштадте высится громадный собор – в золоте, мраморе, последний собор Российской империи, где на стенах начертаны имена кораблей и экипажей, погибших в Германскую войну. Перед храмом – великолепный памятник адмиралу Макарову. Адмирал, могучий, бородатый, как морской бог, стоит на скале, окружённый якорями, а на пьедестале его знаменитое изречение: “Помни войну”.

Царь Николай не “помнил войну”. Были парады на Марсовом поле, гарцевали кавалергарды, множились торжества, фейерверки. Но когда разразилась война, фейерверки погасли. Японские броненосцы разгромили под Цусимой тихоходную, старомодную, с устаревшими пушками русскую эскадру адмирала Рожественского, не знающего тактики современного морского боя.

Адмирал Макаров на броненосце “Петропавловск” погиб под Порт-Артуром. А вместе с ним погиб великий русский художник Верещагин, который шёл в рядах русской армии в Средней Азии, на Балканах и на Дальнем Востоке. “Помни войну!” – звучал голос Макарова из глубин океана.

Забывший войну Николай проиграл империю и ужасной смертью погиб в подвале Ипатьевского дома.

Сталин “помнил войну”. Он готовился к неизбежной схватке с фашизмом. От пятилетки к пятилетке он возводил могучую индустрию, создавал армию, строил новое оружие, готовил резервные площадки на Урале и в Сибири, кладя бетонные плиты, на которые в 1941 году перенесли и сели станки с заводов Белоруссии и Украины. Он разгромил оппозицию, чтобы та не всадила нож в спину воюющей стране. Он стал творцом идеологии войны и победы. Поручил композиторам написать военные песни и марши. Кинорежиссёрам – снять военные фильмы. Сделал Пушкина самым знаменитым советским поэтом.

Сталин “помнил войну” и потому одержал Победу.

Российская власть не “помнила войну”. Слишком полюбила парады, танковые биатлоны, юбилеи, торжества. И армия, которой обладала Россия, оказалась неподготовленной к войне: слишком мала и слабо обучена.

Промышленность, пройдя сквозь разрушительные гайдаровские реформы, была не готова оснастить армию современным вооружением. У армии не оказалось боеспособного офицерского состава.

Гигантские деньги, в которых так нуждался бедствующий народ и военная индустрия, уплыли за рубеж и там утонули навеки.

Олигархи, почитаемые как элита страны, присягнули врагу, жертвовали миллиарды на оснащение враждебной армии. Либеральная интеллигенция,

которая вытеснила патриотов из образования, культуры, информационной сферы, эта едкая, презирующая Россию интеллигенция ускользнула за рубеж и оттуда квелит Россию.

Идеология пацифизма, обожание Запада, презрение к собственной истории разрушили глубинное, жившее в народе оборонное сознание. И теперь с опозданием, сквозь слёзы и кровь мы начинаем “помнить войну”.

Псково-Печерскому старцу Иоану Крестьянкину явился Иисус и сказал: “Никого не вини. Молись. Будь всегда и во всём очень осторожен”.

Не винить, не впадать в истерику, не разбрасывать направо и налево панические вопли о поражении. Но воевать и трудиться, сжав зубы, сделать каждому, что в его силах, чтобы одержать Победу, приближая её пулемётом, токарным станком и молитвой.

Выдержка, осторожность, бдительность. Чтобы неточный приказ не привёл к напрасным жертвам. Чтобы глумливое словцо не подорвало волю и дух генерала. Чтобы хохочущие попугаи шоу-бизнеса не оскорбляли слёз солдатских погребений.

Страна выходит из беспамятства и начинает “помнить войну”. В войне, которую ведёт сегодня Россия с беспощадным могучим Западом, сражаются не только системы оружия, не только солдаты и генералы, не только военные стратегии и оборонные технологии. На этой войне сражаются образы и смыслы. Необходимо воссоздать образ России – победной и прекрасной, мечтающей о справедливости социальной и божественной. Страны, образ которой незримо присутствует в душе каждого человека в России. Образ, что вспыхивает в минуты предельной опасности и делает обывателя героем, а правителя – светоносным победителем.

Пусть художник придёт на войну и, как Верещагин, рисует русского солдата во всём его грозном светоносном величии. Пусть придут на войну музыканты и композиторы, создадут свои песни и симфонии, подобно Шостаковичу и Лебедеву-Кумачу. Пусть писатели и поэты спустятся в окоп и напишут поэмы и повести среди посвистов реактивных снарядов, как это делали Шолохов и Симонов.

Образ солдата, образ армии, образ лидера – это оружие не менее мощное, чем фрегат “Адмирал Горшков”, оснащённый “Цирконами”. Необходимо сформулировать смыслы, которые побуждают российского человека покидать родной порог и идти воевать, рабочих на танковых конвейерах трудиться дено и ночью в три-четыре смены, волонтеров собирать по крохам народные деньги и посылать на фронт в окопы коптеры и бронжилеты. Смыслы, которые побуждают Юлию Чичерину петь в донецких окопах свои восхитительные победные песни, а Геннадия Животова, почти единственного из нынешних художников, рисовать свою военную графику. Эти смыслы содержатся в Веровании Русской Мечты – мечты о России бессмертной, небесной, божественно справедливой.

Эти смыслы провозглашает Религия справедливости, которая на Донбассе защищает жителей Донецка и Луганска от попрания и истребления. Сочетает воедино безжалостно рассечённый народ. Возвращает России бессовестно отобранные территории. Сражается с тёмной, вековечной угрюмой силой, идущей с европейского Запада на русский Восток, Силой, желающей превратить Россию в огромную пустыню между трёх океанов, посыпать её солью, чтобы здесь никогда ничего не росло. Залить бетоном и на этом бетоне построить новый вселенский Лас-Вегас, где сверкают огнями сатанинские казино, и пришедшие в это казино народы мира неизбежно проигрывают.

*В печах войны сгорает дымный хвост.
Встаёт над миром сумрачная муть.
Грохочущий России бронепоезд
Вновь покидает свой запасный путь.*

Великий завет

Сто лет назад на Земле случился Советский Союз. Что это было? Что взбурлило, вскипятило, озарило человечество, подняло его на дыбы, открыло ему огромные ясновидящие, устремлённые в бесконечность глаза? Оторвало от брэнной Земли. Вскружило голову безудержной мечтой и воплотило эту

мечту в грохоте строек, в пламени сражений, в дерзновенных подвигах и блистательных свершениях. От кого исходила эта небесная сила? Она опустилась на Землю, воздвигла небывалое Красное царство, а потом исчезла, оставив после себя остывающий ожог, жаркое пепелище, по которому бродят унылые, потерявшие свои смыслы народы.

Кто он был, этот огнедышащий ангел, имя которому – Советский Союз? Он являлся во снах народам, в которых дремало несогласие с земными уложениями, писанными слезами и кровью законами, дремало нежелание жить под железной пятой исторических обстоятельств, в которых люди обречены на страдания, на унылые беспросветные труды, на вечные, поселившиеся в народах распри, на бессмысленное кружение в лабиринтах истории с её тупиками, жестокими казематами, мнимыми озарениями.

Советский Союз был пробуждением от сна, был ослепительной, открывшейся миллионом людей мечтой – той, что туманно жила в наскальных рисунках и на церковных фресках, в богословских трактатах и музыкальных симфониях. Был мечтой, вырывавшей народы из животного мира, из законов истории, которые останавливали человечество, понуждали быть рабом истории. Той истории, что разделила людей на богатых и бедных, на сильных и слабых, на царей и слуг, на высших и низших. Их всех уравнивала смерть – неизбежная, царящая во веки веков, делающая земную жизнь человека жалким предбанником, в котором корчатся народы прежде, чем навсегда исчезнуть с лица Земли.

Советский Союз – это воплощение мечты о небесном рае, сведённом на землю, нетерпеливое стремление обрести этот рай здесь, в земной жизни, сделать её прекрасной и бессмертной.

Если спросить исследователей Советского Союза, что это было, они расскажут о пятилетних планах, о грандиозных заводах и стройках, о научных центрах и невероятных открытиях, о вождях, подвижниках, великих тружениках и бесстрашных воинах. О крошечной жестокой работе, которой человечество порывало с бранным бытием, выламывалось из истории так, что хрустели кости, падали колокольни, срывались с насиженных мест земные уклады. И в грохоте строек, среди маршей и песнопений, молитв и проклятий поднималась Красная громада, имя которой – Советский Союз.

Мечта – грандиозная сила, пробуждение в людях Бога, устремление человечества в то заповедное царство, из которого оно было изгнано и теперь возвращается. Этого высшего, предельного религиозного смысла не хватает исследователям советской эпохи, от которых ускользает та великая тайна, заповедная мечта человечества, что обнаружила себя сто лет назад в России. Страна, лежащая между трёх океанов, стала землёй, очнувшейся от сновидений, поднявшейся с прокрустова ложа истории, чтобы воплотить божественную мечту.

Неизбежно появится ясновидец, который напишет религиозную историю двадцатого века, объяснит эту историю как столкновение двух грандиозных космических сил – фашизма и коммунизма, чёрной, в эсэсовском мундире Германии и огненно-красного, в золотом и лазурном – Советского Союза, изображённого на великой картине “Купание красного коня”.

Две мечты схватились в чудовищной битве – мечта о чёрной преисподней и мечта о небесном лазурном рае. Война, где сталкивались воздушные и танковые армии, миллионные контингенты, война, покрывшая Землю от Арденн до Урала горящими городами, солдатскими могилами, расплавленной бронёй и неистовой страстью; это была война, которую вели между собой небесный рай и подземный ад. Победа сорок пятого года была Победой рая над адом. Красная площадь сорок пятого года была райским садом, где цвели золотые купола, пламенели рубиновые пятиконечные звёзды. На эту райскую площадь сыпались обломки поверженного истреблённого ада – штандарты фашистских дивизий. В эти мгновения гремели колокола истории, славили Победу, величали Советский Союз. И с гранитного амвона слушал звон поднебесных колоколов Сталин с бриллиантовой звездой на груди.

Советский Союз не уцелел – он пал. Люди не выдержали великого напряжения, побуждавшего их стать богами. Бог в человеке опять ушёл в глубину, спрятался среди сует, разделений, мелких забот и хлопот. Но исчезнув, Советский Союз передал нам, променявшим первородство на чечевичную похлёбку, нам, изгнанным из рая, куда привела нас мечта, передал Победу, это

пламенное слово, которое было у Бога и которое было Бог. Победа живёт среди нас. Вместе с ней живёт мечта о вселенском счастье, о райском бытии, которое человечество познало и к которому оно снова будет стремиться.

Вероучение Русской Мечты, Идеология Русской Победы, Сказание о Русском ковчеге, Религия справедливости — всё это заветы, оставленные нам Советским Союзом, чертежи, по которым неизбежно — через год или через век — мы вновь станем возводить наши ало-золотые хоромы. Всем, кто жил в СССР, кто вкусил сладость небесного плода, этого никогда не забыть.

Святость Сталинграда

Русский космонавт, летавший в корабле по орбите, исследуя излучение Земли, обнаружил таинственное пятно нежно-фиолетового цвета. Вернувшись на Землю, он наложил изображение пятна на карту России. Оно покрывало степь между Волгой и Доном, совпадая со степными пространствами, где проходила Сталинградская битва. Земля светилась, излучала. Спектрометр показал, что излучение этих степных пространств совпадает с излучением рублёвской “Троицы”: ангельских ликов, загадочной скалы, тенистого дерева, трапезы, за которой собрались слетевшие с неба ангелы. И земля между Волгой и Доном казалась застольем, куда слетелись силы небесные.

Если медленно, по ступеням подниматься к вершине Мамаева кургана мимо могучих, отлитых из бетона великанов, где каждый держит на плече раненого или убитого товарища, продолжая вести сражение, то на вершине кургана найдёшь панораму Сталинградской битвы.

На огромном округлом полотне изображено множество эпизодов этого грандиозного сражения. Атаки советских пехотинцев, жестокие схватки в окопах, танки, израсходовав боекомплекты, сшибаются свирепой бронёй. Краснозвёздные самолёты идут на таран бомбардировщиков с чёрными фашистскими крестами. Пожары, развалины. Волга кипит от взрывов. Ты стоишь поражённый, вглядываясь в лица безвестных сталинградских героев. И если долго на них смотреть, панорама начинает светиться. Сталинградских бойцов окружает сияние, над их головами золотятся нимбы, и это излучение совпадает с тем, что исходит от ангелов рублёвской “Троицы”.

Казалось бы, за 80 лет, что истекли с момента сражения, Сталинградская битва была изучена историками во всей её необъятности: каждый подвиг, каждый бугорок, каждая могила, каждый приказ командира полка или командующего фронтом, или Сталина. Сталинградская битва воспета в песнях, в стихах, в воспоминаниях участников. И всё же во всей этой грандиозной, созданной исследователями картине чего-то не хватает, что-то остаётся за пределами постижимого — огромное, небесное, не подвластное разумению.

Здесь, на Сталинградских полях, было пролито столько крови, произнесено столько молитв, столько проклятий и дерзновенных приказов! Здесь случилось столкновение не только воюющих армий, не только идеологических доктрин и векторов земного развития. Здесь прогрохотала схватка космических сил, тех, что были заложены в человеческую историю при сотворении мира. Здесь столкнулись чёрная кромешная тьма фашизма и светоносная сила России, здесь обнаружили себя адские силы и лучистый сверкающий рай. Проходящая вне земных пространств схватка ада и рая, чудовищная, непомерная, сотрясающая всё мироздание, эта схватка обнаружила себя в Сталинграде, является главной отгадкой Сталинграда, непостижимого для разума.

Сталинградская битва потребовала от народа такого напряжения, такой жертвенности, такого духовного рывка, что затронула самые глубины, откуда возникает народ и начинается его история. И народ, сохраняя себя, бросается на амбразуру, рвёт на себе рубаху, атакует тьму, превращает эту тьму в свет, в победу. Сталинград святой, Сталинград земной и небесный.

Дом Павлова был здесь, на сталинградской земле, с его героическим гарнизоном. Быть может, он был в небесах, где советские солдаты с белоснежными крыльями за спиной отражали чёрных эсэсовцев, свистящих перепончатými крыльями. Мамаев курган, набитый железом так, что может неделями питать металлургический завод. Но то на земле. А быть может там, в небесах, существует священный курган — волшебная гора, с которой краснозвёздные ангелы сбрасывали в пропасть нетопырей со свастиками.

Волга – река Русского времени, красневшая в дни Сталинградской битвы от крови. Быть может, Млечный Путь – это небесная Волга, у которой столкнулись силы ада и силы небесные.

В Сталинграде есть волшебный фонтан: хоровод пионеров, взявшись за руки, несётся по кругу, не пуская из этого круга чудовище. Это танец счастливых детей, в которых предвоенный скульптор увидел будущее светоносное человечество. Это светоносное человечество запечатывает тьму, не даёт ей выйти в мир. Во время первого страшного фашистского налёта на Сталинград, когда бомбардировщики “люфтваффе” сбросили на город тысячи и тысячи зажигательных бомб, город превратился в страшное пожарище. Взрывы рушили дома и заводы. И фонтан был повреждён. У пионеров отлетали головы, руки, ноги. Но они, изувеченные, продолжали вести хоровод, продолжали удерживать в нём неистовое, страшное чудовище.

Этот фонтан времён войны изображается на многих картинах и снимках, повествующих о Сталинградской победе. У этого фонтана проходили бои, площадь устилалась убитыми, но пионеры не размыкали кольцо. Страшное чудовище – 6-я армия Паулюса – было окольцовано, и в этот детский хоровод вставали все бойцы Сталинградской битвы – живые и мёртвые. В этот хоровод вставали все, кто в тылу радел за Сталинградскую победу. В этом хороводе были дети, на уральских заводах точившие снаряды, вдовы в колхозах, пахавшие на себе утлые земли. В этом вселенском русском хороводе, где русский свет запечатывал вселенскую тьму, сражались все русские святые и праведники. И теперь этот восстановленный фонтан снова сверкает струями. И вода из этого фонтана – та мёртвая и живая вода, коей исцеляются телесные и духовные раны. Будьешь в Сталинграде – испей воды из фонтана, и тебе откроется русское чудо. Здесь, на полях Сталинградских сражений, происходило столько чудес, столько божественных явлений! По молитвам воинов к ним являлись святые праведники, Богородица, силы небесные. Если собрать воедино свидетельства об этих чудесах, то возникнет Сталинградская книга чудес. И ты уверуешь, что действительно сталинградская земля – земля святая.

И пусть все, кто живёт сегодня в Сталинграде, в своих хлопотах, трудах, огорчениях вдруг ощутят, что они живут на Святой земле. И когда они шагают по улицам города, их нога ступает туда, где когда-то ступала святая стопа. Святые праведники учат, что ни одна русская победа не обходится без Бога. Русский народ даже в самые горькие минуты своего затмения живёт в Боге и с Богом. И Сталинградскую победу одержали бесстрашные жертвенные пехотинцы, отважные офицеры, железные генералы, кремлёвский мудрец и стоик Иосиф Сталин. Но эта Победа была бы невозможна без божественных сил. Человеку не дано одолеть ад, если Бог не с ним.

Во время Сталинградской битвы Христос спустился с небес, вскакивал вместе с пехотинцами и шёл в атаку на врага. Сидел за штурвалами советских танков, громивших вражеские доты. В кабинах самолётов сшибал наземь чёрные эскадрильи “юнкерсов”. Он закрывал глаза убитых героев, целил раненых и сам омывал свои раны в Волге, превращая эту великую реку в русский Иордан.

*Отягчённый трёхлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
Исходил, благословляя.*

Это Бог в телогрейке сидел в сталинградском окопе. Он в чистом поле между Волгой и Доном смыкал два фронта в победное кольцо.

Как знать, может быть, когда-нибудь появятся доски, на которых рукой гениального живописца будут начертаны лики сталинградских героев, и над каждой головой просияет нимб.

Сталинград возник из самых глубин, из самой сердцевины русского народа. Иногда кажется, что вначале был Сталинград, а уж потом возник русский народ. Сталинград в русской истории был всегда, извечно. Он шёл по стопам русской истории, был поводырём русской истории. Битва на Куликовом поле – это Сталинград. Ледовая сеча на Чудском озере – это Сталинград. Бородинское сражение – это Сталинград. Сегодняшний Донбасс – это

Сталинград. Храм Василия Блаженного – образ русского рая – это Сталинград. Рублёвская Троица с лазурными ангелами и фаворским светом – это Сталинград. Пушкин с “Евгением Онегиным” – это Сталинград, Твардовский с “Василием Тёркиным” – это Сталинград. “Во поле берёзонька стояла” – это Сталинград.

В Сталинграде присутствуют все русские коды, которые определяют сущность русского народа и русского государства. Сталинград – это мечта о небывалом, счастливом, светоносном царстве, где живут люди, прозрачные для света, где нет вражды и насилия. Сталинград – это русское чаяние о божественной справедливости, которая – не только в отношениях человека с человеком или в отношениях государства и человека. Но и в отношениях природы и человека, в отношениях внутри самой природы, во всём необъятном космосе, сотворённом по законам справедливости. От чего и ахнул в восторге Ломоносов, написал свой стих:

*Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.*

И конечно, Сталинград – это великий русский победный код, победная сердцевина русского духа, перед которой падают ниц и отступают все тёмные силы мира.

Я вижу такую картину: пионеры сошли со своего священного фонтана и отправились в сталинградскую степь. У них в руках корзины, как у грибников. Они ходят по сталинградской степи и собирают осколки снарядов – тех, что впились в сталинградскую землю и продолжают её питать ядами и болью войны. Дети собирают эти осколки и складывают в корзины. Иногда эти осколки ужасно тяжелы, их трудно вырвать из земли, корневище войны пропитало насквозь сталинградскую землю. Но пионеры собираются все вместе и выдёргивают этот корень войны, складывают в корзину. Они приносят эту корзину к своему священному фонтану и насыпают в центре фонтана гору чёрных зазубренных смертоносных осколков. И на эти осколки проливается живая и мёртвая бриллиантовая вода из фонтана. И гора превращается в огромный серебряный слиток, похожий на драгоценный оклад иконы, на которой сияет божественный лик – лик Сталинграда.

Говорят, что в момент Сталинградской Победы, когда сомкнулись Сталинградский и Юго-Западный фронты, в небе образовалась новая галактика. Пускай же наши зоркие астрономы обнаружат её среди мириад светил и покажут нам в дни сталинградской годовщины.

Минуты роковые

Как высребается либерализм из русской истории? Сначала разгромили Навального и его структуру, затем закрыли “Мемориал”*, запретили “Эхо Москвы”**, поместили иноагентов и нежелательные организации, очистили от либералов Совет по правам человека. Остаётся закрыть Высшую школу экономики и Ельцин-центр.

Как высребалось советское из русской истории? Тайные посиделки у Андропова, на которых говорилось о нерентабельности СССР. Роспуск старой партийной элиты и назначение Горбачёва. “Перестройка” с уничтожением всех символов, на которых держалось советское государство. Встреча Горбачёва с Рейганом в Рейкьявике, где обсуждался демонтаж Советского Союза. Полёт Ельцина в американский Сиэтл, где он обещал американцам распустить Советский Союз. В Беловежской пуще и состоялся этот роспуск.

Как формируется новое, постлиберальное Государство Российское? В страну вернули музыку советского гимна и Красное знамя Победы. Победа 1945 года стала идеологией путинского государства. Идеология Победы подтверждалась возрождением военно-промышленного комплекса и множеством монастырей, где Победа обретала религиозный характер. Победным было возвращение Крыма и восстание на Донбассе. Идеология Победы питает сегодняшнюю схватку на Украине и трансформацию российского общества.

* Организация признана иностранным агентом, её деятельность запрещена в РФ.

** Организация признана иностранным агентом, её деятельность запрещена в РФ.

Мы, люди старшего поколения, видели, как разрушается и падает Советский Союз, видели, как после смерти Союза нарождается ельцинское либеральное государство. Видим, как разрушается и опадает это либеральное государство, и взамен его возникает новое. Какое? Победное.

Победа, религиозно осмысленная, стала идеологической основой сегодняшнего Государства Российского. Из религиозно осмысленной Победы вырастает Сталин. Тщетны усилия изъять из Победы Сталина. Сталин и Победа неразрывны, и одно без другого невозможно. Сталин возвращается в российское сознание, как весенняя листва возвращается в голые, облетевшие за зиму леса. Война с мировым фашизмом, которую ведёт сегодня Россия, ещё шире распахивает перед Сталиным двери.

Фашизм не смог бы победить Николай II, не сумевший одолеть Вильгельма. Фашизм не смог бы победить Керенский, который не устоял перед горсткой красных отрядов. Мировой фашизм мог победить только Сталин.

Рождение Сталина в XXI веке предполагает рождение Гитлера XXI века. Победа сорок пятого года была победой Сталина над Гитлером. Но эта победа была не окончательной. Гитлера вымарали из истории Германии. Сталина вымарали из истории России. Но и та, и другая истории взращивает в себе одна – Сталина, другая – Гитлера. И о том, и о другом пытались забыть. Но кости Гитлера и Сталина продолжали свой спор и свою войну. И теперь они снова встают из гроба истории, облачённые в новую плоть, окружённые новой мифологией, помещённые в центр разгорающейся грозной схватки.

Схватка между Гитлером и Сталиным обещает быть громадной, сокрушительной, чудовищной, не уступающей той, которая спалила Европу от Арденн до Волги.

Новым Сталиным, на которого история возложила бремя грядущей русской Победы, является Путин.

Новым Гитлером, который рождается из чёрной спермы фашизма, является Зеленский. Вредна и легковесна трактовка Зеленского как марионетки, клоуна, стероидного актёра. Он заслуживает самого пристального изучения. Ибо его нельзя победить, не понимая сложнейшую природу его возникновения.

У Зеленского множество пуповин, связанных с глубинными пластами мировой истории. Его питает иудейская мистика, германское язычество нибелунгов, перунические и славянские культы. Его питает сегодняшний либеральный Запад с теорией великого обнуления и нового, освобождённого от традиционной архаики человечества. Весь этот бурлящий коктейль помещён в поле современной цифровой цивилизации, им управляет искусственный интеллект, превращающий коктейль “Зеленский” в огненный, испепеляющий напиток “Гитлер”.

Страшна история, которая приходит к обывателю, как тать в ночи. Великолепна история, открывающая художнику свои необъятные, пылающие глубины. Беспощадна история к солдату, сжимающему винтовку на поле боя.

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...*

Фридман, ты где?

Источники в Лондоне сообщают, что на вилле Фридмана английскими спецслужбами произведён обыск, изъяты электронные устройства, крупные суммы денег, а господин 58 лет от роду арестован. Является ли арестованный 58-летний господин Фридманом, ровесником упомянутого господина? Этот вопрос по-прежнему остаётся открытым. Всем известна мощь адвокатов Фридмана, которые сворой бросаются на любого, кто посмеет усомниться в благородстве и честности их хозяина. Многие имевшие неосторожность упрекать Фридмана в нечистоплотности, схватить его за руку, усмирялись огромными разорительными исками.

Как еврейский “Железный купол”, мешающий палестинским ракетам “Кассам” поражать ненавистные цели, так адвокатское прикрытие Фридмана избавляет его от атак недоброжелателей. А их у Фридмана много в России, где тот является одной из самых одиозных фигур олигархического бизнеса, сформированного при Ельцине в самые страшные и горькие времена, постигшие страну.

Олигархи той волны жадно разворовали советскую народную собственность, захватили несметные богатства русских недр, сделали Россию сырьевой колонией, уничтожили великую советскую индустрию, превратили Россию из страны великих заводов и сверхсовременных технологий в страну банков и финансовых рынков, заменив категорию священного труда категорией банковских прибылей. Это они создавали культуру потребления, вымарывая из культуры всё, что связано с возвышенным, божественным, русским, превращая Россию трудящуюся, творящую, жаждущую истины в целлулоидную куклу, набитую гремящим и трескучим горохом.

Не знаю, арестован ли в Лондоне Михаил Фридман, или эта новость лопнет, как пузырь. Но если это действительно Фридман, то известие не вызывает у меня удовлетворения и злорадства. Если Фридман арестован за отмывание денег и другие финансовые преступления, то этот арест произвела не российская полиция, а английская, не российское правосудие вершит свой суд над преступным олигархом, а враждебные нам англосаксы, которые подадут пример справедливости и законности.

Если арест Фридмана действительно состоялся, то продлится недолго: он окажется на свободе, произведя тайные отчисления в неведомые нам фонды и кассы, коих не меньше в коррумпированной Европе, чем в коррумпированной России.

Если состоится изъятие миллиардов Фридмана, то это случится на пользу западной цивилизации и явится перекачкой денег из несчастной, трижды ограбленной России в тучные закрома западных банков.

Недавно еврейские олигархи, оказавшись в Израиле, устроили декоративное странствие по пустыне, где сорок лет бродил еврейский народ, прежде чем отыскал Обетованную землю. Эти согбенные еврейские олигархи шли по пустыне среди раскалённых камней и колючих кактусов, на них нападали пауки пустыни. Они изнывали от жажды, перед ними вставали розовые и голубые миражи. Они молились мамоне, дарили свои миллиарды “золотому тельцу”, но оказались не в Земле обетованной, а в английской тюрьме с клеймом воров и отмывателей денег.

Религия справедливости овладевает миром. Олигархи, ограбившие русский народ, создавшие на русских слезах несметные состояния, теперь, чтобы избежать западных санкций, берут украинское гражданство, перечисляют миллиарды Зеленскому, и на эти миллиарды Украина закупает американское оружие, и гаубицы М-777 рвут на части русских парней из деревень и посёлков.

Эта религия справедливости неизбежно коснётся России. И чудовищная несправедливость, сотворённая олигархами после 1991 года, будет исправлена. Великое очищение придёт в Россию. Только такая Россия – светоносная, возвышенная, постигающая высшие духовные ценности, способна одолеть тьму, которая идёт на неё с Запада.

В тюрьме ли Фридман, на свободе ли, неважно. Важно, что олигархическая Россия сотрясена. И религия справедливости обнаружит себя не в уложении земных судов, а в суде Господнем.

Фридман, ты где? Отзовись. Неправда, что на олигархах негде ставить клейма. Есть такое клеймо и такое место.

Грунтовые воды политики

Русское наступление под Авдеевкой. Русское отступление от Херсона. Русские ракеты уничтожают инфраструктуру Украины. Поток американских вооружений на Украину нарастает. Без русского газа Европе грозит замерзание. Тёплая зима в Европе, и подземные газохранилища наполнены. “Северный поток” взорвали англосаксы. Для переговоров с Западом двери остаются открытыми. Россия обретает образ страны военного времени. Дорогие рестораны Москвы ломятся от счастливых клиентов.

Вихри информации, ворохи суждений, неразбериха прогнозов. Яйцеголовые аналитики подсматривают друг за другом, кормят друг друга мнениями, создают картину мира, достоверность которой держится минуту и сменяется другой, столь же “достоверной” картиной.

Создаётся ощущение, что ворох информации, доступный для обозрения, аналитические прогнозы и предсказания зиждутся на неизвестном, непознанном, притаившемся в глубинах политики. Из этих глубин определяется ход

ближайших видимых нам явлений. Современная политика — это уравнение с непостижимым неизвестным, в котором и сосредоточена реальная политика. Нам же даны бесчисленные её отражения.

Что оно, это неизвестное? Быть может, тайные переговоры враждующих сторон? Закрытые встречи стран-гегемонов, которые делят мир, и в период компромиссов мир успокаивается, а в период ссор мир переживает войны и кризисы? Или эти силы не имеют человеческих лиц, это слепые силы истории?

Сегодняшнее Государство Российское напрягается, как рессора на ухабах непроезжей дороги. Собираясь воевать с “чахлой украинской армией”, с “угасающей, обескровленной Украиной”, Россия столкнулась с гигантской мощью Запада. С могучими конвейерами американской военной индустрии. С утончённым лукавством европейской политики, имеющей опыт бесчисленных обманов, интриг, оболъщений, ударов в спину.

Российское Государство, растратив впустую мощь Советского Союза, бездарно промотав в 90-е историческое время, стремится наверстать упущенное: создаёт новую индустрию, обретает новые рынки сбыта, ищет новых союзников, отвергает врагов, строит новые центры управления, центры аналитических и экономических систем.

Государство в опасности. Слышно, как потрескивают его шпангоуты и балки, как чудовищные льды наваливаются на его борта. Государство нуждается в поддержке народа, нуждается в поддержке элит. Государство является высшей ценностью народа, который слишком часто расплавился за своё недоверие государству, за своё отречение от государства, за свои угрюмые нападки на государство. Тогда государство рушилось, и народ превращался в черепаху без панциря, в танк без брони, в туловище без мозга. Народ погибал в чёрных ямах истории, откуда его извлекало только русское чудо.

Что оно, Государство Российское? Кремлёвский централизм, построивший свою вертикаль от Полярной звезды до глубинной расплавленной магмы? Палаты Парламента, где представители партий, регионов, субъектов слипаются в огромный ком пластилина, в котором не различимы отдельные личности, отдельные звёзды политики? Или это армия, ещё недавно блиставшая на парадах и в танковых биатлонах, а сегодня кровотокающая, остановившаяся на околице украинских городков и деревушек? Или разведка, проворонившая Крымский мост и удары по Севастополю? Не угадала украинских реалий, когда входившие на Украину русские войска встречались не караваями, а “Джавелинами”, “Стингерами” и “Байрактарами”?

Всё это — лишь органы государства, его щупальца, а оно, Государство Российское, непознанное, загадочное, живущее по законам русских глубин, обретает мощь и цветение, перед которыми трепещут враги, а потом падает в бездну, в чёрные провалы истории на радость и смех врагов. Русское государство — это поводирь, который ведёт русский народ по непролазным дорогам истории. Иногда этот поводирь заводит народ в овраги, но никогда — в погибель. Из этих оврагов и промоин народ восстаёт, ведомый государством, которое поднимается в новой красоте и величии.

Сегодня эти красота и величие — не в дворцах и храмах, не в великолепии парадов и шествий. Эти красота и величие — в окопах Донбасса, в небритых, с провалами щёк лицах ополченцев. В русских горящих танках, подбитых, но продолжающих стрелять по врагу.

Как разгадать великую тайну, именуемую Государством Российским? Как угадать, почему отказавшаяся от величия, суверенитета, от права называться цивилизацией ельцинская Россия вдруг стряхнула с себя мишуру западных ценностей, которую она получила вместе с “Макдональдсом”, дорогими бутылками и мюзиклами Бродвея? Почему она отреклась от всего этого и пошла своими исконными, трагическими и величественными, путями? Какая сила толкнула её на эти пути?

Какая сила толкнула Путина, завсегдадая мировой “семёрки”, “Человека года”, блистающего на глянцах мировых журналов, “единственного европейца”, как называли его либералы? Почему Путин разорвал на груди рубаху и пошёл на таран этой жуткой машины Запада? Какая сила коснулась Путина, и он вернул России Крым, накликав на Россию всю накопившуюся на Западе ненависть, весь уготованный нам русофобский удар?

Россия — не герой, который, обвесив себя гранатами, ложится под неприятельский танк. Россия — Божия страна, она управляется не комбатом,

не комдивом, не главкомом и даже не президентом. Она управляется глубинными, а вернее, небесными законами русской истории, которые неумолимы и подчас безжалостны к Государству Российскому. Подводя государство к последней черте, они уведут государство от гибели, делают русскую государственность и русский народ бессмертными.

Сегодня русские историки и философы, стремящиеся понять закономерность русской судьбы, создали Вероучение Русской Мечты. Русская Мечта – это стремление русского народа к идеальному бытию, к благодатному царству, где нет насилия, поругания, а царит божественная справедливость, касающаяся не только людей, государства и общества, но и природы и космоса.

Вероучение Русской Мечты становится сегодня Движением Русской Мечты, народным движением тех, кому дорога Россия не только земная, но и небесная. То государство, которое усилиями многих поколений изживает из себя скверну, становится светлее и чище, прозрачно для света, а потом оно вдруг темнеет, и вновь начинается обряд очищения. Это Движение открывает свои врата для всех творцов, всех проектантов, будь то создатели кукольного театра в деревне или строители ультрасовременного квантового компьютера. В этом Движении творцы отыщут друг друга, сложат свои усилия, свои откровения, украсят своими талантами Государство Российское.

Херсонскому миру – нет!

“Переправа, переправа! Берег левый, берег правый”. Переправились с правого берега на левый, оставили Херсон, роём окопы. Киев ликует, Москва печалится, Лондон усмеяется.

Моя судьба горит огнём на конце русского штыка. За мою жизнь мне удалось повидать семнадцать войн на всех континентах. Я держу в памяти пучок этих войн, букет этих кровавых цветов. В моём сознании бьётся и пульсирует синусоида каждой из этих войн: тех, семнадцати, и этой, донбасской – восемнадцатой.

В этой восемнадцатой были ослепительные вспышки иллюзий, паника разочарований, угрюмое отупение, ядовитое сомнение, которые сегодня сменяются упрямым стоянием под туманным и мглистым небом войны, где несомненно взойдёт ослепительная звезда Русской Победы.

Помню первую чеченскую, когда, убив Советский Союз, добивали немощную и бессмысленную Россию Ельцина. Не было войск, их собирали с миру по нитке, наспех склеивали скотчем и бросали в пекло. Армия не верила государству, которое вывело эту мощнейшую армию из Европы, растоптало, унизило и швырнуло в голое поле. Не было боевых командиров, а генералы, готовые воевать на Ла-Манше и в Пиренеях, теперь штурмовали кишлаки.

Олигархи, молодые, хищные, сожравшие в одночасье всю русскую жизнь, диктовали военным. Тогда Березовский управлял ходом военных действий. Войска, раздоранные в кровь, разгромили отряды чеченских повстанцев, загнали их в горы. Но последовал загадочный приказ Черномырдина, остановившего наступление. Враг ушёл от разгрома, очухался от ударов, и война разгорелась с новой силой и ненавистью.

Взяв штурмом Грозный, превратив дворец Дудаева в дырчатую хрустящую вафлю, воздев над этим дворцом русский исхлётанный пулями флаг, войска по приказу Кремля без боя оставили Грозный. Отряды боевиков без единого выстрела вернулись в город, содрали русский флаг и повесили флаг “свободной Ичкерии”. Президент этой “свободной Ичкерии” Яндарбиев в каракулевой папахе сидел за столом в Кремле напротив хмурого, похожего на картофельный клубень Ельцина и диктовал ему условия Хасавюртовского мира. Так в корчах, среди тайных сговоров и мерзких унижений, которым подвергалась либеральными журналистами русская армия, возник этот позорный Хасавюртовский мир. Но именно он, этот Хасавюртовский мир, был переломной точкой в русской истории. Дал передышку русской армии, передышку русскому изнурённому сознанию и сменил в Кремле хозяина, после чего началась русская контратака, длящаяся по сей день.

“Херсонского мира” не будет. Будет перегруппировка всех русских сил. Не только тех, которыми руководит Суровикин. Но и тех, что управляются военными технократами. Тех, кто устанавливает идеологические постулаты. Тех, кто опекает культуру. Пропаганда – великое дело, особенно в период

военных действий. Но нельзя, чтобы с пропагандистских вершин в народное сознание скатывались тяжеловесные, плохо обработанные глыбы, которые плющат мозг и рождают не победные вспышки, а вмятины и отторжения.

Высоколобые аналитики на своих закрытых собраниях, в интеллектуальных лабораториях размышляют, как станет меняться российская элита, часть которой трусливо сбегала и отстёгивает миллиарды в помощь воюющей Украине. И на эти деньги на украинских фронтах оружие терзает и губит русских парней.

Другой – нервный, панический, истероидный слой российской элиты – переселился в Израиль, превратился в гарпий, сидящих на еврейской ветке, поливающих смрадом русскую власть, русскую культуру, русский народ. Оставшаяся в России, сложившаяся в либеральную эпоху элита демонстрирует неумение, тайный страх, двоемыслие и напоминает старый лежалый тюфяк, через который с трудом проходят команды и указы.

Как будет проходить ротация кадров? Как совершится смена элит? Как “элиты поражения” сменит “элита победы”?

Россия последние двадцать лет жила проектами. Этих проектов было множество, и они звались “национальными”. Их реализацией занимались главы корпораций, министры, губернаторы. Вершиной теоретического проектирования была “Программа 2020”, сулившая России бурный экономический рост. Все эти проекты были провалены. Реализация каждого из них приводила не к улучшению, а к ухудшению жизни. И никто не понёс наказания за провал этих стратегических проектов. Все оставались на своих местах, получали новые проекты и всё так же их проваливали.

Сегодня Россия осуществляет грандиозный проект, имя которому – Победа. Провал этого проекта невозможен. Провал проекта “Победа” предполагает проект “поражение”, в котором Россию перемелют в пудру, столь же мелкую, как растворимый кофе. На великих, между трёх океанов, пространствах, рождавших Преподобного Сергия и Серафима Саровского, Святых князей Дмитрия и Александра, великих ратоборцев Суворова, Кутузова, Жукова, светоносных гениев Пушкина, Толстого, Вернадского, на этих пространствах вырастет мелкий мох, среди которого будут выситься нефтяные вышки “Бритиш Петролеум”. Реализация проекта “Победа” требует специалистов высшего класса. Те, кто провалит этот проект на заводе или на поле боя, в министерском кабинете или в драматическом театре, – все они будут отбракованы. На их место встанут другие Те, кто способен управлять полками и армиями. Поддерживать производство “Калибров” и “Кинжалов”. Обеспечивать продовольствие в городах. Использовать опыт великой советской страны, растоптавшей фашистскую свастику, сотворившей великую – на все времена – Победу.

При нехватке ресурсов, когда дорог каждый человеческий ум и характер, каждый рубль и каждое хлебное зерно, каждое со страстью и верой произнесённое слово, у России существует грандиозный, замурованный Хрущёвым ресурс. Этому ресурсу имя Сталинград. Размуровем этот драгоценный ресурс, как мы размуровали другой ресурс, имя которому – Крым. В годовщину великой Сталинградской битвы на берегу Волги, этой реки русского времени, пусть вновь воссияет божественное слово Сталинград, внушающее ужас врагам, наполняющее сердца патриотов победным ликованием.

На украинском фронте без перемен

Специальная военная операция на Украине взбурлила, прогрохотала, начертала эллипсы, окружности, круги, взрыхла землю снарядами, оросила вдовьи платки слезами, взбухла на языках у военных комментаторов типунами и замерла, остановилась, повисла в воздухе. Так повисает в воздухе расколотый сосуд. Он – всё ещё сосуд, но, коснувшись земли, превращается в груды осколков.

Под Донецком мы неделями бьёмся на окраине городка, отнимая у противника улочку, переулок, маленький домик. Под Херсоном всё ждём чудовищного удара украинских войск, но он не случается, а мы тем временем переправляем через Днепр мирный народ, и говорят, вывозим из Херсона памятники и монументы. Под Харьковом на границах России украинские батареи лупят по Брянску и Белгороду. Мы вяло огрызаемся и роём вокруг больших

русских городов окопы. Зерновая сделка то заключается, то замораживается. Русские корабли то отбываются от украинских дронов и уходят в Севастопольскую бухту, то вновь покидают бухту и охраняют караваны с украинским зерном. И вспоминается детская песенка: “Вот оно, вот оно, вот волшебное зерно”.

Народ измучен ожиданиями, неопределённостью, прогнозами о ядерных ударах, государственных переворотах. И нам невдомёк, что это затишье временное. Оно длится, пока идут невидимые закрытые переговоры, на которых яйцеголовые политики, укрывшись в глубинных политических катакомбах, ищут формулы примирения. Мы не знаем, кто эти яйцеголовые, какие страны они представляют, какие у них статус и полномочия, в каком из бункеров тайной политики они встречаются, каковы контуры будущих соглашений, вокруг чего происходит вселенский торг.

Будет ли война остановлена на нынешней линии соприкосновения войск, когда часть российской территории под Херсоном, Луганском останется под контролем врага? Или враг пойдёт на уступки, и наш контроль распространится по всей территории, вошедшей недавно в состав России? Или мы будем настаивать на всех первоначально заявленных требованиях — на демилитаризации и денацификации Украины, на целях, для реализации которых у нас сегодня не хватает сил.

И если переговоры провалятся, то вновь полетят русские “Калибры”, громя энергосистему Украины. Начнётся свирепая схватка под Херсоном, а Донецк накроют несметные взрывы американских “Хаймерсов”.

Какие перемены произошли в России за восемь месяцев войны? Смело, как пеной на автомойке, весь гуманитарный бомонд, улетевший в Израиль и оттуда, как каракатица, брызгающий в Россию чернилами ненависти. Многие воротилы российского бизнеса, сражаясь за свои арестованные яхты, банковские счета и дворцы, осуждают военную операцию и клянутся в любви к Украине. Убежали из России, как стадо слонов, иностранные фирмы и предприятия, оставив после себя вытопанное пространство российской экономики.

Государство поспешно ищет замену убежавшим за рубеж технологиям, прокладывает новые дороги и желоба преуспевающим азиатским цивилизациям. Президент занимается геостратегией, соглашениями между Россией, Китаем, Индией и одновременно даёт указания, как наладить производство бронешилетов и питание новобранцев.

Произошла частичная военная мобилизация и никакой — моральной, духовной и культурной. Мы живём среди фестивалей, концертов, развлечений, среди юбилеев, юморин, смехачей, забывая, что в эти предзимние дни на могилы павших воинов прилетают красногрудые снегири.

Культура, в которой три десятилетия властвовали либералы, маститые актёры, режиссёры, театральные критики, журналисты, министерские чиновники, эта культура напоминает ошарашенную дуру, не замечающую, что вокруг неё уже нет нарядных декораций, а только предзимнее поле, по которому рыскают чёрные взрывы, приближаясь к оркестровым ямам и гримёрным.

Какие люди проявились за восемь месяцев жестокой войны? Какие лица просияли среди военных дымов и копоти? Рамзан Кадыров, и прежде блиставший, проявил себя как мощный лидер, несущий бремя имперских забот, направил в бой своих сыновей, сделал чеченцев носителями высших смыслов Государства Российского. Пригожин с его резкой бесстрашной риторикой, превративший ЧВК “Вагнер” в мобильную ударную силу российской армии, — яркий “человек войны”. Александр Ходаковский, неустрашимый воитель, любимец Донбасса. Александр Дугин с его великой отцовской трагедией, громоподобный провозвестник русской Победы. Русский предприниматель Константин Малофеев, вооружающий боевые батальоны. Александр Бородай — герой Донбасса, идущий в огонь. Захар Прилепин, неутомимый в своих военных проповедях. Пламенный Охлобыстин — кумир русской молодёжи. Созвездие военкоров, повторяющих судьбу журналистов Великой Отечественной, что с одним наганом “первые врывались в города”. Напрочь исчезла перламутровая слизь телевизионных певичек и певцов. Звучит Чичерина — русская соловьяха, поющая в окопах украинской войны. Неопределённость на фронтах продолжается. Затишье военных действий порождает у некоторых иллюзию возможной мирной жизни. Переговоры в бункерах тайной политики побуждают некоторых пацифистов распаковывать чемоданы и откладывать

своё бегство в Израиль. Но не стоит обманываться – спокойствие на украинском фронте иллюзорно. И вот под Угледаром жестокая вспышка боя. Медленно сближаются контакты взрывателя, и скоро ужасающе грохнет. Мы вновь услышим грохот русской истории.

Религия справедливости

Недавний Валдайский форум был великолепен. Среди подмосковного осеннего леса, тёмных сосен и золотых берёз в чудесном дворце, напоминающем бело-алые дворцы Баженова, собрались мыслители со всех континентов. На этот раз было гораздо меньше политологов и философов из Европы, Америки и Австралии. Англосаксонский мир был потеснён. Сегодня здесь господствовали китайцы, индусы, азиаты, африканцы, латиноамериканцы. Видно, что Россия поворачивается с одного бока на другой, скрипя изношенной мировой кроватью, на которой она покоилась все эти десятилетия.

На подиуме появлялись экономисты, политологи, философы, послы, профессора, генералы. Из разношёрстных суждений, эмоций, интеллектуальных экспромтов вырисовывалась новая картина мира. Мир лишается на глазах гегемона и властителя, мир напоминает не выстриженный под линейку английский парк, но гигантскую великолепную клумбу со множеством цветов, где каждый, самый малый бутон готов расцвести и украсить собой этот вселенский сад. Все говорили о завершении однополярного англосаксонского мира, чья мечта о вековечном стремлении доминировать выражается метафорой “град на холме”. Из этой американской крепости, помещённой на вершине горы, стражи озирают другие народы и страны, приютившиеся на склонах. И если в этих покорённых народах и странах забрезжит смута и неповиновение, из американских башен их посыпают крылатыми ракетами и умирляют. Сегодняшний мир – это крах американской мечты.

Манифестальной была речь президента Владимира Путина. Он произнёс её с амвона Русской Мечты – мечты, облечённой в метафору “Храм на холме”. Русская Мечта – это стремление к идеальному бытию, к гармонии, к небесному фаворскому свету, к тому идеальному царству, где нет несправедливости, гнёта, насилия могущественного над слабым, где побеждена самая жестокая вселенская несправедливость – смерть.

Путин обращался с амвона русского храма ко всему человечеству. Избрал то место, из которого слышится далеко и высоко. Он говорил о Западе, который заковал мир в тысячу видимых и невидимых цепей, заманил в свою ловушку и держит на короткую поводке народы и целые континенты. Владеет экономикой, финансами, рынками сбыта, умами, элитами, запустив свои чуткие щупальца во все сферы народной жизни, лишая народную жизнь самобытности, возможности цвести, обрекая её на унылое бездуховное прозябание. Путин говорил, что мир рвёт эти бесчисленные цепи. Разрыв этих цепей даёт миру нелегко, порождает жестокие схватки. Сегодняшний мир есть схватка, где рушится истлевающая идея мирового господства западной цивилизации. Другие великие цивилизации – востока и юга планеты – вырываются из-под западного цивилизационного ига. Эта борьба – жестокая, кромешная. Россия сражается сегодня с западным монстром почти в одиночку, в напряжении всех своих исторических сил и возможностей. Война на Украине – это бесстрашный вызов, который бросила Россия мировому гегемону. Этот русский удар сдвинул с места тектонические мировые платформы. Мир содрогнулся, закрипел и пришёл в движение.

Угрюмый, задуманный Западом монолит мира раскалывается на множество миров. Россия на Украине ведёт войну не с киевским режимом, не с Зеленским, не с полком “Азов”*. Она ведёт борьбу с громадной, могучей сатанинской силой, которая возжелала управлять мировым развитием и судьбами покорённых народов. И эта борьба вновь выводит Россию на передовую человеческих мечтаний, человеческих стремлений к свободе, независимости. Россия подаёт миру пример, как сбрасывать со своих плеч иго Запада, пример того, как справедливость становится главным инструментом мирового развития.

В осколках разбегающегося ветхого мира уже брезжат неясные образы нового, загадочного, ещё не сформулированного миропорядка. Россия принимает

* Запрещённая в РФ террористическая организация.

участие в конструировании нового мира и предлагает этому миру идеологию – идеологию справедливости.

Путин произнёс свою речь ярко, взволнованно. Своей чёткостью речь напоминала изысканную резьбу на камне, утончённую графику на сверкающем бивне мамонта. Эту речь сегодня осваивают и расшифровывают в закрытых политических клубах, в тайных сообществах, генеральных штабах, центрах мировых разведок. При всей чёткости в этой речи много таинственного, что дано угадать людям, владеющим смыслами.

Русская Мечта – это мечта об идеальном бытии, о Царствии Небесном, куда стремится народ на всём протяжении своего тысячелетнего пути. В этом мире Русской Мечты нет войн, насилий, покорённых и убиваемых народов, а царят гармония, симфонизм, царит справедливость не только социальная, но и божественная, устанавливающая гармонию между всем сотворённым в мире. В храме божественной справедливости не будет обижен ни один человек, затоптан ни один цветок, не погаснет ни одна звезда.

Божественная справедливость кроется в недрах всех мировых религий, и сама является надмирной священной религией, храмом, в котором все мировые религии имеют свои алтари. В своём приближении к Русской Мечте, в стремлении к божественной справедливости русским приходится преодолевать невероятные препятствия, выдерживать кровавые сражения, одолевая непроглядные бездны. Нам приходится одерживать победы во вселенских битвах. Русская Победа – это Победа над силами ада, победа божественного небесного света. Вероучение Русской Мечты, религия справедливости, идеология Русской Победы – это и есть сокровенные возвышенные смыслы, именуемые русской идеей.

Справедливость есть кодовое слово, понятное всем народам, всем верованиям, всем мировым культурам. Исламская революция Ирана – это восстание справедливости. Жестокая борьба палестинцев – это мученичество во имя справедливости. Китайская мечта о великом китайском возрождении, которое веками попиралось иноземцами, – это упование на вековечную справедливость. Африка – это кипяток, в котором бурлит поправная справедливость. Венесуэла, Куба, Никарагуа начертали на своих гербах “справедливость”.

Война, которую ведёт на Украине Россия, – это война за справедливость. Избавление людей Донбасса от избиений – что может быть справедливее? Соединение в единое целое рассечённого, расчленённого народа – что справедливее этого? Восстановление единства российских земель, разрубленных в 1991 году американским топором, – в этом Божия справедливость.

Мы сражаемся на Украине с фашизмом – с этим воплощением адской несправедливости. На Украине мы вступили в жестокий бой с Западом, указывая другим народам путь к освобождению, принося великую российскую жертву во имя всё той же божественной справедливости.

Русский мартен

России, которая ведёт страшную войну, нужна армия военного времени, нужна экономика военного времени, нужна промышленность военного времени, культура военного времени, идеология военного времени, управленцы военного времени, лидеры военного времени. России нужна элита военного времени, способная возглавить страну и привести её к Победе. Такой элиты нет у России. Российской элиту создавал Запад, покоривший страну после 1991 года, она является продуктом Запада, как кока-кола, джинсы или мюзиклы Бродвея. Эта сфабрикованная Западом элита уничтожила русскую промышленность с её ведущими военно-оборонными отраслями и центрами. Эта элита отняла у народа множество технологий, умений, навыков, отлучала народ от вековой русской работы, погружая его в непрерывные низменные развлечения и унылое потребление. Эта элита стремилась превратить думающий, ищущий, творческий народ в необразованное, бездуховное скопище потребителей, жадно хватающих крохи иллюзорных, скудных благ.

Элита планомерно дробила и губила все глубинные народные коды, делающие русских носителями высших духовных смыслов, тех смыслов, что превращали Россию в великую цивилизацию. Эта элита получила на Западе “ярлык на правление” и правит Россией, как правили ею во времена средневекового ига. В час смертельной войны России и Запада такая элита воюет на

стороне Запада, она ведёт Россию не к победе над Западом, а к поражению.

Воротилы российского бизнеса перенесли свои штаб-квартиры на Запад, держат там свои капиталы, питают этими капиталами цивилизацию врага, щедро одаривая воюющую украинскую армию. Эта элита своей самой едкой — гуманитарной — составляющей сбежала на Запад и оттуда ведёт беспощадную, невиданную по своей ярости и ненависти русофобскую пропаганду.

Самая именитая, вельможная часть российской элиты отхлынула и покинула Родину. Другая, не столь заметная, тихая, скрытная, продолжает управлять политическими, культурными, идеологическими процессами в воюющей России. Эта мягкая замшевая сила глушит энергию русского сопротивления, в ней вязнут и тонут команды, указы и уложения президента. В ней захлёбываются политические и культурные инициативы, устремлённые к Победе. Эта “элита поражения” должна быть устранена.

Но откуда взяться “элите Победы”? Есть ли другая — победоносная, патриотическая элита, которая ждёт своего часа, когда её призовут и поставят на место проворовавшейся элиты, ведущей Россию к поражению? Такой элиты нет, она лишь рождается в жестоких схватках украинской войны, в бессонной, круглосуточной работе оборонных заводов, в ночных монастырских молениях, в концертах певцов и художников, устремлённых на воюющий Донбасс. Все великие русские правители, создатели непревзойдённых российских империй, высекали такую элиту из камня ударами своей воли, совершая грандиозные перевороты, в которых рождались новое государство, новая страна и новая Победа.

Князь Владимир Святой, получив крещение в Херсонесе, разогнал и уничтожил элиту волхвов, язычников и колдунов, насельников капищ и священных рощ. Он подавил восстание волхвов и создал Киево-Новгородскую православную — от Балтики до Чёрного моря — империю с двумя великими православными храмами: Софией Киевской и Софией Новгородской. То была первая русская империя. Иван Васильевич Грозный, царь Московский, строя вторую русскую империю, создал опричников — этот военный мистический Орден, подавивший сопротивление бояр и удельных князей, сеющих тлетворную смуту. Пётр Великий, строитель третьей русской империи, создал полки семёновцев и преображенцев, их палашами и саблями отсек увядающие ветви древа Государства Российского.

Иосиф Сталин, властитель четвёртой русской империи, затеяв грандиозную, вселенскую работу по созданию небывалого светоносного царства, сотворил жестокий огненный Орден меченосцев, который привёл державу к Победе. Сегодня Владимир Путин стремится создать элиту Победы из разрозненных групп — сражающихся русских военных, технократов-оборонщиков, патриотических интеллигентов и церковных молитвенников. Создание этого победного Ордена совершается теперь, когда истаивает историческое время, отпущенное России для Победы. Сотворение этого Ордена приведёт Россию к военной Победе. А после Победы — к созданию новой, очищенной от исторической ржавчины Родины. Три деяния будут знаменовать появление этого Ордена.

Закрытие Ельцин-центра в Екатеринбурге, где гнездятся жрецы, разрушившие Советский Союз, ввергнувшие Россию в чудовищное унижение и слабость. Ельцин-центр есть центр исторического русского поражения, родина полка “Азов”*, филиал европейского командования НАТО.

Мы перестанем драпировать Мавзолей в дни наших победных военных парадов. Ибо Мавзолей — это алтарь, откуда народ отправился в многолетний кровавый поход и вернулся из похода, неся трофеи — штандарты разгромленных фашистских дивизий. Свободный от драпировки Мавзолей делает парады продолжателями двух великих, священных сталинских парадов.

В наши дни, когда воюющая Россия ищет ресурсы — людские, финансовые, политические, — когда страна испытывает нехватку этих ресурсов, существует ресурс, бездарно запечатанный в сланцах русской истории. Этим ресурсом является имя Сталинград, которое вновь должно появиться на карте России. Это грандиозное мистическое слово было в начале русских времён. И это слово было у русского победного бога. И это слово было победный русский Бог.

---

* Запрещённая в РФ террористическая организация.

Русскую историю творил Сталин. Сталиным был Владимир Святой. Сталиным был Иван Васильевич Грозный. Сталиным был Пётр Великий. Сталиным был Иосиф Виссарионович Сталин. Сталиным станет Владимир Путин.

Сегодняшняя русская история – это мартен, в котором плавятся обломки израсходованного времени, плавится металлолом израсходованной, недееспособной элиты.

Вы слышите гул? Это ревут орудия на украинском фронте. Это ревет металл у мартенов русской истории. Скоро хлынет сталь.

Незыблемый столп государства

Новости падают в общественное сознание, как гигантские глыбы. Это похоже на сход лавины, на огромный, летящий по склону оползень. Одна ошеломляющая новость догоняет другую, они сталкиваются, разбиваются на осколки. Рассудок изнемогает от налетающих, как буря, новостей, он меркнет, тускнеет, сам превращается в груды летящих осколков.

Среди мучительных вибраций разума, когда разрушены все оси симметрии, сбиты все прицелы, потеряны все координаты, единственная непреложная опора – вера в правоту Русской истории, которая возвращает России утраченные земли, воссоединяет рассечённый народ. Возвращение Крыма, Донбасса, Новороссии – это даяние русской истории, за которое нам приходится платить трудами, слезами и кровью.

Русская контратака, которую мы начали в феврале 2022 года, возвращает нам украденное историческое время, восстанавливает рухнувшее государство. Но атакуя, государство натолкнулось на укрепрайон, штурм которого обнаружил недостаточность, несостоятельность прежнего Государства Российского. Ковчег Русской истории натолкнулся на айсберг, трещит, ломается, хрустит. В нём появились пробоины, трещины, сквозь которые хлещет ядовитый раскол. Государство оказалось слишком зыбким, парадным, в нём не хватало прочных стальных двутавров. Оно непригодно для войны такого масштаба, не выдерживает столь мощных ударов.

Рухнула идея глобализма, которая обещала России безбедное процветание среди других мировых цивилизаций. Рухнула концепция газопроводов, соединяющих Россию и Европу в нерасторжимый экономический и политический узел. Рухнула сырьевая экономика, оставив Россию без современных технологий, без шарикоподшипников и элементной базы. Элита, укоренённая в Запад, в час русской беды становится элитой предательской, бьёт топором в спину России. Офисный планктон, смышлёные аййтишники, молодые гедонисты, кумиры шоу-бизнеса бежали из России. Они совершили исход, гонимые глубинными страхами. Идеология либерализма, которую исповедовала Россия после 1991 года, та идеология, при которой государство обслуживает эгоистичную процветающую личность, рухнула. А новая идеология военного времени ещё не появилась, её слабые проблемы чуть видны.

Политическая разведка ввела в заблуждение руководство страны, уверяя его в скором счастливом завершении специальной военной операции на Украине. Тип армии, её численность, её оснащённость, умения офицеров, стратегические способности командующих – всё это оказалось недостаточным и требует глубокой реконструкции. Частичная мобилизация показала глубинную демобилизованность нашего общества, неспособность моментально собраться в кулак и идти в наступление.

Государство, ведя войну, расстаётся с прежними формами и наращивает новые, способные продолжить борьбу и одержать победу. Государство сбрасывает с себя мусор поломанных, израсходованных конструкций. Крепит новые балки, способные противостоять мощным воздействиям.

Информационное оружие противника бьёт по России непрерывными залпами. Информационные системы реактивного залпового огня выжигают в сегодняшнем российском общественном сознании незащищённые участки. В Россию стреляют не только “Джавелины” и наводимые из космоса гаубицы. Но воздействует на неё и оружие “пси”, сеющее в умах сомнение, недоверие, панику, противопоставляет народ российской власти, порождая и в народе, и во власти растерянность, пессимизм, неверие, побуждает власть совершать

ложные действия. Информационное оружие – это достижение современного Запада, с помощью которого без единого выстрела удалось разрушить Советский Союз.

Сегодня информационное оружие Запада оснащено новыми средствами, воздействующими на глубинные инстинкты, глубинные страхи и фобии, живущие в недрах народа и власти.

Для русского патриота, будь он губернатор, блогер, рок-музыкант или разведчик, важно сберечь в себе традиционный русский стоицизм. Выстоять перед шквалом психических атак неприятеля. Не искушаться на посулы, обещающие мир и благоденствие в случае устранения нынешней российской власти.

Сегодня российская власть, российский централизм, президент как выразитель этого централизма нуждаются в защите и сбережении. Не столь страшны дивизии неприятеля, атакующие страну извне. Россию могут погубить крысы, истачивающие столп Государства Российского, снадающие ось русского централизма.

История России полна трагедий, во время которых разбиваются и превращаются в прах великие царства. Эти трагедии суть трагедии русского централизма. Государство Российское, возникнув из пыли девяностых, сегодня являет собой столп из сверхпрочных сплавов, отражающий удары “Джавелинов” и “Хаймарсов”, столп, обламывающий крысиные зубы.

Роль танков, или “Вставай, страна огромная”

Тагил. Тугое, грозное, крепкое слово. Слово корень, который углубился в камень Уральского хребта, в самую глубину России. Тагил – всем городам город, известный на всю Россию, родина русских танков, повивальная бабка русских танковых побед.

“Уралвагонзавод”. Звенит, как наковальня. Здесь куётся громадный, мощный, прекрасный русский танк. Завод не окинуть взглядом. Дымят трубы теплоэлектростанций. Гудят мартены, из которых днём и ночью изливается сталь. Грохочут пневматические молоты, вгоняющие удары в красные, раскалённые болванки. Главный цех завода – его сердцевина, средоточие военных секретов, людских трудов и умений, скопление огня и металла. Из этого цеха виден украинский фронт, танковые атаки, удары “Джавелинов”, взрывы, сметающие с танков башни, горы горячей брони, падающие под натиском танков укрепрайоны врага. Здесь, по главному конвейеру, проходит линия фронта. Танки, сходящие с конвейера, сияющие бронёй, в звонком рокоте дизелей, с пушкой, отливающей сталью, идут прямо в бой. Их ждут удары гранатомётов, бронебойные снаряды. Цех – в синей дымке выхлопов, пахнет танковыми маслами. На конвейере горбятся танки. Танк на цепях проплывает под сводами, окружённый лучами солнца. Танковая башня с пушкой возникает из неба, медленно садится на танк, словно ему надевают шляпу. Среди тёмного железа в люках, проёмах, среди гусеничных лент – люди в комбинезонах, касках. Один оседлал броню и опускает в нутро танка крупнокалиберный пулемёт. Двое других громадным накидным ключом натягивают гусеницы. Третий стоит по поясу в люке, и кажется, что это чудовищный кентавр – с головой человека в белой пластмассовой каске и громадным, непомерным туловом многотонного танка.

В стальную махину вживляют множество тонких изысканных приборов. Танк – ясновидящий: видит в чёрной ночи, чувствует приближение вражеского вертолёт, летящие гранаты, его лазерные дальномёры находят противника среди развалин горящих городов.

В танке каждый сантиметр брони – плод людских изобретений. Танк – живой, чуткий, осторожный, хрупкий, нежный, и вдруг – чудовищно страшный, рвущий гусеницами бетон стратегических дорог, проламывающий корпусом стены строений. Танк для танкиста – место работы, его поле боя, домашний чертог, а в час беды – последнее убежище.

С конвейера завода сходят танки “Армата” с угловатыми башнями. Тут рождаются бесподобные Т-90. Сюда приходят танки из старых советских хранилищ. В поля под открытым небом после крушения Советской армии свозились из гарнизонов остатки танковых армий, тех, что когда-то наводили ужас

на стратегов НАТО. Танки, готовые за несколько дней выйти на берег Ла-Манша или к Пиренеям, с бронёй, способной выдержать ядерный удар.

После разгрома Советского Союза эти танки копились на огромных — до горизонта — унылых кладбищах, стояли, нацелив бессмысленные пушки в пустое небо. Их засыпала пыль, ветер приносил на их броню крупницы почвы, на танках выростала трава, из люков поднимались берёзы. Танки зарастали лесами, уходили в землю, чтобы когда-нибудь пугать своим видом будущих археологов.

Сегодня эти танки привозят на завод. Из них изымается всё истлевшее, ненужное, устаревшее, их моют, дряят, в стальные корпуса опускают новые двигатели, оснащают новыми торсионами, вооружают новыми пушками, насыщают множеством утончённых, драгоценных, неведомых в советское время приборов. Танк начинает свою вторую жизнь. Одному Богу известно, сколь долго продлится эта жизнь, и не наступит ли его на Харьковском или Донецком фронтах коварный удар “Джавелинов”.

Завод, как и многие советские заводы, пережил трагедию девяностых годов. Создатель тысяч советских танков, гордость советской индустрии, смертельная угроза для НАТО, завод во времена Гайдара и Ельцина умер. В цехах стояла гробовая тишина. На конвейере уныло торчал одинокий недостроенный танк. Враги пришли на завод и уничтожили всю оснастку, все чертежи, сделали всё, чтобы в этих цехах никогда не рождались грозные русские машины.

Заводчане спасли завод. Сберегли чертежи в КБ, сохранили рабочий класс и инженерный корпус. Завод пережил возрождение. И сегодня, “гремя огнём, сверкая блеском стали, идут машины в яростный поход”.

Современная война — это огромное конструкторское бюро, где возникают новые системы оружия, где на поле сражения в огне и взрывах рождаются в умах инженеров новые системы узлов, рецепты брони, виды электронных приборов. Для военных стратегов каждый день войны — это новая тактика, осмысление форм современного боя. Насыщенность армий противотанковыми средствами резко усложняет действия танка на фронте, заставляет по-новому учить экипажи, по-новому использовать танки в бою. Война — это жестокая школа, где рождается современный танкист, современный генерал, современный военный конструктор. “Уралвагонзавод” — это университет, где преподают выдающиеся военные инженеры и конструкторы. Там трудится современный рабочий, для которого труд является священным, рабочий, создающий священный танк — танк Победы. Танк Т-34 на постаменте — как драгоценная церковная чаша, участвует в вековечном русском богослужении, где Россия поклоняется богу Победы. Два замечательных сооружения высятся у стен завода. Чудесный Дворец культуры, построенный сразу после войны — подарок Сталина заводу, сотворившему танк Победы. Дворец сложен из уральских самоцветов — яшмы, лазурита, из драгоценных древесных пород, сияет хрустальными люстрами. Здесь играет музыка, поют, танцуют дети, рисуют юные художники. Здесь нежность, красота и добро. А за пределами — завод, где рычат двигатели, сползает с конвейера танк, мчится на полигон и грохочет пушкой.

У проходной высится храм, так не похожий своими нежными контурами и золочёной главой на сумрачное железо танкового конвейера. В этом храме чувствуешь божественность русского танка. На удивительной, небывалой фреске начертана колонна “тридцатьчетвёрок”, громящих рейхстаг. Несётся в небесах победный ангел. Падают в окопы чёрные эсэсовцы. Русский воин в краснозвёздном шлеме ведёт за собой сонм русских святых. Не святые ведут бойца к рейхстагу, а он, как архистратиг, ведёт за собой святую русскую рать.

В Нижнем Тагиле на “Уралвагонзаводе” чувствуешь святость труда, коим сберегается Родина, не исчерпавшая череду своих бед.

Мобилизация тронула сокровенные, живущие в каждом уральце струны. Спокойно, сдержанно читают повестки, собирают котомки, целуются с матерями и жёнами, садятся в эшелоны, двигаются туда, где пылает война. Там они увидят свои родные тагильские танки, которые, возможно, спасут их жизни. Роль танков неуклонно растёт на поле боя. Роль танков неуклонно растёт в нашей обыденной жизни. Товарищ министр обороны, кончились танковые биатлоны, начались танковые сражения.

Сегодня враг ведёт против России концептуальную войну. Он уничтожает не просто нашу живую силу и технику, не просто бомбит мирные города и селения – он стреляет по символам, на коих держится Государство Российское. Враг потопил черноморский крейсер “Москва”, в названии которого – сокровенный смысл. Он подорвал газопроводы “Северный поток”, сокрушив геостратегию Путина, прорубившего газовое окно в Европу. Теперь враг подорвал Крымский мост – символ русского чуда, образ божественного Херсонеса, произведение, являющее собой стиль “Путин”. Эти удары по сокровенным кодам порождали в народе смятение, требовали ответных ударов. И вот удары состоялись. Кончена игра в поддавки. Встаёт страна огромная.

Русская культура нуждается сегодня в духовном танке – в танке земном и небесном. Русский победный танк даётся нам с небес, о чём свидетельствует судьба танка Т-34.

АЛЕКСАНДР СМЫШЛЯЕВ

ПОЗЫВНОЙ “КАМЧАТКА”

Очерк о жизни и подвиге Героя России Александра Попова

У похорон свои традиции, но воинов и особенно награждённых Золотыми Звёздами Героев России хоронят по особому чину. Это обязательно оркестр, почётный караул у гроба, прощальные и торжественные речи официальных лиц, командиров и боевых товарищей, троекратный залп из стрелкового оружия.

Именно так 4 июля 2022 года Камчатка прощалась с Героем России гвардии старшим лейтенантом воздушно-десантных войск Александром Николаевичем Поповым. Хоронили его на кладбище Паратунского сельского поселения, где хоронят и жителей соседнего посёлка Термального, в котором Александр рос и учился в школе, в котором и поныне живут его родители.

Офицер-десантник Александр Попов героически погиб 23 июня 2022 года в Херсонской области, выполняя воинский долг в специальной военной операции на Украине. Президент России Владимир Путин Указом № 400 от 27 июня 2022 года посмертно присвоил гвардии старшему лейтенанту Попову Александру Николаевичу звание Героя Российской Федерации.

Гроб с телом героя привезли на Камчатку представитель командования воздушно-десантных войск России и заместитель командира 11-й отдельной десантно-штурмовой бригады ВДВ, в которой служил Александр Попов. На прощальной церемонии в Октябрьском зале краевой филармонии присутствовали официальные лица Камчатки во главе с губернатором Владимиром Солодовым и председателем Законодательного собрания Ириной Унтиловой. Соболезнования родным и близким Героя России выразили заместитель командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирал Денис Березовский, командир подразделений Росгвардии на Камчатке Алексей Кравченко, глава города Петропавловска-Камчатского Константин Брызгин, юнармеец Термальненской средней общеобразовательной школы Анастасия Михеева.

Камчатские морские пехотинцы вынесли гроб из помещения, траурная церемония направилась на кладбище. Был тёплый летний день... Когда архиепископ Петропавловский и Камчатский Феодор закончил отпевание покойного и затихли траурные речи, эхо разнесло по окрестным лесам автоматные выстрелы салюта. Вновь брызнули слёзы из глаз родственников и близких друзей. Свежую могилу покрыли многочисленными венками.

Последний бой

Разведывательный взвод гвардии старшего лейтенанта Александра Попова получил команду выдвинуться в село Потёмкино в половине седьмого утра 23 июня 2022 года. Там две роты украинской мотопехоты прорвали позиции стрелковой роты народной милиции ДНР. Ближайшим к Потёмкино подразделением был как раз взвод Попова. Ехать туда из Высокополя, где

разместились разведчики, всего ничего, тем более у взвода своя бронемашина “Рысь”. Всё необходимое для боя и питания личного состава было загружено в неё с вечера, поэтому собрались быстро, через пятнадцать минут были уже на месте.

На краю Потёмкина нашли заброшенное одноэтажное кирпичное здание, которое одной стеной как раз смотрело на противника, атакующего село со стороны лесополосы. Командир дал команду рассредоточиться. Кто-то из бойцов взвода залёг в здании у разбитых окон, другие укрылись за углами дома. Сам старший лейтенант и его заместитель сержант Евгений Берёза находились внутри, у окон. Противник наседал, стремясь занять Потёмкино и ведя массированный огонь из стрелкового оружия и артиллерии. Его передовые ряды находились уже метрах в трёхстах от занятого взводом здания.

— Да, у них точно две роты мотострелков, — не отрываясь от бинокля, произнёс Александр.

— Миномёты гоят, сейчас по-серьёзному начнётся, — откликнулся Евгений. — Бэтээры завели, грузятся...

— Внимание, взвод! — голос командира негромким эхом разнёсся по пустому зданию. — Приготовить РПГ, подпускать ближе, чтобы бить наверняка!

“Нас во взводе было только пятнадцать человек, — позже рассказывал сержант Евгений Берёза. — А укронацистов — около трёхсот, столько мы примерно насчитали с Александром. Мы с ним тут же стали корректировать огонь: я — нашим миномётчикам и артиллеристам, командир — авиации. Я “вертушек” не видел, некогда было отвлекаться, но слышал, что они пришли и отработали. Ребята из нашего взвода активно отстреливались, стойко сдерживали натиск врага, но укры всякий раз опять поднимались и упрямо шли вперёд, не считаясь с потерями. Несколько раз ситуация складывалась для нас критически, но командир где перебегал, а где переползал от одного нашего бойца к другому, словно чувствуя, где и кому наиболее тяжело, и подбадривал: “Давай, давай, парни, вон ту группу держите, прижимайте их!” Наши ребята дело знают, огонь вели умело, стараясь не подставляться под пули. Атака укров вроде стала затихать, но вскоре возобновилась ещё яростнее при поддержке артиллерии и пулемётов с бронемашин. Наши артиллеристы при моей корректировке тоже активно отвечали, сожгли несколько бэтээров противника. Бой шёл жёсткий, у нас двоих бойцов тяжело ранило. Я доложил об этом командиру. Он мне: “Забирай раненых, окажи первую помощь и гони в тыл, доложишь обстановку, подмогу попросишь и заодно привезёшь боеприпасы”.

Евгений Берёза с помощью взводного санинструктора вынес раненых из-под огня, загрузил в “Рысь” и поехал в тыл. А бой на окраине Потёмкина не утихал. В эфире то и дело слышался голос Александра Попова:

— Я Бамут, даю координаты цели... Я Бамут...

Противник хорошо знал этот голос и ненавидел вездесущего Бамута, за три месяца нахождения на передовой в районе Заречного, Николаевки и Высокополья он нанёс им большой урон, наводя на них шквал огня и умело корректируя его. Бамута давно уже пытались вычислить, охотились за ним, и Александр знал это, но на вопросы подчинённых, не боится ли мести, неизменно отвечал: “Пусть поищут, всё равно не найдут”.

“Я ему говорил, что он знаменитостью стал в стане укров, — вспоминает Евгений Берёза. — Но командир скромно отмалчивался, хотя я-то знал, как его близкий товарищ, что он гордится этим. Мы же разведчики, это наша работа — искать и находить врага и наводить на него штурмовые отряды и авиацию, корректировать огонь танков и артиллерии. Работали без отдыха, скрытно, на постоянном риске быть убитыми или, что ещё хуже, попасть в плен. У нас взвод опытный был, ребята боевые, обстрелянные, хоть краповых беретов среди нас не было, но все разрядники, настоящие мужики”.

Враг наседал, снаряды падали всё ближе, крышу здания разбивали мины, когда примерно через час вернулась “Рысь” с заместителем командира Берёзой. Он привёз патроны, гранаты, несколько ПТУРов и РПГ-30, лично снарядил все пустые магазины и включился в бой. “Били их технику из ПТУРов и РПГ-30 и наводили с командиром артиллерию — гаубицы и “Грады”, — рассказывал Евгений.

Держались уже пять часов. Вот-вот должно было подойти подкрепление — снимали штурмовой взвод с соседнего участка, подтягивали ополченцев.

Около половины второго часа дня в окно, из которого стреляли из автоматов и ПТУРов Александр Попов и Евгений Берёза, влетел снаряд. Их оглушило и отбросило на середину помещения, начался пожар, у соседнего окна стояли раненые бойцы. Задымление было настолько сильным, что ничего вокруг не было видно.

— Командир, Саня, ты как? — позвал Евгений.

В ответ услышал слабый стон. Потом шёпот Александра:

— Дышать... не могу... воздуху дайте...

— Сейчас, командир, держись, я встаю.

Но встать Евгений не смог, от удушья сильно кружилась голова. Ощупал себя: всё на месте, ран нет. Подполз к Попову. Тот лежал на спине, кашлял, мотал головой. Евгений ухватил его за ременный карабин “броника”, потащил на улицу, на задний двор здания. На свежем воздухе они отдышались.

“Я осмотрел командира, вроде не ранен, только наглотался пыли и дыма и, видимо, была контузия”.

— Как парни? — придя в себя, спросил Попов.

— Я слышал раненых, внутри наших двое. Схожу, заберу.

— Вместе пойдём, я уже ничего. Бой надо продолжать! Не отходить до прибытия наших, не отдавать Потёмкино, держаться!

К ним перебежками спешили ближние бойцы, чтобы помочь. Практически все были ранены, но держались на ногах. Сюда, на задний двор, снаряды не падали, но внутри дома всё взрывалось и рушилось.

— Ты как, командир? — спрашивали разведчики.

— Вроде обошлось. Держимся, парни, вернитесь на позиции. Не расслабляться!

Командир поднялся на ноги, поправил на себе каску и бронежилет. На грязном, закопчённом лице яркой синью горели глаза. Он достал фляжку, пригубил и в несколько глотков выпил всю воду.

Тут сработала рация. Из штаба батальона сообщили, что подмога выдвинулась, впереди едут командиры, им необходимо показать все необходимые секторы стрельбы, направить на противника.

— Есть! — уже браво ответил Александр.

Неподалёку стояла “Рысь”, на которой можно было увезти раненых, но никто из них уезжать не согласился. Бойцы перебежками скрылись за углами дома, послышались густые автоматные очереди. А к Попову и Берёзе уже спешили командиры подмоги: сержант из штурмового взвода ВДВ и офицер-ополченец.

— Товарищ гвардии старший лейтенант... — начал сержант штурмового взвода.

Попов отмахнулся:

— Привет, мужики! Как видите, жарко у нас. Противник преобладает, но наша артиллерия бьёт плотно, нахрапом и в лоб они уже не лезут, почти всю броню мы им сожгли, пробуют нас обойти, поэтому берите фланги, а мы здесь продолжим стоять, в центре. Держимся, ребята!

И сержант штурмовиков, и командир ополченцев тут же по рациям начали отдавать команды своим, чтобы занимали оборону на флангах от одиночного кирпичного здания: “Укропы лезут из лесосеки, пробуют обходить и зайти с тыла. У разведки много трёхсотых, но держат центр”.

“И тут укронацисты начали лупить из миномётов, — рассказывает Евгений Берёза. — Мина навесом, мы её даже не слышали, прилетела прямо в нашу группу, стоящую между зданием и “Рысью”. Сразу убило командира, сержанта штурмовиков и ополченца. Меня сильно ранило: осколком пробило грудь, порвало ногу, почти оторвало руку. Но сознания я не потерял. Командиру попало в голову, ничего уже сделать было нельзя”.

Евгений заставил себя встать, на одной ноге допрыгал до “Рыси”, включил рацию, вызвал штаб батальона, сообщил обстановку и сказал о гибели командира.

— Берите командование на себя! — поступил приказ.

— Есть на себя! У нас много трёхсотых, прошу прислать машину, вывезти ребят.

— Сам-то как, сержант? Что-то голос у тебя...

— Ранен.

— Машину пришлём. Держитесь!

Евгений попробовал завести бронемашину “Рысь”, но не смог: оказалась перебитой топливная система. Поковылял внутрь здания, опираясь на автомат. Обстрелы ещё некоторое время продолжались, но вскоре прекратились. Внутри разбитого дома плотной стеной висела пыль пополам с дымом. Стал окликать своих раненых, нашёл их и, преодолевая сильную боль, по одному вытаскивал наружу.

“Неожиданно всё стихло, – вспоминает он. – Как оказалось, укры прекратили атаку, отошли на исходную. Мы не дали им взять Потёмкино, встали насмерть!

Ко мне начали подходить наши. Я сказал ребятам, чтобы приходили в чувство и собирали оружие, убитых и раненых. Каждый сам себе, да и друг другу мы оказали первую помощь. Тут и подкрепление подошло, человек двадцать из нашего разведывательно-десантного батальона, а там и ополченцы, но боя уже не было, он возобновился поутру, уже без нас, так как нас вывезли на машине в тыл. Ребятам осталась война, а нам достались кому земля сырая, кому долгие госпиталы. До сих пор лечусь, и в Москве лежал, и дважды в Петербурге, в Чите, сейчас нахожусь в Улан-Удэ. Руку врачи мне по косточкам собрали, обещают, что заживёт. Спасибо им. Но нога болит, ребро ещё не зажило, в лёгком остался осколок, голова постоянно кружится. Всё равно надеюсь, что выкарабкаюсь”.

После того боя во взводе разведчиков из прежних бойцов в строю остались, по словам Евгения Берёзы, пять человек. Остальные новые, и командир новый. Всех ребят, отстоявших Потёмкино, лечащихся в госпиталях, наградили. Правда, почему-то без награды остался сам Берёза, хотя интернет много писал о его подвиге по спасению командира и бойцов, но зачастую всякую чушь писали, даже за танкистов их выдали, но на то он и интернет, чтобы мусорить и не убирать после себя. А сам Евгений Берёза держится, упорно лечится, надеясь снова встать в строй, недаром у него за плечами 11 лет службы в ВДВ. “Мне куда их – коту под хвост? Нет!”

СПРАВКА

По действиям гвардии старшего лейтенанта Попова Александра Николаевича в ходе отражения атаки противника 23 июня 2022 г.

Разведывательный взвод разведывательного батальона 11 отдельной десантно-штурмовой бригады под командованием гвардии старшего лейтенанта Попова Александра Николаевича 23 июня 2022 г. находился в резерве 2-й батальонной тактической группы вблизи н. п. Потёмкино Херсонской области.

Противник силами до двух мотопехотных рот при поддержке артиллерии прорвал позиции подразделений стрелковой роты 109 стрелкового полка мобилизационного резерва народной милиции Донецкой народной республики, обороняющихся на опорных пунктах н. п. Потёмкино.

В критический момент боя разведывательный взвод под руководством гв. ст. лейтенанта Попова А. Н. под огнём совершил рывок в направлении главного удара противника. Своими действиями сковал вражеские подразделения, имевшие успех, грамотно скорректировал огонь артиллерии по атакующим, чем вынудил противника остановиться и отойти на исходные рубежи. Контроль над н. п. Потёмкино был восстановлен.

В дальнейшем противник нарастил усилия и вышел во фланг обороняющихся подразделений с целью окружения. Командир взвода организовал контратаку, грамотно и умело командовал личным составом. В ходе боя занял удобную позицию и выстрелом из установки ПТУР уничтожил группу националистов численностью до пяти человек, чем внёс в ряды наступающих панику.

По позиции подразделения было нанесено огневое поражение артиллерией противника, в результате чего ст. лейтенант Попов А. Н. получил ранение. Несмотря на это, продолжил командовать личным составом и не оставил занимаемый рубеж, вёл огонь из стрелкового оружия и корректировал огонь артиллерии, нанося противнику существенные потери.

От полученных ранений гвардии старший лейтенант Попов Александр Николаевич скончался на оборонительных позициях.

Благодаря смелым и решительным действиям, проявленной самоотверженности, мужеству и отваге, а также ценой своей жизни взводу гвардии

старшего лейтенанта Попова А. Н. удалось сдержать натиск превосходящих сил, отбить многократные атаки противника и нанести ему значительный урон.

(К сожалению, копия справки, которая имеется у автора, не подписана. В таком же виде её вручили отцу героя, который и поделился копией.)

Десантники разведывательного взвода говорят о своём командире: “Он молодым лейтенантом к нам пришёл, “обкатался”. Многие бойцы были его старше. Он нас учил как офицер, мы ему житейское подсказывали. Люди по двенадцать лет служат, многое знают и умеют”.

“Контуженым он не сдался и не оставил нас в трудную минуту. Не рвался ни за орденами, ни за медалями. Он всегда говорил: “Я сюда взвод завёл, я его и выведу”. Ему должность другую предлагали, он, в принципе, мог и не сидеть с нами в окопах, а где-то там бумажками заниматься. Он отказался, сказал: “Нет, я со своим взводом останусь”.

Указ о присвоении гвардии старшему лейтенанту Попову Александру Николаевичу звания Героя Российской Федерации (посмертно) Президент России, Верховный главнокомандующий В. В. Путин подписал 27 июня 2022 года, через четыре дня после гибели. В войсках и в семье узнали об этом уже на следующий день.

* * *

Саша Попов родился 18 июня 1996 года в Крыму, в Алушке. Родители вместе не жили, сына воспитывали мама Татьяна Анатольевна и бабушка Людмила Александровна. Отец Николай Борисович Попов проживал на Камчатке в посёлке Термальном Елизовского района. Он и рассказывает:

“Я прилетал к сыну в Ялту. С его мамой Татьяной мы поддерживали дружеские отношения, поэтому не только препятствий с её стороны не было, а наоборот, она рада была, что я с сыном общаюсь, стараюсь положительно влиять на него. Они с бабушкой не справлялись с Сашей, рос он на улице, с друзьями, был до невозможности избалованным и не поддавался воспитанию. Учился так себе, 6-й класс закончил плохо”.

Саша был долгожданным ребёнком, поэтому его так сильно любили. Но такая сильная, всепоглощающая любовь показывала свою обратную сторону. Мама всецело была занята своим мелким бизнесом, который их кормил. “На улице, среди друзей, Саша выделялся лидерством, – вспоминает соседка тётя Галя, как называл её Саша. – Он умел дружить, мальчишки тянулись к нему, и он уже не мог их оставить, днями пропадал с ними”.

Шестой класс Саша закончил плохо. К тому же умерла бабушка, и с ним оставалась только мать. Тогда и договорились родители, что отец заберёт сына из женских рук к себе на Камчатку. Хотя бы временно, чтобы попробовать воспитывать его по-мужски. А дальше будет видно.

Саша на переезд согласился, хотя было видно, что расставаться с мамой, друзьями и с родными крымскими местами ему не очень хочется. Он любил Крым, и когда уже служил в армии и воевал на Украине, рассказывал боевым товарищам о родной Алушке и обещал им, что после войны они все вместе поедут туда отдыхать. У него и личный позывной был “Ялта”. Правда, называли и “Камчаткой”, чередовали, и ему нравились оба его позывные, как и официальный позывной корректировщика – “Бамут”.

Шёл 2008 год, лето. Саше было 12 лет. Провожая сына на Камчатку, мама передала его в руки стюардессы, которая заботилась о мальчике во время полёта. В аэропорту встретил отец, который привёз сына домой недалеко от аэропорта. Здесь Сашу ждала собственная комната, обустроенная отцом в его двушке.

Саша сначала воспринимал своё пребывание на Камчатке как временное, хотя сам отец был настроен серьёзно и основательно. Понимая, что сын окончил шестой класс плохо, а русский язык, учась в Крыму по украинским программам, вообще запустил, он стал уговаривать Сашу опять пойти в шестой, чтобы начать заново, подтянуться по всем предметам. Его поддержали и учителя в школе. Сын долго сопротивлялся, но в конце концов согласился, уступив настойчивости отца и советам педагогов.

Постепенно учёба увлекала Александра. А когда они с отцом решили, что он останется в Термальном ещё на год, окончательно взялся за ум и начал подтягиваться по всем предметам. Особенно хорошо у него было с английским языком и физкультурой. Саша вообще был спортивным парнем, в 2013 году, в 10-м классе, он получил второй спортивный разряд по лыжам. Занимался Саша и в Термальненском центре внешкольной работы “Ратибор” в спортивных секциях по волейболу, баскетболу и туризму.

Надо отдать должное отцу Николаю Борисовичу – он всерьёз взялся за воспитание сына. Ему во всём помогала бабушка Валентина Витальевна, души не чаявшая во внуке. Подключилась к воспитанию и гражданская супруга Николая Борисовича – Роза Рашидовна. Помогала и сестра Женя – теплом и любовью к единственному брату.

А в Ялте скучала по сыну мать Татьяна Анатольевна. Они часто созванивались и подолгов разговаривали. И писали письма друг другу, что нехарактерно для нашего времени. Одно из них Саша хранил и всегда держал при себе. После его гибели отец обнаружил это письмо и разрешил его опубликовать. Мама писала Саше:

“13.03.2009. Здравствуй, мой самый любимый и родной сыночек! Я так по тебе скучаю, что просто сил нет. Каждый день и каждую минуту думаю о тебе и очень переживаю за тебя. Сейчас такая у всех трудная жизнь, а как она сложится у тебя, зависит только от тебя самого. Пока фортуна на твоей стороне. С таким папой, как у тебя, можно достигнуть больших вершин. Пожалуйста, слушай его беспрекословно. В Алушке ты был одним из худших учеников и уличным мальчиком. А сейчас ты один из самых лучших. Я безмерно рада этому. Если у меня что-то не складывается в жизни сейчас, то я даже не расстраиваюсь, так как у тебя всё хорошо. А для меня это самое большое счастье. Ты у меня просто умница, я люблю тебя больше жизни. Ты даже представить себе не можешь, какой счастливой ты меня сделал сейчас, я тобой очень горжусь. Ты отцу должен быть благодарен всю свою жизнь. Таких пап считанные единицы. И ты это сам поймёшь, если ещё не понял...

Целую вас всех. Люблю, скучаю, мама”.

Летом Саша с отцом приехали в Ялту. Это была последняя встреча матери и сына – через год, 30 июня 2010 года Татьяна Анатольевна умерла от острой сердечной недостаточности.

В 7-м классе Саша Попов стал принимать активное участие в военно-спортивном юнармейском движении и вскоре стал командиром юнармейского отряда школы. Высокий, спортивный, статный, почти на год старше одноклассников, волевой и целеустремлённый, он подавал пример во всём, в том числе и в учёбе, ибо добился хорошей, а вскоре и отличной успеваемости по всем предметам. Это был уже совсем другой мальчик, не похожий на того, который бегал с друзьями по ялтинским улицам и не очень хотел учиться. Он крепко задумался о будущем и понял, что в будущем достойная жизнь готовится только тем, кто целенаправленно к ней идёт. И не карьеризм его увлёл, а настоящая, честная и праведная жизнь. Он был крещён в младенчестве, всегда носил крестик, пусть не регулярно, но посещал храм, а в военную пору, на передовой, часто зажигал свечи в дни православных праздников или просто для того, чтобы ребята, воины, его боевые друзья, помнили, что все они ходят под Богом и только Бога нужно просить о милости и даровании здоровья и жизни.

Ежегодно Саша принимал участие в соревнованиях Елизовского района Камчатки “Слёт мальчишек” и в районной военно-спортивной игре “Победа”, часто становился одним из победителей или призёров этой игры, а в 2013 году признан лучшим командиром команды и награждён именными часами. Это была первая награда будущего Героя Российской Федерации.

Коллектив учителей Термальненской средней школы помнит Сашу Попова как успешного ученика и просто хорошего парня. Характеристику ему дали блестящую.

А вот его автобиография 2014 года, когда он закончил обучение в средней школе:

“Я, Попов Александр Николаевич, родился 18 июня 1996 года в г. Алушка, г. Ялта автономной республики Крым, Украина. На момент моего рождения

родители были в разводе, я воспитывался мамой Коноваловой Татьяной Анатольевной и бабушкой Коломиец Людмилой Александровной. Отец Попов Николай Борисович прожил на Камчатке в п. Термальный. С самого рождения отец поддерживал со мной тесную связь. В 2002 г. я поступил в первый класс Алупкинской СОШ № 2. В 2008 году для получения более качественного моего образования родителями было принято решение о моём переезде на постоянное место жительства к отцу на Камчатку, где был принят на обучение в 6 класс МБОУ “Термльненская СОШ”.

В 2010 году после тяжёлой болезни мама умерла. Моим воспитанием и образованием занимается отец Попов Николай Борисович.

В 2010 году получил гражданство РФ.

В 2011 году получил “Аттестат об основном общем образовании” с основными оценками “5” и “4”. Продолжил учиться в школе и в настоящее время обучаюсь в 11 классе МБОУ “Термльненская СОШ”.

К учёбе отношусь старательно, участник предметных олимпиад (география, ОБЖ, физкультура) различного уровня. В 2013 году был награждён Дипломом I степени Премьер-лиги за участие во втором этапе IX Международной Олимпиады по основам наук (предмет ОБЖ).

С первых дней обучения в МБОУ “Термльненская СОШ” принимаю активное участие в жизни класса и школы.

С 2008 по 2013 г. возглавлял юнармейское отделение школы. Ежегодно команда школы занимала призовые места в муниципальной военно-спортивной игре “Победа”, “Слёте мальчишек”. На этапе “Пожарная эстафета” возглавляемое мной отделение дважды занимало I место.

В 2010–2011 гг. в составе волонтерского отряда принимал участие в разработке и реализации социального проекта “Пока мы помним – они живы”. На Всероссийском конкурсе “Мир молодости” проект был награждён серебряной медалью.

В свободное от учёбы время систематически занимаюсь в Центре внешкольной работы “Ратибор” в секциях туризм и волейбол. Являюсь капитаном школьной команды по баскетболу.

К настоящему времени я определился с выбором профессии – моя мечта стать сотрудником МЧС”.

Ему нравилась игра “Пожарная эстафета”, поэтому и захотел служить в МЧС. Они собрали с отцом все необходимые документы, но на этапе медицинской комиссии Александра не пропустили по зрению. Мечта рухнула. Отец успокаивал, напомнил о том, что в детстве Саша хотел стать военным, и в этом его поддерживал дед Олег Иванович, муж бабушки. Да и сам отец был не против.

– Поступай в военное училище, станешь офицером, – посоветовал он.

“При поступлении в общевоинское училище допускалось зрение до минус двух, можно было и чуть больше, – рассказывает Николай Борисович Попов. – Поэтому Саша подал заявление в Дальневосточное высшее общевоинское командное училище имени маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского – ДВКУ. Оно находится в городе Благовещенске Амурской области”.

* * *

Желающих поступать в Дальневосточное высшее общевоинское командное училище оказалось так много (а конкурс – семь человек на место, и при этом многие абитуриенты уже отслужили в армии, имели бонус), что у Александра просто не было шансов. Он даже не дошёл до экзаменов, его завернули на собеседовании, где было сказано, что он “слишком сырой”. Психолог посоветовал отслужить в армии, а потом поступать. “Парень ты умный, образованный, старательный, оценки в аттестате у тебя хорошие, и со спортом дружишь, разряды имеешь, думаю, после службы легко поступишь”.

Пришлось возвращаться домой. До осеннего призыва в армию оставалось время, поэтому Саша пошёл работать. Устроился рабочим в санаторий “Жемчужина Камчатки”, успел потрудиться несколько месяцев.

Служить попал в мотострелковую часть под Усурийском, был стрелком, рядовым. Весной 2015 года подал командиру части рапорт о желании поступать

в ДВОКУ. Командир рапорт подписал, дал в сопровождающие офицера, и они уехали в Благовещенск.

“Через какое-то время звонит, голос радостный: “Папа, экзамены сдал, конкурс прошёл, меня приняли, я – курсант!” – рассказывает Николай Борисович Попов.

После зачисления в училище первокурсников отправили на полигон “для слаживания”. В тесном общении они должны не просто познакомиться, а главное, притереться друг к другу, начать чувствовать воинское братство, которое позже, в годы службы в армии, а затем и на войне, станет помогать им не просто грамотно действовать в команде, но и заботиться и отвечать за здоровье и жизнь боевых товарищей.

“Ему нравилась свобода, которую он получал как командир, – рассказал об Александре Попове бывший его классный руководитель Максим Алексеевич Ряписов. – Он мог инициировать то или иное действие. И поэтому тот подвиг, который он совершил, – это в духе Александра. Я читал описание последнего боя: да, он такие решения умел принимать, брать на себя ответственность... Это поступок, который по плечу далеко не каждому человеку. Он показал себя настоящим мужчиной и воином. Он и в классе выделялся своей надёжностью, мужественностью, готовностью прийти на помощь другим. Мы, учителя, воспринимали его, как сына. А для меня он был ещё и хорошим другом. В классе он всегда казался мне взрослее своих сверстников, будто был для них старшим братом, поддерживал их...”

О лидерстве Александра говорит и его младший школьный товарищ Роман Шерский: “Саша появился в школе, когда учился в шестом классе, он переехал к нам из Крыма. Я был младше его, и он стал мне старшим другом, я бы сказал даже – старшим братом. Он уже тогда выделялся среди всех сверстников: взрослый был не по годам, умный, надёжный. Таких людей я не встречал раньше. Знаете, запомнился на всю жизнь такой момент: Саша не раз ходил с нами в походы. А дети есть дети – балуешься где-то, шалишь, так он никогда не ругался. Посмотрит только и скажет: “Рома, ты что? Ты же мужчина, веди себя достойно”. А было ему тогда лет 16 от силы. Вот он всегда вёл себя достойно.

Я виделся с ним около года назад, в 2021 году, как раз собирался тогда стать курсантом Хабаровского пограничного института ФСБ РФ, а Саша к тому времени уже закончил Дальневосточное командное училище. Разговаривали об этом, Александр давал мне советы, наставления... Для него самого поступление в военное командное училище было главной целью, мечтой. С первого раза поступить ему не удалось. Это был большой удар для него, я хорошо помню, как поддержал и ободрил его в тот момент классный руководитель Максим Алексеевич Ряписов. Спустя год Саша повторил свою попытку и стал курсантом. Он говорил, что это была для него огромная радость и честь. Своей воинской чести он не посрамил.

Мы все, Сашины друзья и близкие, конечно же, внимательно прочли всё, что известно о его подвиге. У меня возникла гордость от того, что я близко знал его. И одновременно чувство огромной невосполнимой утраты... Он был настоящим товарищем, и погони его не испортили. Он всегда оставался таким же человечным по отношению ко всем, кто его окружал, как было это и в школе. Редкие качества и редкий человек, каких встречается очень и очень немного...

Сейчас я прохожу службу в воинской части, базирующейся в Завойко в Петропавловске-Камчатском. И думаю, что нам, военным, надо не здесь сидеть, а находиться там, где был Саша, чтобы быть достойным формы, которую мы носим”.

Однокурсник Андрей Давыденко жил с Александром Поповым в одном курсантском общежитии, в соседней комнате, и рассказывает: “Учиться Саше искренне нравилось. Свою жизнь хотел связать только с армией. Поэтому всегда и везде был в первых рядах. Занимался учебно-научной деятельностью, в ходе которой под руководством преподавателей тактики он оборудовал подробный макет местности, которая в точности повторяет местность дислоцированной на нашем учебном центре”.

Командир батальона курсантов ДВОКУ подполковник Михаил Орленко отметил волевой характер Попова, обратив внимание на то, что он хотел служить в ВДВ. “Под выпуск в 2019 году он подошёл ко мне и попросил осуществить его

просьбу и распределить в воздушно-десантные войска. На что командование училища пошло ему навстречу. По выпуску в качестве сюрприза я подарил ему свой берет”.

Ещё Михаил Орленко отметил, что Александр Попов “был требовательным к себе курсантом, успевал на “хорошо” и “отлично”, по физической подготовке всегда имел отличные оценки”.

На третьем курсе Александр снял в городе квартиру. Личного времени стало больше. Его девушка Настя рассказывает:

“Каким он был? Очень добрым, внимательным, отзывчивым и душой компании. Он очень хотел играть на гитаре. Играл его товарищ Александр Цыба, и Саше хотелось. Но возможности не было, потому что учёба, затем служба забирали практически всю его жизнь. После училища, когда он служил под Улан-Удэ, я приезжала к нему и сама видела, что у него действительно не было времени: то полигон, то ещё что-то. Он служил в ВДВ и был этим необычайно горд. Ещё в училище он часто говорил о ВДВ, при этом сожалел, что его могут не взять туда по зрению, если даже будет распределение. Но распределения туда не было, он должен был ехать после училища в Волгоград, в мотострелковую часть. Позже перераспределился в Воронежскую область. Но когда примерно за месяц до выпуска вдруг пришло место в ВДВ, он загорелся и как-то для всех неожиданно принял это решение. Ему пошли навстречу, переписали в десант. Правда, он посоветовался со мной, ведь мы строили уже определённые совместные планы. Я видела, что ему очень хочется в десант, и согласилась. К нему на самом деле тепло относились все преподаватели училища. Когда он уже после училища приезжал в Благовещенск, некоторые преподаватели и командиры его приглашали в гости”.

Училище Александр Попов закончил с красным дипломом.

* * *

Десантно-штурмовая бригада ВДВ, куда приехал служить Александр Попов, стояла в Бурятии и была гвардейской. Таким образом он стал гвардии лейтенантом. Его назначили командиром разведывательного взвода в составе разведывательной роты разведывательного батальона. До его приезда исполнял обязанности взводного сержант-контрактник Евгений Сергеевич Берёза.

Это был 2019 год. Евгений Берёза рассказывает: “Меня вызвал командир нашей роты и представил нового взводного, это был Александр, он только что после училища, молодой лейтенант. Когда вышли от командира роты, пообщались, познакомились. Парень приятный, видный, спортивный. И простой, без всяких излишних амбиций. У меня тогда уже было около десяти лет службы во взводе, у него первый год, он молодой, начинающий, но командир есть командир. Но не только поэтому его вскоре ребята зауважали: Саня оказался настоящим военным, грамотным, очень контактным, быстро начал осваиваться, перезнакомился со всеми. Я ему сразу сказал: “Занимайся пока документами, оформляйся, квартиру получай, а я продолжу работать с людьми, ты мне задачу ставишь – я выполняю”.

А затем начались командировки.

“Ездили всем батальоном, – вспоминает Евгений Берёза, – но каждый взвод жил отдельно, своей палаткой или помещением – где как придётся. Нас во взводе 18 человек, ели, что называется, из одной чашки, пили из одной кружки, очень дружный взвод, братский”.

Слаженность во взводе была полной: бойцы понимали командира, а он бойцов. Учились скрытности при выходе в разведку на передовую, ночевали зимой в лесу на морозе, без возможности разжечь костёр. Александру всё это нравилось.

Новый год с 2021-го на 2022-й Александр Попов отмечал в Благовещенске у Насти, приехав из Новороссийска. “Саша решил посвятить эти праздничные выходные мне, – рассказывала она. – Его отец даже расстроился, что сын не прилетел на Камчатку. Из Благовещенска мы с Сашей поехали на моей машине к друзьям в Белогорск.

Перед этим мы виделись с ним в его отпуске в августе 2021 года. Как раз ему со взводом предстояла командировка в Ингушетию. Оттуда их отозвали в Новороссийск, опять отпустили на новогодние дни, и он, я выше рассказы-

вала, приезжал ко мне в Благовещенск, от меня в январе 2022 года вернулся в Новороссийск, и 24 февраля их батальон вошёл в Донбасс”.

“22 февраля мы созванивались, – вспоминает отец Николай Борисович, – 23 февраля я послал ему по телефону поздравление с праздником, но, смотрю, он его не открыл, а потом прислал голосовое сообщение: “Меня не будет дней двенадцать”. Уже на следующий день президент объявил о начале спецоперации на Украине. Я понял, что сын там”.

Немногим ранее, 24 ноября 2021 года Александр Попов получил очередное воинское звание гвардии старшего лейтенанта и продолжал занимать прежнюю должность командира разведвзвода.

Сержант Евгений Берёза не сразу принял участие в специальной военной операции на Украине – у него была беременная жена, его оставили дома дожидаться, когда она родит, и только 26 апреля 2022 года он присоединился к своему взводу. Это было уже на Херсонщине под Высокопольем.

“Я местности не знал, – рассказывает Евгений Берёза, – а Александр уже изучил её досконально, регулярно уходя в разведку на поиски целей. Поначалу я ходил с ним, осваивался. Тогда и понял, как бояться и ненавидят украинцы нашего командира. Сколько раз приходилось слышать их разговоры по рации: “Да уничтожьте вы этого Бамута, найдите, перехватите!” В основном он ходил к линии соприкосновения в одиночку, рискуя попасть в их руки. Это его бесстрашие и желание во что бы то ни стало выполнить задачу, приблизить победу, впечатляли. Мы все уважали своего командира”.

“Они приняли участие в спецоперации на Украине с первого дня, – рассказывает Анастасия. – Но первый раз на связь со мной он вышел только 11 марта и попросил положить деньги на телефон. У них был один телефон на всех, и они постоянно меняли на нём номер, чтобы враг не засёк. Звонить домой хотелось каждому, и после разговоров они сразу выбрасывали “симку”. Первый раз он позвонил, я глянула: номер украинский, а голос вроде его. Сразу мысль: а если попал в плен, поэтому и деньги просит? Сказала ему: “Если всё нормально, скажи какие-нибудь слова, которые знаем только мы с тобой”. Он засмеялся: “Мышь, Мышуха, да я это, я, Санька!” Господи, Мышью только он меня называл! Значит, это он, всё в порядке”.

Трудность ещё заключалась в том, что с любого места не позвонишь, Александру и его подчинённым приходилось искать места, где связь была. Вот видеозапись одного из звонков Александра сестре Евгении на Камчатку:

“Сейчас так получилось, что связь нашёл, но это бывает крайне редко. Поэтому я не знаю, когда получится у меня ещё сюда приехать. Как получится, я сразу наберу. Ты поставь этот “Телеграм”, чтобы я мог дозвониться, отписаться, чтобы вызова приходили. А на МТС отсюда вообще не звонит, заблокирован МТС полностью – с Украины в Россию нельзя звонить”.

А вот запись видеозвонка сестре Евгении Поповой в день Пасхи 2022 года: “Женька, привет! У меня всё нормально. Когда домой, я не знаю. Всем привет, Христос Воскрес”.

“Командир днями не выходил из леса или поля, высматривая цели, – продолжает рассказывать Евгений Берёза. – Вернётся усталый, грязный, умоется, толком не отоспится, и опять уходит. Взвод на мне, у взвода другие разведывательные задачи, такие же ответственные. Нам надо найти противника, зацепить его в боестолкновении, разозлить, дать проявиться, обнаружить себя, а командир уже давал цель и корректировал огонь. Вызовет наших штурмовиков, они шороху наведут, цели уничтожат, отойдут, и после этого мы опять идём в разведку. Так день за днём. Выходные устраивали раз в неделю, а то и в десять дней. Если не надо куда ехать, то просто сидим, отдыхаем в безопасном месте, где никто врасплох не застанет, не придёт, не захватит. Командир сам распределял выходные дни. А дальше – опять работа. Там, где посложнее, он рвался туда сам, я мог только на “птичке” полетать. А где посты противника, там мы в засаде. Командир нас на пару суток оставлял, это две ночи, и мы сидели, наблюдали. У нас бинокли, тепловизоры, карта, компас. На сопки забирались, на крыши зданий, оттуда наблюдали. Но в тыл противника не ходили, только на передовой, деревня в деревню. Там противник, мы его постоянно видим. Его дроны к нам летят, наши – к ним. Стараемся сбить, но без шума, или наших предупреждаем. А вокруг всегда где-то кто-то стреляет. Постоянная трескотня...”

“Мне последний раз он звонил 20 июня, уже после дня рождения и, получается, за три дня до гибели, — вспоминает Анастасия. — Мы долго-долго разговаривали. Он: “Мышуха, ты из детского полевого лагеря окончательно приехала, всё хорошо?” Я: “Да, хорошо”. Он: “Теперь сиди и не дёргайся, будь в городе”. Это Саша давал понять, что, возможно, скоро сможет приехать, видимо, обещали вывезти их с передовой на отдых.

Больше на связь он не выходил. Я ждала его звонка, а тут приехал наш общий с ним друг, его товарищ, он в морской пехоте во Владивостоке служит, а семья у него в Белогорске. Я поехала к ним в Белогорск. И постоянно жду звонка, а его нет. Говорю жене друга: “Валя, у вас в Белогорске так телефон плохо ловит, мне Саша должен звонить, не пропустить бы”. Вернулась домой, и всё жду, жду, жду. Тревога в душе нарастает, даже руки опускаются. 25 июня друзья сообщили, что Саша погиб. Прислали мне по телефону выписку о гибели...”

Утром 26 июня в квартиру Николая Борисовича Попова позвонили. Пришли из районного военкомата, официально уведомили о гибели сына. А ещё через два дня родственники и друзья узнали, что Александру Попову посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением отцу героя Золотой Звезды сына.

В родной Термальненской школе, названной именем Героя России, создан музей, и в одном из классов стоит парта Героя, почётным правом сидеть за которой наделяются лучшие и самые активные ученики. Александра помнят. Александром гордятся. Александра оплакивают.

Но он всегда был на позитиве. Это отмечают все, кто его знал.

Когда в России началась частичная мобилизация, некоторая часть граждан, как известно, побежала из страны. Куда угодно, хоть к врагам, подняв руки, — лишь бы убежать, лишь бы избежать призыва. Таких несколько категорий. Одних пугала возможная физическая смерть на поле боя. Других — возможный стыд за то, что пошли убивать. Третьих — несогласие с “режимом” Путина, как они объясняли. Четвёртых — боязнь потерять стабильный заработок за время вынужденной паузы. Пятых...

Впрочем, по большому счёту, главную роль сыграла трусость: боязнь хоть смерти, хоть стыда, хоть потери денег — какая разница, ведь всё равно трусость. Многие из них пытались спрятаться за политические мотивы и лозунги, хотя и сами понимали, что они несостоятельны, люди их всё равно не поймут и осудят.

Они убежали. Но многие из им подобных остались. Стоит только посмотреть на экраны телевизоров, чтобы их увидеть. Они так же берут от жизни всё, веселясь и играя, красуясь в рекламах, зарабатывая немалые деньги, выпендриваясь и кичась своей надутой, никчёмной особенностью. Им всё нипочём, плевали они на наше осуждение. И ведь смогли избежать призыва, хотя по цветущему виду и по возрасту видно, что могли бы пригодиться в окопах.

Но пригодились другие. Люди попроще, как считает эта псевдоэлита. Как считают мажоры из столиц и провинций. Попали под частичную мобилизацию те, которым якобы нечего терять, кроме своей бедности. Но давайте посмотрим, кто ушёл по мобилизации.

Рабочие, без которых остановились многие станки, стройки, агрегаты, трактора и грузовики. Инженеры, без которых стало трудно, а то и невозможно управлять производством. Ушли врачи, часть педагогов, ушли даже учёные, ушли спортсмены.

Ушли журналисты и писатели, музыканты и художники. Да, они беднее “звёзд” и мажоров, но им есть, что терять, а главное, они не хотели потерять совесть. И уважение. И гордость за них детей и внуков. Они не хотели потерять Родину! Они подставили ей плечо.

Неужели это возможно в стране, где полно олигархов, где пропасть между отдельными слоями населения бездонна, где много несправедливости по отношению к простым людям, где чиновники продолжают заниматься распилами, а торгаши — подсовывать непотребное? За что отдавать жизни: за них, за этих?

Нет! За Отечество! За землю предков, которые передали её нам, надеясь, что передают в надёжные руки. И слава Богу, надёжных рук оказалось гораздо больше. Пришло время, и надёжные руки сжали кулаки, взяли оружие. Люди пошли! Это возможно!

Сколько раненых упрямо возвращаются из госпиталей в строй! Сколько добровольцев приходят в военкоматы! Сколько женщин взялись помогать армии. Сколько объявилось по-настоящему любящих женских сердец!

Я в силу пожилого возраста и писательского призвания вношу свою лепту: пишу о наших героях. И не только о героях на поле брани, но и о героях в тылу. Они равнозначны, потому что их объединяет великое и гордое слово: Герои. Ими надо гордиться, а павших Героев – помнить. И воздавать почести, учить на их примерах детей и молодёжь.

*Ноябрь 2022
Камчатка*

ВЯЧЕСЛАВ ВЫСОЦКИЙ

СВОИХ НЕ БРОСАЮТ

(по лабиринтам памяти)

**ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ,
ИЛИ
ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОЛГОФУ**

Зачастую в жизни многих людей, словно в библейской истории, бывают тяжелейшие периоды, когда все невзгоды обрушиваются на человека, когда ему кажется, что мир рухнул и жить не имеет смысла. Эту грустную и горькую историю житейской назвать можно лишь с натяжкой. Это, скорее всего, какие-то гримасы, превратности судьбы, я бы сказал резче, звериный оскал спецслужб и судебной системы Украины. Про спецслужбы – разговор особый. Тема праведности и справедливости у всех на Украине уже набилась оскомину на зубах. Реформа судебной системы сводилась в основном к тому, чтобы значительно повысить судьям зарплату: судьи районных судов получают – 60 тысяч гривен в месяц, судьи Верховного Суда – до 350 тысяч гривен (приблизительно – 13 тысяч долларов). Но главное – это правосудность и справедливость, а вот этого нет. Продажность судебной системы в самом разгаре. Ранее, когда я ещё находился в одиночной камере Лукьяновского СИЗО, меня посетили представители Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Мы много говорили. С их слов, они знали о проблемах в судах Украины. Согласно их оценке, в стране осуждены и находятся в местах лишения свободы порядка 70 тысяч человек, из них 20–25 процентов, осуждены бездоказательно, незаконно и грубейшими нарушениями процессуальных прав и требований ЕСПЧ. Рецидив, то есть повтор преступлений и возвращение в тюрьмы и колонии, по официальной статистике, составляет 50–60 процентов.

Теперь пару слов о спецслужбах Украины. После присоединения Крыма к России на той, уже ставшей российской, территории были арестованы несколько человек, уже считавшиеся гражданами РФ и обвиненные в терроризме. Некоторые взяты с поличным, на месте преступления. Эти люди (Сенцов, Сущенко и др.), в конце концов, оказались в тюрьмах России. Об этих случаях раструбили во всех средствах массовой информации, выставили их героями и показали на телеканалах Украины, рисуя их невинными жертвами “кроважанных” российских властей. В этой ситуации спецслужбам Украины необходимо было показать, что они тоже не “лыком шиты”, что они тоже “не даром едят государственный хлеб” и что они тоже приносят пользу своей стране. Тех арестованных в России людей надо как-то вытаскивать, да ещё на этом можно сделать пиар. А для этого просто необходимо было создать

на Украине некий обменный фонд людей – своеобразный товар для торговли и обмена. И на Украине началась охота на людей.

Шел конец 2013 года. В Киеве и на Западной Украине началось протестное движение против власти Януковича. Сразу хочу сказать, что его я не оправдываю, не пытаюсь обелить. Средства массовой информации, подогреваемые Западом, ещё с первого “майдана” (2004) начали кампанию по дискредитации, формированию негативного образа Януковича: мол, он вор, два раза сидел в тюрьме, и вообще он ставленник Кремля. В народе распространялись слухи и анекдоты. В итоге к 2013 году отрицательный образ негодяя был создан. Наступила пора в отношении существующей власти действовать более решительно, и при негласной поддержке Запада действовать всё-таки начали. На Западной Украине начались силовые захваты органов местной власти, захватывались отделения местной милиции, раздавалось оружие радикально настроенным элементам. В Киеве, на Крещатике, за деньги и водку собирались десятки тысяч людей на протест против ненавистного всем Януковича. Назревало что-то страшное. Резко усилились антироссийские настроения. Везде раздавались крики: “Україна понад усі, москалів на ножі, кацапи – чемодан – вокзал – Россия”. Обманутый народ в Киеве, наслушавшись сказок про красивую европейскую жизнь, словно обезумел, словно какие-то шоры опустились на глаза, будто серая мгла опустилась на город и затуманила всем мозги. Толпа требовала от Януковича подписать соглашение о вступлении в ассоциацию Евросоюза, не понимая смысла этого документа. А Янукович, понимая пагубность этого, в последний момент отказался его подписывать. Это вызвало истерику толпы. Мне было понятно, что дело идёт к государственному перевороту, а из истории было общеизвестно, что подобные события, как правило, заканчиваются гражданской войной и разрухой.

И сейчас народ полностью вкусил все прелести так называемой “революции достоинства”. Экономика разрушена, огромные долги перед Западом, люди бедствуют, миллионы эмигрантов. Новая власть, свергнув ненавистного Януковича, сразу же подписала это соглашение, но в Европу, куда так обещали принять, так и не пустили. Поезд, как говорится, ушёл, и рельсы разобрали, остаётся только почёсывать затылок и тяжело вздыхать. Теперь этого достоинства с протянутой рукой – через край. В общем, в марте 2014 года началась гражданская война и, как следствие, разруха, бедность. Украина, благодаря бездарной политике, имея все потенциальные возможности для развития, стала на путь саморазрушения.

Пишу лишь для того, чтобы читатель понял причину моего решения покинуть Украину и вернуться в Россию, на Родину. В такой обстановке я понимал, что спокойная жизнь закончилась – надо уезжать, чтобы хотя бы остаток жизни прожить спокойно. Начал я с того, что в марте 2014 года попытался обратиться в российское консульство в Киеве, чтобы подать документы на получение российского гражданства, но не тут-то было. Посольство и консульство в Киеве были заблокированы боевиками “Правого сектора” – националистическими радикальными элементами. Летом 2014 года я всё же решил ехать в Россию своим ходом, на машине, и обратиться в миграционную службу. Но и здесь не вышло, сосед-дальнобойщик рассказал, что ехать опасно. Московская трасса перекрыта блокпостами. Машины, идущие в Россию, останавливают, пассажиров высаживают, ставят на колени и заставляют петь гимн Украины, в противном случае – бьют стёкла в машине, избивают и грабят. Он посоветовал, что лучше всего и безопаснее проехать в Россию через Белоруссию, через украинско-белорусскую границу. Я так и поступил. По приезде в Россию обратился в миграционную службу, где в июне 2014 года оформил документы на получение российского гражданства. В октябре того же года получил документ – **вид на жительство** и право проживания в РФ. И лишь в марте 2015 года, после оформления официального документа – заявления на имя президента Украины П. Порошенко с просьбой выйти из украинского гражданства в обмен на российское – получил, наконец, российский паспорт и, вернувшись в Киев, перевёл свою военную пенсию в Россию. Стал готовиться к выезду: искать вариант продажи своей квартиры, собирать вещи, уже считая себя законным и полноправным гражданином Российской Федерации. Вариант продажи квартиры из-за продолжающейся гражданской войны на Донбассе, да и нездоровой обстановки в стране, затягивался. Людям было

не до этого, все были увлечены революцией. Единственным источником выживания в то непростое время была российская военная пенсия, за которой ежемесячно приходилось ехать в Россию, в Тулу, за восемьсот километров. Филиалы Сбербанка России в Киеве были разгромлены националистами, и возможности получить пенсию в Киеве не было. В то время я работал исполнительным директором, а не хозяином фирмы, сдававшей помещения в аренду. Маленькая зарплата в сто долларов позволяла хоть как-то сводить концы с концами. Среди арендаторов, а их было двадцать пять, у меня был некто Дмитрий Красновский, с которым я приятельствовал и был с ним просто в хороших отношениях. Он часто приходил ко мне в кабинет на кофе. Арендную плату он вносил исправно, лишь изредка просил отсрочить. Особенно он привязался ко мне, когда я посодействовал его поездке в Китай. На этой поездке следует остановиться поподробнее, ибо эта поездка повлияла на мою судьбу, и материалы о ней оказались в моём судебном деле. Это произошло ещё в 2008 году, задолго до событий, случившихся потом со мной. Летом в моём кабинете раздаётся телефонный звонок, из Одессы звонит мой давний знакомый – однополчанин по Дальнему Востоку. Назовём его Родион Михайлович, все его называют просто Радик. Человек это уникальный. Настоящий эрудит, японист, хороший организатор, лидер. Душевность и гостеприимство – его основные качества. Побольше бы таких людей в нашем руководстве! Он человек большого масштаба, просто глыба. Михайлович, как называю его я, был неиссякаемым источником, фонтаном реальных идей и проектов, которые он организовывал и претворял в жизнь. Его жена, милая женщина Нина Ивановна, часто мне говорила о нём: “Слава, да когда же Радик успокоится, угомонится, ведь ему уже семьдесят лет”. О нём можно рассказывать много, он достоин написания целой книги. Всё своё благополучие он создал своими руками, своим умом, он реально менял окружающий его мир, в хорошем смысле этого слова.

Итак, звонит Радик и предлагает поехать с ним в Китай. Дело в том, что годом ранее в Одессу приезжала представительная китайская делегация, представляющая деловые круги города Нинбо, и теперь правительство Нинбо приглашает подобную делегацию Одессы. В мэрии Одессы собрали группу из бизнесменов и представителей администрации. Радик по телефону рассказывает мне, что делегацию-то собрали, а вот с переводчиком китайского языка – проблема, и не желаю ли я поучаствовать в этой поездке в качестве переводчика. Я, конечно, согласился. “Есть одна просьба, – сказал он. – Я вышлю тебе паспорта всех членов делегации, а ты пойдёшь в консульство Китая в Киеве и поставь штампы въездной визы. Запрос китайской стороны есть, и всё обговорено. Проблем никаких не будет. Тебе, киевлянину, сделать это будет проще, чем посылать кого-то из Одессы”. На том и порешили. Вскоре мне передали через проводника поезда пакет с паспортами. Сажу я как-то у себя в офисе и просматриваю паспорта членов делегации. Вдруг в кабинет входит Красновский. Пришёл на кофе, подумал я. Увидев на моём столе кучу паспортов, он удивлённо спросил: “Что это? Принимаешь новых сотрудников?” – “Нет”, – ответил я, объяснив, в чём дело и откуда эти документы. У Димы загорелись глаза, и он умоляюще попросил меня включить его в состав делегации. Я ответил ему, что у меня нет таких полномочий, но посодействовать этому попытаюсь. Позвонил в Одессу Радике, и этот вопрос был решён положительно.

В состав украинской делегации его включили как представителя деловых кругов Киева. На следующий день, собрав все паспорта, с лёгким сердцем я направился в китайское консульство. И каково же было моё удивление и разочарование, когда я подъехал к зданию консульства. Моему взору открылась толпа человек пятьсот, тоже жаждущих, как и я, поставить штамп в паспорте. У входа в здание стояла милиция, сдерживающая толпу и регулирующая очередь по спискам, которые составлялись ещё с трёх часов ночи. Объяснять что-либо милиционеру было бесполезно, не говоря о том, чтобы приблизиться к нему. Толпа зорко наблюдала. “Ну и влип”, – подумал я. Ну, что делать? Просьбу Радика и обещание нужно во что бы то ни стало выполнить. Возвратился на работу в офис, стал ломать голову: “Как прорваться в консульство?”. И вдруг я вспомнил, что у меня был когда-то знакомый китаец по имени Ван, который уже давно, лет пятнадцать, проживает в Киеве, успевши жениться на украинке, купить квартиру и стать вхожим в киевскую мэрию. Удивительно,

но он имел настоящее удостоверение советника мэра Черновецкого. Чем он занимался на Украине и на что жил, для меня до сих пор является загадкой.

Позвонив ему, я объяснил суть вопроса. Через пару часов он прибыл в мой офис и, забрав паспорта, ускорил в своё родимое консульство. Поскольку он гражданин Китая, в родное учреждение он вошёл беспрепятственно, игнорируя милиционеров и толпу. Уже к вечеру он привёз мне готовые документы с проштампованными въездными визами. Я сразу же позвонил Михайловичу и сообщил об этом.

Сама поездка в Китай тоже была непростой. Самолёт Киев–Одесса, далее – Одесса–Стамбул, затем Стамбул–Пекин и, наконец, Пекин–Шанхай. Остальной путь – Шанхай–Нинбо – мы преодолели автобусом по тридцатишестикилометровому мосту, через море.

В г. Нинбо нас, конечно, торжественно встречали и разместили в известной и шикарной гостинице “Шератон”. Ещё в Киеве, перед поездкой мне сказали, что летим в какой-то районный городок Нинбо. Как оказалось, на самом деле это десятимиллионный огромный город с мощной экономикой, многочисленными современными заводами, идеальными дорогами и небоскрёбами, город идеально чистый и зелёный.

На следующее утро нас повезли по предприятиям и промышленным выставкам. Велись переговоры, подписывались договоры и соглашения, заключались контракты. На обратном пути из Китая в Киев я долго пытался объяснить одному из чиновников, оказавшемуся рядом со мной в самолёте, чем же отличается контракт от соглашения о намерениях. Мне показалось, что он либо ничего не понял, либо понял с трудом. И это специалисты, посланные руководством, чтобы наладить двусторонние экономические связи! Ну, да бог с ними.

Прошло время, и эта поездка вновь напомнила о себе: всплыла в моём уголовном деле.

Дима Красновский, мой арендатор, не уплатив арендную плату за два месяца (2000 долларов), вместе со своими сотрудниками вдруг не стал появляться на работе. Исчез из поля зрения, на звонки не отвечал. Вычислить, где же он, не удалось. Все куда-то пропали. Мне пришлось самому внести за Красновского арендную плату, ибо моего хозяина эти проблемы – кто куда пропал и кто не заплатил – абсолютно не интересовали.

Прошло два года, наступил год 2016-й. И в январе в мой офис совершенно случайно зашёл двоюродный брат Красновского – Владимир, которого я спросил: “Володя, где брат твой? Куда же он пропал?” Владимир раздражённо заявил, что сам ищет этого подонка, который обманул его на двадцать тысяч долларов и исчез. “Звонил ли ты ему?” – спросил я. “Да, – ответил Владимир, – но он видит мой номер “мобилки” и не отвечает”. Тогда я попросил дать мне его номер, чтобы позвонить с другого телефона.

В итоге позднее мне всё-таки удалось дозвониться до Красновского. Договорились о встрече, как только он появится в Киеве. Спустя месяц, в феврале 2016 года Дима всё-таки появился у меня в кабинете. Поприветствовав его, я как можно деликатнее напомнил ему о долге. Красновский рассказал, что уже два года находится на фронте (АТО), призван из запаса. Служит командиром инженерно-сапёрного взвода, их бригада дислоцирована в районе деревни Марьинка. “Насчёт долга я помню, что-нибудь придумаю”. Договорившись о встрече через пару дней, мы расстались. Действительно, через несколько дней Красновский снова появился у меня в кабинете. Прямо с порога он заявил: “Вячеслав Николаевич, что касается долга, выход есть. В Брянске (Россия) у меня есть двоюродный брат. Человек он небедный, бизнесмен. Вчера я разговаривал с ним по телефону, просил помочь. Оказать помощь он не против” (позднее я понял, что на самом деле никакого у него там брата не было, это была легенда СБУ, готовилась ловушка. Задача контрразведки – вытащить меня на границу и взять с поличным). Договорились, что Дима, зная о том, что я собираюсь ехать в Россию за пенсией, напишет ему письмо и через меня передаст. Этот якобы его брат из Брянска, встретившись со мной, получив это письмо и удостоверившись, что это действительно я, рассчитается со мной. В итоге вопрос долга будет закрыт.

Встретиться с его братом-бизнесменом, решили в районном центре Климово Брянской области, на почте, где был банкомат Сбербанка России и где я мог получить пенсию, не отправляясь в Тулу за сотни километров. Эти условия

по телефону Дима обещал сообщить брату, которому тоже удобно на машине подъехать из Брянска. На том порешили и разошлись. В то время я и не предполагал, что меня ждёт впереди западня.

ЗАХВАТ

Ранним апрельским утром 2016 года я с сыном отправился из Киева в ближайший от украинско-российской границы городок Климово, что расположен в Брянской области. Почему именно туда? Дело в том, что в Сбербанке г. Климово получить пенсию удобнее, нежели ехать из Киева в Тулу за 700 км. Погода была неприветливая, накрапывал дождь. Настроение необъяснимо скверное. Вдруг вспомнилась встреча с навязчивой цыганкой, которая тогда изрекла: “Твоя казённая дорога будет непростой, длинной, и заслуг будет немало, но никто спасибо не скажет”. Тогда я снисходительно отмахнулся. Я не верю в мистику, но на самом деле все последние два месяца (февраль-март) меня не покидало чувство тревоги и беспокойства, реально навязчиво терзали нехорошие мысли, стал беспричинно раздражителен, пропали сон и аппетит. Казалось бы, всё было хорошо: дом, семья, друзья, спокойная работа. Не было никаких оснований для беспокойства.

Позднее я узнал, что все последние месяцы в отношении меня проводилась спецоперация контрразведки. Как потом выяснилось, меня обложили плотно: круглосуточное наружное наблюдение, видеосъёмка, “прослушка”. Позже я узнал, что несколько бригад СБУ контролировали каждый мой шаг. В таких случаях человек-одиночка в борьбе с системой обречён и всегда проигрывает.

Итак, шестого апреля 2016 года ранним хмурым утром, в пять часов мы с сыном на своей машине отправились к пограничному переходу Сеньковка, что на украинско-российской границе. Цель была простая — встретиться с братом Красновского, передать ему конверт и, чтобы не ехать за пенсией в Тулу, на почте г. Климово через банкомат получить деньги.

При подъезде к погранпереходу я обратил внимание, что не было ни одной машины, необычно пустынно как-то. “Удивительно, — подумал я, — обычно километровые очереди. Значит, повезло, — мелькнуло у меня в голове, — проскочим быстро и через час будем на месте”. Въехали в таможенную зону и в окошко КПП подали документы на выезд с украинской территории. Пограничник, взяв наши паспорта, молча поставил штамп — разрешение на выезд — и вернул документы. В комнате пограничника неожиданно два раза мигнул свет. Как я сейчас, понимаю это был условный сигнал для группы захвата: “ПРИГОТОВИТЬСЯ”. Ничего не подозревая, получил обратно паспорта, мы с сыном неторопливо отправились к моей машине, чтобы выехать из погранзоны через нейтральную полосу на российский пограничный переход. Россия была совсем рядом, в полутора километрах.

Вдруг откуда ни возьмись выскочили люди в масках, в камуфляжной форме, вооружённые автоматами, и с криками: “Вы задержаны!” — набросились на нас. Захват был жёстким. Ударом кованого ботинка по икроножной мышце завалили меня и, болезненно заламывая руки, стали надевать наручники. Непроизвольно я попытался подняться, но для страховки, чтобы я не дёргался, с особой жестокостью ногой ударили в область печени. У меня потемнело в глазах, и я покорно затах. Сын, тоже не понимая, что происходит, лицом вниз лежал рядом. Захват был проведён молниеносно.

Такой неласковый приём озадачил нас и совсем не добавлял оптимизма. Было их человек пятнадцать, позже подошли ещё человек семь в гражданской одежде, вероятно, работники СБУ и операторы украинского телевидения. Заснятый ролик на следующий день показали в новостях и разместили в интернете. Заранее подготовленные понятые появились позже. Мышеловка захлопнулась.

Нас подняли, развели в разные стороны и потащили к следователю. Начался допрос и личный, унижительный обыск. Постепенно я стал приходить в себя. На просьбу сотрудника СБУ показать содержимое карманов я вытащил сигареты и зажигалку, затем достал запечатанный конверт Красновского, как я считал, для его брата из Брянска. Все эти вещи тут же были забраны.

— Все это ваше? — строго спросил следователь.

— Да, — ответил я, — только кроме конверта, который мне передали для вручения некоему лицу на сопредельной стороне. Это конверт Красновского,

моего знакомого по работе. Это он просил передать для своего брата, проживающего в Брянске.

Вскрыли конверт. Там оказалась карта — схема минных полей окрестностей оборонительного района Марьинка, с грифом “секретно”. Это меня удивило и озадачило. Я ничего не мог понять. Дело в том, что в этом конверте должно быть письмо к брату, которое бы подтверждало, что я именно тот человек, о котором ранее шёл разговор Красновского с братом по телефону. Получив от меня письмо, его брат рассчитался бы со мной за Красновского, погашая его долг. Я понял — это подстава, провокация.

— Вас взяли с поличным, рассказывайте всё, — с ухмылкой заявил мне один из сотрудников СБУ.

Я попросил разрешения курить, но, вероятно, опасаясь чего-то, мне отказали.

— Кто вас ждал на сопредельной стороне? Где ваш связник? — продолжал оперативник.

Я ответил, что не понимаю, о каком связнике идёт речь.

— Не валяйте дурака, — процедил следователь, — нам всё известно.

Допрос проводился без адвоката, хотя понятия заранее, ещё ночью были подготовлены и к утру подвезены. Эта процедура на улице продолжалась с шести утра до шести вечера. Жестокость “коновалов” из группы захвата была вызвана тем, что руководство этой спецоперации сорентировало их на захват опаснейшего, матёрого российского шпиона-диверсанта, от которого можно ожидать всего чего угодно. И это было объяснимо в обстановке российско-украинского противостояния и антироссийских настроений в обществе. Шпиономания и русофобство были в разгаре.

Потом был трёхчасовой путь в Киев, в СБУ, что на ул. Владимирской. Везли нас с сыном раздельно. Вечером, уже в кабинете следователя допрос продолжился. Допросив сына и не найдя ни у него, ни в нашей машине ничего, его всё-таки, забрав машину на более тщательный досмотр, отпустили домой.

Хочу сказать несколько добрых слов о сыне. При захвате и на допросе он вёл себя достойно, спокойно воспринимал происходящее, в глубине души, наверно, жалея меня, иронически поглядывал на эту театральную, тщательно срежиссированную постановку. Эта заранее подготовленная, спровоцированная операция проходила одновременно и на погранпереходе Сеньковка, и на моей квартире в Киеве, с допросом моей жены и обыском. В это же время, в шесть утра проходил тщательный обыск моего кабинета в офисе. Все прошло синхронно, и это еще одно доказательство того, что все было подготовлено. Правда, никаких шпионских атрибутов (шифроблокнотов, радиостанций, оружия и взрывных устройств) так и не нашли, потому что их не было в принципе. Часов в десять вечера меня спецконвоем в наручниках повезли в СИЗО СБУ, что в Аскольдовом переулке. Снова был унижительный обыск, забрали брючный ремень и отправили в одиночную камеру. Голодный и смертельно уставший, переживший страшный стресс, заснуть я так и не смог. Заботливо подготовленные в поездку женой Ларисой продукты были отобраны.

В одиночной камере круглосуточно горит свет и ведётся видеонаблюдение, мониторы от каждой камеры выведены в коридор. Голову разрывали мысли: “Зачем Красновский всё это сделал?”. Ответа я не находил.

Общеизвестно, специальные службы всех стран очень пристально следят за финансовой деятельностью предприятий. Ещё задолго до моего появления в их поле зрения они занимались оперативной разработкой украинского банка “Земля”. Уже значительно позже от адвоката я узнал подробности. Адвокат, используя интернет, вышел на государственный реестр регистрации и учёта уголовных преступлений Украины, где обнаружил фамилию “Красновский Дмитрий”, он проходил по делу о крупном мошенничестве по статье 190 часть 4 Уголовного кодекса: обналичивание денег в особо крупных размерах, срок до 10 лет лишения свободы. Как оказалось, ранее этот тип работал в земельном банке начальником департамента, совмещая эту работу с руководством строительной фирмой, той, что арендовала у меня помещения. Всё стало на свои места, многое стало ясно.

СБУ плотно занялось Красновским и его окружением. Среди имён людей, контактировавших с ним, была и моя фамилия. Изучив меня, — всё-таки офицер-разведчик, да ещё россиянин, — они поняли, что это то, что им нужно. Начали плотно работать с Красновским, шантажируя его. Предложили ему:

или ты с нами помогаешь разоблачить российского шпиона, или десять лет тюрьмы. Красновский дрогнул и выбрал первое. И вот теперь можно было предположить, что Красновский, чувствуя занесённый над его головой меч правосудия, под давлением СБУ согласился стать активным участником спровоцированной спецоперации с использованием специально изготовленных фальшивых документов.

В связи с этим сам собой возник вопрос: “Почему именно на Высоцкого СБУ обратило внимание, зачем именно я им понадобился?” Я прослужил в армии тридцать лет, был начальником разведки дивизии в городе Славута (Украина), закончил академию, знаю китайский язык. Скажите, ну, чем не кандидат в шпионы? Стоит лишь спровоцировать и всучить фальшивку — и всё, кандидат на обменный фонд готов. В итоге так и получилось. Суд закрыл глаза на всё, ибо было негласное указание СБУ.

В одиночке СБУ, пока шло следствие, я пробыл два месяца. Психологически, да и физически было очень тяжело, тяготила и удручала неизвестность. Раз в неделю меня возили на допросы на ул. Владимирская. Я заметил одну закономерность. За три-четыре дня до поездки охранники меня избивали. Причину находили всегда. Днём на нарах запрещено было лежать, разрешалось лишь сидеть на привинченной к полу крохотной металлической табуретке. Увидев в монитор в коридоре, что я прилёг на кровать, — а как же без этого в моём возрасте? — мгновенно врывались эти опричники и резиновыми дубинками по спине и почкам, давали мне понять, что я неправ. Почему за три-четыре дня до допросов? Синяки на моём теле за эти дни, как правило, исчезали.

Обстановка в кабинете у следователя была совершенно другая. Майор Лабунец приказывал прапорщику, сопровождавшему меня, вопреки инструкциям, снять с меня наручники. С улыбкой на лице угощал сигаретами и кофе. Я ему как-то сказал: “Роман Александрович, я человек в возрасте, в отца Вам гожусь. Зачем это игра в злого и доброго сотрудника, ведь вы тоже офицер?” Он смущённо, будто не знал об этой экзекуции, ответил: “Вячеслав Николаевич, такого не может быть. Я разберусь”. Действительно, позже это прекратилось.

В конце мая 2016 года закончилось следствие, и меня перевели в Лукьяновское СИЗО Киева. Поместили на спецпост (обычно там размещают пожизненно осуждённых и особо опасных преступников-злодеев), в одиночную камеру. Жизнь в камере 158 — это уже совсем другая история.

В грязной и обшарпанной камере тускло горел круглосуточный свет, велось постоянное видеонаблюдение, на металлических нарах ничего, кроме грязного матраца, не было. Я, обращаясь к надзирателю, наивно спросил: “А где одеяло, подушка, постельное белье?” — думая, что ещё принесут. Ответ был короткий: “Нет, где я тебе возьму”.

Итак, я оказался в одиночке. Про питание сказать, что оно было плохим, значит, не сказать ничего. Это трудно назвать пищей. Как позже я узнал из тюремной газеты “Закон и обязанность”, на питание заключенных государство тратит всего 480 гривен в месяц. Поделим на тридцать дней, получим 16 гривен в день (в наших деньгах — 30 рублей в сутки). Меня спасали регулярные передачи от жены и сына.

С июня 2016 года по май 2017-го шёл судебный процесс, который 26 мая закончился приговором — дали 12 лет с полной конфискацией моего личного имущества, включая квартиру. Суд, закрыв глаза на то, что прямых доказательств нет, принял за основу своих решений фальшивку. На суде задавалось много неприятных для судей вопросов: почему нет переводчика русского языка, ведь обвиняемый гражданин России? И в связи с этим — почему Высоцкий обвиняется в измене Украине, являясь гражданином другого государства? Какое отношение имеет обвиняемый к территориальной целостности государства Украина? Является ли тот документ, обнаруженный в конверте, — карта минных полей — секретным? И чтобы выяснить, является ли этот документ секретным, судом в качестве эксперта на судебное заседание был вызван измождённый службой высокого ранга чиновник — начальник Главного оперативного управления Генштаба Украины. На заседании выяснилось, что этот генерал не имеет никаких полномочий по проведению судебной экспертизы, и нет каких-либо документов, подтверждающих его статус эксперта министерства обороны Украины. Суд на это обстоятельство не обратил никакого внимания. Адвокат

заявил суду, что в деле имеется официальный документ СБУ, отправленный в адрес Генштаба МО Украины, с указанием – дословно: “В интересах проведения спецоперации СБУ просим изготовить фальшивый документ с признаками настоящего – карту минных полей в районе Марьинка. Этот документ должен исключить нанесение ущерба ВС Украины и его территориальной целостности”. Вопрос адвоката к эксперту был один: “Получало ли данный документ оперативное управление Генштаба”? Ответ генерала: “Да, получало”. – “Этот документ разрабатывался в вашем управлении?” Ответ: “Да”. – “Тогда последний вопрос, пан эксперт: является ли данная карта – схема – секретной”? Ответ этого тучного генерала с мутным взглядом прозвучал: “Этот документ является секретным”! Не выдержав, я спросил этого генерала: “Уважаемый эксперт, вопреки указаниям СБУ изготовить фальшивку, вы всё-таки умудрились изготовить реальный боевой документ, подрывающий боеспособность украинской армии, и смогли передать его мне через Красновского. Признаться, вы мой сообщник?” Генерал густо покраснел, утирая пот со лба, быстро ретировался и поспешно сел на место. Прокурор заявил протест, и судья снял этот вопрос, заседание было срочно прекращено.

Теперь немного об адвокатах, их в разное время было четверо. На начальном этапе был бесплатный государственный адвокат, которого поменяли на платного. В ходе работы со вторым (это была женщина) я понял, что она плотно сотрудничает со следствием. Как-то в одной из “задушевных” бесед открытым текстом сказала мне, что нужно признать свою вину, и всё будет хорошо. “Я вам, – заявила она, – напишу, что вы по заданию российского ГРУ выполняли специальное задание. Это необходимо озвучить на судебном заседании в присутствии средств массовой информации. Вам дадут четыре года, и, отсидев один год, вы уже уйдёте на условно-досрочное освобождение”. Я ей задал вопрос: “Что будет со мной, когда я вернусь в Россию, и как отнесутся ко мне российские власти? На эту, извините, глупость я не пойду, тем более ни с какими российскими спецслужбами не связан. Мне там жить, там Родина, могилы моих родителей и там куча родственников”. От её предложения и услуг я сразу же отказался. Было ещё два адвоката, от одного спустя несколько месяцев я тоже вынужден отказаться, он оказался рвачом и хапугой, много говорил, обещал, но ничего не делал. Последний, тоже постоянно цыганивший деньги у моей жены, уверенно обещая помочь, ещё подавал робкие надежды. Но и он, видя и чувствуя давление СБУ, не защищал меня, на судебных заседаниях вёл себя пассивно. Он не решился прийти на последние дебаты и оглашение приговора. В итоге на защиту адвокатов было выброшено из бюджета нашей семьи и семьи сына 18 тысяч долларов, а результата не было.

Ну, а что Красновский и упомянутая поездка в Китай? Дима, согласившись принять участие в спецоперации в обмен на прекращение уголовного преследования по статье 190 криминального кодекса Украины, написал заявление в СБУ, будто бы я завербовал его и просил принести карту минных полей. В заявлении, которое я читал в деле, он указал, что Высоцкий – резидент ГРУ России (по версии СБУ). Написал, что во время пребывания в Китае он встречался со своими агентами Ваном и другим, неизвестным ему лицом. Эти агенты добывают информацию об Украине в пользу России.

На самом деле Ван действительно встречал нас с Красновским в Пекине, возил на машине, показывая достопримечательности. Другой же парень из Шанхая, Хуан – друг Вана – встречал нас с Димой в Шанхае и также на своей машине возил по городу и устроил нам культурную программу.

На суде я задал прокурору вопрос: “Есть ли, кроме заявления Красновского, какие-то реальные доказательства?” Прокурор выразил протест. “Вопрос снимается”, – заявил судья. Взывая к разуму и обращаясь ко всем судьям (их было трое), я продолжал: “Уважаемый суд, мыслимо ли это, что резидент российской разведки, находясь в Киеве, в восьмистах километрах от района боевых действий на Донбассе, от эпицентра информации, ведёт разведку вооружённых сил Украины, используя агентов, которые находятся в далёком Китае?” Этот вопрос также был снят.

Дальше, после приговора я ещё девять месяцев находился в одиночке СИЗО. Кто ко мне только не приходил: и оперативники, уговаривая, что, пока приговор не вступил в законную силу, необходимо одуматься и признать свою связь со спецслужбами России, и уполномоченный по правам человека, и представители ЕСПЧ (Европейский Союз по правам человека). Почему

столько времени меня держали в одиночке и не этапировали в колонию – непонятно. Вероятно, давали возможность специальным службам до вступления приговора в законную силу ещё раз попытаться добавить меня, склонить к измене.

Наступил новый, 2018 год. Я по-прежнему в одиночке СИЗО. 17 января меня вызвали в оперативную часть и снова начали вести разговоры, вероятно, не зная, что же со мной делать дальше, о моей экстрадиции или об обмене. Вопрос прозвучал прямо: “Вы согласны на экстрадицию?” Я твёрдо ответил: “Да”. – “Вы хорошо подумали и осознаёте это?” – снова спросил капитан. “Да”, – ответил я. Тогда капитан предложил написать заявление и заполнить анкету. Всё предложенное я выполнил. Ну, думаю, начались хоть какие-то подвижки в моей судьбе.

Прошло какое-то время, и пятого февраля 2018 года мне сообщили: “С вещами на выход”. Ну, началось, наивно, полагал я. Но это была команда на этапирование в колонию в Черкассы. На следующий день меня подняли в шесть утра и приказали собрать вещи, собираться на этап.

Этап сам по себе – событие очень тяжёлое и неприятное. В семь часов меня вывели из камеры и доставили в накопитель, где собирали всех “этапников”. Снова обыск – “шмон”, по-тюремному. Продержали нас там до часу дня, затем, набив автозак, как шпротами, повезли на вокзал. Два часа нас продержали в автозаках, ожидая подачу вагонов. Я, в отличие от всех, как особо опасный был в наручниках. “А тебя-то за что, дед?” – спрашивали сидящие рядом “братаны”. Ответить было нечего. “Сколько дали?” – не унимались они. “Супертяж”, – угрюмо сказал я, – отвесили двенадцать”. – “А сколько же лет тебе?” – спросил рядом сидящий зэк. – “Семьдесят три, – грустно ответил я. – Мало осталось времени, жить-то некогда, сынки”. Все приумолкли.

До Черкасс ехали мы четыре часа, потом ждали транспорт, что довезёт нас до колонии. Наконец-то к ночи нас привезли к пункту назначения. Встретили нас офицеры администрации. Далее, как обычно, начался унижительный “шмон”. Искали “запреты”: заточки, наркоту и телефоны. Лишь к часу ночи мы очутились в карантинном бараке. Я буквально валился с ног от холода, голода и усталости. Ведь уже восемнадцать часов на ногах. В помещении было тепло и светло. Удивительно, но обитающая там братва встретила нас более чем приветливо. Всех спрашивали: “Кому что надо из вещей: одежду, обувь, не стесняйтесь, говорите”. Такой необычный после одиночки приём растрогал до глубины души. Если говорить о заключённых вообще, то у всех одна и главная цель – любой ценой вырваться на свободу, и большинство зэков, конечно, сотрудничают с администрацией, а проще говоря, “стучат” на своих же собратьев, чтобы заслужить баллы, поощрения, которые могут повлиять на условно-досрочное освобождение. Исключения составляют закоренелые “уркаганы” с большим тюремным стажем, да и тех администрация стремится “сломать” в свою пользу. После двухнедельного карантина нас распределили по отрядам и разместили по баракам.

Так и хочется сказать: “И пошли они, солнцем палимые, по ухабистой дороге жизни”. И всем: судьям, прокурорам и администрации колонии – всё равно, и ты уже никому не нужен, отработанный материал. Первые две инстанции своё дело сделали, получили ордена и премии. А задача администрации колонии – обеспечить выполнение решения суда, и всё. Режим здесь, в колонии, по сравнению с одиночкой, конечно, полегче, но тюрьма есть тюрьма. Хочу заметить, что в колонии я непосредственно вошёл в криминальный мир с его жёсткими законами и понятиями. Находиться в одиночке СИЗО мне было в какой-то степени проще. Там я был один. А здесь я попал в чужой непонятный и порой вовсе непостижимый мир воров, бандитов и убийц. Сложно обитать в душевной атмосфере такого бытия. Невыносимо. Но жить как-то надо, и я пытаюсь найти своё место в этой зловонной куче мусора. Писать о тюремной жизни не очень приятно, вскрывая язвы нашего бытия, но для читателя ещё и скучно. Кому нужны все эти гнусные подробности?

Во время пребывания в колонии ко мне приезжал уполномоченный по правам человека Украины и тоже вёл разговоры об экстрадиции, снова взял от меня заявление. Приезжал представитель СБУ с тем же вопросом и – снова заявление. В июле 2018 года замглавы Верховной Рады Геращенко даже назвала мою фамилию среди двадцати трёх таких же бедолаг, которых гото-

вы были выдать России. В газетах опубликована дорожная карта и списки осуждённых, подлежащих обмену или экстрадиции. Вроде бы обменный фонд для торговли и обмена создан, но воз и ныне там. Тишина, вероятно, идёт торговля, а мы, как товар ответственного хранения, пока лежим на “складе”, вернее, сидим.

Кроме Красновского, который вывел СБУ на меня, был ещё один субъект, сообщивший о моих пророссийских настроениях. Работал у меня на фирме в качестве завхоза некий Виктор Крицкий. Завхозом он был никудышным, да и просто ленивым и безответственным человеком. Через полгода я уволил его, заменив другим. По характеру и по образу мышления он был ярким националистом, человеком ограниченным, с пеной у рта изрыгал антироссийские тирады, восхвалял “великих” Бандеру и Шухевича. Всё это меня сильно раздражало. Часто, слушая его бредни и не выдержав, я прекращал эти разговоры и в конце концов уволил его. Уволившись, Виктор, вероятно, сообщил куда надо. А дальше, предполагаю, я был взят на прицел спецслужбами как пророссийский субъект, превратившись в дальнейшем в объект особого внимания.

Мои друзья неоднократно включали меня вместе с другими военнопленными из Донецка и Луганска в общие списки по обмену, но меня постоянно вычёркивали, словно ожидая от российской стороны в отношении меня особой просьбы. Россия, тоже понимая это, терпеливо выжидала. В минской переговорной группе шли долгие споры. Обеими сторонами выдвигались требования и новые условия обмена военнопленными. Шёл сложный процесс, который часто заводил в тупик обе стороны. Украинская сторона не горела особым желанием обменять меня на обычного военнопленного, ожидая особых дивидендов от возвращения меня России. Волею судьбы я оказался заложником политической ситуации на Украине.

И все-таки мы их переиграли!

ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВЫЗВОЛЕНИЕ

Содружество спецслужб и криминальных структур сыграло определяющую роль в моём освобождении. Российское руководство хорошо знало о моём непрестом положении и дважды пыталось меня вытащить. Речь идёт о простом обмене меня на украинцев, находящихся в российских тюрьмах. Это обычная практика работы спецслужб. Высшее политическое руководство договаривается, и обмен происходит без особой огласки. Дважды моё начальство пыталось это сделать, но в последний момент всё срывалось.

...Спускающегося с трапа самолёта капитана Зарубина, представителя России, сопровождавшего украинского заключённого, встретили двое угрюмых мужчин – представители украинской стороны. На вопрос Зарубина: “Ваш доставлен, а где наш?” – встречавшие замялись, а один из них, видимо, старший, глухо изрёк: “Понимаете, уважаемый, изменились условия обмена. Предлагаем вернуть нам нашего, а потом по формуле уже 23 на 23 в дальнейшем провести обмен”. – “Я действую по уже заранее обговорённым условиям, других полномочий у меня нет, – удивлённо заметил Зарубин. – Российская сторона выполнила все условия, и о новых договорённостях мне ничего не известно. Ваше предложение и формула обмена заманчивы, но необходима консультация в Москве”, – добавил он. Зарубину стало понятно, что с этими умниками с хитро бегающими глазками разговора не получится. Поднявшись в салон самолёта, Зарубин быстро дал команду на взлёт. Он опасался, что взлёт не разрешат, но диспетчер аэропорта, не знавший сути разговора у трапа, всё-таки разрешил. Оторопевшие от такого поворота событий, украинские представители понуро двинулись к зданию аэровокзала, но Зарубин понимал, что они не успеют дать команду “отбой” и задержать самолёт, чтобы забрать своего человека. Заключённый, не понимая, что произошло, обречённо смотрел на удаляющуюся родину. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

По возвращении в Москву Зарубин доложил руководству об отрицательных результатах обмена. Терпение у всех лопнуло. Раз украинская сторона не придерживается ранее принятых договорённостей официально и честно, принято решение вырвать гражданина России любой ценой, что, впрочем, и было виртуозно сделано.

Была спланирована, организована и блестяще проведена спецоперация по моему вызволению из застенков тюрьмы. При этом главное, чтобы при проведении операции ни в коем случае не просматривался российский след. Было задействовано много разных людей, не догадывающихся о конечной цели мероприятия: российский, украинский и европейский комитеты по правам человека. Большую роль сыграли комитет по правам военнопленных и депутаты Верховной Рады Украины. На начальном этапе операции были привлечены даже криминальные структуры. Условия создавались таким образом, чтобы выглядеть правдоподобно и естественно и не вызывать подозрений контрразведки Украины.

В нашей Черкасской колонии № 62 “смотрящим” за зоной был уголовный авторитет с “погонялом” Ашот – человек уважаемый, суровый, но справедливый. В обиду заключённых не давал, решая все спорные вопросы с администрацией лагеря. Без его ведома ни один волос не мог упасть с головы зека. Его влияние в колонии было безгранично. Несмотря ни на какие запреты по поведению и передвижению по зоне, Ашот, игнорируя офицеров администрации, решая свои вопросы, мог спокойно разъезжать на собственном автомобиле “Тойота Камри” по всей территории зоны, и всё это в условиях заключения. В конце 2018 года вполне естественно и ожидаемо, по условно-досрочному освобождению (УДО), Ашот вышел на свободу и поселился в Черкассах, продолжая “крышевать” и курировать зону.

Ашот, коротая время в бильярдной ресторана, с азартом всаживал шары в лузу, победно и снисходительно поглядывая на партнёра. Игра удалась, и настроение было хорошее. Курьер появился внезапно и, протягивая ему конверт, процедил: “Из России весточка, гостей ждите”. Вскрыв конверт и прочитав содержимое, Ашот с удивлением увидел подпись – “Седой”. “Давно мы не виделись”, – мелькнуло у него в голове. Он вспомнил годы, когда они вместе в конце 90-х “чалились” на далёком Урале. “Цыгана” срочно ко мне”, – произнёс Ашот. Появившемуся “Цыгану” была дан команда достойно встретить гостей из России, ведь братан “Седой” в “положенцах” ходит. “Да и поаккуратней будьте, чтобы менты не пронюхали, война идёт, и время сейчас неспокойное”, – жёстко добавил Ашот.

В феврале 2019 года в одном из ресторанов Черкасс “Форест” давние “ко-реша” встретились. Воспоминаниям не было конца. Ностальгия по далёкой суровой молодости вышибала слезу. “Теперь к делу, братаны”, – обратился к присутствующим “Седой”. Распоряжение было коротким. “Взбодрить зону очень надо, так считают там, наверху”, – многозначительно произнёс он. “А сколько надо продержаться?” – спросил авторитет гостя. “Недели хватит”, – заметил “Седой”.

С Ашотом и “Седым” работали “втёмную”, они не знали о конечной цели операции. Просто требовалось, найдя повод, до крайности обострить ситуацию в зоне (устроить бунт), что, вполне естественно, вызовет срочный приезд спецназа для наведения порядка. И чтобы успокоить и проучить бунтующих, спецназ наверняка создаст невыносимую обстановку для зеков, что впоследствии позволило бы другим киевским структурам вполне законно принять решение о переводе в больницу пожилого и очень больного зека, учитывая, что всё было под контролем международного комитета по правам человека. В итоге всё так и получилось. А дальше предстояла работа совершенно других структур. Таков был длинный путь к моей свободе.

Забегая вперёд, скажу, что из-за этого бунта Черкасская колония, согласно распоряжению из Киева, вскоре была расформирована, и заключённых распределили по другим местам.

Процесс моего освобождения, если говорить в целом, реально начался сразу же спустя неделю после моего ареста и продолжался три долгих года. Была задействована большая группа людей, общественных организаций и силовых структур, которые в апреле 2016 года ещё не знали о моём исчезновении. Первыми о моей пропаже узнали жена и сын, которые не могли предпринять никаких активных действий, поскольку были полностью блокированы украинской службой безопасности (наружное наблюдение, обыски, “прослушка”). И всё-таки им удалось каким-то чудом отправить моей сестре Татьяне весточку в Россию. Та, получив печальную весть о моём аресте, начала бить во все колокола. Татьяной и однокашником по БВОКУ Сергеем Гольцом была написана масса писем и обращений. Ещё долго эти добрые

люди, пытавшиеся мне помочь, обивали бы пороги бюрократических коридоров, если бы не вмешалась одна авторитетная, мощная структура, которая и внесла коренной перелом в моё освобождение. Этот факт не остался незамеченным нашими специальными службами, и в дело включились профессионалы. Принцип “своих не бросаем” сработал. После неоднократных обманов со стороны украинских властей и срыва двухсторонних договоренностей по вопросу обмена заключёнными высшим руководством России было принято политическое решение по возвращению своего гражданина, выдержавшего все ужасы тюремной системы и не предавшего свою Родину. Меня не обменяли, а просто каким-то невероятным способом вырвали, вытащили из застенков.

Все три трудных года нахождения в тюрьме, особенно во время пребывания в одиночной камере, меня не покидала мысль: как выбраться отсюда? Мысль о победе была исключена сразу, ибо это ни теоретически, ни практически не реально. Дело в том, что я находился в спецблоке следственного изолятора (СИЗО), который предусматривал особый режим содержания и усиленно охранялся. В коридоре блока круглосуточная вооружённая охрана с собаками и в камере видеонаблюдения с монитором на центральном посту СИЗО. В спецблоке, в отличие от камер общего содержания, содержатся особо опасные преступники и пожизненные заключённые, на тюремном жаргоне “пыжики”. Прогулка проводилась раз в сутки на шестьдесят минут, по одному заключённому в сопровождении двух охранников с собакой. Перед прогулкой и после проводился тщательный обыск. Если говорить о последствиях тюремной жизни, то они, конечно, нерадостные.

Мои мысли в то время крутились вокруг вопроса об экстрадиции. Это был единственный вариант. Меня несколько раз вызывали в администрацию СИЗО, где спрашивали о моём согласии на экстрадицию. Я всегда отвечал, что согласен. Как я теперь понимаю, меня держали в качестве обменного фонда для обмена на тех террористов, которые были задержаны в Крыму. Они уже были осуждены и отбывали наказание где-то в колониях на Урале. В общем, надежда на спасение была робкой и призрачной, хотя с воли я получал информацию о том, что за меня идёт борьба и что меня обязательно вырвут из застенков. Летом 2017 года в средствах массовой информации пошли разговоры об обмене пленными. Обе противоборствующие стороны – Украина с одной стороны, и ДНР, ЛНР – с другой начали составлять списки по обмену военнопленными. Депутат Верховной Рады Ирина Грищенко в одном из интервью по украинскому телевидению даже упомянула мою фамилию на обмен. Представитель МИД России Мария Захарова также произнесла мою фамилию в обменных списках. Было объявлено, что обмен военнопленными должен состояться 27 декабря 2017 года. Я и все мои родственники (жена, сын и внучка, сестра) воспрянули духом. Все надеялись и верили. Наступил долгожданный день, обмен действительно произошёл, но только без меня. Вероятно, спецслужбы Украины не горели особым желанием обменять меня на простого военнопленного с Донбасса, ведь им было необходимо, используя мою персону, вытащить своих людей из тюрем России. Пленные из Донбасса их не интересовали.

В начале февраля следующего, 2018 года мне объявили готовиться на этап, чтобы перевести из Лукьяновского СИЗО г. Киева в колонию. Администрация тюрьмы планировала перевод на одну из самых жестоких колоний на Украине (Харьков или Одесса). Эти заведения известны своей жестокостью со стороны администрации и беспределом криминала. Об этом мне стало известно от одного заключённого, имеющего двадцать два года тюремного стажа. Звали его Жора Окроперидзе, грузин по национальности, кстати, очень хороший и душевный человек (такие тоже встречаются). Он мне многое рассказал о порядках в криминальной среде, многому научил, особенно как выживать в этом жестоком мире. Я ему очень благодарен за его советы, которые мне пригодились в будущем.

Здесь ради справедливости следует особо подчеркнуть, что наши определённые службы – МИД России, Комитет по правам человека и многие другие организации – знали о моём непростом положении и в силу своих возможностей пытались мне помочь. Консул Российской Федерации на Украине Иван Заворин присутствовал на всех судебных заседаниях, активно выступал в мою защиту, помогал материально, неоднократно приезжал на свидания, чтобы как-то морально поддержать меня. В общем, весь процесс надо мной

был под постоянным контролем, и приятно сознавать, что меня не забыли и что шла негласная борьба за своего гражданина. В итоге усилиями всех названных наших структур меня по этапу направили в одну из относительно гуманных колоний, если этот термин можно применить к тюремной системе.

Повторюсь, это стоит того, — этап, на самом деле, — это один из самых тяжёлых периодов в жизни любого заключённого. Перевозка проводилась вначале в автозаках до вокзала, далее поездом. Заключённых набивали в машину. В купе вагона по 10 человек, не то что полежать, посидеть нет места. Едут сутками, практически стоя. И, что удивительно, маршрут проложен странно. Например, группу эков нужно отправить в Черкассы (200 км от Киева), а маршрут пролегает через Одессу или Львов. Наконец, намучившись в дороге, еле волоча ноги, я прибыл в Черкасскую колонию общего режима № 62. Прибыли мы ночью. Приём в колонии начался с проверки по списку, затем тщательный обыск, “шмон” по-тюремному. Отбирают заточки, мобильные телефоны, наркотики и спиртное. В три часа ночи всех привели в барак для прохождения двухнедельного карантина. В бараке произошла удивительная процедура. Представьте себе: три часа ночи, нас ожидает группа блатных эков и угощает заранее приготовленной жареной картошкой с курицей, сигаретами и кофе. Предлагают мобильные телефоны (в тюрьмах это запрещено), чтобы позвонить родным. Всем объявляют, что мы все теперь братья и нужно жить по криминальным законам и помогать друг другу, своим “братанам” — и ни в коем случае не сотрудничать с администрацией колонии, что в этом мире осуждается и наказывается жестоко. После такой встречи мне стало понятно, что происходит процедура приобщения к миру криминала, своеобразное втягивание и вербовка.

После двухнедельного карантина всех новобранцев ведут на комиссию, где каждого в индивидуальной беседе опрашивают, кто ты такой, за что сидишь и почему. Моё появление на комиссии и беседа со мной вызвали удивление у её членов. Они понимали одно: что я не криминальный субъект, не их контингент, да вдобавок бывший офицер, человек преклонного возраста, да и приговор слишком суров — 12 лет. У всех в глазах читался вопрос: “Как он сюда залетел?” Не вор, не убийца, не наркоман, тогда кто — непонятно. Дело в том, что обычные заключённые прибывают в колонию с личным делом, в котором есть полный приговор суда. А у меня не было ничего — отсюда и такая неясность. На комиссии ко мне отнеслись настороженно и, наверное, с сочувствием. В конце концов, меня определили в первый отряд (хозобслужу) и назначили заведовать библиотекой.

Я вспоминаю случай своего первого появления в бараке. Меня встретила группа приклатнённых активистов первого отряда и пригласила в отдельную комнату на беседу. Я догадывался, о чём пойдёт разговор (кто такой, номер статьи и откуда прибыл), и поэтому к этому вызову отнёсся спокойно. Мой двухлетний тюремный стаж пребывания в жесточайших условиях Лукьяновского централа и общения с разными категориями эков придавал уверенности и спокойствия, тем более что эти активисты были вдвое-втрое моложе меня. Да и статьи у них были небольшие (наркотики, кража, хулиганство). Знал я ещё и то, что рецидивистов в хозобслужу не определяют. Распределение же меня в хозотряд — случай исключительный, вызванный содействием моих влиятельных российских друзей. Я постоянно был в зоне их внимания, и они помогали, как могли. Активисты хотели выяснить, что это за “птица” появилась в их бараке и чего от меня ждать. Кроме общих слухов обо мне, другого они ничего не знали. Известно им было лишь то, что я “супертяж”. Так на тюремном жаргоне называется заключённый осуждённый по статье на большой срок (больше десяти лет). А такие сроки за уголовные шалости просто так не дают. В общем, в такой обстановке я предстал перед пытливым взором этих приклатнённых молодых активистов. Хочу пояснить читателю, что я не строил из себя тюремного “бугра”, а просто давал понять этим юношам, что со мной надо вести себя поаккуратнее, без приклатнённого налёта, и я не позволю сесть себе на шею, в отличие от некоторых обитателей барака. В итоге беседа была очень короткой, и активисты разошлись в недоумении. Я понимал и другое, что проверки меня на лояльность к криминальному миру и “подходы” ждут меня впереди. И случай не заставил себя долго ждать.

Иду я как-то по бараку и вижу: за мной пристроилась пара эков. Приблизившись ко мне и панибратски похлопывая меня по плечу, наматывая

по-блатному брелок на палец, вызывающе обратились ко мне: “Слышь, дед, давай сигарету”! Задача этой пары была “разбазарить” меня, спровоцировать на конфликт, образно по-военному говоря, разведка “боем”. Я понимал, что в таком случае надо ответить жёстко, хлёстко, аккуратно, никого не обижая. И я, обращаясь к ним, ответил: “Мои юные друзья, братаны, во-первых, я не дед, а прадед, и зовут меня Николаевич. Во-вторых, сигареты я даю только порядочным зэкам и убогим. И вы в эту категорию не входите. Далее, – добавил я, – вы же из первого отряда, братаны, и относитесь к непорядочным. Так в чём дело, мои юные друзья?” Они внимательно слушали и снова, обращаясь ко мне, с вызовом заявили: “Так что, ты оскорбляешь нас? Мы что, убогие? За “базар” отвечать надо!!!” – “Нет, – ответил я, – вы особо не волнуйтесь. Для особо одарённых напоминаю, что вы не убогие, братаны. Убогие – это те, кто забыты Богом. Это зэки из детдомов, сироты, это те, кого никто не “подогревает”, и они на голодном пайке. И в-третьих, друзья мои, если ещё будут вопросы, то подавайте их в письменном виде в трёх экземплярах, подходите, отвечу”.

За этой сценой внимательно наблюдало полбарака. Все ждали, чем же всё закончится. Провокация не удалась, и разочарованные приблатнённые молча удалились. Конечно, я их аккуратно унизил, но не оскорбил. Просто слегка сбил спесь. На самом деле я всегда делился и сигаретами, и продуктами с людьми, не имеющими подпитки с воли и оказавшимися по глупости в непростой жизненной ситуации. Мне было очень жаль их. Впоследствии отношение ко мне изменилось, я адаптировался к среде, и ко мне относились уважительно. Вспоминается трогательный случай, когда, усилиями моих вызволителей, мне объявили о переводе в лечебницу. По бараку пронёсся слух, что Николаевича увозят в больницу. Кто-то быстро свернул кулёк из газетной бумаги, и каждый зэк нашего барака отсыпал по ложке сахара мне в дорогу. Сахар тогда из-за карантина на посылки был в большом дефиците. Это было очень трогательно и действительно по-братски. Человеческие проблески в тюрьмах тоже случаются.

О библиотеке стоит сказать особо. Представляет она собой две комнаты в другом от барака здании, что позволяет свободно передвигаться по зоне. В хранилище размещено около десяти тысяч экземпляров книг на русском и украинском языках. Главная моя задача – вести учёт библиотечного фонда и выдавать книги. Читателей на самом деле немного, из шестисот обитателей колонии едва наберётся хотя бы с десяток человек, которые что-то читают. Остальные обитатели живут в совершенно другом мире интересов: главное – уколоться, напиться и забыть. В ходе общения с людьми с удивлением узнал, что среди этой публики имеются субъекты, которые не знают алфавита вообще, не говоря уже о каком-то чтении книг. Такой род моей работы в библиотеке меня вполне устраивал. Я целыми днями одиноко просиживал в своей комнате, читал и перечитывал классиков, вспоминал всю свою жизнь, писал мемуары.

На этой должности я продержался всего две недели. Спецслужбы в Киеве, узнав о моём назначении, возмутились и воскликнули: “Вы что там, с ума посходили?! Ведь он очень опасный преступник, убрать его с этой должности! За ним глаз да глаз нужен”. Об этом я узнал от одного офицера, с которым близко сошёлся. Он отрицательно относился к госперевороту на Украине и симпатизировал России, ко мне относился с сочувствием и пониманием. Вскоре его стараниями меня назначили в церковь старостой. Церковь находилась на территории колонии. Моя задача – в выходные дни открывать помещение, впускать верующих и после службы закрывать храм. Свободы было меньше, ибо в обычные дни я находился в бараке, а в субботу и воскресенье я был занят в церкви. Но и здесь по той же причине я продержался недолго, и меня снова сняли с должности.

Этот офицер успокоил меня и предложил другой вариант. Поскольку он заведовал средней общеобразовательной школой в зоне, то предложил мне, чтобы я не прозябал в бараке, а приходил в школу якобы на занятия и проводил там время. В школе был компьютерный класс, телевизор со спутниковой антенной. Утром я обычно приходил в школу, крутился там весь день, с жадностью смотрел программы О. Скабеевой с Е. Поповым (“60 минут”) и В. Соловьёва (“Воскресный вечер”). Подобное времяпрепровождение было для меня своеобразной отдушиной, окном в Россию. Это было значительно лучше,

чем болтаться в бараке. В этой школе имелся интернет, который, правда, не имел выхода в социальные сети, но руководство, лояльное к России и ко мне, по секрету сообщило пароль и настроило скайп для общения с родственниками. Таким образом, я получал информацию о событиях, происходящих в России, и о том, что происходит по делу моего освобождения.

В отношении меня новости были обнадеживающими, хотя носили общий и неконкретный характер. Даже была информация, что за мной в начале февраля уже приезжали наши люди с целью вытащить меня, но из-за вмешательства СБУ у них что-то не получилось. И мои влиятельные друзья начали действовать так, чтобы быть вне поля зрения СБУ. А это на самом деле не так просто.

Через месяц после прибытия в колонию меня навестили две женщины, которые представились уполномоченными по правам человека из Киева. Эта забота выглядела немного странной, но это был признак того, что мои друзья начали действовать. Уполномоченных интересовал вопрос, получаю ли я какую-либо медицинскую помощь. Я ответил, что не получаю, поскольку в колонии нет условий. Тюремный медпункт представляет собой грязное, убогое и жалкое зрелище. На следующий день эти представительницы, убедившись в правдивости моих слов и, поражённые увиденным, быстро ретировались, обещая во всём разобратся и помочь. Здесь следует заметить, что приезд этих женщин ко мне состоялся не просто так, из-за гуманитарных соображений, а благодаря усилиям наших людей из России, которые в силу своих возможностей оказывали влияние на украинскую сторону. Особую благодарность хочу выразить уполномоченной по правам человека в России Т. Москальковой, своей родной сестре Татьяне, однокашнику по БВОКУ Сергею Гольцу, которые своей активностью и неутомимой энергией помогали моему освобождению, переживали за меня.

Хочется сказать о роли самых близких мне людей – жены и сына. Для них этот этап моей жизни, пока я томился в застенках, был самым тяжёлым периодом. Лариса и Владислав, находясь во враждебной всем русским людям среде на Украине, в обстановке жесточайшего национализма и ненависти к России, официально ничего не могли сделать. От них отвернулись все организации и даже соседи, знавшие нашу семью 30 лет. Задача жены и сына заключалась в том, чтобы поддержать меня хотя бы материально (передача продуктов) и морально на редких свиданиях, да и то только после окончания следствия. Два раза в неделю, отстояв многочасовые очереди, жена притаскивала в тюрьму тяжеленные сумки для передачи мне, отчётливо понимая, что без этого мне просто не выжить. И даже эти передачи “половинили”. Видя это, жена обычно, обращаясь к приёмщикам, говорила: “Это вам, а остальное передайте мужу”. Глаза приёмщиков теплели, и часть продуктов доходила и до меня. Ещё проблема была и в том, что Лариса проживала на свою нищенскую украинскую пенсию, на наши российские деньги это 3000 рублей. Мою военную российскую пенсию ей не выплачивали. Российские чиновники мотивировали тем, что пенсию должен получать сам хозяин, не понимая, что хозяина, то есть меня, в России реально нет (нахожусь в тюрьме). Никакая доверенность, никакая информация от российского посольства на Украине наших чиновников не убеждала. Сын был на постоянной связи с российским консулом, с уполномоченной по правам человека, но это мало помогало. Жена изредка, когда была возможность, приходила на свидания. Так и прожили они этих долгих и непростых три года в нужде и ожидании чуда.

В марте 2019 года ко мне зачастили сотрудники службы безопасности Украины. Вначале из Черкасс, потом из самого Киева. Разговор в основном шёл о моём желании или нежелании возвратиться в Россию. Обещали золотые горы. Они всё-таки ещё не потеряли надежду уговорить меня. Пытались склонить к тому, чтобы я перед СМИ Украины сделал официальное заявление о моих связях со спецслужбами России, но они так ничего и не добились. Потом начались звонки из Киева, от уполномоченной по правам человека на Украине Л. Денисовой. Активность со стороны различных служб, организаций и людей Украины меня удивляла и настораживала. Л. Денисова вдруг ни с того ни с сего стала активно интересоваться моим здоровьем и отношением ко мне администрации колонии. Такая лояльность сбивала с толку и не давала возможности собраться с мыслями. Позднее уже я понял, что за кулисами событий происходила напряжённая работа по моему освобождению. В конце апреля меня

в очередной раз вызвали в оперативную часть (служба внутренней безопасности колонии), где меня ожидал незнакомый мужчина, который предложил написать президенту Украины Зеленскому прошение о помиловании и обращение к президенту России Путину с просьбой помочь мне вырваться из застенков тюрьмы и вернуться на Родину. Беседовал он со мной по-доброму и с состраданием, чувствовалось, что он не с Украины. У меня в голове крутился вопрос: если этот человек наш, из России, то каким образом его допустили ко мне на встречу? Вероятно, подумал я, это наш глубоко законспирированный товарищ, имеющий документы и мощное прикрытие, позволяющее ему посещать закрытые учреждения. В конце встречи он вызвал офицера колонии, чтобы тот сфотографировал меня с ним. Скорее всего, Москва хотела воочию убедиться в моём непрестом положении и знать из первых уст, что происходит.

В конце апреля, перед Пасхой в зоне прошли обыски. Администрация обычно перед праздниками проводит такие мероприятия с целью изъять из тайников спиртное и наркотики. На этот раз улов, как считало руководство, был неплохим, рейд оказался удачным. Найдено и изъято было около ста литров самогонки и десять килограммов наркотического зелья. Но администрация ошиблась. Нашли они не всё, а лишь половину спрятанного. На Пасху основная часть колонии, особенно блатные, были пьяны в стельку и обколоты наркотой. Администрация была в ярости. Группы офицеров отправили в рейд по баракам наводить порядок. Заключённые встретили эту затею в буквальном смысле в штыки. В одном из бараків заточками тяжело ранили двух офицеров, одному проткнули печень, второму – селезёнку. Обоих увезли в реанимацию. Остальные сотрудники разбежались. В колонии начался бунт, заключённые отказывались выходить из бараків и принимать пищу. В то время об этом шумел весь интернет. Администрация оказалась бессильной что-либо сделать. На следующее утро им в помощь из Киева прибыл большой отряд вооружённого спецназа в масках. И начался, как здесь говорят, грандиозный “шухер”. Эти “опричники”, врываясь в бараки, дубинками и прикладами били всех, кто попадался на их пути. Цель была сломать и запугать. Выгнав всех из бараків, устроили большой “шмон”. Из окон вылетало всё: личные вещи, содержание тумбочек, туалетные принадлежности и продукты, полученные в передачах от родственников. У меня, и это особенно жалко, улетели все мои присланные сыном недешёвые лекарства, которые мне были крайне необходимы. Хотя это было непросто в этих условиях бунта, но я все же нашёл способ сообщить об этом сыну. Он позвонил уполномоченной по правам человека на Украине и объяснил ситуацию. Буквально на следующий день меня вызвали в оперативную часть к телефону. Звонила Л. Денисова, которая сообщила, что, поскольку в колонии нет возможности оказывать мне медицинскую помощь и получать лекарства, меня будут переводить в городскую больницу. Её звонок, вероятно, был вызван чьим-то давлением извне. Позднее я понял, что наши люди, воспользовавшись сложившейся ситуацией, решили меня для начала вырвать из зоны в городскую больницу. Хочу заметить, что вывоз заключённого за зону – случай непростой. Вначале создаётся выездная вахта (охрана из пяти офицеров), которая, по согласованию с пенитенциарной службой из Киева, создается приказом, выделяется специальный транспорт.

Через пару дней охрана, надев на меня наручники, повезла меня в Черкассы, в больницу. Эта лечебница считается одной из лучших на Украине. Она произвела неплохое впечатление и по оборудованию, и по бытовым условиям. Разместили меня в одноместной, чистой палате, правда, с решётками на окнах. В палате была установлена видеокамера, имевшая постоянную связь с мониторами в Киеве. Наблюдение за обстановкой велось круглосуточно. Если я по каким-либо причинам (выход в душ, туалет, отсутствие на процедурах) не появляюсь на экранах мониторов, то сразу же раздавался звонок из Киева – охране задавался вопрос о моём местонахождении. Ежедневно ночью кто-нибудь из руководства колонии обязательно проверяет несение дежурства офицерами, оставляя отметку в журнале. Утром после завтрака меня в наручниках водили по процедурным кабинетам. Пациенты, сидящие в коридорах и ожидающие вызова к врачу, с удивлением и страхом наблюдали, как ведут страшного преступника в сопровождении такой многочисленной вооружённой охраны. В их глазах читался вопрос: “Кто же это такой и что же

он натворил?” Я как-то не выдержал, наклонился и тихо сказал одному из сидящих в коридоре: “Людоед я, брат, людоед”. Этот человек, вздрогнув, отпрянул от меня. Обращаясь к охране, заметил; “Ребята, я не против сопровождения, но зачем вы здесь цирк устраиваете, пугая людей. Не демонстрируйте своё оружие, не ходите строем и прикройте мои наручники хотя бы полотенцем”.

Обследование и лечение проводилось тщательно и качественно. Отношение врачей было удивительно тёплым и внимательным, словно кто-то их тщательно проинструктировал или щедро проплатил их услуги. Хотя пребывание в лечебнице, лечение и питание платное, но я нигде не платил ни копейки. Я смутно понимал, что меня к чему-то готовят, словно невесту на выданье. Это можно сравнить с водителем, собравшимся выставить на продажу свой автомобиль. Он его заранее пропылесосит и вымоет, доведёт до товарного вида. Вероятно, российская сторона выдвинула именно такие условия, и украинская сторона их неукоснительно (и это удивительно) выполняла.

Охрана в палате была организована следующим образом: два человека в коридоре у двери, трое в палате, один из них сидел на стуле возле моей кровати, остальные двое отдыхают на соседней. Ну, а я, как обычно, пристёгнутый наручниками, лежал на своём месте.

В один из дней, 27 мая 2019 года в коридоре начался какой-то непонятный шум. Послышались громкие голоса охраны: “Вы не имеете права, мы никого не пустим, к палате не подходить, иначе откроем огонь на поражение”. Прибывшие посетители за дверью спокойно предложили не устраивать скандал и вызвать руководство колонии. Голоса стихли. Буквально минут через пятнадцать прибыл начальник, получивший срочное сообщение охраны по телефону о том, что происходит попытка несанкционированного проникновения на охраняемый объект. Открылась входная дверь. В палату вошли встревоженный начальник колонии – высокий грузный мужчина – с группой офицеров и двое незнакомцев в гражданской одежде, которые представились: один из них – представителем ООН по правам военнопленных, второй – депутатом Верховной Рады Украины. Увидев меня, прикованного к кровати, они, обращаясь к начальнику, заявили: “Что здесь происходит? Вы что здесь, с ума сошли? Больного, старого человека пристегнули к кровати! В палате пять охранников, на окнах решётки. У вас осталось что-то человеческое?” Начальник, опустив голову, словно провинившийся ученик, пытался что-то сбивчиво бормотать про инструкции и законы. “Немедленно снимите наручники”, – резко и жестко заявил один из незнакомцев. Охрана, удивлённая происходящим, покорно исполнила его требования. А я не мог ничего понять. Эти неожиданно появившиеся посетители подошли ко мне, и мы обнялись. Один из них, назвавшись Борисом и наклонившись ко мне, быстро прошептал: “На день рождения (10 июня) вы уже будете дома, в России”. (На самом деле в России я появился даже раньше, 30 мая 2019 года). Эти гости, войдя в палату, буквально втащили кучу подарков: два пластиковых ведра с фруктами и ягодами, пакеты с деликатесами. Борис, обращаясь к начальнику колонии, сказал: “Не делайте удивлённое лицо. Мы оставляем Вячеславу Николаевичу мобильный телефон для связи с нами. Напоминаю вам, что по всем международным законам заключённые имеют право на телефонные звонки”. И, обращаясь ко мне, заметил: “Обращайтесь, если будут проблемы”.

Борис произвёл приятное впечатление. Это был крепко сложенный, красивый мужчина с умными глазами, решительным взглядом и властным голосом. Пробыв в палате ещё минут тридцать и сфотографировав меня, они уехали. Позже я узнал, что из Киева они прибыли на вертолёте. Такой напор и срочность прибытия необычным транспортом этих визитёров аж из самого Киева произвели определённое впечатление на руководство колонии. На лицах оставшихся офицеров читалась молчаливая сцена из Н. Гоголя: “К нам приехал ревизор”!

Гипертрофированное стремление Украины присоединиться к благополучной Европе породило в душах и сознании украинцев раболопное, подбострастное отношение к европейским чиновникам. Сотрудники всех властных украинских структур, желая понравиться европейцам, беспрекословно следуют указаниям, рекомендациям и советам западных “друзей”. Горький опыт назначения иностранцев на высокие правительственные посты их ничему не научил. Эти иностранные назначенцы, набив карманы и разрушив подведомственные

им отрасли, благополучно слиняли. В моём случае в процессе освобождения были задействованы сотрудники международных структур (комитет ООН, комитет по правам человека в Европе и др.), и поэтому отношение к ним было соответствующее.

На второй день к вечеру 28 мая вдруг в палату входит начальник колонии с группой офицеров и, обращаясь ко мне, объявляет: “Вячеслав Николаевич, срочно. Сегодня указом президента Украины вы помилованы, все обвинения сняты. С этого момента мы просто обязаны исполнить это решение немедленно и вас отпустить. Вы свободны, а офицерам охраны убыть к месту своей службы, в колонию”, – добавил он. В палате воцарилась звенящая тишина, все офицеры охраны молча собрались и тут же уехали. Я остался один, был в каком-то оцепенении. Всё произошло так стремительно, что радоваться уже не было сил. Наступило чувство полного опустошения. Даже в своих планах, мечтах и фантазиях я и представить себе не мог, что такое может произойти. На самом деле никакого указа президента не было, о чём официально впоследствии заявила администрация президента Украины. Просто в России нашлись равнодушные, добрые люди, которые заплатили за мою свободу, а остальное было лишь вопросом техники исполнения. Оставшись один в палате, я не мог сообразить, что делать и что предпринять. Решил переночевать в палате и дожидаться утра следующего дня. Но, к моему удивлению, в десять вечера в палате вдруг с загадочным видом появился уполномоченный по правам человека на Украине по Черкасской области. Поскольку я уже был освобождён, то цель его прихода была мне непонятна. Я объяснил ему, что решил здесь переночевать, а утром позвоню сыну, и он приедет за мной. Выслушав меня, он сказал, что звонить никому не нужно, приедут люди и заберут меня. “Ваше появление в Киеве небезопасно”, – загадочно заметил он. Через некоторое время вдруг раздался телефонный звонок, в трубке прозвучал бодрый голос того счастливого незнакомца, который сообщил мне в палате о моём будущем освобождении, – это звонил Борис. Он сообщил мне, что через час приедет человек по имени Роман, который меня заберёт и отвезёт в Киев. В гранд-отеле “Хаят” для нас забронирован номер, всё оплачено. “Никому, кроме него, не доверяйте и ни с кем никуда не уезжайте из лечебницы. Обстановка вокруг вас непростая, будьте осторожны и помните имя нашего человека – Роман”, – добавил Борис.

Несколько слов о Романи. Это наш русский человек – сотрудник одной международной организации, проживающий в Париже и прибывший оттуда, чтобы в компании с другими вытащить меня. Почему из Парижа – мне до сих пор непонятно. Вероятно, операция проводилась таким образом, чтобы русского следа среди освобождающих меня людей не было вообще. Задействованы якобы совершенно другие люди, не связанные с Россией. Поэтому появление этих высокопоставленных людей из разных стран не вызвало никаких подозрений СБУ. Я тогда понял, что все мероприятия по моему освобождению нашими людьми проводились таким образом, чтобы не попасть в поле зрения специальных служб Украины и националистических элементов, которые могли бы помешать проведению этой операции. И это в принципе нашим ребятам удалось сделать успешно.

Вечер. Мы с уполномоченным терпеливо сидим в палате, ждём. Впереди неизвестность. В полночь к нам в палату постучала дежурная медсестра и сообщила, что какие-то незнакомые люди спрашивают нас. Мы вышли на улицу. На выходе нас встретили высокие крепкие ребята в наколках и строго спросили: “Кто из вас Высоцкий?” Увидев этих странных гостей, похожих на уголовников, и словно опасаясь чего-то, уполномоченный, схватив меня за руку, быстро потащил обратно в здание, скороговоркой добавив: “Это не за нами, срочно уходим”. Повернувшись, мы направились в свою палату. Буквально через минуту мы услышали голос: “Вячеслав Николаевич, стойте, я тот самый Роман”, – и я увидел бегущего от микроавтобуса к нам человека, который сообщил, что он от Бориса и прибыл, чтобы забрать меня. Небольшая заминка произошла из-за того, что эти крепкие ребята, как потом выяснилось, вполне нормальные люди, обеспечивающие мою безопасность, вышли из машины раньше Романа и пошли вначале изучить обстановку и найти меня в лечебнице.

В общем, всё разрешилось благополучно, и я, забрав свои пожитки, стал устраиваться в микроавтобусе, не понимая ещё, что же будет дальше.

Упомянутый уполномоченный из Черкасс с нами не поехал и, обращаясь ко мне, попросил, чтобы я позвонил в Киев его начальнице Л. Денисовой. Взяв трубку, я сообщил Денисовой, что у меня всё нормально и я уже освобождён. Хочу заметить, что Л. Денисова, конечно, сыграла какую-то определённую положительную роль в моём деле, но совсем не основную. За кулисами этих событий действовали совершенно другие люди, но тем не менее я и ей был благодарен.

С трудом разместившись в микроавтобусе (нас было шесть пассажиров), в ночь тронулись в путь, на Киев. Во время движения, отслеживая ситуацию на маршруте, неоднократно звонил Борис и интересовался обстановкой. Образно говоря, держал руку на пульсе событий. На маршруте в определённых местах находились группы подстраховки, которые имели связь с Борисом и докладывали ему о прохождении нами определённых населённых пунктов. По манере ведения авто и скорости движения я понял, что за рулём сидел мастер, профессионал. Скорость движения была далеко за сто. В районе трёх часов ночи наконец-то мы прибыли в пятизвёздочный гранд-отель “Хаят”.

Ночной Киев нас встретил шелестом и запахом цветущих каштанов, тихим тёплым майским дождём. Звенящая тишина завораживала. Стояла глубокая ночь, вероятно, и это было неспроста и тоже рассчитано. Размещение в гостинице проходило не совсем обычно. Поскольку мой, мягко говоря, непрезентабельный вид (я был в тюремной одежде) для такого класса гранд-отеля вызвал бы вопросы, сопровождающий меня Роман, оставив меня у входа в отель, сам отправился к стойке администратора за ключами от нашего номера. Получив ключи, он подал мне сигнал, что путь свободен, и мы поднялись на двенадцатый этаж и вошли в отведённые для нас апартаменты. Охрана разместилась в соседнем номере, но два человека, чтобы исключить любые действия со стороны украинских спецслужб, круглосуточно дежурили возле наших дверей в коридоре. До конца я ещё не осознавал, что уже нахожусь на свободе. Роман сразу же доложил Борису, что мы прибыли на место, всё тихо и нормально.

На следующее утро в нашем номере появился мой загадочный спаситель Борис и объяснил дальнейший порядок наших действий. Всё было предусмотрено до мелочей. Через час пришла незнакомая женщина-стилист, сняв с меня все мерки и составив списки необходимой одежды, тихо удалилась. Ближе к обеду она появилась с кулками и пакетами. Привезла всё, начиная с расчёски и носового платка, заканчивая брендовой одеждой и обувью. Всё это было вызвано тем, что я был в тюремной одежде и моё нахождение именно в таком виде в гранд-отеле “Хаят” было бы замечено сотрудниками и окружающими, а это недопустимо. Да и в Москве перед встречающими я должен предстать в надлежащем виде. Мне было очень неловко за такое внимание, ведь всё это стоило немалых денег, но мне заметили, что так надо. Почти в это же время к нам в номер, особо не афишируя, доставили всю нашу семью: жену, сына с невесткой, внучку с мужем вместе с правнуком, который родился уже без меня.

Радости не было предела. Побыв часа три со мной, к вечеру они вынуждены были уехать одни, понимая, что моё появление на нашей киевской квартире было нежелательно. Расставание с родными было не менее волнительным, хотя все понимали непростую ситуацию вокруг. Жена и сын понятия ещё не имели, что же со мной будет происходить дальше. Позже мне объяснили, что безопасность прежде всего – и меня необходимо доставить в Москву целым и невредимым.

Следующий целый день, в ожидании сигнала от Бориса, мы с Романом провели в номере, и лишь к вечеру появился мой спаситель, и мы со всеми предосторожностями, по проверенному и подготовленному маршруту вместе с охраной убыли в аэропорт, где нас с уже ждал частный самолёт.

Дорога в аэропорт Борисполь, что в двадцати километрах от Киева, мне показалась необычной. Подъехав к зданию аэропорта, наш микроавтобус, вдруг резко развернувшись, помчался снова в город, где мы свернули в уже другой аэропорт. Этот аэропорт Жуляны находился практически в черте города, на его окраине. Станные манёвры меня несколько озадачили, и мне подумалось: “Неужели появились какие-то проблемы, и всё срывается?” Подробности этих странных манёвров прояснились позднее. В этом аэропорту

пассажиров практически не было, залы ожидания пустовали. У стойки регистрации со скучающим видом сидели пограничники и таможенники. Меня удивило отношение украинских сотрудников (таможни, пограничников) ко мне и к Борису. Никаких процедурных проволочек (проверка документов и досмотр вещей) не было.

Все указания Бориса выполнялись быстро и беспрекословно. Создавалось впечатление, что именно он, находясь в чужой, враждебной стране, почему-то выглядит хозяином положения. Много позднее Борис рассказывал мне, что именно в это время нас всех планировали арестовать. Группы захвата СБУ и в одном аэропорту, и в другом находились в готовности “номер один”. Опасность он почувствовал сразу же по прибытии в аэропорт, операция была на грани срыва. Только его тонкое чутье, самообладание и своевременный звонок очень влиятельному другу спас нас от провала.

Через некоторое время появилась симпатичная девушка, вероятно, сотрудница аэропорта, которая, обращаясь к Борису, уважительно сказала: “Борт готов”. Пользуясь темнотой, не привлекая к себе особого внимания, через служебный выход мы вышли из здания аэропорта и направились к самолёту. Это был маленький четырёхместный самолётик марки “PILATUS” швейцарского производства. После взлёта ребята предложили тост за удачное окончание операции и за мягкую посадку. Я обратил внимание, что мы летим на низкой высоте. Мне объяснили, что это необходимо, в этом случае местные средства ПВО (радары) не способны обнаружить наш легкомоторный самолёт, цель малоразмерную и низколетящую. Это была своеобразная подстраховка.

Прежде чем приземлиться в Москве, наш самолёт совершил промежуточную посадку на аэродроме одной дружественной страны, где нас ожидала уже другая группа подстраховки. Полёт над российской территорией проходил уже на нормальной высоте, в пределах 3000 м. В итоге поздно вечером 30 мая 2019 года мы наконец-то приземлились в Москве.

Так закончилось моё долгое и непростое возвращение на Родину, в Россию. Через день были трогательные встречи с руководством, объятья и тёплые слова. В моём освобождении было задействовано много людей, которым я очень благодарен за их блестяще выполненную ювелирную работу. Очень тронут действиями руководства, которое приняло непростое политическое решение освободить гражданина своего государства любой ценой. Принцип “своих не бросаем” сработал.

В Россию я был доставлен целым и невредимым, но, как говорится, прибыл “ни кола, ни двора”, да ещё без всяких документов. Приговор суда предусматривал полную конфискацию всего личного имущества. Жена ещё оставалась в Киеве. Понимая эту нестандартную ситуацию, добрые люди и здесь не оставили меня в беде, окружили заботой и вниманием. Необходимо же было вписаться, вратив в жизнь современной России. Опеку надо мной взял Алексей Евгеньевич, специалист, хорошо понимающий психологию человека, вернувшегося из заключения. Он как профессионал тонко чувствовал создававшую обстановку, осознавая, что я был в отрыве от Родины почти 30 лет. В итоге без всяких бюрократических проволочек я получил все необходимые документы, пенсию, которую длительное время не давали моей жене, и главное – жильё (отремонтированную квартиру с мебелью и необходимым оборудованием). Если бы не это, то нашим чиновникам было бы трудно объяснить, кто я такой, откуда взялся и где пропал. Слава Богу, что всё это позади, жизнь продолжается, главное – жить. Правда, иногда удручает мысль: “А сколько осталось? Ведь столько времени потеряно зря”. С возрастом, когда тебе за 70, уже приходит понимание, что на сцене жизни ты уже не актёр, а только скромный зритель.

ЭПИЛОГ

Лишь спустя две недели, в середине июня, после того, как я вырвался на свободу и прибыл в Россию, я с удивлением узнал, что в средствах массовой информации Украины, в интернете, на телевидении поднялся шум об исчезновении заключённого Высоцкого. Мы их переиграли, и украинская служба безопасности наконец-то проснулась, но было уже поздно. Неоднократно (дважды – 15 июня и 16 июля) представители спецслужб Украины приезжали в Черкасскую колонию и выясняли, куда я исчез, опрашивали зеков, хорошо

знавших меня. Интересовались, с кем я общался, что говорил и что я вообще за человек. Об этом я узнал позже из телефонного звонка от близких мне людей из колонии.

Подробностей закулисной борьбы за моё освобождение я не знаю, но это не так важно, главное, что меня вырвали из застенков и я на свободе. Основной задачей при проведении этой специальной операции по моему освобождению была скрытность, и наши ребята – мои друзья – справились с этим блестяще, оставив СБУ с носом. Подводя итог этой истории и обращаясь к украинским офицерам спецслужб, хочется им сказать: “Господа, поезд ушёл, и рельсы разобрали, и больше никогда не обижайте российских граждан”.

Подводя итоги всего сказанного, хочу заметить, что лично я не считаю себя исключительной личностью и заслуженным человеком, просто Родина, используя все свои возможности, вытащила из беды своего гражданина. Всё это порождает чувство гордости за свою страну, державу, которая не бросает своих сыновей.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 17

КЛАССИКА И МЫ

(продолжение)

Как-то Софья Гладышева спросила Кожина: “Дим, а когда же ты работаешь? Целый день народ, гитара...” Вадим Валерианович не замедлил с ответом:

– Сонь, я могу за целый день лист написать, даже рука отваливается.

Софья поняла, что он постоянно находился в работе, только успевая записывать переполнявшие его мысли.

До конца своих дней он писал все книги исключительно от руки, отдавая потом машинисткам написанное для последующего представления в издательства. У него никогда не было печатной машинки, не говоря уже ни о каком компьютере. Вадим Валерианович работал так, как работали его любимые классики, заполняя бумажные страницы достаточно разборчивым почерком. Это был процесс с о т в о р е н и я.

Он и в последующие годы, когда заполнял свой дом книгами, когда час-то и подолгу сидел в библиотеках, категорически отказывался признавать ментальный “сбор” нужной информации без особых усилий, путём нажатия компьютерной клавиши. Говорил, что поступающие таким образом не имеют никакого представления о смысле проделываемой работы, когда трудоёмкий поиск нужного факта или необходимой цитаты выводит мысль на новые горизонты.

Он работал в это время на нескольких направлениях, совмещая работы о русской классике с работами о литературе современной, поверяя её классическими образцами.

Он писал фундаментальную работу “О “тютчевской” школе в русской лирике”, в которой определил поэзию Тютчева, Хомякова, Шевырёва, Фёдора Глинки, Вяземского как “дисгармоническую”, сделав при этом существеннейшее примечание: “Она дисгармонична лишь на фоне гармонии пушкинской школы, лишь в соотношении с ней. Но любая подлинная поэзия по-своему гармонична – это неотъемлемая черта искусства... Особо следует сказать о самом Тютчеве, ибо тезис о “дисгармоничности” в применении к его великой поэзии может вызвать сомнения у многих. Но величие Тютчева, в частности, в том и состоит, что он, сохраняя стихию дисгармонии, в то же время достигает высшего художественного совершенства...” В этой же работе Кожин категорически отверг устоявшееся мнение о “малоценности” зрелой

Продолжение. Начало в № 1-7,9 за 2019 год, 1-5, 7-12 за 2020 год, 1-3,5-7,11-12 за 2021 год, 2,3,6,7,11 за 2022 год.

поэзии Языкова, Вяземского, Катенина, Глинки, а также показал, насколько не соответствует реальности категорическое мнение Тынянова о том, что Пушкин якобы прямо отказывал в истинном таланте Тютчеву, и Лидии Гинзбург, что Тютчев “боролся” с Пушкиным. “Тютчев был не “противник” Пушкина, а великий поэт нового, иного направления... Исследователь вообще злоупотреблял понятием “архаисты” (а равно и “новаторы”). Оно вполне законно в отношении поэзии 1810–1820 гг. ... Но когда это понятие переходит и на школу, сложившуюся в конце 1820–1830-х годов, оно способно лишь затемнить существо дела...”

“В поэзии пушкинской плеяды пространство и время как бы замкнуто, завершено в стихии мировой гармонии. Между тем и Тютчев, и его соратники вскрывают “углы” и “стыки” пространственно-временной структуры, её “незавершённость”, моменты переходов и переломов... Очень точно выразилось восприятие Пушкина поэтами “тютчевской” школы: он, по их мнению, не видел “рока”, набрасывая на него прекрасный покров. Стихи же Глинки и других его соратников посвящены как раз выражению “рока”, роковых сил природы и жизни...” Эта мысль Кожинова получит дальнейшее развитие и освещение в разговоре о современной поэзии, что мы ещё увидим.

Принципиальное значение имеет и следующее наблюдение Кожинова: “Всех этих поэтов объединяет определённая идейная общность. Все они, начиная с 40-х годов, так или иначе примыкают к славянофильству, если взять это слово в самом широком его смысле... Здесь важно подчеркнуть, что всем поэтам “тютчевской” школы присущи отчётливо индивидуалистические тенденции. И это, безусловно связано с их славянофильской идеологией...” Положительное отношение Кожинова к славянофильству особенно ярко высвечивается в контексте сборника “К истории русского романтизма”, где была опубликована кожиновская работа, ибо буквально рядом с ней соседствовало сочинение, автор которого формулировал однозначно и без оговорок: “Славянофильский романтизм никогда не играл решающей роли в русской литературе. Он в основном был всегда антиреалистичен... Славянофилы были талантливыми людьми, но свои способности загубили ложными идеями (надо понимать – и антииндивидуализмом в том числе. – С. К.). Они были искателями истины, но искали её там, где не следовало... Подлинными выразителями интересов народа были не славянофилы, а борющиеся с ними силы революционной демократии”.

...Эта работа Кожинова стала фактическим началом его многолетнего и глубокого освоения творчества Фёдора Ивановича Тютчева и его эпохи.

В 1975 году Вадим Валерианович был ведущим литературного вечера, посвящённого Тютчеву, который состоялся во Всесоюзном обществе охраны памятников истории и культуры. На этом вечере пел Иван Семёнович Козловский, читал стихи знаменитый Михаил Иванович Царёв, выступал правнук поэта и его исследователь Кирилл Пигарёв... И тут разыгралась следующая сцена: Кожинов заговорил об одном из самых известных политических стихотворений поэта и подчеркнул, что, по утопическому (он специально это подчеркнул) убеждению Тютчева, Константинополь должен стать одной из столиц Российской державы. И прочитал с державной интонацией стихотворение 1848 года “Русская география”:

*Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам их судьбы обличат...*

*Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдёт вовек,
Как то провидел Дух и Даниил прдрек.*

И тут в публике раздался не то рёв, не то стон:
— Просрали Константинополь! Просрали!!!

Это был Герой Советского Союза, главный маршал бронетанковых войск Павел Алексеевич Ротмистров, который в конце 1944 года настаивал (не он один) на немедленном марше от южных границ Болгарии в сторону Турции: вожделенные побережья Босфора и Дарданелл, сам Константинополь (Стамбул) лежали на расстоянии одного броска наших танков – только руку протяни! Но Сталин ответил категорическим отказом, ибо знал, что ни Англия, ни США не смиряются ни с чем подобным, а превращать тогда своих союзников в злейших врагов (и так лелеявших мечты о будущей бомбардировке городов СССР) не было никакой возможности... Павел Алексеевич, судя по всему, как и другие маршалы, много лет не мог смириться, и эта заноза всё время сидела в его душе.

В том же году в “Вопросах литературы” было опубликовано выступление Петра Палиевского, который процитировал рассказ ещё одного Героя Советского Союза, генерала армии Дмитрия Даниловича Лелюшенко о ночной атаке во время контрнаступления под Москвой, о том, как войска выдерживали ночью направление на незнакомой местности, зажигая костры в тылу, “чтобы костры находились в створе направления движения, на расстоянии около километра один от другого”, чтобы командир, оглянувшись, видел два огня совмещёнными в одной плоскости – в этом случае направление выдержано верно.

“Есть потребность, – говорил Палиевский, – понять всю лежащую за нами историческую цепь... Чтобы не ошибиться, куда идти и откуда, где располагаются наши главные источники света, куда они показывают, из чего складывается дорога... Понятно, что и тем, кто пожелал бы нас с этой дороги сбить, было бы выгодно эти огни затоптать – по возможности нашими же ногами.

Иначе, точнее осознаётся, что чем дальше видишь назад, тем устойчивее линия вперёд, понимание, куда двигаться...”

Эту мысль Палиевского Кожинов и позднее неоднократно повторял и комментировал: “... Единственный способ проверки направления – взгляд назад в прошлое, в цепь его огней. Пётр Палиевский говорил, что эта проверка “происходит сейчас”; нельзя не добавить, что она совершалась и совершается всегда... Художник, ставящий перед собой цель создать нечто долговечное, способное жить в грядущем, никак не может обойтись без истории”.

Через год “Литературная газета” опубликовала диалог Кожинова и Давида Самойлова “Парадоксы традиций” – весьма напряжённый и, судя по тональности, не слишком дружелюбный, хотя и вполне дипломатичный (Вадим Валерианович всегда ценил военные стихи Самойлова). Собеседники сразу же обозначили свои позиции: Кожинов признался в своей нелюбви к слову “новаторство”, которым “часто поощряют какие-то чисто формальные нововведения типа тех, что отличали Бурлюка и Шершеневича. Самойлову не нравился термин “традиция”, под которым, как он утверждал, “часто понимают ученическое копирование, стилизацию”, хотя не мог не слышать Кожинова, который понимал под “традицией” совершенно иное:

“– Настоящее продолжение традиций чаще всего неразрывно связано с воскрешением как раз того, что, казалось бы, безвозвратно ушло в прошлое. Начало XX века, например, эпоха несомненного “новаторства”. Но стоит взглянуть, и мы увидим, что одновременно происходит активнейшее воскрешение стихии древнерусской культуры. Это в высшей степени характерно и для Блока, и для Хлебникова, и для Есенина, и для молодой Цветаевой, и для Бунина. Ещё более это наглядно выразилось в живописи того времени, которая со всей страстью обратилась к давно забытому искусству Древней Руси. Я думаю, что для любого плодотворного рыска вперёд художник должен оглянуться, чтобы увидеть и понять само **направление** развития культуры и правильно продолжить его...”

В своём дневнике Самойлов уже отбросил всякую “дипломатичность”.

“Диалог в “Литгазете” с Кожиновым. Он энергичный, честолюбивый, ненавистник не по натуре, а по убеждению. Всегда ощущение от его высказываний, что за ними таится ещё что-то – грубое, корыстное, тревожное и непрошибаемое. Всё та же банальная палиевщина: чтобы идти вперёд, надо оглянуться назад...”

Кажется, Самойлов здесь сам заплутал в своих эмоциях (это, действительно, эмоциональный выброс, а не разговор о сути дела). “Ненавистник

по убеждению” – это, очевидно, за нелюбовь к “новаторству”. Повторение коллективного шёпота за спиной Кожина, что, он, дескать, прячет свои истинные мысли, говорит не совсем то, что думает на самом деле (голое подозрение без презумпции невиновности). И, наконец, стремление оглянуться назад, чтобы выверить направление пути, естественное для любого думающего человека, характеризуется как “банальная палиевщина”. Похоже, стихотворец делал эту запись в явном чрезмерном возбуждении, которое отбивает способность мыслить. А причина возбуждения – собственная неспособность аргументированно возразить и осознание проигрыша в этом диалоге.

“Настоящий критик, действительно достойный войти в историю литературы, формируется лишь после целеустремлённой и очень многогранной работы над собой”. Эти свои слова Кожин подтверждал всей своей жизнью – каждый Божий день. Он ценил в критике именно самостоятельное суждение, смелость оценить по-настоящему неведомого ещё миру писателя, дать резкую оценку произведению, не являющемуся фактом искусства художественного слова, независимо от его захваленности. Он презирал критиков, восхваляющих увенчанных лаврами авторов или безбоязненно бранящих заведомую посредственность, а также так называемых “нейтральных” – обходящихся без собственного мнения, которые в это время буквально наводнили журнальные и газетные страницы.

Он размышлял о сущности литературной критики, отбирая имена наиболее серьёзных представителей этого рода литературы независимо от их “позиции” или эстетических пристрастий, называя Игоря Виноградова, Бенедикта Сарнова, Александра Михайлова, Льва Аннинского, Михаила Лобанова, Анатолия Ланщикова как критиков, у которых “есть свои, вполне определённые и ярко выраженные идеалы, в свете которых они судят о литературе”, которые, если угодно, создают читателя, способного относиться творчески к художественному слову.

Так он высочайше оценил книгу Петра Палиевского “Пути реализма”, в которой воплотилось “органическое единство познания и воли”, идеи, полной многозначности и глубины, не сводимой к плоской тенденции. Тенденцию он как раз увидел в вышедшей тогда же книге Олега Михайлова “Верность”, справедливо указывая на то, что в ней воплощена “идея, ставшая ходячей и потерявшая всю свою ценность”. Определённый смысл он увидел, пожалуй, лишь статье Михайлова “В исканиях гуманизма”, посвящённой жёсткому и бескомпромиссному анализу творчества писателя так называемой “одесской школы”, представленной именами Бабеля, Багрицкого, Катаева, Олеси, Ильфа и Петрова (в этой же статье критик впервые воспроизвёл на страницах советского издания солидный кусок из отвергнутых всеми издательствами “Очерков преступного мира” Варлама Шаламова с беспощадным отвержением “безудержной поэтизации уголовщины” в литературе 1920-х годов)...

В одной из статей (оставшейся в рукописи) Кожин воздал должное Михайлову за то, что тот “показал, что эта школа во многих существенных отношениях... порвала с традициями русской литературы, что писателю, стремящемуся действительно продолжить эти традиции, нечему учиться у “одесской школы”...” И тут же перешёл к жёстким критичным нотам:

“И в других главах своей книги Олег Михайлов, естественно, говорит о писателях, которые стремятся идти по пути традиций русской литературы. Однако критик словно бы забыл, что стремление к цели и достижение цели – не одно и то же. Оценивая творчество близких ему писателей, которые как бы противостоят “одесской школе”, Олег Михайлов отказывается от подлинной высоты критериев... И подобная тенденциозность, обнаруживающаяся в книге Олега Михайлова, если рассматривать её в целом, не может радовать”.

В этом отношении чрезвычайно любопытна реакция Кожина на одну из первых объёмных критических филиппик, адресованную ему в отечественной печати. Речь идёт о статье Татьяны Глушковой “Талант – имя собирательное”, опубликованной в 9-м номере “Вопросов литературы” за 1976 год.

Это было первое серьёзное выступление Глушковой как критика. В самом начале она подчеркнула, что намерена “останавливаться на **качестве** мысли, почерпнутой... из чтения иных критических статей о поэзии”.

Въедливое, пристальное, подробное чтение стихов и посвящённых им критических статей, остроумие, едкость, основательность многих суждений,

закрученных в многословный водоворот, — всё это проявилось у Глушковой в этой статье и совершенствовалось в дальнейшем. Она блестяще разобрала “моральные” претензии Станислава Рассадина к поэзии Фета — и Кожинов восхищался её логическими построениями. В то же самое время он с лёгким недоумением воспринял выпады Глушковой против его собственных работ, справедливо думая, что в своём полемическом запале та словно постаралась не понять смысла им сказанного. Её упреки в том, что “у В. Кожинова мыслей — сравнительно — мало, и они подаются как полусекрет с предложением читателю принять на веру наличие “таинственной” глубины”, что “в постулатах Кожинова о таланте вообще и о талантливости отдельных поэтов видится мне философская кустарщина, насильственное отъединение “духа” от “тела”, грубая попытка рассечь личность художника да две (три? четыре?) “явно очень разные и несрастающиеся части”, в “склонности к парадоксальности, выдающей небескорыстность самого мышления... например, о поэте и стихотворце”, в “сумбуре подневольной импровизации”, и в отвержении определения таланта выразилось не желание вдуматься в кожиновскую аргументацию, впрочем, ещё пока с оговоркой о субъективности собственного взгляда (“видится мне”).

“В плоскости “большого времени”, — писал Кожинов в статье “Русская литература и термин “критический реализм”, — лирика Фета, безусловно вливается в “магистральный поток русской литературы” и непосредственно соотносится, как и лирика Тютчева, с эпосом Достоевского и Толстого. Это превосходно и убедительно доказано в статье Т. Глушковой, прочерчивающей, в частности, линию Пушкин–Фет–Толстой–Чехов... Замечательно, что она не идёт здесь по линии наименьшего сопротивления, она осмысляет именно те черты творчества Фета, в которых чаще всего видят выражение некоей неполноценности, в частности, “лёгкость” его лирической стихии... И показывает, как эта же стихия выражается у Пушкина, Толстого, Чехова. Возникают в сознании и другие соотношения — и с Достоевским (хотя бы с “Подростком”, с монологами Мити), и с Герценом (юношеские главы “Былого и дум”), и с Лесковым...”

Кожинов сосредоточился на наиболее ценных, на его взгляд, моментах глушковой статьи. Что же касается её раздражительной субъективности, то Вадим Валерианович точно увидел её и оценил, и на упреки, обращённые к его работам, ответил спокойно и даже с лёгким насмешливым недоумением: “Могут сказать, что я делаю хорошую мину при плохой игре, ибо в своей статье Т. Глушкова крайне резко отзывается о моих работах, но что поделаешь — её страницы о Фете и в самом деле превосходны. Что же касается острейших обвинений против меня, то они меня удивляют, ибо из разбираемых Т. Глушковой моих суждений они никак не вытекают... Обстоятельная полемика с Т. Глушковой едва ли имеет смысл, ибо её нападки не вытекают из предмета спора... Впрочем, далее Т. Глушкова обрушивает на меня целый каскад совсем уж необъяснимых обвинений: тут и “грубая попытка рассечь личность художника”, и “парадоксальность, выдающая небескорыстность (?) самого мышления”, и “сумбур подневольной импровизации”, и даже “вульгарный социологизм”... И всё это будто бы содержится в моём суждении о том, что стихи, в которых “выразился талант”, далеко не всегда обладают “безусловной поэтической ценностью”. Разумеется, Т. Глушкова вправе иметь и выдвигать своё собственное понимание слова “талант”. Но к чему все эти обвинения в мой адрес? Ведь то понимание слова “талант”, которое я высказал, поистине общепринято в русской литературе. Можно процитировать десятки и даже сотни высказываний поэтов (от Жуковского до Твардовского) и теоретиков поэзии (от Ивана Киреевского до Михаила Бахтина), — высказываний, в которых воплощено именно это понимание слова “талант”... Белинский многократно и в разных формах высказывал это же понимание слова “талант” (Кожинов цитировал слова Белинского: “Талант как способность... относится больше к форме созидания... талант — есть сила внешняя, которая может существовать в человеке независимо от ума, сердца и других интеллектуальных и нравственных сторон человеческой природы...”), и Т. Глушкова, если угодно, должна была бы переадресовать ему или его предшественникам те обвинения, которые она предъявила мне... я... попросту следую полтора-два столетия традиции, которую Т. Глушкова почему-то не заметила или не хочет заметить...”

Далее мы увидим, как эта чисто литературная (как казалось тогда) “странная” (по слову Кожинова) полемика вылилась в тяжелейший конфликт, вызванный, похоже, исключительно тем, что Глушкова вызывала Вадима Валериановича на терминологический спор, а тот не стал в него углубляться, отметив его принципиальную несущественность. И это было воспринято Глушковой как тяжелейшее личное оскорбление.

Впрочем, в это же время на страницах “Литературного обозрения” периодически печатались статьи и реплики, направленные против Кожинова, уже с иной идейной начинкой.

Особо здесь выделяется статья Владимира Пискунова и Бориса Яковлева “В каждом ли споре ищут истину?”

“Круг интересов В. Кожинова, даже если судить по работам двух последних лет, необычайно широк – от древней армянской архитектуры до современной советской поэзии, от границ понятия “художественная речь” до принципов периодизации истории русской литературы, от судеб филологической науки до национального стиля искусства. И обо всём существует мнение, суждение, представление, не совпадающее с традиционными и, как правило, призванное их опровергнуть, всё увидено заново, по-новому, наособицу”.

“Традиционное” авторы понимали исключительно как сформировавшееся в советском литературоведении на протяжении нескольких десятилетий. Что же касается стремления “всё увидеть заново” – то, что они предъявляли Кожинovu как упрёк, – он мог воспринять только как самый лучший комплимент, ибо всегда настаивал на том, что не имеет ни смысла, ни права на существование ни одно из многочисленных критических или литературоведческих изданий, которые пережёвывают и пересказывают уже давно пережёванное и пересказанное.

Для авторов неприемлема сама методология Кожинова, притом что они не в состоянии отрицать значение им сделанного. “...Большинство работ Кожинова начинается с установления кризисной ситуации, указания на исчерпанность прежних решений в той области, за рассмотрение которой он берётся. Надо отдать ему должное: он действительно умеет почувствовать, порою раньше других, как начинают “пробуксовывать” иные привычные положения. Его статьи нередко служат сигналом предупреждения, что отмечают и оппоненты... В. Кожинov в самом деле возмутитель спокойствия, ниспровергатель авторитетов, хотя, увы, далеко не всегда ложных или отживших свой век”.

Наиболее неприемлемыми для многих критиков и читателей кожиновских статей (в это время критические статьи читались как захватывающие романы) были его разделение поэзии и стихотворчества, предложенная им новая “сетка” литературных направлений и утверждение “ренессансного реализма” первой трети XIX столетия, отвержение в отношении к русской литературе термина “критический реализм”, а также апелляция к “идеальному читателю”, воспринимавшему не только поверхностный смысл произведения и облегчённое стиходелание, – читателю, о котором он говорил в диалоге “Как слово наше отзовется” с критиком Александром Михайловым.

“В одном случае В. Кожинov берёт произведение вне контекста национального языка, в другом – вне исторической ситуации, в третьем – вне этического содержания, так сказать, последовательно снимает с него якобы “внешние” покровы, чтобы добраться до ядра чистой художественности. В результате эстетическая сторона явления, облюбованная нашим критиком, искусственно обособляется от остальных, начинает подавлять и угнетать их – ничто уже не принимается в расчёт, всё игнорируется, кроме некой “художественной формы” как таковой. В этом нам как раз и видится стержень общей методологии В. Кожинова, основа его “органической критики”... Метод А. Григорьева... вольно или невольно всё больше сказывается в текстах наших критиков-парадоксалистов. Как показывает опыт, им очень по душе отождествление стройной системы взглядов с догматизмом, нарушающим естественный ход и связь событий; они очень любят оценивать писателей и литературных героев не по их объективному общественному содержанию, но по “натуре”, индивидуальности, характерности...”

Откуда такая завидная свобода в обращении с историей и литературой? Всё опять упирается в методологию исследования, которое имеет дело не с объективным процессом общественного развития, но с субъективистски препарированной историей...”

Показательно это полное неприятие метода органической критики Аполлона Григорьева, в следовании которому наш дуэт “уличает” Кожина. И не только его. В этом контексте возникают “неприемлемые” имена Петра Палиевского, Игоря Золотусского, Ирины Роднянской.

Через год все они — названные — примут участие в дискуссии “Классика и мы” в Большом зале Центрального дома литераторов.

* * *

По-настоящему спорить Вадим Валерианович предпочитал с людьми, достойными этого спора. К таковым он бесспорно относил Юрия Селезнёва.

“В течение трёх аспирантских лет он рос поистине стремительно, — вспоминал Вадим Валерианович. — Но об этом трудно или даже вообще невысказуемо рассказывать, ибо слишком много всего было. Юрий заходил ко мне в эти годы не реже, чем через день, — благо Литературный институт находился через две троллейбусные остановки от моего тогдашнего дома. А когда окончилось аспирантское время, он прожил три года на нашей даче (дача в Переделькино по улице Лермонтова, дом 7. — **С. К.**) — до момента, когда смог обрести своё пристанище — кооперативную квартиру”.

Селезнёв — и это надо сказать совершенно отчётливо — воспринимал своё литературное служение как работу солдата на поле битвы. И таковым полем для него в 1970-е годы стала русская классика.

Его статьи о Гоголе, Тютчеве, Тургеневе, Чехове не просто вскрывали потаённые смыслы их произведений. Классические творения рассматривались в контексте единого, непрерывного потока, несущего благотворную духовную влагу со времён “Слова о Законе и Благодати” и вплоть до наших дней. Они рассматривались в русле народного мироотношения: “Дело не в том, сколько представителей народа стало героем того или иного романа, а в том, что все без исключения герои времени оценивались писателями только по тому, как их жизнь соотносилась с жизнью народной, с народными идеалами и устремлениями. Именно идеалы народные были тем последним судом, которым судили русские писатели своих героев”.

“На судьбу мне жаловаться нечего, — писал он Александру Федорченко в 1975 году. — Я ведь, по существу, делаю первые шаги, но уже награждён судьбой. Мне довелось уже услышать добрые слова (правда, не лично) от Шолохова и Леонова, а лично (и не просто добрые, а прямо-таки высокие) от Белова, Астафьева, Потанина, Кожина и других. А всё это люди серьёзные и слов на ветер не бросают. Всё это мне очень дорого и заставляет собираться и “дерзать”...”

В этом “дерзать” ощутим ироничный оттенок. Но тем не менее всю творческую жизнь Юрия Селезнёва вполне естественно оценить словом “дерзание”.

После кратковременной работы в отделе критики журнала “Знамя” и в отделе прозы журнала “Молодая гвардия” он пришёл на работу в серию “Жизнь замечательных людей”, с которой был связан несколько последующих лет. В том же году вышла его книга “Вечное движение”, где были даны настолько яркие и запоминающиеся портреты Астафьева, Белова, Лихоносова, Носова, Шукшина, Потанина, Василя Быкова (ещё не “классиков” в сознании читающего населения, но уже классиков по сути), что Селезнёву была присуждена за неё премия Ленинского комсомола — не отметить эту книгу как наиболее выдающуюся из числа тогдашней “молодой литературной критики” не представлялось возможным. И этот же год во многом стал для него рубежным, ибо в журнале “Москва” была опубликована его новая, необычная даже для него по остроте статья “Мифы и истины”.

Полемистом Юрий Селезнёв был отменным. Он никогда не клеил “ярлыков”, не занудствовал “академически”, не бранился, не язвил и не юлил. Позиция его была отчётливой и бескомпромиссной, а система ценностей очевидной для читателя. Он приглашал оппонента к разговору спокойному, уважительному и даже, если будет позволено так выразиться, нежному. Рассматривая тезисы своего противника с разных сторон, он так умел осветить их, рассмотреть под таким оригинальным углом зрения, что дополнительных “уничжающих определений” не требовалось. Деятель, отплясывающий чёткую на ниве русской классики или творчества особо ценимых Селезнёвым

Белова Распутина и Лихоносова, был обречен. Он представал в виде совершенно обнажённом — Юрий Иванович как бы одной фразой, одним движением лишал его всей словесной драпировки. И перед нашими глазами предстал то замшелый мастодонт, плохо разбирающийся даже в тех цитатах из классиков марксизма-ленинизма, с помощью которых он расстреливал всё неуютное ему лично, то закоренелый русофоб, гримирующийся под “свободную личность” с диссидентским душком.

Но статья “Мифы и истины” выделяется из общего ряда селезнёвских полемических сочинений. Слишком серьёзен был повод, слишком нетривиален был сам предмет критики. И слишком небезобиден подтекст появления на белый свет книги Олжаса Сулейменова “Аз и Я”, чтобы можно было вести разговор о ней в доброжелательно-ироничной интонации.

Юрию Селезнёву предложили написать об этой книге, сопроводив заказ буквально следующими словами: “Победишь — прекрасно, а проиграешь — тебя выбросят из Москвы, и более ты нигде и никогда не сможешь печататься”. По сути, это был вызов. И Селезнёв его принял.

Не в первый раз уже ему приходилось выходить в открытое поле и принимать удар на себя. Порой создаётся впечатление, что его словно испытывали на прочность.

“В те годы он резко критически отозвался об одной книге, — вспоминал Александр Ольшанский, — в которой предпринималась попытка доказать, что автором “Слова о полку Игореве” был не древний русич, а кипчак. Юрия Ивановича очень беспокоили тенденции, отголоски которых нашли какое-то отражение в этом сочинении. Мы читали и другие произведения, и становилось всё более очевидным, что в Казахстане растёт, как на дрожжах, агрессивный национализм...” Об этом же писал и один из ближайших друзей Селезнёва Валерий Сергеев: “Когда появились у нас публикации, фальсифицирующие культурно-исторический контекст “Слова о полку Игореве”, Юрий Иванович опубликовал статью, как всегда, яркую, страстную, и при этом со столь точно и всеобъемлюще аргументированными возражениями, столь богато научно, академически оснащённую, что эта работа вызвала исключительно высокую оценку со стороны ведущих специалистов по литературе Древней Руси...”

Ни Ольшанский, ни Сергеев не назвали открытым текстом предмет критики Селезнёва. Сборник воспоминаний о Юрии Ивановиче появился в 1987 году, когда О. Сулейменова как “несправедливо гонимого в годы застоя” тронуть никто бы не позволил. А тогда, после подробного и уничтожающего разбора его сочинения на “круглых столах” и в “Вопросах истории”, и в “Вопросах языкознания” “гонимый” писал тогдашнему секретарю ЦК КП Казахстана “Открытое письмо”, делая попутно совершенно поразительные признания: “Меня не поразила горячность, с которой большинство выступавших отвергли все до единого положения книги. Это было зеркальное отражение стиля, присущего многим страницам книги, где, не приведя о со бы х доказательств (здесь и далее выделено мной. — С. К.), автор покушался на устои с е й индоевропейстики, археологии и тюркологии...” Незадолго до выхода своей книги этот “осуждаемый кочевник” (по собственной характеристике) в докладе на пленуме Союза писателей Казахстана (читанном Селезнёвым) призывал “знать и оценивать историю с классовых, марксистских позиций” и с этих позиций в духе тогдашних идеологов обрушивался на “деревенскую прозу”, в которой “внесоциальные, абстрактно-гуманистические трактовки духовных ценностей деревенского мира оборачивались идеализацией патриархальщины”. На этом он не остановился, продвинувшись гораздо дальше: “Прошное, проклятое прошное гнездится в закоулках души, на сгибах карт. Оно доходит до новых поколений со старыми песнями. Оно в уцелевших царских, генеральских названиях городов и сёл. Оно пышным цветом распускается там, где пассивен учёный и невежествен критик...” Селезнёву было совершенно очевидно (что, увы, тогда не было очевидно нам, только вступавшим в сознательную жизнь и без разбору тянущимся ко всему “нетривиальному”): он имеет дело не с увлечшимся “тюркологическими штудиями” неопитом, не с обуреваемым завиральными идеями стихотворцем. Он имеет дело с в р а г о м.

В открытую об этом сказать, понятное дело, тогда не представлялось возможным. Даже в завуалированном виде никто не позволил бы подобного по отношению к лауреату премии ЦК ВЛКСМ, премии Казахской ССР имени

Абая, заместителю председателя Советского комитета по связям со странами Азии и Африки. Пришлось в разговоре о культуре и истории выйти на грань допустимого по тем временам – было не до разбора отдельных удачных наблюдений автора книги посреди совершенно бессмысленных “подтягиваний” текста “Слова о полку Игореве” к тюркоязычной стихии: “Открытия” О. Сулейменова доводят стереотипность определённого образа мышления до такой крайности, что его выводы наконец обнажают всю нелепость и беспомощность утилитарно-практического истолкования наследия древности”... Разумеется, не мог Селезнёв пройти мимо рассуждений Сулейменова о “главном народе”, “избранном народе”, то есть о семитах-иудеях... “Пикантность” ситуации заключалась в том, что при всей официальной борьбе советской идеологии с “сионизмом” подобные откровенно расистские пассажи беспрепятственно печатались и воспринимались тогдашней “либеральной тусовкой” как очередная тактическая победа в противостоянии с “режимом”, а любая попытка обратить на них внимание тут же квалифицировалась как проявление “антисемитизма”.

“В очень сложной обстановке приходится работать, – писал Селезнёв Вадиму Неподобе. – Но, слава богу, опыт понемногу приобретается, и нередко удаётся заставить считаться со своим мнением и своих, и чужих, как это было со статьёй об Олжасе Сулейменове, когда на меня набросились обе стороны: одни – как на “погромщика”, другие – как на неосмотрительного человека, вызвавшего бурю, которая может потопить и наши корабли. Теперь, когда после моего выступления книга О. С. получила отпор и со стороны “академиков”, все если не признали в душе мою правоту, то вынуждены считаться...”

Статья Селезнёва была напечатана в журнале “Москва”. И, думается мне, она стала предметом острого и содержательного спора между Вадимом Валериановичем и Юрием Ивановичем.

Кожинов был целиком согласен с иронически-негодующими замечаниями Селезнёва по поводу искусственных “тюркских” словесных конструкций, под которые Сулейменов пытался подогнать шедевр древнерусской словесности: “Искать и находить тюркские, как и многие другие, влияния можно, конечно, и в “Слове о полку Игореве”. Но тот способ изысканий, который предложил Сулейменов, не только антинаучен, но и обиден, думается, прежде всего, для самих тюркоязычных народов, создавших истинно свои, национальные, дышащие первозданно-неповторимой поэзией шедевры. Стоит только вспомнить стихи замечательного туркменского поэта XVIII века Махтумкули, чтобы понять: истинная слава культурной нации, народа создаётся не путём алхимических изысканий в чужих культурах, но творческим духом самой нации, на родной почве.

Но не слава предков и не забота о тюркском наследии движут пером О. Сулейменова. Его, например, совершенно выводит из себя теория А. И. Попова, сущность которой сводится к следующему: большую часть тюркских слов русские заимствовали у тех тюркских народов (торков, берендеев и др.), с которыми Русь давно и мирно жила в системе единого государства, единых интересов. Но такая естественная, “мирная” логика рассуждения почему-то вызывает активное возражение у О. Сулейменова. Концепция одностороннего, монологического по своей природе развития человечества как цепи заимствований “низшими” народами опыта “высших” и даже, если кому повезёт, “главного” или “избранного” – внеисторична по сути своей, это миф. Притом не первозданный, предшествующий историческому сознанию, но миф “современный”, в основе которого лежит нередко сознательный антиисторизм...”

(Кстати сказать, о статье Селезнёва очень благожелательно отозвался Дмитрий Лихачёв, со своей стороны устроивший Сулейменову печатный “академический” разс.)

Кожинову, правда, претила категоричность отдельных формулировок. И его отношение к немногим положениям книги Сулейменова было более сложным, чем у Селезнёва, в частности, к образу Игоря Святославича. Он находил здесь переключку с Бахтиным, черновые заметки которого читал как душеприказчик и наследник архива: “Слово о полку Игореве – это не песнь о победе, а песнь о поражении (как и “Песнь о Роланде”). Поэтому сюда входят существенные элементы хулы и посрамления (дело идёт о поражении не врагов, а своих). Этим определяется сложный состав этого произведения.

Основой жанра остаётся форма героической эпопеи (прославление героического прошлого дедов и отцов). Но предметом здесь служит “выпадение и из дедовской славы”. Отсюда фольклорные элементы “плача”, с одной стороны, и “посрамления” — с другой...

Для “Слова” характерно не только то, что это эпопея о поражении, но особенно и то, что герой не погибает (радикальное отличие от Роланда). Беовульф, сделав своё дело, погибает, Игорь, претерпев временную смерть (плен, “рабство”), возрождается снова (бегство и возвращение). Он ничего не сделал и не погиб...

Читая “Аз и Я” и критику Селезнёва (как и критику Аполлона Кузьмина в “Молодой гвардии”), Кожинов, не принимая все основные послы Сулейменова, стремился обуздать своё возмущение и обострял ум. Взаимоотношения Руси и Поля как Руси и Востока в целом с древних времён начинали всё более и более занимать его сознание, направляя творческую энергию по совершенно иному пути.

* * *

В диалогах с Давидом Самойловым и Александром Михайловым Кожинов не единожды упомянул имя Юрия Кузнецова, чья первая московская книга “Во мне и рядом даль” стала настоящим поэтическим событием.

Для Кожинова это событие имело свой смысл. Он уже не единожды говорил об исчерпанности так называемой “тихой лирики”, тонко отмечая перемену, которая произошла в поэтах, относящихся к этому направлению. И поэзия Кузнецова стала для него своего рода знаком проложения иных путей в отечественной лирике.

Он писал, что сложность кузнецовской поэзии — “онтологическая, бытийственная сложность... это совершенно новая стихия. В его поэзии нет внешнего “новаторства”, но она вся исполнена глубокой новизны”, ибо с в ней “выразились черты нового, только лишь начинающегося этапа развития поэзии в целом”. Позже он скажет, что поэтический образ Кузнецова “участвует в создании целостного мира... в котором лирический и эпический герой нераздельны, едины... в том пространстве тысячелетнего бытия, где творится История”, и в этом мире “личность меряется всемирно-исторической и вселенской, космической мерой”, посему его творчество “чрезвычайно многого требует от обращающегося к нему человека, в особенности если речь идёт о человеке с уже сложившимся отношением к поэзии”... Вот этого многого и не было, по сути, у абсолютного большинства критиков, писавших тогда о Кузнецове и — при всех выражаемых восторгах — предъявлявших к его стихам те или иные “моральные” претензии.

Творческая мощь Юрия Кузнецова (ему тогда было лишь немного за тридцать) поразила многих и многих.

*Европа! Старое окно
Отворено на запад.
Я пил, как Пётр, твоё вино —
Почти античный запах.
Твоё парение и вес,
Порывы и притворство,
Английский счёт, французский блеск,
Немецкое упорство...
И что же век тебе принёс?
Безумие и опыт.
Быть или не быть — таков вопрос,
Он твой всегда, Европа.
Я слышу шум твоих шагов,
Вдали, вдали, вдали
Мерцают язычки штыков.
В пыли, в пыли, в пыли.
Ряды шагающих солдат,
Шагающих в упор,*

*Которым не прийти назад,
И кончен разговор.*

Это поэма “Дом” — о нашествии двенадцати европейских языков на русскую землю в 1941-м, поэма, заставлявшая уже тогда по-иному взглянуть в историю Отечественной войны. Пройдёт немного времени — и Кузнецов взбудоражит литературный и читательский мир своей новой поэмой “Золотая гора”, которую он при первой публикации посвятит Николаю Рубцову и финал которой станет предметом многолетних жестоких споров.

*Увы! Навеки занемог
Торжественный глагол,
И дым забвенья заволок
Высокий царский стол,*

*Где пил Гомер, где пил Софокл,
Где мрачный Дант алкал,
Где Пушкин отхлебнул глоток,
Но больше расплескал...*

Герой (второе “я” поэта), достигший вершины золотой горы, поражает и восхищает своим властным и дерзким жестом.

*Он слил в одну из разных чаш
Осадок золотой.
— Ударил поздно звёздный час,
Но всё-таки он мой!*

*Он пил в глубокой тишине
За старых мастеров.
Он пил в глубокой тишине
За верную любовь.*

...Кожинов познакомился с Кузнецовым в 1975 году и, ошеломлённый и покорённый его стихами, тут же добился для него вечера в Малом зале Центрального дома литераторов, где Кузнецов читал уже знаменитые свои стихи — “Атомную сказку”, “Возвращение”, “Отцу”, “Елену”, “Макбет”, — а из небольшого зального пространства раздавались то восторженные крики, то реплики, исполненные недоумения.

И в “кожиновском кружке” Кузнецов сначала не встретил душевной близости, что подспудно отразилось в написанном в том же году стихотворении, символически названном “Прощание с Вадимом Кожинным” (не успев как следует сойтись, он уже готов был распрощаться):

*На повороте долгого пути,
У края пораженья иль победы
Меня ещё успели вознести
Орлиные круги твоей беседы.*

*Открылась широта и рубежи,
Уступы переливчатой природы,
Парение насмешки и души
В тумане мировой полукультуры.*

*Ноздрёвский жест, неверная струна,
Бредущая из юности по следу.
Могучая оглядка Бахтина
Отметила молчанием беседу.*

Точнейшее воплощение атмосферы кожиновских “посиделок”, где Кузнецов всё больше и больше становился незаменимым собеседником хозяина дома... А почему “прощание”? Да, наверное, потому, что не проходило воз-

никшее исподволь ощущение того, что жизнь этого “кружка” подходит к концу, ибо неумовимо меняется сам воздух этого прежде теснейшего духовного общения.

*А сколько лиц! А сколько голосов!
Ты промотал полжизни, не скучая.
Как пауза, Владимир Соколов
Возникнул, ничего не обещая.*

Это своего рода ответ на читанное в “кружке” новое стихотворение Соколова — “Даже в самой бессмысленной строчке безвоздушные паузы есть...” Соколова, который уже начал отходить от Кожинова и старого содружества, стремясь выйти из состояния своего “полупризнания”, в котором он писал свои лучшие стихи, и обрести признание полновесное, официальное, устойчивое.

*Не сосен шум твой тонкий слух привлёк —
Рубцовский стих угрюмо шевельнулся.
Но звук угас, как золотой намёк*

(не слышна ли здесь переключка со строками “Золотой горы” — о “навек замолкшем” торжественном глаголе, о Пушкине, “расплескавшем” драгоценный напиток?),

И Передрев горько усмехнулся.

Подвыпивший Анатолий Передрев, послушав тогда Кузнецова, крикнул ему: “У тебя есть в стихах дух, а души нет!” И Кузнецов ответил ему — уже давно ничего не пишущему — жёстким восьмистишием.

*Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?
Ты успел промотать свою чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.*

*И в дыму от Москвы по Хвалынское море
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?*

Кожинов, который “промотал полжизни, не скучая”, и Передрев, “промотавший чистую юность”, как бы объединились в его восприятии — восприятии немногословного однодума, только набравшего свой разбег по пути, ведущему к “золотой горе”.

Это “прощание с Вадимом Кожинным” растянулось у Кузнецова почти на три десятилетия.

Сам Кожинов в это время работал над книгой о Николае Рубцове для серии, выходящей в издательстве “Советская Россия”. Эта была первая книжка о поэте, из которой читатели получили полное представление и о судьбе поэта, и о значении его поэтического творчества.

“Добро и зло, — писал Кожинов, — беспрепятственно боролись между собой на его житейском пути, который привёл его к гибели. Но поэзия его выросла из той “безобидной” и “неоскорбляемой” части души, над которой не были властны внешние воздействия...”

Истинное существо поэзии Николая Рубцова — воплощение слияния чело века и мира, слияния, которое осуществляется, прежде всего, в проникающих творчество поэта стихиях света и ветра, образующих внутреннюю музыку. Истоки этой музыки — в тысячелетнем народном мироощущении и в то же время в неповторимом личном мироощущении поэта”.

Кожинов опровергал многие искажённые представления о поэзии Рубцова, сложившиеся в критической литературе. Так, он говорил, что “поэт более склонен к утверждению природной основы человека, нежели к очелове-

чиванию природы”, утверждал и основательно доказывал, что поэзия Рубцова не имеет никакого отношения к “деревенской” лирике (“Николай Рубцов – не “деревенщик”, а один из немногих наиболее значительных русских поэтов нашего времени”), писал о неоправданности тенденции отнесения поэзии Рубцова к “тихой лирике” (обоснованно относя к ней поэзию Анатолия Жигулина) и на всём протяжении небольшой книжки вводит читателя в мир рубцовской поэзии, открывая ему в ней незамечаемые поверхностным взором пласты.

Работа над этой книгой совпала по времени с кожиновским увлечением поэзией Кузнецова, и, казалось бы, столь внешне разнородные поэтические миры не в состоянии были бы уместиться в сознании критика отнюдь не всеядного, готового писать обо всём подряд (такovým, кстати, был Александр Михайлов)... Кожинов нашёл связь между ними в мире поэзии Тютчева, которому, как он справедливо утверждал, с разных сторон следовали и Рубцов, и Кузнецов.

Судьба и поэзия Тютчева всё более и более влекли его к себе. Многие открывалось уже в работе над книгой о русской лирической поэзии, и не за горами было начало работы над книгой о великом поэте и человеке, всё величие которого ещё не осознавалось ни историками литературы, ни читателями.

* * *

В 1975 году ушёл из жизни Михаил Михайлович Бахтин.

Последние годы, оставшись без жены, умершей несколько лет назад, он фактически доживал свои дни, поручив Вадиму Валериановичу весь свой архив. В последний путь его проводили на Введенское (бывшее Немецкое) кладбище в Лефортове, где в 1954 году упокоился ещё один любимейший писатель Кожинова – Михаил Михайлович Пришвин.

Незадолго до смерти он работал над составлением книги “Вопросы литературы и эстетики”, включившей такие фундаментальные работы, как “Проблема содержания и формы в словесном художественном творчестве”, “Слово в романе”, “Формы времени и хронотопа в романе”, “Из предьстории романного слова”, “Эпос и роман”, “Рабле и Гоголь”. Книга была сдана в набор в конце 1974 года, но увидела свет уже после кончины автора.

Кожинов взял на себя труд подготовки к печати многого из оставленного Бахтиным. Он внимательно вчитывался в его последние записи начала 1970-х годов:

“Речевые субъекты высоких, вещающих жанров – жрецы, пророки, проповедники, судьи, вожди, патриархальные отцы и т. п. – ушли из жизни. Всех их заменил писатель, просто писатель, который стал наследником их стилей. Он либо их стилизует (то есть становится в позу пророка, проповедника и т. п.), либо пародирует (в той или иной степени). Ему ещё нужно выработать свой стиль, стиль писателя. Для аэда, рапсода, трагика (жреца Диониса), даже ещё для придворного поэта нового времени эта проблема ещё не существовала. Была им дана и ситуация: праздники разного рода, культы, пиры. Даже предроманное слово имело ситуацию – праздники карнавального типа. Писатель же лишён стиля и ситуации. Произошла полная секуляризация литературы”.

Одна из самых существенных посмертных публикаций Бахтина – “План доработки книги “Проблемы творчества Достоевского” – состоялась в сборнике ИМЛИ “Контекст” в 1976 году.

Вадим Валерианович, видя, как сплошь и рядом искажаются и извращаются основные мысли Бахтина, предпослал этой публикации своё предисловие, в котором указывал, что “книга М. М. Бахтина была, к сожалению, понята многими её читателями и критиками как утверждение принципиального релятивизма художественного мира Достоевского” (в частности, он указывал на только что вышедшую книгу В. Библера “Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога”). “М. М. Бахтин, – утверждал Кожинов, – отнюдь не считал, что художественный мир Достоевского имеет релятивистский характер. Он даже явно несклонен был предполагать, что его книгу можно истолковывать в подобном духе”. И приводил слова самого Бахтина, не замечаемые его “критиками”: “Мы не видим никакой надобности особо говорить

о том, что полифонический подход не имеет ничего общего с релятивизмом (как и с догматизмом). Нужно сказать, что и релятивизм, и догматизм одинаково исключают всякий спор, всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм). Полифония же как художественный метод вообще лежит в другой плоскости”.

“Последний, конечный смысл художественного мира, созданного Достоевским, – писал Кожин, прямо следуя за мыслью Бахтина, – относится к бытию, а отнюдь не к “равноправным сознаниям” героев, которые представляют собою всего лишь отдельные субъективные порождения бытия”.

Здесь нельзя не сказать, что бахтинское наследие ещё при его жизни (я уже не говорю о времени после его кончины) стало буквально “раздёргиваться” на части, а термины, им употреблявшиеся, сплошь и рядом выдирались из общего контекста его работ. “Полифония”, “мениппея”, “карнавал” буквально загуляли по сочинениям разных авторов, пытавшихся применить бахтинскую терминологию в случаях, не имевших к сути бахтинской мысли никакого отношения.

Я столкнулся с этим ещё в студенческие годы. В нашей филфаковской газете “Комсомолия” проходило обсуждение вышедшего тогда на экраны претенциозного, пустого и, по сути, бездарного фильма Андрона Михалкова-Кончаловского “Романс о влюблённых”. И два образованных старшекурсника, ставших потом известными филологами, – Алексей Песков и Сергей Зенкин (с явной оглядкой на “старших товарищей”) – напечатали в этой газете совершенно восторженные отзывы на эту кинопродукцию. Слово “карнавал” кочевало в их заметках из абзаца в абзац. Выбранное из исторической реальности, оно было автоматически перетащено в наши дни, призванное создать впечатление “наследования Бахтину”.

Через 10 лет после кончины Бахтина Кожин столкнулся с Зенкиным на страницах “Литературного обозрения” (предметом обсуждения была только что вышла книга Владимира Фёдорова “О природе поэтической реальности”). Упрёки, которые предъявил этой книге Зенкин, заключались, по сути, в том, что автор книги (по мнению его критика) вышел “за рамки своей науки”, на чужую “территорию”. Кожин спокойно объяснил природу этих упрёков: “Спасение от этих обесценивающих все усилия литературных выводов за свои границы С. Зенкин находит в “поэтике” 20-х годов, которая провозгласила, что предмет науки о литературе вовсе не литература во всём богатстве этого понятия, а “литературность”... С. Зенкин... резюмирует, что истинный предмет науки о литературе – “художественность художественной литературы”...”

“Строго говоря, – подчёркивал Кожин, – эта постановка вопроса ущербна даже с чисто логической точки зрения, ибо пытается заставить науку о литературе изучать вместо литературы некий искусственно абстрагированный элемент последней...” Тем более, что “нельзя найти какое-либо оправдание тому, что С. Зенкин приписывает свою позицию Бахтину. Это можно объяснить только одним – простым незнанием бахтинского наследия... С. Зенкин попросту не понимает истинного содержания работ Бахтина и пытается втиснуть его в бесплодное русло “узкоэстетических”, чисто “литературных” попыток уловить “художественность” художественной литературы...”

Собственно говоря, непонятый и по-настоящему не прочитанный Бахтин “подвёрстывался” к совершенно несовместимой с его мыслью “поэтике 20-х годов” (очевидно, что здесь имелась в виду именно “формальная школа” ОПОЯЗа). Кожин сам признавался: он в своё время (в начале 1960-х) отдал немалую дань изучению “художественных текстов” как таковых – и эта методология была раз и навсегда отвергнута им в процессе постижения бахтинских трудов. “В бесчисленных современных работах, – указывал Кожин, – используются, так сказать, **плоды** деятельности Бахтина... Они попросту вставляются в ту или иную работу и обычно теряют при этом сколько-нибудь весомый смысл; чаще всего обнаруживается даже своего рода “несовместимость тканей”, и бахтинские термины провисают в пустоте... В. Фёдоров едва ли не впервые обращается не к плодам, но к методологическим **корням** бахтинской мысли, стремясь опереться на них, чтобы вырастить своё собственное научное “дерево”. Он мог бы по праву поставить эпиграфом к книге рассуждения Бахтина о том, что произведение надо исследовать “не как объект, предмет... но как живое художественное событие...”, и именно как такое оно и должно быть понято и познано в самых принципах своей ценностной

жизни, в его живых участниках, а не предварительно умерщвлённое и низведённое до голый эмпирической наличности словесного целого”...

(Владимир Викторович Фёдоров до конца своих дней работал в Донецком университете, издавал книги, которые регулярно присылал Вадиму Валериановичу... Тот же не раз говорил различным собеседникам — что его труды единственное исключение среди филологов, исключение в том, что продумывает дальше идеи Бахтина... В отличие от многих “сослуживцев” Фёдоров не покинул Донецк и во время украинских бомбёжек, продолжал читать лекции и заниматься со студентами — и умер в преклонном возрасте, как солдат на своём посту.)

Пройдёт ещё 10 лет — и уже в совершенно другую эпоху и в другой России Кожин в диалоге с Сергеем Георгиевичем Бочаровым и Никитой Ильичом Толстым скажет о Бахтине:

— Замечу, в основе мышления Бахтина (и это ещё одно свидетельство его глубочайшей религиозности) лежит идея *незавершимости* — незавершимости человека, незавершимости бытия, незавершимости мира. Самое поразительное, что Бахтин стремился совершенно и чеканно воплотить это самое незавершимое... Он вообще считал, что мы приближаемся к какому-то ядру бытия, но никогда к нему не сможем приблизиться. Даже говорил, — правда, эта мысль мне и сейчас понятна не до конца, — что ядро бытия как бы отходит по мере нашего к нему приближения.

(Михаила Михайловича Бахтина я видел один раз в жизни при весьма парадоксальных обстоятельствах.

Как известно, школьники несколько раз в год собирали макулатуру. Я, как и другие мои одноклассники, обходил квартиры с просьбой отдать ненужные газеты. Начал, естественно, со своего подъезда в доме 21 по Красноармейской улице.

Позвонил в квартиру на первом этаже. Дверь мне открыл низенький, лысый, неприветливый старик, опиравшийся то ли на палку, то ли на костыль.

— У Вас нет макулатуры?

— Какого чёрта?! Каждый день! — прорычал он и захлопнул дверь.

Я повернулся и пошёл по площадке, но далеко отойти не успел. Дверь распахнулась, и мне в спину полетела пачка бумаг. Запомнилось только, что это были какие-то исписанные листы.

Только через несколько лет я узнал, что встретился лицом к лицу с Бахтиным. И до сих пор терзает мысль: неужели я отнёс в макулатуру его черновики?!

МАКСИМ ВАСЮНОВ

СОБРАТЬ ЧЕЛОВЕКА

*К 150-летию писателя, автора самых длинных дневников
в русской литературе Михаила Пришвина*

Когда шесть лет назад вышел последний том дневников Михаила Пришвина, охватывающих пятьдесят лет русской истории — с 1905-го по 1954 годы, — я только познакомился с главными хранителями наследия писателя, сотрудниками его дома-музея в Дунине. Мы были уверены тогда, что вот сейчас проснётся интерес к Пришвину, что вот сейчас-то Россия, наконец, узнает, что это был не только певец природы, но и глубокий мыслитель, объективно рассказавший о самом драматичном периоде истории — революции, войны, коллективизация, индустриализация. А разве не объективный взгляд на наше прошлое нужен нашему настоящему, в котором снова так смело и резко стали делить друг друга на красных и белых, своих и чужих?

Оказалось, что нет, объективность не нужна. И глубокая мысль тоже ещё нам не по силам. И даже красоту родного языка далеко не все способны оценить. Потому Пришвин по-прежнему не открыт, и дневники его читают лишь единицы, гуманитарии, те люди, кто умеет и хочет разбираться в прошлом, но чей голос так же не слышен в настоящем, как и голос Михаила Михайловича.

Мы живём в эпоху, когда глубина крайне не востребована, а на каждого взыскующего её смотрят с лёгкой улыбкой: “Ну, сумасшедший, чё возьмёшь”.

Пришвина и при жизни называли странным. Прежде всего, за то, что он старался держаться подальше от столичного бомонда, на писательские собрания предпочитал не ездить тоже, часто прикидывался больным, глухим, каким угодно — лишь бы отстали. Время он предпочитал проводить или за письменным столом, или же в прогулках со своим фотоаппаратом, про который говорил: это моя вторая записная книжка.

Да, при этом у Пришвина уже в зрелом возрасте была и машина, и большая квартира в Лаврушинском переулке, и дом после войны в Дунине. Успешный советский писатель. “Тоже мне оппозиционер”, — реагируют обычно те, кто делит мир на полюса, но в том-то и дело, что Пришвин не был оппозиционером, но и власти многотомные серенады не пел.

Пришвин — это Пришвин, гора, глыба, молчащий до поры колокол, он выше и громче всех политических, журналистских и даже литературоведческих ярлыков. Давайте это примем за аксиому перед тем, как погрузимся в его судьбу и в его дневники.

* * *

Чтобы понять значение для культуры Пришвина, возьмём пример из наших дней. В январе 2023 года в интернете активно обсуждалось открытое письмо скрипача экс-музыканта группы “Аквариум” Андрея Решетина лидеру

группы Борису Гребенщикову. Решетин отправился добровольцем на Донбасс, там его быстро перевели в военные концертные бригады, а Гребенщиков, как мы знаем, занял другую сторону, и в одном из интервью наговорил гадостей про Россию и русских. Решетин ответил. И есть в его ответе одна фраза, которая меня долго не отпускала: “Я воюю. Смычком, но он стоит автомата”. Я вспомнил, как недавно своими глазами видел раскуроченные окраины Донецка и Макеевки, руины Мариуполя, пепел и кирпичи на том месте, где когда-то росли цветы. Я вспомнил глаза тех, кто только что пережил обстрелы, и тех, кто только что вернулся “оттуда”. Так говорят в Донецке: “ленточка”, “фронт”, “война” – слишком обжигающие здесь слова. Ещё я вспомнил, как мы ехали с музыкантами Донецкой филармонии по той же Макеевке, все прекрасно понимали, что “прилететь” может в любой момент, и никто ничего не успеет понять – новые снаряды не оставляют времени даже для молитв. Но все улыбалось и лишь крепко держали свои скрипки, трубы, виолончели. Музыканты ехали в один из тыловых городов, где слышна канонада, но где не стреляют. Здесь они записали новогодний концерт для жителей Донбасса. Знаете, как скрипка звучит на фоне канонады?

Поэтому, когда я прочитал о том, что “смычок стоит автомата”, я сразу понял: автор остался художником. И его скрипка точно громче канонады.

Пришвин тоже был на войне, и не на одной, на Первой мировой работал военным корреспондентом, на гражданской много раз едва не погиб, пробираясь из Петрограда вглубь России и обратно. В Великую Отечественную он уже был в преклонном возрасте, но ужасу войны нет разницы, на ком отыгрываться. И, конечно, грохот канонады был для него в те годы привычнее радио. А ещё вспомним, что совсем молодым человеком Михаил Михайлович побывал в тюрьме – распространял революционную литературу. Добавим сюда нищету и пропитанный страхом воздух, которые он пережил сразу после революции, и после этого прочитаем любую строчку его дневника, вот, например, 13 августа 1921 года: “При первом свете падали звёзды. Чистый восход. Жгуче-холодная роса. Первое осеннее токование тетерева”. Это скрипка. И тут же идёт “канонада”: “Слышно в глушь, как бегут большевики и наступает армия “дельных” людей, разных кооператоров, торговцев, специалистов и т. п.”.

И последняя фраза той дневниковой записи: “Служить – значит доказывать свою любовь”.

Слово в слово за Пришвиным эту мысль повторил и ушедший на войну музыкант. Его журналисты не поняли, спрашивали в интервью о каких-то делах, о делах, о здоровье.

Люди, которые против войны идут со смычком или словом, – всегда не понятны. Пришвин в том же строю – тех, кто всегда смотрел дальше дымящегося горизонта, понимая, что любое безвременье закончится и самая страшная война рано или поздно остановится, и нужно будет снова “собрать человека”.

“Нужно собирать человека, как землю собирали цари”, – скажет он в революционные годы. И на эту же тему ещё много будет разных размышлений, которые дают понять нам, читателям, что именно для “сборки” этой Пришвин и писал свои дневники. Для “сборки” тех, кто придёт после.

История всегда повторяется – это сказали миллионы мыслителей, но как выжить в этой истории – об этом говорят лишь единицы.

Послушайте, как актуально звучит запись дневника от 2 ноября 1941 года: “Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне на душе хорошо. Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, и всё взорвано, страна пуста, как во время татар или в “Слове о полку Игореве”. И вот оно, Слово, лежит, и я знаю – по Слову этому всё встанет, заживёт. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а Словом всё делается”.

Повторим вслед за Пришвиным – Словом “собирается” человек.

Если взглянуть вглубь веков, то мы увидим, что именно об этом говорили древнерусские книжники, те самые, многие из которых даже не подписывались своими именами, потому что считали, что Слово – оно от Бога, а они лишь записывают. Что Слово это для человека, а говорить с человеком буквами может только Богочеловек. К разговору этому были и свои требования – он должен быть осмыслен, то есть о смысле жизни, он должен будить

совесть, должен открывать присутствие Бога в каждой капле росы, в том числе если капля эта обагрена кровью. Чтобы так писать, одного таланта было мало. Отсюда выражение, пришедшее к нам всё из той же древнерусской культуры, — искусство жить. Искусству жить книжники уделяли больше всего внимания, именно об этом они заботились. Не случайно все древнерусские писатели, вошедшие в историю мировой литературы, стали святыми — в любой другой литературе такого нет. Древнерусские традиции продолжил Пушкин и многие представители Золотого века. С того момента, как Александру Сергеевичу показали фундамент, на котором выросло русское слово, пошли все его великие стихи, поэмы, повести и сказки. С подражательством было покончено.

С Пушкина пример взяли не все, но всё же традиция не умерла. Тот же Чехов. От Чехова эстафету подхватили Паустовский, Зайцев, Шмелев... И — Пришвин. Вполне традиционный русский писатель. Да и кто, если не русский писатель, мог вот так чувствовать и мир, и своё призвание: “Записывать жизнь моей тропы в связи с движением солнца и всей вселенной” (1942 год). Или: “Искусство есть способность человека изображать предмет своей веры и любви” (1921).

Для понимания отношения Пришвина к писательскому призванию приведём его письмо Константину Паустовскому, оно написано в 1949 году.

“Дорогой Константин Георгиевич!

Мне случилось на днях прочесть Вашу книгу “Новые рассказы”, и мне эти рассказы так пришлись по душе, что я решил Вам это сказать. Первое, — мне дорого, что Вы являетесь настоящим поэтом, и ещё более — поэтом, распятым на кресте прозы. Второе: сюжет у Вас выходит сам, а не “торчит” вне Вас, как приём ремесленника для привлечения масс. Эко диво написать по шпаргалке! Ты напиши, как Чехов “Степь” написал, — никакого сюжета, а как хорошо! У Вас это есть.

Я читаю Ваши рассказы, вкушая слово за словом, потому что рассказы Ваши есть песни вашей души, а из песни слова не выкинешь. И, наконец, в Ваших рассказах я чувствую народность в моём понимании русского народа. Я тоже понимаю, что народ наш, как, быть может, всякий народ, в существе своём таит идеал целомудрия. Но только настоящему поэту доступно это целомудрие, потому что до общего слуха от нашего народа долетает только безобразная ругань. Есть писатели, выставяющие скотский цинизм в отношении любви как свидетельство своей народности... Увы. Есть и такие. Но Вы, подобно Чехову, являетесь в своём творчестве истинно народное целомудренное ощущение действительности. Много есть в Ваших рассказах что-то подобное живице, бальзаму хвойных деревьев. Я это чувствую по себе, по своим ранам, на которые попадают Ваши слова”.

Разве это не письмо о том, что русский писатель должен лечить раны, как музыкант, как священник, как Учитель и Врач. Поэтому к строкам хорошего писателя мы тянемся в трудную минуту. Сегодня как раз такая. И это повод открыть Дневники Пришвина.

Тот же Паустовский как-то рассказал в своих воспоминаниях: “Однажды Пришвин сказал мне, что всё, напечатанное им, — сущие пустяки по сравнению с его дневником, с его ежедневными записями. Он вёл их всю жизнь. Эти записи он главным образом и хотел сохранить для потомства”.

* * *

Признаться, изначально я хотел привести больше пришвинских записей революционных лет и времён гражданской войны. Но понимаю прекрасно, что они в большей степени, как и все объективные наблюдения, посеют лишние распри. Они сегодня нам не нужны. Поэтому долго на этой теме останавливаться не буду. Но акценты расставить стоит.

Расхождения с большевиками началось сразу после Октябрьской революции, к Февралю писатель отнёсся благосклоннее. Про Ленина Пришвин говорит “убивец”, “голый вор”, про время — “тьма”. Жутко листать его дневники и публицистику 1917 года. “Вот уже двенадцатый день на троне сидит Аваддон”, “День прошедший, тринадцатый день сидящего на троне Аваддона”...

Или, например, такое предложение на “десять лет расстрела”: “В большевизме теперь всё черносотенство, подонки революции и подонки царизма смешались в одну кучу говна с воткнутым в него флагом интернационализма”.

А в очерке “Поверочный молебен” один из героев заключает: “Вот времена-то настали: раньше попы чертей судили. А нынче черти судят попов!”

В революционных временах Пришвин, как и религиозные философы того времени, видит признаки апокалипсиса. “Вероятно, мы находимся накануне второго пришествия, когда Он явится во всей славе и разрешит наше ужасное недоумение или же совсем не явится и будет сдан совершенно в архив. Человечество сейчас находится в тупике, и самый искренний (несахарный беллетрист) художник может изображать только тупик” (Дневники, том 3, 1920–1922).

Пришвин, на тот момент от церкви отошедший, главной причиной этого “тупика” называет безнравственность народа, который отверг и крест свой, и цвет свой. Именно так – “Цвет и крест” – называется книга, написанная Пришвиным после революции (издана только в XXI веке). В ней есть слова, которые, я уверен, будут изучать наши потомки на уроках истории и литературы. Истории – понятно почему, а вот с литературой всё ещё интереснее. Вот два фрагмента, один – хорошо известный, другой – пока не очень.

“Слышится отдалённый звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву” (Чехов, “Вишнёвый сад”, 1903 год).

“Вырвался, повидал Русь – нет ничего, обманула весна: везде раздоры, делёжка, обманный крик на мираж: “Земля, земля!” – и нет земли, цвет измят, крест растоптан, всюду рубят деревья, как будто хотят себе рубить новый крест – орудие казни позорной” (Пришвин, “Цвет и крест”, 1918 год).

Налицо явная “переключка” двух крупных русских писателей. В ней сочный образ эпохи. После революции получившие власть крестьяне начали уничтожать сады – не только под картошку, но как символ прошлого. “Стук топора” несомненно звучит в записях Пришвина за 1917-й и 1918 годы, то его личный сад рубят, то его соседей: “диктатура босоты” не щадит никого...

С новым – без цвета и креста – раем писатель мириться не хочет, но и об эмиграции не думает: в молодости наездился, посмотрел Европу, не его это. Да и куда проще покинуть родную землю и со стороны пытаться разобраться в сути катастрофы, куда тяжелее и опаснее делать это, находясь в гуще событий. “Правда, как-то после краха всей христианской культуры стало бессмысленно жить, – пишет он в начале тридцатых в своём дневнике. – И вот эта необходимость привести жизнь современную к относительной ясности и прочности является единственным смыслом нашего мрачного, жестокого существования”.

Со временем отношение к советской власти смягчается: “Живу в советском государстве, как на капусте подсолнух: земля подходящая, можно расти, но...” (10 августа, 1937 года). Здесь Пришвин оставляет многоточие.

Впрочем, внимательный читатель дневников понимает, что за этим “но”. Пришвину не по душе отношение к личности: индустриализация потребовала от человека нечеловеческих усилий, но кажется, усилия эти никто не оценил, более того – в стране развернулась кампания по борьбе с вредителями. Государство так и не приняло того факта, что люди не из железа.

Запись от 12 августа 1937 года: “Темпы ставят вопрос о личности. Чекисту кажется это сопротивление инженеров леностью, инертностью, переходящей во вредительство. На самом же деле весь человек, вся личность инженера была связана с ритмом прошлой эпохи, и чтобы ему войти в новый ритм жизни, ему надо было выйти из себя, что значило почти то же самое, что жильцу 10 этажа броситься из окна вниз в какой-то кипящий чан с такой верой, что не разобьёшься, не сварись, а сделаешь великое дело и сам сделаешься другим, лучшим человеком. Но нужно ли, возможно ли выйти из себя? И как это сделать? Надо ведь не уважать себя, чтобы желать выйти и стать не самим собой, а другим...”

Ещё показательная запись на эту тему (тот же 1937 год): “Изменение чего-либо в человеческой жизни начинается с личного действия, вот отчего происходит почитание героев, царей и т. п., и отчего в советском государстве личное действие (“спец-человек”) взято было на учёт (“парт-человек”); от героя, царя и т. п. остался “спец-человек”. И вот этот процесс обезвреживания всякого рода спекуляции – торговой, политической, нравственной – проник

и в смежные высшие области: религия, искусство, наука – всё было взято на учёт. Мерилом всяких качественных ценностей стала полезность данному моменту советского строя”.

Система не щадит не только живых, но и мёртвых. Пришвин в том же 1937 году подмечает следующее:

“На днях читал в “Правде”, что из Александро-Невской лавры сделали “Некрополь” и свезли туда могилы замечательных людей: Чайковского, Даргомыжского, художников, поэтов. Но среди замечательных людей не было, напр<имер>, имени Пушкина, значит, Пушкина тронуть не посмели. Правда, как тронуть могилу, если покойник отпет? Неужели же их теперь отпевали? И ещё хуже, если прошло сто лет и могила стала подробностью ландшафта? Мерзость эта вскрывает силы, которые повёртывают все революции вспять: это силы могучих неповинных мертвецов, которых толпа по невежеству оскорбляет вместе с живыми мёртвыми, действительно виноватыми в том или другом”.

Каково? Будто бы комментарии к современным новостям листаешь.

В 1937 году есть и такая запись, тоже о великих мертвецах: “Читал о Гёте и думал о Розанове, что один на пьедестале, а другой без памятника, и место, где зарыт, забывается: нет никакой отметины на месте могилы, и ежедневно там по этому месту люди ходят”.

С Розановым у Пришвина своя, особая драма. Судьбы их пересеклись в гимназии города Елец, где Розанов преподавал историю и географию, а Пришвин учился. Поначалу они восхищались друг другом. Миша говорил, что Василий Васильевич “самый нежный тихий человек”, и Розанов даже заступился однажды за будущего писателя – благодаря чему того из гимназии не исключили, но в итоге Пришвин довёл даже Розанова, угрожая ему расправой, если тот поставит “неуд”, и тут уже Василий Васильевич сам настоял, чтобы духу этого мальчишки больше в этом учебном заведении не было. Потом они уже пересекались в Москве, на заседаниях Религиозно-философского общества, и в их отношениях снова наметилась “тишь да благодать”. Малоизвестный факт, но по иронии судьбы именно благодаря дневникам Пришвина мы знаем точное место могилы Розанова. После того как философ умер от голода в Сергиевом Посаде, его похоронили на кладбище Черниговского скита, рядом с могилой Константина Леонтьева. В советское время скит превратили в исправительно-трудовую колонию. Воспитанники этого учреждения могилы мыслителей снесли и вытоптали. К счастью для нас, потомков, переехавший в Сергиев Посад (тогда уже Загорск) Пришвин оставил в дневнике за 1927 год запись под заголовком “Могила Розанова”, где подробно, пошагово, описал, как найти её, если “отморозки” не оставят от могил даже следа.

Пришвин проживёт в Загорске до 1937 года, это будет плодотворная пора для него как для “стрелочника времени”, как для бытописца эпохи. Одни из самых драматичных записей посвящены тому, как сбивали колокола с колокольни-свечки Троице-Сергиевой лавры. Об этом нужно написать отдельный очерк, тем более что его есть чем проиллюстрировать, – Пришвин, будучи талантливым фотографом, мимо такого кощунства пройти не мог, – мы имеем сегодня десятки снимков этого преступления. “Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и всё полетело: по всей стране идёт теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей”, – пишет Пришвин 16 января 1930 года. Под “лучшими силами” он, сам краевед и исследователь, имел в виду, например, архитектора и реставратора Петра Барановского, художника и искусствоведа Игоря Грабаря, или, например, совсем никому не известного, но знаменитого писателю Михаила Смирнова из Переславля-Залесского, который сумел на глазах у большевиков собрать со всей округи художественные и церковные ценности и всё это “спрятать” в основанном им же краеведческом музее. Большевики не сразу, но поняли: Смирнов не ради настоящего трудится, а ради прошлого и будущего, и в том же 30-м году, когда полетели колокола в лавре, историка арестовали. Пришвин знал об этом. И на фоне произошедшего трагедию в главном русском монастыре воспринял как ещё один повод для того, чтобы осмыслить трагедию всей страны: “А то верно, что Царь, Годунов и Корноухий (названия колоколов. – М. В.) висели рядом и были разбиты падением одного на другой.

Так и русское государство было разбито раздором. Некоторые утешают себя тем, что сложится лучшее. Это всё равно, что говорить о старинном колоколе, отлитом Годуновым, что из расплавленных кусков его бронзы будут отлиты колхозные машины и красивые статуи Ленина и Сталина...” (запись от 28 января 1930 года).

А ведь так и говорили. Однажды в архиве газеты “Козельск”, которая издавалась у стен другого русского монастыря – Оптиной пустыни, – в “Рубрике атеиста” я прочитал восторженные возгласы о “переплавке” колоколов в памятники вождям пролетариата. Пришвин и в этом был точен, я бы сказал – пророчески точен.

* * *

Но вернёмся к дневникам времён Великой Отечественной войны; мне представляется, что они сегодня нам всем наиболее полезны.

Через месяц после начала войны, 22 июля, Александр Фадеев, в ту пору занимавший должность секретаря Союза писателей СССР, предлагает Михаилу Пришвину эвакуироваться в Алма-Ату, но тот отказывается. Он уезжает в знакомые по охоте места под Переславлем. Вместе с ним уезжает и его жена, Валерия Дмитриевна, легендарная личность в истории литературы, – это благодаря ей дневники Пришвина спасены и изданы, но об этом позже.

Пришвины поселяются в деревне Усолье, снимают две комнатки в частном доме, это здесь он напишет свою знаменитую “Кладовую солнца”. И здесь же будет продолжать главное дело своей жизни – дневники. За ними, кстати, ему придётся специально съездить в октябре 1941 года в Москву. И так совпало, что именно в эти дни в столице архивы – от коммунальных книг до государственных реестров – стали главным топливом, и спасение дневников отдельного писателя Пришвина в этом контексте – не просто строка из биографии, а уже метафора. “Государство сжигает своё слово, а я, личность, с великим риском для жизни выхватываю своё Слово [...] пусть не Слово, пусть словечко, а всё-таки они жгут, а я берегу”.

Слову он посвящает и все четыре года войны, это была во многом его жертва, продиктованная тем самым искусством жить: никто не заставлял уже слабого и больного писателя “воевать” за письменным столом в холодной комнате за будущее. Но как и любой большой художник, как, наконец, русский художник, он не мог снять с себя ответственности за происходящее и не мог позволить себе просто отсидеться, как это делают в наши дни более здоровые и очень обеспеченные “креативщики”.

“22 ноября 1941. Если теперь в мире царствует ужас, то это оттого только, что нет Слова, чтобы назвать своим именем и рассеять мрак светом. Но почему же Слово не может родиться? Потому что Бог поручил Слово человеку, а человек, весь человек распят и молчит”.

“15 ноября 1941. Может быть, больше всех злодей ты сам, не отдавший жизнь за необходимое огненное слово”.

Лексика военного дневника, а также глубина мыслей писателя Пришвина рифмуются с произведениями древнерусских книжников. А главное – с их образом жизни. Однажды Пришвин шёл 30 верст пешком по занесённой дороге в древнее Усолье, где-то за лесами спал в снегах ещё более древний Переславль, и здесь, посреди замороженного прошлого, под одной луной, старец Пришвин (а он и по возрасту уже приблизился к старцам) размышлял и вспоминал о себе. Вот о том, как он занялся литературой: “Я тогда ограничил жизнь свою до крайности, я выключил из неё то радостное, что есть у всех, чем все люди держатся на земле. Может быть, я стал бы маньяком, графоманом, если бы не сила родственного внимания, любовь к природе, создаваемой человеком при помощи Бога. Это была несознаваемая вера, надежда, любовь, опередившая ритм жизни, то самое, чем богат всякий немудрящий простак”.

И вот ещё из правил жизни писателя: “Трогательная простота и смирение, оберегавшие меня от искушения славы, учительства, самолюбия, зависти и тому подобных бесов, искушающих всякого художника. Смысл всего моего писательства заключается в формировании в себе “мужа” (недаром в английском переводе повесть “Жень-шень” была названа книгой мужчины)”, – это можно прочитать в дневниках за декабрь 1941 года.

Другими словами – в стремлении “собрать человека” Пришвин сначала преуспел сам – как и бывало во времена древнерусских писателей-монахов, которые учили только своим примером.

Я лишь хочу ещё раз подчеркнуть: Пришвин из нашей традиции. И войну встретил так, как и должен был встретить русский писатель: “12 декабря 1941. Сейчас идёт война всего земного шара, потому что в беде, постигнувшей нас, весь мир виноват. В этом и есть историческая задача большевиков – вскрыть язвы всего мира и нужду в спасении сделать всеобщей”.

Прочитайте эту запись ещё раз. А потом почитайте комментарии в социальных сетях уехавших из России после начала специальной военной операции. На мой взгляд, Пришвин гораздо убедительнее в том, почему, даже если тебе не всё нравится в твоём государстве, бросать его в столь тяжёлое время – последнее дело. Не по-русски это.

Всё дело – в понимании, каким “бальзамом” (читаем выше письмо Паустовскому) могут быть произведения писателя для его же народа. За несколько месяцев до начала войны Пришвин фиксирует в дневнике: “Я считаю для советского писателя современным не только самый факт строительства как обороны страны, но и создание в душе нашего советского человека той радости, того праздника жизни, с которым легко и строить новую жизнь, легко, если придётся, и умирать за неё”. И ещё раз об этом же: “Я сам убеждён, что моя “природа” есть и школа жизни, и праздник. Он необходим для рабочего, чтобы строить, для воина, чтобы бороться...” До войны Пришвина не понимали, и его “Лесную капель”, в которой он, кстати, впервые использует свои дневники, не издали, даже до конца не напечатали в “Новом мире”, но уже в 1943-м, когда пришло переосмысление, когда власти убедились, что книга посильнее танка, сборник пришвинских рассказов дошёл до читателя. “Весь день я ходил радостный, и в моей душе это было концом войны, и я смотрел на улице людей и по себе узнавал тех, у кого радость и, значит, конец войны”. Книгу советские люди встретили как что-то своё родное, но забытое, и вот теперь вновь воскрешённое – с ними поговорили по душам о них же самих; столь же сильным произведением о людях станет написанная Пришвиным в годы войны “Повесть нашего времени”.

Перелом, тем временем, случился и на фронте. Пришвину больше не было нужды оставаться в Усолье, хотя ему он благодарен был за многое. Я не удержусь и приведу ещё один абзац – прозрение, которое посетило писателя и философа во время войны в глубине переславских лесов:

“... можно себе представить, что в начале творения мира был создан кристалл, какой-нибудь Адамант, который, падая, образовал из себя бесчисленные формы круглых миров. И наша планета Земля есть одна из упавших капель тающего в огне кристалла. И вот почему истинное искусство носит в себе идею вечности и бессмертия: потому что всякая творческая сила искусства есть сила кристаллизации, это сила обратного восстановления упавших в округлые формы к изначальным и вечным формам кристалла. И всё живое на свете существует как попытка выйти из круглого состояния в те прямые, из которых складываются кристаллы”.

* * *

В 1943-м Пришвины вернулись в Москву, и уже в столице встречали новости с фронтов, здесь же Михаил Михайлович впервые услышал 8-ю симфонию Шостаковича. Это был момент, когда два художника встретились, кода смычки и перо сплелись в едином победном знаке; неудивительно, что Пришвин один из немногих, кто понял эту симфонию. Она была о вечности жизни. О том, что художник, будучи творцом, превосходит время, даже самое чуждое, даже пропахшее пеплом время войны.

“Сам Шостакович – маленький человечек, издали будто гимназист шестого класса, капризное дитя современности, вместивший в себя весь ад жизни с мечтой о выходе в рай. Но то ли будет, когда люди пробудятся! Публике, кажется, симфония не очень понравилась, а может быть, ещё не разобрались и были в недоумении”.

Маленький человечек Пришвин тоже победил, потому что верил, потому что пахал и потому что любил. Потому что нашёл в себе силы и мудрость собрать русский кристалл. И потому, что не забыл про поэзию Слова.

Чего из этого не хватает нам сегодня? Если по совести, то мы даже понятия эти перед новой войной спрятали в бабушкин сундук и доставали их лишь на красочных, но пустых реконструкциях, как великосветские дамы некогда доставали фанты из боливаров.

* * *

“Михаил Пришвин, конечно, рассчитывал, что когда-нибудь его “кладовая” мысли будет настолько же популярна, как и его “Кладовая солнца”. И тогда все узнают о нём не только как о певце лесов и ёжиков, а как о большом и настоящем писателе. До последнего верила в это его супруга Валерия Дмитриевна; овдовев, она двадцать лет расшифровывала гигантский труд своего мужа. Затем, опасаясь обысков, приобрела металлические ящики, сложила в них весь опасный архив Пришвина, запаяла и закопала.

Валерия Дмитриевна не дождалась, когда дневники можно было бы извлечь на свет.

Лишь когда был отменен закон о цензуре в 1990 году, хранители дома-музея Михаила Пришвина взялись за сверку расшифровок и издание рукописей писателя. Здесь “Дневники” ждали новые испытания, на преодоление которых ушло ещё без малого 26 лет.

— Самое тяжёлое в нашей работе было осмыслить этот дневник, — рассказывают хранители дома-музея Пришвина в Дунине. — Нам совершенно не на что было опереться. Если о Пушкине, Гоголе, Толстом написаны тысячи книг и статей, то о Пришвине вообще никто ничего не писал, и “Дневники” никто никогда не читал. А потом начались проблемы с финансированием и с издательствами — была целая эпопея, они то закрывались, то отказывались...

Ещё годы уйдут теперь на то, чтобы пришвинские дневники — они уместились аж в 18 томов — были прочитаны и осмыслены читателями.

Зато больше не нужны железные ящики — они отныне музейные экспонаты.

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

ДВИЖЕНИЕ К СОЛНЦУ

К 150-летию М. Пришвина

1

Музыка много определяла в его жизни; в юности игравший на мандолине, Пришвин почитал музыкальные ритмы той силой, что определяют и жизнь, бытование человека на Земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли. Потрясающего его вагнеровского “Тангейзера” писатель слушал бессчётное число раз...

Сплошная сила литого, золотого звука великого немца!

Пришвин, казалось, стремился так же строить тексты свои – сплошным музыкальным потоком, добиваясь комбинационного эффекта ясности и глубины.

Звук вёл мысль, и звук выстраивал пейзаж, который Пришвин, чувствуя необыкновенно, превращал в кадры солнца...

Он и фотографией увлекался страстно: и первую свою книгу “В краю непуганых птиц” проиллюстрировал собственными фотоработами.

...Удивительный – прорастает в реальность – “Жень-шень”: таинственный корень, с которым связано так много легенд и такое количество удивительной правды.

Повесть Пришвина ткётся с той мерой искусства, когда мастерство незаметно, завораживает результат: кажется, ни у одного писателя не было в арсенале столько слов для описаний природы...

Её живая плазма переливается огнями музыки и поэзии так, будто за каждым листком стоит неповторимость собственной судьбы, а все вместе объединяются они в богатство единого человеческого древа.

Волшебно проходят пятнистые олени...

“Кладовая солнца” укрупняет один день до величины поэтического произведения: без рифм, разумеется...

Финал войны, сироты, ведущие нехитрое хозяйство, сошедший снег, дети, собравшиеся за прошлогодней клюквой...

Параллельно идёт история двух собак, оставшихся жить в лесу в силу ряда обстоятельств.

Будет трагедия, однако с благополучным исходом: конечно, дети пересекутся с одной из собак, что останется жить у них; и расцветут волнующие, волшебные цветы музыки, и... ясности, торжественности природных чудес и волхования слова.

Пластика пришвинского стиля велика, он придаёт словам почти осязаемый физический вес – словам, словосочетаниям, суммам фраз...

Он писал о животных так, будто ощущал характеры их, видя в каждом индивидуальность.

Он украсил историю русского художественного слова настолько немеркнущими произведениями, что свет, идущий от них, только разгорается с годами...

Он чувствовал рост трав, их мистическое — и такое земное — движение к солнцу; он ощущал каждый листок: видя целостность великолепной массы и зная, насколько состоит она из отдельных элементов; он входил в храм природы благоговейно как писатель, прежде всего, но и — как фотограф. . .

В шуме леса отражалась вагнеровская мощь, а Пришвин чрезвычайно был увлечён музыкой великого немца.

. . . Ярок и буен был отец Пришвина: он разводил орловских рысаков и выигрывал на бегах, увлекался цветоводством, создавая удивительные орнаменты из естественных даров природы, был страстным охотником, изрядным садоводом; однако, проигравшись в карты, продал конный завод и заложил имение, и умер, разбитый параличом. . .

Мать Пришвина происходила из старообрядческой семьи: и градус каления, когда речь шла о достижении цели, вероятно, шёл от этого корня.

Ей удалось выправить положение дел и дать детям достойное образование.

Разными путями шёл Михаил Пришвин, учась, постигая жизнь, её корневые основы; разные пути постепенно сходятся к пантеону творчества, войдя в который обретается понимание цели и смысла бытия.

Творчество!

Сколь сильно наэлектризовано благородным светом сие понятие. . .

В 1907 году Пришвин становится корреспондентом газеты “Русские ведомости”.

Он много путешествует, этнография и фольклор влекут его своими сияющими лентами; он сотрудничает с разными газетами, много публикуется, постепенно становясь известным в литературных кругах; знакомится с М. Горьким и Дм. Мережковским, А. Ремизовым и А. Н. Толстым.

Автобиографическая повесть “Мирская чаша”, поначалу отвергнутая редакторами, рассказывает о странствиях и захватывающих увлечениях писателя; она полна разнородным содержимым, которое, алхимически работая, и составляло огромную личность великолепного Пришвина.

Охота и краеведение, становясь сильными страстями писателя, определяют появление серий очерков и рассказов для детей.

Последние легки: их кристальная ясность играет природными красками в той же мере, в какой Пришвин открывает для себя тайны природы.

Лес — как таинство.

Лес — как своеобразная природная церковь, что особенно ощущается осенью, когда многообразие цвета завораживает, как богослужение.

Отношение его к событиям 1917 года было противоречивым: от неприятия — в силу избыточного насилия — до примирения, которое не сулило, однако, гладкой жизни.

Дальний Восток, пристрастно исследованный во время соответствующего путешествия, становится объектом описания: появляется книга “Дорогие звери”, из которой вырастает повесть “Жень-шень”.

Лица зверей!

Пришвин бесконечно вглядывается в них, изучая столь мало знакомый человеку космос; и белка, и лиса достойны внимания ничуть не в меньшей степени, чем персонажи-люди.

Север манит: в своеобразие его природы, не говоря о своеобразности небес, заложено столько величественного.

Особняком стоят монументальные дневники Пришвина: достоверность наблюдений, ёмкость образов, колорит — тут законченное художественное произведение, наполненное яркой работой мысли и последовательным исследованием лет, выпавших на долю писателя.

И снова цветут фотографии: увлечение, сопровождавшее Пришвина до конца, до финальных дней его бытования на Земле.

С записными книжками Пришвин не расстаётся никогда.

Они растут, напластования впечатлений обрабатываются, и крепнут дневники, чья многотомная летопись тянет на эпопею.

Сколько узно писателем о жизни природы, о плазме её волнующей, о волшебстве тончайших изменений, происходящих постоянно.

Афоризмы мелькают. . .

Вместе дневники словно нанизаны на глобальную мысль: о творчестве, как единственной созидательной ценности.

...он фотографировал людей, он сделал цикл фотографий об уничтожении колоколов Троице-Сергиевской лавры.

Он был неустанен в творчестве, словно магический порошок его и определял жизнь, чья внешняя сторона была всего лишь гарантией бесконечного продолжения трудов – трудов, раскрывавшихся столь различно и ярко, весомо и трепетно, нежно и величественно.

3

Наблюдатель... И, применительно к Пришвину, это определение стоило бы написать с большой буквы: Наблюдатель пристрастный и пристальный, неуспокоенный, неравнодушный и кропотливый, вглядывающийся в мельчайшие природно-погодные изменения так, чтобы крупно проявились они в слове, тоже крупном, словно раковина, святящемся изнутри, и в лучевой силе оного раскрывается сама метафизика природы...

О! она, будто используя Гераклитовы изменения, и скрывает многое, и – разворачивает бесконечными панорамами пред человеком – перед Пришвиным, всматривающимся в обычные дива так, что проступает потаённая суть.

Перед нами – “Времена года”, произведение, в недрах которого Пришвин записывает все природные изменения в течение года; и оттенки, словно собираемые им в короба страниц, играют яркой насыщенностью звука, цвета, нежности...

Необыкновенно передаются природные ароматы – будто на медовых крыльях счастья...

Осень хмурится.

Осень собирает фиолетовые туши туч, гонит их на нас...

Осень союзна с увяданием, со смертью, и – тем не менее...

Именно она дарит византийскую какую-то избыточность красок: низвергается зыбкое золото листы, дрожа и переливаясь нюансами цвета; и каждый лист – будто фантастическая карта несуществующей страны...

Как в детстве собирались гербарии!

Пришвин предлагает словесный вариант оного, необыкновенно живой и красочный...

Багровый и зеленоватый, рдяный и снова золотой, меченный точками и пятнами ржавчины, рыжины; краски буйствуют, словесная живопись бесконечна; и нежность, овевающая страницы, словно свидетельствует о бесконечности жизни, эти краски и породившей.

Счастье тоже имеет свои оттенки – волнами накатывают они, и волокна отзвуков в душе переливаются волнообразно.

Пришвин призывает постичь изначальный природный язык и, сконцентрировавшись на нём, изменить отношение к миру: убрать хмурые краски, бессмыслицу тоски.

Природный мир всегда откроет нечто необычное, и всякий силуэт падающего листка будет просвечен световым ракурсом...

Очень русская проза Пришвина неожиданно перекликается с мистическим восточным взглядом на мир – с бесконечным вглядыванием в каждую деталь, ведь недаром листок, свернувшийся на подоконнике, напоминает улитку.

Всё связано со всем, и какая бездна живой философии таится в оном ощущении!

Видеть, как времена года сменяют друг друга, – настоящее счастье, и писатель учит ему – проникновенно-простому и такому полновзвучному...

4

...Трагический “Соловей” Пришвина...

Рассказы о ленинградских детях, о судьбах, напитанных трагизмом изначально, о наждачной правде бытия, которую... можно исправить, однако, ибо в огромном пространстве Советской страны не должно было быть бездомных детей...

Пространная нежность Пришвина, словно вписывающая людскую реальность в реальность природы совершенно по-особенному: Пришвин пишет о детях, как о... побегах деревьев, превосходящих последние таинственностью...

Вот детдом... Тянет ли он на большую семью?

И да, и нет: кому-то посчастливиться обрести новых родителей, кто-то вырастет в нём; но тайны судеб будут пространно и вместе компактно, с экономией литературных средств рассмотрены Пришвиным, чтобы ничего не было упущено.

И дети, вынутые им из истории реальности, словно вписываются в пространство истории литературы навсегда...

... И снова ударят снопы света из пространства "Кладовой солнца", вновь заиграют оттенки понимания деревенской жизни – огромного материка, ныне ушедшего под метафизические воды...

После книг Пришвина теплеет на душе, наполняется она тайными пульсациями, чью правду сложно отрицать.

... "Кашеева цепь" раскроется, как своеобразный роман-матрёшка, словно уместя в себе несколько романов: психологический, роман-воспитание, повествование о русской революции; и всё переплетено суммами философских мыслей, изящно и тонко.

Чудесен главный герой – фантазёр и романтик, и думающий самостоятельно (что есть ум – как не способность мыслить вне стереотипов?), и действующий активно...

В детстве организовал путешествие в Азию: неизведанное манит, а Азия щедра на подобное; и поплыли мальчишки на лодке, поплыли, переполненные мечтаниями и азартом, и уплыли довольно далеко, прежде чем их вернули...

"Поплыли в Азию, попали в гимназию".

Жизнь главного персонажа развернётся бурно: жажда социальной справедливости толкнёт его в революцию, и год проведёт в тюрьме за переводы с немецкого марксистской литературы; и, демонстрируя волю к жизни и силу стойкости, придумает себе... путешествие.

Внутреннее путешествие на Северный полюс, с предполагаемыми тяготами и красотами, с волнообразными накатами световой энергии, подчиняясь которой не позволит ситуации во внешней жизни раздавить его.

"Кашеева цепь" пронизана романтической приподнятостью, но и конкретная романтическая линия обретает живую плоть: к политическим приходили на свидание девушки-невесты, и вот такая – под вуалью – посетила Алпатову...

Он отправляется на поиски; Германия раскрывается, мир растёт, девушка уехала, а герою необходимо... напасть на след...

Стиль Пришвина характерен: он вкусный, в меру обстоятельный, он густой, как мёд...

Весь огромный музей предстал Алпатову, как воспоминание сказки, и чудом казалось, что ту же самую сказку переживали все художники с далёких времён. И он шёл из одной залы в другую, очарованный и как бы пьяный от постоянных рассказов в красках и линиях одной и той же своей собственной сказки.

Сказка!

Ключевое слово!

Словно и в самом Пришвине было нечто от... очарованного странника, проходящего жизнь с одною жадной – изведать как можно больше.

Всё – не удастся, поскольку невозможно охарактеризовать точно это "всё", но погружение в новые и новые слои живущей окрест реальности так заманчиво...

... Как смотрят на нас "Глаза земли"!

Полное поэзией произведение врачует от депрессии – тонкой своею нежностью, необыкновенным плетением драгоценных словес.

... Запястье, приложенное к уху, позволяет слышать пышный прибой листы.

А выше, за листвою клёна, будут шуметь необычайно звёзды, живущие своей жизнью, вероятно, более насыщенной, нежели наша, земная...

И монументально возвышаются дневники писателя: всю жизнь вёл, фиксировал всё, что происходило в душе и во внешнем мире; густо и плотно заполнял страницы мёдом текста, в котором переплетались тугими волокнами история и проза, детское удивление миром и размышления, наполненные умудрённостью.

Пришвин творил свой литературный эпос, и, обращённый в современность, какою бы она ни была, сияет он великолепием словесного многообразия и мудрыми мыслями метафизического злата.

АЛИНА ОСОКИНА

ГРУСТНО НА ЭТОМ СВЕТЕ

РАССКАЗЫ

Я ГАМЛЕТ

“Быть или не быть, вот в чём вопрос. Достойно ль смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление? Ещё не забыть после репетиции забежать в магазин, забрать дочку из детского сада, отвести её на танцы, встретиться с клиенткой... Чёрт. Опять сбился. Придётся с самого начала. Быть или не быть...” — Смолин сжал в руке листы бумаги и продолжил боротать себе под нос монолог Гамлета.

Когда на прошлой неделе худрук театра объявил состав на новый спектакль, Смолин сперва подумал, что ослышался, но по изумлённым взглядам коллег понял, что нет. Именно ему предстояло сыграть Гамлета. Пусть во втором или даже в третьем составе, это было сейчас неважно. Главное — это была его роль, первая главная роль за семь лет работы, вернее, службы в театре, и сразу такая. Эту роль исполняли Качалов, Смоктуновский, Высоцкий, Янковский, а сколько ещё мечтали, но так и не исполнили. А он выйдет на сцену в этой роли, расшибётся, но выйдет, докажет, что зря его считали посредственностью, бездарностью, что там ещё писали в комментариях в группе театра. Он вживётся в роль, найдёт те неповторимые краски, которые заставят всех (зрителей, коллег, руководство) поверить, что он настоящий Гамлет.

ОСОКИНА Алина Андреевна родилась в 1991 году в Ульяновске. Окончила исторический факультет УлГПУ имени И. Н. Ульянова. Работает в областной научной библиотеке. Член Союза писателей России. Лауреат конкурса молодых литераторов Союзного государства “Мост дружбы”, Всероссийских конкурсов “Хрустальный родник”, “Сестра таланта”, “Северная звезда”, “Стилисты добра”, областной премии “Первая роса”. Живёт в Ульяновске. Публикация осуществляется в рамках проекта “Мастерские” Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

После репетиции Смолин помчался в детский сад. Едва он зашёл в группу, как ему на шею бросилась растрёпанная дочь:

— Папа, а ты знаешь, кого я буду играть на утреннике?

— Наверно, мартышку, — ответил Смолин и нежно опустил дочь на скамейку.

— Нет, — расхохоталась та. — Я буду феечкой.

Она выпрямила спину и взмахнула воображаемой волшебной палочкой.

— Ты ж моя умница, — сказал Смолин, а про себя подумал: “Ну да, кто ещё мог родиться в семье артистов, только феечка”.

— Папа, а мама сошьёт мне красивое платье?

— Конечно сошьёт, Миланочка, самое красивое. А теперь давай одеваться, на танцы опоздаем.

— А бантики на моём платье будут? А блёстки?

— Вы с мамой всё придумаете, — ответил Смолин, собирая длинные волосы дочери в хвост, пока та, путаясь в ногах, пыталась натянуть колготки.

Когда они вышли на улицу, Милана, тряся отца за руку, продолжила щебетать:

— Папа, а когда у тебя будет спектакль?

— В пятницу.

— А кого ты будешь играть, зайчика?

— Нет, зайчика я играл на Новый год. А в пятницу я буду играть гусара.

— А кто такой гусар?

— Вырастешь — узнаешь.

— А когда я вырасту?

— Скоро, милая, очень скоро.

Когда Смолину было шестнадцать, класснуха затащила всех учеников в театр. Особой радости по этому поводу он тогда не испытывал и приготовился к двухчасовой пытке искусством. Поднялся массивный занавес, и на сцене стали появляться люди в нелепых костюмах. Среди одноклассников пробежал смешок, который тут же был подавлен суровым “шиком” класснухи. И тут на сцену в белоснежном одеянии, словно античный бог, высеченный из камня, вышел Гамлет. “Так создан мир”, — ответил он королеве, охватывая гордым, волевым взглядом зал. Смолин встретился глазами с Гамлетом, и в тот же миг в нём что-то повернулось. Он почувствовал себя рыбой в аквариуме. Снаружи были смешки и дурацкие шутки одноклассников, а внутри — целый мир, полный интриг, предательства, любви и борьбы. Как замороженный, Смолин следил за судьбой датского принца. Из театра он вышел совсем другим человеком, твёрдо убеждённым, что свяжет своё будущее с театром.

Когда после выпускного Смолин объявил родителям, что собирается поступать на театральное отделение, мать спрятала паспорт. Но Смолина это не остановило, он всё равно явился на прослушивание. И в гулком кабинете прогремело: “Быть или не быть, вот в чём вопрос...”.

— Молодой человек, что вы так орёте, — остановила его сухонькая старушка из приёмной комиссии и жестом руки велела начать заново.

Смолин набрал полные лёгкие воздуха и попробовал прочесть монолог Гамлета с начала. Он сбивался, торопился, путал слова, чем окончательно поверг комиссию в уныние.

— Может, басню прочтёте или стихотворение, — предложила старушка.

Ни одной басни Смолин так и не вспомнил, зато прочитал отрывок из “Скифов” Блока. Надо же, школьная программа всё-таки пригодилась.

Приёмная комиссия безучастно переглянулась и отправила Смолина восвояси. Мать даже не стала скрывать радости от известия о провале сына, а отец назвал его дураком. Но Смолин твёрдо решил, что подготовится и через год снова будет штурмовать подмостки театрального отделения.

Через месяц он ушёл в армию. Там Смолин участвовал в любой самостоятельности. Убеждал сам себя, что это всё для опыта. Ещё просил мать прислать книги и запоем читал их, втайне от всех заучивая наизусть десятки стихов, басен и монологов. Сначала командиры косились на него, как на

душевнобольного, но потом махнули рукой. Закрывает показатели по культ-массовой работе — и ладно.

Из армии Смолин снова вернулся другим человеком: уверенным, подтянутым, “с опытом”. Родители смирились: “Пусть идёт в свой театральный, раз в армии не пропал, авось, и там не пропадёт”.

Прошлогодней старушки в комиссии уже не оказалось. Вместо неё во главе ареопага восседал высокий седовласый мужчина с хитрым прищуром. Смолин узнал его, он играл в театре Клавдия. Клавдий велел Смолину прочитать что-нибудь из классики, потом погонял его по этюдам. Смолин то ползал по полу, изображая мышшь, то метался по комнате, лоя пустоту. Члены комиссии хихикали в ладошки и заключили, что у него комедийный талант.

Сначала Смолин обиделся, а потом решил, что главное — поступить, а там уже он докажет, что никакой он не комедиант, а самый настоящий трагик.

Оказалось, что Клавдий не просто восседал в приёмной комиссии, а набирал курс. Отношения у них со Смолиным как-то не заладились. Хитрый прищур всегда преследовал студента, как бы давая понять, что никто в его актёрские способности не верит, и что армейская самодеятельность — вершина его творческой карьеры. Но Смолин не сдавался и постигал актёрское искусство, пытая окружающих бесконечными монологами и репризами. Его не ставили в студенческие спектакли, а он всё равно учил роли. Его пытались отчислить за профнепригодность, а он ходил по пятам за деканом и требовал, чтобы тот лично прослушал его. Наконец, и Клавдий, и декан, и педагоги перестали обращать на него внимание: “Пусть учится, всё равно актёром не станет”.

После выпуска Смолин отправился на прослушивание в театр. Клавдий к тому моменту поругался с новым худруком и ушёл из театра, а вот Смолина, наоборот, приняли в труппу.

Первый год он провёл на скамейке запасных. Ходил на репетиции, смотрел спектакли, которые сотню раз видел ещё студентом. Под Новый год ему дали небольшую роль пирата в детском утреннике, а в мае на городском празднике он возлежал на диване в длинном халате и турецкой феске, изображая Обломова.

Энтузиазм Смолина постепенно угасал. Отец подначивал: “Когда уже пригласишь на свой спектакль?” Мать спрашивала: “А зарплату-то платят тебе за то, что бездельничаешь?” Смолин отвечал, что вот-вот, ещё немного, и его начнут вводить в спектакли. Так убедительно врал, что сам верил.

В новом сезоне Смолин стал действовать решительно: ходил за худруком, показывал выученные роли. Наконец, тот дал Смолину эпизодическую роль в новом спектакле. Потом Смолина стали выпускать на замены, и так постепенно, шаг за шагом, он влился в репертуар. К Смолину привыкли, поняли, что аншлагов он не соберёт, но и не подведёт. Родители тоже успокоились: “Пусть хоть такая работа. Главное, что кормит”.

Каждый день, направляясь к служебному входу, Смолин кидал взгляд на фасад, украшенный античными масками. Со временем он понял, что нельзя в одночасье стать другим человеком. Можно только сменить маску. Он научился ловко жонглировать масками, примеряя на себя то ту, то иную роль.

В театре он встретил Веру. Она была на два года старше его, тоже играла, и тоже не слишком успешно. Вера напоминала ему статую богини Артемиды, не хватало только лука со стрелами. Через год Смолин стал её мужем, ещё через год родилась Милана. Так Смолин примерил на себя маску отца семейства.

Пока Вера сидела дома с маленькой дочкой, дела у Смолина постепенно шли в гору. Веру это раздражало. Из Артемиды она стала превращаться в горгону Медузу, которая метала в мужа суровые слова и взгляды, способные обратить всё живое в черепки.

Смолин терпел. Ради дочери он сносил скандалы жены и хватался за любые подработки. Когда Вера вернулась в театр, она вскоре поругалась с худруком и написала заявление по собственному желанию. Больше всего Смолин боялся, что она потребует от него сделать то же самое из солидарности.

Но Вера не потребовала. Она устроилась в городскую библиотеку, стала выдавать книжки и вести театральную студию по воскресеньям. Смолин надеялся, что, занявшись делом, она успокоится. Но Вера и тут была недовольна: начальством, зарплатой, посетителями. Она бережно носила проблемы из дома на работу и обратно, копила их, как пожелтевшую макулатуру, так что окружающие стали постепенно задыхаться от типографской краски.

Смолин надел на себя маску смирения. Он сосредоточился на дочери и работе и ждал, когда в его невесёлой пьесе наступит антракт.

Когда Милана в чёрном гимнастическом купальнике убежала в танцевальный класс, Смолин отправился в ближайшее кафе. Там за столиком возле окна его ожидала ухоженная дама.

— Закажете что-нибудь? — спросила она, изящно поднося чашку кофе к губам.

— Нет, я уже, то есть я тороплюсь, — начал мямлить Смолин. — Давайте сразу перейдём к делу.

— Ну, к делу, так к делу, — ответила дама, возвращая чашку на стол. — Место, время и список гостей, которым нужно будет дать слово на моём юбилее, я вышлю вам на эмейл. Юбилей у меня солидный, — она сделала паузу, ожидая реакции собеседника.

— Вы прекрасно выглядите, — выдал дежурную фразу Смолин, и собеседница улыбнулась.

— Гости у меня тоже будут солидные: бизнесмены, чиновники, крупные руководители. В общем, всё должно быть по высшему классу. Договорились?

Смолин кивнул. Они обесудили кое-какие детали предстоящего торжества, и Смолин побежал дальше. Надо было ещё заскочить в магазин за продуктами, с Миланкой это сделать проблематично, она непременно стала бы что-нибудь клянчить, и Смолин непременно купил бы всё, что бы она только ни пожелала.

С полным пакетом провизии Смолин помчался за Миланой. Та сидела в коридоре в полном одиночестве. Увидев отца, она обиженно надула губы:

— Папа, ты что, забыл меня?

— Ну, что ты, милая, видишь, я в магазине был.

— А что ты купил? — Милана сунула нос в пакет.

— Давай дома посмотрим.

Смолин взял дочь за руку, и они поспешили домой. Он накормил Милану и отправил её играть в комнату, а сам заперся в ванной учить роль. Он смотрел на себя в овальное зеркало и пытался понять, из чего сделан он. Черты его лица, глаза, брови были слишком просты для античных мастеров и недостойны камня. Скорее всего, его лепили из глины, мягкой, податливой, а в конце забыли поставить в печь. Так и остался он сырым, необожжённым, из которого каждый лепил то, что хотел.

Хлопнула входная дверь. Смолин услышал шаги Миланы, которая кинулась к двери с криками: “Мама! Мамочка пришла!” Вскоре совсем другие шаги направились к его убежищу.

— Смолин, ты там? — раздался голос Веры.

Вместо ответа он открыл дверь. Вера зашла и села рядом на краешек ванны.

— Привет, — сказал Смолин.

— Привет, — ответила Вера. — В субботу будет конкурс областной “Библиотекарь года”. Тебя зовут вести вместе со мной.

— Бесплатно?

— Естественно, — Вера усмехнулась. — На планёрке сказали, что работники культуры должны помогать друг другу без-воз-мезд-но, — она нарочито протянула последнее слово.

— Скажи, что у меня спектакль.

— Уже сказала.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Значит, в субботу с Миланкой сидишь.

— А ты в воскресенье.

— Ты уйдёшь куда-то?

— Да. С утра еду в область вести праздник поэзии, а вечером юбилей.

— Тебе хоть заплатят?

— За юбилей?

— Нет, за праздник поэзии.

— Не знаю. Театр договаривался.

— А ты им тоже скажи, что у тебя спектакль. — Вера похлопала мужа по плечу и вышла. — Долго не засиживайся, а то я Миланку купать буду.

Смолин закрыл дверь и уткнулся в текст пьесы. Режиссёр каждую репетицию твердил, что нужно искать ресурс. Смолину хотелось бы зачерпнуть сил и вдохновения полными ладонями с горкой, да было неоткуда.

Ранним воскресным утром Смолин бежал к театру. На крыльце курила Офелия — его сокурсница Ирка Верещагина. Её белоснежные крашенные волосы аккуратно спадали на плечи, обрамляя красивое кукольное личико. Она была похожа на антикварную фарфоровую статуэтку — прекрасную и манящую снаружи, но полую внутри.

— Смолин, — крикнула она. — Давай шевели батонами, тебя одного ждут.

Она махнула рукой в сторону белого “ПАЗика” и затушила сигарету.

Смолин втиснулся в автобус, набитый людьми и аппаратурой. Следом за ним запрыгнула Ирка.

— Поехали! — крикнула она водителю и устроилась на сидении рядом со Смолиным.

Ирка всю дорогу болтала с окружающими и хохотала в голос, раздражая Смолина. Он закрывал глаза и притворялся спящим, но Ирка постоянно тербила его и пыталась вовлечь в общую беседу. С трудом выдержав пытку дорогой, Смолин выдохнул, когда автобус остановился возле небольшого дома культуры.

Все дома культуры были в чём-то похожи, но этот выделялся. Фасады выкрашены розовой яркой краской, внутри всё сверкало и блестело, на подоконниках пышным цветом встречали гостей шапки гераней, на окнах колыхались белоснежные занавески, в актовом зале стояли новенькие кресла с красной обивкой, задник сцены украшал огромный баннер с цветами, лирами и надписью “День поэзии”.

— Это мы грант выиграли, — восторженно рассказывала приезжим артистам директриса, провожая их в гримёрку. Там было душно, пахло табаком, приторно-сладкими женскими духами и перегаром. Смолин быстро надел костюм и выскочил в коридор. Уткнулся в планшет, изучая программу праздника. Мимо сновали организаторы. Одни говорили, что будет губернатор, другие это опровергали, третьи твердили, что ждут важного человека из правительства. Смолину хотелось только вернуться в город.

К нему подошла Ирка Верещагина. Она повертелась, продемонстрировав ему яркое синее платье.

— Ну, как тебе? — спросила Ирка, встав в позу.

— Очень красиво, — равнодушно ответил Смолин.

Она закатила глаза и поправила ему бабочку. Потом прижалась алыми губами к его уху и прошептала:

— Смолин, пойдём бахнем по коньячку для смелости. У звуковика из филармонии есть. Я узнавала.

— Я на работе не пью, — ответил Смолин и отстранил её от себя.

— Фу, какой ты скучный, Смолин, — громко произнесла она и ударила по планшету, тот вылетел из рук Смолина, и листы со сценарием рассыпались по полу.

— Дура, — ответил Смолин и стал собирать бумаги.

— Фу, ещё и грубый, — сказала Ирка. — Как тебя Верка ещё из дома не выгнала. Ты не только как артист, но и как мужик полный ноль. Помаду с уха сотри.

Она звонко рассмеялась и нырнула обратно в гримёрку. Смолин сунул планшет с бумагами под мышку и поспешил к зеркалу.

— Вы прекрасно выглядите, — сказала директриса, подбегая к зеркалу и поправляя пышную причёску. — Сейчас позвонили, скоро министр подъедет, и начнём. Бегите в зал.

Смолин размазал красную помаду по уху и поспешил за кулисы.

Скоро в зал в сопровождении целой свиты местных управленцев вошла высокая крупная женщина. Она села в первом ряду по центру, рядом разместились директриса, махнула рукой, и зазвучали фанфары.

Смолин переглянулся с подоспевшей Ирккой и пошёл на сцену. “Только попробуй что-нибудь выкинуть. Задушу, как Отелло Дездемону”, — подумал он про себя.

Начали с официальных речей. Одного за другим ведущие объявляли министра, начальников, директора. Все произносили бодрые речи, благодарили друг друга, обещали собравшимся сельчанам небывалый культурный подъём и возрождение духовности. Затем началась праздничная программа. Местные бабушки в народных костюмах под гармошку заливисто исполняли песни и частушки. Заезжие поэты произносили не менее бодрые речи и читали стихи, свои и чужие. Артисты филармонии исполняли романсы. В конце вновь вышли местные коллективы, детские и взрослые, пели, плясали под оглушительные аплодисменты публики.

— Давай им сцену из “Гамлета” сбцаем, — предложила Ирка. — Вообще все офигеют.

Слова партнёриши больно кольнули Смолина, как игла, попавшая в кровеносный сосуд. Он сжал зубы и ничего ей не ответил.

Наконец, всё закончилось. Участники праздника раскланялись, зрители сто раз прокричали: “Молодцы!” — и: “Спасибо!”. Министр, кажется, осталась довольна, директриса тем более.

После концерта был банкет. Смолин зажевал пару бутербродов с колбасой и вышел на улицу. Он нервно поглядывал на часы, пытаясь в уме прикинуть, сколько у него в запасе времени до юбилея. В мессенджер сыпались сообщения с новыми вводными от заказчицы. Одни гости вычёркивались, другие добавлялись, третьи менялись местами, у саксофонистки заболел ребёнок и прочее, прочее, прочее...

Наконец, автобус заполнился подвыпившими артистами, поэтами и прочими деятелями культуры. В дороге продолжили отмечать оставшимся коньяком. Звуковик из филармонии затянул “Выйду ночью в поле с конём...”, поэты декламировали стихи, свои и чужие, а пьяная Ирка уснула на плечо Смолина.

Когда вернулись в город, он вытащил её из автобуса и запихнул в такси, попутно уклоняясь от поцелуев.

— Ты скотина, Смолин, — мычала Ирка, когда он захлопывал дверцу машины.

Пришлось дать водителю сверху, чтобы завёл Ирку домой.

Смолин поспешил домой. Переоделся, обнялся с Миланкой, утащил со сковородки котлету, умылся, вызвал такси и поехал на юбилей. По дороге прослушал голосовое сообщение от Ирки: “Смолин, я тебя ненавижу”. Были ещё сообщения, но Смолин их слушать не стал, смысл понятен и так.

В кафе между белоснежными накрытыми столиками, похожими на кремные пирожные, курсировала юбилярша. На ней было длинное синее вечернее платье, почти как у Верещагиной, в ушах и на шее сверкали в приглушённом свете украшения (бриллианты — не бриллианты, Смолин в этом не разбирался). Юбилярша подошла к Смолину.

— Прекрасно выглядите, — сказал он.

— Спасибо, — она кокетливо улыбнулась и поправила причёску. — Давайте ещё раз пройдемся по списку гостей.

Смолин достал сценарий и снова стал стрелочками перемещать гостей. Его лист напоминал теперь карту военных действий из учебника истории.

Он прошёл в подсобное помещение, где уже репетировал струнный квартет. От музыки и усталости начала болеть голова. Скоро к ним добавились фокусник и певица из джазового ансамбля. Смолин вышел в зал

и стал наблюдать за приходящими гостями. Все они были, как пластмассовые куклы с витрины: красивые, нарядные, но ненастоящие.

Наконец, юбилярша уселась за ближний столик и дала знак начинать. Струнный квартет исполнил несколько композиций, а затем на сцену вышел Смолин. Лились торжественные речи, восхваляющие юбиляршу, вокальные и эстрадные номера, реки шампанского, всевозможных вин и коньяков. Куклы постепенно стали терять свои лица, и вот уже гости пустились в совсем не красивый пляс.

Смолина тошнило. Головная боль только усиливалась, неприятный комок стал подступать к горлу. Он смотрел на часы и считал, сколько ему осталось. Музыка стихла, и ему снова пришлось подняться на сцену. Едва он поднёс микрофон ко рту, как к нему, пританцовывая, подошёл один из гостей. Верхние пуговицы на дорогой рубашке были расстёгнуты, от него сильно несло алкоголем и табаком.

— Слушай, братан, — сказал гость, забрасывая руку Смолину на плечо. — Мне тут шепнули, что ты актёр. Давай, может, почитай нам что-нибудь... из вашей этой классики.

Смолин с надеждой взглянул на юбиляршу. Та мило улыбнулась и жестом велела ему исполнить просьбу гостя. Смолин закрыл глаза.

Разве ради этого он выбрал путь артиста? Разве его целью было не нести искусство людям, а развлекать толпу, как цирковому медведю? Ему захотелось сорвать все свои маски, бросить их на землю, растоптать...

— Эй, ты чо, уснул? — гость потрепал его по плечу. — Артист, как тебя там...

Смолин открыл глаза и яростно взглянул на обидчика.

— Я Гамлет Смолин, — чеканя каждое слово, произнёс он. — Датский принц драматического театра.

Затем Смолин повернулся к залу и тем же грозным голосом продолжил:

*Быть или не быть, вот в чём вопрос. Достоин ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Э, нет!..*

Когда он закончил монолог, замерший зал стал постепенно оживать. Послышались смешки, стук столовых приборов и фужеров. Кто-то вызывал “скорую”...

АМЕРИКАНЕЦ

Стёпка протёр руки грязной маслянистой тряпкой и бросил её в угол. Он вышел на улицу и, навалившись всем телом на ручку колонки, подставил ладони под бешеную струю воды.

— Американец, мыло возьми и пемзу, — раздался из гаража прокуренный мужской голос.

Стёпка вернулся в гараж, взял плоский обмылок, серый бесформенный камень и пошёл к колонке. Вьедливое машинное масло никак не хотело отставать. Стёпка усиленно тёр руки, сдирая кожу до крови. Кое-как очистив руки, он подставил голову под струю.

Смахнув капли с лица, Стёпка пошёл в гараж. Он кинул остатки мыла и пемзу на место, переделался и, кинув короткое “пока”, побрёл в свою Америку.

Когда-то на месте Америки была деревня Устиновка. В конце восьмидесятых на деревню стал наступать город. Постепенно на месте избышек выросли многоэтажки. В народе новый район прозвали Америка.

Стёпка родился в начале нулевых в старом деревенском доме, чудом потерявшемся среди панелек. Родителей своих он почти не помнил. Мать сгинула на заработках, отца по пьянке зарезали “дружки”. После смерти родителей за мальчишкой присматривала бабка. Один раз приходила тётка из опеки. Поставила галочки у себя в блокноте и сказала, что придёт ещё, но не пришла.

Рос Стёпка, как сорняк. Сам себе пробивал дорогу, как придётся. По малолетке загремел в колонию. Стоял на шухере, когда знакомые пацаны выносили магазин. Его одного и поймали. На суде взял всю вину на себя. Заранее с пацанами об этом договорились, они обещали помочь в случае чего, но не помогли. Бабка прямо в зале суда саданула ему сквозь решётку: “У нас отродясь воров не было. Весь в своих непутёвых родителей”. И зыркнула так зло, что Стёпка съёжился, как будто оказался голым на морозе.

В колонии даже самым пропащим из дома присылали гостинцы. Хоть пачку самого дешёвого печенья. А Стёпка ни разу не получил ни посылки, ни весточки. Точно, сорняк. Сорвали и кинули в компост.

Только когда вышел из колонии, узнал, что бабка умерла. Хорошо, что хоть дом остался, никто на него не позарился.

Стал Стёпка жить в этом доме один. Выкинул засохшие герани, разогнал расселившихся по углам пауков, выбросил из подпола протухшую картошку и банки забродивших огурцов, распахнул настежь все окна и, сидя на крыльце, ждал, пока ветер выгонит из дома все тошнотворные запахи.

Пошёл в ближайший магазин, встретил участкового. Тот сказал, что нужно на работу устраиваться и за ум браться, чтобы дров ещё больше не наломать. Стёпка сунулся в пару мест со своей справкой о судимости, везде отказали. Пока мотался без дела по улице, встретил одноклассника. Тот рассказал, что у него отец приятеля автомастерскую в гаражах открыл. Ему как раз человек нужен.

Утром Стёпка пришёл в гараж. Хозяин взглянул на тощего бледного парня и, хмыкнув, сказал, что берёт его. Судимость его не смутила, кто по молодости не ошибался. Обещал платить, как положено, два раза в месяц: “На жратву и тёлок хватит”. Стёпка заикнулся насчёт аванса, но хозяин осёк его: “Сначала испытательный срок отработай, а там посмотрим”.

В гараже работали двое. Кислый — высокий, крупный парень, чуть старше Стёпки — шаманил по электронике. Толянч — грубый мужик с седыми усами и шрамом на шее — занимался всем остальным.

— Мне помощник нужен, — кинул он Стёпке. — Учись и повторяй. Это тебе не vareжки шить, тут думать надо. Техника всё-таки.

Стёпка стал учиться, беспрекословно подчиняясь Толянчу, проглатывая все его замечания и ругательства. Через неделю приехал хозяин, спросил, как дела у Американца (по имени Стёпку никто не называл), похлопал того по плечу и сунул в карман комбинезона четыре купюры: “Считай, испытательный срок прошёл”.

Стёпка обрадовался, тут же достал деньги, чтобы пересчитать.

— Аккуратнее, — сказал хозяин. — Испачкаешь, потом нигде не примут.

Парень послушно опустил деньги в карман.

Работалось в мастерской неплохо. Зарплату платили. Мало или много, Стёпка не понимал, но на поесть-одеться-обуться хватало. Жизнь текла вязким киселём: медленно и правильно.

Самая короткая дорога от гаражей до Америки вела через пустырь. Стёпка шагал по узкой тропе, раздумывая, куда потратить грядущую зарплату. Хотелось крутой смартфон, как у Кислого, а не то кнопочное старьё, что одолжил ему Толянч для связи. Телефон стоил дороже его зарплаты, но можно было что-то придумать: попросить в долг или взять смартфон в рассрочку.

— Ребят, пропустите, ну правда, я сейчас кричать буду. Помогите! — раздался женский голос.

Стёпка увидел, как двое пьяных парней преградили девушке дорогу. Один пытался приобнять её за талию, а второй совал ей под нос открытую бутылку пива.

— Пошли с нами, будет весело, чо ты ломаешься, — говорил первый.

— Выпьем, посидим, — предлагал второй.

— Отвалите от меня, — кричала девушка, отбиваясь от них сумочкой.

— Эй, пацаны, девушку пропустите, — подлетел к ним Стёпка.

— А это что за чучело? — повернулся к Стёпке первый парень. — Иди давай, куда шёл.

— Сам иди, — крикнул Стёпка. — Я сказал, девушку пропустите. И ва-ли отсюда.

— Ты чо такой борзый, — включился второй парень.

Он замахнулся на Стёпку, но тот успел увернуться, выбить бутылку из руки соперника и оттолкнуть его. Парень не удержался на ногах и упал на землю.

— Ах ты, тварь, — крикнул первый парень и накинулся на Стёпку.

Драться Стёпка не умел, поэтому машинально махал кулаками, пытаясь нанести максимальный урон противнику. Стёпка бил, пропускал и снова бил, пока не услышал звон бьющегося стекла. Соперники остановились и увидели девушку, сжимающую в руке горлышко бутылки. Рядом лежал парень, из его головы сочилась кровь, а рядом валялись осколки стекла.

— Ты чо наделала, овца. Ты чо братана моего убила.

Он кинулся к товарищу. Воспользовавшись моментом, Стёпка схватил девушку за руку, и они побежали.

— Я вас найду, твари. Вы мне ответите, — летело им вслед, но они, не оборачиваясь, бежали прочь. Остановились только возле первых панелек.

— Фух, не могу больше, — задыхаясь сказала девушка. — Со школы так не бегала.

— Кажется, оторвались, — сказал Стёпка, оглядываясь по сторонам.

— Кстати, спасибо, что помог отделаться от этих уродов.

— Ты тоже молодец, лихо того припечатала.

— Всё само как-то получилось. Надеюсь, я его не убила, — испуганно произнесла девушка.

— Вряд ли, — поспешил успокоить её Стёпка. — На пьяных, как на кошках, все заживает.

— Может, в полицию пойти? У меня там дядя работает.

При слове “полиция” у Стёпки по спине пробежал холодок.

— Не надо, — серьёзно ответил он. — А то затаскают.

Отдышавшись, он, наконец, смог рассмотреть девушку. Она показалась ему симпатичной: светлые волосы, спускающиеся до пояса, яркие голубые глаза, пухлые губы, небольшая, но заметная грудь.

— Зовут-то тебя как, спаситель? — улыбнулась девушка.

— Стёпка, — ответил тот, тоже расплываясь в улыбке. — Но все зовут Американец.

— Почему? — удивилась девушка.

— Так я в Америке живу. Не той, которая там, а в нашей, — зачем-то уточнил он.

— Ясно. А я Вика. Спасибо ещё раз, я пойду, наверно.

— Погоди, провожу. И вообще лучше одна не ходи, тем более по пустырю.

Вика пожалала плечами и согласилась. Шли медленно, болтали о том о сём. Вика рассказывала об учёбе в медучилище и о практике в районной поликлинике. Стёпка наврал, что работает в крутом автосервисе и чинит дорогие тачки. Ему хотелось стать самым лучшим в её глазах. Лучше, чем он есть на самом деле.

Когда дошли до её подъезда, Стёпка попросил номер телефона. Вика продиктовала и обещала как-нибудь ещё погулять с ним.

Ему хотелось, чтобы скорее наступило завтра. Тогда он сможет как бы ненароком написать Вике: “Привет. Как дела? Что делаешь вечером?” Или же позвонить и снова услышать её голос. Стёпка вертел в руках кнопочный телефон и думал, что ему обязательно нужна новая мобила.

Вечером договорились встретиться в центре. Стёпка надел свою лучшую футболку, за что получил насмешки Кислого: “На свиданку собрался? Только деньгами перед своей тёлкой не сори, я тебе больше займы не дам”.

Стёпка отмахнулся от него и поспешил к Вике. Та уже ждала его на центральной площади у фонтана.

— Привет. Куда пойдём? — спросила Вика.

— Не знаю, — пожал плечами Стёпка. — Куда хочешь. Можно в кино или в кафе.

— Что-то неохота. Давай лучше просто погуляем.

Они пересекли площадь и поднялись на верхнюю набережную. Волжский ветер развевал волосы Вики, они щекотали плечо Стёпки, и это была самая приятная щекотка на свете. Он пытался взять Вику за руку, но она всё время отводила её, чтобы поправить непослушные волосы.

— Что-то холодать стало, — Вика поёжилась.

— Хочешь, ко мне пойдём? — простодушно предложил Стёпка.

— Нет! — резко бросила Вика. — Думаешь, я не знаю, зачем парни девушек домой водят.

— Да я вообще не это имел в виду, — пытался оправдаться Стёпка. — Подожди, я же... — пытался остановить он её. Но Вика оттолкнула его и побежала прочь. Стёпка неподвижно стоял у ограды и следил за удаляющейся девичьей фигуркой. Он так и не понял, в чём был виноват.

Утром Стёпка написал Вике СМС: “Привет. Ты что, обиделась?” Она не ответила. Значит, точно обиделась. Позже он позвонил, но услышал только неприятные гудки. Абонент был недоступен.

Стёпка не мог понять, что случилось. Ладно бы она просто не отвечала, но чтобы выключить телефон... И посоветоваться, что делать в таких ситуациях, не с кем. Кислый начал бы издеваться, а Толяныч сказал бы: “О работе лучше думай, а не о бабах”. Весь день Стёпка дёргался, нервничал, отвлекался, за что получал нагоняй от Толяныча.

Вечером помчался домой, взял ножницы и срезал все белые пионы с клумбы во дворе. Как попало собрав букет, Стёпка поспешил к дому Вики. Он помнил её дом и подъезд и, стоя под окнами, пытался угадать квартиру.

— Чего ты тут высматриваешь? — крикнула ему с балкона тётка.

— А в какой квартире Вика живёт? — крикнул в ответ Стёпка. — С длинными такими волосами.

— А ты ей кто?

— Я её друг.

— Друг? Так должен сам знать.

Тётка ушла в комнату.

— Вика! — что есть сил крикнул Стёпка. — Вика, выйди на минутку!

— Ты чего раскричался, хулиган, — заорала вернувшаяся тётка. — Я сейчас милицию вызову.

— Не надо милиции, — послышался знакомый голос.

Из окна на третьем этаже выглянула Вика.

— Стёпа, я сейчас спущусь.

Через несколько минут она вышла.

— Ну, и чего ты кричишь на весь двор? — спросила Вика, скрестив руки на груди.

— Тебя хотел увидеть, а квартиры не знал. На звонки ты не отвечаешь. Ты на что обиделась?

— Ни на что я не обиделась, — она рассмеялась. — Просто телефон разбился. Ты только из-за этого сюда примчался?

— Ну да. — Стёпка потупил взгляд.

— Какой ты смешной. — Она снова рассмеялась. — Всё в порядке. Куплю новый телефон и снова буду на связи.

— Погоди. — Стёпка достал из кармана новенький смартфон. — На, держи.

Он вынул симку и протянул Вике телефон.

— Чтобы ты всегда была на связи.

— Спасибо. — Она неуверенно приняла подарок. — А как же ты?

— Я себе ещё куплю. У нас знаешь, сколько заказов, только успеваем деньги получать.

Вика улыбнулась и чмокнула его в щёку.

— Ты настоящий друг, Стёпка, всегда меня выручаешь.

Стёпка дотронулся до своей щеки, так ему хотелось сохранить этот поцелуй навсегда.

— Ой, а это что, мне? — воскликнула Вика, разглядывая цветы.

Стёпка протянул ей букет.

— Их бабушка моя сажала.

— Какие красивые. — Вика понюхала цветы и прижала букет к груди.

— Привет, Американец, ты чо тут забыл? — раздался голос Кислого.

Он подошёл к ребятам.

— И тебе привет, Вик. Вы чо, знакомы?

— Да, это мой друг Стёпа. Помнишь, я тебе рассказывала про него, — ответила Вика.

— А, гроза гопников. — Кислый дёрнул подбородком. — Ну, не буду вам мешать.

— Ты что, Кислого знаешь? — спросил Стёпка.

— Петю? Конечно, он мой сосед.

— У вас было что-нибудь? — Стёпка посмотрел на неё исподлобья.

— Стёп, мы с ним с детства друг друга знаем, — спокойно ответила Вика, а в глазах читалось: “Ну и дурак ты, Стёпка”. Они помолчали немного, а потом Вика спросила, перебирая пальцами лепестки:

— Ты что, с бабушкой живёшь?

— Нет, она умерла, — выдавил из себя Стёпка. — И родители тоже.

— Ты что, совсем один?

Стёпка виновато кивнул.

— Беденький, — обронила Вика. — Хочешь, я приду к тебе в гости в воскресенье? Только без глупостей.

Стёпка встрепенулся и стал уверять её, что всё будет хорошо.

Так и расстались. Она скрылась в подъезде с букетом поникших пионов, а он полетел в свой старенький дом, давно забывший, как это — принимать гостей.

Следующие дни были ужасными. Кислый постоянно вился вокруг Стёпки, бросая в его сторону пошлые вопросы:

— Ну, чо у вас с Викой было что-нибудь?

— Отвали, — огрызнулся Стёпка.

— Ну, и как она?

— Пасть свою закрой.

— Заткнулись оба, бараны криворукие, — останавливал их перепалку Толянч. — Лучше бы работали так, как языками чешете.

Нагоняя Толянч хватало ненадолго. Как только Кислый открывал рот, всё повторялось снова.

Едва дотянув до воскресенья, Стёпка стал готовиться к приходу Вики. Он вымыл пол, купил в супермаркете торт и шампанское и стал ждать гостью.

Вика пришла после обеда. От неё приятно пахло духами. Она осмотрела дом и ничего не сказала.

— Не понравилось? — спросил Стёпка.

— Почему же, — пожалла плечами Вика. — Довольно уютно. Только занавески надо постирать и обои новые поклеить. Ой, а у моей бабушки тоже такой сервиз был. — Она показала на буфет, в котором притаились белые чашки с красно-чёрным узором.

— Я просто недавно вернулся... — он осёкся. — С вахты. Не успел ничего переделать. А так я вообще хочу весь дом перестроить. Будет два этажа.

Он стал размахивать руками, описывая свои планы грандиозной перестройки.

Сделав круг по комнате, Вика села на скрипучий диван и скрестила руки на коленях. Стёпка сел рядом. Он хотел положить руку на её коленку, но испугался, что она убежит. Больше всего сейчас Стёпка боялся, что Вика исчезнет, и он снова останется один.

Они молча смотрели на окно, по которому ползла шальная муха. Наконец, Стёпка нагнулся и положил голову ей на колени. Она отдернула руки, но осталась на месте, стала перебирать пальцами его светлые, выгоревшие волосы. В далёком, почти забытом детстве так делала мама. Стёпка мать не помнил, только её руки. Те же тёплые, нежные руки сейчас ворошили его волосы. И Стёпке казалось, что только ради этих рук он живёт на свете.

— Стёп, а о чём ты мечтаешь? — спросила Вика.

— Денег хочу много заработать, — не задумываясь, ответил он.

— Хм, как банально.

— Ну да, ещё жену хочу красивую и собаку завести. А ты о чём мечтаешь?

— Уехать хочу в Америку.

— Ты и так сейчас в Америке, — ухмыльнулся Стёпка.

— Я про настоящую Америку. Хочу ходить среди небоскрёбов с маленькой собачкой под мышкой.

— Прикольно.

— Стёп, у меня практика закончилась, — сказала Вика после короткой паузы. — Я на неделю в деревню уеду. Ты не звони мне, там связь плохо ловит.

— Хорошо. А писать можно?

— И не пиши, а то я все твои сообщения только дома прочитаю. Я сама тебе позвоню, когда вернусь в город. А теперь прости, мне пора домой.

Стёпка поднял голову, и она ушла. В комнате остался только запах её духов и нетронутое шампанское с тортом.

Прошло больше недели, а Вика так и не позвонила. Стёпка несколько раз порывался набрать её номер, но всё время что-то отвлекало. На работе был полный завал. Каждый день какие-то люди привозили диски, фары, зеркала и прочие запчасти. Стёпка всё это в одиночку таскал в гараж и раскладывал на стеллажах. Кислый сказался больным, и все эти дни не появлялся на работе. Стёпке приходилось крутиться за двоих, то принимая товар, то помогая Толянычу.

Ближе к концу рабочего дня к гаражу подъехал белый “Опель”. Из него выскочил крепкий мужик и бодрым шагом направился к мастерам.

— Мы закрываемся, — сказал ему Толяныч.

— Да у меня делов на пять минут, — ответил мужик. — Какой-то козёл ночью правое зеркало скрутил. Мужики на работе сказали, что вы быстро и недорого можете сделать.

— Американец, посмотри, есть чо? — крикнул Толяныч, и Стёпка бросился вглубь гаража. Отыскав похожее зеркало, он вынес его на свет.

— Прикрути, — приказал Толяныч, мельком взглянув на зеркало.

Стёпка подошёл к машине и стал устанавливать зеркало.

— Смотри-ка, совсем как моё, — сказал хозяин машины, разглядывая зеркало. — Вон и трещинка в углу.

— Откручивай назад, Американец, — скомандовал Толяныч. — А ты, если не нравится, вали, — обратился он к клиенту.

Стёпка остановился. Хозяин машины выпрямился и подошёл к Толянычу:

— А ты мне документы на зеркало покажи. Где взяли, а? Моё же зеркало краденое мне втюхать решили?

— Ты чо тут концерт закатил? — не уступал Толяныч. — Не нравится — проваливай, разводить нас тут не надо. Устроил: моё — не моё.

— Я ментам вашу контору сдам. Пусть они с вами разбираются.

Мужик оттолкнул Стёпку, запрыгнул в машину и дал по газам.

— Ты чо зенками хлопаешь, — заорал на Стёпку Толяныч. — Я те по-русски сказал, откручивай. Скажу хозяину, чтобы вычел из твоей зарплаты.

Стёпка опустил глаза.

— Чо застыл, как статуя Свободы? Давай, заканчивай. Закрывать надо.

Стёпка повернул голову и посмотрел на Толяныча.

— Мы что, на самом деле краденые запчасти ставим?

Толяныч сплюнул на землю.

— Ты совсем тупой?

— А если менты приедут?

— Думаешь, менты сами у нас не ремонтируются? Они хозяину бизнес делать не мешают, а он им за это скидку. Здесь всё схвачено, Американец. Ты сам-то сидел, так что не строй из себя святошу.

— Если бы я знал, не пошёл бы сюда.

— Ну, так вали. Такие, как ты, работники в базарный день пучок пять рублей стоят. Думаешь, тебя за красивые глаза взяли? Да, тебя взяли, чтобы ты со своим уголовным прошлым сидел и не вякал.

— Я, может, жизнь хотел с белого листа начать, а вы меня опять мажете.

— Ну, так вали, раз такой правильный. Толку от тебя всё равно никакого.

Стёпка зашёл в гараж, переоделся и вышел на улицу.

— Деньги мне за отработанные дни кто заплатит? — спросил он у Толяныча.

— Какие тебе деньги ещё! Это компенсация за твою криворукость. И на глаза мне больше не попадайся.

Стёпка отвернулся и пошёл прочь. Денег было жалко, но он решил больше ничего не просить у этих людей. Завтра же пойдёт в нормальную мастерскую. Может, с опытом и возьмут. А если не возьмут, то пусть хоть дворником или грузчиком, лишь бы честно.

Стёпка ускорил шаг и оказался возле дома Вика. Он взлетел на третий этаж и позвонил в квартиру. Никто не ответил. Он позвонил ещё раз. Снова без ответа. Тогда он нажал на звонок соседней квартиры. Послышались шаги, дверь отворилась, и на пороге появился Кислый.

— О, Американец, здорово! — воскликнул он. — Чо хотел?

— Не знаешь, Вика вернулась из деревни? — спросил Стёпка.

— Чо? — не понял Кислый. — Вик, тут Американец пришёл, к тебе, по ходу, — крикнул он.

Из комнаты выглянула Вика.

— Занята девушка, — усмехнулся Кислый. — Так что, янки, гоу хом!

— Петь, погоди, — вмешалась Вика. Она протиснулась вперёд и вышла на лестничную клетку. — Дай нам поговорить.

— Ну, о'кей, говорите, — нехотя согласился Кислый и сделал шаг назад.

Вика прикрыла дверь.

— Ты что, с ним теперь? — выдавил из себя Стёпка.

— Понимаешь... — Вика виновато опустила глаза. — Я его знаю с детства. Петя прикольный, с ним всегда интересно.

Стёпка хотел отвернуться, но Вика остановила его.

— Стёп, ты очень хороший. Правда. Я тебе очень благодарна. Но я не люблю тебя. И я тебе ничего не обещала. У тебя всё будет хорошо. Ты обязательно найдёшь себе красивую жену и дом свой перестроишь. Стёп, не обижайся, пожалуйста.

Стёпка молча смотрел в её глаза и видел там только жалость. Невыносимую, жгучую жалость, которая только плевалась теплом, но не грела.

Он ничего не ответил и поплёлся вниз. Долго бесцельно брел по улице. Ему больше некуда было торопиться. Он перешёл дорогу и оказался в незнакомом дворе. Возле подъезда выпивала компания молодых людей.

— Эй, парень, закурить не найдётся? — крикнул кто-то из компании.

Стёпка машинально повернулся и увидел парня с перевязанной головой.

— Пацаны, это же то чучело, которое избило нас на пустыре, — крикнул парень.

— Валите его! — крикнул кто-то из компании.

Стёпка сам не заметил, как оказался на асфальте. Его били в живот, в голову, пинали ногами. А он сжимался в позе эмбриона, не в силах ответить. Кровь вытекала из носа и рта, она струилась, опоясывая его голову и тело своими нитями.

Вскоре он остался один. И только ветер обдувал его едва дышащее тело. И чудилось Стёпке, что это мать гладит его своими руками.

АННА ХАРЛАНОВА

ЛОСКУТКИ

ЧУДО

Лунный свет сквозь облака сочится.
Дождь прошёл. И на душе легко.
Этой ночью пусть тебе приснится
Тёплое парное молоко,
Пышный дуб, танцующие тени,
Дом с окошком, на дороге пыль,
Виноград, упавший на колени
И на Галичьей горе ковыль.
Пусть тебе легко и просто будет
И с другими, и с самим собой.
Мир — несправедливое, но Чудо,
Мальчуган с разбитою губой.

ЛОСКУТКИ

Наконец-то мороз и его обжигающий запах:
Если крепко вдохнуть, то не холодно, а горячо!
В небе звёзды скрипят. И я знаю, что если заплакать,
На ресницах намёрзнет, а нос — всё равно потечёт.

Окончила Литературный институт им. М. Горького (семинар прозы В. В. Орлова). Поэт, прозаик, детский автор. Идеальный вдохновитель и организатор Международной литературной премии имени А. И. Левитова и фестиваля “ЛевитовФест” в Липецке. Член Союза российских писателей. Лауреат нескольких всероссийских и международных конкурсов. Публиковалась в журналах “Юность”, “Подъём”, “День и ночь” и др. Живёт в Липецке. Публикация осуществляется в рамках проекта “Мастерские” Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Ровный дым из трубы тонкой струйкою тянется в небо.
Скоро в избу зайдём, где за печкою прячется кот,
И меня угостят молоком и распаренным хлебом,
А старушка для кукол моих лоскутки принесёт.

Что за чудо-подарок! Зелёный, бордовый и синий,
Скользкий шёлк, тёплый бархат в цветах кружевных.
Сколько зим пронеслось! Я забыла фамилию, имя,
Лоскутки потерялись... Мороз мне напомнил о них.

СЫНУ

“А бога нет, — он мне говорит,
Прямо на Пасху, кулич откусывая.
И смотрит дерзко. —
Есть только Я!”
У меня болит где-то в подвздошной.
Любимая и безусая
Мордочка смотрит дерзко.
“А я не просил меня рожать!
18 стукнет — уеду сразу,
Общаться не буду!”
Твою же мать,
Психанула — перебила посуду.
И это боль моя — в мелкую пыль,
А кровь на полу не моя.
Прости нас, Господи, прости.
Или сначала одну меня.
“Какие заповеди?! Они для тупых!”
Заведу будильник. Помою пол.
Упаду — и кресло мне даст под дых.
Самолеты разбудят в шестого пол,
До будильника. Уже ни звезды —
Осколки собраны, дальше жить
С чувством растущей беды,
Прощать и просить
Прощения.
Прощать — и простить.

СОБИРАЯ СМОРОДИНУ

Сверкают леденцовые лучи
И прячутся в листве усталых яблонь,
А я полдня пытаюсь разлучить
Смородину с одним кустом хотя бы.
Нагретая июльской жарой,
Горячая, как поцелуй внезапный,
Смородина смеётся надо мной,
А солнце тихо движется на запад,
И кажется, не ягоды в руках,
А годы — им пора, пора скатиться
Самим уже вот с этого куста,
Упасть в траву — и в землю возвратиться.

АХМЕДХАН ЗИРИХГЕРАН

ТУМАННОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

РАССКАЗ

Сладко потянувшись в полудрёме, Дауд скатился с согретой за ночь перины на холодный каменный пол. Вскочив, он забрался обратно под овечий тулуп, где было так тепло и уютно. Но сна уже не было. Дауд оглядел комнату. За окнами всё было залито белёсой завесой тумана. Стёкла в старых деревянных оконцах позвякивали под напором ветерка. Сквозь щели в старых рассохшихся рамах залетал дымок тумана, растворяясь в воздухе. В комнате стоял сумрак. Чёрный, прокопчённый за много десятилетий потолок и покрашенные синькой стены сгущали темень.

Дауд вновь сладко потянулся. Перина постелена прямо на ковёр. Плоские, отполированные ногами за многие годы камни совершенно разной формы более-менее подогнаны друг к дружке. Расстояние между ними также покрашено синькой. Синева стен словно стекала вниз, разливаясь меж каменных островков. Старый, прокопчённый дом уютен; холодно, несмотря на туман, в нём не было. Где-то прокричал петух, послышался звон колокольчика проходящей мимо коровы.

Дауд любил этот дом. Рядом, в нескольких десятках метров отец выстроил новый, современный. С деревянными полами и паровым отоплением.

ЗИРИХГЕРАН Ахмедхан (Кишов Ахмедхан Алиевич) родился в 1976 году в ауле золотокузнецов Кубачи (Дагестан). С малых лет с отцом и братьями работал ювелиром. Окончил Кубачинскую среднюю школу с углублённым изучением основ кубачинского искусства. В данный момент сотрудник художественно-публицистического журнала "Дагестан". Публиковался в журналах "Дагестан", "Кольцо А", "Зарубежные задворки", "Дарьял", "Южная звезда", "День и ночь", "Причал", "День литературы", "Гостиный Дворъ", "Сундук". Член Союза писателей России. Живёт в Махачкале. Публикация осуществляется в рамках проекта "Мастерские" Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Но Дауд предпочитал ночевать здесь. Здесь же, в старой дедовской мастерской он устроил своё рабочее место. Как деда не стало, в ней никто не работал — в новом доме была отличная, просторная мастерская. Но Дауда всегда тянуло сюда. Дед был отличным серебряных дел мастером и многому научил Дауда.

Первое время он уходил в новый дом по окончании работы. Но так как рабочий день у него был ненормированный, то Дауд частенько засиживался за верстаком допоздна, и уходить ему было лень. Хотя идти-то всего ничего. И в один из таких вечеров на улице стеной лил дождь, Дауд не пошёл ночевать в новый дом. Достав из такого же старинного, как и весь дом, сундука перину и тулуп, улёгся спать. Прямо на каменный пол, как в детстве. Перина была огромной, набитой настоящими перьями, коих в наше время и не делают. Тулуп тоже немаленький, и одеяла не потребовалось. С тех пор так и повелось. Отец даже подшучивал: отделился сынок, пора уже тогда и жёну привести в свой отдельный дом. Дауд пропускал колкости мимо ушей.

Согнав с себя остатки сна, Дауд подошёл к окну и отворил створки. Туман ввалился в комнату белыми клубами. В ясную погоду вид отсюда был завораживающе великолепен: село карабкалось по склону горы, и из окна были видны лишь уходящие вниз крыши нижестоящих домов и горы, подпирающие вершинами небо. Когда же туман располагался чуть ниже, Дауд чувствовал себя прибрежным жителем. Туман, подобно морю, колыхался, наползал и отступал. Любоваться этим можно было бесконечно. Здесь, высоко в горах, туман — частое явление. Утро могло быть жарким и солнечным, а уже к полудню всё заволакивало белесой мглой. И наоборот. Туман мог прийти снизу, перелезая через горы, словно живое существо. А мог свалиться откуда-то сверху, с неба. Сегодня туман стоял густой, тяжёлый. Уже в метре ничего не видно. Дауд любил гулять в такую погоду. Идёшь и ощущаешь себя ёжиком в тумане. Никогда не знаешь, кто вынырнет из тумана тебе навстречу.

“Наверное, поэтому мы серебряных дел мастера. Слишком часто наше село накрывает этот серебряный туман”, — подумал Дауд, выходя из дома. В новом доме никого не было. Родители ушли по делам, сестрёнка была в школе. Прошедшей ночью Дауд допоздна работал, заканчивал серебряный коньячный сервиз. Поэтому его никто утром не стал будить звонком, как это случалось обычно, когда все садились за стол.

Быстро позавтракав, Дауд отправился на прогулку. Он торопился: могло распогодиться, а упускать возможность прогуляться в таком густом тумане он не хотел. В тумане все звуки слышны особенно чётко — мозг концентрируется на звуках. Петухи уже почти не кричали, где-то вдали тарахтел грузовик. А вот немного ближе слышен звук циркулярной пилы. Издалека доносился звук радио. Где-то совсем рядом весело смеются девочки. Вдыхая полной грудью влажный, прохладный воздух, Дауд неторопливо прогуливался по закоулкам, направляясь к окраине села.

Телефонный звонок прозвучал в этот момент совершенно некстати, звонил Мамед, сосед и ближайший приятель.

— Я не дома, — буркнул Дауд, предполагая, что из-за Мамеда придётся вернуться домой.

— Куда вышел? — поинтересовался Мамед. — А я думал пойти в лес, груш наколотить.

— В лес? — обрадовался Дауд. — Так я уже на пути.

— А чего не позвал? — обиделся Мамед.

— Допоздна работал, заказ закончил, вот и решил просто пройтись, — объяснил Дауд.

— А я кричу тебе тут, в окно стучу — тишина.

— Сейчас вернусь, — воскликнул Дауд.

Не прошло и получаса, как они, прихватив ещё одного общего приятеля, Ильяса, бодрым шагом направлялись в лес. Сейчас стоял сезон дикой груши. Плоды её маленькие, с грецкий орех. Окрестные леса полны грушевыми деревьями, но лишь Мамед знал, где растут особо вкусные сорта.

Безлесные склоны, которыми они шли, были покрыты зарослями мелких цветов. Дауд зачастую не знал их названия. Но они притягивали его взгляд. Пройдя с десяток метров, он останавливался и фотографировал особенно понравившиеся.

— Чего ты их фоткаешь? — удивился Ильяс. — Обычные цветы.

— Вот посмотри, какой узор, а если такой изобразить на серебре? — поделился своими соображениями Дауд.

— Зачем изобретать велосипед, есть же классические узоры, — проворчал Мамед, ему не терпелось быстрее дойти до грушевых деревьев.

— Да, ты прав, есть в этом цветке что-то необычное. — Ильяс присел рядом с Даудом и тоже принялся фотографировать приглянувшийся Дауду цветок.

— Мамед, ты не ворчи, посмотри хотя бы, какая красивая эта колочка, — Дауд указал на одинокий куст, увенчанный бутоном с красивым серееным цветком, подобным короне.

— Это татарник, — проинформировал Ильяс, продолжая рассматривать цветы, — а это что за цветок, я не знаю, надо поискать инфу в интернете.

— А знаешь, как можно? — усмехнулся Мамед и ловко шнул бутон татарника. От меткого удара бутон, оторвавшись, отлетел на десяток метров в сторону.

— Да-а, снайперски, — усмехнулся Дауд.

— Пнуть всякий может, а колочка эта красивая, — проворчал Ильяс.

Мамед, принявшись пинать все попадавшиеся на пути кустики татарника, исчез в туманной мгле. Дауд и Ильяс вскоре отправились следом. Мамеда не было видно, но это никого не пугало. Ведь они знали каждую тропинку почти наизусть.

Белёная мгла начала светлеть, в следующее мгновение яркие солнечные лучи ослепили ребят. Туман уползал вниз по склонам. Небо над ними было голубым и безоблачным, солнце находилось почти в самом зените. Цветы, сплошным ковром покрывающие склоны, заиграли красками, заблестели капельками туманной росы на лепестках. Колочки татарника, торчащие во все стороны, были покрыты мириадами капелек. И в каждой отражалось солнце. Капельки эти, не такие крупные, как капли утренней росы, были подобны россыпи бриллиантов на причудливом колье или броши.

— Как прелестно! — ахнул Дауд.

— Утром так не бывает, — рассуждал Ильяс, — пока солнце встанет, роса уже испаряется.

— Как я раньше такого не замечал, — не успокаивался Дауд.

— Солнце в зените, минут десять пройдёт, и все эти капельки испарятся. — Ильяс присел рядышком с Даудом.

— Вот где люди это подсмотрели, — рассуждал Дауд, не прекращая любоваться россыпью капелек, — как бриллианты играют на солнце.

— Как дети малые, — проворчал Мамед, оказавшийся совсем рядом.

— Такое редко увидишь, — улыбнулся Дауд, — любуйся, пока есть возможность.

— Это вы постоянно дома сидите, кроме работы, ничего не видите, — снисходительно произнёс Мамед, — а я в лес часто хожу, и не такое видал.

Туман, ушедший было вниз по склонам, вернулся снова, остановившись метрах в ста. Это был безбрежный белый океан, с островками, коими стали горные вершины. Контраст между полуденным знойным солнцем и бело-снежным океаном завораживал. Лесок, куда они держали путь, располагался как раз на границе туманного океана и полуденного зноя. Неторопливым шагом, сбивая туманную каплю с травы и цветов, все трое продолжили путь.

Лесной сумрак обступил их. Полевое разнотравье, радующее взор, осталось позади. Вершины деревьев растворялись в тумане, регулярно разрываемом всплеском солнечных лучей. Туман то поднимался, то вновь оставлял свои позиции. Мамед шёл впереди, уверенным шагом продираясь сквозь колючие заросли шиповника, которые преграждали ему путь, Дауд и Ильяс следовали за ним. Вскоре Мамед остановился под раскидистым, приземистым

деревом, вся поверхность под которым была усыпана сорвавшимися с веток плодами дикой груши. Ветви дерева гнулись под тяжестью готовых сорваться вниз при малейшем прикосновении плодов.

— Да тут завались, — ахнул Ильяс, — видать, до нас никто не ходил.

— Да и на земле полно, — кивнул Дауд на осыпавшиеся плоды, толстым слоем покрывавшие землю под деревом, — потрясём дерево, а после всё и соберём.

— Я как знал, мешок взял, в этом году урожай хороший, — замурлыкал себе под нос Мамед. — И как мы это всё до дома дотащим?

— Доползём, — расхохотался Ильяс, ловко запрыгивая на дерево, — сейчас будет дождик грушевый.

— Давай тряси, — Дауд расстелил предусмотрительно взятый брезент, — да посильнее.

— Погоди, — засуетился Мамед, — мы отойдём подальше.

— Ещё чего, — хмыкнул Ильяс, — вот вам дождик.

На стоящих прямо под деревом ребят посыпался град из мелких, с грецкий орех груш. Мамед резво отбежал подальше. Дауд же, раскрыв пакет, стоял и ловил сыплющиеся плоды, не обращая внимания на то, что попадали они не только в пакет, но и по макушке и иногда даже закатывались за шиворот.

— Дауд ничего не упустит, если работает, то круглосуточно, если груши собирает, то на лету, — смеялся Ильяс, срывая висящие рядом с ним, не сорвавшиеся с веток груши.

Дауд, не обращая ни на кого внимания, перебирал добычу. Мамед выбирал из множества лежащих вокруг плодов самые зрелые и немедленно их надкусывал. Перезрелые плоды, тёмные внутри, были особенно вкусны. Ильяс, пошатая для верности ещё несколько раз дерево, спустился вниз.

— Вот такой формы можно чайник сделать. — Дауд держал в руках необычной формы плод.

— Хочешь новую модель придумать? — оживился Мамед. — Почти такие же делаем.

— Не-е-ет, ты глянь на изгиб, — не унимался Дауд, — если здесь носик будет, а здесь ручка, то это понравится всем.

— Хороший у тебя глаз, — одобрительно кивнул Ильяс, — сделай модель, я у тебя буду брать на гравировку такие чайнички.

— К нему тогда надо непохожие на другие и чашки, и блюдца придумать, — рассуждал Мамед, также принявшийся разглядывать каждый плод, — но тут главное — не перемудрить.

— Вот, — Дауд выхватил из валяющихся на земле плодов маленький, — это для чашки.

— Вот и новый сервиз, считай, готов, — улыбнулся Ильяс, — два в одном, и груши собрал, и сервиз придумал.

— Плагиадим у природы? — улыбнулся Мамед, завязывая заполнившийся мешочек.

— Ну, как можно мимо этого пройти! — Дауд запихнул выбранные плоды в карман куртки и принялся набивать свой мешочек. — Сегодня начну делать модель.

— Переработал ты немного. — Мамед протянул Дауду пригоршню самых зрелых плодов. — Почаще со мной на природу выбирайся.

— Увлекаюсь я, когда работаю. — Дауд, прежде чем отправить в рот, каждый плод окидывал взглядом.

— Раньше наши предки и пшеницу сеяли, и сено косили, и на охоту ходили, — рассуждал Мамед, — однако и неплохие вещи делали — всё успевали.

— И все эти узоры и формы они тогда и подсмотрели в лесах да полях, — поддержал его Ильяс, — а мы сейчас по домам сидим, из мастерской не выходим. Вот и в диковинку нам.

— И что, теперь нельзя пытаться что-то новое увидеть? — насутился Дауд.

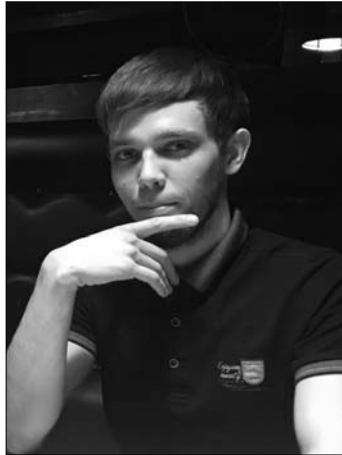
— Наоборот, нужно, — улыбнулся Ильяс, — с тебя модель, буду ждать.

— И не откладывай, пока есть идея — делай, — неожиданно поддержал Дауда Мамед. — Я вечером загляну к тебе, посмотрю, что получается у тебя.

Солнце уже начинало склоняться к закату, когда все трое, нагруженные тяжеленными мешками, полными дикой грушей, вышли из леса.

Туман укатился куда-то вниз, обнажив горные склоны. Роса испарилась под напором солнечных лучей, и кустики татарника не блистали более россыпями бриллиантов. Горное солнце беспощадно жарило, словно беря реванш за туманное начало дня. Село, совсем недавно тонувшее в густом тумане, вновь было всё на виду, взбираясь к вершине ступенями домов. Перед самым селом Дауд сорвал понравившийся ему куст татарника и аккуратно пристроил его на своём мешке.

ИЛЬЯ КАРАМЫШЕВ

ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИ

РАССКАЗЫ

Целевая причина

Я здесь живу. Прямо здесь, да. В центре Ярославля. Весной с каждым днём всё светлее и теплее. И дома вокруг пасхальные. Светлые, тёплые, яркие. И тоже с трещинками, как скорлупки.

Всё началось на лекции. Я читаю их вечерникам в университете. Их человек пятнадцать приходит. И все девушки.

— Давайте начнём! — собираю на себе взгляды: усталые и рассеянные, внимательные и деловые, робкие и настороженные, весёлые, приветливые, задумчивые и её, Серафимы. Она всегда на меня смотрит. То есть не постоянно, а каждый раз. Каждый раз, как что-то происходит, мы невольно переглядываемся и сверяем реакции. Я давно это заметил. А ещё заметил, что она куртку в гардеробе вешает рядом с моей: молния к молнии, капюшон к капюшону.

Пара начинается с переключки. Серафима по списку первая. Не называя, поднимаю на неё взгляд. Она улыбается, и я ставлю плюстик. Отмечаю остальных, уточняю темы докладов.

Начинаем с учения Аристотеля о причинах. Разбираем примеры.

— Ну, хорошо. А как вы считаете: любовь в отношениях — это действующая или целевая причина? — поворачиваюсь к Серафиме. Она отводит взгляд и смотрит в экран телефона. Вдруг спрашивает:

КАРАМЫШЕВ Илья Сергеевич родился в Рыбинске в 1993 году. Окончил бакалавриат и магистратуру математического факультета ЯрГУ и аспирантуру философского факультета МГУ. Кандидат философских наук. Автор книги рассказов "Исключения". Участник мастерской АСПИ в Смоленске. Публикация при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

— А у Вас есть девушка?

Есть ли у меня девушка? Хороший вопрос. Теперь Серафима глядит на меня уверенно и испытующе. Не только она. Все.

“А Бог есть?” — так мой научник ответил. Правда, ему было под восемьдесят. И спросила его студентка не про девушку, а о существовании Бога. Меня о Боге не спрашивают, но мне и не восемьдесят.

— Кант сказал бы, что раньше у него не было времени, а теперь нет необходимости. Но я в этом смысле не кантианец.

— А философы всегда уходят от вопросов?

— За философов не скажу, но преподаватели философии обычно рекомендуют литературу по теме.

После пары Серафима подошла ко мне. Я посоветовал ей почитать переписку Мартина Хайдеггера и Ханны Арендт. И спросил, что она любит.

— Вкусно поесть. С кровати не встану, пока не представлю свой симпатичный завтрак. Мне нравится начинать день с красоты на тарелке. Это могут быть сырники со сгущёнкой, сложные бутерброды, блины с мясом, кусок чабатты с творожным сыром и красной рыбой. Или яичница с недоделанным желтком и разными наполнениями: помидор, грибы, бекон, лук, сыр, зелень... Вы так внимательно слушаете.

— Больше всего мне понравился “недоделанный желток”. А кофе Вы любите?

— Люблю, да, но пытаюсь от него отказаться.

Попытка была засчитана. Мы стояли на перекрёстке и вертели в руках давно опустевшие картонные стаканчики. Снова загорелся зелёный.

— Теперь точно пора, — Серафима ещё раз поблагодарила меня за кофе, улыбнулась и, накинув капюшон, направилась вдоль неровного контура бело-жёлтой зебры.

— *Илья Сергеевич, добрый вечер! Извините, я завтра не смогу присутствовать на лекции из-за болезни и плохого самочувствия*

— *Добрый вечер! Ничего страшного. Выздоровливайте поскорее!))*

— *Спасибо огромное!:) И ещё я бы хотела узнать, можно написать эссе Вам: высказать свои мысли, рассуждения? Или же ещё как-то отработать? Может, темы Вам рассказать, которые пропущу? Очень бы хотелось постараться, пока есть время, чтобы автоматом хорошая оценка вышла*

— *В дополнительном необходимости нет. Сосредоточьтесь на выздоровлении. Главное, чтобы я не подумал, что оценка в зачётке беспокоит Вас больше, чем философские проблемы.*

— *Поняла. Спасибо! Будем сосредотачиваться!)) Я, кстати, начала по Вашей рекомендации читать переписку Хайдеггера и Арендт. Очень интересно!*

На занятиях Серафима всё время что-то рисует. Когда подхожу ближе, улыбается и накрывает тетрадь методичкой с разноцветными закладочками-стикерами.

Пара заканчивается. Аудитория пустеет. Серафима плавно подходит ко мне. Не очень близко, но ощущение, будто она совсем рядом.

— Илья Сергеевич, я дочитала вчера вечером переписку.

Говорит негромко, почти шёпотом. Я вслушиваюсь в её голос, а она заглядывает мне в глаза.

— Хайдеггер её не любит. И никогда не любил, даже в самом начале.

Поправляет прядь тёмных волос. Рукава чёрной водолазки закатаны по самый локоть. Кожа кажется чересчур светлой. Запястья тонкие. Маникюр прозрачный. Черты лица выразительные, но как бы ещё не до конца определившиеся.

— Я поняла так, что ему нужна была умная студентка, которая слушает и понимает. Но только для того, чтобы он мог в диалоге с ней лучше выстраивать свои рассуждения.

В выражении лица что-то неуловимое. На фотографии во Вконтакте она проще, определённое.

— Он использует её. А она искренне его любит, бескорыстно. Вы не согласны?

— Думаете, он понимал это?

— А Вы понимаете?

В Ярославле весенними вечерами бывает как-то особенно тихо. И пусто. Видимо, люди за зиму забыли, что можно бесконечно бродить по старым улочкам, останавливаться у светофоров и разглядывать друг друга.

Серафима любит глубоко дышать. Сказала, что поэтому и не курит. Я тоже люблю, когда она глубоко дышит.

Мы шли по улице Победы мимо Никитинской церкви. Я сходу заскочил на обложенный керамической плиткой выступ, слева от ступенек, в которые резко переходила пешеходная полоса. Серафима остановилась, сосредоточенно примериваясь.

— Могу подать тебе руку.

Серафима посмотрела на меня внимательно, слегка прищутив глаза. Она так делает, когда отпивает воду из бутылочки или если смотрит вдаль без очков. И вот теперь, на меня.

— Или пример. Одно из двух: или руку, или пример. Но пример я уже подал.

Серафима немножко выпятила нижнюю губу вперёд и чуточку нахмурилась. А затем глубоко вдохнула и на выдохе расцвела в улыбку.

Когда она рядом, мне хочется придумывать. Мы стараемся каждый раз гулять в каком-нибудь новом месте. Ей нравится, что всё кругом начинает цвести.

От кино Серафима отказалась в самый последний момент. Я спросил:

— *Всё ли в силе?*

— *Совсем забыла. Прости*

Предложила вернуть деньги за свой билет. Ответил, что не нужно.

— *Я сейчас иду в центр. Освобожусь часа через полтора. Потом хотела пройтись по Ауре, посмотреть джинсы, может быть. Если прям очень хочешь, можешь составить компанию*

Ответил, что неинтересно.

— Возьми, пожалуйста... Да не руку, а конфеты, — на раскрытой ладони лежали две “Ласточки”.

— Примирительная жертва?

— Возьми, — её нижняя губа чуточку выступила вперёд.

— Да я ведь не обижаюсь. Просто заранее говори, насколько опоздаешь.

— Мне мертвец сегодня приснился. Надо конфеты раздать, по две штуки, чтобы никто не умер.

Я переложил “Ласточек” в карман и взял её за руку:

— А тебе никогда не говорили, что вот эта минутная стрелочка иногда останавливается, чтобы полюбоваться тобой?

— Ой. А куда она делась?

Минутная стрелка выглянула из-за часовой, и одновременно с этим показалось солнце.

А в переписке мы с Серафимой почему-то промахиваемся друг мимо друга. Хотя и стараемся каждый по-своему. Она редактирует сообщения после отправки. Я ставлю точки в конце предложений. Она аккуратная. Я люблю точность.

— *Купила билет в Сочи на 2 мая. Обратно пока не знаю когда. По поводу твоего предложения ничего не могу обещать*

— *Зачем билет?*

— *Чтобы долететь*

— *Чтобы летать, нужны крылья.*

Не ответила.

Без Серафимы я стал чувствовать себя одиноким. С ней, в общем-то, тоже. Мы о многом спрашиваем друг друга, но отвечаем как бы по касательной, не подпуская к себе слишком близко.

— *Приветик! Нет, в Сочи не полетела, рейс опять отменили. Зато посетила Хопьлёво. Это родина адмирала Ушакова. Там храм восстанавливают. Иконостас расписали очень ярко. Старые фрески на этом фоне как плесень. Победали там очень вкусно. Чай травяной и пасха, с цукатами, орешками.*

Не слишком сладкая. Тонкий вкус. Я рецепт узнала. Попробую дома сделать. Не знаю, что получится. Яиц ещё освящённых дали в дорогу. У тебя что нового?

— Бабушка утром звонила.

— Случилось что-то?

— Да нет. Попросила предупредить заранее, когда жениться надумаю. Чтобы на подарок отложить.

— Слушай. Мы с девочками посидеть хотели сегодня вечером. Думаю, ненадолго. Можем потом увидеться. Если хочешь

Подруги вели её под руки. Серафима посмотрела мимо меня своими серыми, без оттенка, глазами. Я поблагодарил подруг и забрал открытую, но нетронутую пачку. Купила, видимо, а выкурить не успела. Сказала, что вообще не пьёт, а курит только когда пьяная.

— Ты часто в это окно смотришь?

Прижавшись лбом к холодному стеклу, Серафима сидела на подоконнике и смотрела, как я выкладываю на нём сигаретами изображения геометрических фигур.

— Когда живёшь в коммуналке, кроме как в окно смотреть особо некуда.

— А здесь куда? На ржавые крыши?

— Никто же не знает кроме меня, что они ржавые.

— А если бы знали? Прохожие по-другому бы на эти дома смотрели?

— Я думаю, кроме туристов, на эти дома мало кто смотрит. Давно стали фоном. Но мне они ржавенькими ещё больше нравятся.

— А мне приснилось, что я в художку без кнопок пришла. Спрашиваю всех: ни у кого нет. И тут наша Татьяна Дмитриевна вдруг сразу же очень близко, за плечо меня хватает и трясёт.

— Ты говорила что-то во сне. Я не разобрал, но очень тревожно. И ворочалась сильно.

— Спасибо, что разбудил.

— Мне иногда снится, что я срываюсь откуда-нибудь: с лестницы высокой или с крыши...

— Чайник вскипел. Пора!

Серафима пыталась организовать чайную церемонию, а я — на сигаретах объяснить китайский способ перемножать числа. Меня обрадовал вопрос: как по-китайски делить. Её — моя гипотеза о жадности китайцев, предпочитавших приумножать.

В дверь комнаты резко и настойчиво постучали.

— Илья, на пару слов?

Это была Жёня из сорок седьмой. Крупная, хозяйственная, деловая. Уже давно не девушка, но ещё далеко не бабушка. С короткой стрижкой и противно тявкающим мопсом на коротких ножках. Она думает, что я студент, а я вообще о ней не думаю.

Вышел в коридор и прикрыл дверь.

— Лично к тебе у меня нет претензий. Ты живёшь здесь больше года, и до сих пор всё было нормально.

По интонации я уже догадался, что теперь нормально не всё.

— Не знаю: подмывалась она или что, но сиденье сзади сырое, — Жёня посмотрела на меня с вызовом. Вызов не был принят, и она продолжила:

— Если к тебе приходит кто-то, ты за неё отвечаешь. Я не хочу сидеть в луже! Не так много прошу. Да?

Мопс подтявкнул. Я вернулся в комнату.

Серафима всё слышала.

— Давай посмотрю: что там?

— Не переживай. Она просто не в настроении сегодня, — я отдал Серафиме ключи от туалета и осмотрел комнату: распахнутая по углам мебель, заваленный книгами стол и покрытая заодно обоями дверь. Из коридора пахло пережаренным арахисом.

— Всё благополучно?

— Мне, наверное, пора.

Мы шли квартал за кварталом. Я словно читал огромную книгу, страницы которой забыли пронумеровать. Было неясно, где мы, и когда всё это закончится.

— Теперь всё, — она развернулась и радостно улыбнулась. Я обнял её. Она как бы втянула живот и грудь и чуть наклонилась, чтобы коснуться меня только плечами. Я так и не понял, что это: комплексы, брезгливость или просто привычка.

Я стоял возле окна и засовывал сигареты обратно в пачку. Они почему-то не помещались.

В университете мы виделись ещё несколько раз. Я больше не приходил в куртку, а Серафима не садилась за первую парту. Я поставил ей автоматом пятачку. Она подарила мне коробку конфет.

Только не говори

Сегодня ему приснилось, что умерла мать. Дождь, крышка гроба, и он идёт в носках по сырому асфальту. Толпа людей, и слёзы на глазах отца. Никогда не видел его плачущим. Проснувшись, открыл сообщения от мамы, отправленные в четвёртом часу утра:

*ещё не поздно отказаться? Скажи, что передумал
соври, что заболел*

*можно уехать куда-нибудь в конце концов
приезжай домой. Мы тебя любим и ждём*

Вечером встретились с Улиткой. На фуд-корте в Ауре было полно народу. О ковиде напоминал только пункт вакцинации, здесь же на третьем этаже среди кафешек.

Он взял гречу и чай, осмотрелся. Нелепые пластмассовые стулья. Крышка стола белая, круглая, деревянная. Окно с видом на Свободу панорамное. В очередной раз разблокировал экран телефона: Улитка опаздывала уже на семь минут. А он всё не мог решиться съесть третью ложку. Голod сам себя не утолит, но и встречать даму, сидя перед пустой тарелкой, ему не хотелось.

— Енотик, у тебя карта есть? — Улитка появилась как всегда неожиданно, — не принимают уже с телефона.

Он резко вскочил, едва успев подхватить спинку опрокинувшегося стула.

— Да куда ты? Кто бы мне просто так заказ выдал? — она поставила свой поднос на середину стола.

— Давно ждёшь? — Улитка посмотрела на него с улыбкой, слегка прищурившись. Набежавшие на уголки глаз морщинки пытались спрятаться в голубоватой тени бережно растушёванных полупрозрачных стрелок. Он поймал сползающую с её плеч куртку и повесил на спинку стула, а Улитка расправила на шее недавно подаренный им синий платочек с енотиками. Каждый енотик как-то особенно смотрел на него и ждал.

— Зара, Бершка, Страдивариус — везде закрыто, — бегло оглядев обстановку, Улитка приземлилась на пустовавший стул.

— Сашка моя говорит, их отстранили на три месяца с сохранением. Но ты не завидуй, им копыё платят. Чё-то бледный какой-то сегодня. Всё нормально?

Он выудил из тарелки чёрненькую крупинку и начал выдавливать её из лужи. Она медленно выползала, словно улитка из ракушки.

— Улитка, мне приснилось сегодня, что я иду в одних носках по мокрому асфальту. А потом...

— И соус только сырный остался. На, попробуй крылышко. Ой, всё забываю. У тебя же пост. Скоро все поститься будем.

Улитка старательно разжевала крылышко и продолжила:

— Ни сахара, ни соли в магазинах уже. И гречу твою любимую по три упаковки на руки выдают. Так чем сон-то закончился?

— Да ничем. Проснулся просто.

— А я утром сегодня пила раф на кокосовом. Слышал новости-то последние?

— Да. Я как раз...

— В выходные ретрит по йоге. Я вот думаю абонемент взять, пока дефолт не начался. И холодно ещё. Снег на восьмое марта. Отличный подарок. Да, Енотик?

— Улитка, послушай.

— Чувствуешь: пахнет чем-то? Да, что ты хотел?

— Я академ решил взять.

— Зачем академ?

— Послушай меня.

— Только не говори... Енотик, ты новости слышал? У Сашки моей парень... — Улитка вдруг замолчала. Он посмотрел на стакан чая, медленно поворачивая его к себе то одной, то другой стороной.

— Ты с ума сошёл? Да тебя не возьмут. Ты был в деканате уже? Не вздумай! У тебя же зрение. Сколько у тебя? Енотик, скажи, что ты шутишь. Ты и в военкомате уже был?

Он сжал стакан. Чай расплескался по столу. Улитка медленно встала, стянула с шеи платок и начала тщательно вытирать им круглую, белую крышку деревянного стола.

ВИКТОР ЗДОЛЬНИКОВ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Л. М. ЛЕОНОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ

В первой половине двадцатых годов прошлого века состоялись литературные дебюты молодой поросли русской литературы XX века, через пару десятилетий составившей её классический пантеон: М. Булгакова, Л. Леонова, А. Платонова, М. Шолохова, К. Федина. По времени первым из них был Л. Леонов, чей рассказ “Бурыга” опубликован альманахом “Шиповник” в январе двадцать второго года. До своего первого романа “Барсуки” (1924 год) молодой автор напечатал около десятка рассказов и две повести. Ведущие критики тех лет отмечали экзотичность тематики, достоинства формы его ранних произведений, особенно языка, видели в них талантливые пробы пера, многообещающие литературные опыты. Анализ содержания почти не уделяли внимания. Хотя леоновская проза, уже в первых своих опытах бывшая не просто экзотичной, по языку ли, по тематике ли, а насыщенной бытийно-философским содержанием, требовала не только восхищения литературными её красотами, но и более серьёзного, на уровне содержания, подхода. Критика 20-х годов именно эту сторону ранней прозы Леонова обошла молчанием. Ограничивалась вежливой констатацией (“первоклассное дарование”) и разговором о “литературных влияниях”, об учёбе у предшественников. И почти все видели в учителях начинающего Фёдора Михайловича Достоевского. Такая “привязка” была либо похвалой за продолжение традиции, либо предупреждением молодому автору от увлечения “достоевщиной”, от скатывания к “идейной незрелости”. В зависимости от того, к какой из тогдашних литературных группировок принадлежал критик. Лишь умудрённый долгим житейским и писательским опытом Алексей Максимович Горький пророчески увидел из Сорренто: “Леонов – человек какой-то “своей песни”, очень оригинальной, он только что начал петь её”.

В 60–80-х годах, когда новая литературная поросль объявила одной из целей своей деятельности “лишить соцреализм девственности”, традиционное литературоведение, ориентированное на его эстетику, пело Леонову хвалу за продолжение традиций русской классики века девятнадцатого, сравнивая его опять же с Достоевским преимущественно. Не случайно такое постоянство в сопоставлении двух писателей русских. Они жили и творили в эпохи великих переломов в истории России, когда обнажаются, выходят на поверхность самые глубинные пласты общественного и национального самосознания народа. Его художественные гении, даже разделённые столетием, не могут не быть в чём-то похожими в осмыслении и изображении событий своего

времени, равно озабоченными судьбой и микрокосма — Человека, и макрокосма — человеческой цивилизации. Здесь основание и повод для сравнения и параллелей.

Живописуя мчащегося в своей бричке удачливого вора и обаятельного мошенника, героя первоначального накопления капитала, Н. В. Гоголь ещё только задавал вопрос: “Русь, куда же несёшься ты?”. Перед его художественным взором нет того будущего, провозвестником которого выступает герой; он лишь интуитивно как художник слова почувствовал его опасность. Достоевский воочию увидел после реформ шестидесятых годов, куда примчалась русская тройка: торжество чистогана и откровенного хищничества, попрание христианских заповедей и — главное для русского человека — замещение православной идеи соборности идеей свободной конкуренции, борьбы всех против всех. Россия во второй половине XIX века входила в своё будущее не первопроходцем, имела за спиной опыт Запада — и ничего позитивного о новом для страны общественном устройстве Фёдор Михайлович сказать не мог, кроме анафемы ему, вполне заслуженной, впрочем. В “Бесах”, наиболее, на наш взгляд, “философичном” его романе, Достоевский отшатнулся от социализма как возможной альтернативы современному ему обществу, обозначив его как “дело бесовское”. Иное дело — Л. Леонов, которого называют продолжателем традиций Достоевского в русской литературе XX века. Но продолжать — не значит лишь повторять, быть во всём похожим на учителя.

Что объединяет этих двух авторов, литературоведение к настоящему моменту ответило достаточно полно и обстоятельно. А в чём их непохожесть? В чём заслуга Леонова не просто как преемника традиции, но как автора *своей песни*?

В выступлении на Первом съезде советских писателей в 1934 году молодой Леонов, уже имеющий опыт десятилетнего (или чуть больше) профессионального труда и собрание сочинений в пяти томах, подчёркивал два решающих момента в творческой биографии писателей своего поколения: “зарядку старой культуры” и революцию, благодаря которой “в вялые паруса нашего поверхностного романтизма ударил грозовой ветер” и которой “мы обязаны всякими нашими успехами”. А в семидесятые уже прижизненный классик призывал будущих исследователей рассматривать творчество писателя как его духовную биографию, “как историю заболевания некоей мечтой или идеей”.

Заряд “старой культуры”, о котором говорил Леонов на съезде писателей, отработал свой тематический ресурс полностью в творчестве писателя 20-х годов. “Старая культура” и связанная с ней российская дореволюционная действительность, русский уклад жизни, с его колоритными характеристиками, — основная тематика леоновского творчества первой половины двадцатых годов. Молодой Леонов, в отличие от своих литературных сверстников, тогда мог казаться и казался неактуальным для критиков. Страна только что вышла из огня революции и гражданской войны “кровью умытая”, в романтическом порыве устремилась к новой жизни, а он пишет о старой кондовой Руси (“Гибель Егорушки”, “Случай с Яковом Пигунком”, “Петушинский пролом”), об отодвинутой революцией на обочину истории старой русской интеллигенции (“Конец мелкого человека”), об опасности исторического беспамятства (“Записи А. П. Ковякина”). И уж совсем некую байку из жизни “зелёного лесного детёныша-нос-хоботом” предлагает читателям при первом знакомстве (“Бурыга”). Написанный в манере сказа, отживающего уже тогда жанра, рассказ несёт в своих смысловых подтекстах боль, противоречия и проблемы в движении социального и технического прогресса. Сто лет ему уже, а читается он, как реальность сегодняшней действительности.

Начиная с романов “Барсуки” и “Вор”, всё дальнейшее леоновское творчество — художественное отражение борьбы старого и нового миров, “гигантской схватки за будущее планеты” в общецивилизационном и “сражение за человеческую чистоту” в онтологическом, экзистенциальном смыслах. У Леонова новый мир, персонифицированный и активно, порою агрессивно действующий, бросает вызов старому.

Тематически романы Леонова тридцатых годов вписываются в сконструированную тогдашней критикой новую жанровую форму — производственный роман, законное дитя индустриализации. Им несть числа в годы первых пятилеток: “Гидроцентраль” М. Шагинян, “Лесозавод” А. Караваевой, “Танкер “Дербент” Ю. Крымова, “Капитальный ремонт” Л. Соболева, “Время, вперёд”

В. Катаева, “Энергия” Ф. Гладкова, “Большой конвейер” Я. Ильина, “День второй” И. Эренбурга etc.

Чем выделяются в этом ряду леоновские повествования? В них мало или вовсе нет массового трудового пафоса индустриализации и, соответственно, плакатных героев. Все их, условно говоря, положительные персонажи – натуры социально активные, пассионарные, лишённые индивидуалистического эгоизма, но отнюдь не ангельского замеса чернорабочие социальной машины, рядовые участники строительных будней и “муравьиного энтузиазма” настолько жизнеубедительны, что в память читателя западают прочно. Так же, как и персонажи из бывших, “вчерашних”, запоминаются будоражащими мысль читателя размышлениями, репликами, прямыми или воображаемыми дискуссиями со своими “положительными” оппонентами. Их функция в художественном поле леоновского “производственного романа” не менее значительна и многогранна. Многочисленные авторы исследований творчества Л. Леонова старались не замечать их художественной функции в авторском замысле. Вот исповедь бывшего белогвардейского поручика, а сейчас – заведующего клубом на “Сотьстрое” Виссариона Буланина перед инженером-химиком Сузанной. Единственным здесь человеком, знающим о его прошлом: в гражданскую они стояли по разные стороны баррикады. Собственно, это коктейль из Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера, с добавлением для убедительности собственных наблюдений, обобщений, не лишённых глубины и пронизательности.

Виссарион раздражается монологом, нервным, истеричным, но не оставляющим равнодушным ни его слушательницу, ни тем более читателей. “На этой остывающей планете остывает и человек... Мир на небывалом ещё ущербе, в основе его ненависть и месть... Утерялись все нормы, наступил хамский апогей естественных наук... Придёт ещё один Фрейд – и не останется веры ни в чистоту, ни в дружбу, ни в невинность... Произошёл обман. Познан труп в его мёртвых отдельных частях, а живое единство ушло невозвратимо... И вот душа изгоняется из мира”.

Сузанна не находит, что возразить на эту боль живой души, кроме утверждения, что революция была тем более необходима, она-то и будет предпосылкой обновления мира и человека. И вот здесь чувствительный, больной нерв их дискуссии обнажается. В революцию “гибнут лучшие, носители огня”, зато “укрепляется здоровье мещанина. Прошедший сквозь революцию, он страшен своей подавляющей единогласностью”. Утвердятся его цели и ценности – и “человечество разрушат сытость и неразлучное счастье. Исчезнут социальные противоречия – источник развития”. Виссариона пугают духовные развалины, на которых пролетариат взялся строить равенство и новое братство. В атмосфере официального атеизма караулят человека им “ещё не испытанные холод и одиночество. И уже не будет души, огонька, у которого можно было погреться...” На прямой вопрос своей оппонентки: “Чего же хотите вы?” – Виссарион отвечает однозначно: “Воскресения души”.

Выживший в революцию обыватель с дипломом инженера дан в оппоненты главному герою романа “Скутаревский”. Плебеи по происхождению, они были когда-то однокурсниками и даже друзьями. Один пошёл по научной части и долго бедствовал. Другой, Пётр Петрыгин, свои знания выгодно продал предприимчивому фабриканту: молодая русская буржуазия “умела покупать нищих, не ущемляя их щепетильного достоинства”. Скутаревский принял революцию в силу собственного убеждения, что “миру, полагаю, сегодня класстирами не поможешь”. Теперь и тот, и другой работают на новую власть – пролетарскую. Сергей Скутаревский – потому, что она предоставила возможность осуществить его техническую идею – передавать электроэнергию на большие расстояния без проводов, то есть возможность созидать. Петрыгин, сидя на высоком месте в “Энерготорфе”, видит в своей работе лишь привычный способ продолжать жить безбедно (новая власть за знания платила хорошо) и удобную возможность для “интоксикации государственного организма”: он люто ненавидит революцию, отнявшую у него всё как у совладельца предприятий тестя. Скутаревским движет его философия жизни, согласно которой “полёт – естественное состояние человека, всё остальное – лишь кощунственное отступление от нормы”; Петрыгиным – ненависть, “смесь трусости и злости”.

Ещё у одного человека мечты и полёта, героя романа “Дорога на океан”, оппонентом выступает тоже представитель лагеря побеждённых, бывший камский судовладелец, “умный буржуй” Павел Омеличев, ныне под фамилией

Хожаткина работающий путевым обходчиком. В гражданскую он прятал в своём доме комиссара Курилова от белых. Ему просто “выгодно было приобрести друга на чёрный день”, так как “русская история всегда изобиловала неожиданными”. Хотя теперь его судьба, да и жизнь в руках Курилова, он довольно иронично оценивает Курилова как хозяйственника. Впрочем, и мечтатель Курилов, столь симпатичный в этом качестве, также имеет в романе оппонента. Есть в романе главы (“Он едет на океан”, “Утро”, “Мы проходим через войну”), в которых его спутником и собеседником выступает сам автор. Дорога на океан – это дорога в Будущее. По пути к нему они проходят через огонь мировой революции, которой, заметим, и в начале тридцатых ещё бредила старая ленинская гвардия. Эта футурологическая глава поражает не только провидческими описаниями технических новшеств, созданных для уничтожения человека, но и точным предвидением будущих конфликтов между народами и континентами. Для нас интересен авторский комментарий к этому куриловскому сценарию будущего “последнего и решительного боя”: “Мы встречали удивительных бойцов и запомнили много героических эпизодов, но тридцать шесть миллионов вооружённых людей, одновременно поражающих друг друга, не могут стать предметом восхищения ни историка, ни поэта...”. Это художественный приговор идее мировой революции, “перманентному” революционеру Троцкому и его сторонникам.

“История заболевания” автора мечтой и “мыслительные битвы современников”, к которым он так внимательно и заинтересованно прислушивался, наиболее полное и концентрированное выражение нашли в романе “Пирамида”, работа над которым стимулировала художественную мысль писателя около полувека – столько прошло времени от замысла до воплощения. Итоговый по сути, он вобрал в себя весь спектр “последних вопросов”, затрагиваемых так или иначе во всех предшествовавших ему произведениях. Коснёмся лишь некоторых, связанных с авторским заболеванием идеей, которую несла с собой Октябрьская революция: коренное преобразование и цивилизации, и человека на началах правды, добра и справедливости.

Как и полагается в романе-наваждении (авторская жанровая идентификация его), традиционного, строго выстроенного сюжета в “Пирамиде” нет. Но в фантазмагорической структуре романа некое подобие сюжетной организации событий просматривается достаточно чётко. Это история пребывания в “наших палестинах” (читай – в СССР) ангела Дымкова, посланного сюда высшими небесными силами помочь в поисках конкретных ответов на “вечные вопросы” и решения порождаемых ими проблем.

Первым, кого серьёзно встревожило появление на Земле ангела, был апостол “вселенского атеизма” профессор Шатаницкий. Ему неинтересна великая тайна Дымкова – способность творить чудо. Тогда почему же так встревожен профессор, что даже просит своего ученика – студента Никанора Шамина – устроить ему свидание с посланцем небес? Истинный антихрист, скрывающийся за личиной “научного атеизма”, мечтает о возмездии Богу за давнее, ещё до рождения Христа поражение в бесславном мятеже против всевластия Отца небесного. Он уже не может удовлетвориться “философской матерщиной” в адрес недостижимых там, вверху. Ему надо через отвращение к бессильному, обманувшему чаяния Небу (читай – к Богу), возбудить интерес к противоположному лагерю – преисподней и её обитателям (читай – к дьяволу). Профессор стремится к полной социальной и моральной реабилитации зла как необходимого компонента жизни. Застало его врасплох на пути решения этой задачи появление ангела, и Шатаницкий разрабатывает стратегию его нейтрализации.

Наблюдавшие за ангелом с самого прибытия на Землю “заинтересованные органы” докладывали, естественно, Хозяину о его необыкновенных, рационально необъяснимых способностях, которые он демонстрирует в цирке. И тот назначил аудиенцию Дымкову: хватит ему, дескать, “публику потешать, пора чем-то посерьёзней заняться”.

Почти полночи длившийся разговор Сталина с Дымковым изложен на сорока страницах тринадцатой-четырнадцатой глав третьей части романа. О писательской и человеческой честности Леонида Михайловича свидетельствует авторский комментарий к тем сорока страницам: “Произнесённый в тот вечер наедине с Дымковым, без свидетелей и стенограмм, монолог кремлёвского диктатора нельзя считать достоверным документом эпохи... Но современники имеют священное право на собственное суждение о личности вождя”.

Это был действительно монолог, рассчитанный на необычного слушателя и имевший цель также необычную. «Нам с тобой, товарищ ангел, предстоит поубавить излишнюю резвость похотей и мыслей... , которые никогда не считались со святынями». Пообещав, что подробности операции, её распорядок и своё место в ней ангел узнает на следующей встрече, которая по дальнейшему развитию сюжета не состоялась.

Для критических параллелей в творчестве Достоевского и Леонова оснований и в этом романе более чем достаточно: изощрённый порой психологизм, темы «последних вопросов», неожиданные сюжетные повороты, «вечные образы»-символы, тема двойничества, прямые аллюзии в «Пирамиде», вплоть до Алёши-горбуна и Великого Инквизитора. Последний роман вроде даёт много пищи для продолжения штудий о преемственности традиций Достоевского в русской литературе. Но только на уровне совпадения тематики, стиля и художественных приёмов определять учителя и ученика и суть этих понятий вообще — значит невольно уличать последнего в эпигонстве. Традиция — это дальнейшее развитие вечных для литературы тем и проблем в конкретно-историческом контексте. А ведь обозначены они почти все ещё в писательских дебютах Леонова — его ранних рассказах, в «Бурыге», в частности.

Хорошо хилило Бурыге в «зелёном приволье леса», в гармонии с матушкой-природой, в общении со всеми её обитателями. «Лишь зимой точила его тоска, холод в бору не тётка... Ждал весну». Да вот однажды не дождался её, потому что «пришло горе горькое. Однажды утром громко запели топоры... жестокими зубьями заскрежетали пилы... не замолишь слезой их лютого пенья. Встал на бору железный стон». Вот технический прогресс, каким он виделся начинающему писателю, ещё когда современники пели ему осанну. Возомнивший себя царём природы человек, забыв, что он сам её часть, повёл себя так агрессивно по отношению к природе-матери, заставив её, терпеливую, возроптать в романе «Соть». А протест начинающего автора против религиозной аскезы, против культа страданий, исповедуемого одним из персонажей рассказа «Смерть Егорушки», «ушедшем в пустыню искать скорбь», якобы более всего угодную в человеке Богу, также не рассмотрели первые критики сквозь густую вязь языка русского Севера.

И Достоевский, и Леонов жили и творили в периоды «великих слов» в русской истории и жизни. И это первое, фундаментальное основание их «схожести». С шестидесятых годов XIX века Россия начала спешно догонять ушедшую вперёд по пути капиталистического прогресса Европу и немало преуспела в том и экономически, и нравственно-этически. Достоевский одним из первых (если не первым) русских писателей восстал против животного индивидуализма западного образа жизни с его безжалостной конкуренцией. Против протестантской этики, освящающей именем Божиим личную корысть и стяжательство. Где же выход, в чём альтернатива? Русское мыслящее общество не могло не задавать себе таких вопросов. Одни к топору звали Русь во имя торжества справедливости в форме социалистического уклада жизни, другие социализм отвергли a priori, как Ф. М. Достоевский, представив его бесовским делом в известном романе. В России первых десятилетий XX века история распорядилась так, что перед Леоновым выбора «Революция или Бог» не существовало — первая стала фактом. Достоевский — современник и очевидец слома русской жизни сверху, через реформы; Леонов художественно осмысляет другой слом — снизу, революционный, чья главная сила — народ, а оправдание — его интересы. И у него расходящаяся в литературоведении коллизия «интеллигенция и революция» звучит по-иному — «народ и революция». Именно через эту коллизию Леонов подходит к другим идеям Достоевского. О всемирной отзывчивости русского народа, о великой его миссии — отстаивать и в жизнь претворять универсальный идеал раннего христианства, наиболее адекватно сохранённый в Православии. Некоторые из них он развивает дальше и глубже, некоторые преодолевает философски в новых исторических условиях реально-го созидания справедливого общества.

По Леонову, строящийся в России социализм — не помеха, а исторический шанс. Другое дело — как он будет использован. В поисках ответа на этот вопрос — главный болевой нерв всего его творчества. Двухтысячелетняя проповедь христианства, уже «поседевшего от мудрости», оказалась мало продуктивной, «на тяговой силе его мотора сказалась не одна только очевидная в новейших условиях нехватка октанового числа в христианской идее», связанная с игнорированием материальных условий существования. Но и русский социализм,

ограничивая горизонт своих целей только злободневными материальными интересами, без учёта “духовных обстоятельств, в которых мужала и вызревала нация”, может не выдержать экзамена на реализацию “вселенской мечты о золотом веке”. Большевики, пробудившие в русском народе невероятную энергию строительства царства справедливости, самоубийственно отвернулись от христианства, исторически ставшего одним из первоисточников этой идеи. К подобному выводу пришёл и кремлёвский вождь, продираясь к проблеме как практический политик, через анализ конкретной исторической обстановки, явно неблагоприятной для строящегося социализма. Он, понимаемый просто как полное удовлетворение насущных материальных потребностей, в предстоящей схватке со старым миром мотивацией и оправданием неизбежных жертв быть не может.

Леонов, представляется нам, художественно осваивая проблему “народ и революция”, понял главное: русский народ потому и принял её, что увидел в социализме именно возможность реально примирить Небо и Землю, идеальное и материальное начала. Достоевский же социализм отверг; он выдвигает как панацею лозунг “Назад, к Богу!”, зовущий человека к смирению. Как иначе можно истолковать его в конце жизни прозвучавший, страстный призыв: “Смирись, гордый человек!”? Его гениальный “ученик” провозгласил в своём творчестве другой: “Вперёд с Богом!”.

В прологе к роману “Вор”, своеобразном эстетическом кредо сочинителя Фирсова, в раздумье созерцающего пространства Неба и Земли, вдруг обжигает “струйка мысли, оплодотворяя и радуя”. Мысли о том, какой ничтожной пустотой стало бы всё это без людей. “Наполняя собой, подвигом своим и страданием мир, ты, человек, заново творишь его...” Герои Достоевского наполняют мир единственно своим страданием. Сбитые революцией с привычного настроя жизни и быта люди, “голый человек, раздетый от мечты”, – вот кто заселил почти всё леоновское творческое пространство двадцатых и лучший роман тех лет “Вор”. Вполне в духе Достоевского.

Но уже в романе “Соть” главные и любимые герои Леонова – люди мечты, ставшей для них мотивацией, понуждением к конкретному действию, люди созидательного подвига. Есть в них общее – устремлённость ввысь, к звёздам, полёт мысли и дерзание конкретных дел. Метафора горы, горних высей, которые обязан штурмовать человек, мотив полёта как его естественного состояния пронизывают всё творчество Леонова 30–50-х годов.

Но и “бывшие люди”, отброшенные на обочину новым укладом жизни, присутствуют в произведениях писателя этих десятилетий. Их художественная роль – не только контрастный фон для главных, условно говоря, положительных героев. Через них, давая им право голоса, писатель лишает “победителей” монополии на истину, они оппоненты, и порой серьёзные, для строителей новой жизни. Серьёзные не в споре сопротивления, а в споре мысли. И нередко для читателя вопль побеждённого у Леонова убедительнее ликующих возгласов победителей.

Разнонаправленная полифония голосов у Достоевского, приглушившая голос самого автора до невнятности, у его “ученика” Леонова не стала лишь художественным приёмом для максимальной объективности изображения действительности, уходом авторского “я” из повествования. Полифония у Леонова стала и выражением авторской позиции, и способом проверки её на прочность. Так классик XX века развивает ещё одну традицию классика XIX века. Полифонизм разнонаправленных голосов в “Пирамиде” достигает такой концентрации насыщенного раствора, каковой мы не встретим у Достоевского. Тем не менее авторский голос в этом хоре не затерялся, звучит гораздо отчётливее, нежели у учителя, чьи традиции “продолжает” Леонов. В заключительной главе романа, продираясь сквозь “заумную путаницу” футуристических прогнозов, “живых миражей” своего собеседника Никанора Шамина, автор считает необходимым точно обозначить своё отношение к осенившей вождя мысли “о некоторой урезке... нет, не мышления вообще, по утверждению врагов, а только мысли личной в пользу мысли общественной, то есть во благо человеческой популяции в целом” И пусть “передовые мыслители дружно опровергают изложенную выше ересь, считают её болезнью – эта болезнь заразительна”.

В итоговом романе “Пирамида”, самом философском в смысле видения проблем и перспектив развития современной цивилизации, Леонов не изменяет своей высокой юношеской вере в начале творческого пути. Вере в то, что социализм даёт человечеству единственный шанс не опуститься с высот

“в первородный, привычный и тёплый ил”. Потому что ведёт сражение “не только за справедливое распределение благ, а в первую очередь – за человеческую чистоту”. И нет в этом сражении за чистоту лучшего союзника для социализма, чем христианство, а точнее – русское Православие, русская соборность. Высокомерно отвернувшись от этих национальных ценностей, большевики лишили свою власть и народ второго крыла для нового рывка вперёд – веры духовной. И, как следствие, просто обречены были подменить её “наганом как инструментом единогласия”. Мысль поставить заповеди Нового завета в помощь социализму пришла в голову не коммунисту Сталину – она осенила Сталина – практичного политика и государственника.

Ещё одна “знаковая” идея, настойчиво проводимая во всём творчестве Достоевского, – о необходимости и благотворности для человека страдания – объективно не могла увлечь молодого писателя, чьи творческие паруса туго натянул революционный ветер. Она в его творчестве 20-х годов даёт о себе знать в качестве побочного маргинального продукта в отдельных вещах (“Записки Ковякина”, “Провинциальная история”, “Смерть Егорушки”). Впервые равноправно с другими она возникнет в произведениях, связанных тематически с Великой Отечественной войной, – “Взятие Великошумска”, “Нашествие”, “Золотая карета”, “Русский лес”. И возникнет она здесь не как некая внесоциальная онтологическая, по Достоевскому, ценность, а как суровая необходимость, осознанная жертва в годину испытаний, подвиг во имя жизни и веры в идею. Страдание для Леонова тем более не является каким-то обязательно необходимым компонентом жизни. В “Пирамиде” старофедосеевский мыслитель Никанор Шамин даёт слушателям прогнозы о будущем человечества. Среди многих обсуждаемых проблем этого будущего возникает и традиционная для Достоевского. Никанор, адепт новой науки футурологии, разумеется, уверен: люди, прорвавшиеся к звёздам, к тайнам мироздания и жизни, будут являть собою совершенство, построенное “в согласии со всеми кондициями здравого смысла и гармонии”. У его слушателей, да и читателей тоже, всё же возникает сожаление: “Уцелеет ли даже под музейным стеклом на предмет пользования учёных потомков... самодельная кроха нашей нынешней боли?”. Ответ писателя-философа недвусмыслен: “В стерильном обиходе грядущего им, как соли, будет недоставать, пожалуй, щепотки драгоценного страдания”. Но и только.

“Привязка” Леонова к Достоевскому имела некоторые основания в двадцатые годы, когда на его творческом поле работал “заряд старой культуры” и критики выдавали подобные авансы гениальности начинающему автору. Отдадим ещё раз должное провидческому дару М. Горького, уже в 1927 году предостерегшего их от бездумного сопоставления и прямой “привязки” Леонова к Достоевскому как ученика к учителю: “Он – сам по себе”.

Во вступительной статье к последнему прижизненному изданию сочинений Леонида Максимовича в десяти томах (1981) её автор О. Михайлов отдаёт дань сложившемуся ещё полвека назад мнению, называя Леонида Максимовича “продолжателем традиций Достоевского”, а самого Достоевского – “художником, необычайно близким Леонову”. Такова сила литературоведческой традиции – искать учителя или предшественника начинающему мастеру слова, выдавая тем самым критические комплименты новичкам. Ну, новичкам – это понятно. Но навязывать сложившемуся оригинальному автору верность традициям великих предшественников и через пятьдесят лет – не есть ли кощунное утверждение его эпигонства? От частого повторения один и тот же литературно-критический комплимент превращается в свою противоположность. Традиция существует не только для того, чтобы её развивать и обогащать, но и преодолевать, в конце концов. Что и делал Леонид Леонов всю свою творческую жизнь.

Объективности ради отметим, что О. Михайлов в той же статье в явном противоречии с предыдущими оценками называет Леонова “гуманистом и принципиальным оптимистом”, а его творческий метод – “новым реализмом, интеллектуальным и символическим”. И определяет задачи для будущих критиков: “В каких-то леоновских строках имеются ещё не расшифрованные пока чёрные дыры, куда со временем потребуется заглянуть ещё разок”. Написано за десять с лишним лет до издания “Пирамиды”, блестяще подтверждающей эти предположения критика.

*Поздравляем многолетнего автора и друга
Александра Андреевича Проханова
с 85-летием!*

“Страна выходит из беспамятства и начинает “помнить войну”. В войне, которую ведёт сегодня Россия с беспощадным могучим Западом, сражаются не только системы оружия, не только солдаты и генералы, не только военные стратегии и оборонные технологии. На этой войне сражаются образы и смыслы. Необходимо воссоздать образ России — победной и прекрасной, мечтающей о справедливости социальной и божественной. Страны, образ которой незримо присутствует в душе каждого человека в России. Образ, что вспыхивает в минуты предельной опасности и делает обывателя героем, а правителя — светоносным победителем”.

Читайте статью Александра Проханова
“Донбасский период русской истории” на стр. 176.

К 150-летию со дня рождения
Фёдора Ивановича Шаляпина

Великий русский певец, чьи вокальные партии Сусанина, Бориса и Варлаама, Грозного, Варяжского гостя, Мефистофеля, Мельника до сих пор слушаются и на одном дыхании воспринимаются со старых записей, он был и остаётся примером для оперных и камерных исполнителей всех поколений.

“Есть буквы в алфавите и знаки в музыке. Всё вы можете написать этими буквами и начертать этими знаками. Но есть интонация вздоха. Как написать или начертать эту интонацию? Таких букв и знаков нет!”

(Фёдор Шаляпин. “Маска и душа”)